

OCR ALIPPA Alexander ICQ 84715092





Авторы этой книги — известные советские журналисты. **ВАСИЛИЙ ПЕСКОВ** родился в 1930 году в селе под Воронежем. С 23 лет занимается журналистикой. Начиная в областной молодежной газете. Последние 18 лет активно работает в «Комсомольской правде». Главные журналистские интересы Пескова лежат в сфере взаимосвязей природы и человека, взаимосвязей хозяйственных и духовных. В. Песков принадлежит к числу людей подвижных и любознательных. Он много ездил по нашей стране, дважды был в Африке, в странах Индокитая, летал в Антарктиду. Его журналистское творчество проникнуто горячей любовью к Отечеству. Основой нескольких его книг, изданных «Молодой гвардией», являются очерки и фотографии, опубликованные в «Комсомольской правде». За одну из них в 1964 году Василий Песков удостоен Ленинской премии, за другую — премии имени Михаила Кольцова.



БОРИС СТРЕЛЬНИКОВ родился в 1923 году на Волге, детство провел в сибирской деревне, школу окончил на Северном Кавказе. Воевал, был ранен. Позже учился в Центральной комсомольской школе. Работу журналиста начинал в «Комсомольской правде», потом в качестве специального корреспондента «Правды» был послан в Соединенные Штаты. Борис Стрельников — опытный журналист-международник. Его очерки и статьи хорошо известны советским читателям. В издательстве «Молодая гвардия» вышло несколько книг Бориса Стрельникова о жизни Соединенных Штатов. Его работа отмечена орденом Ленина и премией имени Воровского.

В 1972 году В. Песков и Б. Стрельников совершили автомобильную поездку по Соединенным Штатам. Эта книга — результат путешествия и двухлетней совместной работы. Составляющие книгу очерки публиковались в советской Печати (в газетах: «Правда», «Комсомольская правда», в журналах: «Наш современник», «Наука и жизнь», «Вокруг света»).

Вошедшие в книгу очерки «Страна Диснея», «Каньон» и «Большие деревья» подготовлены с участием корреспондента «Комсомольской правды» в Нью-Йорке **АНАТОЛИЯ МАНАКОВА**.

Фотографии для книги сделаны **В. ПЕСКОВЫМ**. Часть снимков взята из американских изданий.

Оформил книгу и сделал для нее рисунки художник **БОРИС ЖУТОВСКИЙ**.

В. Песков,
Б. Стрельников

ЗЕМЛЯ ЗА ОКЕАНОМ

МОСКВА
«молодая гвардия»
1975

содержание

на корабле «земля» (7)

Предисловие к путешествию

РЯДОМ С ДОРОГОЙ

ДОРОГА (15)
ОТ ВАШИНГТОНА
ДО ВАШИНГТОНА (21)
РАСФАСОВАННЫЙ МИР (30)

ДЕЛО ВКУСА (36)

ЛУЧШЕ БЫТЬ ЗДОРОВЫМ... (44)

ОТ КОЛЫБЕЛИ
И ДО СЕДИН... (52)

СОЛОВЬИ И ЧЕРЕМУХА (57)

НЕДАВНЯЯ СТАРИНА (65)

ЧТО ВСТРЕТИЛОСЬ... (69)

Образы, прозвища... (30) Техас и
«Маленький Роди» (31) Бог реклама
(33)

Дорожный стол (36)
Штаны с заплаткой (38)
Ночлег (40)
Праздники (41)

Сколько стоит аппендицит? (44)
От выстрела до выстрела... (47)

Как учат «плавать»... (52)
Жизнь на колесах (54)
Предприниматель (55)

Популярность (59)
Смеяться полезно (60)
Увлечения (62)

«Забывать?.. Черта с два!» (65)
«Главная улица» (67)

Два колеса (69)
Яблоко из пластмассы (70)
Подсолнух (71)
Бобры (72)
В горах (73)

БУДЕМ ЗНАКОМЫ...

«ЗАДЕРЖИТЕСЬ НА ЧАС...» (77)
ЧЕЛОВЕК ОТ ЗЕМЛИ (82)
МОЛЧАЛИВЫЙ ПОПУТЧИК (89)
ЭЛЬБА У МИССИСИПИ (94)

ЗА КУЛИСАМИ СЛАВЫ (97)
КОВБОИ КАК ОНИ ЕСТЬ (102)
В ГОСТЯХ У СЕТОН-
ТОМПСОНА (106)

НАХОДКА КОЛУМБА

ДЕВСТВЕННАЯ ЗЕМЛЯ (115)
ТРЕВОГА (125)
У ОГНЯ (130)
ГОЛОС СОВЕСТИ (140)

БЕЛЫЕ ЖУРАВЛИ (146)
ПОЧЕМУ ЗАКОПАЛИ
АВТОМОБИЛЬ (154)
ВЕЛИКИЕ ОЗЕРА (158)

ЗЕЛЕННЫЕ ОСТРОВА

ПЕШКОМ ПО ШТАТАМ (167)
НИАГАРА (175)
«ЗЕЛЕНЫЙ КВАДРАТ» (180)
БОЛЬШИЕ ДЕРЕВЬЯ (187)
КАНЬОН (191)
МУЗЕЙ ПОД НЕБОМ (196)
УВИДЕТЬ ЗВЕРЯ... (201)

УСЛЫШАТЬ ПТИЦУ... (206)
КОРЕННЫЕ АМЕРИКАНЦЫ (210)
Индейка (210)
Скунс и гремучка (212)
Опоссум и ассапан (215)
ПУЩЕ НЕВОЛИ... (218)
МУСТАНГИ (224)

ВАШИНГТОН И ГЛУБИНКА

ГОРОД НА ПОТОМАКЕ (231)
ЖУРНАЛ-
ПУТЕШЕСТВЕННИК (243)
СТРАНА ДИСНЕЯ (249)
РАВНИНЫ (254)

У ИНДЕЙЦЕВ ЮЖНОЙ
ДАКОТЫ (263)
МИССИСИПИ (268)
ПУСТЫНЯ (279)



на корабле «ЗЕМЛЯ»



Сейчас вы прочтете ответы на простые вопросы двух молодых людей, двух студентов: американки СЮЗАННЫ ЛЕДЯРД и москвича ВИКТОРА ПОПОВ-НИНА. Но прежде эти слова: «Мы странствуем все вместе, *мы* обитатели маленького космического корабля и зависим от его столь легко уязвимых запасов воздуха и почвы; нам вверена ответственность за нашу и его безопасность, ответственность за мир; от полного уничтожения нас спасают лишь наш труд, наше бережное отношение и, я бы сказал, наша любовь к этому хрупкому суденышку». Это сказано о Земле. Точное, емкое слово сказал американец Эдлай Стивенсон. А вот слово о Земле человека сравнительно молодого: «Там, в космосе, делаешь главное открытие для себя: Земля очень маленькая... И вдруг стыдно становится оттого, что эту планету ты, житель ее, не очень уж хорошо знаешь...» Это сказал космонавт Виталий Севастьянов. Отдадим должное скромности космонавта — у него своя мера знаний. А что знаем о Земле мы, простые пассажиры этого корабля? Собираясь в путешествие по Америке, мы задали этот вопрос себе. И честно признаемся: Америку-землю пришлось открывать сначала по книгам, в том числе по обычным учебникам. А молодые читатели, которым *мы* собираемся рассказать о природе Америки? Один из нас взял «пробу» в Москве. Многие Америку представляли большой страной, едва ли не сплошь застроенной небоскребами. Вашингтонская «проба» показала: знают, что есть Москва, все остальное представляют «большим пространством». А не провести ли детальный опрос? Не для выяснения «большой истины», как это делают специальные институты, а хотя бы в порядке журналистского любопытства. Вопросы предельно простые, посильные выпускнику средней школы. Но для опроса взяли студентов. Факультет — географический. Курс — первый. Это предполагает специальный интерес к природе Земли, но знания еще не специальные, а полученные собственной любознательностью.

В Москве на наши вопросы отвечал студент МГУ Виктор Поповнин. Возраст — 18 лет. Среднюю школу окончил в Москве в 1971 году. Мать — библиотекарь, Отец — шофер. Географию любит. Как успевающий получает государственную стипендию. После окончания университета хотел бы заниматься наукой.

В Вашингтоне (Мэрилендский университет) с большим интересом отнеслись к нашей затее. Однако профессор географии Луис Розентол выразил опасение, что большинством ответов будет: «Не знаю»

— Для наших Америка — центр вселенной. Все, что не дома, мало кого волнует.

— Ну выберите лучшего знатока географии...

Выбор пал на Сюзанну Леядрд. Возраст — 21 год. Среднюю школу окончила в 1968 году в городе Ваусеон (штат Огайо). Мать — сотрудник института медицины. Отец занят в торговле. Родители разведены. Из-за материального положения три года Сюзанна работала. В университет поступила в 1971 году. Географию любит. «На втором курсе буду специализироваться только по географии... Но чувствую себя непрочно — на учебный год надо иметь две тысячи долларов (800 долларов — плата за учебу и книги, 1200 — питание и жилье)». После учебы Сюзанна собирается стать учителем географии либо инструктором по охране природы в национальных парках.

Короткая справка о Мэрилендском университете Он расположен в окрестностях Вашингтона и представляет собою студенческий городок. Университет дал миру несколько нобелевских лауреатов. Тут создавался первый американский спутник Земли. Профессора и студенты известны в США активными выступлениями против войны во Вьетнаме.

Теперь опрос, или, вернее сказать, беседа. В Москве ее провел корреспондент «Комсомольской правды» в присутствии доцента географического факультета Григория Михайловича Игнатьева, студентов Натальи Шленовой, Михаила Коняхина и редактора журнала «Вокруг света» Анатолия Никонова.

В Мэрилендском университете беседу провели корреспондент «Правды» и атташе советского посольства в Америке Виктор Лищенко в присутствии профессора географии Луиса Розентола, профессора-картографа Джозефа Уидела и помощницы профессора картографии Карен Пирсон.

Вопросы заранее не сообщались. Возможность подумать над каждым вопросом — пять минут. Ответ фиксировался таким как он был произнесен. Там, где ответа не было, ставилось: «Не знаю». Мы решили: интереснее выйдет, если каждый ответ будет двойным. Одна часть касается США, другая — СССР (для Виктора). И для Сюзанны: первая часть ответа касается СССР, другая — «своего дома», США.

Итак, вопросы — ответы.

— НАЗОВИТЕ ХОТЯ БЫ
ПРИБЛИЖЕННО РАССТОЯНИЕ
ОТ МОСКВЫ
ДО ВАШИНГТОНА...

Сюзанна: Это, конечно, более трех тысяч миль...
(миля — 1600 метров). Виктор: Примерно десять тысяч
километров.

— СЕЙЧАС ПОЛДЕНЬ.
НАЗОВИТЕ, КАКОЕ ВРЕМЯ
(И КАКОГО ДНЯ)
СЕЙЧАС В МОСКВЕ
(ВАШИНГТОНЕ).

Сюзанна: Я думаю, в Москве сейчас время сна
и скоро начнутся новые сутки.
Виктор: В Вашингтоне четыре часа утра. Число
то же самое.

— КАКОВА ШИРИНА
ПРОЛИВА, РАЗДЕЛЯЮЩЕГО
ЧУКОТКУ И АЛЯСКУ?

Сюзанна: Сто миль.
Виктор: Сто двадцать километров.

— НАЗОВИТЕ ТРИ КРУПНЫХ
ГОРНЫХ ГРЯДЫ.

Сюзанна: В СССР — Альпы. Больше не знаю. В США —
Аппалачи, Скалистые горы, Дымные горы.
Виктор: В США — Аппалачи, Скалистые горы, Сьерра-
Невада. В СССР — Кавказ, Урал, Крым.

— ТРИ КРУПНЫХ РЕКИ.,

Сюзанна: В СССР — не знаю. В США — Миссисипи,
Огайо, Колорадо.
Виктор: В США — Миссисипи, Миссури, Колорадо. В
СССР — Волга, Днепр, Енисей.

ТРИ КРУПНЫХ ОЗЕРА.

Сюзанна: В СССР — не знаю. В США — Тахо, Солт-Лейк,
Мичиган.
Виктор: В США — Верхнее, Мичиган, Онтарио В СССР —
Каспийское, Аральское, Байкал.

— НАЗОВИТЕ ОДНУ
ПУСТЫНЮ.

Сюзанна: В СССР — не знаю. В США — Долина смерти.
Виктор: В США — Калифорнийская пустыня. В СССР —
Каракумы.

— НАЗОВИТЕ ТРИ БОЛЬШИХ
И ТРИ МАЛЕНЬКИХ ГОРОДА

Сюзанна: В СССР — Москва, Ленинград... Больше не
знаю. В США — Нью-Йорк, Вашингтон, Лос-Анджелес.
Маленькие: Ваусеон (мой родной город), Дин (штат
Пенсильвания), Джуана-Бич (Флорида).
Виктор: В США — Нью-Йорк, Филадельфия, Лос-
Анджелес. Маленькие: Лос-Аламос, Ки-Уэст, Москва
(штат Айдахо). В СССР — Москва, Ленинград, Баку
Маленькие: Химки (чаще всего там бываю), Измаил,
Гусь-Хрустальный.

— ПРОТЯЖЕННОСТЬ СССР И
США С ЗАПАДА НА ВОСТОК?

Сюзанна: СССР — четыре с половиной тысячи миль. США — три
тысячи миль

Виктор: США — восемь тысяч километров. СССР —
тринадцать тысяч километров

— НАЗОВИТЕ ТРИ
ХАРАКТЕРНЫХ ДЕРЕВА.

Сюзанна: в СССР — сосна, клен, дуб. В США — дуб, сосна,
клен.

Виктор: В США — секвойя, клен, береза. В СССР — береза,
дуб, лиственница.

— ТРЕХ ХАРАКТЕРНЫХ
ЖИВОТНЫХ.

Сюзанна: в СССР — олень, заяц, белка. В США — заяц, олень,
белка.

Виктор: В США — бизон... Не знаю. В СССР — медведь, волк,
заяц.

— ТРЕХ ХАРАКТЕРНЫХ
ПТИЦ.

Сюзанна: в СССР — голубь, воробей, скворец. В США — голубь,
воробей, пурпурная ласточка.

Виктор: В США — орел, ворона, утка. В СССР — соловей,
жаворонок, воробей.

НАЗОВИТЕ ТРИ ИЗВЕСТНЫХ
ВАМ ЗАПОВЕДНИКА
(НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРКА).

Сюзанна: В СССР — не знаю. В США — Шенандоа,
Эверглейдс, Йосемитская долина.

Виктор: В США — Йеллоустонский национальный парк,
Йосемитский... Не знаю. В СССР — Беловежская Пуца,
Аскания-Нбва, Баргузинский заповедник.

— НАЗОВИТЕ ТРЕХ
РЕДКИХ ОХРАНЯЕМЫХ
ЖИВОТНЫХ.

Сюзанна: В СССР — не знаю. В США — белоголовый орел,
цапля, бизон

Виктор: В США — бизон, олень... Не знаю. В СССР — зубр,
бобр, фламинго.

— НАЗОВИТЕ ТРЕХ
ИЗВЕСТНЫХ ВАМ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ.

Сюзанна: В СССР — не знаю. В США — Альберт Швейцер,
Давид Ливингстон, Ричард Бэрд.

Виктор: В США — Пири... Не знаю. В СССР — Миклухо-
Маклай, Пржевальский, Беллинсгаузен и Лазарев. (Не
могу разделить две эти фамилии.)

— НАЗОВИТЕ ХОТЯ БЫ
ОДНОГО КРУПНОГО
УЧЕНОГО-
ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЯ
(ЗООЛОГА, ФИЗИОЛОГА,
БОТАНИКА).

Сюзанна: В СССР — не знаю. В США — Одиубон. Виктор: В
США — не знаю. В СССР — Павлов.

— НАЗОВИТЕ ПИСАТЕЛЯ,
ХУДОЖНИКА, ПОЭТА,
В ТВОРЧЕСТВЕ КОТОРЫХ
ВОСПЕТА ПРИРОДА.

Сюзанна: В СССР — Достоевский... Не знаю. В США —
Рейчл Карлсон... Не знаю

Виктор: В США — Джек Лондон... Не знаю. В СССР —
Тургенев, Айвазовский, Кольцов.

— НАЗОВИТЕ ТРЕХ
ИЗВЕСТНЫХ ВАМ
КОСМОНАВТОВ.

Сюзанна: В СССР — Гагарин... Не знаю. В США — Джон
Гленн, Алан Шепард... Еще забыла.
Виктор: В США — Армстронг, Борман, Гленн. В СССР —
Гагарин, Комаров, Николаева-Терешкова.

- НАЗОВИТЕ ХОТЯ БЫ ОДНУ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ
СТАНЦИЮ В АНТАРКТИДЕ.

Сюзанна: Я ничего об этом не знаю. Виктор: Станция
США — «Амундсен — Скотт». Станция СССР — «Мирный».

- НАЗОВИТЕ ХОТЯ БЫ ОДИН
НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК,
СВЯЗАННЫЙ С ПРИРОДОЙ,
С ВРЕМЕНЕМ ГОДА.

Сюзанна: В СССР — не знаю В США — День благодарения.
Виктор: В США — рождество. В России — масленица.

— ЧИСЛО ШТАТОВ
В АМЕРИКЕ, ЧИСЛО
СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК
В СССР?

Сюзанна: В СССР — пять союзных республик. В США —
пятьдесят штатов.
Виктор: В США — пятьдесят штатов. В СССР —
пятнадцать союзных республик.

НАЗОВИТЕ ПЯТЬ ШТАТОВ
И ПЯТЬ СОЮЗНЫХ
РЕСПУБЛИК.

Сюзанна: В СССР — Сибирь... Больше не знаю. В США
— Огайо, Индиана, Иллинойс, Пенсильвания, Мэриленд.
Виктор: В США — Флорида, Аризона, Юта, Небраска,
Висконсин. В СССР — Россия, Украина, Грузия, Эстония,
Таджикистан.

— КАКИЕ СИМВОЛЫ
ПРИРОДЫ ИСПОЛЬЗОВАНЫ
В ГЕРБАХ США И СССР?

Сюзанна: В гербе СССР — не знаю. В гербе США —
белоголовый орел.
Виктор: в гербе США — не знаю. В гербе СССР —
солнце, колосья пшеницы.

— НА КАКОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ
РЕКЕ ВСТРЕТИЛИСЬ
СОВЕТСКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ
СОЛДАТЫ, РАЗГРОМИВШИЕ
В МИНУВШЕЙ ВОЙНЕ
ФАШИЗМ?

Сюзанна: На Рейне.
Виктор: На Эльбе.

Правда, ведь любопытно?.. Любопытно сравнить
ответы, любопытно проверить: а как бы я сам? Все,
наверно, заметили, Сюзанна и Виктор далеко не
всегда попадали «в десятку». Есть ответы
приблизительные, ошибочные, смешные. Часто ответа
нет вовсе. Мы было решили снабдить опрос
комментарием, дать оптимальные ответы «третьего
человека», но, подумав, остановились. Пусть
каждый сам посидит вечер над картой, пороется в
книгах и в памяти — вопросы-то очень простые.

Профессор Луис Розентол, послушав Сюзанну Ледярд, сказал, что не менее восьмидесяти процентов американских студентов ответят примерно так же.

Доцент МГУ Григорий Михайлович Игнатьев ответами Виктора был доволен, но заметил: «Большая часть студентов отвечала бы хуже». Вот и выходит: космонавт Севастьянов не зря вздохнул. Планета Земля изучена, «белых пятен» на ней почти не осталось. И все же Землю большинство из нас знает неважно.

Пройдясь по Луне, увидев, как выглядит с близкого расстояния Марс, и глянув на Землю со стороны, человек вдруг с особенной ясностью осознал: во вселенной для жизни людей нет места, кроме Земли. И, возможно, по этой причине в последние годы особенным стал интерес к своей планете, ко всем ее уголкам и пространствам. Этим естественным интересом мы руководствовались, собираясь в путешествие по Америке.

Примерно с год мы сидели над книгами, справочниками и картами. Запасались рекомендательными письмами. Уточняли маршрут, хлопотали о визах. Время от времени мы созванивались, задавая друг другу много разных вопросов (телефонная слышимость между Москвой и Вашингтоном хорошая).

В мае 1972 года мы наконец встретились в Вашингтоне. Но в дорогу не тотчас тронулись. Надо было тщательно обсудить все детали маршрута. Надо было позвонить (предупредить о приезде) в разного рода учреждения, научные центры, забронировать место в гостиницах. И, самое главное, почти две недели мы работали в Вашингтоне: посещали музеи, лаборатории, ведомства по охране природы, встречались с учеными, журналистами и просто бывальыми американцами, которые могли помочь нам советом.

Путь предстоял неблизкий, и надо было хорошо подготовить к поездке автомобиль, тщательно перебрать багаж — выложить все ненужное и не забыть ничего важного.

Сюзанна Ледярд и Виктор Поповнин в эти дни готовились к летним экзаменам. Для нас путешествие тоже было экзаменом. Мы ведь не только собственное любопытство удовлетворяли. Мы обязаны были рассказать об увиденном. Самой важной частью багажа были фото пленка, пять фотокамер, магнитофон, два десятка чистых блокнотов и путевые карты.

19 мая 1972 года утром мы тронулись в путь.





Чувствуем: Юле проще бы разреваться, но она улыбается.

— Ребята, пожалуйста, берегите себя... — Протянула в окошко цветущую ветку, встряхнула, и лепестки остались на нашей карте. Пахучие розоватые лепестки.

В такой же цвет на карте окрашены штаты Вайоминг, Невада, Канзас, Индиана, Нью-Мексико. Другие штаты окрашены в желтый, серый, коричневый цвета. Красные жилки дорог. Наш путь на карте — прозрачный зеленый шнурок. На бумаге — это сущий пустяк. Распрями весь шнурок — будет примерно два метра. По земле же, чтобы опять вот тут, у дороги, увидеть Юлю, надо проехать примерно пятнадцать тысяч километров.

Десять утра. В Москве сейчас вечер. Поехали...

Всякое путешествие долго еще продолжается после того, как закончилось. И в этом продолжении есть этапы. Первый — самый короткий — ответ на вопросы. Сначала на легкие: «Ну, как они там, жуют резинку, стреляют?» Это все мимоходом, шутя. Потом вопросы серьезней, уже за столом. Тут неизбежны сопоставления: «А у нас... А у них». В этот момент идет раздача гостинцев. Одному галстук, другому книжка, третьему шишка величиной с орех, но от дерева «толщиной в эту комнату», четвертому шишка сосновая, но размером с детскую голову. Полицейская дубинка. Камень из Большого Каньона. Звезда шерифа. Полотенце в виде доллара. Металлический доллар с головой покойного Кеннеди. Ковбойская шляпа. Бутылка с питьем. Сигареты. Крючки и лески... Облегченно вздыхаешь, когда на дне чемодана оста-



дорога



лись только блокноты и мешок с пленкой

Проявка и просмотр пленок — повторение путешествия. Дело приятное, но, к сожалению, долгое. Из нескольких тысяч кадров ты должен выбрать сотню-другую удачных, остальные безжалостно бросить в корзину. Это заставляет каждую пленку просматривать через стеклышко.

И самое трудное — продрахать сквозь дебри блокнотных пометок. Все делалось на ходу: в машине, во время бесед, в гостинице перед сном. Все надо бережно перебрать, прояснить, разложить на нужные полки. И вот теперь, определяя порядок отчета о путешествии, на первое место ставишь саму дорогу и ощущение, названное Твардовским удивительно емко и точно: за далью даль.

За далью даль... Это чувство земли, чувство пространства, это погоня за убегающим горизонтом. Нас, знающих землю от Балтики до Камчатки, простором не удивишь. И все же первое, что надо сказать об Америке: огромное пространство! Самолет не способен родить это чувство, а машина рождает. День за днем, день за днем... Меняется облик земли, меняются люди, меняются небо и облака... А дороге все нет конца. Это Америка, Соединенные Штаты...

У Вашингтона земли слегка всхолмленные. Молодая жирная зелень подступает к дороге. Красного цвета трактор ворочает рыжеватую землю под кукурузу. Стадо без пастуха. Аккуратные разноцветные домики, возле которых все подстрижено, проутюжено и, кажется, даже одеколоном побрызгано. Почтовые ящики вдалеке от домов у дороги Почтальон прямо из автомобиля сует газету... В дорожных записках всегда таится опасность перечислений: вижу то, вижу это. Но поскольку даже все интересное перечислить никак невозможно, оставим пока летящие мимо пейзажи и обратимся к машине, в которой *мы* двое сидим, пристегнувшись, как в самолете, ремнями.

Владелец машины — «Комсомольская правда». Город прописки — Нью-Йорк. Номерной знак по мере удаления от Нью-Йорка будет возбуждать любопытство. В штатах Айдахо

Или Вайоминг простодушные восклицания: «Боже мой, из Нью-Йорка! Вот занесло!» В Техасе и в штатах у реки Миссисипи интонации были другими. В южных штатах путешественник из Нью-Йорка — это смутьян, вольнодумец, негролюб, почти что «красный». В южных штатах надо было дважды подумать, прежде чем затеять с кем-нибудь разговор, особенно вечером...

Собрали нашу машину на конвейере Форда в Дирбоне. Не того старика Форда, который и подарил миру конвейер, а внука, в честь деда нареченного Генри. Говорят: самобытным талантом старика прародителя нынешний Форд не владеет. Однако налаженный механизм фирмы не продрог на ветру конкуренции. Наша модель имеет звучное имя «гранд-торино». Этот коричневый зверь, мягко приседающий на рессорах, — одна из новых машин. Мы сели в нее с опаской. Недели за две до этого Форд объявил: «250 тысяч автомобилей новой модели отзывается на завод». Форд спасал репутацию — заменял какую-то из деталей. В мастерской, куда мы пришли за советом, машину тщательно осмотрели, укрепили что-то в заднем мосту. «Прислушайтесь. Появится подозрительный звук — немедленно остановитесь».

Забежим вперед и скажем: подозрительных звуков не появилось. Один только раз в Скалистых горах машина заглохла, но причиной тому была высота, при которой и человеку несладко. Исправно работал аэрокондишен. Проезжая по снежным туннелям Вайоминга, задрвав окна, мы сидели в летних рубашках. А в Неваде, Юте и Аризоне этот же агрегат надежно защищал от пустынного пекла.

Пару слов о ремнях. Привязными ремнями в Соединенных Штатах сейчас оборудован каждый из новых автомобилей. В нашей «торино» они удобнее самолетных. Отстегнул замок, ремень — жжик... и юркнул в щелку сбоку сиденья. Включил мотор, но забыл пристегнуться — загорается красный свет, и в машине начинает противно жужжать сигнал. Ремни — хорошее средство намного

обезопасить сидящих в автомобиле. Мы убедились в этом, видя перевернутые вверх колесами «форды» и «шевроле» и невредимых людей: были пристегнуты.

Америка едет быстро. 110 километров — нормальный режим дороги. Триста сорок лошадиных сил мотора «торино» могут понести и вдвое быстрее, но дорожная служба строго следит, чтобы стегали не всех лошадей. В штате Огайо нас вполне справедливо прищучил местный орудовец. Спаса бумага из «Комсомолки» со словами: «Все, кого это касается...» В ней говорилось, что двое русских путешествуют по Америке и что просят им помогать. Убеждаемся: в любой части света бумажка — вещь нужная. Полицейский смягчился, улыбнулся даже: «Езжайте. Но помните, американцев я бы оштрафовал». И точно, оштрафовал бы по строгой и очень простой системе — доллар за каждую из превышенных миль. Снисхождение портит людей. Несколько раз после этого мы соблазнились сэкономить часок-другой за счет скорости по хорошей дороге.

Дороги в Америке очень хорошие. Дороги — лучшее, что есть в Америке, говорят сами американцы. И это правда. На карте (ее дают бесплатно на любой заправочной станции) вся территория в красных и черных жилках дорог. Карта может, правда, и обмануть. Но обман этот — чаще всего приятный сюрприз. На севере Юты мы зазевались и проскочили нужный нам поворот. Чтобы лопасть на «зеленый шнурок», надо было проехать миль пятьдесят по дороге, обозначенной редким для Америки словом «земляная» (проселочная). Мы загрузили. И зря. Дорога была бетонной. С иголки новая. Устарела карта, выпущенная в прошлом году.

Несколько раз мы останавливались посмотреть, как строят дороги. Обычно об этом предупреждают. Живой человек (или пластмассовый манекен) ритмично машет красным флажком: осторожно — объезд! Объезд так же хорош, как и сама дорога. Обязательно видишь надпись на съезде: «Извините, что задержали, — строим для вас». Стройка немногочисленна. Ручного труда — один-два про-

цента. Наготове много разных машин, огромных и маленьких, которые действуют с конвейерной очередностью.

Избежим технических описаний: «дорога в разрезе». Слоеная лента имеет в меру всего, чтобы жить долго и без ремонта: песок, гравий, щебень, бетон, разного рода прокладки, присыпки. Дело дошло до резины и пластика. К такой дороге американский автомобиль привязан, как паровоз к рельсам. Проселок где-нибудь под Можайском, проходимый «Волгой» и «Москвичом», для нашей «торино» был бы погибелью.

Дороги, известно, — вещь дорогая. Одна миля — один миллион долларов. Однако никакой агитации — давайте строить дороги! — в Америке нет. Все диктуется выгодой. Выгода очевидна. Кровеносная система бетонных линий достигает всех жизненно важных точек страны. Сельскохозяйственные районы срединной Америки пустыни с точки зрения плотности населения. Но все они в сетке дорог. Нетрудно понять: все, что дает земля, погибнуть не может, все быстро вывозится к местам потребления.

Огромные (с железнодорожный вагон) серебристые траки обгоняют тебя и мчатся навстречу со скоростью, создающей воздушный хлопок. Скот, хлеб, фрукты и овощи, промышленные товары, еда и питье, разлитое по бутылкам и банкам, — все, что бежало недавно по рельсам, бежит теперь по бетону. Выгодней! А рельсы (их положено по Америке тоже немало) во многих местах ржавеют. Между шпалами растут травы. Всего один раз мы видели пассажирский поезд. Маленький, жалкий, с шестью вагонами. Экспрессы, носившие громкие имена: «Строитель государства», «Великий вождь», «Звезда Запада», «Калифорнийский зефир», «Жаворонок», или уже на приколе, или дают прощальный гудок. Космонавт Уолтер Ширра, появляясь время от времени на стекле телевизора, бросает железнодорожным компаниям спасательный круг. Раза два мы видели космонавта. Он стоял, широко расставив ноги на шпалах, и голосом «настоящего мужчины» и патриота говорил с Америкой:

«Железные дороги... Кому они нужны? Они нужны мне. Они нужны вам. Они нужны всем». Увы, Америка слушает это, сидя в автомобиле. Бетон победил рельсы

За проезд по дороге в Америке надо платить. Способ взимания денег различен. Часто «а дороге видишь ворота. В воротах сидит человек. Ты ему доллар, он тебе — «путь открыт». (Успеваешь, если того пожелаешь, и квитанцию дать.) Примерно такой же порядок на дороге, построенной каким-нибудь штатом. Федеральные (государственные) дороги широкие, как взлетные полосы современных аэродромов. Тут нет светофоров, нет 'перекрестков, нет даже рекламы по сторожам, нет ничего, что мешало бы двигаться. Название дороги: фривей (свободный путь). Свободный путь тоже платный. Но ворот тут не увидишь. Покупаешь бензин — за каждый галлон лишних полтора цента. На резину тоже налог — на каждый килограмм. Грузовик покупаешь, десять процентов цены — плата вперед за дорогу. «Ваши налоги работают!» — эту надпись мы видели всюду, где строят дорогу.

Человек на дороге... Пешехода на дороге или рядом с дорогой не встретишь. Только автомобили. Изредка видишь мотоциклиста. Сидит прямо, за очень высоким рулем, даже слегка откинут назад, оперся на специальную спинку. Одет небрежно. Длинные волосы отданы ветру. На машину взирает с неким презрением, примерно так же, как наш турист смотрит на дачника. Кстати, именно дачники, но «колесные», во множестве движутся в летнюю пору по дорогам Америки У машины сзади домик-прицеп. Папа с мамой в машине, а ребяташки, лежа на откидных кроватях, «открывают Америку» через оконца прицепа. В штате Кентукки мы имели возможность увидеть, что происходит с колесной дачей, если сидящий за рулем папа хотя бы чуть оплошал. Картина была «живописной». Голубая машина — в гармошку, «дача» — в полной исправности, но стоит почему-то не сзади, а впереди. Толпа зевак в центре — помятый, лишенный речи глава семьи, простоволосая мама в ночном халате,

двое мальчишек и девочка в синяках и полицейский, поздравляющий потерпевших: «Я, сэр, восемнадцать лет на дороге. Прицеп по воздуху, через машину... и невредимый! Это, сэр, невозможное дело. Об этом, сэр, напишут газеты». Но пострадавший не хотел, чтобы Америка знала о редкой удаче. Пострадавший был крепко выпивши. Когда дело подошло к протоколу, толпа, как это случилось бы и у нас, мгновенно растаяла.

— Может, вас я могу записать?

Мы сказали: пожалуйста. Но когда полицейский узнал, как далеко от штата Кентукки проживают свидетели, он с миром нас отпустил. Но окликнул:

— У вас, я слышал, тоже бывает? —

Полицейский выразительно щелкнул пальцем по шее.

В год на дорогах Америки гибнет в среднем 60 тысяч человек. Покалеченных более миллиона. Причина аварий: превышение скорости, неисправность машины, усталость и алкоголь. «Не спи, будь живым!», «Бензин и алкоголь несовместимы!» — напоминают щиты у дорог. Однако многие совмещают. В городе Шеридан мы видели человека, который шел, обнимая воображаемую подругу, с трудом отыскал на обочине свой красный «пикап», с трудом вполз на сиденье... и все же поехал! Мы проследили: в общем потоке поехал! Полицейский, чтобы определить степень «намащенности», нередко будто бы невзначай роняет водительские права. Сумеет шофер их поднять, наказаньем, возможно, будет только внушение. А если уж нет, тогда штраф, и немалый Будешь артачиться, сумма тут же удвоится.

И все же, надо сказать, водитель в Америке аккуратный. Значительно аккуратнее нашего. Он, американский водитель, правда, может, выбираясь со стоянки, бесцеремонно растолкать (в буквальном смысле) стоящие рядом машины. (Стоянки и дорожные пробки вблизи городов — в Америке сущее бедствие!) Зато уважение к дорожному знаку безоговорочное (исключая разве что цифры дозволенных скоростей). При сплошном автомобильном засилье просто трогательно

выглядит внимание к пешеходу. Пешеход зазевался, для потока автомобилей зажегся зеленый, но весь поток ждет, пока человек достигнет тротуара Школьников через трассу переводит специально школой нанятый человек, или же службу эту поочередно несут сами школьники, облаченные в оранжевые жилеты. Каждый шофер зорко следит за этой фигуркой в оранжевом, ибо нет греха большего, чем сбить малыша.

Сама дорога помогает водителю избегать неприятностей. Знаки на ней четкие, ясные. Ритмично повторяется номер дороги. Глянешь на карту — и там этот номер. Значит, правильно едем. Там, где в дорогу вливается новая, номер ее сохраняется и будет стоять на щите под номером основным. (Пути, ведущие к фермам, в отдельных штатах обозначены буквами.) Дорога предупредит о приближении городка, заправочной станции. Сказано будет просто: «Бензин и еда — две мили».

Езда утомляет. Время от времени надо выйти, размяться, подышать воздухом. Рядом с дорогой зеленеют лес и луга. Но никому в Америке а голову не придет остановиться где захотелось, посидеть на траве, разложить пакеты с едой, развести костер или в лес углубиться в поисках земляники. Частная собственность! Всюду параллельно дороге бежит колючая проволока. Но если и нет загородки, все равно с дороги никто не сойдет. Если остановилась машина (для этого рядом с бетоном есть узкая резервная полоса), значит, экипаж терпит бедствие. Смотришь, и в самом деле: капот открыт, носовой платок на антенне. Это сигналы «SOS».

Но ведь надо же где-то передохнуть! Дорога километра за три об этом тебе сообщит: «Зона отдыха». Лужок с половиной футбольного поля. Столы на козлах. Печка, где можно поджарить сосиски, разогреть что-нибудь. Колодец. Баки для мусора. Туалет. Телефонная будка, из которой с любого участка пути можно позвонить в Вашингтон, Юле, сказать ей: «Все в порядке, мы в штате Айдахо». А до Юли от будки под елкой — три тысячи километров...

Дороги в Америке чистые. Можно сказать, безукоризненно чистые. Редко встретишь по сторонам отбросы, бумаги, банки, окурки. «Держи Америку в чистоте!» Этот призыв встречаешь повсюду. Несомненно, он действует. Но так же часто встречаешь строгий и лаконичный щит: «За мусор — 100 долларов!» Это действует сильнее, потому что повешено не ради острастки... Соблюдая порядок, на заднем сиденье нашей «торино» мы завели картонный ящик, куда и кидали отходы дорожного быта: комки газет, фольгу и бумагу от пленки, молочные пакеты, облатки резиновой жвачки. И ей-ей, это совсем не трудно — не мусорить на дороге.

В машине мы рядом. Один за рулем, другой сверяет дорожные знаки с картой, разложенной на коленях. Наготове три фотокамеры. Для снимка надо остановиться. Вылезли на минуту, а стоим полчаса — возник разговор, объект съемки оказался фотогеничным, открылись подробности обстановки, любопытной для чужестранца. Но время... Оно расписано. В плане — места, где нас ожидают. Время обозначено с точностью да минуты. (В Америке точность в почете. У Но ведь известно: в путешествии интересней всего неожиданность, то, что ты не планировал... Экономил время на сквозных магистралах: торнпайках, трювях, фривеях. Это скоростные супердороги. Но тут ничего уже не увидишь, кроме самой дороги, широкой и властной. Стал на нее — гони! Резко остановиться невозможно и незачем. Скоростные дороги удалены от жилищ. Америку видишь проплывающей стороной, подобно тому как видишь берег с борта идущего по широкой реке парохода. По такой дороге можно быстро пролететь по Америке и Америки не увидеть...

А теперь представьте, что этот «щучий изгиб» летит не в просторах, где видишь нефтяные качалки, стада коров, элеватор, одинокую лошадь на холмике, а врывается в самую гущу домов, в один из самых больших на земле городов, в самый запутанный и бесформенный город, в горячий от южного солнца, дымный от сгустка заводов, в пот-

ный от спешки город — в Лос-Анджелес. Десятирядный путь. Сплошная лавина автомобилей. Ощущение такое, что река из бетона, быстрая, но все же спокойная, тут превратилась в бурлящий горный поток и ты уподобился плотгону. Надо где-то остановиться, но проглядел ручеек съезда, и несет тебя бог знает куда. Глаза слезятся от розоватого смога, горячие капли струятся со лба на карту... Пробка! Чей-то черный дорогой «Кадиллак» занесло. Его ударили в бок. Кого-то ударили сзади. Ехавший перед нами красный «Фольксваген» со страху рванул вправо, ткнулся в стальную полосу ограждения и замер, как жучок на булавке. Помогаем выбраться из «Фольксвагена» здоровенному бородатому парню. Ветерка бы, чистого воздуха... Завывание санитарной машины. Полицейский грузовичок с краном. А сзади автомобильный затор, подобный лавине бревен на лесосплаве. В такие минуты задаешься вопросом: а благо ли это для человека — автомобиль?

Для нашей машины в долгом пути были часы и мгновения трудные, даже опасные, но десятка три километров в безбрежном Лос-Анджелесе — наиболее тяжкий участок дороги. Нью-Йорк с его лихорадочной спешкой и густым замесом автомобилей вспоминался в Лос-Анджелесе как место, не самое близкое к аду.

Четырехмиллионное половодье автомобилей в Лос-Анджелесе регулируют с вертолетов и самолетов. Одним из пилотов на этой должности числится человек по фамилии Пауэрс. Не тот ли самый? Тот самый! Ужасно хотелось взглянуть на шпиона в отставке. Но график... Да и не в каждое место города можно заехать. Тут много заводов, в районе которых экипажу «торино» появляться не полагалось. Кстати, именно тут находятся корни компании «Локхид», самолет которой в районе Свердловска достала ракета...

Что же еще сказать о дороге... Багаж у нас был не большой и не маленький — мешок пленки, аппараты и объективы, охапка карт и книжек-путеводителей, отглаженные

костюмы в чехле. В багажнике мы держали коробку стирального порошка. Как все рядовые граждане США, устраивали дорожную постирушку. В мотелях для этого все приспособлено.

Заправка горючим в Америке — дело нехлопотливое. Бензоколонки теснятся возле дорог, подобно грибам опятам на пне. И каждая стремится возможно выше поднять над землей знак своей фирмы. Высоты Останкинской башни соревнователи вряд ли достигнут, но дело движется к этому. Использован каждый холмик, каждая горка, чтобы украсить Америку добротным светящимся знаком: «Эссо», «Мобил», «Тексако». Бензин в Америке не дешевый. В награду за то, что ты заправился тут, а не подался к соседу, тебе иногда что-нибудь дарят. К концу путешествия мы имели: три банки зеленого горошка, две книжки комиксов, ковбойский пистолет из сияющей жести, детскую прыгалку и сколотили целое пластмассовое состояние — две чашки, три вилки, ножик для резки фруктов, восемь стаканов разных размеров и пластмассовую копию енота панды, подаренную Вашингтону Пекином. Мы не знали, что делать с этим богатством, и на колонке в Западной Вирджинии осчастливили семилетнего рыжего мальчугана, помогавшего отцу.

Есть и еще средства заманить человека к своей колонке: бесплатное обслуживание автомобиля — протереть стекла, проверить уровень масла, давление в шинах... И — улыбайтесь сколько хотите — хорошо оборудованный туалет.

В Америке примерно шесть миллионов километров автомобильных дорог. Мы проехали сущую малость. Но этот отрезок вполне подходящий, чтобы пополнить статистику происшествий. Однако грустный Христос на дорожном плакате: «Я о вас думаю!» — о нашей машине тоже, как видно, думал. Через тридцать дней мы встретили Юлю на том же месте, где расставались.

— Ребята, вернулись...

Слезы тут были к месту, и Юля их не скрывала.

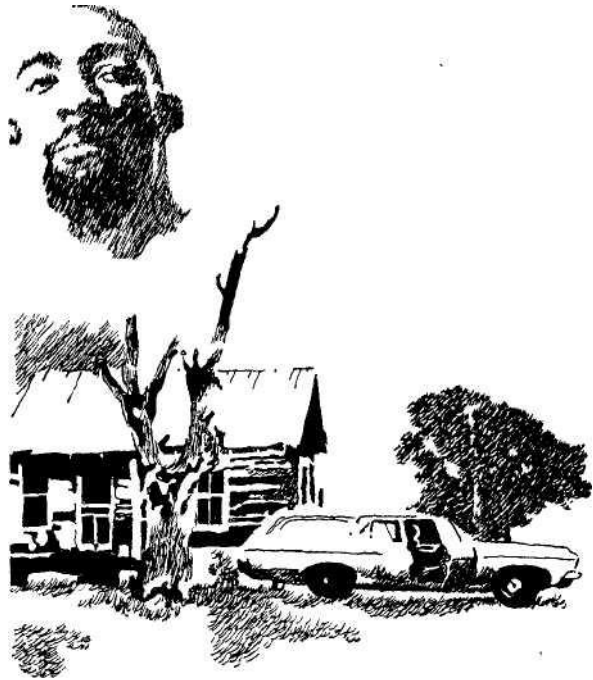
На память о путешествии мы прочертили зеленый маршрут по картам. По этой причине сейчас, когда дело дошло до работы уже за столом, можно позволить роскошь: одну из карт использовать вроде скатерти. Стакан с крепким чаем стоит на ней в районе Великих озер. Листы бумаги лежат на самом большом из штатов — Техасе. Пешка с карандашами накрыла доньшком штат Вашингтон. Не путайте два Вашингтона. Город Вашингтон и штат Вашингтон — это крайние точки Америки. Столица — это восток. А штат — это крайний северо-запад. Отсюда рукой подать до Камчатки. Кстати сказать, западный берег Америки первыми обжидали русские зверобои.

Что же вспоминаешь сейчас, обращая мысленно карту в земные пространства? Повторимся: главное впечатление — необъятность этой страны. Кроме близких нашему сердцу родных просторов, на земле нет государства, где бы так же далеко друг от друга стояли границы востока и запада, юга и севера. Пространства земли, рельеф, климат на характер людей влияют очень заметно. Полетите из Одессы в Эстонию — вы поразитесь различию темперамента.

Итальянскую говорливость сменит скандинавская сдержанность, почти холодность. Надо полагать, именно тут кроется «сходство в характерах русских и американцев», о котором очень охотно говорят те и другие. И каждая сторона находит, пожалуй, что-то лестное в этой похожести. Великий американец Уитмен прямо говорил, что сходство это суть влияние пространств, которые надо обжить, принося жертвы и празднуя победы. Общение с американцами, знакомство с географией, историей



от Вашингтона до Вашингтона



и житейские наблюдения эту мысль подтверждают. Но у сходства есть, конечно, границы. Скажем больше, при близком знакомстве видишь, как внешнее сходство характеров заслоняют различия глубокие и серьезные. В наше время первородное влияние земли на людей сокращается. Люди вырастают среди людей, а эта среда «там» и «у нас» совершенно различна. Примеров сколько угодно. Сошлемся на то, что было недавно и у всех на виду. Фишер! Кому понравится сходство? Или столь же заметный Спиз. После олимпийского пьедестала парень пошел торговать славой. Он заявил, что Фишер для него образец добывания денег. Два этих яблока выросли в одном саду...

Вернемся, однако, к земле. Похожа она на нашу? Временами казалось: очень похожа. В штате Висконсин, припавшем с запада к озеру Мичиган, мы воскликнули: ну это же Тульская область! Чуть-чуть всхолмленные земли, лощины, лески в лощинах, стада коров, строения на пригорках. И даже запахи трав были чем-то похожи. А восточней, между Мичиганом и озером Эри, была Кубань. Ровная, жаркая, со шпалерами виноградников, с птицами, сидящими на столбах.

От Висконсина на запад потянулось подстепье. Островки лесов поредели и постепенно исчезли совсем. Стайки деревьев ютились теперь лишь около ферм. И сами фермы с серебристого цвета силосной башней, домиком под деревьями, с закромами из металлической сетки для кукурузных початков уже не частыми хуторками темнели в степи, а разбрелись по пространству, подобно коровам без пастуха. Километров шесть или восемь надо проехать фермеру, чтобы побывать в гостях у соседа.

Дальше на запад степь постепенно ширится и дичает. Полосы пашен встречаются реже, уступая место просторным пастбищам. Фермы, совсем уже редкие, попрятались в балочки. Деревья стали приземисты и походили уже на кустарник. Единственной открытой глазу постройкой были тут сиротливые ветрячки. Не слишком высокие, они все же исправно вертелись — ветра тут было вдо-

воль. Из темных глубин ветряки добывают для коров воду. Висконсин, лежащий у людных индустриальных мест, держит молочных коров. Тут же ходят мясные стада.

Степные дикие травы цвели у дороги. То и дело справа и слева белели пчелиные пасеки. Казалось, прямо с машины небрежно накидали в траву ульи. Не слишком обильная химизация этих земель щадила пчел. И они работали тут всюю.

Признаемся, наша «торино» нанесла пчеловодству Америки некий урон, небольшой, правда. Мотор начал греться. И на ближайшей колонке нам сразу назвали причину:

— Вот посмотрите...

Весь радиатор залеплен был комарами, козявками, бабочками, но главным образом пчелами. Вдох пылесоса, и радиатор стал чистым.

— Обычное дело в наших местах, — сказал парень, очищая ветровое стекло от желтых медовых потеков.

За небольшую плату впереди радиатора нам повесили сетку-экран. Это сберегало мотор, но пчелам, пересекавшим дорогу в Южной Дакоте, от этого легче не стало...

Восток Дакоты напоминает наше Придонье. Выпуская залетевшего в машину шмеля, мы вышли полежать на земле. Придонье!.. Блестели слегка пригнутые ветром травы. Парили птицы в просторном небе. И пахло донником. Мы нашли эту травку с бисером желтых цветов. На Дону пахучий подсушенный донник добавляют в табак... Известно, запах сильнее всего пробуждает воспоминания. И в этот день нам казалось, что едем по знакомым местам и вот сейчас за той горбиной дороги сверкнет на солнце донская вода.

И вода в самом деле сверкнула. Но река называлась не Дон, а Миссури. На одном берегу работал желтый бульдозер. На фру-гом — ходили две черные лошади. Река текла в глинистых берегах и была неприветливо-диковата. Ни ветлы, ни тальника в пойме, ни даже осоки. Тревожная рябь морщила воду, вызывая в памяти полотно Остроухова «Сиверко». Стайка уток низко пронеслась над

желтоватой водой. Серый кулик клювом, похожим на шильце, тыкал в пенистый мусор, принесенный рекой на отмель. Мост... И мы уже едем в другой географической зоне Америки. Миссури — это граница Среднего Запада и Запада Дальнего. Полагают, сама природа считает эту границу законной и после Миссури резко меняет свой облик. Так, пожалуй, оно и есть. Сразу после моста мы увидели: едем по дикой земле. Пашни исчезли. Насколько хватал глаз, тянулась голая степь. Целина. Если землю где-нибудь распахали, то затем лишь, чтобы посеять траву для пастбищ. Фермы исчезли. Зато появились ранчо. Это пастбища. Прямо возле дороги стоят грубо сколоченные из бревен ворота. Сверху на них прибито седло и вывески: «Ранчо «Одинокий койот», «Ранчо «Бычий глаз»... Ворота закрыты. Проселочная дорога от них убегает за горизонт. Всадник около стада. И где-нибудь в травяных дебрях, в ложине уютится маленький домик. Хозяин ранчо нередко живет где-нибудь в шумном месте Америки, нередко владеет заводом или делает крупные деньги иным каким способом. Нередко это миллионер. Ранчо тоже дает ему деньги. Но хозяин изредка сюда наезжает. Наезжает не только для ревизии стада и объяснения с конными пастухами. Хозяин сам садится на лошадь, щеголяет в линялых, изодранных джинсах, в ковбойской шляпе, сам готовит еду, стреляет койотов. Это некое «приобщение к земле». Связь с землей некогда была крепкой. Сейчас большие города всосали не только владельцев мелких ферм и ранчо. Приходят в упадок коллективные поселения сельских районов — городки с числом жителей в сотню-другую. Однако тяга к земле у людей остается. Утолить эту страсть по карману только богатому. На ранчо владелец приезжает «стряхнуть с себя город», подышать неиспорченным воздухом, «побывать прежним американцем». Иметь ранчо — дело престижа. Миллионер, правда, купит ранчо не в Дакоте, а далеко южнее по сгибу карты — в Техасе. Там земли жирнее и, стало быть, скот жирнее. И вообще — Техас не Дакота

На скудных землях Южной Дакоты мы встретили скотоводов-индейцев. Два коренастых черноволосых парня вгоняли колья в глинистый косогор и тянули колючую проволоку, ограждая чье-то ранчо. Представители племени сиу без большой охоты заговорили с двумя «бледнолицыми». Но под дымок сигарет разговор постепенно наладился... Рассказ об индейцах — особый рассказ. Тут же уместно привести конец разговора. Старший из двух индейцев спросил:

— Ну и как вам наша земля?..

По тону, по духу, по ожиданию ответа было видно: парень очень сердит на Колумба. В понятие «наша земля» он не вносил ни дороги, ни города с небоскребами, ни самолеты, ни баночку кока-колы, стоявшую в тени у столба. Он имел в виду только землю, от которой ему, индейцу, остался самый черствый кусок.

Мы сказали:

— Земля красивая и богатая...

Парень помолчал. Попросил сигарету, неловко помяв ее, раскрошил.

— Дайте еще... Верно сказали: «красивая и богатая»... Красивая и богатая... Спасибо, белые люди...

Разговор дружелюбный окончился суховато. Для двух парней из племени сиу на первом месте стояла давняя и справедливая обида на белого человека.

...А потом пошли Скалистые горы. Машина лезла выше и выше. Ковбой на взбрыкнувшем коне с дорожных знаков оповещал, что едем мы «в огромном и удивительном штате Вайоминг». Земля стала красного цвета. Селения — совсем редкими. Это были нежаркие, но очень сухие места. Ветер с Атлантики влагу терял по дороге в эти края, а с запада, с Тихого океана, ветры имели преграду — горы Сьерра-Невады и этот Скалистый хребет.

В штате Вайоминг мы увидели снег. Охотились с фотокамерой на мустангов. Рыбачили. Видели, как разводят рыбу для местных озер. В левом верхнем углу штата Вайоминг осмотрели географическое чудо — Йеллоустонский парк, а ниже — такого же ста-

туса заповедник Гранд-Титон. Об этом будет рассказано. А сейчас срежем нижний угол штата Айдахо, срежем косячок огненно-жаркой Юты вблизи Соленого озера и будем одолевать простор пустынной Невады.

Тут вспомнилась Средняя Азия... Мы проезжали Туркмению с равниной, спаленной солнцем, и сиреневым безлесным, бестравным гребешком гор. Тут была и казахская степь с кустами древесной полыни, стадами низкорослых коров и конными пастухами. Птицы сидели на бугорках с раскрытыми от жары клювами. Кое-где меж пучков жесткой травы белели коровьи ребра и черепа. Бетон дороги тут не был отполирован колесами, и очень часто встречались тушки раздавленных зайцев и сусликов. В одном месте дорогу машине загородило (невиданная для Америки картина!) большое стадо бурых коров. Наша «торино», как ледокол между льдинами, продиралась сквозь тесную массу существ, как видно, считавших, что этот участок дороги в Неваде построен исключительно для коров. Два пастуха вполне разделяли упрямство стада, неохотно заставили лошадей свернуть на обочину и, обернувшись, проводили нас взглядом хозяев этой земли.

Едва ли не четверть нашей дороги пришлось на пустыни. О них мы расскажем особо. А сейчас — дорожное происшествие... В Калифорнии запаслись апельсинами — путь предстоял по безводным местам. Но с нашим запасом фруктовой влаги вышел конфуз. Ночью где-то вблизи реки Колорадо на дороге появились воротца и в них фигура в пепельно-серой одежде и картузе.

— Апельсины везете?

— Везем, — робко ответили из машины.

— Вы разве не знали, что существует кордон?

— Не знали, — солгали мы.

— Иностранцы?.. — Не слишком строгий чиновник покрутил в руке ключ на цепочке, размышляя, как же ему поступить. — Ладно, ежайте!

Мы забыли, что, когда въезжали в Калифорнию из Невады, была такая же процедура-

ра. Чиновник в воротцах строго нас спрашивал:

— Растения, семена какие-нибудь везете?

Мы тогда ничего не везли. Полицейский для формы глянул в багажник и прислонил руку к фуражке. Смысл этой весьма либеральной заставы состоит в том, что полоса Калифорнии от всего «каравая» Америки отделена высоким барьером гор. Тут сложился особый растительный мир. Чужаки, завезенные издалека, или какой-нибудь паучок могли бы повредить зеленому царству поливной Калифорнии. Вот и устроен «санпропускник»...

Вплотную к пустыням примыкает север Техаса. Постепенно земля теряла каленый кирпичный цвет и обретала живые краски. Воспоминанием остались кактусы Аризоны. А высокая желтая юкка (пустынный цветок) и резвая длинноногая птица «дорожный бегун» провожали нас долго, до самой границы штата.

Юкка, качалки нефти, аккуратно покрашенные в синий и белый цвета, стада коров на воле и в огромных загонах (стойловый откорм) — таким запомнился север Техаса, маленький уголок огромного жирного штата.

А потом пошли пашни, южные пашни — знаменитая Оклахома. Тут вдоволь было солнца, влаги и плодородия у земли. На травяных полях закончился сенокос. Фермеры на приземистых самоходных машинах подгребали крутые валки погожего сена. Машины двигались быстро, оставляя после себя цепочки тугих тюков, которые тут же подбирали автомобили.

Оклахома сияла множеством красок. Зеленая кукуруза, желтый разлив созревшей пшеницы, лоскутки вспаханного краснозема и ослепительно синее небо. В пшеницах мерно поднимали и опускали свои коромысла нефтяные качалки. Сторожевыми замками возле дороги стояли хлебные элеваторы — небольшие старинные, походившие силуэтом на мишень для стрельбы, и огромные элеваторы, выплывавшие из-за пшеничного горизонта, подобно морским кораблям. На этих землях Америка собирает хлеб. В одном месте у поворота на фермерскую дорогу к

столбу красной тесемкой был привязан пучок спелых пшеничных колосьев — какой-то деловой знак или сентиментальное чувство радости от того, что поспели хлеба... Это был отрезок пути, где в последний раз без большой натяжки можно было провести «пейзажную параллель» — Оклахома напоминала хлебную часть Кубани.

А потом наш «зеленый шнурок» на карте потянулся в южные штаты: Арканзас, Миссисипи. Пошли холмистые земли с округлыми островами пышных лесов. Местами леса смыкались, оставляя дороге узкую душную щель. Запах нагретых живых сосняков, запахи лесопилок и смолокурен, парная баня миссисипского леса, перевитого ярусами висячей зелени. Все это было чужое. И тут, в миссисипских низинах, впервые вслух было сказано: «Скорей бы домой...»

Кто путешествовал, знает: недель через шесть, как бы интересно ни было на чужбине, это чувство «домой!» появляется непременно. На севере, в штате Айдахо, мы долго стояли возле березовой рощи счастливые, как будто получили вести от близких. Изгородь из жердей, прошлогодний стожок потемневшего сена, блестящие воды в глубоких следах лосей, сороки в прохладном воздухе над лужком — кусочек Смоленщины в штате Айдахо! Два россиянина там постояли, помолчали. И поехали. Кувшин, куда полагалось стекать впечатлениям, в Айдахо был еще гулким. Теперь же, в конце пути, емкость отяжелела. Накопились усталость и недосыпы. Уже не так часто хотелось выскочить из машины и бежать с фотокамерой в сторону от дороги.

На реке Миссисипи мы сделали остановку, сменив на полдня сухопутный транспорт на лодку, которая приобщила нас к таинствам вод, текущих через многие земли Америки. А потом мы мчались с включенными фарами по хлопковым районам юга. Шла пахота. Ветер от тракторов уносил непроглядные тучи горячей пыли. Грозовые разряды в дневной темноте были зловещими. При вспышках света одиноко среди полей проступали бедные, без зелени и даже какого-либо сарай-

чика негритянские хижинки. Среди черных строений, в стороне от дорог, меловыми глыбами в окружении зелени проплывали старинные усадьбы белых помещиков.

Домой, домой... «Мистически красивый» штат Теннесси был в самом деле полон чужой, мимо сердца пробегающей красотой. Округлые холмы, округлая зелень лесов и рощиц. Лошади на прогалах. У дороги на память о красоте продают россыпи черных камней. От большой магистрали в глубину манящих просторов расходятся веточки малых дорог. Сюда, в озерную тишину, к молчаливым курчавым холмам, из людных районов приезжают охотиться, рыбачить или просто уединиться от мира. Но тишина этих мест продается за деньги, и за очень хорошие деньги.

Путеводитель по штату Теннесси и лежащему рядом Кентукки обещал нам дорогу «голубой травы» («блю грасс»). Мы глазели всюду, стараясь не проморгнуть растительный феномен. Но, увы, трава, как и всюду, была зеленой.

— Сэр, вы видели синий цвет? — спросили мы в маленьком придорожном кафе румяного джентльмена в рыбацкой куртке и красной кепочке с козырьком в четверть метра.

— Блю грасс?.. А как же! — И стал рассказывать, какое это изумительное зрелище — голубая трава. А мы ведь ехали вслед за его вишневого цвета «мустангом». Одно из двух: либо зрение у американцев особое, либо кто-то однажды выдумал это «блю», и всем потом стыдно признаться, что не видели феномена.

Американцы в своей природе ценят, кажется, больше всего отклонения от привычного, любят все, что с ходу поражает воображение. Гейзеры, водопады, каньоны, пещеры, обрывы, скалы причудливых форм — это во вкусе американца. Об этом легко рассказать, вернувшись домой...

Ну, что же у нас осталось еще на карте?.. Две Вирджинии, Западная и Восточная. Запад — это шахтерская бедность людей, которых шахты перестали кормить или кормят

очень неважно. Этот район Аппалачских гор снабжал Америку металлами и углем, когда она была еще в колыбели. Америка выросла. На этот рост начинки из пирога Аппалачей пошло немало. А ведь известно: только вода в колодце не убывает, да и то если черпать ее разумно. Многие шахты закрылись, шахтерские городки стали призраками без людей. В других местах механизация вытеснила рудокопов из Аппалачских гор. Людям осталась лишь горная красота этих мест — леса, ущелья с голубыми речушками, весной — запах черемухи и жасмина, осенью — полыхание красок... Америка — страна улыбочивая. Улыбаются, если дела идут хорошо, еще старательней улыбаются — не хотят показать, что дела пошатнулись. И если уж нет улыбки — значит, очень плохи дела. За всю дорогу мы не видели столько грустно-неторопливых людей, как тут, в шахтерской Вирджинии.

Восточная Вирджиния лежит по другую сторону Аппалачей. Теплая сырость Атлантики и какое-то свойство земель создали тут райское место для табака, и он растет, чтобы стать сигаретами «Кент», «Мальборо», «Кэмел», ведущими родословную от индейской трубочки для курения.

Разговорившись вблизи от дороги с единоличником-табаководом, стариком комплекции киноактера Меркурьева, мы достали наиболее ходовой в Америке сувенир, сигареты марки «Российские». Но, оказалось, табачный плантатор сам не курил и сказал, что этой дурной привычки не одобряет. Сигареты, однако, старик с удовольствием взял. Одну в корявых пальцах размял. Понюхал. Не похулил. С удивлением спросил:

— В России растет табак?..

Пришлось рассказать ему о махорке, которую даже тамбовский климат вполне устроил. Рассказали и про Абхазию, где растение, подаренное миру землей Америкой, набирает такую же силу и духовитость, как тут, в Вирджинии...

Продолжая сравнения, скажем: Вирджиния и Абхазия похожи не только тем, что производят зелье для курева. Очень сходен

пейзаж. Порою казалось: только остановись, и непременно из дома выйдет абхазец. «Слушай, дорогой, почему не заедешь? Почему человека хочешь обидеть?..» Остановки у нас случались, однако никто под крышу путника тут не потянет. Это одно из отличий Абхазии от Вирджинии. Обычаи тут иные. И это мы посчитали за благо. Иначе к сроку в Вашингтон ни за что бы мы не попали...

Все. Дорога замкнулась. Нитка нашего следа по карте — это, конечно, всего лишь бороздка на обширном поле географии США. И все же это немало, чтобы сказать: земля Америка — многолика, богатая и просторная. Похожесть иных уголков на земли нашей страны порой поразительна. Деревья и травы во многом способствуют сходству. Сосна, дуб, липа, береза, акация, вяз, орешник, черемуха, клен — все было знакомым. И травы: рогоз, осока, папоротник, подорожник, цикорий, клевер, ромашка, пастушья сумка, овсюг, полынь, одуванчики — все узнавалось без особой ботанической подготовки. Но были деревья и травы, нам незнакомые. Надо, правда, сознаться: и у себя дома далеко не всякую зелень знаешь «в лицо». Тут, однако, чутьем понимаешь: это не наше, а это перекроилось сообразно здешним условиям. Держишь дубовый лист — рисунок его иной, и само дерево чем-то неуловимо отличается от всех пород дуба, которые ты встречал. Осина тоже не сестра подмосковной осине. Береза — смуглее, приземистее. Орешник — выше, кустистей. Земляника — крупнее. Вкусом она при алом цвете — трава травой. Надо дожидаться спелости темно-бордовой.

Природные краски Америки более яркие, сочные, иногда просто резкие. И если к пейзажу нашей страны точнее всего подходит слово: лиричный, то для Америки эта же степень точности заключается в слове: величественный. Есенин не мог бы родиться в Америке. Тут родился Уитмен.

В географическом словаре Штатов прилагательное Великий, пожалуй, самое ходкое слово. Великие озера, Великие равнины, Великий перевал (на пути в Калифорнию), Ве-

ликий Каньон... В этих названиях нет рекламной дешевки нынешних дней («Великий суп», например). В них чувствуешь удивление людей, одолевших эти просторы пешим ходом и на волах. Сегодня автомобильная скорость крадет у земли ее величины, и все-таки чувствуешь: Великие озера — это Великие озера, Великие равнины — это Великие равнины.

Плодородие Америки перетянет на чаше весов плодородие наших земель. Природных причин этому много. И первая состоит в том, что Америка — страна южная. Мы привыкли к политической географии. Но Москва с Вашингтоном лежат на разных широтах. Вашингтон на четыреста километров город более южный, чем наш Ташкент. И ровно половина страны расположена к югу от линии Вашингтона. А самый север — это линия нашего Киева. Можно даже сказать, что «севера в Америке нет». И это подчеркнута названием зон, на которые делят страну: Юг, Восток, Средний Запад и Запад. Север — в Канаде.

Украшение любой страны — реки. Главные водные жилы Америки были у нас на пути: Гудзон, Саскуэханна, Ниагара, Миссисипи, Миссури, Колорадо, Огайо. Мы не заметили тяги людей к реке (хотя бы один купальщик за всю дорогу!). Почти всюду текущие воды были безлюдные, отчужденные, мрачные. О причинах этого мы расскажем подробно.

Особого разговора требует все, что касается взаимоотношения человека со средой обитания. В очерке — «взгляд с дороги» — можно назвать лишь внешние проявления острой проблемы. Например, постоянной деталью разнообразных пейзажей страны является «джанк» — автомобильная свалка. Временами кажется, кто-то нарочно гадил, чтобы оскорбить землю. Живописное место, пустыня, город, Юг, Запад, Восток — повсюду железные кладбища.

Районы промышленные — особо печальное зрелище. Картинки ада на старых иконах с примитивным котлом и костром из поленьев — наивная фантазия в сравнении

с тем, что люди соорудили для себя тут, на земле. Наш маршрут по понятным причинам не шел через гущи заводов. Госдепартамент, правда, сделал для нас все, что мог: в несколько городов, помеченных «табу», въезд для нас разрешался, но с оговоркой: «без остановки». Таким образом, преобладающий цвет на нашем пути был зеленый. И все же дыма, нагромождений металла, мертвой земли и вонючих озер мы видели много.

Чикаго ранее славился ароматами скотобоев. Сейчас на подъездах к городу с юга и с юго-востока пора открывать пункты продажи противогазов и снабжать путников хотя бы маленькой веточкой зелени, иначе можно забыть, что ты на земле. Непрерывная цепь коптящих, парящих, извергающих в небо цветные дымы заводов. Так же круто замешена индустрия в районе Кливленда, Буффало и в добром десятке маленьких городов, припавших к озерам Эри и Мичиган. Такую же полосу бурых пространств, отмеченных трубами, вышками, эстакадами, а ночью — полыханием огней, мы проезжали в Западной Вирджинии. Горячим смогом душит жителей Лос-Анджелес...

В Америке немало почти нетронутых мест с хорошим воздухом и синим небом. Но большая часть людей живет как раз там, где трудно дышать. К проблемам американского свойства теснота добавляет особую остроту. Однако в прерии никто не бежит. Наоборот, люди сбиваются все теснее в жилые пояса на Востоке, на Юге, на Крайнем Западе. Поляк Юлиан Немцевич, проехавший летом 1797 года по Востоку Америки в дилижансе, писал: «Страну эту я охотно сравню с гигантской шахматной доской в конце игры, где на огромном пространстве, вдали друг от друга, стоят одинокие фигуры». Сейчас Америка — та же доска, но в самом начале игры: середина пуста зато по краям клетки заняты полностью.

Сквозное путешествие от океана до океана дает возможность почувствовать разницу житейского духа в местах, заселенных «плечом к плечу», и в местах, где дымок очага — одинокий дымок. У нас, двигаясь с за-

пада на восток, за Уралом сразу чувствуешь: люди добрее, искренней, проще. В Америке (с поправкой на существенный коэффициент «каждый сам за себя») чувствуешь то же самое, удаляясь с Востока на Запад. На Востоке все проутожено, все под метелку и под линейку — земля, деревья, посевы, постройки, одежда и сами люди. Запад (без Калифорнии) не очень причесан, грубоват. Об одежде, о внешнем лоске построек заботы тут меньше. Еда проще, но добротнее, здоровее. Реклама не так густа и назойлива. Чаевые на бензоколонках не берут или берут ее смущением. Автомобиль покупают, чтобы ездить на нем, и не спешат поменять на более модный, дабы утвердить себя в мире и вызвать зависть соседа. От встречного где-нибудь в штате Вайоминг или Айдахо еще можно услышать приветствие: «Здравствуйте, незнакомец!» В этих словах — готовность к знакомству, доброе к тебе расположение, способность помочь, оставив свои дела, иногда очень срочные. Американцы общительны всюду. Но человеческого тепла больше не там, где больше людей.

Живет Америка преимущественно в одноэтажных и двухэтажных домах. Ферма ли, городок, окраина города очень большого — один или два этажа! Промышленность тоже в небеса не стремится. Большой завод по сборке автомобилей, завод пластических масс, пищевой комбинат, швейное предприятие — почти всегда это строгий одноэтажный брус. Мотели возле дороги — один или изредка два этажа. Одноэтажность — открытие для человека, привыкшего на картинках видеть Америку в образе небоскреба. Небоскребы строят по причине дороговизны земли в городских центрах или по соображениям престижа. Жилья в небоскребах, как правило, нет. Это деловые дома. С этих вышек Америка богачей наблюдает, в каком месте страны (и бери шире — Земли) пахнет наживой.

Трудовая Америка единственный свой этаж в последние годы все чаще снабжает колесами. По всей стране мы видели передвижные дома, похожие на вагоны. Такие дома

где-нибудь возле стройки или завода образуют поселки не очень уютные, но с полным набором коммунальных удобств. Нас уверяли: «цыганская жизнь» — в духе американца. Со времен пионеров он-де стремится в дали. В этом есть какая-то правда. Но Фрэнк Голдвин, сварщик, глава семьи из пяти человек, пригласивший нас заглянуть в трейлер, сказал, что с большей охотой «держал бы якорь» на одном месте, на родине, в штате Нью-Йорк. Но безработица! Если она настигнет, якорь потянет ко дну. А колеса спасают. «Сюда, в штат Огайо, я приехал сначала один, разведаль, а потом привез этот дом. Случится что-либо — поеду дальше». Какое место Америки предпочитает «подвижный американец»? При опросе десять процентов населения США сказали, что хотели бы жить в Калифорнии. И сюда многие устремляются. За последние годы население дальнего побережья почти удвоилось. Привлекают сюда не столько пляжи, обилие солнца и экзотика Дальнего Запада, сколько возможность быстро найти работу, испытать силы, разбогатеть. Молодой промышленный Запад по темпам роста опережает старый Восток. Житье в Калифорнии — сушая лихорадка. Поместите мысленно в Сочи сотню заводов и фабрик, увеличьте жару, забейте дороги дымящим стадом автомобилей — это будет похоже на Калифорнию.

На каш северный вкус для жизни приятнее Висконсин, Миннесота, Монтана. Тут человеку ведомы перемены в природе: осенние краски, белизна снега, половодье весной... И в Америке знают прелесть контрастов в средних широтах: «Кто оценит палитру красок, когда вокруг лишь вечная зелень, и что хорошего в тепле, если холод не подчеркнет всей его прелести?» Но это чувство знакомо, как видно, не всем. Калифорния и Флорида, Техас и Гавайи манят американцев. Впрочем, и у нас ведь тоже многие видят во сне Сочи и Ялту...

И еще несколько слов о дороге. С Востока на Запад и обратно с Запада на Восток шесть раз мы проезжали границы часовых поясов. Границы эти, если взглянуть на карту, сильно

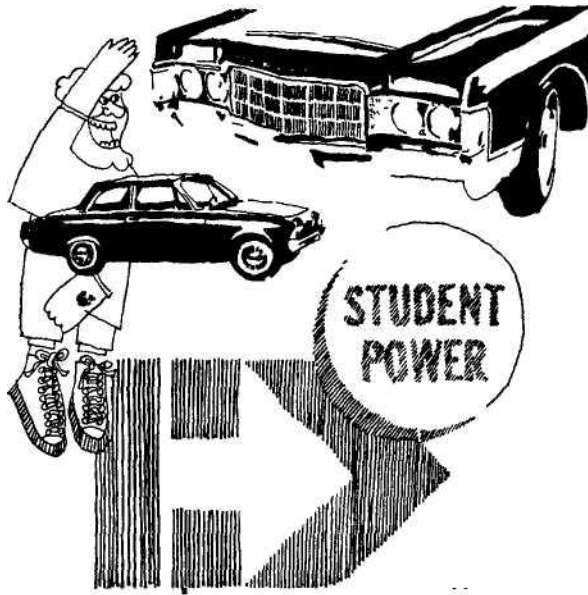
изломаны и отражают не только «извилины географии», но и капризы штатов, желающих жить на свой лад. В одном вся Америка единодушна: летом, с апреля, рабочий день повсеместно начинается часом раньше и часом раньше кончается. Мы убедились: это удобно.

Погода на всем пути нас баловала, не мешая двигаться и, как будто для развлечения, показывая нам кое-что из капризов. В штате Южная Дакота мы ушли прямо из-под крыла урагана, о котором потом неделю писали газеты. В штате Нью-Мексико видели дождь, обратившийся в пар, не достигнув земли. В северной части Техаса нам был показан знаменитый в Америке смерч под названием «торнадо». Это был слабенький смерч, вертевший сухую траву и пыль. (А мог бы поднять грузовик, теленка, срезать мачты электролинии.) В Арканзасе посреди какого-то городка машину придавил ливень, да такой, что казалось — нырнули в речку. А в Кентукки, на родине Линкольна, после 38 градусов миссисипской зеленой бани мы вдруг оказались на каком-то островке холода — семь градусов! А где-то рядом, сообщали по радио, был легкий мороз. И это в июне, на широтах Баку и Рима! Оказалось, это было сюрпризом не только для нас. Старушки на скамейках возле кентуккских домов и все телевидение Штатов обсуждали природный вывих. Объединенными силами стариков и синоптиков было доказано: такого в Америке не было сотню лет. Но это были всего лишь забавы природы. Немного позже юго-восточные штаты узнали кое-что посерьезнее. Один из нас в это время был уже дома, в Москве, а другой сообщал в газету с места событий: «Тропический шторм, которому дали женское имя «Агнес», пронесся над побережьем Америки и крылом зацепил Вашинг-

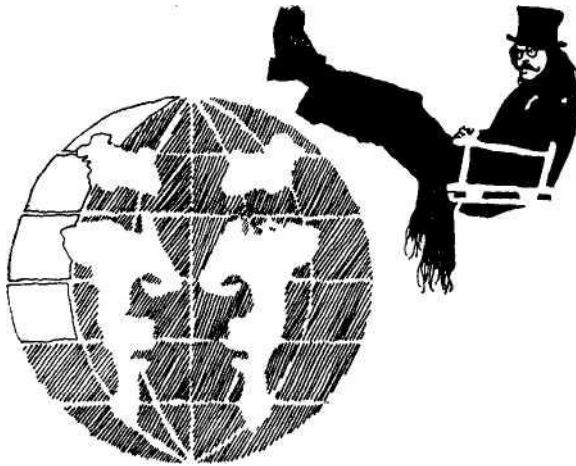
тон. Дождь продолжался непрерывно двенадцать часов. На пути «Агнес» — жертвы и разрушения. Вспучились реки. Все восточное побережье от Нью-Йорка до Нового Орлеана — район небывалого наводнения. Прервано железнодорожное сообщение Нью-Йорк— Вашингтон, затоплены многие автостреды, разрушены дамбы. Убытки исчисляются миллиардами долларов. «Самое большое бедствие за всю историю США», — пишут газеты...» Это было как раз в то время, когда в Москве начиналась знаменитая сушь 1972 года.

А в день, когда мы замкнули линию путешествия в Вашингтоне, природа была спокойной. Жара стояла, правда, немилосердная... Мы сказали спасибо нашей «торино», втащили наверх пропыленные чемоданы, и, отдохнув часок, пожелали в последний раз взглянуть на помятую карту с зеленой стружкой маршрута «от Вашингтона до Вашингтона»...

Во всяком путешествии самое приятное — возвращение к дому. В этот час за столом, пошучивая, мы все же чувствовали себя путешественниками — шестнадцать тысяч верст за спиной! Нас отрезвила заметка в газете. В ней сообщалось: «2876 миль от Лос-Анджелеса (Калифорния) до Нью-Йорка (восточное побережье) пробежал и прошел пешком школьный учитель Брюс Тило. Учитель одолевал за день 40—50 миль и был в пути 64 дня 21 час и 5 минут». Вот так-то, пешком от побережья до побережья!.. Мэр Линдсей вручил марафонцу награду — золотой ключ от Нью-Йорка. Для нас же наградой в тот день был Юлин чай, заваренный подомашнему, и звонок друзей из Москвы: «Вернулись... Ну, слава богу».



расфасованный мир



образы, прозвища...

В Америке все расфасовано... Когда-то были в Америке лавочки, где галеты хранились в бочках и можно было купить гвозди, бутылку виски, соленую рыбу, швейную машину, книги, ружье, духи, капкан, граммофон... Такие лавочки показывают в музеях. Сейчас все, что идет на прилавок, расфасовано, упаковано, разложено по сусекам, имеет нужную форму, стандартный объем...

Унификация в сложном мире вещей становится повсеместной. Но в Америке в «расфасовке» достигнута виртуозность. И что знаменательно, касается это не только вещей, но и уклада жизни. И тут все собрано в блоки, обозначено прозвищем, образом, имеет свой ярлычок. На эту тему говорить можно пространно, но даже простой перечень ярлыков, прозвищ и образов дает представление об упаковке, раскладе по полкам всего и вся.

В американском городе Покателло юркий и, как везде, всезнающий парикмахер, закончив омоложение путешественников, сказал:

— Два бычка семьдесят центов...

Мы все поняли.

По дороге из Покателло мы припомнили колоритные прозвища и словесные ярлыки, которых в Америке уйма. Ими пропитан разговорный язык, их слышишь по телевидению, ими полны газеты. Вот короткий словарь, составленный между делом.

Образы, всем знакомые: Белый дом, Уолл-стрит, Пентагон, Капитолийский холм — это Власть и Политика.

Ястребы, Голуби — тоже понятно всем.

Новый курс, Новые рубежи, Великое общество — это образы большой политики. Каждый президент ищет понятную, броскую, оригинальную упаковку 'для всего, что будет освещено его именем. Новый курс — это курс Франклина Рузвельта. Новые рубежи — это рубежи Кеннеди. Преемник Рузвельта прославил себя знаменитой Доктриной Трумена, нагромоздившей на земле айсберги «холодной войны». Великое общество — идея Джонсона.

Крысиные гонки... — так зовут конкуренцию.

Жирный кот — это тот, кто явно или тайно помогает выбраться к власти политикану — дает деньги на подкуп и на рекламу.

Показать морковку — посулить что-нибудь в интересах своей выгоды. (Благозвучный синоним этому вульгаризму: заинтресовать...)

Бычок — это доллар.

Слепень — наркотик под названием героин.

Травка — тоже наркотик, марихуана.

Жучок (он же Клоп) — крошечный микрофон, который можно спрятать под пуговицу, поместить в пресс-папье на столе, за которым идут секретные переговоры, поставить тайно в конторе у конкурента, в спальне у недруга..

А теперь посмотрите, как «расфасовано» население.

Янки. Привилегию так называться имеют старожилы Америки (но, разумеется, не индейцы).

Синие воротнички — это рабочие.

Белые воротнички — служащие.

Серые воротнички — это те, кто обслуживает в магазинах, ресторанах, отелях.

Средний класс — высоких рангов чиновники, профессора, адвокаты, врачи, актеры, журналисты, писатели.

Яйцеголовые — это ученые.

Медные каски — военные.

Зеленые береты — парашютисты, зловеще знакомые всем по Вьетнаму.

Каучуковые шеи — туристы.

Мокрые спины — мексиканские батраки. Ночами они переплывают пограничную реку Рио-Гранде, искать в Техасе сезонную работу. Бедняков нещадно эксплуатируют. Плата в день иногда составляет 50 центов. (Для сравнения вспомним, что рядовая стрижка в городе Покателло стоила «два бычка семьдесят центов».) Но жаловаться беднякам некуда. «Мокрые спины» переходят границу тайно...

Этот словарь может быть длинным. Напомним, дядя Сэм — образ Америки. Красные — это понятно кто. А вот стоит коп (полицейский). Не по нашу ли душу? Нет. Полицейский внушает что-то мотоциклисту — босому, бородатому х и п п и...



техас и «маленький роди»



Любопытная вышла встреча. Один был выпивши и хохотал. (Громкий смех в Америке — признак расположения к собеседнику.) Другой был немного смущен. Они сели рядом за столик.

— Я как увидел курочку на машине, так сразу понял: это Род-Айленд! И не ошибся. Вот здорово — из Род-Айленда! Вы не стесняйтесь, платить буду я. Это же чудо!.. Жизнерадостный человек сбегал к автомобилю, принес карту и, стряхнув с нее капли дождя, разложил на столе.

— Род-Айленд... Вот он! Смотрите — прикрываю ногтем весь без остатка. А теперь смотрите сюда...

Большая красная пятерня прикрыла на

карте желтый лоскут Техаса. Но пятерни не хватило — Техас торчал из-под пальцев.

Человек из Род-Айленда вежливо улыбнулся. Вежливо уколол собеседника. Однако насмешка была излишне тонка. Техасец ее не почувствовал. Он решил: веселый номер следует повторить, — и, обернувшись, расстелил карту на нашем столе.

— Смотрите, ногтем прикрываю весь штат...

Все было просто. Техасец Боб Текслер еще мальчишкой, постигая азы географии, обнаружил, в каком необъятном штате он проживает. В это же время он увидел: есть на карте маленький штат размером с его детский ноготь. Сравнение двух величин почему-то на Боба очень подействовало. Он решил: в маленьком штате и люди, должно быть, «совсем не такие»... Повзрослев, школьную географию Боб забыл, но главное в ней: Техас — самый большой штат, а Род-Айленд — самый маленький — он помнил. И однажды дал себе слово — как только встретит человека из штата Род-Айленд, сразу же осчастливит дружбой...

Кофе мы пили, склонившись над картой. Америка на ней походила на цветное лоскутное одеяло. Каждый лоскуток — штат. Всего 50 больших и маленьких лоскутов.

Техас — действительно самый большой (после Аляски) и единственный из всех штатов, кому даровано право поделить территорию на несколько (не больше пяти!) штатов поменьше. Однако Техас предпочитает оставаться большим, извлекая из этого пользу политическую и хозяйственную.

У каждого штата есть прозвище, связанное, как правило, с природными особенностями, с хозяйством, историей и, конечно, с рекламой, «расфасовкой» — с любовью американцев всему и всем давать громкие имена. Вот штаты, по землям которых мы проезжали: «Садовый» (Нью-Джерси), «Молочный» (Висконсин), «Картофельный» (Айдахо), «Медный» (Аризона), «Полынный» (Невада). «Штат голубой травы» (Кентукки). Есть штаты: «Сосновый», «Подсолнечный», «Кукурузный». «Землей сокровищ» зовется Монтана.

на. «Земля очарований» — Нью-Мексико. «Страна 10 000 озер» — Миннесота. Калифорния — «Золотой штат». А малютка Род-Айленд так и зовется — «Маленький Род».

Мы заметили, больше всех гордятся «девизом» в штате Вирджиния. Узнать вирджиница в любом месте Америки было легко. На белой майке, на куртке, на бампере автомобиля красуется алый бурачок сердца и надпись: «Вирджиния — штат любви».

Каждый штат, как можно заметить, желает чем-нибудь отличаться, завлечь, похвалиться, поразить проезжающих. Если у штата соседи всего поровну, пусть этим будет хотя бы иная, чем у соседей, скорость на магистральной дороге... Амбиции и соперничество между штатами бывают серьезными и бывают смешными. На границе «Штата одинокой звезды» мы видели надпись: «Вы въезжаете в Техас!» Перед словом «Техас» кто-то корявыми буквами нацарапал: «Великий». Это могла быть насмешка. Но могли это сделать и сами техасцы. От полноты чувств.

Соперничество штатов временами напоминает войну Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. На границе штата Огайо дорогу украшал добротный сделанный щит: «Держи в чистоте землю. Вози мусор в штат Мичиган!» Очень возможно, что в Мичигане красуется призыв столь же добрососедский. Есть в Америке поговорка: «Если в Южной Дакоте выйдет закон против оспы, то в соседней, Дакоте Северной, сейчас же примут закон, защищающий оспу». Шутка. Но за нею стоит вполне серьезное соперничество.

Кроме прозвища, штаты имеют девиз. Кентукки: «Объединившись, устоим, разделившись, падем!» Канзас: «К звездам через трудности!» Миссисипи: «Храбростью и оружием!» И каждый штат избрал для себя природные символы: дерево, птицу, цветок. Небраска — вяз, жаворонок, золотая розга. Массачусетс — вяз, чайка, ландыш. Колорадо — ель, овсянка, водосбор. Если собрать в одно место почетных представителей флоры и фауны, то получился бы лес, состоящий из дуба, елок разных пород, секвой, орешника, тополей, кизила, вяза. В «соединенноштатном лесу»

пестрел бы ковер из гвоздик, магнолий, пионов, фиалок, прострелов, подсолнухов, пустынных желтоголовых юкк и серой невадской полыни. И летали бы птицы в федеральном лесу: скворец, овсянка, щегол, индейка, малиновка, пеликан, несколько пересмешников, жаворонков и кардиналов (похожих на свиристелей, но пурпурно-красных). И где-нибудь на опушке условного леса ходила бы курица, домашняя курица — эмблема Род-Айленда. Именно эту эмблему узрел на машине учителя Дэвиса простодушный техасец Боб Текслер.

Столицы штатов не надо искать среди больших городов. Зная, что мешки с деньгами давят на власть, те, кто клал фундамент Америки, пытались посадить власть подальше от мешков. Это было наивно. Но так уж сложилось. И потому столица штата Нью-Йорк — вовсе не громадный город Нью-Йорк, а маленький Олбани. Губернатор Иллинойса сидит не в Чикаго, а в городке Спрингфилде. Ошибка считать столицей Техаса город Даллас, а Калифорнии — Сан-Франциско. Столицы двух богатейших штатов — Остин и Сакраменто. Но без ошибки можно сказать: Нью-Йорк, Чикаго, Даллас, Сан-Франциско — это и есть правители штатов, и не только отдельных штатов...

А провинциальным столицам оставлены символы власти. И они, конечно, дорожат ими. Забавно видеть в маленьком городке Капитолий почти такой же, как в Вашингтоне. Временами казалось, прямо в Вашингтон и въезжаешь... А вот штат Колорадо в прятки играть не стал. Тут рядом все: и Капитолий, и Большие дома, из которых правят с помощью денег. В столице штата городе Денвере учредили свои штаб-квартиры крупнейшие промышленные компании. По количеству управленческих учреждений город уступает в Америке одному Вашингтону.

В истории каждого штата есть именитые люди. Иллинойс и Кентукки спорят за право называться землей Линкольна (в Кентукки Линкольн родился, из Иллинойса ушел в президенты). Знаками гордости и почтения отмечены города и местечки, где жили

Твен, Эдисон, Фултон, Синклер Льюис, Уитмен, Лонгфелло... И есть у штатов родимые пятна, которыми не гордятся, но которые и не спрячешь. В пустынях Нью-Мексико взрывали опытный образец ядерной бомбы. В Техасе убили Кеннеди. «Мистической красоты» штат Теннесси произвел на свет ку-клукс-клан, в этом же штате пуля настигла Мартина Лютера Кинга...

Таково «лоскутное одеяло», на пошив которого ушло без малого двести лет. Материя для пошива была отнята у индейцев, куплена у Франции и России, силой взята у Мексики. В 1958—1959 годах Аляска и Гавайи увеличили число звезд на флаге Америки до полусотни А основой были тринадцать восточных штатов, положивших начало Независимой Америке. Американцы законно гордятся войной за независимость. Двести лет назад ситуация чем-то напоминала Вьетнам. Только в роли Соединенных Штатов тогда была Англия. Могучий флот вез в Америку отборное войско британского короля. И что же, регулярная, хорошо вооруженная армия терпела поражение за поражением от простых фермеров, кузнецов и охотников. Двести лет спустя то же самое повторилось и во Вьетнаме...



бог реклама



Выносим чемоданы к машине. Слегка возбужденные, насвистываем: «Тореадор, смелее в бой.. Тореадор, тореадор...»

— А я знаю, откуда это, — говорит провожающий нас Стрельников-младший. — Это реклама мыла.

Стрельников-старший ставит чемодан и внимательно смотрит на сына.

— Реклама мыла, говоришь?..

Времени объяснять истину у отца сейчас нет. Он треплет белокурую голову, дает сыну шуточный шлепок, и мы уезжаем

Используем этот отправной пункт для короткого разговора о рекламе, хотя надо признаться: сказать коротко об этом феномене Америки очень трудно. Реклама — это в Америке бог, несомненно, ибо влияние ее на души людей огромно. Считают: исчезни на день реклама — американец остолбенеет, он не будет знать, что ему делать. Главное назначение рекламы: заставить человека что-то купить. Выдумки, ухищрений, остроумия и нахальства уходит на это много. Индустрия рекламы стоит на девятом месте после важнейших отраслей промышленности — нефтяной, тяжелой, сельскохозяйственной. Деньги в рекламу вкладывают без колебания. Все окупается. Парфюмерные фирмы (те самые, что «приобщили» Васю Стрельникова к классической музыке) на рекламу тратят почти третью часть стоимости товара. Окупится! Всего на рекламу в журналах, в газетах, в кино, по телевидению, на все надписи и огни, на обертки и дорогие проспекты тратится в год двадцать миллиардов долларов. Это почти столько же, сколько стоила высадка людей на Луну. Вот конкретная стоимость разовой хвалы какого-либо товара, например фотокамеры. В журнале «Нэшнл джиогрэфик» нам сказали: поместить рекламу на последней странице обложки стоит 30 тысяч долларов. Окупается — у журнала миллионные тиражи!

На средства от рекламы живут многие газеты и журналы. И если рекламодатели почему-либо станут обходить газету или журнал — дни издания сочтены. Нетрудно понять: рекламодатели держат в руках судьбу почти любого издания. Не нравится «линия» газеты или журнала — сразу угроза: «Не будем давать рекламу...»

Многим журналам, процветавшим от доходов с рекламы, ножку подставило телевидение. Закрылся знаменитый в Америке «Лук»,

а недавно в возрасте тридцати шести лет умер еще более знаменитый «Лайф». Причина: финансовые затруднения. Рекламодатели предпочли телевидение.

Телевидение процветает. Одна минута рекламы (все равно чего) стоит две тысячи долларов. А в часы вечернего выпуска новостей за минуту рекламы платят 200 тысяч долларов. Понятное дело, из этой минуты мастера рекламного цеха выжмут все, что возможно, — выдумка, образность отточены превосходно. Всю дорогу нас преследовал минутный фильм. На рельсах стоит чемодан. Пуская дымок, мчится к нему паровоз. Удар! Чемодан летит под откос, но остается ничуть невредимый. Крупная надпись — название фирмы, выпускающей чемоданы. Дело сделано. Если бы нам пришлось покупать чемодан, мы бы спросили именно тот, стоявший на рельсах.

Делать рекламу учат. Есть специальные заведения, где изучается психология спроса, совершенствуется режиссура изготовления рекламных роликов. Они делаются с большей тщательностью, чем художественные фильмы. Вот что сказал о рекламе знаменитый киноактер Марлон Брандо. «Рекламная техника гораздо эффективнее меня, художника, в смысле влияния, оказываемого на людей. Вам говорят, какие сигареты нужно курить, какую носить одежду, какими косметическими товарами пользоваться, какой покупать автомобиль, вам указывают даже, что вы должны есть. Специалисты рекламы, особенно те, что пользуются телевидением, могут сделать из нас все, что захотят».

Находки в рекламе, удачный образ высоко ценятся. В Нью-Йорке мы видели объявление на картонке: «Любителям тишины: в нашем кафе музыкальный автомат сломан. Заходите». Это находка копеечная. А может находка принести и многие миллионы. Известна история с добродушным тигром, которого находчивые художники-мультипликаторы засунули в бензиновый бак автомобиля, и он там урчал примерно так же, как урчит исправный, сильный мотор. «Посадите тигра в ваш бензобак — управляйтесь у компа-

нии «Эссо!» Несколько лет, к зависти конкурентов, «Эссо» пожинало урожай от удачной рекламы — все хотели посадить тигра в свой бензобак, особенно жены и дети, сидящие рядом с водителем. Полосатый оранжевый тигр мчался вперед на дорожных щитах и шурился добродушно: «Не забудьте посадить в бензобак...» Чтобы оживить образ тигра, владельцы бензина решили его публично похоронить и объявили об этом. Что было — протесты, мольба, тысячи писем: хотим тигра! Такова сила рекламы.

Тигр не единственный персонаж из мира фауны, убеждающий что-то купить. Чем меньше становится животных на Земле, тем больше у человека к ним теплого чувства. Реклама это заметила. Стадо оленей снимают на фоне нефтяных вышек. Цель до предела нахальна: вот, смотрите, мы вовсе не загрязняем землю, как пишут об этом. Медведь рекламирует котлету — ешьте, и будете столь же сильными. Гончая собака — реклама автобусных линий. Рычащего льва видишь в эмблеме киностудии. Симпатичная птичка нюхает на плакатах дымок сигареты. Реклама назойлива. Вдоль многих дорог она стоит сплошным частоколом. Из-за нее не видно Америки. Живописный угол природы, на повороте открывшийся глазу, непременно украшен мачтами с названием нефтяной фирмы, названием отеля или чего-либо еще. «Реклама возле дорог — засорение природной среды». Американцы пытаются воевать с этим злом, но пока безуспешно.

Реклама по телевидению столь же назойлива, и термин «загрязнение» тут тоже вполне уместен. Ради ролика, прославляющего мыло, зубную пасту, ночные сорочки, прерывают (на самом интересном месте, конечно) художественный фильм, любую из передач, исключая разве что выступление президента. Чтобы сказать важнейшую новость, комментатор должен дожидаться, пока чемодан столкнется с паровозом и станет у насыпи невредимым.

Известный человек — для рекламы находка. Популярному актеру, знаменитому чемпиону заплатят сто тысяч, пусть он только,

улыбаясь от удовольствия, побреется бритвой «Жиллет», выкурит сигареты любимой марки или на экране телевизора завяжет модный галстук. Сто тысяч за курение сигареты... Окупается!

Умелая реклама (например, надпись: «Распродажа!») помогает сбывать залежалый товар. И, наоборот, расчетливое, продуманное повышение цены может создать у покупателя впечатление: доллар переплатил, зато добротная вещь. А вещь заурядная, но подана хитро. Известно старое (но нестареющее!) правило делать рекламу: «Всегда говорите правду. Говорите много правды. Говорите гораздо больше правды, чем от вас ждут. Никогда не говорите всю правду».

Рекламируется в Америке все — от зубочисток и шнурков для ботинок до реактивных лайнеров и личностей, желающих занять выборные должности. На ярмарке жизни человек предлагается так же, как любой из товаров. Вот как писали, например, о сенаторе от штата Мэн Эдмунде Маски, когда у него были реальные шансы бороться за президентское место. «...Выделяется своей суровой привлекательностью... Высок, как мэнская ель, его резко очерченный профиль напоминает суровое, изрытое бухтами побережье штата, а массивная нижняя челюсть — как и у знаменитого мэнского лося». Сенатор Маски, по нашему мнению, действительно достоин уважения и внимания. Но читать этот текст без улыбки нельзя. Таков стиль рекламы.

Вы спросите: а что в Америке рекламируют больше всего? Беспрерывно рекламируют успокоительные средства — таблетки от бессонницы и головной боли. Ну и, конечно же, кока-колу — питье возбуждающее. По вездесущности и назойливости ничто не может спорить с рекламой «кок» (так теперь ласково-сокращенно зовется напиток). «Дела лучше идут с кок». Эту надпись Америка предлагает повсюду, как библейскую мудрость. И что же, действует! За дорогу мы двое опорожнили не меньше трехсот бутылок и банок. Выпьешь, и в самом деле кажется: лучше идут дела!



дело вкуса



дорожный стол

Голоден?.. Давай поедим». Веселый рекламный парень и эта надпись караулят тебя на дороге. И если ты голоден, дружеская, вполголоса фраза действует как магнит. С таким же успехом зазывает к столу со щита кокетливый красноперый петух: «Ну до чего же я вкусный...»

Итак, насыщенное дело — еда.. Еду американскую ругать принято в хвост и в гриву. И есть для этого основания. Порядок жизни, где все поставлено на конвейер, где «индпошив» — дело весьма дорогое, пища — тоже продукт индустрии. А надо ли говорить, что любое блюдо промышленного приготовления всегда проиграет во вкусе. Проследить же конвейер изготовления пищи очень легко. Вот мы сидим в кафе рядом с бензоколонкой. Заказали салат, «гамбургер», молоко, пару яблок. «Гамбургер» жарится у нас на глазах. Два поворота плоской лопаточки, и мясная круглая пышка с кружком лука и кружком помидора кладется на срез круглого хлебца, прикрывается сверху румяной верхушкой — еда готова! Полагать, что пожилая хозяйка кафе и две ее молодые помощницы пекли булки, прокручивали на мясорубке мясо для «гамбургер», — значит заблуждаться. Кафе — всего лишь маленький сборочный пункт на конвейере. Вечером накануне хозяйка сказала по телефону, сколько чего ей надо. Из разных «цехов» (они могут работать и за сто километров от «сборки») на «пикапе» ей привезли «детали» для «гамбургер». Строго калиброванные «детали». (Например, помидор нестандартных размеров на конвейер не попадает.) Если бы мы проследили долгий путь

пищи, то легко бы заметили: конвейер начинается прямо на грядке, на пашне, в саду, на откормочном пункте. Предельная специализация, ничуть не меньшая, чем, скажем, при производстве автомобилей! Ясное дело, дойдя к столу в виде «гамбургер» или любого другого блюда, пища на долгом пути что-то недобрала, что-то порастеряла. Мало в ней витаминов, исчезли родословные запахи и все, что делает пищу вкусной. Но тот же конвейер делает все, чтобы пища была привлекательной. Бычку в корма кладут химикаты — стимуляторы роста. Помидор тоже подкормлен на грядке чем-то таким, что делает его привлекательным, но от рождения уже невкусным. Яблоки... Сохранить райский вид яблокам помогали: какой-то газ, какая-то минеральная смазка. Хлеб кипенно-белый и мягкий. Но пекли этот хлеб неделю назад... Несколько тысяч химических средств помогают пищевой индустрии США выращивать, консервировать, подрумянивать пищу. Справедливости ради надо сказать, американцы не выглядят заморенными этой едой. Люди они крепкие, рослые. А что касается радости от еды, то на это они, похоже, махнули рукой давно. Правда, дальнейшая химизация пищи, фальшивый ее румянец время от времени вызывают бури в печати, расследования. Но поворот назад теперь уже вряд ли возможен. И есть признаки: темпы жизни и много иных причин заставляют и в других частях света не быть щепетильными, когда надо скоро и сытно накормить человека. Ильф и Петров с изумлением писали о таком, например, приеме пищи в Америке: «Мы сняли со специального столика по легкому коричневому подносу, положили на них вилки, ложки, ножи и бумажные салфетки... Вдоль прилавка во всю его длину шли три ряда никелированных трубок, на которые было удобно класть поднос, а по мере того, как он заполнялся блюдами, толкать его дальше...» Узнаете самообслуживание? В 1936 году это было названо «заправочным пунктом». Теперь мы смотрим на это спокойно. Сегодня Америка, живущая в автомобиле,

нередко стремится свести к минутам время еды. Мы, когда очень спешили, прибегали и к такой вот «заправке». Харчевня возле дороги. Столбики для стоянки автомобиля. На столбике — нестареющее меню: «гамбургер», цыпленок, рыба, яблочный пирог, молоко, кофе. Протянул из кабины руку, нажал микрофонную кнопку, говоришь, что хотел бы поесть. В ту же минуту с подносом к машине мчится девчонка. С помощью специальных зажимов поднос укреплен на боковое стекло. Три минуты — обед закончен! Уезжаешь с чувством: до кормежки с помощью шланга уже один шаг.

На дорогах, однако, не всюду царит самообслуживание. В маленьком кафе (столов 8—10) тебя встречает официантка. Она смертельно устала, но усталости не покажет. Улыбнется, немедленно поставит на стол стакан воды со льдом (везде непременно). Пока изучаешь перечень блюд со смешной, но вполне серьезной рекламой — «яйца только что из-под курицы!», официантка кивнет тебе дружески, дескать, ты не забыт, и появится как раз в нужный момент...

Особое слово о чистоте. Она безупречна. Пища жарится у тебя на виду. На белых халатах ты не увидишь ни пятнышка. При засилье пластика столы не везде им покрыты. Есть и добрая старина — полотняные скатерти.

В самые последние годы появилась новая форма самообслуживания. Это что-то вроде столовой с единственным блюдом. Изобрел это блюдо некий старичок Сандерс из штата Кентукки (на плакатах рекламы очень похожий на доктора Айболита). Сделавшись миллионером, Сандерс отдал свой образ румяного старичка рекламе изобретенного им «цыпленка по-кентуккски». Кулинарных высот в конвейерном блюде искать не следует. Но еда вкусная. И есть в столовой с единственным блюдом удобство. Скоростного производства цыпленок жарен и помещен в коробку, где есть приправы, салфетки, бумажные тарелки и губка с пахучей жидкостью для мытья рук. Поел, сложил все, что от

трапезы остается, кинул в ящик для мусора и езжай себе дальше.

Кентуккское блюдо может и надоесть. Румяного деда, как некий дорожный знак, видишь под Вашингтоном и в Калифорнии, в Кентукки и не в Кентукки — во всех уголках и щелях Америки. В гости попал — и там кентуккское блюдо! Осатанеть можно. Но когда вспоминаешь, что и в других частях света (на дорогах особенно) соленых рыжиков, семги, расстегаев и рябчиков под брусничкой тоже не подают, румяный кентуккский дед на плакатах раздражает не так уж сильно.

К числу приятных стандартов следует отнести американское молоко и приправу из помидоров «кетчуп». Молоко можно смело спрашивать в любом месте. Хочешь в дорогу взять молока — пожалуйста. В отличие от наших треугольных пакетов (скроенных по парижскому образцу) молоко в Америке «прямоугольное». Небольшой кубик — на одного. Хочешь тройную порцию — кубики в три этажа. На семью берут целый бумажный бидон. Постоянно опаздывая к ужину, мы запасались молоком загодя. Молоко в багажнике не скисало даже при самой большой жаре.

Мы рассказали об индустрии еды. Ну а что-нибудь «не с конвейера» попробовать приходилось? Да. В нескольких семьях мы были гостями. Ели картошку в мундире, искусно запеченную в фольге. Ели рыбу, обложенную дольками апельсина. Окунали в сметану спаржу и морковные палочки. Ели «стейки» — мясо, которое жарят над углями. Разнообразна еда в ресторанах: итальянских, немецких, мексиканских, русских, французских, китайских. Тут можно спрашивать все, вплоть до хлеба, «сегодня самолетом доставленного из Парижа». Но это еда не простого народа. Она так дорога, что, скажем правду, с нашими «суточными» мы, даже в порядке журналистского любопытства, не рискнули к ней приближаться.

Зато мы ели с кленовым соком блины. Пробовали вирджинскую ветчину, упакованную в холстину. Пили круто заваренный чай со льдом. И совсем уж экзотика — змеи!

В нескольких городах Оклахомы гремучие змеи считаются лакомством. Увы, к такому блюду мы опоздали. Охота на змей — начало апреля. А в Оклахоме мы были в июне.

ШТАНЫ



с заплаткой

Во что одета Америка? Ответить на этот необъятный вопрос все равно что добраться вплавь до Америки. И поэтому оглядимся, войдя в воду лишь по колено. Что чаще всего мы видели? Пожалуй, штаны, ибо носят их все мужчины и добрая половина женщин, включая старушек. Покрой и форма штанов изобличают фантазию невероятную. Но можно выделить острие моды года нашего путешествия: штаны короткие. И не просто короткие, а как бы сделанные короткими из длинных штанов. Берутся старые джинсы и в полминуты неумелой рукой обрезаются чуть ниже места, где штанины объединяются. Вероятно, именно так создавались первые образцы. А поскольку способ этот доступен любому из смертных, дело пошло на лад. И чем более драными получались штаны, тем лучше. Дырка на них — хорошо! Пятно от краски — великолепно! Но за модой в Америке следят не только модники. Очень зоркое око имеет некто с фамилией Бизнес. И вот в магазинах видим штаны с заплаткой фабричного производства. Все как следует быть: ткань выглядит раз пятнадцать постиранной, штаны «неумело» обрублены, есть пятна чернил, заплатка пришита очень небрежно. Иметь такие штаны, гриву до плеч и ходить даже в городе босиком — это осо-

бый стиль. Ему следуют не только лоботрясы, которых много, конечно, в любом государстве. Так ходят многие. В этом есть даже некая философия — «быть поближе к земле».

Местах в двух или трех мы видели грозные объявления в кафе: «Нет обуви — нет сервиса!», другими словами — «босых не обслуживаем!». Но такая борьба владельцу кафе может выйти и боком. Сосед его, конкурент, вывесил объявление: «Заходите в такой одежде, в какой вы есть».

Женщины, как и везде, наиболее изобретательны по части всякого рода новинок. Наиболее подходящее слово тому, что видишь на улице, — одеваются кто во что горазд. Можно встретить образцы отменного вкуса, но много безвкусицы и фрондерства. В штате Кентукки в знаменитую Мамонтову пещеру с нами спускалась дамочка в брюках, сшитых из полосатого американского флага. На оторочку штанов пошла синяя звездная часть флага, означающая, как известно, число штатов Америки. Иногда казалось: женская половина какого-нибудь городка соревнуется под девизом: «Меньше ткани на теле!» Или, наоборот, человек зачехляется так, что походит на шелковичный кокон. Мужья и отцы вздыхают: что можно сделать — эмансипация!

Сдается, однако, что мужчины нашли все же способ указать женщинам: не во всем можно стать вровень. Борода! Пока это женщинам недоступно. Бород в Америке много. Есть холеные бороды, напоминающие произведения искусства. Но огромное количество бороденок в Америке нечесаных, удивительно неопрятных. Американцы народ чистый и аккуратный. Бороденка же — мода, такая же, как и ношение драных штанов...

Нарочитое опрошение в одежде, в манерах, иногда даже в образе жизни (хиппи) — это тоже своеобразный вызов протьюженному, стерилизованному, подрюмяненному благополучию мира, в котором деньги, вещи, преуспеяние и респектабельность задавили подлинные человеческие ценности. Но «бунт штанов и причесок», конечно, наивный бунт. Взрослея, птенцы линяют и обретают в конце

концов перья покровительственной окраски, иначе выживать трудно.

Во что одеваются, путешествуя по Америке? Отглаженные костюмы, галстуки и рубашки, лежавшие в чехле на заднем сиденье нашей машины и предназначенные для разного рода визитов, оказались платьем неходовым. Посещая лаборатории, встречаясь со студентами, учеными, фермерами, лесниками, мы видели людей если не в укороченных брюках, то все же одетых просто. Оставаясь в дорожных хлопчатобумажных штанах и в ковбойках, купленных в ГУМе, мы чувствовали себя хорошо всю дорогу.

Подчеркнутая простота в одежде для Америки характерна. Однако на всякого рода приемах, в государственных учреждениях, в конторе бизнесмена этикет требует свежей сорочки и галстука, пиджак и брюки должны быть тщательно протьюжены. Это внешние признаки благополучия человека. И потому бедняки очень боятся старой и неопрятной одежды. Безработный в поисках места надевает все лучшее, что у него есть. Небрежно одеться в Америке позволяет себе лишь тот, у кого тылы обеспечены платьем добротным. Это нетрудно заметить. И это подтверждает покойный теперь Джон Стейнбек. Вот строчки из книги «Путешествие с Чарли в поисках Америки».

«Я красил однажды комнату... Рядом со мной работал нанятый подручный, и, поскольку у нас с ним не было опыта в малярном деле, оба мы порядком перемазались. Посреди работы стало ясно, что материала нам не хватит. Я сказал:

— Билл, сбегай к Холмену, возьми у него полгаллона краски и кварту растворителя.

— Тогда помыться надо и переодеться, — сказал он.

— Еще чего! Сойдет и так.

— Нет, не сойдет.

— Это еще почему? А я бы и так сбежал. И тогда он изрек мудрую и навсегда за помнившуюся мне сентенцию:

— Надо быть богачом, чтобы ходить в та кой затрапезе.

Это не смешно. Это верно...»



ночлег

Днем в кафе мы
слышали анекдот:

- Я хочу у вас переночевать...
- Мест нет, — отвечает дежурный в мотеле.
- Я один...
- Все занято.
- Неужели ни одного места?!
- Ни одного.
- Ну поищите...
- Сэр...
- Одно только место! Ну приехал бы к вам президент, ведь нашли бы?
- Для президента, конечно, нашли бы.
- Ну так и дайте мне этот номер.

Президент сегодня к вам не придет...

Чужая ночь. Большая Медведица висит на небе вниз головой. На пути маленький городишко. Есть ли ночлег в городишке?. Есть. Мотель «Четыре ветра». Название — приманка для охотников и любителей рыбной ловли...

Минута формальностей. Заполняем коротенькую анкетку. Фамилия. Адрес. Марка и номер машины. Где работаем, можно писать, а можно и не писать. В обмен на деньги хозяин, протирая глаза, дает запоздавшим гостям ключи и уходит досматривать сны. Кто мы, откуда, куда — хозяина не волнует.

Двенадцать... Но надо еще посидеть над блокнотами. Двойные порции кока-колы приводят нас в рабочую форму. Но в аккуратной клетушке мотеля «Четыре ветра» работа все же не клеится. Духота. В раскрытые окна

ни один из ветров, обещанных нам рекламой, проникнуть не может — окна затянуты частой металлической сеткой. Приоткрываем упругую дверь и, чтобы осталась щель, кладем на порог библию — тяжелый черный кирпич. За святотатство сейчас же получаем и наказание — комната наполняется комарами.

Поохотившись малость на комаров с помощью примитивных шлепков, мы глянули друг на друга: а сервис Америки?.. Неужели миннесотские комары не взяты в расчет?.. Взяты! В большом выдвижном ящичке, где хранились запасные одеяла и гнутая палочка для чесания спины, лежала изящная мухобойка. Механизированная охота на комаров дала хорошие результаты. Часа в два ночи мы разошлись по кельям...

Утром, погрузив в багажник дорожную кладь, оставляем ключи, как принято, в замочной скважине — и прощайте, «Четыре ветра»!..

Дорога в Америке без мотелей немислима, как немислим лес без грибов. Но и мотели, понятно, без дорог не растут. Так же как и бензоколонки, они теснятся на особо бойких местах, подобно опяткам. В больших городах мотель вытянут вверх и может иметь этажей семь. В маленьких городках (обычно на въезде) мотель имеет один, изредка два этажа. Рядки дверей. Как раз к каждой двери можно поставить автомобиль. Мотель может принадлежать одному лицу. Нередко хозяин с хозяйкой, имея пару помощников, вполне управляют с одноэтажным приютом норк на двадцать. Но единоличникам все труднее тягаться с мощной индустрией ночлега. Корпорации «Холидей Инн», «Говард Джонсон», «Уэстерн» затмевают сиянием своей рекламы отчаянный бег огоньков какой-нибудь «Тишины», «Уюта», «Теплого очага». Корпорация — это многие сотни типовых, добротных мотелей. Реклама — «В любом месте вы найдете эти удобства» — обязывает держать мотели в образцовом порядке.

Все удобства продуманы. Две кровати (Тур Хейердал мог бы на них переплыть океан!)

стоят в одном номере на тот случай, если приедешь с семьей (ребятишек можно класть поперек). Обязательно телевизор. Стол для письма Телефон (и пудовая телефонная книга). Кондиционер воздуха. Два запасных одеяла. Открытки, конверты, бумага. Спички, иголка с ниткой, бумажка для наведения блеска на обуви. Полная дюжина разнокалиберных полотенец. Вода холодная и горячая. Кусочек мыла... На всем, исключая разве что непрременную библию, шитьем и тиснением — название отеля Запоминай!

Стандарты санитарии в Америке высоки. Но в особый культ возведена стерильность мотельных стаканов и унитазов. Каждый стакан на полочке перед зеркалом обязательно упакован в хрустящий бумажный мешок. А через белый круг унитаза, наподобие фельдмаршальской ленты, протянута лента бумажная. На ленте надпись, означающая: унитаз прошел санитарную обработку.

В мотеле человек не живет, а только ночует, и кое-что из удобств, убеждаешься за дорогу, — откровенный крючок рекламы. Без них вполне бы и обошелся. Но, отделив рекламные блестяшки от подлинных удобств, надо сказать: ночлежное дело поставлено в Америке образцово. Поучиться тут можно (и надо) многому. Народ у нас нынче тоже подвижен. Легкодоступная крыша над головой людям в дороге нужна. Гостиницы и мотели — дело не только необходимое, но и очень доходное... И аккуратности надо учиться. На полу в американском мотеле, даже самом захудалом, вы не найдете следов строительства: ни капли краски, ни трещин, ни подтеков воды. Из крана, если на нем помечено: «горячая», вода горячая и потечет. Наоборот никогда не бывает.

Мы знаем, у читателей есть вопрос: ну а плата... какова за ночлег плата? Разная. Ниже семи долларов за ночлег мы не платили (захудалый мотель). Двенадцать-пятнадцать долларов — цена средняя. Двадцать — двадцать пять долларов с души берет добротный «Холидей Инн».

Среди цветистых названий («Дружественный», «Праздничный», «Колесо») особо запо-

мнилась вывеска вблизи поселения индейцев. Название мотеля на русский переводилось дословно так: «Тут не снимают скальпы!» Скальпы, однако, снимали — семнадцать долларов за ночь!



Последний понедельник мая застал нас в штате Вайоминг. Утром мы расплатились в мотеле и тронулись осмотреть маленький городок. Удивились: ни единой души на улицах. Люди были за городом. Еще издали у холма было видно скопление автомобилей. Мужчины, женщины, старики, дети несли цветы, венки и флажки. Тихо стояли у надгробных камней и крестов. Приспущен был флаг на здании школы. В сквере возле чугунной старинной пушки — большой венок из цветов. Городок отмечал День поминовения, один из многих американских праздников. В этот день воздают почести павшим в боях, вспоминают тех, кто не вернулся с войны или умер от ран.

Календарь нашего путешествия совпал еще с двумя праздниками. В начале мая Америка отмечала День матери, а в середине июня — День отца. (Родителям посылают подарки, поздравления и цветы.)

Сколько всего в Америке праздников? Никто не взялся их перечислить — у каждого штата свои обычаи. Уверенно нам назвали девять федеральных (мы бы сказали — всесоюзных) праздников, но с оговоркой: и в этом случае у каждого штата свой!

норов. И все же девять праздников можно назвать всеамериканскими: Новый год, День Вашингтона (первый президент США), День поминовения, День независимости, День труда, День ветеранов, День благодарения, рождество. И недавно по решению конгресса стали праздновать День Колумба. Девять праздников — нерабочие дни Америки. Это время отдыха и торжеств. Есть, кроме того, множество праздников, связанных с религией, с различными моментами истории США, обычаями переселенцев разных национальностей. Вот несколько для примера. День шуток — 1 апреля. Пасха. День лесорубов и День древонасаждений. День флага. День благословения искателей морских губок (отмечается в штате Флорида). В «столице яблок», штате Вашингтон, празднуют День цветущих яблонь. Голландцы, осевшие в Мичигане, справляют четырехдневный фестиваль тюльпанов...

Надо заметить, в Америке много праздников, связанных с временами года, с яркими проявлениями природы. Есть, например, День сурка, совпадающий по сезону с нашей масленицей. И подобно тому как у нас деревенские жители на сретенье («зима с весной встретились») наблюдают, «напьетса ли курочка у порога», и судят по этому, ранней ли будет весна, деревенские жители в США такие прогнозы строят, наблюдая выходящих из нор сурков.

С приходом глубокой осени, с окончанием работ на полях связан самый старый в Америке и, пожалуй, самый любимый американцами День благодарения. Его отмечают в последний понедельник ноября. Этот праздник благодарения земле за щедрость был впервые отмечен колонистами Нового Света в 1621 году. В ту пору доступным лакомством на столе была дикая индейка. И по сей день индейка (уже домашняя) с брусничным вареньем и тыквенным пирогом — неперенное блюдо на празднике. Где бы ни был американец в последний понедельник ноября: во Франции, Аргентине или Лаосе, — старинный праздник он не забудет, он разобьется в лепешку, но отведаст индюшатины.

Как и у нас, начало всем праздникам — Новый год. Однако американский Дед Мороз — Санта-Клаус приходит к детишкам раньше, на рождество. И елки тут тоже рождественские. (Традиция наряжать елку пришла из Европы недавно — в этом веке.) Рождество — это конец года. Это семейный обед, подарки детям, поздравительные карточки. А Новый год — это Новый год. В Америке он без застолья и без гостей. Продажа шампанского к празднику тем не менее возрастает. В новогоднюю ночь с бокалами в руках члены семьи толпятся у телевизора. Показывают нью-йоркский Таймс-сквер — знаменитый перекресток, где сходятся Бродвей, 7-я авеню и 42-я улица. Телекамеры нацелены на шпиль здания страховой компании. За минуту до наступления нового года стеклянный шар на вершине шпиля начинает медленно скользить вниз. Ровно в полночь шар вспыхивает ярким светом. Звенят бокалы. Можно ложиться спать — с новым годом не разминутся.

Общенациональный патриотический праздник в США отмечается летом 4 июля. В этот день в 1776 году была подписана знаменитая «Декларация независимости»: 13 североамериканских колоний объявили образование независимо от Англии государства — Соединенных Штатов Америки. С тех пор это день воодушевляющих собраний, парадов и пикников за городом и на лужайках возле домов. А с наступлением темноты в небо летят ракеты. Еще задолго до праздника почти в каждом доме открывается пиротехническая мастерская. Каждый американский мальчишка пытается в этот вечер произвести впечатление на соседей собственным фейерверком. Грохот стоит невообразимый. По улицам плывут клубы сизого порохового дыма. И так почти до рассвета. На другой день городские газеты полны драматических сообщений об обожженных руках, о вызовах «скорой помощи» и пожарных команд. Статистика утверждает: от пиротехники на праздниках Дня независимости погибло больше людей, чем в самой войне за независимость.

В американских праздниках много шумного торжества, красочной парадности: начищенные до блеска медные трубы, белые костюмы, голенастые девицы в коротких юбочках, с булавами в руках, фейерверки. Это все одинаково на севере и на юге, на западе и востоке. Колоритные черточки увидишь там, где стандарты жизни и время не стерли национальные обычаи переселенцев в Америку. Самобытны праздники у ирландцев, у скандинавов, живущих на севере США, у французов в нижнем течении Миссисипи. Яркое зрелище — ковбойские праздники в западных штатах. Интересен праздник у лесорубов Монтаны — захватывающие дух соревнования верхолазов, демонстрация мастерства вальщиков леса (дерево падает так точно, что забивает колышек, заранее воткнутый в землю).

Но большинство праздников губит коммерческий ажиотаж. День труда, рождество, День Вашингтона — все опошляет купля-продажа. Вот вам рекламные объявления к празднику: «Если бы Джордж Вашингтон жил сейчас, он бы употреблял только наш порошок от пота ног!», «Великая дата! Распродажа уцененных товаров имени Вашингтона!» И это кричит не торгош-одиночка в маленькой лавке. Все это слышишь по радио, телевидению, это видишь на дорожных щитах, на витринах, писанных светом. И если уж с Вашингтоном обходятся так, то можете представить, что делают со стариком Санта-Клаусом. Или еще образец нетерпения найти покупателей в День поминовения, в день памяти погибших на войне Плакат. На нем край окопа и умирающий солдат. Рука протянута к ящику с бутылками пива. Подпись: «Он знал, за что стоит отдать жизни!» Такова главная оркестровка всех праздников.

Особые огорчения связаны с Хэллоуином, с праздником, которого с нетерпением ждут дети и очень боятся матери. Хэллоуин — это 31 октября, ночь накануне Дня всех святых. Задолго до этого начинается подготовка. Ребятишки ножами потрошат красно-медные тыквы. Вырезают в них нос, рот, глаза. Если в тыкву поставить свечку, получается страшноватая маска. Едва стемнеет, ребятишки на-

ряжаются черными кошками, ведьмами, привидениями и обходят дома.

— Кто там?

— Трик ор трит! — звенит голосок. — «На бедокурим, если не угостите!»

Ну конечно же, угостят! Угощенье давно готово. Дверь открывается. Ребятишкам дают конфеты, яблоки и орехи, пряники и монеты. Старинная, привезенная из Европы игра детей и взрослых. В ней краски и аромат жизни. Взрослые сами были когда-то детьми. Вот так же веселым гуртом обходили дома: «Трик ор трит!» Как интересно вечером, когда мать загонит наконец спать, высыпать на стол добычу, разложить — конфеты к конфетам, яблоки к яблокам...

Но почему же матери так боятся этого славного вечера 31 октября? Еще накануне по радио, по телевидению, со страниц газет матерей предупреждают: «Не разрешайте ребятам есть дареные яблоки и конфеты! Не разрешайте! Не разрешайте!» Почему? Матери не задают этого вопроса, матери уже знают. В дареном яблоке может оказаться кусочек лезвия безопасной бритвы. В конфеты может быть вприснут сильный наркотик или смертельный яд... Это началось лет десять назад, и с тех пор каждый год 1 ноября газеты сообщают о порезанных детских губах, о судорогах и конвульсиях отравленных малышей.

Каким же надо обладать мохнатым сердцем, чтобы протянуть ребенку такой подарок! В чем причина? Этот вопрос в Вашингтоне мы задали психологу П. Гейзлеру. Старый профессор признался, что в затруднении.

— Двумя словами не объяснишь... Это жизнь. Это часть нашей жизни. Отчуждение, озлобленность... Сложите все вместе, и вы получите атмосферу. Жизнь состоит не только из праздников. Меняется она тоже не обязательно к лучшему...

Таковы объяснения.

Яблоко с бритвой. Доверчивому мальчишке... Вот вам и праздник Хэллоуин.



лучше быть
здоровым..



СКОЛЬКО СТОИТ аппендицит?

Аппендициты всегда бывают не вовремя. Завтра лететь. И вдруг из Вашингтона в Москву звонок '«Задержись на неделю. У меня аппендицит». Билет поменять — дело нетрудное. А вот как там, в Вашингтоне, с аппендицитом?..

На четвертый день телефонную трубку взял уже сам больной. Разговор был таким.

— Ты уже дома?

— Тут лечат быстро...

— Это как же?

— Прилетишь, расскажу...

И вот мы вместе. Ну и, конечно, вопросы первые — о здоровье

— Все о'кэй. Вот погляди-ка бумажку...

Бумажка была счетом за удаление у «мистера Стрельникова» подкачавшего аппендикса. Одному из нас с подобного рода бумагой пришлось столкнуться впервые, и было очень интересно читать:

«Анализ крови — 25 долларов.

Анализ мочи — 22 доллара.

Плата хирургу за операцию — 200 долларов.

Анестезия — 35 долларов.

Плата за каждый день пребывания в госпитале — 200 долларов

Плата за телевизор — 3 доллара в день...»

И так далее. Всего расставание с аппендиксом мистру Стрельникову стоило 1112 долларов (тысячу сто двенадцать!). Сюда входит плата врачу за постановку диагноза, плата за физиологический раствор, за удаление ниток из шва... Если бы мистер Стрельников пожелал продлить пребывание в госпитале до существующей у нас нормы (семь дней), бумажка счета стала бы впло-

ловину длиннее. Как гражданин страны, где медицинское обслуживание бесплатное, денег из своего жалования мистер Стрельников не платил. Уплатило за него государство. А в больнице он был столько, сколько бывают американцы, — три дня.

Справедливости ради скажем: аппендикс мистеру Стрельникову удаляли в хорошем госпитале. В Нью-Йорке, выясняя вопрос: «Сколько простому человеку в Америке стоит родиться, лечиться и умереть?», мы зашли в госпиталь попроще. Тут было родильное отделение, и мы под видом двух взволнованных отцов поднялись на третий этаж. Через толстые стекла, как из аквариума, акушерки показывали отцам закатанных в белые коконы американцев, которым от роду было день или два. Мы походили, сколь было прилично, а когда беленький ангел лет двадцати заметил, что мы не просим показывать нам наследников, объяснили, что хотели бы полчаса поговорить с кем-нибудь из врачей. Ангел по имени Элизабет повел нас к врачам.

Это было любопытное путешествие по коридорам и кабинетам. Врачи молодые и пожилые, узнав, в чем дело, вели себя как-то странно. Один маленький, как гном, хирург заторопился на операцию. Другой сказал, что он в этом госпитале человек новый и «его компетенция не позволяет»... Третий изобразил недоумение — «врачи, увы, тоже болеют»... И было невежливо загонять человека в могилу. Ангел Элизабет (секретарь родильного отделения), почувствовав, что попала на хороший спектакль, стала хихикать.

В одной из комнат нам наконец предложили присесть, и плотный, лет сорока пяти человек, мудро глянув на двух гостей поверх тяжелых очков, сказал:

— Я ведь знаю, джентльмены, какие будут вопросы... Внизу, в самом низу, вас примет господин (были названы имя, фамилия, должность). До свидания, джентльмены...

В каждом солидном учреждении США, будь то частная фирма или ведомство государственное, обязательно есть человек для связи с прессой. Журналисты — народ палец в рот не клади. И вот держат человека, ко-

торый палец в зубы журналистам и не положит. А если положит, то не укусишь. Человек знает, что надо сказать, а что не надо, что показать и что спрятать. Кому приходилось хватать руками угря, может понять, как трудно даже бывалому журналисту сидеть у стола «человека для связи с прессой».

Господин Ар... (итог беседы обязывает именно так его называть) встретил нас улыбочивой вооруженностью и выложил на стол «хорошо упакованную информацию» — десятка три брошюр и листов, содержащих весь преискурнт госпитальных услуг. Анализы, кардиограмма, диагноз болезни, время лечения, консультация у светил — все имело твердую цену. «Особый вопрос — операция, — объяснил мистер Ар... — тут цену больной узнает с глазу на глаз с врачом». Сколько хирург запросит, столько и платят. Но для стандартного аппендицита цена была твердой — 150 долларов. За каждый день лечения после операции — тоже 150. Таким образом, удаление аппендикса стоило 700 долларов. Примерно столько же стоило тут человеку родиться, если, конечно, человек на белый свет идет обычным путем, а не через кесарево сечение (наценка — 90 долларов).

О человеке и болезнях лакированные брошюры говорили так же, как говорят в мастерской о ремонте, например, телевизора: кинескоп — столько-то, замена ламп — столько-то, пайка, настройка...

Мистер Ар... хорошо понимал жесткую холодность преискурнта и поспешил объяснить, что есть в Америке способы уменьшить «силу удара, под который человек попадает в то время, когда ему следовало бы протянуть руку помощи». Мистер Ар... говорил о страховках, о бесплатных госпиталях, о благотворительности... Мы слушали его вежливо, записывали, задавали вопросы... А потом обе стороны замолчали. Закурили. Коснулись немедицинских тем. И вдруг человек, охранявший интересы денежной медицины, пожаловался на печень и сказал нечто противоположное тому, что говорил десять минут назад.

— А вообще не дай бог в Америке заболеть... Врачей у нас очень боятся. Знаете, о чем просят чаще всего, когда болезнь прихватит прямо на улице? «Не везите в госпиталь».

Почему разговор пошел по запретному в этой комнате руслу? Потому ли, что журналисты убрали блокноты, или у мистера Ар... печень сильно шалила в тот день, или еще что-нибудь тому способствовало? Особенных откровений в словах уставшего лысоватого человека, правда, и не было. Но степень риска, на которую шел маленький служащий в приливе неожиданной откровенности, мы понимали и потому не считали вправе его поощрять. Мы просто слушали.

— Я сказал вам: есть лечение бесплатное. Но туда не отправят, если узнают, что есть чем платить. Да и сам человек страшится бесплатной лечебницы. Бесплатная — это не просто очень плохая лечебница. Попал в бесплатную — это значит кончился человек! Америка любит здоровых и обеспеченных. Потерял здоровье, кончается все: работа, кредит, друзья... Доктор Спок, который, по моему, зря подался в политику, знаете, по чему известен в каждой семье?... Он дал ма-терям простую, понятную книгу о том, как лечить ребятишек, не обращаясь к врачам... Знаете, сколько в год загребает тот, который вас сюда отослал?... Тридцать тысяч! Все они связаны вот как! — мистер Ар... соединил пальцы двух рук. — Я-то знаю...

Опять закурили. Пауза охладила мистера Ар... Он постучал по столу железкой скоросшивателя. Поднялся. Кусочком прозрачной ленты подклеил к стенке слегка отставший плакат, на котором к маме и папе по зеленой лужайке бежала крепкая девочка. Мы поняли: пора прощаться...

Уровень американской медицины очень высок. Тут умеют делать сложнейшие операции. Техническое обеспечение госпиталей и научных лабораторий самое современное, самое совершенное. Среди врачей — талантливейшие люди, имена которых известны не только в США. Но все это к услугам тех, кто может платить. Если же денег нет, милосерд-

ная медицина (а такой ей полагается быть) к человеку глуха. Вот случай.

В городе Хьюстоне штата Техас умер Хуан Уресте, мальчонка одного года. Ребенок, не унимаясь, метался и плакал. Отец, подозревая болезнь, схватил его на руки и побежал в госпиталь.

— А деньги у вас есть? — спросили отца в регистратуре.

Отец протянул несколько долларов — все, что у него было.

— Этого недостаточно, — сказали отцу, — обратитесь в больницу для бедных.

Больница для бедных была в двенадцати милях. И мальчик по пути туда умер. Отец держал его на руках и плакал. Сцену эту увидел проезжающий мимо журналист. Случай получил огласку: «Если наши больницы отказываются принять умирающего ребенка лишь потому, что у его отца нечем заплатить, значит, что-то неладно в нашем обществе».

Там же, в Техасе, в маленьком городишке Гроутоне (115 миль от Хьюстона), произошел другой случай. Примерно год назад в местной аптеке сидел проезжий турист и рассеянно потягивал кока-колу со льдом (напомним: аптеки в США — одновременно закусочные). Неожиданно дверь распахнулась — внесли человека с переломом ноги. Рана была открыта и кровоточила. Никто не знал, что делать. И тут поднялся проезжий. Вместе с аптекарем он умело наложил шины и сделал укол не хуже, чем это делал старый, единственный в городке доктор, умерший месяц назад.

Из дома в дом, из уст в уста полетела хорошая новость: «В город приехал доктор! Слава богу, снова есть доктор!» И немедленно повалили больные. Доктор Браун, так назвался проезжий турист, принимал их прямо в аптеке. Пятерых тяжелобольных он посетил на дому.

— Оставайтесь у нас, — стали просить горожане.

Браун остался.

Уважение к новому доктору непрерывно росло. Он брал всего лишь три доллара за

прием и пять долларов за вызов на дом. Это была баснословно низкая плата. Больше того, с тех, кто был беден, доктор не брал ничего. И это вызвало подозрение. Такого врача не может быть, решили местные власти...

Пришел день, когда доктор Браун был арестован. Он оказался Фредди Брантом, бывшим сержантом парашютно-десантных войск. В 1956 году юный Фредди получил восемь лет за ограбление банка. Опыт врачевания он приобрел в тюремном госпитале, где работал санитаром...

Любопытно, что жители Гроутона не считают себя оскорбленными тем, что целый год их «лечил» человек, не имеющий даже среднего образования. Они ценили бескорыстие Фредди и сейчас не питают к нему никаких других чувств, кроме благодарности. 1400 жителей города подписали петицию, в которой содержится просьба освободить Фредди из-под ареста и разрешить ему продолжать исполнение обязанностей городского лекаря.

Жителей Гроутона можно понять. Городишко опять без врача. Да и если появится доктор, шансов ждуть от него бескорыстия Фредди ничтожно мало. Частные врачи в Америке держатся крепко спаянным кланом, в котором бескорыстие предосудительно. Недавно юристы сената США сделали вывод (приводим его в изложении Джека Андерсона из газеты «Вашингтон пост»): «Частные врачи обирают пациентов, кладут себе в карманы огромные суммы денег... Общества, которые возглавляют преуспевающие медики, разрослись во многих городах США в своего рода монополии. Они немедленно выводят из своего состава врачей, пытающихся создать недорогостоящие лечебные центры. В результате такой блокирующей политики больной американец среднего достатка должен идти к частному врачу или обращаться в клинику, где за каждый вид лечения взимают отдельную плату». Далее Джек Андерсон приводит факты обследования рабочих сахарной плантации в штате Луизиана. «У 107 рабочих обнаружены опухоли, сердеч-

но-сосудистые расстройства, язва, артрит и многие другие заболевания». Никто из них не лечился. «Они знают, что не в состоянии позволить себе лечиться, так как получают медицинский счет, который не в силах оплатить».

Вот почему жители Гроутона написали петицию с мольбой вернуть им Фредди.

от выстрела



до выстрела...

В багаже из Москвы у нас была вещь, в путешествии очень нужная. Но ее скрепя сердце в Вашингтоне пришлось отложить. Фоторужье... Это телеобъектив с фотокамерой, оборудованной для удобства прикладом и спусковым механизмом. Этой штукой снимают все, к чему трудно приблизиться: зверей, птиц и людей, если не хочешь беспокоить близким присутствием. Владелец ружья не раз убеждался в удобствах этой, правда, немного громоздкой системы. Но в Вашингтоне, как только ее увидели, в один голос сказали: «С ума сошел! Тебя кокнут, не успеешь даже поднять эту штуку. В порядке самозащиты кокнут...» Прислушаться было к чему. Владелец фоторужья вдруг особенно ясно увидел: инструмент очень сильно напоминал хороший боевой автомат. В момент укладки дорожного снаряжения в комнату вбежал младший Стрельников:

— Папа, опять стреляли!

Мы кинулись к телевизору. Пожилой комментатор, не скрывая волнения, говорил: «Только что на предвыборном митинге в

городке Лорел стреляли в губернатора Алабамы Уоллеса...»

Журналисты в Америке очень оперативны. Тотчас же мы увидели митинг в торговом центре, говорящего губернатора, сумятицу. И вот уже кандидат в президенты распростерт на земле. Крупным планом искаженное болью лицо. И еще лицо крупно, тоже искаженное болью, — полицейские избивают белокурого парня. Мгновение выстрела было коротким. Обычный ход киноленты делал его почти незаметным. Но техника может все! Нужные кадры остановили, увеличили до предела. И вот мы видим руку с поднятым пистолетом. Видим Уоллеса, глотнувшего воздух открытым ртом. Телекомпания, счастливая обладательница сенсационной пленки, показала сцену убийства еще и еще. Утром к драматическим кадрам добавились новые: удрученное горем лицо отца — «мой сын был хорошим, спокойным парнем...». В телестудиях спешно были просмотрены киноленты всех претендентов на президентский пост. Опять сенсация: белокурый парень в очках оказался на каждой пленке. Поначалу думали: парень метил в откровенно расистскую личность. Теперь было ясно: искал удобного случая убить любого из претендентов. Зачем? На этот вопрос уже в тюрьме 20-летний Артур Бремер ответил спокойно: «Теперь хоть что-то в жизни я сделал...»

В который раз Америка содрогнулась Телевидение и газеты в эти дни вели счет «знаменитым» убийствам. Вспомнили братьев Кеннеди, Мартина Лютера Кинга... Теперь Уоллес. А завтра? Заглянули назад поглубже — оказалось, стрелять президентов в Америке — дело обычное, традиционное. Покушались на Рузвельта, с галерки конгресса стреляли в Трумэна Президент Уильям Мак-Кинли в 1901 году был застрелен в упор. Стрелял человек, которому президент протягивал руку, здороваясь. Говорили газеты о Линкольне... За сто лет с 1865 года каждого третьего президента Соединенных Штатов покушались убить. И каждый пятый убит. Газеты гадали, как лучше сберечь политических лидеров. Вывод такой. Время рукопожатий и

открытых общений с людьми кончилось. Если на митинг пускать даже одних полицейских и одетую в штатское платье охрану — гарантии безопасности все равно нет. Остается одно лишь средство общения — телевидение.

Но в эти дни говорили не только о крупных личностях. Напомнили об убийствах ежедневных и ежечасных. Ограбления, месть, расистская ненависть, подозрительность, конкуренция, убийства из желания просто убить, убийства, чтобы прославиться, убийства из-за привычки к убийствам. Мотивов много. Примеров тоже.

В Чикаго бывший моряк Ричард Спек убил восемь медицинских сестер. В столице Техаса Остине морской пехотинец Чарльз Уитмен с башни университета щелкал людей на площади, как воробьев, — 14 раненых, 40 убитых...

У дома писателя, автора детективных романов Джесси Форда (поселок Хамболдт в штате Теннесси), остановился автомобиль. Писатель вышел и выстрелил. И убил невинного человека. Мотив? «У меня было подозрение, что хотят застрелить сына...»

Перечислять все это можно до бесконечности. Мальчишки в Нью-Йорке убили продавца в магазине за то, что подал им не тот пирог. В Чикаго в автобусе гражданин с помощью выстрелов «угваривал» водителя остановиться там, где гражданину хотелось выйти. Пишут: «В водителя не попал, но ранил нескольких пассажиров». В мелкой дорожной ссоре муж застрелил жену. «Домовладелец схватил винтовку и уложил человека, рассеянно кинувшего коробку от сигарет на чистый лужок перед домом». Стрельба идет в школах. В городе Балтиморе после одной перестрелки полиция отобрала у школьников 125 пистолетов...

Сами блюстители законности держат оружие наготове. Два любопытных факта. В дом к одному известному вашингтонцу постучались два репортера. Открывший двери хозяин стоял с пистолетом. Кто же во всеоружии встретил гостей, не предупредивших о визите? Председатель Верховного суда США Уоррен

Бергер. Об этом символическом эпизоде много писали. Куда же дальше — сам верховный судья с пистолетом! До выстрелов в доме большого судьи не дошло. Но бывает, что даже официальное правосудие вершится с пистолетом в руках. Вот заметка из «Тайме». «В зале детройтского Дома правосудия адвокат, доказывая невиновность подзащитного, прибег к довольно необычному аргументу, вытащил из кармана пистолет и направил его на судью. У судьи в тот день не оказалось револьвера, который обычно он носит всегда с собой, но трое полицейских, успев выхватить оружие, застрелили адвоката...»

Показывая время от времени нежащего в постели Уоллеса (тот мучительно улыбался: «Я продолжаю борьбу»), телевидение и газеты так и сяк обсуждали проблему. Назывались не только убийства, но и множество преступлений, совершенных под прикрытием пистолета. «В парке под Вашингтоном жену изнасиловали на глазах привязанного к дереву мужа». «Действует «Клуб 12-ти». В него принимаются те, кого грабили не менее двенадцати раз». Нашли рекорд, в Балтиморе живет человек, лавчонку которого грабили сорок раз. И гут же, почти со смешком, под заголовком «Не повезло» свежая новость: «Утром у Эдварда Фримена на пути в магазин отняли четыре доллара. В полдень с угрозой пристрелить отняли торговую выручку. Вечером от полицейского участка, куда Фримен пришел заявить, угнали его машину».

Это ежедневная хроника. А вот статистика. За семь месяцев 1972 года почти миллион американцев стали жертвами нападения со стороны грабителей, насильников и убийц. Только в Нью-Йорке за семь месяцев 1972 года было совершено 1155 убийств, несколько сот изнасилований и несколько десятков тысяч грабежей с применением физической силы и оружия. За последние десять лет число убийств по стране в целом возросло на 70 процентов, изнасилований — на 113 процентов, вооруженных ограблений — на 212 процентов.

Что за этими цифрами? Прежде всего страх населения. В каждом городе есть районы,

где люди по вечерам не рискуют выйти на улицу Женщины боятся входить в лифт с незнакомым мужчиной. Секретарши и стенографистки городских учреждений в Вашингтоне, задержавшиеся на службе до темноты, боятся перебежать улицу до стоянки такси, даже если стоянка находится наискосок от здания конгресса

Страх не оставляет людей и дома. Пожалуй, одна из самых процветающих сейчас в США отраслей промышленности — изготовление хитроумных замков и электронных приборов, поднимающих тревогу. Многоквартирный дом, в котором расположен корреспондентский пункт «Правды», охраняют восемь телевизионных камер. Восемь экранов, расположенных перед глазами двух постоянных дежурных, показывают, кто где идет. В двери каждой квартиры вмонтирована сирена. С наступлением темноты по коридорам дома ходит дюжий охранник, вооруженный пистолетом и деревянной дубинкой. В руках у него портативный радиоприемник-передатчик для вызова подкрепления.

Но за дверями с чудо-замками и сиренами все время не просидишь. Полиция советует: выходя на улицу, кладите в карман хотя бы десятку — откупиться от уличного грабителя. Иначе он разобьет вам голову. Растет число курсов, где безусые парни и седые матроны с одинаковым усердием изучают искусство карате и дзюдо. Не дремлет реклама. Женщинам предлагают носить на запястье руки изящный полицейский свисток, а в сумке — пульверизатор с ядовитым газом размером чуть больше тюбика губной помады. Джентльменам рекомендуют тяжелую трость, а лучше пистолет, носящий таинственное, щекочущее нервы название — «субботне-вечерне-специальный».

В дни драмы Уоллеса опять поднялась волна протестов против свободной продажи оружия. Сообщались цифры: «У населения США в данный момент 110 миллионов единиц огнестрельного оружия, из них 45 миллионов — револьверы».

Ехать в гущу вооруженных людей с фотокамерой, походившей на автомат, было, ко-

нечно, рискованно. Но за дорогу сами мы слышали выстрелы лишь два раза. Тревожный и нехороший выстрел грохнул ночью на горной дороге штата Вайоминг в узком лесном проеме. Мы резко затормозили. Но вдруг услышали вполне миролюбивый голос:

— Не бойтесь. Это я стрелял. Винтовка спрятана...

В свете фар у дороги стоял бородатый пожилой человек. Понимая деликатность момента, старик держал руки кверху — по-фронтовому. Оказалось, стрельнул старик — себя подбодрить. Дорога была глухая. Машина сдала. Старик не знал, что с ней делать. И стрельнул, пугаясь окружавшей его темноты. Мы помочь не могли. И уехали с обещанием на ближайшей колонке о нем сказать.

И один раз мы видели руку, державшую пистолет. В штате Техас нашу машину резко прижал к обочине полицейский.

— Документы...

Мы оба послушно полезли в карманы.

— Только один! — Рука полицейского рванула у пояса пистолет.

Молодой, не слишком опытный малый кого-то ловил и резонно подумал, что двое вместо бумаг могут достать оружие.

Пробежав глазами наши листки, полицейский сунул свой пистолет в кобуру — двое «красных» в Техасе были ему не страшны. Он почувствовал себя даже в некотором роде неловко.

— Неужели из самой Москвы? Не берите хичхайкеров...

Хичхайкеры — это те, кто голосует возле дороги. Адрес, куда подвезти, обычно написан на обломке картона: «Я в Аризону», «Мне до Нью-Йорка». Соблазн иметь собеседника в автомобиле очень велик. Для журналиста это, возможно, лучшая ситуация откровенно поговорить — человек едет с тобой полдня, к вечеру вы расстанетесь, и потому разговор идет без оглядки. Но прошло время, когда в Америке можно было без риска сажать человека в автомобиль. Случайный пассажир может убить водителя, чтобы уже за рулем доехать в Аризону или Нью-Йорк. Сколько собеседников из-за этого потеряли! «Не берите!»

Этот совет мы слышали всюду. В штате Миссисипи предупреждение было оформлено в виде дорожного знака: «Район тюрьмы. Не берите хичхайкеров!»

...В газетах портрет Уоллеса мы видели всю дорогу. Лежа в постели, бедняга силится улыбаться. Улыбалась жена губернатора. Но это были улыбки для публики. В колонках под снимками газеты со ссылками на врачей обсуждали: будет ходить Уоллес или же пули пригвоздили его к постели до конца дней? О стрелявшем и вообще о стрельбе поминалось уже мимоходом. Благородные страсти «изъять оружие из продажи!» угасли.

В городе Санта-Фе мы зашли в магазин, витрину которого украшали две пушки, крупнокалиберные пулеметы и уложенные красивыми горками гранаты-«лимонки». Магазин был большой. В нем вполне поместилась бы парочка танков. У прилавка, где были разложены пистолеты, стояли две женщины и человек шесть мужчин. Молодой продавец с волосами и бородкой Иисуса Христа держал на ладони отливавший синевой пистолет.

— Из этого он стрелял... Отличный бой.

Имя Уоллеса названо не было. Но все понимали, о чем разговор. И такого рода реклама никого не смущала. Пистолеты продавались, чтобы стрелять, отчего ж не сказать, что эта штука не подведет, и не сослаться на то, что известно всем.

У нас на глазах два пистолета купили. Мы объявили сразу, что покупать ничего не будем, но хотели бы посмотреть, если можно.

— Журналисты? Пожалуйста.

С десяток пистолетов разных систем продавец положил на прилавок. Тут был знакомый по кинофильмам массивный «кольт», была вполне боевая «игрушка» для маленькой женской руки. И была штука, из которой не то что человеческий череп, танк продырявишь. Цены различные: весьма доступная — 110 долларов, умеренная — 200—300 долларов. «Тяжеловес», украшенный перламутром, стоил полтысячи долларов. У стойки рядом стояли винтовки с оптическим при-

целом и с простой мушкой. Мы подержали в руках одну.

— Можно убить оленя, а можно и чело века?

Продавец улыбнулся.

— Само оружие не стреляет, джентльмены. Убить можно и кирпичом

— Однако в Уоллеса не кирпич кинули...

Продавец вежливо улыбнулся.

Нам было показано все, что имел магазин, вплоть до стрелялки газом, замаскированной под авторучку.

— Лучшее средство обороняться.

Направляйте в лицо — и пару часов нападающий будет лежать.

— А нападать с этой штукой разве нельзя?

Продавец вежливо улыбнулся...

В Вашингтоне мы завели разговор об оружии и торговле оружием с человеком, который проблему хорошо знал.

— Сделать что-нибудь трудно. Во-первых, фабриканты оружия — у них огромное производство. Во-вторых, много американцев за-

прет не одобряют. Люди считают: грабитель, *убийца* все равно оружие раздобудет. А чем защищаться? Возьмите наш Запад Там, сами видели, ферма от фермы — полдня езды. Какая полиция защитит человека? Только сам. Ну и структура жизни. Много вражды, бедный враждует с богатым, черные — с белыми. Оружие — часть нашей жизни. Вот, не пугайтесь, пожалуйста.

Наш собеседник полез в карман и положил на стол небольшой старенький пистолет марки «беретта»

— Ношу все время. Зарегистрирован. За восемь лет, правда, ни разу не выстрелил. И жена носит... Временами, кажется, мы привыкли. Уж куда как не сильная встряска — Кеннеди, Кинг.. А что изменилось? У нас сенсации забываются скоро.

Пистолет был спрятан в карман. А разговор закончился полушуткой

— От выстрела до выстрела. Се ля ви, как говорят французы...



как учат «плавать»...

Мы назвали себя. И он назвал. — Дэвис Пейпер... Знакомство это случилось в штате Вирджиния вблизи местечка Аркола, на зеленом травяном поле, около самолета. Тут стояло десятка два полосатых машин для обработки полей. Из одного выпрыгнул мальчишка. Самолет стоял почти у самой дороги, и мы подошли. Дэвис Пейпер пил кока-колу, опершись спиной о крыло, и отвечал на вопросы.

— В самом деле можешь летать?

— Могу. Но у меня нет еще прав...

Подошел отец Дэвиса, механик Уильям Пейпер, и подтвердил: мальчик летает, правда, пока под контролем отца...

Дэвису Пейперу тринадцать лет. Мы, признаваясь, залюбовались веснушчатым, огненно-рыжим и очень застенчивым летчиком. Спросили: знает ли он, что Нил Армстронг тоже мальчишкой летал?

— Нил поднял самолет в тот день, когда ему стало шестнадцать. Я тоже так сделаю...

По дороге мы не раз вспоминали Дэвиса Пейпера. В шестнадцать лет он один, без наставников, может поднять самолет. Американцы считают: в шестнадцать лет человеку можно это доверить... Число всех пилотов США (любителей и профессионалов) примерно полмиллиона. Пятнадцать процентов этого числа люди очень молодые — от 16 до 24 лет. Из числа всех, кто учится летать, подростки составляют тринадцать процентов. Но дело не только в том, что в век больших скоростей человека к ним приучают с раннего возраста. Дэвис Пейпер — пример того, как рано американцы



от
колыбели и
до седин...

«бросают ребенка в воду»: плавай! учишь плавать!

Образно говоря, начинается это с пеленок — большинство американских матерей грудью детей не кормят. Младенец рано становится на пищевое довольствие фабричного производства: витамины, порошки, соки. И по мере того как малыш становится на ноги, его приучают к жестокости бытия. В семью и школу мы не заглядывали. Но телевизор (а он в Америке «главная нянька») все время внушает: обгони, ударь первым, возьми свое, не упускай шанса, улыбайся, все позволено сильным. Окружающая ребенка жизнь подтверждает: действовать надо именно так.

В этой совершенно чуждой для нас «тренинговой школе» надо, однако, заметить один очень важный параграф: «Умей трудиться, люби трудиться!» С детского возраста американцу внушают: любой труд почетен, любой труд поощряется. Проезжая по сельским районам Америки, мы видели ребятшек десяти-двенадцати лет за рулем трактора. Отец-фермер доверяет сыну весь арсенал техники. Мы видели маленьких продавцов газет. Подростки прогуливали собак, мыли автомобили, подметали улицы, нянчили чужого ребенка, мыли посуду в кафе. Это работа. В семье любого достатка будут радоваться, если сын или дочь находят время между школой и отдыхом для заработка. В Америке есть бедняки, например сезонные сельскохозяйственные рабочие у которых дети помогают родителям добывать кусок хлеба. В семье состоятельной получку сына родители ему и оставят. Будут радоваться, если сын вложил свой маленький капитал в «достойное дело». Тот же прославленный космонавт Нил Армстронг, по словам матери, «с десятилетнего возраста подрабатывал, сначала для оплаты уроков музыки, потом, чтобы купить духовые инструменты, для покупки авиационных журналов и моделей...». Родители будущего космонавта скорее всего имели возможность купить для сына музыкальные инструменты к авиационные журналы. Но они считали: покупки, оплаченные своим трудом, будут иметь для сына особую ценность... Нет слов, эта система нередко крадет

у детей детство. Но не грустно ли видеть и нечто противоположное: дитя останется дитятей и в двадцать лет. И даже женившись, продолжает сидеть на хребте у родителей. Эгоизм этого сорта — плод чрезмерного чадолюбия.

Американец даже очень большого достатка обязательно заставит дочь или сына рано изведать, как добывается хлеб. В маленьком городке Пенсильвании нашу машину заправляла и чистила миловидная девушка. Разговорились. Оказалось: дочь большого чиновника банка и владельца пяти мотелей. В день четыре часа работает для частичной оплаты обучения в университете. Папа у девочки скряга? Нет. Три тысячи долларов в год от хорошей краяхи доходов для папы — мелочь. Но он дает дочери только половину необходимой суммы. Остальное добудь сама. В американских вузах детей рабочих и фермеров очень немного. Как правило, учатся дети богатых людей и людей «среднего класса» — ученых, торговцев, чиновников, адвокатов. И почти всегда родители обязывают студента нести заботу по оплате учения. А плата высокая. Например, в Джорджтаунском университете (Вашингтон) в год за учебу надо платить 2500 долларов. Отдельная плата за общежитие, учебники, за пользование приборами, лабораториями. В поте лица добывает студент возможность учиться...

Заходит речь об отдыхе летом, о поездке куда-нибудь.

— Ну что же, это неплохо, — скажет отец, — а деньги? Ты думал об этом?

— С месяц я хочу поработать на мойке машин, там, кажется, нужен сейчас человек.

— Зачем на мойке, давай в контору ко мне. Я заплачу не хуже.

— О'кей...

Диалог этот условный. Но он для Америки характерен. Каникулы летом многие школьники и студенты совмещают с работой в пансионатах, на пляжах, в кафе, национальных парках. Одному из нас года четыре назад в придорожном кафе подавала еду дочь губернатора штата Северная Дакота. Никто не удивится, увидев в такой же роли дочь сенатора,

конгрессмена. Так «учат плавать». Иначе нельзя. В море с названием Америка волна очень крутая. К тому же плывущий рядом (в оба гляди!) может макнуть тебя так, что не вынырнешь...

Ответы на несколько частных вопросов, лежащих в русле этого разговора.

Дитя ревет, капризничает. Как поступает мать? Старается не заметить капризов: не шлепнет мальчишку, конфетку, чтобы умолк, тоже ни в коем случае не дает...

Много ли ребятишек в семье? Чаще всего мы встречали семьи с двумя-четырьмя детьми. Америка всегда была многодетной. И это считалось благом. Но сейчас кривая рождаемости, как утверждают, вверх не идет.

В школу американцы ходят двенадцать лет. Начинают рано — в шесть лет, с подготовительного класса.

«Института бабушек» в Америке нет. Невозможно увидеть в парке или на улице бабушку с детской коляской. С малышами, если мама и папа решили поехать в кино или в гости, сидит какая-нибудь студентка — она зарабатывает.

Дед и бабка, проводив из дома оперившихся детей, часто спешат и сами полетать напоследок, если, конечно, есть на то средства, — становятся заядлыми туристами, колесят по Америке или даже по свету. («Жизнь коротка, надо ее увидеть хотя бы теперь», — сказала напудренная седовласая леди, одолжившая нам бинокль на тропе в Калифорнии.) «Стариковский туризм» длится лет пять. А потом остановка, если даже и сохранились деньги. И тогда наступает американская одинокая холодная старость — ни детей рядом, ни внуков... Только в Нью-Йорке, как оказалось. 750 тысяч совсем одиноких людей. Одинокую старость скрашивает «телефонный друг» — коммерческая служба некой Марион Паркер. За доллар два раза в день, утром и вечером человеку звонят, чтобы он мог обменяться несколькими словами с другим человеком. Пишут, что бизнес Марион Паркер растет — «телефонный друг» появился во многих больших городах...



ЖИЗНЬ на колесах

Длинный вагон. Но не на рельсах, а на шоссе. Тянет его грузовик.



Явно жилой вагон — прижав носы к стеклам, глядят на пробегающий мир ребятишки...

На всех дорогах встречаешь эти дома без труб, на колесах. Конструкция разная. Серебристые, обтекаемой формы, слегка напоминающие аэростаты. И длинные приземистые бруски, способные выдержать дальние перегоны. Временами видишь эти дома, стоящие табором. Их толчея похожа на вагонную толчею узловых станций. Впрочем, это лишь издали, когда же идешь по поселку, видишь подобие улиц. Дома стоят на площадках, к которым подведены: вода, электричество, стоки для нечистот. Опрятно. И очень скучно. Жидкие деревца означают, что поселку несколько лет. В каждой двери — коврик травы размером с квадратный метр, деревянный крашенный частокол длиною в метр и высотой в метр. Что-то щемяще-тоскливое есть в этом метре травы и в метре символической загородки. Это память о жизни, имевшей корни и постоянство. Поселение на колесах — обычная деталь пейзажа в Америке. Мы несколько раз бывали в таких поселках. А в Аризоне были приглашены на часок в трейлер.

В трейлере жили неженатые братья: Кэвин Нортон и Дэвид Нортон. Они ушли от отца сразу же после школы. — Почему?

— Ну так делают все. И отец считает: так лучше. Надо учиться жить.

Старший Нортон учится в колледже и работает. Младший только работает — «я не верю в колледжи». Один сидел на диване, откинутом, как в вагоне, от стенки. Другой лежал на откидной же кровати и читал дешевую книжку.

В вагоне — кухня. Там из плохо прикрытого крана лилась на груды невымытой посуды вода. У входа — ящик с банками пива. Есть в трейлере холодильник, масса выдвигаемых столиков, полочек, ящиков. Из одного торчал рукав белой рубашки. На столике в нише — цветок в бутылке от кока-колы. На стенах — вырезки из журналов. Булькает музыка, приглушенная по случаю разговора.

— Много ездите?

— Да нет, не очень пока... Сейчас работаем у отца. Он взялся за одно дело тут, у Кань она.

— В остальных трейлерах тоже рабочие?

— Да, большая часть.

— С отцом в ладу?

— Всяко бывает. Дело его не любим. Но платит он хорошо. А если что, плюнем — и на новое место. Америка велика...

Американцы всегда были легкими на подъем. С востока на запад Америка пройдена на колесах воловьих упряжек. Но, двигаясь вдаль, люди в конце концов оседали, пускали корни. Сейчас страной владеет лихорадка передвижений, причин которой находят много. Легкость перемещений. Распад житейских укладов. Разорение ферм. Нежелание садиться на прочный корень — «Потеряешь работу, дом превращается в камень на шее». Бегство из городов. Переход предприятий в новые просторные районы. Молодые кочуют в погоне за местом, где можно себя проявить или хотя бы иметь работу. Но кочуют и старики, которым, казалось бы, больше всего нужен покой, постоянный очаг. Одинокие старики, прозванные «снежными птицами», постоянно кочуют с юга на север и снова на юг — «согревают старость на солнце». «Америка теряет корни и несется по ветру...» Это слова популярного в США публициста Вэнса Ракар-

да. Он долго и пристально изучал феномен мобильности. Вывод тревожный: «Сорок миллионов американцев не имеют корней». Общество, теряя привязанность к месту, теряет родство, теряет удовольствие знать соседей, теряет способность сострадания и участия в судьбе близкого человека. «Происходит невиданный развал. Мы становимся страной чужих друг другу людей».



предприниматель



Двадцать второй день пути. Машина идет безотказно. Вечер. Но решаем одолеть кусок Аризонской пустыни. Воздух как в печи. По сторонам дороги мелькают прозрачные, жидкие кусты и деревца — помесь пальмы и кактуса. Чувствуем, дальше и этих признаков жизни не будет. Нитка дороги на карте — без единой точки, означающей присутствие человека. Предупреждение на выезде из горячего пыльного городка: «Заправляйтесь здесь. Бензина долго не будет». Конечно, надо заправиться.

— Налейте доверху.

— Есть, сэр.

Красный шкаф счетчика выдает сразу цифры галлонов бензина и сумму, какую надо платить.

— 4 доллара 45 центов, сэр!

Стекло протерто. Масло проверено. Можно отчалить. Но вдруг белокурый, коротко стриженный парень-заправщик сделал возле нашей «торино» задумчивый полукруг. Слегка наклонившись, еще раз прошел. Посвистел. Погладил рукой переднее колесо, потом зад-

нее. Опять прошелся. Так смотрят обычно на человека, чтобы спросить: «как вы себя чувствуете? Почти таким же и был вопрос.

— Машина идет исправно?

— Да, вроде все в норме...

— У вас нарушен баланс колес. Вот посмотрите — земля прилипает односторонне..

По правде сказать, мы ничего не заметили. Но бактерии тревоги уже пошли размножаться... А парень сказал:

— Я очень советую: на ближайшем пункте проверьте балансировку... — И, обтирая руки висевшей на поясе тряпкой, пошел к конторке.

Хорошо сказать «на ближайшем пункте»... А до него по карте сто миль! И пустыня. И ночь. И есть ли кому там сделать балансировку?

— Сэр, а может, здесь? — с надеждой в голосе обращаемся к парню.

— Здесь?... Ну что же, давайте.

Облегченно вздыхаем. Вот повезло-то... Длинный автомобиль загоняется под навес. Нажатие кнопки, и лоснящийся маслом металлический столб, как игрушку, подымает «торино» на высоту, при которой становится виден пыльный живот машины, кардан и прочие тайны механизма движения.

Появился помощник худощавого парня — толстый и молчаливый увалень со значком «Служил во Вьетнаме». Электрической отверткой, свисавшей на кабеле с потолка, машину в мгновение ока лишили колес, а владельцев позвали к стенду.

— Смотрите...

Действительно, пузырек жидкости стоял не в середине двух волосков перекрестия, а чуть в стороне. То же и со вторым колесом, с третьим, четвертым... Балансировка шла как по маслу. Из большого ящика парень-заправщик брал свинцовые бляшки-довески. Двигая пару бляшек вдоль обода, для них находили нужное место и ловким ударом легкого молотка закрепляли. Пятнадцать минут — все

готово!

— Двенадцать долларов... Благодарю вас, джентльмены. Счастливого путешествия.

Отъехав сто метров, мы увидели надпись:

«Поешьте. Путь предстоит долгий». Сели поесть. Обсуждая за столом вовремя вскрытый дефект, мы вдруг глянули друг на друга.

— Сколько раз за дорогу проводился осмотр?

— Раза четыре...

— И нигде не заметили...

Мы улыбнулись. И вернулись к колонке «получше узнать дорогу». Какую картину мы там застали? Очень знакомую. Новый, с иголки, синего цвета «мустанг», лишенный колес, возвышался на маслянистом столбе. А колеса были в работе.

— Балансировка? — спросили мы накрахмаленную старушку шофера, утешавшую жажду.

— Да, знаете, неприятная ситуация. Нужен баланс...

Мы решили потерять еще полчаса и, сделав круг по невзрачному городку, уже с профессиональным любопытством завернули к бензоколонке. На столбе красовался красный «Фольксваген». Хозяин колонки поглядел на двух недавних клиентов с бешеной ненавистью, но заставил себя улыбнуться и подмигнуть...

Вот и вся история, отнявшая без малого два часа. Но мы не жалеем. Возможно, мы видели миллионера, хотя и в колыбели пока что. Нисколько не приуменьшая значения баланса колес, смеем предположить: эту болезнь на колонке могли обнаружить у каждой машины. Тут не тратили время на все другие болезни. Тут искали только одну. И обязательно находили. Учтено и продумано все до мелочи: познания водителя в технике (почти всегда не идущие дальше умения сидеть за рулем), ритуал осмотра автомобиля, аккуратный совет — «на ближайшей станции непременно...». А впереди пустыня. Какой дурак поедет в нее на колесах, «лишенных баланса»? Продажа бензина арендатору этой колонки дает процент весьма небольшой. А тут минуты — и сразу двенадцать долларов чистыми, да еще и «спасибо» в придачу.

С такой хваткой в Америке не пропадешь.

Есть ли в Америке соловьи?» Это был один из вопросов, на который мы отвечали, вернувшись домой. Вопрос задавал не биолог, и легко уловить: любопытство шло дальше обычного интереса к флоре и фауне...

В Аппалачах на горной тропе мы размяли в пальцах клейкие с ноготок листья и убедились: черемуха есть в Америке. В горах она расцветала примерно в те же сроки, что и у нас в Подмоскowie. А соловьев мы не слышали. Оказалось: соловьев в Америке нет. Справочник подтвердил: нет. Серая птичка — привилегия Азии и Европы. Ну а кто же поет в Америке о любви? — уточняют вопрос любопытные. Не знаем. Проглядели.

Он есть, конечно, в природе, певец, заставляющий замереть влюбленное сердце. Однако не поэзию чувств замечаешь в первую очередь и особенно в больших городах. «За последнее время в Соединенных Штатах открылось много фирм с замысловатыми названиями вроде «Свидания на научной основе», «Подбор супругов», «Служба знакомств» и так далее. С помощью электронных машин и новейших методик подыскивают наиболее подходящие по характеру и интересам пары. Цель — знакомство и, возможно, брак. Делается это так. Вы платите фирме небольшой гонорар (обычно меньше десяти долларов), заполняете подробный опросный лист, по которому можно определить, что вы за человек, и отвечаете на вопросы вроде следующих: чем больше всего интересуетесь? какого примерно роста должна быть избранница? Молодой человек получает карточку с именами, адресами и телефонными номерами девушек, которые, по мнению ЭВМ, соответству-



СОЛОВЬИ и черемуха



ют его запросам. Все сухо, по-деловому. Можно предположить: кто-то отыщет счастье и таким способом. Можно поверить: много американцев смеются над «электронной свахой». Можно понять: такое время... надо же людям как-то знакомиться. Но ясно: черемухой тут не пахнет.

Однако не «электронная сваха» ошарашивает в Америке. «Сваха» — внутренний механизм жизни, глубинные струи течения. А выйдя к реке, в первую очередь видишь то, что плывет на поверхности. И вот тут стоишь ошарашенный. Газетная фраза «волна секса захлестнула Америку» принадлежит к изречениям, по которым трудно судить, что стоит за словами. Тут, в Америке, понимаешь, как трудно выйти за оболочку этих верных, но слишком привычных, неосязаемых слов. Волна секса... По журналистскому долгу, и не скроем — по любопытству тоже, мы зашли в магазин в самом центре города Вашингтона. Большой магазин с пометкой над входом «Для взрослых», с увещающей надписью у дверей: «Воровать — это грех».

Из магазина уходишь с чувством, что окунулся в чан с грязью. Пещерный человек со всей грубостью первобытных инстинктов наверняка устыдился бы быть продавцом в этой торговой точке. Лакированные картинки, журналы и книжки, киноленты, изделия из резины и пластика — человека не просто раздевают, они выворачивают его наизнанку. Но Вашингтон — это «сексуальная провинция». Упомянутый большой магазин — всего лишь «палатка» в сравнении с ярмаркой секса, какую можно увидеть, например, в Нью-Йорке. Магазины, лавки, кинотеатры, кабинки (для торговли «в разлив» непристойностью — все образует крикливую, потную, жаркую от огня и похоти длинную улицу в центре Нью-Йорка. Все, что веками было тайной двоих, тут выставлено напоказ. Все! Киноэкран не только в течение двух часов покажет все уголки спальни. Фантазия торговцев грязью преподнесет мыслимые и немыслимые извращения: подсунет в постель хорошенькой женщине, например, осьминога, сведет женщину с млекопитающим из отряда непарнокопыт-

ных или с пластмассовым роботом. И это все будет заснято на прекрасную цветную пленку «кодак» дьявольски изобретательным оператором с участием на все готовых «артистов». Границы приличия не позволяют говорить о подробностях этой ярмарки, кишасей зазывами, гомосексуалистами и, конечно, покупателями. (Ярмарки без покупателей не существуют.) Америка пьет из этой мутной реки. Это поражает! Это поражает особенно потому, что Америка слыла страной пуританской. Кормить ребенка грудью при людях считалось потрясением нравственности. В кино поцелуй, длившийся более положенного числа секунд, запрещался цензурой. Не так уж давно Америка бурно протестовала против установки на крыше знаменитого «Мэдисон сквер гарден» статуи обнаженной богини Дианы... И вот прорвало все запруды.

Считают, что началось это в 1968 году. Считают, что мутный ручей притек из Европы, что началом были как будто благие цели «сексуального воспитания». Но едва ли не в одну весну ручей превратился в поток сродни Миссисипи. Карусель закрутилась без остановки: предложения рождали спрос, спрос вызывал к жизни целую индустрию секса. Мгновенно появились специальные, хорошо оснащенные киностудии. Завертелись валы печатных машин. Нашлись на все готовые модели и «артисты». Кто эти люди на обложках журналов и на широких экранах? Есть ли у них родители, братья, сестры, друзья? Или и тут действует правило: любой способ добывания денег оправдан?

Ошибкой было бы утверждать, что вся Америка пьет из этой реки. Любая нация в целом не может утратить любовь. Но многие люди серьезно обеспокоены. В разговоре на эту тему было сказано так: «Из колодца отношений мужчины и женщины можно вечно черпать чистую воду. Мы соблазнились черпать и донную муть. Сейчас черпаем грязь». Но на вопрос: «А выход?» — наш собеседник пожал плечами. «Все очень сложно. Это ведь часть нашей свободы...»

Кое-кто ждет, что грязный поток сам собой пересохнет или даже потечет вспять. Ссы-

лаются на недавний успех «Истории любви» — простенькой повести (и фильма по ней) Эрика Сигэла. Приговор критиков был решительным: «Никакого литературного мастерства... Сентиментальная буря в стакане воды... Сюжет повести банален: молодой человек встречает девушку, молодой человек влюбляется в девушку, молодой человек теряет девушку». Критика справедлива. Однако книга побилла все рекордные тиражи — 10 миллионов экземпляров! «Америка плакала, как будто впервые открыла простые человеческие чувства». Ожидают: подобные родники окропят чувства. Похоже, Америка убеждается: без соловьев и черемухи любовь предстает в образе павиана. Но сомнительно, что один-другой родничок способны оздоровить реку — грязь в нее льется из множества труб. Заткнуть эти трубы, поставить плотину? Такие голоса появлялись. Но порнография стала законным бизнесом. Скабрезная кинолента, на изготовление которой потрачено 30 тысяч долларов, приносит доход в три миллиона. При таких прибылях стихию наживы обуздать в Америке невозможно.



Кто популярен? Вопрос этот важен. Популярность в Америке — капитал не только моральный, но и денежный...

Мы сидели у телевизора вечером в городке Ниагара-Фоле, наблюдая за финишем шоу по избранию «мисс Америки-72». Длинноногие девицы демонстрировали талии, бюсты, прически, улыбки, зачатки какого-то интеллекта.

Пятьдесят девиц (от каждого штата по первой красавице) начинали ежегодное шоу, к финишу выбрались шесть, в том числе мисс Мичиган, мисс Калифорния, мисс Флорида. Все претендентки походили на заведенных фарфоровых кукол. Ах, как хотелось каждой сделаться первой, знаменитой хотя бы на год!

Что дает такого рода успех? О-о, много всего, крупного и по мелочи. Вся Америка видела победительницу (портрет ее также будет в журналах, в газетах). Значит, коробка конфет с портретом «мисс Америки» — это хороший способ продать конфеты. Мыло с ее портретом — верный спрос и на мыло. Снимки девицы в купальном костюме, в халате, в бюстгальтере, в шлепанцах — гарантия сбыта этих вещей. Мотель, где «мисс Америка» остановится, немедленно объявит об этом на видном с дороги табло. Наживаются все. Не остается внакладе и обладательница прекрасных зубов и тонкой талии.

Пошловатое шоу по телевидению — это способ создать известность и стричь доходы с известности. Ну а кто в Америке популярен «без обмера бедер и талии»? Это ежегодно выясняют авторитетные институты общественного мнения.

Долгое время самым популярным человеком в Америке была Жаклин Кеннеди. Возможно, она очень долго оставалась бы в ореоле внимания. Но замужество все изменило. Ангел, созданный прессой и телевидением, втопан в грязь все той же прессой и телевидением. В нью-йоркском магазине дешевых изданий мы видели книжку об этой женщине, написанную секретаршей покойного президента. Ушаты грязи вылиты на вчерашнего кумира. «Скупа, ревнива... Бедного Джона доводила до взрывов... Принуждала продавать картины из Белого дома для покупки очередного мантио...» На обложке книжонки была нарисована мясорубка, из которой торчали ноги нынешней Жаклин Онассис...

Ничего подобного, кажется, не случится с «Дымняшкой», 22-летним медведем, живущим в зоопарке города Вашингтона. Он и умрет в ореоле известности.

«Дымняшка» («Смоки»), несомненно, самое

популярное существо в США. В 1950 году во время лесных пожаров в штате Нью-Мексико медвежонка спасли от огня. «Дымняшка» стал символом предупреждения лесных пожаров. Добродушную морду медведя в шляпе лесной охраны американцы видят по телевидению, на дорожных щитах, в журналах, газетах, на коробках спичек, в кинотеатрах перед началом сеанса... «90 процентов американцев знают «Дымняшку». «Дымняшку — в президенты!» — такая шутка в форме наклейки на бампер автомобиля продавалась в период кампании выборов.

В Вашингтоне мы специально пошли в зоопарк глянуть на знаменитость. Большая очередь желавших увидеть «Дымняшку» проходила мимо железных прутьев и толстых стекол — человеческая любовь, как видно, была тяжелым бременем для медведя.

Медведь был стар. Он с трудом поворачивал голову, волочил по бетонному полу зад и был ко всему равнодушен. Двадцать два года — закат для медведя.

— Переживет ли Америка неизбежную смерть любимца? — спросили мы работника лесного ведомства, на коем лежала обязанность поддерживать популярность медведя.

— О, мы уже позаботились. Обратите внимание на клетку рядом. Там новый медведь, и тоже спасен на пожаре...

И еще одну длинную очередь наблюдали мы в зоопарке. Объектом внимания был большой азиатский енот панда, которого долгие годы считали медведем. Двух зверей подарил Вашингтону Пекин. Пандам в зоосаде отвели покои, достойные короля. Надо было выстоять час или два, чтобы увидеть зверя. Енот держал себя странно. Он прятался или воротил от толпы морду. Популярность явно его раздражала. Увидеть панду мало кому удавалось. Зато во всю возможную мощь велась торговля изображением енота. Панда из мягкой синтетики. Панда из глазированной глины. Енот фарфоровый, пластмассовый, байковый. Панда в натуральный размер на плакатах. Енот на открытках, почтовых марках, на полотенцах, на трусиках, на воздушных шарах... Вот что значит быть популярным.

СМЕЯТЬСЯ ПОЛЕЗНО



Одна из любопытных примет Америки — улыбка. Листая журналы, ее замечаешь немедленно. Сначала, правда, ловишь себя на мысли: в чем дело? Почему люди неуловимо похожи? И сейчас же находишь причину — улыбка! Она у всех одинакова и существует как бы сама по себе. На людях (перед фотографом в особенности), на пороге дома или учреждения, в каком бы состоянии человек ни находился, лицо должно украшаться благополучным знаком «у меня все в порядке».

Улыбка особенно режет глаз, когда знаешь: дела, настроение человека в данный момент слову «о'кэй» далеко не соответствуют. Но так полагается. Улыбка должна быть на месте. Говорят, у японцев улыбка даже в крайней беде — это способ предупредить беспокойство о себе других людей. В Америке, приглядываясь к атмосфере жизни, нетрудно заметить: дежурная улыбка — это демонстрация стойкости, жизнеспособности. Социальная среда беспощадно бракует ослабших и неудачников. Улыбка — это сигнал: я держусь, я выплыву! Улыбаются телекамере кандидат в президенты, проигравший сопернику. Улыбаются, кусая губы и чуть не плача, его жена, / стоящая рядом. Безработный, с которым мы говорили в городке Ниагара-Фоле, улыбнулся: «Мне не повезло...» Улыбался наш проводник Вилли Питерсон, управляющий дикими землей в штате Вайоминг, — «Здоровье ни к черту, а дети еще сосунки». Улыбался для репортеров прибитый к постели пулями губернатор Уоллес... Если американец улыбать-

ся уже не способен — значит, дела его плохи до крайности.

Улыбку-вывеску, однако, следует отделить от способности американца улыбнуться и посмеяться от полноты чувств. Американцы — народ жизнерадостный. Шутка, розыгрыш, анекдот, остроумная выходка, смешная приправа к делу — это все в характере нации. По дороге *мы* часто встречали автомобили с бренчащей гирляндой банок, размалеванные надписями: «Кэти + Джон=3», «Будет трудно — зови, поможем». Это значит: в машине — молодожены, а надписи — дело друзей.

Вот объявление в лавке-кафе: «В сутки мы можем накормить 170 человек. Но не более 12 за один раз». И тут же: «Богу мы верим. Остальные платят наличными».

На производственном месте табличка: «Рабочий, помчи: бог, создавая человека, не создал для него запасных частей».

Собирая в блокнот разного рода шутки, замечаешь: большое число их в Америке связано с землей, с особенностями природы, с соперничеством штатов. Главной мишенью острот служат, конечно, тexasцы — в Техасе. «Комаров в Техасе ловят капканом, канарейки в Техасе басом поют, апельсины так велики, что девять штук — уже дюжина». В штате Небраска, слышущем в Америке как «штат долгожителей», шутят: «У нас почти никто никогда не умирает». «Трава у нас в Иллинойсе так коротка, что ее перед тем, как косить, непременно намыливают». И так далее. Это, так сказать, «деревенский юмор». Он для Америки характерен. Тяжеловесные шутки дышат, однако, простодушием, лукавством, уходят корнями к временам, когда люди в воловьих упряжках открывали Америку и, оседая на землях, не переставали удивляться их красоте, щедрости, плодородию.

А вот «городской юмор» — свидетельство новых времен. На бойкой нью-йоркской улице мы зашли в лавку, где продавались «смешные вещи»: дохлая крыса из пластика, собачье дерьмо, таракан, неотличимый от настоящего, муха, «запеченная» в лед для коктейля... По-

купкой, объяснил продавец, можно очень насмешить подвыпивших гостей, положив, например, таракана на колени рядом сидящей дамы. В этой же лавке можно было купить добротный человеческий череп, шляпу Наполеона, туалетную бумагу в виде рулона долларов. Продавались также плакаты. На одном — Христос в натуральном земном обличье, но без единого лоскутка ткани на теле. На другом сюжет еще более непристойный.

— Покупают?

— А иначе зачем же мне тут стоять? — сказал продавец. — Смех полезен здоровью...

Продавец похвалился, что знает ругательства всех народов Земли. Не дождавшись, как видно, обычной просьбы — «показать мастерство», — он разрядил пулемет своих знаний с отчаянной щедростью. (Дискриминации русской речи не наблюдалось.)

Продавцу было под шестьдесят. В одном глазу желтело бельмо, в разрез трикотажной синего цвета рубашки глядели кудряшки седых волос. В «лавочке смеха» было скорее грустно, чем весело ..

Юмор напрокат — все равно что ум напрокат. Лавчонка — это прокатный пункт. Сам шутить не умеешь — о тебе позаботились. Но в Америке часто встречаешь людей, способных сверкнуть усмешкой по самым неожиданным поводам. И, возможно, поэтому общаться с американцами просто. Вот сцена возле бензоколонки. Со щита у дороги смотрит сытый и нагловатый джентльмен. Под ним лаконичная надпись: «Выберите меня. Самые искренние обещания». Заметив, что *мы* улыбаемся, глядя на плутоватую личность, пожелавшую стать губернатором, рабочий колонки, не прерывая протирку стекла, мигнул.

— Они, когда себя предлагают, обещают построить мост через реку, которой даже и нет.

Америка знает и чтит своих шутников. Говорят, что Линкольн покорила избирателей умением пошутить. Короткие фельетоны Арта Бухвальда газетами покупаются нарасхват. В аэропорту города Оклахомы среди пестрой рекламы стоит строгий бронзовый бюст чело-

века с хитроватым прищуром глаз. Это памятник местному остролу, актеру и журналисту Биллу Роджерсу, оклахомскому Ходже Насреддину. Вот несколько шуток Билла, ставших крылатыми.

«Я никогда не встречал человека, который бы мне не понравился».

«В добрые старые времена на индейской территории не выдавали свидетельство о рождении. Считалось, что раз человек живет — значит, он родился».

«Живите так, чтобы не стыдно было продать фамильного попугая первой сплетнице города».

Каждому штату в Америке дано право поставить в конгрессе два памятника наиболее известным и почитаемым людям. Одно из этих почетных мест в Вашингтоне оклахомцы отдали памяти Билла Роджерса.

Уместно припомнить также: Марк Твен — это американец.



Голый на улице... Во время нашей поездки это новое увлечение Америки только-только рождалось. Снимки в газетах документально подтверждали молву: студенты появляются в людных местах в чем мать родила. Тут же в газетах ученые люди глубокомысленно рассуждали: «В чем причина?» Выводы разные. «С жиру бесятся», «Новая форма протеста против общественной фальши», «Резвятся ребята...» Подспудно чувствовалось облегчение: это все-таки лучше, чем бунт, когда в уни-

верситеты надо посылать войско и даже стрелять в студентов.

Между тем мода начала разрастаться. Голяки-одиночки на улице — уже не сенсация. Сенсация — оказаться голым на стадионе, спуститься голым на парашюте, явиться в государственное учреждение. Недавно один «протестант» проник в торжественный зал, где вручали «Оскаров» (ежегодные награды кинематографистам). Другой голяк невесть откуда появился на дипломатическом приеме. Охрана Белого дома озабочена возможностью появления голых на пресс-конференции президента, откуда идет прямая передача по телевидению. Психологи, социологи, моралисты сейчас гадают: долго ли продержится увлечение?

Увлечения, страсть ко всякого рода рекордам — характерная черта американцев. Эту слабость, впрочем, имеют все нации. И у себя дома, в нашем характере мы найдем корешки этой страсти, достаточно вспомнить царь-колокол и царь-пушку. Но, пожалуй, нигде в мире стремление все и всех превзойти, обогнать, удивить не развито так, как в Америке. Американские варианты царь-пушки встречаются то и дело. Нью-йоркские небоскребы обгоняли друг друга по высоте не только потому, что к этому вынуждала нехватка места на скалистом Манхаттане, но и желание вопреки практическому смыслу превзойти то, что было уже построено. В Чикаго в 1900 году соорудили фотоаппарат весом в полтонны, который обслуживало 15 человек. Всему миру известна групповая скульптура в горах Южной Дакоты. Головы четырех президентов (Вашингтона, Джефферсона, Линкольна, Рузвельта) вырубали с помощью динамита. (30 метров — ширина плеч каждой фигуры.) Южане, до сих пор не забывшие поражения в противоборстве южных и северных штатов, решили не отставать и в горах штата Джорджия увековечили своих вождей. Площадь скального барельефа — полгектара. Ваятели тут работали ровно 50 лет!

Таковы «монументальные» увлечения. В этом ряду можно отметить также огромный флаг государства (высота — пять этажей, ширина —

весь фасад дома), гигантский мост в Сан-Франциско («пока маляры завершают окраску, на другом конце моста ее уже надо начинать снова») и много другого некурьезного и курьезного, но вполне согласующегося с большими пространствами государства, с характером нации, с размахом хозяйства.

А вот уже мелкие страсти, мода и увлечения, рожденные суетой жизни, иногда пустотой жизни, бездуховностью, страхом, скукой, стадным чувством поступать точно так же, как поступают другие. Недавно в Америке вышло многотомное издание истории нации в фотографиях Фотография — изобретение не слишком давнее. Первый раздел истории, запечатленной на пленку, относится к 70-м годам прошлого века. Мы видим тут суд Линча— повешенный на дереве и вокруг толпа любопытных. Читаем слова шерифа: «По долгу службы я убил более ста человек». Первые снимки доносят к нам образ переселенцев, оседавших на целине Великих равнин. Завершают издание превосходные фотографии— взгляд на Землю из космоса. Наряду с важными вехами в жизни страны, изображением ярких личностей и событий в книгах прослежен и некий «дух времени»: как одевались американцы, чем увлекались, какие страсти их волновали.

Конечно, самым массовым, самым длительным увлечением Америки стал автомобиль. Перипетии этой всеобщей страсти прослежены от истоков — первый автомобиль, первая серийная фордовская модель — до половодья автомобилей, «изменивших лицо Америки».

Не обошли составители книг увлечения Америки самогонварением. Попытка покончить с пьянством строгим законом, запретившим продажу и производство спиртного, породила разгул подпольной торговли и подпольной варки питья. Америка, кажется, упивалась нарушением закона Штраф и угроза тюрьмы только разбередили страсти. К запретному плоду тянулись даже и те, кто обычно в стакан не заглядывал. Под тяжестью древней человеческой страсти «сухой закон» рухнул. И Америка до сих пор потешается

над «наивной попыткой запретить то, что нельзя запретить».

В 30-е годы страна пережила курьезные и драматические увлечения сидением на столбах и танцами до упаду. Кинофильм «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» воспроизводит страницу этих страстей, где все сплелось воедино: бесчеловечная жажда наживы, сытое ротозейство и отчаянные попытки (нередко ценою жизни) выиграть в лотерее, в которой выигрыша не было. В эти же годы получили распространение конкурсы по избранию «мисс Америки».

Кино, а потом телевидение сделали увлечения массовыми. Похожие на психоз страсти распространялись со скоростью эпидемий, достигая всех уголков страны, и нередко выплескивались за ее рубежи. Чего только не было! Кинофильм «Доктор Живаго» породил моду на русские шапки. Появление другого киногероя в рубашке розового цвета родило повсеместную моду на все розовое: розовые сорочки, галстуки, пиджаки, шляпки, шорты, пижамы, халаты... Потом пошла мода на зелень. Появилась зубная паста зеленого цвета, всякого рода кремы, пилули, жевательная резинка, конфеты... «Хлорофилл — это здоровье, приятный запах», — внушала реклама.

Все знают пластмассовый обруч. Лет десять назад его крутили на бедрах в московских дворах и квартирах, крутили не только дети, но и почтенные дамы с сознанием, что это вернейшее средство стать гибким, здоровым и долголетним. Мода на обруч у нас докатилась до Конотопов, Арзамасов и Жмеринок. Но это всего лишь круги по воде увлечений. Эпицентр взрыва находился в Америке.

В начале шестидесятых годов калифорнийская фирма игрушек выпустила этот легендарный пластмассовый обруч. То ли реклам» попала в точку, то ли Америка была подготовлена к новому увлечению, но мода сделалась поголовной. Пластмассовый хула-хуп крутили дети и старики, домохозяйки и деловые люди. Главный выигрыш от эпидемии «хула-хуп» достался тем, кто обручи делал и продавал, — за полгода американцы купили 30 миллионов обручей.

Всех увлечений перечислить нельзя. Хождение в драных штанах. (Сейчас мода на расписные штаны.) Стрижка ежиком и ношение длинных волос. Мода на бороды и усы. Миниюбки и парики. Жаргонная речь. Украшение квартир плакатами. Хождение по городу босиком. Увлечение летать на воздушных шарах. Ездить на старых , автомобилях. Заводить карликовых лошадей. Глотать живых золотых рыбок (рекорд — 252 рыбешки). Меняться женами на неделю. Мыть золото в Калифорнии (новая вспышка былой лихорадки). Заиметь в квартире маленький зоопарк. Ну и так далее.

Каждое увлечение мгновенно подхватывается, рекламируется всеми, кто может нажиться на этом. Так, для самостоятельных добытчиков золота появилось в продаже портативное снаряжение для работы в горах. Из разных районов Земли поставляются для квартир экзотические звери. Реставрируются автомобили времен старика Форда За неделю Америка делала идолов (и богатых людей!) из подростков с гитарами. Рок-н-ролл, поп-музыка, абстрактная живопись — все это порождение моды, порождение массового психоза, искусно направляемого ловкими предпринимателями.

Можно назвать и несколько популярных имен, вокруг которых совершались пляски всеобщего поклонения. Всем известна Мэрилин Монро, актриса, от одного имени которой Америка сходила с ума. Десятилетие она была подлинным идиолом. Ей поклонялись. Она получала в день 500 писем. Ею бредили солдаты и моряки. Ее называли национальным половым символом, «секс-бомбой». Она была красивой, модной игрушкой толпы. И это ее убило.

Кумиром Америки в эти же годы был учитель английского языка Ван Дорен. Телевидение устраивало викторины, в которых надо было отвечать на множество разных вопросов. Победителя ожидала денежная награда. Учитель сразу же показал себя эрудитом. Скромный, тихий, он мучительно напрягался, вспоминая даты, имена, цифры, цитаты. Вся Америка болела за Дорена. И он побеждал.

Он сделался символом знаний, ума и скромности. И вдруг любимец толпы полетел с пьедестала. Оказалось: герой поддельный, и все соревнования интеллектуалов на глазах телезрителей были сплошным надувательством. Вану Дорену заранее сообщали ответы на все вопросы. Ему оставалось только искусно играть. 129 тысяч долларов — такова была плата за фальшь.

Появились и социально опасные увлечения. Наркомания. Бродяжничество молодежи. Мистика (51 процент американцев, по данным института Гэллага, до сих пор верят в существование «летающих тарелок»). Порнография. Бегство детей из дома... В отличие от хула-хуп это непроходящие увлечения. Это болезни, от которых надо искать лекарство.

Что же касается «стрикинга» (беганье голышом), то эта мода сейчас в разгаре. Университеты соревнуются, кто больше выставит голяков. Задал тон Мэрилендский университет — 530 голых парней и девушек бегали по территории учебного городка. Университет штата Джорджия легко обошел мэрилендцев — 1000 голых! Рекорд держит штат Колорадо. Тут голышом бегали сразу 1200 студентов. Репортеры сбиваются с ног, снимая для телезрителей последний крик моды.

К числу увлечений здоровых, стойких и почти повсеместных в Америке мы отнесли бы стрижку травы. О, это надо увидеть! Май месяц. Зеленое буйство возле домов, и в этом буйстве — желтые фонари одуванчиков. На траве повалиться? Упаси бог! Траву надо стричь!

По субботам над Америкой стоял приглушенный стрекот моторов (коса — дело прошлое). У каждого дома мужчина сновал взад-вперед на огромной косилке, на косилке поменьше, сидел на совсем маленьком, почти! игрушечном механизме. Иногда стрекотала машинка, которую надо толкать впереди себя. В одном месте мы видели человека, лежавшего перед домом животом вниз. Мы даже притормозили — чем же он занят? С помощью ножниц человек доводил до кондиции генеральную стрижку...

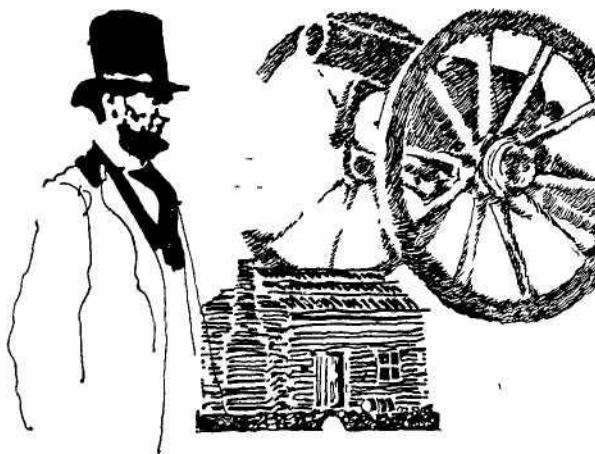
«забыть?.,
черта с два!»

Забудь?.. Черта с два!» — такой плакатик, приклеенный к бамперу автомобиля, мы видели много раз и в самых разных местах. В Америке всем известно, что значат эти три слова: в машине сидит южанин, живущий в Луизиане, Джорджии, Миссисипи или, может быть в Алабаме. Надпись напоминает о знаменитой войне северян и южан, в которой рабовладельческий Юг был побежден. Забудь об этом?.. Черта с два! В этой полусерьезной наклейке всего понемногу: прежних амбиций («Юг остается Югом»), фрондерства, какая то дань истории — «что было то было»...

Надо отметить: американцы тщательно берегут все, что связано с прошлым. Старина Америки не глубокая. Тут нет древних замков и крепостей с замшелыми кирпичами. Тоска по «глубоким корням» долгое время была так велика, что люди с очень большим карманом покупали в Европе знаменитые замки, мосты и дома. Постройки по кирпичику разбирались, перевозились и в Америке заново собирались.

К своей истории, к своей старине интерес в Америке очень заметен. Все, что стоит внимания, тщательно охраняется. Денег на реставрацию, на поддержание порядка исторических мест не жалеют. Но дело не только в деньгах. Патриотическому воспитанию молодежи придается значение очень большое.

Автомобильные карты и дорожные справочники берут на учет любую примечательность прошлого. В Пенсильвании, доверившись справочникам, мы навестили местечко, где жил знаменитый Роберт Фултон.



недавняя старина



Домик. Сирень возле домика. И доска на столбе. Из надписи ясно: изобрел первый пароход, а также землечерпалку. В другом месте доска объясняла: «Пенсильвания — это первый в Америке уголь, первая книга, первая нефть, электрический свет». Тесаным камнем, доской, литьем из бронзы и чугуна отмечено все, что следует в истории не забыть. Даже места избиения индейцев, дороги, по которым их изгоняли с плодородных земель, отмечены досками — история!

В прекрасном состоянии содержится место рождения Линкольна. Каждый американец (исключая, возможно, белых южан) мечтает увидеть бревенчатый домик с одним окошком, старый дуб и родник, из которого Линкольны брали воду. Также много почтения к памяти Вашингтона. Отмечены не только места сражений за независимость и городки, где Вашингтон жил хоть сколько-нибудь. Не забыты даже места ночлегов первого президента. Но тут усердие было даже чрезмерным. Одна из газет, подсчитав все ночлеги, воскликнула: «Батюшки, Вашингтон-то всю жизнь проспал!»

В Америке огромное число памятников военным, главным образом генералам. Все они, как правило, сидят на бронзовых лошадях. На памятниках в Нью-Йорке поза коня имеет особый смысл. Если конь вздыблен — генерал погиб на поле сражения. Если поднята одна нога — генерал умер от ран. Если лошадь спокойно стоит на всех четырех копытах — генерал скончался в постели от старости. Америка любит ясность.

Среди бронзового литья есть в Америке памятник не слишком богатый, но симпатичный и очень известный, — памятник Тому Сойеру и Геку Финну. Это герои книжные. Но слава именно этих героев перешагнула границы Америки. Жалко, что наш маршрут пролегал в стороне от города Ганнибала, где ' начинал свой путь писатель Сэмюел Клеменс, известный миру под именем Марка Твена, и где стоят теперь два бронзовых подростка: Том и Гек.

В устье реки Ниагары мы видели древний форт, построенный в те времена, когда евро-

пейцы главным богатством Нового Света считали меха. Сохранилась изба из бревен, в которой на одеяла и безделушки у индейцев меняли бобровые шкурки. Сейчас бревенчатые мостки и кладку из камня, на которой покоятся пушки, оберегают таблички, обращенные к дамам: «Леди, пожалуйста, без каблуков!» Туристы-студентки с удовольствием тут разувались и ходили по мосткам босиком.

В противоположном конце Америки, в штате Нью-Мексико запомнился городок Санта-Фе. «Единственный в своем роде. Ни на что не похожий!» — так сказано всюду в энциклопедиях и в брошюрках. Это что-то вроде наших Бухары или Ростова Великого. После бесконечной череды одинаковых, как близнецы, городков Санта-Фе с давними (и нетронутыми) мексиканскими постройками представляется оазисом самобытности.

Есть в Санта-Фе колоритная лавка, над дверью которой висит сапог, зажатый в волчьем капкане. «Реликвии старого Запада» — так называется эта торговая точка. Вежливый, обходительный продавец (он же хозяин) показал нам все уголки лавки, напоминавшей музей, и даже провел в чулан, где хранились особые ценности. Перечислим самую малость из того, что увидели. Кремневый нож и кремневый топор. Индейские луки и стрелы. Томагавк, который служил и трубкой для курения. Бусы из кукурузы. Обувка из шкуры скунса. Одежда из шкуры койота. Седло. Поржавевшие шпоры и стремена. Череп бизона. Индейские боги: бог кукурузы, бог солнца, бог дождя, толстый черноволосый «бог общего успеха». Тут же ножи для снятия скальпа. И сам скальп, неизвестно когда и кем снятый с пожилого индейца. Эта реликвия стоила дорого — 900 долларов...

Всякого рода музеев и лавок, торгующих стариной, по дорогам встречается много. Музеев больше всего, пожалуй, автомобильных. За доллар вы можете осмотреть старые «доджи», «форды», «пежо», «мерседес-бенцы», похожие на пролетки. (Колеса — деревянные. Сигнальный рожок — сверкающий духовой инструмент. Фонарь — размером с

очень большой арбуз Передача — цепная.) Американцы благоговейно шепчутся или визжат от восторга, взирая на старину, не такую уж древнюю — моторным повозкам всего лишь за семьдесят...

Неясно, будет ли интерес спустя еще семьдесят лет к нынешним холодильникам, соковыжималкам, фотокамерам, мотоциклам? Сегодня же повозки, колеса от них, седла, подковы, литые печки, клавишины и граммофоны, медные чайники, чугунные котлы и всякий другой инвентарь, служивший Америке до «эпохи алюминия и пластмасс», бережно собирается и продается. И за хорошие деньги. Особый спрос на старые седла, котлы и колеса Почти любая калитка, ведущая в сельский дом или даже в городской особняк, украшена колесом от телеги. Колесо — это символ Америки. На лужайке около дома часто видишь и старый котел на треноге. Предмет же особенной гордости и украшения усадьбы — «муншайнер» (в приблизительном переводе — «работник при лунном свете»), а попросту — самогонный аппарат. Конструкции самые разные. Это память о «сухом законе». В штате Вирджиния рядом с таким аппаратом хозяин остроумно пристроил лозунг южан: «Забывать?.. Черта с два!»



«главная улица»

На вопрос: самый интересный город Америки? — конечно, надо ответить: Нью-Йорк. Возможно, Чикаго после Нью-Йорка можно назвать

городом самым богатым, Сан-Франциско — самым красивым. Цинциннати нам

показался уютным и интеллигентным. Санта-Фе — самобытным благодаря хорошо охраняемой старине. Самые дымные — Кливленд и Буффало. Самым громоздким, безалаберным, жарким и тоже дымным запомнился Лос-Анджелес. Вашингтон в ряду больших городов, пожалуй, самый провинциальный

Больших городов в Америке много. И все же, принимая в расчет пространства, их уподобить можно огромным птицам, парящим в небе, иногда близко друг от друга, иногда с разрывом в тысячи километров. Такие города легко сосчитать, расстелив карту. А вот что невозможно проделать таким же образом — это сосчитать городки малые. Это так же трудно, как сосчитать скворцов в пролетающей стае. И уместно будет сказать: эти малые городки ходят один на другой так же, как скворцы или цыплята из инкубатора. Разбирая проявленную пленку, мы обнаружили: нет снимков маленьких городков. Как же так? Ведь именно их видели чаще всего. Но все объясняется. Снял однажды цыпленка, какой интерес будешь иметь к цыпленку точно такому же! Городки действительно удручающе одинаковы Увидев один, считай, что видел их все. Нередко и название одинаково (за дорогу мы побывали, кажется, в десяти Джексонах). Но обольщаться не надо, если на карте видишь: Париж, Лиссабон, Ангола, Троя, Варшава, Москва, Ливан, Петербург... Это все те же «инкубаторные цыплята». Бензоколонка, церковь, банк, мойка машин, магазины, кинотеатр с бетонным белым экраном (картины смотрят, не покидая автомобиля), полицейский участок, аккуратные домики для жилья, одинаково длинногровые парни и девушки, одинаково напудренные старушки, одинаковые мотели. Высоко горящие надписи «Шелл», «Эссо», «Тексако» изготовлены для всей Америки тоже по единому образцу... Мы воспрянули духом, когда вдалеке на закате солнца увидели динозавра. Некогда вымерший зверь обозревал землю с подобающей высоты. Городок из-под ног динозавра казался маленьким муравейником, сдвинутым в сторону. Зверь изготовлен был из бетона в натуральную величину, подходяще окрашен.

Мы не жалели пленки, благо заходящее солнце сделало динозавра особенно впечатляющим. Уезжая, мы раза три оглянулись: «Запоминается...» Но через день замаячил на горизонте еще один динозавр, родной брат того, что был отснят нами со всех сторон. А через день еще, еще... Динозавры паслись в Аппалачах, у Великих озер, добрались в Калифорнию. Оказалось, и для столь немалых четвероногих есть в Америке инкубатор. Какая-то фирма придорожной торговли возле своих магазинов пускала пастись бетонных аборигенов Земли для рекламы...

Изюминки непохожести встречаются в городках очень редко. В Митчеле (Южная Дакота) есть Дворец кукурузы. Путеводители в один голос предупреждали: не проглядите! Яркие указатели в городке помогли точно выдерживать курс. Митчел манит проезжих Кукурузным дворцом, так же как Греция манит к себе Парфенонодл. Дворец в кукурузном краю открыт был в 1903 году к осеннему празднику урожая. Это некий гибрид средневекового замка и старой украинской хатки, стены которой на зиму утепляли щитами из тростника. Наружная облицовка Дворца кукурузы из кукурузы и состоит (несколько тысяч початков разной окраски). С добавкой пучков пшеницы и коричнево-черных стеблей конского щавеля кукурузная мозаика образует на стенах сюжет какой-нибудь сказки или, смотря по событиям года, картинки реальности. (Один кукурузный сюжет посвящался высадке на Луну.) Кукурузный дворец в отличие от динозавров существует в числе единственном, и потому похожий на все остальные городок Митчел все же запомнился.

А городкам важно, чтобы их помнили, чтобы в них заезжали. Иначе кто же помрет машину, зайдет в магазин, оставит хотя бы доллар-другой в кафе. Городки усиленно зазывают. Вот характерный призыв: «Это очень хорошее место. Не проезжайте, как будто вы торопитесь в ад». Мы торопились в тот день и все же свернули. Единственную улицу городка украшали два пьяных ковбоя, собака с обрывком веревки на шее и стайка непу-

ганных горлинок возле закрытого магазина. Пыль, ветер. По неуютности с этим местечком вряд ли что-либо могло поспорить...

И вот еще одна надпись на въезде, которая позволяет выделить Джексон штата Вайоминг из всех других Джексонов США. Прямо у первых домов городишки плакат над дорогой: «Джексон. Приветствуем вас в этой дыре!» А? Каково? Юмор — великая штука!

Городки выставляют напоказ пусть даже скандальную славу. В Сок-Сентре (штат Миннесота) многие специально сворачивают взглянуть на «Главную улицу». Полвека назад писатель Синклер Льюис в романе «Главная улица» раздел донага житье-бытье типично провинциального городка. Критика была убийственной: люди «так же неказисты, как и их дома, такие же плоские, как и их поля... Обожествленная скука». В «Главной улице» Америка увидела продолжение главной улицы любого из маленьких городков. Но особенно задел писатель жителей Сок-Сентра. Льюис родился и вырос в этом маленьком городке. Читая роман, жители как бы глянули в зеркало. «Врешь ты, мерзкое стекло!» — примерно такой была реакция на роман. «Зеркало» с удовольствием бы хлопнули о землю, а творца, появившись он в этот момент, патриоты закидали бы кирпичами. Но роман был явлением. Америке он принес первую Нобелевскую премию по литературе. Приутихнув, соксентровцы смекнули, что ведут себя нерасчетливо. Скандальную славу пустили в коммерческий оборот. Чтобы не было ни у кого сомнения — именно этот город обличал Льюис, — на главной улице установлены знаки: «Подлинная Главная улица». Другая улица названа «авеню Синклера Льюиса». Из Италии, где в одиночестве умер писатель, на местное кладбище перенесли его прах. Надпись на камне сделали лаконичной: «Автор «Главной улицы».

«Я провинциальный. Но я главный провинциальный город в Америке. Заезжайте!» Так подает себя город. И заезжают, конечно. Кому не хочется видеть главное!

два колеса

Пометка в блокноте: «Мадисон — велосипеды». И сразу вспоминается день, мы въезжаем в столицу штата Висконсин. Въехали. И сразу наша «торино» увязла в потоке велосипедов. Соревнования? Непохоже — у гонщиков нет номеров, не спешат... Скоро мы убеждаемся, что попали в велосипедную столицу Соединенных Штатов. Велосипеды сверкают спицами на дорогах, стоят возле домов и контор плотным строем один к одному, ожидают студентов возле колледжей, на зеленых лужайках университета, вповалку лежат у пляжа. Велосипеды у церкви, у магазина, у здания местного Капитолия. Наполовину студенческий город Мадисон имел ярко выраженное «велосипедное» лицо. И это стоило хотя бы маленького внимания.

Приглядевшись, мы заметили: «самокатное» мадисонское войско не было в обороне. Оно наступало. И на кого же? На могущество Америки — автомобиль! Велосипед, снабженный сзади жестяным плакатиком «Я не делаю смога», вел борьбу способом ненасильственным. Вот, мол, смотрите: еду, а дыма сзади не остается. Плакат на одной из стоянок велосипедов был гораздо воинственней: «Автомобиль — бедствие! Велосипед — радость!» На двухколесном транспорте люди, нам показалось, не просто передвигались, они испытывали наслаждение от езды...

Небольшое исследование показало: Мадисон не был велосипедным островом в США. Двухколесный снаряд входит в моду по всей стране. Изобретенный столет назад и бывший в свое время даже на вооружении армий, велосипед в Америке был задавлен автомобилем. Чудак и бедняк заводили себе два колеса.



ЧТО
ВСТРЕТИЛОСЬ...



остальная Америка мчалась на четырех колесах. И вдруг он опять замаячил, велосипед. Статистика сообщает: в США 81 миллион «велосипедовладельцев». И спрос на два колеса возрастает. В 1961 году было продано около 4 миллионов машин, в 1971 году — 8,5 миллиона. Последние данные: продается 12 миллионов в год. Промышленность в затруднении. Лихорадка застала ее врасплох. Чтобы скорее насытить рынок, велосипедные фирмы США вступают в кооперацию: Англия поставляет резину, Франция — цепи, Италия — седла...

Велосипед, как считают, воцаряется прочно и надолго. Причины такие: велосипед на дорогах не делает пробок, не требует больших площадей для стоянок, не загрязняет воздух. Велосипедом в городе можно добраться к нужному месту подчас скорее, чем в автомобиле. И еще: автомобиль лишил американца движения. Человек всюду сидит: в конторе, у телевизора, в автомобиле. Угроза болезни под названием гиподинамия (недостаток движения) оказалась для нации очень серьезной. «Велосипед — это здоровье!» Американцы это поняли, «почувствовали первобытную радость передвижения с помощью мускулов».

Конечно, сразу возникли проблемы. Дороги в Америке отданы были только автомобилю. Велосипед на дороге — помеха, и очень серьезная. «Поделить дорогу!» В больших городах (Нью-Йорке, Чикаго и Сан-Франциско) дорожные правила уже внесли изменения, дающие место велосипеду. И самое главное — с края дорог строят велосипедные полосы. Сейчас их 16 тысяч километров. В 1975 году будет 200 тысяч. Строятся также ремонтные пункты, стоянки, прокатные пункты. Министр транспорта США Джон Волпе сказал: «Велосипед завоевал такие же права, как и автомобиль».

Ну а сам велосипед как-нибудь изменился? В принципе нет — это все те же два колеса. Но, прокатившись по Мадисону, мы убедились: велосипед очень легок в ходу, и вес его был едва ли не вдвое меньше привычного. Нам показали: складной велосипед (две

минуты — и он в чемодане), велосипед со ступенчатой передачей и очень высоким удобным рулем, с небольшими колесами — для пожилых.

«Велосипед — это здоровье!» Не прислушаться ли к этим словам?



яблоко из
пластмассы



На столе ваза с фруктами: румяные яблоки, виноград, янтарные груши... Дары земли? Нет. Изделия из пластмассы. Не следует также доверять связкам лука и перца на чистенькой кухне — тоже пластмасса и тоже для украшения. Букет гладиолусов, роза в склянке с водой — пластмасса! Полевые ромашки, васильки с колосьями ржи — пластмасса! Плющ по стене, бордюры зелени у дверей — пластмасса! Постепенно к этому так привыкаешь, что даже живой одуванчик возле дороги принимаешь за изделие рук человеческих...

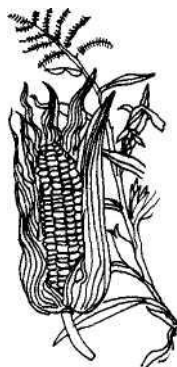
Пластмасса — изобретение американское. И не такое уж давнее. Рождением чуда считают 1868 год, -когда производство бильярдных шаров росло, а поголовье африканских слонов катастрофически уменьшалось. (Слонов стреляли исключительно ради бивней, из которых точили шары.) Всякий кризис рождает поиск. А всякому поиску случай идет навстречу. Нью-йоркский печатник Джон Хайятт, искавший вещество, способное заменить слоновую кость, опрокинул случайно склянку, в которой держал раствор для покрытия ран и ссадин. Раствор застыл твердой лепешкой. Печатник стал добавлять в раствор раз-

ные вещества. И когда дело дошло до камфоры, остатки слонов можно было считать спасенными. Новый синтетический материал вполне заменил слоновую кость. Но, кроме бильярдных шаров, из него стали делать воротнички, оправы к очкам, зубные протезы, пугозицы, игрушки и киноплёнку. Материал, получивший название целлулоид, был началом века пластмассы. Мы не выясняли, есть ли в Америке памятник Джону Хайятту. Его резонно было бы отливать не из бронзы.

Трудно сказать, куда сегодня не идет вездесущий и многоликий материал под названием «пластик». Детская соска и костюм для хождения по Луне — таков диапазон. А химики все колдуют. Искусственная кожа, искусственная икра, искусственное молоко (недавно получено из картофельной ботвы), искусственный снег для катания на лыжах, новогодняя елочка из пластмассы, яблоки и цветы... Чудеса! Но почему-то грустно от этих чудес. Краски живой природы многие видят лишь на экране, пение птиц — в записях на пластинке. Зелень лужайки заменяет трава искусственная. В Калифорнии мы любовались таким лужком. Рабочий мотеля чистил его пылесосом и подновлял какой-то жидкостью из распылителя. Там же, в Калифорнии, газеты вели жаркий спор: хорошо или плохо поступили власти в Лос-Анджелесе, высадив вдоль дороги пластиковые деревья и пластиковые цветы? /

Мы проезжали Лос-Анджелес и завернули взглянуть на садовое новшество. Нам объяснили: это на Джефферсон-аллее. Нашли аллею. Нашли и «посадки»... Траву между двумя полосами широкой дороги изображали мелкие камешки, скрепленные синтетическим клеем и покрытые масляной краской. Деревца по конструкции походили на пальмы. За пальмами был цветник. В первый день высадки шоферы, возможно, и любовались сочностью красок. Теперь же все покрывала маслянистая пыль... Очень тоскливо было на этой «озелененной трассе». «Самое грустное, — писала одна из газет, — состоит в том, что большинство наших граждан сказало: какая разница, меньше ухода, дешевле...»

Не следует думать, что в Америке нет живой: зелени. Напротив, зеленый цвет не тронутых плугом пастбищ, обширных лесов, национальных парков, лугов и полей остается в памяти и производит сильное впечатление. Не надо думать, что вся Америка глотает слюни, глядя на виноград и яблоки из пластмассы. Яблоки из пластмассы, искусственные цветы, трава на лужке у мотеля, механический человек из пластика, махающий флажком на дороге, — это рационализм: «дешевле, удобней». Процветает индустрия, дающая эрзацы взамен природы. И Америка им не противится.



подсолнух



Подсолнух!.. Проезжая по Калифорнии, мы видели полосы желтого цвета, уходившие за горизонт, — цвели подсолнухи. Поля походили на поля под Воронежем. Мы сломали один цветок... Точно такой же, как дома! Пчела впиалась в бархатистую середину, желтые лепестки были теплыми от жары. И запах тот же. И посеян подсолнух в Калифорнии с той же целью, что и у нас в Черноземье, — ради масла.

Подсолнух — уроженец Америки. Был он просто красивым цветком. Цветком и был привезен в Европу. Большой, красивый и необычный цветок! Его сажали на клумбах и в палисадниках. И могли бы забыть постепенно: мода капризная штука. Но не забыли. В селе Алексеевка Воронежской губернии дотошный крестьянин Бокарев, приглядываясь к диковинному цветку, «искал от него пользу

в хозяйстве». Он сушил мясистые лепестки, отжимал сок из стеблей, пробовал курить сушеные листья, жевал мягкую сердцевину шляпки. Наконец из созревших корзинок вылузил мелкие семена... Кричал ли пытливый крестьянин: «Эврика!» — неизвестно. Известно: в 1830 году Бокарев понял—подсолнечник может дать масло... Несложный отбор, селекция, риск засеять «цветами» крестьянский надел... Все оправдалось! Цветок давал хорошее масло и много. И потому быстро был признан. Черноземье и Украина стали засеивать подсолнечником большие площади, появились кустарные маслобойни, а потом и заводы...

Это редкий случай, когда точно известны место и время рождения культурного растения. А также известен и «крестный отец» новорожденного... В Америку, к себе на родину, подсолнух вернулся уже не цветком, а культурным растением.

Упомянем, кстати, Америка дала миру картофель, табак, помидоры, хурму, кукурузу. Старый Свет, в свою очередь, подарил континенту яблоки, апельсины, кофе.



Зверь этот всем, конечно, знаком. Живет в воде. Строит плотина!... Несчастье бобра — хорошая прочная шуба. И потому бобры исчезали. Повсюду. И в Америке, и в Европе. У нас бобры в начале этого века сохранились лишь кое-где. Пожалуй, лучшим для них убежищем оказалась речка на воронежских землях, в бору под Усманью. Бобр быстро

освоил пространства, ему заповеданные, и с помощью человека довольно быстро расселился по лесистым речкам Европы и Азии. В Америке история драгоценного грызуна похожа на историю с нашим бобром. Но тут избиение зверя началось позже, и охранные меры не запоздали — в Канаде и в западных штатах Америки бобры еще многочисленны.

К нашему путешествию этот симпатичный грызун имеет вот какое касательство. В Америке и у нас живут два немалых уже человека, посвятившие свои жизни изучению бобра, а если точнее — разведению зверя в неволе. Один — ученый, другой — фермер-практик. Живут они далеко друг от друга. Один — в лесу на реке Усманке под Воронежем, другой — на столь же маленькой речке Сквиррел в штате Айдахо. Одного зовут Леонид Лавров. Другого — Марк Вивер.

В 30-х годах после долгих трудов ученый Лавров получил бобровый приплод в неволе. В 1940 году, после пятнадцати лет кропотливой работы, того же успеха добился Вивер. Два человека, занятых одним делом, неизбежно слышали друг о друге. Цели их совпадали: научиться разводить бобров, подобно тому как в клетках разводят лисиц и норок. Медленно, шаг за шагом продвигалась работа: росло поголовье зверей на опытной ферме доктора Лаврова, успешно шло дело у фермера Вивера. Два звероведа вели переписку, прониклись друг к другу уважением, мечтали увидеться. Леонид Сергеевич Лавров однажды уже собрался на речку Сквиррел. Но поездка почему-то расстроилась. И когда это наше журналистское путешествие определилось, Лаврову в Воронежский заповедник один из нас позвонил:

— А не заехать ли к Виверу?..

— Конечно, ребята!

К моменту отъезда в США среди кучи бумаг, адресов, рекомендательных писем было письмо и для Вивера. В нем, между прочим, доктор Лавров сообщал, что один из нас вырос на реке Усманке, бобров знает с детства, знает бобровую ферму, по журналам знает и Вивера

Составляя план путешествия, мы вели разговоры по телефону Москва — Вашингтон. Был не забыт в планах и городок Сан-Антонио. Но вышла оплошность. Когда, встретившись в Вашингтоне, мы проследили маршрут, уже утвержденный государственным департаментом, то увидели: городка с фермой Вивера на нем нет. В Соединенных Штатах есть много районов, куда советскому человеку въезд запрещен. Маршрут составлялся в обход этих на карте заштрихованных мест. Но Сан-Антонио, как потом оказалось, заштрихованным не был. Он не попал в маршрут потому, что городков с подобным названием несколько. А название штата Айдахо в суматохе переговоров и переписки мы упустили... Погоревали. И тронулись в путь — на исправление оплошности времени не было.

И вот мы в штате Айдахо. Маленький Сан-Антонио, не попавший на общую карту США, на местной карте был обозначен. И где? В сорока милях от утвержденной для нас дороги! Меньше часа езды. У того, кто с детства был с бобрами знаком, появилась надежда.

— Боря, ты знаешь, Вивер особенный человек. Этот фермер, разводивший песцов и норок, рисковал разориться. 150 тысяч долларов и пятнадцать лет жизни старик ухлопал, прежде чем первый бобренок был у него на руках... Сейчас на ферме бобры самой разной окраски: золотистого цвета, белые, черные...

Ведущий машину слушал все с интересом. Но ответ его был мягко-категоричным.

— Маршрут... Нарушение — серьезное дело.

А дорога по лесистым холмам между тем приближалась к «бобровому месту».

— Старик-то, знаешь, с характером. Послушай, что пишет: «Я убеждаюсь все больше...

источником загрязнения среды являются не только автомобили и самолеты, заводы и откормочные площадки. Львиная доля загрязнений на совести политиканов».

— Вася, маршрут...

И вот наконец указатель предстоящего поворота. «Сан-Антонио — 40 миль».

— Боря, а может, нарушим? Ну кто нас видит...

— Нет, Вася, мы не нарушим...

И вот мелькнул поворот. Мелькнули изгибы дороги, уходящей к синевшим вдали лесам, где протекала речонка Сквиррел и плескались бобры...

Вот такая история. Рассказать ее надо было, чтобы читатель имел представление о режиме пути. Это не был «свободный полет». Это было движение «по рельсам». «Рельсы» мы проложили сами. А утвердив колею, сходить с нее было уже нельзя. За нашей машиной никто не ехал. Нам доверяли. А доверие надо оправдывать. Правда, в городе Оклахоме мы повстречались с машиной, в которой сидели двое молодых людей. Глянув сбоку на номер нашей «торино», они обрадовано переглянулись... Несколько кварталов машина не отставала от нас. А когда вырулили на шоссе 40, ведущее на Восток, машина исчезла. Возможно, что в Оклахоме была контрольная точка: соблюдаем маршрут или не соблюдаем?..



в горах

«Миль тридцать горами..»

— прикидываем мы, любуясь вечерним сиянием снега над темным уступом лесов. Нам надо добраться в глухое место, где сохранились мустанги. В городке Ловелле утром нас встретят проводники, и мы поедем искать лошадей в пустынных сухих долинах. Но надо добраться в этот Ловелл. Он лежит по ту сторону гор.

Надо будет вскарабкаться до снегов, перевалить их и снова спускаться...

Погода — лучше не надо. Зеленые теплые травы с цветами возле дороги. Синее небо и белые зубья снега в горах. Они четкие и, кажется, не такие уж и далекие. Дорога на карте обозначена тоненькой ниткой как раз от места, где мы лежим на траве.

Слегка прищурив глаза, можно смотреть «а покрасневшее низкое солнце... На ночь глядя в горы не ездят. Но мы поедem. Рано утром в Ловелле, в кафе «Дикая лошадь», нас будут ждать. Америка любит точность, да и время мы экономим.

Тронулись... Плавные серпентины дороги обтекают подножия гор. Вот уже коробком спичек сверху кажется домик, где мы наводили справки об этой дороге и где нас спросили: «А водители вы надежные?»

Все выше серпантинные петли, все туже. Долина, в которой мы нежились на траве, время от времени открываясь глазам, кажется морем. Вечерняя синева запрудила долину синим туманом, в котором плавают редкие огоньки. А вверху пока что светло. Снега на гребне порозовели. Дорога то отступает, то круто берет разгон — и все туда, вверх, к холодным зубцам. Измерение дороги по карте оказалось обманчивым делом. На бумаге — прямая нитка. На земле бесконечные завитки. И мы одни на дороге...

Вверх, вверх. Вершины гор отражают еще не успевшее загустеть небо и кажутся подсиненными. А внизу уже чернота.

Холодно. Стекла в машине подняты. Включаем печку. Не верится, что пару часов назад, спасаясь от зноя, мы пили воду со льдом... А вот и снег. Синий-синий. Сначала куртинками по черноте бурелома, потом сплошными полянами. Днем солнце его припекло, а сейчас он скован морозом и кажется глазированным. Оплывший медвежий след на снегу... Без испуга наблюдает за машиной олень...

Теперь и вверху темнота. Светится только небо, и темно-синий свет идет от снегов. Можно представить, какие бураны тут бушевали — толщина снега превышает местами

три метра. Едем в узком тоннеле, прорезанном, как видно, совсем недавно какой-то мощной машиной. На дороге есть передувы. Упаси бог застрять — у нас ни лопаты, ни топора...

Мы на вершине хребта! Как далека эта точка Скалистых гор от тепла, от знакомых пейзажей и человеческой суеты!

Едем как раз по гребню. Темные глыбы камней торчат из снегов. Кое-где в понижениях группами елки. Высота более трех километров. Машина чувствует высоту. И мы чувствуем — голова слегка кружится. Открываем дверцу послушать: что в этом мире?.. Ни звука! Большие звезды. И темень внизу. Теперь по другую сторону гор темнота. Три часа длился подъем. А теперь вниз. Ощупью... Снег исчезает. Въезжаем в черноту елового леса. Дорога еле-еле цепляется за боковину уступов. Жутковатые повороты. Знаки о поворотах — через каждые сто-двадцать метров. Стрелки знаков так скрючены, что похожи на бублики. Почти тупиковые петли. И очень крутая дорога. Рядами свечек горят под фарами столбики ограждений. Отпотевший за день на солнце бетон сейчас схвачен морозом. Было бы легче на животе съехать по этой дороге в бесконечную темноту... Возле особо плотного ограждения делаем остановку — вытереть пот и хотя бы на три минуты расслабиться.

Вниз, вниз. Почти ощупью. Кажется, ночь на исходе. На самом деле только начало первого. От дороги на склоне шарахнулось несколько черных зверей. Присмотрелись — коровы! Слава богу, где-то жилье...

Но еще целый час катим пологими серпентинами, прежде чем видим внизу пригоршню огня Ловелла.

Утром, встретив ожидавших нас провожатых, мы сказали:

— Ну и дорожку пришлось одолеть...

— А вы по этой — через хребет?.. —

Видавшие виды ковбои переглянулись. — Поздравляем. Вы первые. Дорога опасна. В снежное время ее закрывают. Официальное открытие будет дней через пять.



будем
знакомы...



Это заметки о встречах с американцами...

Начнем со встречи забавной. В национальном парке Шенандоа после пешего и колесного путешествия по лесам мы завернули в «визитёрский центр» кое-что расспросить. Около телефонов и радиостанции, державшей связь с охраной, дежурил почтенного возраста джентльмен в форме служащего парка. Джентльмен с готовностью вышел к стойке — его дело давать информацию. Мы сказали, кто мы, и задали первый вопрос. Но ответа мы не услышали. Джентльмен глядел на двух визитеров с ужасом и смятением. Он было приоткрыл рот, но какое-то слово застыло у него на губах.

— Сорри... (Извините), — сказал человек и стал набирать телефонный номер.

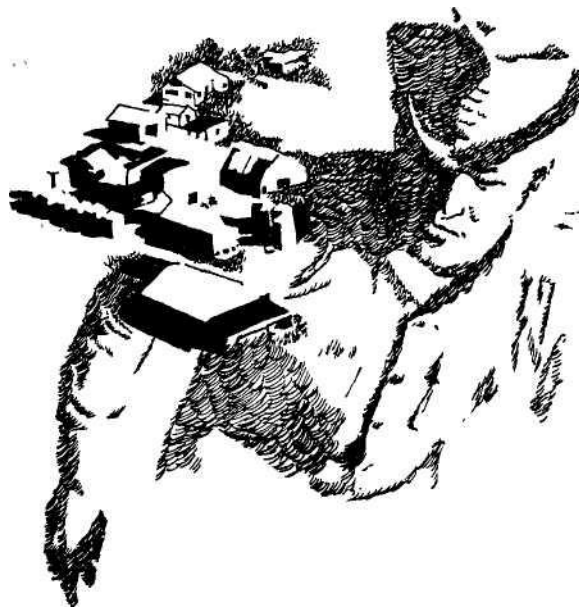
Звонок был к начальству. Но, как мы поняли, дома начальства не оказалось. Оно было в церкви. Еще куда-то звонок. По лицу джентльмена было видно: и тут на помощь ему никто не придет. Что же делать? Что делать?! Хоть бы отвлечься — ну зазвонил бы телефон, заговорил бы охранник по радио или зашел кто-либо. Нет. Воскресный день, моросит майский дождик. И человек один на один с двумя «красными». «Надо же было приехать в мое дежурство!» Это написано на лице человека. Но некуда деться. И человек снова подошел к стойке.

— Так что вас интересует?..

Мы сказали, что хотели бы знать: устройство парка, число посетителей... Человек с глубоким страданием вобрал в себя воздух.

— Э-э...

— Расскажите нам, пожалуйста, о черных медведях... — Мы бросали спасательный круг, но человек его не почувствовал.



«задержитесь
на час...»



— Сорри... — Джентльмен снова шагнул к телефону.

Нет. Начальство из церкви еще не вернулось.

Мы спешно достали бумагу, которая начиналась словами: «Всем, кого это касается!» Бумага объясняла что двое русских путешествуют, изучают природные парки... Недлинный текст чиновник прочел раза три, но, как видно, мало что понял.

— А можно ли сделать копию документа?

Мы немедленно согласились и попросили сделать парочку и для нас.

— О'кэй! — воспрянул духом дежурный.

Секунд десять — и мы держали в руках великолепные дубликаты охраняющей нас бумаги. Третий листок дежурный положил на стол рядом с баночкой кока-колы. Еще один раз убедившись, что начальство по-прежнему в церкви, дежурный выкинул белый флаг.

— Джентльмены, — сказал дежурный, — я первый раз вижу русских. Поймите меня. Два года до пенсии. И тут вы...

Это одна из коротких дорожных встреч... А вот еще. На озере Эри мы попали в местечко, лежащее в стороне от шоссе. Мотелей тут не было. Но были пансионаты, хорошо оборудованные «курятнички» для сдачи на лето не слишком богатым людям. Мы свернули под вывеску, означавшую, что въезжаем во владение Тэйлоров. По дорожке, бежавшей к озеру между дощатыми, гулками, как барабаны, домишками, на желтом электрическом тракторе каталась женщина в шортах. Трактор был, как видно, любимой игрушкой владельцев пансионата. Не слезая с машины, крепко выпившая (было воскресенье) госпожа Тэйлор проводила нас к лучшему домику возле воды. На тракторе нам были доставлены одеяла и простыни. На тракторе госпожа Тэйлор поехала к изгороди о чем-то поговорить с соседкой.

Узнав, кто мы и откуда, хозяйка помчалась к дому-контуре.

— Коллин! У нас русские!..

Убедившись, что информация принята, желтый трактор вернулся к озеру.

— Ваш муж не тот ли знаменитый Тэйлор?

— Ну что вы. Сейчас увидите...

Из дома вышел огромный человек, походивший на хмельного, слегка вздремнувшего Илью Муромца, — волосы всклочены, на руке ссадина.

— Русские? — сказал человек, здороваясь, и сразу же пожелал покатасть нас на тракторе. — Вот вы садитесь...

Жертвой оказался гость, увешанный фотокамерами. К ужасу пассажира и зрителей, трактор покотил к пирсу — дощатому настилу, ухидившему в озеро.

— Он мне не доверяет! — захохотал ми стер Тэйлор на просьбу остановиться.

Благоразумие пассажира, однако, не пошло дальше желания оставить на берегу три дорогие фотокамеры — он вернулся на трактор... Чудеса! Почти повисая над лодками, трактор благополучно достиг конца стометрового пирса и, пятясь задом, вернулся на берег. Достоинства американской техники, умение с ней обращаться, а также мужество россиян были блестяще подтверждены. В знак расположения супруги Тэйлор повели гостей показать свой дом-контору.

По живописности беспорядка с домом мог поспорить разве что магазин экстренной распродажи. Груды бумажных счетов, пишущая машинка, рулон чертежей и стопка тарелок в картонном ящике украшали огромный стол. Большой телевизор, пара магнитофонов, шкура какого-то зверя, старинный сундук, картонные ящики и глубокие кресла — все расположено было так, как будто хозяева только что въехали в дом или срочно собирались его покинуть. Над камином по толстой дубовой плахе было искусно вырезано изречение: «Хорошее вино веселит сердце человека». В спальне гостям была показана галерея портретов молодых людей, а также младенцев еще без штанишек и платиц.

— Это дети... А это внуки, — говорил ми стер Тэйлор, оказавшийся добродушным, приветливым человеком. — Пять детей и пять внуков...

Миссис Дана Тэйлор была три раза замужем. Мистер Коллин Тэйлор — три раза женат.

— О, мы оба видели звезды! — сказала миссис Тэйлор

Теперь двое людей (ей сорок, ему пятьдесят) объединили у очага остатки любви, объединили детей и внуков, а также два небольших капитала. На эти деньги выстроен летний, назовем его дачный, пансионат. Сделана кое-какая реклама, куплен (гордость Тэйлоров) электрический трактор, который может стричь траву, перевозить тяжести, выгаскивать из воды лодки.

Пятнадцать долларов в сутки с семьи за житье в домиках... Супруги считают, что скоро они станут людьми богатыми и инженер Тэйлор может к черту послать фирму, которая «выпила из меня соки»...

Беспокоит Тэйлоров озеро Эри.

— Все время пишут: озеро гибнет, озеро гибнет, загрязнено. Боимся: люди не станут ездить.

Зайдя утром в контору-дом, *мы* застали миссис Тэйлор трезвой и деловой. Она не хотела взять за ночлег плату.

— Ну, во-первых, вы из России, нам было очень интересно. Во-вторых, сезон еще не начался. И потом вы журналисты, а деловые люди должны дружить с журналистами.

С большим трудом мы уговорили миссис Тэйлор взять с нас хотя бы символическую плату...

Встреч на пути было много. Кое-что предвиделось загодя. Мы знали: в такой-то день, в условный час, в таком-то месте нас ждут. В Вашингтоне *мы* встречались с ответственными работниками министерств. Были встречи в лесных и земельных ведомствах, в музеях, лабораториях, национальных парках. Но была и просто дорога, где каждый день готовит тебе попутчиков, встречающих, собеседников за столом, на ферме, в мотеле, на пешей тропе, возле бензоколонки. Иногда разговор — всего десять слов. Но любопытно: отдельных людей помнишь так хорошо что не надо листать блокноты, ворошить конверты с разрезанной пленкой...

Чарльз Унтка — паромщик на озере Эри. Джойс и Уоррен Миллеры — фермеры в Висконсине. Дорожный монтер Роберт Кол-кон. Рыбовод в забытом богом местечке штата Вайоминг Том Диксон с сыном Чаком. Туристы (брат и сестра) Крис и Дженни Хилд. Дочь писателя Сетон-Томпсона Ди Барбара. Бродяга в повозке, запряженной осликами, на дороге в Нью-Мексико Слоте Говард. Актер Джо Пирс, пригласивший нас в ночной клуб (у него там номер с ручным удавом). Пастухи Альберт Сай и Боб Морсер — «работаем 26 часов в сутки»... Это простые люди Америки, живущие в самых разных точках страны. Нам эти люди понравились. А как держались они, неожиданно встретив русских, «несомненно коммунистов», путешествующих в таких местах, куда даже сами американцы не часто заглядывают? Должны честно сказать: ни одного случая недоброжелательства мы не встретили (хотя можно, конечно, и встретить). Первая реакция при знакомстве — сдержанное (а иногда и несдержанное) любопытство Были, правда, забавные случаи настороженности, боязни и даже забавной паники, но общий тон многочисленных встреч: доброжелательность.

Кенедей Кенед, продавец из Вашингтона, отдышавший с семьей в парке Шенандоа, специально догнал нас на тропке, чтобы позвать к столу: «Выпейте с нами бутылку вина!» В Калифорнии в справочном пункте очередь заволновалась, узнав, что в заповедник приехали двое русских. Все непременно хотели, чтобы гостей обслужили немедленно. Мы были смущены повышенным вниманием очереди. Особенно тронул нас человек в полосатой майке: «Ребята, дайте пожать вам руки...» Уже по дороге в горы мы еще раз увидели полосатую майку. Человек возился у машины, из которой шел пар.

— Не надо ли чем помочь?..

Человек высунул гривастую голову из-под крыши капота.

— Ну вот, дюжина наших промчалась, даже не задержавшись. Помощь пришла от русских! У меня все в порядке, ребята. А вот снимок на память хотелось бы. Меня зовут

Клод, Клод Грей, контролер на заводе компьютеров... Треззи, Стивен!... — позвал отец. Из фургона выскочили двое лохматых, как и отец, ребяташек. Сообща и с удовольствием минут десять мы изводили фото- и кинопленку...

Уместно сказать тут несколько слов о характере американцев. К этому непростому вопросу возможен двойной подход: с позиции долгого опыта (один из нас жил в Америке много лет) и с позиции «свежего глаза», что вполне согласуется с характером чисто дорожных и, конечно, не слишком глубоких познаний. Так вот с позиции новичка американцы:

Деловиты. Завидно деловиты. Иногда, правда, кажется — деловитость подавляет другие, не менее ценные человеческие качества.

Необычайно точны, обязательны. Все наши запланированные наперед встречи состоялись в условленный час.

Американцы очень общительны. До этого приходилось наблюдать их в Европе, Африке, Антарктиде. На чужом фоне американец развязан, другого слова, пожалуй, не подберешь. У себя дома эта черта выглядит иначе. Все держатся одинаково просто, без ложных условностей. В такой атмосфере чувствуешь себя вовсе неплохо.

Не бросаются в глаза древнейшие из человеческих качеств. чинопочитание, угодничество, чванливость. Начальник и подчиненные держатся просто, по-деловому, кажется, даже дружески. Можно заподозрить и наигранный демократизм. Но простота в отношениях людей с различных ступеней деловой иерархии, надо думать, делам способствует.

О нашей стране американцы знают очень немного, имеют о ней искаженное представление или не знают совсем ничего. В Йеллоустонском парке вечером у костра мы спели две наши песни и ответили на вопрос, как бы мы в Подмоскowie провели воскресенье? После ответа одна из женщин всплеснула руками: «Боже мой, они такие же люди!»

Американцы расчетливы, экономны, но не скупы. Заметна слабость: любят похвастаться. Машиной, повышением в должности, новой покупкой, своим городком, штатом и в целом Америкой. Иностранцу, пожелавшему что-либо узнать об Америке, американец бросится помогать всеми средствами: расскажет, проведит, снабдит картами и брошюрами, позвонит другу, чтобы и тот помог на пути.

Несомненно, американцы большие патриоты своей страны. Возможно, после войны Севера с Югом нация никогда не была еще разъединена так же сильно, как теперь. Причины известные: война во Вьетнаме, проклятие расовых отношений, социальное неравенство, разлад в возрастных группах по причине различного толкования ценностей жизни... Но если заходит речь об Америке, американцы почти всегда в обиду ее не дают. Даже очень жесткая критика предназначена для потребления внутреннего. В разговоре с человеком «с другой стороны» вчерашний критик отыщет слова помягче или вовсе избежит разговора.

Время, престиж и деньги — главные ценности в жизни американца. Жизнь по этой причине — гонка без передышки. «А для того ли дана человеку жизнь?» — спрашивают молодые. Отсюда разлад со старшими. Однако, взрослея, бунтари утихают, и все идет по привычному кругу: деньги, престиж, время, деньги. Дележ этих ценностей, подобно любому из дележей, разъединяет людей. И это очень заметно.

Политика... Активно политикой в Америке занято немного людей. Но телевизор привел политику в каждый дом, в каждый отель и мотель.

Американцы понимают, что прошли времена, когда Америка жила далеко от всего мира и могла быть сама по себе. Сейчас судьбы народов связаны. Неверный шаг одного государства, особенно государства большого и сильного, может кончиться катастрофой для всех. Потепление отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами простые люди Америки приняли одобри-

тельно. На эту тему говорили охотно, с этого начиналось большинство разговоров: «Хорошая пора!»

Самой приятной из многих встреч на дороге была встреча с тремя девчурками в штате Вайоминг... Представьте синий солнечный день. Зеленые холмы с красноватыми обнажениями. Полоски лесов по самым дальним буграм. Тишина и теплынь. Остановишь машину — слышно, как в цветах у дороги гудят шмели. Красноватого цвета проселок пустынен. И все кругом на многие километры безлюдно. Спугнули оленя возле ручья. Беспризорный табунок лошадей на пригорке... И вдруг домик. У дороги на съезде к нему традиционное колесо и жестяный почтовый ящик на столбике. И тут же в траве играют трое детей, три девочки. Старшая возится с мохнатой маленькой лошадкой. Две другие поменьше лепят из песка пирожки.

Первой нас заметила старшая. Она резво вскочила на лошадь и проехала по дорожке. Слезла, сказала что-то сестренкам.

Мы решили, что самое время подойти познакомиться. Себя и двух сестер представила старшая.

— Я Томми. А это Бренда и Гей... Лошадку зовут Мистер Икс...

Из ворот дома вышла слегка встревоженная мама. Мы поспешили все объяснить. Мама сразу же успокоилась. Представилась:

— Долли. Долли Кларк.. Мы тут живем...

Я сначала встревожилась — двое незнакомых людей. У нас, правда, гут тихо и ничего не случается. Удивительно — русские... Глушь, редко видишь нового человека. И вдруг из Москвы. Проходите...

Домик принадлежал семье Кларков. Хозяин Джеймс Кларк работает слесарем в городке миль за тридцать, а Долли Кларк тут с хозяйством и ребятами.

— Я дикарка. Выросла в этих местах, езжу на лошади, автомобиль вожу, трактор. Вчера клеймила коров... Конечно, трудно — дети, хозяйство. Но землю купить я сама

настояла. Жизнь кажется более прочной, когда имеешь хотя бы клочок. Да и подспорье...

В этом доме не заботились ни о стрижке травы, ни о строгом порядке. Просторный двор был огорожен жердями и проволокой. Посредине стоял кособокий амбар из бревен. В высокой траве виднелся остов телеги с одним колесом. Две добродушные собаки бегали во дворе.

В жилом доме хозяйка показала нам все: от кухни до ванной комнаты с грудой детских пеленок. Во всех комнатах валялись игрушки. На спинках стульев висела детская одежка. Хозяйка не говорила обязательных в этом случае слов: «Извините, сегодня не прибрано».

— О, у нас еще не такое бывает! — улыбалась она, проводя нас по комнатам.

В просторной столовой стоял телевизор, глубокие кресла. На стене висели большие рога, винтовка и пистолет в кобуре.

— Оленя муж подстрелил вот тут, за холмами. Я тоже могла бы. Стреляю из этой штуки и «кольт» вполне по-мужски могу разрядить...

Потом мы *сидели* на кладке сухих досок у ворот. Девчурки, освоившись, дурачились на глазах у гостей. Старшая скакала на лошади по двору. Бренда залезла на колесо у дороги и колотила ногами по почтовому ящику.

— Этой два года, — сказала мать, подхватив младшую на руки. — А Томми — семья. Не расстается с лошадкой. Мне двадцать во семь. Джеймс считает: надо рожать, пока будет сын...

— Не скучно тут?

— Что вы! На востоке ни я, ни Джеймс не согласились бы жить. А тут спокойно...

Прощание было трогательным. Спросив, как будет по-русски «приезжайте еще», мать созвала дочерей, немного порепетировала с ними, и, когда мы пошли к машине, четыре голоса несколько раз пропели: «При-езжайте иесчо!» И четыре руки помахали нам точно так же, как в Сибири на полустанках машут проходящему поезду.



ЧЕЛОВЕК



ОТ ЗЕМЛИ

Штат Висконсин. Холмы, лески в понижениях. Еще не степь, но уже открываются глазу дали. Просторное небо подымается над дорогой. Все пространство освоено земледельцами. Земля распахана, разлинеена, загорожена, поделена на квадраты, прямоугольники. Холмы, однако, смягчают строгую геометрию. Линейки меж, борозды пахоты, полосы лесов и даже строгий протокол изгородей — все причудливо изгибается. Даже дорога тут позволяет некую вольность: нет-нет да и сверкнет живописным изгибом, плавно скользнет за холм. В пейзаже легко выделяются три детали. Ферма с неперменной серебристого цвета силосной башней. Стадо черно-белых коров. И одинокий трактор. Висконсин называют «молочным штатом». Молоком он поит район Великих озер, а сыры висконсинские ест вся Америка.

Фермами штат заселен густо. В отличие от владельца ранчо на Западе или в Техасе фермер не имеет обширных вольных выпасов для скота. Корма тут надо выращивать. Мы ехали в те знаменитые «несколько дней», когда земля поспела и надо было не упустить момент, — сеяли кукурузу.

Говорить с пахарем в любом месте Земли интересно и важно, ибо нет нужнее работы, чем эта. В сорока километрах от города Мадисон, увидев пыливший рядом с дорогой трактор, мы съехали на обочину, огляделись и, рискуя разодрать штаны, стали перелезть через проволоку. Вторжение сразу было замечено. Вопросительно-вежливо приподняв брови, к ограде подошла женщина (закатанные до колен джинсы, грубые башмаки, соломенная шляпа, запыленная рыжей зем-

лей, огрубевшие пальцы теребят прутик, прошлогоднего бурьяна). В роли телохранителей — сыновья (оба «очкарики»; один в красной панаме, другой пятерней приводит в порядок пышную шевелюру; поза: два вопросительных знака). Мы поздоровались. Представились. Извинились. Сказали все, что надо сказать в такой ситуации. Спросили: нельзя ли поговорить минут двадцать? Настороженность, любопытство, приветливость, озабоченность — все сразу на лицах.

— Уоррен!.. — Оклик женщина подкрепила взмахом руки.

Большой трехколесный трактор, таскавший по коричневой пашне сеялку, остановился. Обтирая на ходу ладони о комбинезон, подошел Уоррен (огромный светловолосый человек; соломенная шляпа; массивное лицо покрыто пылью; рука тяжелая, мощная; слегка озадачен). Узнав, в чем дело, Уоррен неторопливо заглушил трактор. Повозился немного в моторе. Попросил сына принести из кустов флягу с водой.

— Ну что ж, давайте присядем...

Так мы познакомились с семьей фермера Уоррена Миллера. Жену зовут Джойс (она тоже из семьи фермеров). На вид обоим за сорок. Пятнадцатилетний Джо ходит в девятый класс. Джимму десять... До заката Миллерам надо опорожнить в землю горку бумажных мешков семенной кукурузы. Тринадцатилетняя дочь Маргарэт в это время готовит обед. Дом Миллеров на холме. В нужный час Маргарэт ударит в колокол, висящий у дома. Все четверо сядут в красный «пикапчик» и, заглянув по пути на пуг, где ходят коровы, поедут обедать. А потом опять сюда, все четверо. И до темноты. Так всегда, а не только во время сева. Так работал на этой земле дед Уоррена и отец. Так сейчас отец приучает работать и сыновей. Приходят из школы (по фермам ребяташек развозит автобус), два часа на уроки — и за работу. Ее всегда много. С пяти лет в обязанность Джимма входил уход за курами. Сейчас — в десять лет — он может управлять трактором. А старший Джо делает все, что может делать отец. Развлечение ребята-

шек — велосипед и все, что могут найти для себя на поле и на лугу.

У Миллеров триста акров земли (акр — 0,4 гектара). Есть трактор («куплен за шесть тысяч долларов»), тридцать коров, полсотни овец. В отличие от соседей коровы мясной породы. (У хозяина с детства повреждена рука, и он не может доить.) Сено, силос, овес, свекла — все для скота производят на ферме.

— Тяжело?

— Тяжело. Много лет не знаем, что та кое кино. Не помню, когда были в гостях. Только телевизор иногда вечером. Работа, работа... В молодости я ездила в Вашингтон и в Нью-Йорк. Это сейчас похоже на сказку.

— А я не был нигде далее Мадисона, это двадцать пять миль отсюда. Земля не пускает. Вся жизнь как один день: подъем в пять, и только в полночь добираться до кровати...

Все, кроме яиц, Миллеры покупают. Хлеб, молоко, овощи, мясо, фрукты. («Забить овцу, выращивать помидоры... На это рук не хватает».) Их ферма считается средней. (Выручка от продажи продукции 10 тысяч долларов в год.)

— Есть богатые фермы в этих местах?

— Есть. И они сейчас становятся еще богаче. А если доход ниже нашего, значит, ферме конец. В округе многие землю уже продали и подались в город. А мы еще держимся.

— Было бы тяжело расставаться?

— Гм, тяжело... Для меня это смерть. Где я нужен с одной рукой? Да и земля... Кто с детства знает, как пахнет весной земля, тому расставаться с ней все равно что мать схоронить. Молодежь расстается, конечно, почти без боли. Мой старший интересуется электричеством. Ясное дело, уедет куда-нибудь. А в младшем чувствую фермере. Он мог бы хозяйствовать. Но как устоять? Раньше: работай с утра до ночи — и ты хозяин своей судьбы. Теперь все иначе...

В этом месте наш собеседник поставил некое многоточие — протянул руку к фляге с

водой, спросил: «Растут ли в России на межах эти цветы?» (одуванчики).

Американцы по натуре своей жаловаться не любят. Как бы плохо ни шли дела, американец скажет: «Ничего, жить можно». Неделикатно было расспрашивать о том, что явно беспокоило трудолюбивого земледельца. Паузу заполнила Джойс. Она сказала, что собирается возить в Мадисон и вразнос по домам продавать яйца... И опять пауза. Все четверо Миллеров и мы тоже хорошо понимаем: в американских условиях улучшать дела фермы продажей яиц вразнос — это отчаяние.

— Вот такая наша «семейная ферма». О таких фермах много пишут сейчас, по телевидению говорят... — Джойс собрала возле пасеки букетик золотых одуванчиков. — Это вам на дорогу подарок с нашей земли.

Мы отварились расписными деревянными ложками, по числу едоков фермы, и попрощались с трудолюбивыми и явно обеспокоенными своей судьбой Миллерами.

В сельской жизни Соединенных Штатов происходят сейчас процессы, о которых много пишут и говорят. Говорят с гордостью и с отчаянием. Процессы эти затрагивают интересы как сельского жителя, так и нации в целом, ибо при блеске огней городской жизни, при всех технических достижениях, при всех богатствах земля остается основным капиталом людей. И от того, что на земле происходит, в конечном счете зависит все остальное.

Сельское хозяйство Америки высокопродуктивное. Этому много причин. Ранняя, умелая и очень высокая механизация (90 процентов). На среднего фермера сейчас приходится больше «машинных лошадиных сил», чем на среднего промышленного рабочего.) Решительная и щедрая электрификация (98 процентов). Химизация (40 миллионов тонн удобрений в год. До трех долларов прибыли с каждого доллара, потраченного на удобрения). Специализация. (Монопродукт производят не только отдельные хозяй-

ства, но целые округа и даже целиком штаты — «садовый штат», «картофельный штат», «кукурузный штат», «пшеничный пояс».) Разветвленная сеть дорог позволяет перемещать, распределять продукты без порчи и нужным образом. Следовательно, дороги надо поставить в ряд очень важных факторов сельского производства. Тщательная селекция. (Отбор и культивация наиболее выгодных сортов растений и пород скота. Американцы не просто так уговаривали Мичурина переехать в Америку. И весьма эффективно использовали все, чего добился Бербанк и его продолжатели.) Не следует упускать из виду благоприятный климатический пояс США. (Все земли лежат к югу от широты Киева.) Надо учитывать беспощадную, временами хищническую эксплуатацию земли. Но следует иметь в виду также и расчетливое, продуманное хозяйствование и труд неприменный «от зари до зари». Все это позволило Америке не только обеспечить свой стол, но и производить излишки сельских продуктов. За этим столом, правда, не все получают равный кусок. Излишки, однако, всегда были помехой потому, что грозили снижением цен. Излишки пшеницы сжигали в топках, затопляли в баржах на дне заливов. С 30-х годов стала поощряться консервация пашни. Государство предложило фермерам компенсацию прибылей, если часть земли они обратят в залежь. Сейчас в связи с возросшим числом едоков (в 1900 году было 77 миллионов жителей. Сейчас в США — 210 миллионов), а также в связи с повышением спроса на внешнем рынке эта политика пересматривается. Всячески поощряется и интенсивность эксплуатации земель. «Зеленая революция» (так называют увеличение урожайности за счет химизации и новейших рекомендаций агротехнической науки) дала толчок новым процессам в сельском хозяйстве, для которых наиболее подходящее слово — индустриализация, то есть превращение пашни, фруктовых плантаций, огородов, птицеводческих, мясных и молочных ферм в некий высокоэффективный заводской поток, подобный, скажем, производству автомобилей.

Образцы этих конвейеров уже есть. Самый простой вариант — пасека. Тысячи небольших пазов разбросаны у дорог. Специальный фургон по строгому ритму объезжает все пасеки. Проверка. Подкормка. Контроль за роением, откачка меда — конвейер! На фабрике детали движутся к человеку. Тут же подвижная честь — сам человек.

Конвейер откормки скота мы наблюдали в Техасе и Оклахоме. Много тысяч коров мясной породы в плотном загоне. Рацион кормов и систему ухода рассчитал для фермы компьютер. А тщательно продуманная механизация позволяет одному человеку управляться с пятьюстами коров.

До всех тонкостей продумана «индустрия получения яйца». Состав кормов, освещение, вентиляция, размещение несушек с учетом «куриной психики» превратили курицу в живую ячейку огромного механизма — с одной стороны ряда проволочных клеток движется конвейер с кормами, а на другую ленту конвейера из клеток по желобкам катятся яйца. Нестись курицу заставляют 210— 220 дней в году.

Подобным же образом устроены очень распространенные фермы по производству куриного мяса. Новейшие биологические изыскания позволили резко сократить сроки созревания бройлеров (со ста дней до шестидесяти) и расходы кормов (с четырех килограммов на птицу до двух). Механизация позволяет одному человеку обслуживать сто тысяч птиц.

Под открытым небом — на пашне и огородных грядках — поточное производство встретило трудности, но не остановилось. Как, например, механизировать уборку помидоров? Напряженными усилиями создан комбайн. Задача эта была, может быть, только чуть менее сложной, чем создание грузинскими конструкторами чаеуборочного комбайна. К проблеме подступились с двух разных сторон — конструировали машину и «конструировали» для нее специальный сорт помидоров. (Важно было иметь определенную форму куста, помидоры должны были быть по возможности одного размера и созревать в одно

время.) Сейчас 90 процентов томатов для консервной промышленности США убирают машины.

Такое передний край изменений в сельском хозяйстве. Процесс этот начался не сегодня и не вчера. К нему уже присмотрелись. Казалось бы, общество должно только радоваться. Однако мы слышали вздохи и откровенное беспокойство людей сельских и городских. Газеты, анализируя происходящее, тоже не только в мажорных тонах пишут о «революции».

Первая драматическая плата за успехи агробизнеса — разорение огромной массы американских фермеров. Производство на новом уровне требует огромных капиталовложений в технику и технологию производства (примерно в семь-десять раз больше, чем прежде). Чтобы вести хозяйство по-современному, фермер должен иметь на капитальные затраты от 20 тысяч долларов до миллиона. Согласно статистике в США около трех миллионов фермерских хозяйств. Из них треть имеют годовой доход менее чем две с половиной тысячи долларов. Возможно, еще одна треть получает доход, равный доходу знакомых нам Миллеров (десять тысяч долларов). Каково их место в быстро текущем процессе? Эти фермы обречены. Разорение идет как лавина («каждую неделю — две тысячи ферм»). Дело, как пишут, не только в средствах. Земледелец должен «сменить и голову». «Преуспевающий фермер сегодня не столько земледелец, сколько бизнесмен», — сказал бывший министр земледелия США Клиффорд Хардин. Иначе говоря, человек не только должен знать до тонкостей свое дело на пашне или на скотном дворе, но обязан знать также все тонкости рынка, быть оборотистым и беспощадным к более слабому соседу. Это крупный капиталист на земле. Это «директор предприятия» вместо прежнего, возможно и очень искусного, «кустаря». Его прибыли — десятки, сотни тысяч и даже миллионы долларов в год. Знакомый нам Гарст из Айовы — фермер

такого ранга. Именно таких оборотистых людей в первую очередь и с готовностью финансируют банки. Удел же большинства — разорение. Ферма идет с молотка. Молодежь — в город. Старики (дожить) ищут угол в каком-нибудь маленьком городке. Кое-кто, продав землю, остается на ней батраком, работая на вчерашнего соседа или на корпорацию, протянувшую свои щупальца к земле из города. Кое-кто ищет выход, приспособлявая землю для отдыха приезжающих из города.

Шестьсот тысяч разорившихся фермеров каждый год покидают землю и уезжают в город. Считают, что к 1980 году число фермерских хозяйств уменьшится в десять раз. Земли «семейных ферм», на которых нередко в течение нескольких поколений трудились Миллеры, Смиты и Джонсоны, не всегда, однако, попадают в руки более удачливого соседа. Агробизнесом в США последние годы занимаются фирмы, корпорации и компании, весьма далекие от земли, но имеющие деньги для «конвейера на земле». Вот примеры. Земледелием занимаются: компания «Боинг», производящая самолеты, машиностроительный концерн «Кайзер индастриз», нефтяная монополия «Гетти ойл», «Интернэшнл телефон энд телеграф». Список может быть очень длинным. Нередко компания прибирает к рукам всю цепь производства продуктов — от поля и грядки до магазина. Так, фирма «Теннеко» пашет собственную землю, удобряемую и опыляемую химикатами из собственных химических производств, использует собственные тракторы, которые заправлены горючим из собственных нефтяных скважин и собственных нефтеочистительных заводов. Продукты обрабатываются, распределяются и упаковываются филиалами «Теннеко». «Теннеко» занимается также разведкой нефти у берегов Юго-Восточной Азии, она крупнейшая в мире транспортировщик природного газа и строит два атомных авианосца...» (журнал «Рэмпартс»).

Может ли устоять перед такой всепожирающей машиной знакомый нам Миллер со своей попыткой помочь делу продажей яиц вразнос? Нет. И это сильно беспокоит амери-

канцев. Беспокойство вызвано, однако, не только тем, что гибнет «семейная ферма» — основа многих устоев и традиций в Америке.

Сам продукт, идущий на стол от земли... Он давно уже стандартизирован. И все же с мелких ферм он поступал в более разнообразных видах и не всегда «на сто процентов пропитанный химикалиями». Агробизнес же весь доход строит как раз на предельной химизации и стандартизации производства. И сам контролирует все процессы от посева и до стола. Конвейерное производство принуждает собирать овощи недозревшими, а товарный привлекательный вид им придают с помощью химических ухищрений. Это касается всего: от фруктов до мяса и хлеба. Румяное яблоко! Не обманывайтесь. В нем уже нет того, чему полагается быть в яблоке. Оно могло пролежать два года. Сохраниться ему помогло какое-то минеральное масло. Ослепительно белый хлеб («может храниться несколько лет»). Но белизну (и вкус ваты) ему придает обработка муки трихлоридом азота...

Из двадцати тысяч химических веществ, внедренных в пищевую промышленность США, лишь сто пятьдесят признаются безвредными. «Питание «среднего американца» сейчас худшего качества, чем десять лет назад». Этот факт признается министерством сельского хозяйства США. Журнал «Рэмпартс» говорит более энергично: «Пицца, которой нас кормит агробизнес, отравлена... Это дьявольская стряпня».

Отлучение традиционного земледельца от земли влечет за собой проблему со многими гранями.

Агробизнес не заботится о земле так же, как заботился земледелец, на ней выращавший.

Тотальная химизация катастрофически разрушает живую природу и саму почву.

Наконец, потоки людей в города усложняют и без того жгучие проблемы городской жизни. В разговоре с нами на эту тему заместитель министра внутренних дел Рид Натаниэл сказал: «Я лично считаю: надо всеми средствами удерживать людей на земле. Надо»

им платить, только пусть остаются. В городах многим из них все равно приходится платить как безработным или по бедности. Надо это делать, оставляя их на земле».

Так человеческие проблемы выглядят в общем широком плане. А сколько трагедий можно увидеть, если приблизить глаза к жизни отдельной фермы, одной из двух тысяч, которые терпят крушение еженедельно. В штате Миннесота случай помог увидеть одну из этих человеческих драм.

Ремонтировали дорогу. Сунув флажок за пояс, белокурый, высокого роста регулировщик снял ковбойскую шляпу и, выбив из нее пыль ударами по колену, направился к нашей машине.

— Мне через пять минут сменяться. Не подвезете до фермы?..

Попутчик он оказался веселый — подтрунивал над собой, а несколько шуток московской закваски привели его прямо в детский восторг.

— Женаты?

— Женат...

И тут, чувствуем, температура веселья сразу понизилась.

— Живем врозь. Она в городе. А я вот так: на дороге с флажком, и ферма тоже рук требует...

Зайти на ферму Фил пригласил нас больше из вежливости. Но мы не отказались. На стол под вяз белокурый потомок шведов принес банки с пивом, кувшин молока, вытряхнул из пакета в пластмассовое корытце соленых орешков. За разговором, кидая воробьям крошки, мы просидели у Фила до темноты. В машине начатый шутками разговор обернулся неожиданной исповедью человека, которому надо было кому-то излиться.

— Вкалываю шестнадцать часов в сутки. И знаете, у соседей слышу бездельником. Это потому, что в воскресенье бросаю все к чертовой матери и еду на озеро с удочкой. Другие и этого себе позволить не могут.

Хозяйство у Фила скромное. Дом, обитый

крашеной рейкой, с зеленого цвета крышей. Сарай для сена. Силосная башня. Коровник. На склоне холма загон. На лужайке у дома алебастровый петушок и два колеса от старой телеги для украшения.

Мы похвалили порядок на ферме. Прошли за постройку, откуда виднелся обширный луг с опушенным зеленью ручейком.

— Это все уже не мое, — вздохнул Фил. — Пятнадцать лет стремился хозяином стать. И вот теперь, можно сказать, батрак.

Ферма сильно задолжала банку и кредитной конторе. Пытаясь поправить дело, Фил поддался уговорам земледельческой корпорации. И запутался еще больше.

— Теперь мое дело простое. Там, в городе, обо всем думают. Бидоны с молоком из сарая берут утром, когда еще сплю. Если в технике что — механика сразу шлют. Мне остаются сущие пустяки, — улыбается Фил, — вкалывай и своди концы с концами. На дорогу махать флажками от хорошей жизни, сами понимаете, не пойдешь...

Фил отправился в дом за новой порцией пива. И в открытую дверь мы услышали приглушенный старческий кашель.

— Вы не один?

— Старик отец у меня... Совсем сдал. Скоро, наверное, с богом будет встречаться старый початок...

— Недружно живете?

— Как волки живем...

Пиво разгорячило нашего собеседника. Ударяя ребром ладони по краю скамейки, он прошелся по всей своей жизни с отцом.

— За что мне любить его? Считал, что слома ему не будет. Работал как вол и меня не жалел ни вот столько. С раннего детства знаю, как утром петухи в потемках кричат. Все внушал: земля, земля, любить надо... И что же, я, пожалуй, землю люблю. Вот этот вяз. И туман. И даже запах навоза в армии вспоминал, не поверите, с нежностью... А знаете, как этот дом, этот вяз и этот туман мне достались? — Фил помолчал, дернул с банки язычок жести, не отрываясь выпил и, барабаня ногтем о посуду, рассказал историю, забыть которую невозможно.

Двенадцать лет назад они сидели с отцом за этим столом вот так же вечером. Пили кукурузный самогон. Говорили о жизни. Фил вернулся на ферму. Не подался из армии в город, как многие, а приехал под этот вяз. («Вот, посмотрите, буквы перочинным ножом: Ф. Н. — Фил Нельсон».) В тот вечер отец рассказал ему, как умирала мать, о чем просила в последний день. А потом отец выложил самое главное. Отец сказал, что ферму он, Фил, получит только за деньги. У него, у отца, будет старость, и он должен о ней подумать. А поскольку денег у Фила нет, то отец берет сына на ферму рабочим. Зарплата как полагается. Вычет за еду, за ночлег. («Я сказал отцу тогда: батраком, значит?») Отец ответил, что слова значения не имеют, а платить он будет исправно. Юрист, мол, в семейных делах не понадобится.

— Еще отец сказал, что поступает так и в моих интересах. Иначе, мол, разболтаюсь. А при таких отношениях у сына, придет время, в руках будет ферма, а он на деньги, которые я ему выложу, доживет сколько богом будет отпущено. О домике во Флориде мечтал...

Разговор в тот вечер окончился дракой. Но утром, как всегда, поднялись с петухами — косили траву, починили запруду у водопоя. И помирились в конце концов. Отец сказал, что жизнь жестокая штука и он хочет, чтобы Фил не овцой был в этой жизни.

— Я кое-что сам уже понимал. Знал, что отец прав. Но все равно батрачить в собственном доме было противно.

Двенадцать лет они жили под одной крышей. Ели вместе. Работали. Выпивали вместе. Но были чужими. Изредка дрались. («Сначала верх за отцом был, потом я жалеть его перестал».) И пришел наконец день, когда сын выложил отцу деньги за ферму. Но оказалось, покупать-то почти и нечего. Долгов у отца было столько, что всех заработанных сыном денег едва хватило, чтобы заплатить половину.

— В тот день мы опять крепко сцепились. Отец уехал спать на соседнюю ферму. А утром, когда он вернулся, я спокойно сказал:

«Ну, отец, теперь твоя очередь...» Знал, что делаю скверно, но завел тоже книгу расчетов. Зло и мелочно стал записывать, сколько съел отец, сколько чего заработал. Женился. Но я говорил уже вам — ушла. И вот живем двое. Старик ослаб. Плачет. Я ничего. Живи, говорю, на том свете все у нас поровну будет. А когда выпью, опять во мне закипает...

Фил положил щеку на два кулака и глядел мимо нас в ложбину, залитую майским туманом. Мы, признаться, чувствовали себя неловко при таком откровении и приготовились распрощаться.

— Посидите, — попросил Фил, — ужасно сегодня не хочется быть одному. Схожу за пивом... У нас гости! Не хочешь выйти? — крикнул он в глубину дома.

Старик опять надсадно закашлял и, видимо, отказался.

В это время во двор заехал красный грузовичок. Чернявый молодой парень ловко скинул из кузова десяток бумажных мешков с комбикормом. И, увидев в дверях хозяина с банками, крикнул:

— Фил, лодку я починил! Так что в обычное время...

Из дома опять послышался кашель.

— Жив твой работник?

— Плохо отцу. Надо бы в госпиталь. А на какие шиши?..

— Да... — сказал чернявый и, вытянув зубами сигарету из пачки, полез в кабину.

Мы тоже поднялись. Фил, пожимая нам руки, сказал:

— Извините. Я лишнее выпил, много болтал. Но ведь надо ж кому-то сказать. Хоть раз...

Он проводил нас к машине. Пока мы искали на карте выезд на шоссе 90, Фил скинул рубаху и стал обливаться водой из шланга. Мы помахали ему. И он поднял полотенце над головой:

— Надо не унывать!..

Такая история стоит за строчкой статистики: «В неделю разоряются две тысячи ферм».

Он сидел на ящике из-под фруктов возле бензоколонки, подбрасывая на ладони мелкие камешки. Мы решили: забавляется от нечего делать. Оказалось, он волновался. Ему надо было ехать, но он стеснялся попроситься в машину. Как видно, не в первый раз его выручил парень-заправщик.

— Возьмите. Это хороший чело век. Двадцать миль в ту же сторону, что и вам...

Обычно нам говорили: не берите хичхайкеров (голосующих у дороги). Тут же была явно дружеская рекомендация. Мы сдвинули легкий багаж на сиденье и знаком позвали привставшего человека. Он кинул в сторону камешки, отряхнул пыль с ладоней, оглядел, нет ли соринки на синем штопаном комбинезоне, и, поблагодарив, сел в машину.

Двадцать миль — это менее часа езды даже по горным дорогам. Но мы не стали спешить — хотелось перекинуться словом с попутчиком. Однако попутчик предпочитал жевать табак. Несколько замечаний о красоте Аппалачей и о странной в этом году погоде побудили его сказать только: «Йес!» Но незнакомая речь все же расшевелила.

— Вы иностранцы?

Мы объяснили.

Молчание две-три минуты. Потом вопрос:

— Скажите, у вас там правда нет безработицы или это все пропаганда?

Объяснение он принимал без большой веры.

— Как же так? Ну вот на шахту прислали машины. А куда же рабочих?..

«У кого что болит...» — поговорка интернациональная. И наш попутчик ее подтвердил. Оказалось, более года он был без работы.



МОЛЧАЛИВЫЙ , ПОПУТЧИК



— Молодые разъехались кто куда. А мы, постарше, остались. У меня пять человек ребятишек...

Из вежливости мы даже не стали расспрашивать, как он жил этот год. По испитому лицу, по одежде, по угрюмой настороженности чувствовалось: он не вышел еще из крайней нужды. Но он не жаловался.

— Мне повезло...

Выяснилось: сейчас он ехал работать. С большим трудом устроился в гараж механиком. Иногда ночует в конурке при гараже. Иногда приезжает домой.

— Сейчас жить можно... — Он вздохнул с облегчением и показал, где надо пригормозить.

Помятая шляпа, большие стоптанные башмаки, чуть согбенная фигура... Прежде чем повернуть за угол, остановился, поднял руку и покрутил ладонью...

Можно считать, мы встретили типичного жителя этих мест. На Аляске жителей гор называют с оттенком покровительственного сочувствия «хилли-билли» — «горный простак». Прозвище переселилось и сюда, в Аппалачи. «Хилли-билли» — особая порода американцев, так, по крайней мере, о них говорят. Говорят, что они горды, необщительны, вспыльчивы и особо чувствительны к несправедливости. Еще говорят, что нет в Америке людей более трудолюбивых и более обездоленных, чем аппалачские «хилли-билли».

Безработного встретишь в любом из штатов. Но обширный район Аппалачей безработица оседлала давно, гнездится тут кучно, и лекарства от этого недуга никто еще не придумал. Особо запущен и нищ южный район Аппалачей. Тут самый высокий процент безработицы в стране, самый высокий процент легочных заболеваний, самый высокий процент голодных детей. В 1945 году здесь работало 600 тысяч шахтеров. В 1965 году — около 150 тысяч. Сейчас от силы 100 тысяч. Что произошло? «Шахтеров съели машины». Механизация и автоматизация шахт сделали безработными восемь из каждых десяти горняков. А ведь у них, так же как у нашего встречного, семьи, дети,

Когда видишь богатство и достижения Америки, непросто поверить, что есть в стране люди, умирающие от голода, самого настоящего голода, от которого сначала пухнут, а потом худеют до состояния мощей. Эти люди не просят милостыню у дорог (нищенство в США запрещено). Многие американцы порой задаются вопросом: а в самом ли деле это так? Но вот свидетельства.

Вот перед нами карта, опубликованная журналом «Тайм» под заголовком «Голод в США». Красной мозаикой обозначены «районы острого голода». Гуще всего эти пятна в пустынных районах — в резервациях индейцев. Столь же зловеща мозаика на юго-востоке страны и в низовьях реки Миссисипи. Это районы негритянского населения. Позорной болезнью поражен богатейший Техас и южная часть Аппалачей. Справка под картой дает пояснение: «280 графств из 3100, на которые поделена страна, являются районами острого голода... На карте не помечены 1033 других графств, где проблема голода также существует».

Карта — документ точный, но отчужденный. Надо воображение, чтобы увидеть за красными пятнами топографии живые лица людей и голод в драматическом его обличье. Обратимся к документу более эмоциональному.

Книга. Название: «В Америке до сих пор есть голодающие». Предисловие написано сенатором Эдвардом Кеннеди. На этот раз третий из братьев Кеннеди взывает к совести американцев. В книге 100 фотоснимков — «коллективный портрет бедности». Книгу нельзя листать без волнения. Смущаясь своих лохмотьев, своих убогих жилищ, фотографу позируют живые конкретные люди. Мы видим тут потухшие взгляды отцов семейств, видим детей со вздутыми животами, отчаяние на лицах преждевременно состарившихся женщин. Документ потрясающей силы. Но не единственный.

В здании конгресса США два раза в год собирается комиссия для слушания дела о голодающих. Один из нас помнит первое заседание этой комиссии. Зал тогда перепол-

нили любопытные. Вашингтонские журналисты скептически посмеивались: вот тоже нашли проблему. Голодающие? В Америке?

Улыбки, однако, исчезли, когда к столу комиссии попросили первого «свидетеля», как называют здесь участников «слушания» в конгрессе. Им оказался руководитель департамента социального обеспечения штата Джорджия Уильям Барсон.

— Господин председатель» Сенаторы! — начал Барсон. — Я видел голодных людей вот так же, как сейчас вижу вас. Я хорошо знаю мой родной штат, был в каждом его уголке и свидетельствую: в штате Джорджия есть голодающие, которые находятся уже на грани истощения...

Господин председатель, — продолжал Барсон. — Я много раз слышал из уст наших уважаемых и обеспеченных граждан, что в Джорджии нет голодающих. Но если бы один из таких обеспеченных граждан принял мое предложение совершить поездку по любой дороге, то в нескольких минутах от его дома я мог бы показать ему другую Америку, которой он не знает и не хочет знать...

Еще картинка из зала, где заседает комиссия. На стенке экран. У противоположной стороны проекционный аппарат. У аппарата молодой человек в роговых очках. Перед ним на столе стопки цветных диапозитивов-слайдов. Человек терпеливо ждет, когда рассядутся сенаторы. Скамейки для прессы почти пустые: репортеров уже не очень волнуют голодные.

— Начинайте, доктор, — обращается к молодому человеку сенатор Макговерн.

Свет гаснет. На экране появляется увеличенная цветная фотография малыша двух лет. И зал ахает от неожиданности. Это маленький, обтянутый кожей скелет. Непомерно вздут живот. Кривые ножки. Руки как плети. Головка не держится... Меняется кадр. На экране девочка с заострившимся носом, с большими глазами и беззубым, как у старухи, ртом. В гробовой тишине человек у проектора поясняет:

— Я обследовал 300 детей сезонных сельскохозяйственных рабочих 8 штате Колорадо.

Это дети негров и мексиканцев. Я сделал 300 снимков вот таких же, как эти...

Этому малышу четыре с половиной месяца, а весит он меньше, чем при рождении. У его родителей еще пятеро детей и нет денег на молоко даже для этого малыша. Я обратился в местную больницу: «Спасите ребенка!» — «А кто будет платить за лечение?» — спросили меня. Я настаивал: «Возьмите бесплатно, как исключение из правил». — «Не могу, — ответил мне администратор больницы. — Если я возьму одного, завтра хлынет поток матерей вот с такими же на руках».

Человек у проекционного аппарата — доктор Питер Чейз из Колорадского университета. Это не первое его выступление в сенатской комиссии. В этом же зале он рассказывал о голодающих ребятишках в штате Миссисипи. О голодающих Техаса. Теперь — о детях в Колорадо. Штаты разные, тема одна и та же.

Сенатская комиссия слушает доктора Чейза. Умные сенаторы вздыхают, говорят прочувствованные слова репортерам и расходятся, чтобы через полгода собраться и убедиться в который раз, что проблема голода действительно в США существует. На большее комиссия не способна. Не способна потому, что не обладает ни средствами, ни властью, ни секретом, которые дали бы ей возможность покончить с хронической, стыдной болезнью сверхбогатого государства.

Много ли бедных людей в богатой Америке? И где оседает богатство, лишившее их хлеба насущного, погасившее в их глазах все надежды? По официальной статистике, в США проживает 25,5 миллиона людей, находящихся «ниже черты бедности». Это примерно 12,5 процента всего населения США в границах 1973 года. (В числе этих людей был наш попутчик-шахтер со своей семьей, пока он наконец не нашел работу.) Не все из 25 миллионов голодают. Но все они находятся на грани, с которой уже легко соскользнуть к бедности, когда речь идет о куске хлеба...

На другом полюсе жизнь в стране — люди, которые могут даже не знать, сколь ве-

лико их богатство. Полистаем еще одну книгу. Автор — экономист Фердинанд Ланд-берг. Название книги: «Богатые и сверхбогатые». На странице 22 читаем: «Полпроцента американцев владеют 33 процентами всего богатства Америки». В этом «полупроценте» 27 человек владеют состоянием от 200 до 300 миллионов долларов, шесть человек — от 500 миллионов до миллиарда. И несколько человек (в их числе нефтяные магнаты Гетти и Хант, а также невадский миллиардер Говард Хьюз) признаются, что точно не знают, сколько имеют денег. Таковы полюсы жизни.

Путь к нищете чаще всего начинается с потери работы. Как это происходит? Иностранцу, да еще «на ходу», коснуться самой чувствительной точки в судьбе человека почти невозможно. Это не всегда удается и местным газетчикам. Попавший в беду становится замкнутым, почти стыдится своего положения и с первым встречным откровенничать не спешит. Поэтому мы с особым интересом перелистали книгу своего коллеги Билла Мойерса «Прислушиваясь к Америке».

Билл Мойерс к своей профессии журналиста вернулся после службы помощником президента Джонсона и пресс-секретарем Белого дома. Журналиста после столицы потянуло в глубинку, и он обнаружил в ней много такого, о чем знал весьма смутно. Безработица оказалась «достопримечательностью», мимо которой честный журналист, прислушиваясь к Америке, пройти не мог. На этот раз бедствие прослежено не в Аппалачах, не в юго-восточных штатах, а на северо-западе США, в «благополучном штате» Вашингтон, еще точнее — в Сиэтле. «В годы моего пребывания в Вашингтоне (столице США) нам приходилось иметь дело с данными о безработице. Они всегда выражались процентами: 5, 4, 3 процента... Теперь же я оказался в гуще людей, судьба которых была связана с этими процентами. Я решил встретиться с некоторыми из них». Мойерс настойчиво, добросовестно, с тактом, сердеч-

ностью и вниманием прикоснулся к кровоточащей ране. И люди рассказали ему, как это бывает — «потерять работу» и что при этом чувствует человек.

Прежде чем привести записи журналиста, скажем несколько слов о трудолюбии американца. Все богатство великого государства, все, что достойно в Америке уважения и восхищения, создано не взмахом волшебной палочки, а трудом. Все полито рабочим потом народа. Американцы умеют работать и любят работать. Это касается всех: строителя, сталевара, фермера, банковского служащего, обувщика, секретарши в офисе и главного босса в нем. Известные слова об американской деловитости не потеряли своего значения. Американец не будет чураться любой работы. И все делается предельно добросовестно. Это не может не вызывать уважения. Американцы охотно работают сверхурочно. Один — чтобы свести концы с концами, другой — чтобы «быть не хуже других». И самое страшное для человека труда — сесть на мель, по какой-то причине лишиться работы, попасть в эти самые «5, 4, 3 процента».

Вот как пишет об этом Билл Мойерс: «В Вашингтоне мне приходилось слышать, как люди с легкостью говорят о безработице, о том, что небольшая безработица только на пользу экономике». А вот что услышал бывший помощник президента в Сиэтле.

Человек с проседью: «Я уже полный круг проделал. Сюда я приехал в 1931 году с ранчо из восточной части штата. Конечно, какие там деньги, но зато был сыт. Надо было остаться, но меня понесло в Сиэтл... Нам выдавали бобовую похлебку, а стоять за ней приходилось часа по два. И теперь опять в очереди за пособием...»

Роберт Стрит (уволен с завода «Боинг»): «Я даже согласился на понижение зарплаты, лишь бы остаться... Впервые я узнал, что меня собираются уволить в один из понедельников. Пришли ко мне два типа, сперва темнили, а потом спрашивают: «Послушайте, Стрит, вы ведь самый старший в налоговом отделе, верно?» Так оно и было. Мне испол-

нилось 55... Когда они мне сказали про возраст, я почувствовал себя столетним старцем... Несколько раз у меня была возможность перейти на другую работу, но меня не отпускали. А теперь, когда уже нет других предложений, меня вышвырнули... Приходится все начинать сначала Но мне теперь 56...» Том Каррол (48 лет. Два диплома о высшем образовании. Уволен компанией «Боинг». У него усталый вид человека, который уже несколько месяцев плывет против течения. Он говорил так тихо, что я едва мог его слышать, и курил одну сигарету за другой): «Я вернулся из Нью-Йорка и обнаружил, что в штатах фирмы больше не числюсь... Обошел все начальство, но все избегали говорить со мной о деле и старались не смотреть мне в глаза... В крупных компаниях никогда не знаешь, что тебя ждет. Человек здесь ничего не стоит... Больше всего был расстроен мой 18-летний сын. Он был всегда в восторге, что я у «Боинга», он знает, как я люблю самолеты — я был пилотом и люблю авиацию. Я хорошо разбираюсь в коммерческих делах, в экономике, знаком с министерством обороны, знаю, как все это переплетается. Мой парнишка считает, что со мной поступили по-свински. Он мне сказал: «Теперь видишь, папа? Выходит, наша система человека ни во что не ставит».

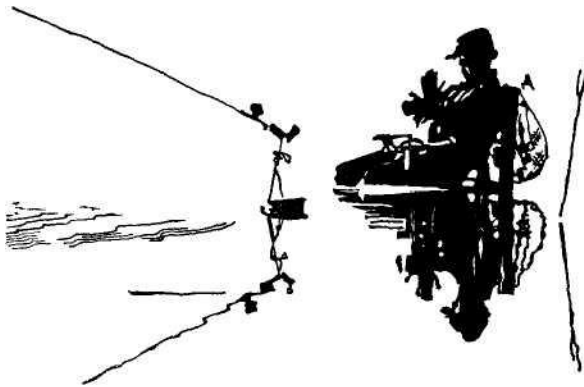
Чередой людей проходит перед глазами приезжего, и каждый несчастен, подавлен и уже приготовился к самому худшему, ибо безработному начинать все сначала — это надеяться на чудо. «Безработица — это ла-

биринт бесконечных коридоров, и, какую бы дверь ты ни открыл, перед тобой зияет пустота... Повсюду я вызывал сострадание, смешанное с равнодушием. Но не только это. Я стеснял людей. Все стухивалось. Безработица — болезнь, которой боятся заразиться». Эти строчки взяты уже не из книги американца Мойерса. Это исповедь европейца, но все из того же мира «свободного предпринимательства». (Пьер Лельетт. 38 лет. Здоров. Высокая квалификация. Бакалавр. Знает латинский, греческий, свободно владеет английским. Автор книги, переведенной на восемь языков. Два года пять месяцев — безработный.) «Я потерял работу. Я потерял квартиру. Я потерял любимую женщину. Я потерял друзей. Я потерял даже врагов, так как в общественном плане перестал существовать. Одним словом, у меня отняли все, что мне было дано». Это крик души образованного человека. А что мог сказать о себе шахтер — наш молчаливый попутчик в горах Аппалачах? Он сидел и, как видно, боялся уронить свое хрупкое счастье: нашел работу. (Напомним: семья — жена и пятеро ребятишек.) Можно представить себе, что пережил этот немолодой уже человек. На вопрос: «Как же нашлась работа?» — он простодушно ответил: «Мне повезло. Умер механик, меня взяли на его место».

Повезло потому, что умер механик... Такие дела стоят за цифрами 3, 4, 5... процентов безработных.



эльба У МИССИСИПИ



Городок Ла-Кросс на реке Миссисипи. Раннее утро. Выносим багаж. Спрашиваем, как проехать к мосту. Дорогу нам объясняет седой, но энергичный, подтянутый человек в комбинезоне служителя мотеля.

— Джентльмены, один вопрос.! Я вижу, вы иностранцы. Откуда?

— Мы из Советского Союза.

— Из России?! Не шутите?.. Тогда мы должны хотя бы немного поговорить.

Выяснилось: встречавший нас в полночь, а теперь хлопотавший с пылесосом и щетками Ганс Даммин не рабочий, а сам хозяин мотеля. Вдвоем с женой они управлялись с ночлежным хозяйством, состоявшим из конторки и шестнадцати номеров...

Что успевают сказать друг другу незнакомые до этого люди за полчаса, сидя на лужайке возле дороги? Двое русских сказали, кто они, зачем в Америке и куда едут. В свою очередь, американец норвежского происхождения Ганс Даммин рассказал о житейских делах, в том числе и о том, что с этим мотелем у Миссисипи он хочет расстаться.

— Бизнес высушил душу. Ни часа не задержусь... Умные люди советуют этот мотель продать и выстроить новый. Но я решил: хватит! «Чудак...» А я улыбаюсь — может, я-то как раз мудрец. Прыгнуть с этой чертовой карусели — хотя бы остаток жизни прожить без гонки. Буду ловить окуней в Миннесоте, комаров отпугивать буду дымком этой трубки.

Свой взлелеянный план Ганс Даммин, как видно, поверял уже многим. Теперь он смотрел, как двое русских понимают его решительный шаг. Главным зерном разговора,

однако, были не эти заботы преклонного возраста, а воспоминания молодости, как видно, более приятные для Ганса Даммина, чем предстоящая ловля рыбы.

— Знаете, почему я вас задержал?..

Уловил знакомое слово, когда вы клали вещи в багажник. Думаю: где же я слышал? Вспомнил в последний момент: Эльба!

О встрече на Эльбе и говорили главным образом трое людей в то раннее утро.

— Память — штука дырявая. Но главное помню. Война кончалась. Были мы молоды и чувствовали себя победителями. Эльба текла спокойная. Переплывали ее на чем могли: на связанных бревнах, на лодках, кое-кто даже вплавь... Цвела сирень. Это была, возможно, лучшая весна из всех, какие я прожил. Ваши ребята мне очень понравились. Встретились мы, как встречаются люди, сделавшие общее и хорошее дело. Менялись на память часами, сигаретами и всем, что мог ли отыскать в солдатских мешках и карманах.

Пели песни. И пили в тот день, конечно, не одну только воду. Вот так же, как и сейчас, помню, сидели на берегу. Пустили в воду немецкую каску и выстрелами потопили ее... Один из ваших говорил по-английски. У другого помню фамилию: Савенко. Тоже, как я, шофер. Три раза был ранен. К Эльбе доехал от Сталинграда... — Ганс Даммин выбил трубку. — У вас я тоже смотрю, рука... Осколок, пуля?.. Да, они умели стрелять... Ну вот и все. Надеюсь, вы не жалеете, что задержались?.. Мне тоже приятно было сказать вам это. Счастливого пути!..

Знакомство в Ла-Кроссе запомнилось... Не каждый встречный в Америке знает, что было на Эльбе в 1945 году. Война с фашизмом в памяти американцев, мы убедились, занимает место довольно скромное в сравнении с тем, что помним мы о войне. 9 мая к числу национальных праздников тут не причислено. Этому есть причины. Много в годы «холодной войны» предавалось забвению намеренно. И потом надо помнить: Америка была вдалеке от сражений. Всего две бомбы взорвались на ее территории (японцы пустили их на воздушных шарах). Лимит на шо-

колад и бензин — это, пожалуй, все, чем нарушилась обычная мирная жизнь.

Американцы чтут память погибших в боях с фашизмом. Но братских могил в Америке нет. Каждый человек похоронен отдельно. 291 557 погибших... Эти цифры американцам кажутся очень большими. Немногие знают, что мы потеряли в той же войне двадцать миллионов людей. Американцы не знают, что 1700 наших городов было разрушено. А деревень! А отдельных домов!.. В Америке вышло огромное число книг о войне. Сделано множество фильмов. Статьи, мемуары... Но это все рассказы, свидетельства чего-то бывшего вдалеке. В Америке не горели дома, не плакали дети над убитыми матерями...

Нынешнее молодое поколение американцев о войне с фашизмом часто не знает совсем ничего. Из пятнадцати молодых людей, специально опрошенных нами, только один (студент Висконсинского университета) сказал, что «Сталинград — это место в России, где во время войны с Гитлером произошло что-то важное». Остальные на вопрос: «Что такое Сталинград?» — простодушно пожимали плечами; «Не знаю». Опрос, проведенный самими американцами, показал: шестнадцать процентов студентов считают, что Советский Союз воевал на стороне Германии и Японии против США... Согласитесь, встреча с Даммином на таком фоне сердечно тронула и запомнилась. Позже в разговорах с американцами Эльба вспоминалась не один раз как символ сотрудничества в благородном деле.

В Москве фотографию Ганса Даммина мы показали военному корреспонденту «Правды» Александру Устинову, снимавшему встречу на Эльбе.

— Не встречали этого человека?

— Вряд ли. Встречи ведь были во многих местах реки Эльбы, Но все было действительно так, как вспоминает мистер Даммин. Переправлялись в ту и в другую сторону на паромах, плотках, на лодках... На «кукурузнике» я прилетел на Эльбу в расположение

58-й гвардейской дивизии 1-го Украинского фронта. Мне сказали: накануне наши разведчики, переправившись через реку, установили связь с американцами. 25 апреля ожидалось «официальное» появление американцев на нашем берегу... Подплыл паромчик — дощатый помост на двух резиновых лодках, — и с него к нам на берег сошли шесть боевых, слегка смущенных ребят. Каски, обтянутые маскировочной сеткой, обмундирование походило на лыжные костюмы. Винтовки. На поясе пистолеты. Им дружно протянули руки, помогая сойти на берег. Девушки из санчасти подбежали с букетами. Ну и началось все, как рассказывал вам Даммин...

Для меня это был тоже очень радостный день. Снимал, не жалея пленки. К вечеру появилось человек двенадцать американских корреспондентов и новая группа военных во

главе с командиром 69-й американской дивизии Э. Райнхардтом. Гостей встречали наши солдаты, офицеры и генерал Владимир Васильевич Русаков. Торжества продолжались, как рассказывали потом, долго. Я же на «кукурузнике» немедленно полетел в штаб и сразу связался с Москвой. «Снимал, — говорю, — встречу на Эльбе». — «Голубчик, немедленно прилетайте. Это историческое событие», — сказал мне редактор «Правды» тех лет Петр Николаевич Пospelов. Мне выделили двухмоторный бомбардировщик, и через три часа я уже был в Москве... Помню, с каким интересом рассматривали в тот день еще мокрую, только что проявленную пленку.

Это была прекрасная весна. Я очень рад, что есть и в Америке люди, которые помнят эту весну.

Среди людей, с которыми в путешествии нам очень хотелось встретиться, был Нил Армстронг. Мы знали, что космонавт — первый человек на Луне — ведет довольно уединенную жизнь и неохотно встречается с журналистами. Все же, обсуждая в Вашингтоне план путешествия, мы назвали город Цинциннати, где живет сейчас космонавт. Обнадеживать нас не стали, но обещали связаться с Армстронгом по телефону. Через день мы получили ответ: «Он согласился побеседовать с вами». Назван был день и час встречи

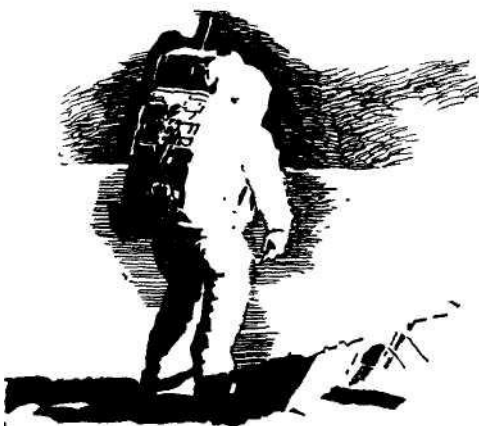
Но в долгом путешествии все до часа рассчитать трудно. Дорожный график нарушился. И в Цинциннати мы прибыли с опозданием на день, к тому же в самое неудачное время — к вечеру в пятницу. Без всякой надежды мы позвонили по нужному телефону и получили ответ, какой и следовало ожидать: «Нил уехал за город и будет утром в понедельник» Чтобы окончательно не расстраивать график, в Цинциннати мы задержались всего на час. Из Вашингтона мы послали Армстронгу письмо с объяснением огорчительной неудачи и с просьбой поправить дело. Поправить дело, как нам казалось, довольно просто. Мы приложили к письму шестнадцать вопросов и просили на них ответить. Разумеется, мы сознавали, что задаем космонавту работу — большинство вопросов не предполагало ответов «да — нет», но мы тогда недостаточно хорошо представляли, что от подобных расспросов космонавт имел уже время устать.

Вот что нас интересовало. (Приводим лишь часть вопросов.)

1. Чем заняты Вы сейчас? Почему именно город Цинциннати выбрали местом работы и жизни? По-



за кулисами славы



жалуйста, несколько слов о работе, о Вашей семье, об интересах и увлечениях, лежащих за кругом трудовой деятельности.

2. Ценности жизни... В чем, по Вашему мнению, они состоят?

4. О Вас говорят как об идеальном американце. Как Вы относитесь к этому? Какие свои человеческие слабости Вы рискнули бы назвать?

5. Что Вы приобрели, побывав на вершине достижимого человеком? И есть ли при этом какие-либо чисто человеческие потери для Вас?

6. «Человеку надо всю жизнь идти. Остановиться — значит умереть...» Разделяете Вы эту мудрость? Если да, то какая достойная цель сейчас придает Вам силы, какую вершину тут, на Земле, Вы хотели бы одолеть?

7. Ваши друзья по лунному путешествию — Эдвин Олдрин и Майкл Коллинз... Как сложилась их жизнь после полета? Чем они заняты теперь? Соединяют ли Вас на Земле часы, проведенные на Луне и на путях к ней?

13. В Советском Союзе многие видели сходство биографий, характеров, даже внешности Гагарина и Армстронга. Вы понимаете, как дорог для нас Гагарин. Какая черта этого человека нравилась лично Вам больше всего? За каким занятием 12 апреля 1961 года застало Вас сообщение о полете Гагарина?

14. Что Вы думаете о потеплении американо-советских отношений? Как Вы оцениваете перспективы сотрудничества в космосе?

Ответ из Цинциннати пришел через месяц: «Мистеру Василию Пескову.

Мистеру Борису Стрельникову.

Джентльмены, я получил ваше письмо.

Возможно, вы знаете, что с тех пор, как я работаю в университете, я ограничил мои беседы с представителями печати редкими пресс-конференциями.

Я верю, что смогу наслаждаться нормальной жизнью только в том случае, если не буду публично рассказывать о моих личных ощущениях и отвечать на тысячи разнообразных вопросов журналистов. Поэтому я не от-

вечу и на список ваших вопросов. Не обижайтесь, точно так же я говорю и американским журналистам.

Мои самые лучшие пожелания вам в продолжении доброй деятельности.

С уважением

Нил Армстронг, профессор».

Письмо не принесло того, что *мы* ожидали. Но хорошо уже то, что мы получили отклик (можно себе представить почту знаменитого человека!). Мотивы такого ответа сомнений не вызывают.

Нил Армстронг, первым из людей ступивший на Луну 21 июля 1969 года, стал профессором и, поселившись на родине, в штате Огайо, читает курс астронавтики в университете города Цинциннати. Судя по печати, Армстронг считает, что нашел подходящее убежище от «перегрузок внимания». Принцип «я просто человек, оставьте меня в покое» помогает ему жить обычной человеческой жизнью.

Его спутник по высадке на Луне полковник Эдвин Олдрин исповедует ту же мысль. Но его дальнейшая судьба не лишена драматизма. Поселенная биография Олдрина содержит многое из того, что мы хотели узнать у Нила Армстронга. Мы вернемся к Эдвину Олдрину после короткой справки о том, как сложилась жизнь семи других космонавтов.

По американским стандартам успеха впереди всех, кажется, Алан Шепард. Он по-прежнему служит в НАСА и к тому же, умело распорядившись капиталом известности, стал миллионером.

Скотт Карпентер оставил космонавтику, увлекшись исследованиями подводного мира, и, как считают, нашел второе призвание.

Джон Гленн не прекращает попыток сделать политическую карьеру.

Фрэнк Борман и Джеймс Ловелл стали администраторами. Их деятельность с космонавтикой не связана: Борман — вице-президент авиационной компании, Ловелл — вице-президент фирмы строительных материалов.

Институтом внечувственных восприятий (парапсихологии) руководит участник полета к Луне на «Аполлоне-14» Эдгар Митчелл.

Спутник Армстронга и Олдрин на корабле «Аполлон-11» Майкл Коллинз (он «дежурил» на окололунной орбите и ждал возвращения товарищей) возглавляет Музей космических исследований.

Необычную стезю избрал для себя Джеймс Ирвин, пробывший на Луне 67 часов. Джеймс занят богоискательством и стал во главе созданной им религиозной секты. Считают, что этому способствует состояние здоровья — Джеймс перенес инфаркт. Поражение сердечных сосудов дало знать о себе на Луне, но теперь выяснилось, что Ирвин был болен еще до полета, однако врачи проглядели болезнь. В своей недавно вышедшей книге «Навстречу ночи» космонавт не говорит, чувствовал ли он какие-нибудь признаки недуга. Но он, безусловно, знал, что малейший намек на дефект коронарных сосудов сердца — это немедленное исключение из команды, приготовленной для полета. «На Луне я молился», — признается Джеймс Ирвин. В книге он пишет, что много раз жалел о выбранном пути. «Надо было бы стать пилотом авиационной компании. Я же сделался летчиком-испытателем, а потом астронавтом».

Но самое большое послелунное потрясение выпало на долю Эдвина Олдрин. Эта история сводит космонавта с Олимпа сверхчеловеков, и сами они, похоже, рады тому. Космонавты хотят, чтобы о них думали и судили как о людях обычных, способных заблуждаться, как о людях, имеющих слабости, уязвимых несправедливостью, фальшью, обидой. «Мы люди — и не более того», — сказал один космонавт. Эдвин Олдрин подтвердил это своей исповедью.

Через два года после возвращения с Луны Олдрин почувствовал, что нуждается в помощи психиатра. «Я начал постепенно расклеиваться, — признается он. — Иногда я фактически не мог работать, не мог чувствовать себя собранным». Сохраняя все в тайне, под предлогом лечения давших о себе знать старых ранений, из Калифорнии полковника отправили в техасский госпиталь ВВС. Тайна, однако, тайною не осталась. Поползли слухи о неблагополучии с «Лунным человеком № 2».

От нервного срыва (так было квалифицировано заболевание) Олдрин излечили. Но тень вмешательства психиатров оставалась и беспокоила космонавта. В это время Олдрин командовал школой летчиков-испытателей. Посчитав, что для этой должности он скомпрометирован, Олдрин подал в отставку и попросил досрочную пенсию. Отставку приняли. Пенсию назначили. Национальный герой США некоторое время рекламировал по телевидению немецкие автомобили «Фольксваген». Сейчас с женой, тремя детьми и полудюжиной животных он поселился в уединении. «Дополнительный хлеб» к пенсии Олдрин зарабатывает президентством в трех маленьких фирмах.

В газетных интервью и недавно вышедшей книге «Возвращение на Землю» Эдвин Олдрин попытался осмыслить происшедшее с ним. Его признания — искренний человеческий документ, позволяющий глянуть за кулисы успеха, — не роняют человека, не умаляют свершенного им. Напротив, мы видим решительный шаг отряхнуть с себя путы условностей, фальши, сойти с пьедестала, на котором человек рискует при жизни забронзоветь. Исповедь Олдрин вызвана, правда, драматическими для чего обстоятельствами. Будь асе «о'кэй», мы бы, возможно, и не узнали всего, что чувствовал герой, оказавшийся на виду всей планеты. В этом смысле исповедь Олдрин — важный человековедческий документ.

Прилунение двух землян наблюдали у телевизоров, как считают, примерно 528 миллионов людей. «Никто из них не мог знать, что там, на Луне, меня подвели почки, — пишет Олдрин, — и только благодаря специальному устройству костюма я не почувствовал себя мокрым. Этого никто не мог знать. Это знал только я один». Олдрин рассказал о многом, чего люди не видели на экранах телевизоров и на глянцевых обложках журналов.

«Нас преподносили как идеальных, настоящих американцев. Против нас о а с т о я щ и х же возражаю. Но идеальные... У нас, как у всех, были свои проблемы. Давила необходимость

выделиться. Давили передряги внутренней политики и соперничестве. Вражда в космической программе была точно такой же, как и везде». Комментируя эти слова, журналисты находят, что самый большой триумф в жизни Олдрин был омрачен тем, что вопреки ожиданиям не ему, офицеру, а штатскому человеку поручили первому ступить на Луну. «Олдрин много не говорит об этом, но, кажется, это является одной из причин его психического слома».

Сам Олдрин считает: до приводнения все было хорошо, все было по человеческим силам, хотя трудности преодолены неимоверные. «Но с момента, когда мы вернулись на Землю, — говорит он, — моя жизнь перевернулась с ног на голову. И с этого все началось».

«Мы стали какими-то рекламными персонажами, парнями, которые должны посещать те или иные собрания и банкеты. Мы стали людьми, рекламирующими космическую программу, мы перестали быть космонавтами в техническом смысле слова, когда закончили послеполетный карантин». С особым огорчением Олдрин говорит о послелунной «рекламной поездке по миру» — 23 страны за 4S дней. «Однажды ночью в отеле Жоан (жена Олдрин) серьезно спросила меня: «Я знаю, в каком мы городе, но как называется эта страна?»

«Длительный карантин после возвращения с Луны был раем по сравнению с тем, что происходило теперь... В тот день, когда я должен был обратиться к конгрессу, я находился в состоянии оцепенения. Я предпочел бы снова лететь к Луне, чем исполнять роль знаменитости. Единственные микрофоны, которые мне нравятся, — это микрофоны в кабинах самолетов или космических кораблей. Я бормотал штампованные фразы. Мне было не по себе. Но я обязан был улыбаться и выглядеть таким, каким меня хотели видеть...»

В таком же положении, рассказывает Олдрин, оказались все близкие космонавтов — матери, жены, дети. Они не были подготовлены ко всему, что на них мгновенно обру-

шилось. Перед домом дежурили репортеры с фотоаппаратами и телевизионными камерами. Они караулили каждый шаг, ждали какого-нибудь случая. Жить под таким наблюдением было невыносимо тяжело, но приходилось выходить к этим людям и говорить: «Я взволнована, горда и счастлива». Моим детям надо было примириться с тем, что улыбающийся безупречный человек, которого они видят по телевизору, и этот измученный невнимательный мужчина, который иногда приезжает домой провести пятницу со своей семьей и в 8 часов уже ложится спать, — это их отец... Помню, однажды мне в руки попался номер «Лайфа». Журнал купил право на публикацию наших рассказов и материалов о наших семьях. Тут были счастливые, довольные жены и дети и мужа, гордо стоящие рядом. Я читал статью и думал: «Если бы это действительно было так...»

«Пока я служил в НАСА, мы не давали без разрешения и обработки ни одного интервью и ни строчки не могли написать. Даже семейные фотографии визировались в нашем пресс-центре. В течение нескольких лет создавались безупречные образы героев. Космонавты — это супермены, это образцовые во всех отношениях люди: железное здоровье, прекрасные помыслы — воплощение всего лучшего. Правда состоит в том, что не все мы были такими».

Полковник Олдрин считался одним из наиболее подготовленных космонавтов. Он служил в ВВС, потом изучал космонавтику в Массачусетском технологическом институте и получил ученую степень доктора за работу по технике стыковки космических кораблей. Олдрин лучше других владел электронно-вычислительной техникой. Обширные знания и редкое самообладание выдвинули его в число первых людей для Луны. Со своей миссией Эдвин Олдрин справился блестяще.

Все, что после полета началось на Земле, застало человека врасплох. Он попытался искать убежище в ВВС, которым отдал годы молодости. Тут он надеялся окунуться снова в работу и «двигаться, а не стоять». Однако расчеты не оправдались. Бремя известности

преследовало, мешало вести дела, как они того требовали. Ему отказывают в присвоении очередного воинского звания бригадного генерала, на которое он рассчитывал и которое считал для себя престижным. Ошибки в личной жизни, сожаление и чувство вины усугубили положение. «Я заметил, что действую не на своем обычном уровне. Ранее я всегда знал, что мне делать, а теперь стал нуждаться в том, чтобы мне указывали и говорили, как поступить. А жизнь свое требовала. Слишком велика была конкуренция, чтобы позволить себе отстать. Я почувствовал, что болен. Всякого рода успокоительные пилюли, на которых я пытался жить, не помогали, и я обратился к врачам и к своему командиру. Я сказал, что нуждаюсь в психиатрической помощи!»

Перед отлетом в госпиталь Олдрину стало совсем плохо. Он вспоминает, что в то время, как его жена и врач, который должен был сопровождать его в Техас, «упаковывали чемоданы, я стоял в дверях, мучительно стараясь понять, кто эти люди и какое отношение они имеют ко мне».

Теперь стало известно: Олдрин был первым, кто в полете «видел молнии», даже с закрытыми глазами. Ученые посчитали, что

это связано с космическим излучением, и предположили, что оно могло повредить мозговые клетки, расстроить мыслительный аппарат. Однако медицинское обследование и лечение психиатров не подтвердили это предположение. Было выяснено: глубокая депрессия вызвана не космическими явлениями, а вполне земными и хорошо известными перегрузками. Они оказались чрезмерными даже для очень сильного человека.

Полковник Олдрин принял решение уйти с «залитой прожекторами сцены». В 1972 году он объявил об этом и сказал, что считает себя обязанным написать об опыте жизни честную книгу. «Скажу откровенно, это не будет похоже на рассказы в журнале «Лайф».

Эдвин Олдрин написал свою исповедь. Ее назначение он определяет так: «Рассказав о своих проблемах, я, может быть, внушу кому-нибудь мужество взяться за проблемы, которые, конечно, есть у каждого человека, а также, возможно, предостерегу людей от неверных шагов».

Таков человеческий постфактум одного из самых дерзновенных путешествий, когда-либо предпринятых людьми.



КОВБОИ КАК ОНИ ЕСТЬ



Для всех ковбой — это что-то сугубо американское. А кое-кто, возможно, считает, что ковбои — основное население США. Мальчишки, во всяком случае, думают именно так. В беседе о путешествии по Америке, если в ней принимают участие и подростки, неизбежен вопрос: «Ну а ковбои?..»

Специальной встречи с ковбоями мы не искали. Половину пути на Запад человека на лошади видели лишь иногда. Но в глухом месте в штате Вайоминг мы вдруг почувствовали: ковбои в Америке все же есть. Возле коровьих стад замаячили конные пастухи. В одном месте мы поддались искушению — повернули с шоссе и, можно сказать, побывали в гостях у ковбоев. Старшего звали Альберт Сай, младшего — Боб Морсер.

На флаге штата Вайоминг изображен бизон, а на автомобильных номерах — ковбой на взбрыкнувшем мустанге. Когда-то здесь было много и тех, и других, и третьих. Сейчас ковбоев больше, чем бизонов и мустангов, вместе взятых. Но и ковбоев становится меньше и меньше, хотя Вайоминг по-прежнему называют ковбойским штатом. Если житель Вайоминга говорит, что его дед или отец были ковбоями, в голосе звучит гордость. Для местного мальчишки до сих пор нет большей похвалы, чем услышать, что он «настоящий ковбой».

Слово ковбой произносится так: «кау-бой». «Кау» по-английски корова, «бой» — парень. Вместе получается «коровий парень», то есть парень, который находится при коровах. Другими словами — пастух, конный пастух.

Профессия ковбоев возникла в Америке в середине прошлого ве-

ка вместе с пастбищным скотоводством на малозаселенных просторах Запада и Среднего Запада. «Коровий бизнес» принадлежал тогда двум-трем десяткам «коровьих баронов», как здесь называли крупных скотопромышленников, а ковбои были у них батраками. Эти гордые бедняки были смелые люди и лихие наездники. Десять парней управлялись со стадом в две-три тысячи голов. Каждый ковбой был пастухом, сторожем, ветеринаром, погонщиком. Затерянные в бесконечных пространствах люди оставались один на один со стихией и потому умели чутко угадывать перемены погоды, по малозаметным признакам находили водопои и укрытия для скота. Жизнь людей была примитивна и тяжела. Но неписаная этика пастухов даже и разговора о тяготах не признавала. Лишения возмещались привольной жизнью, удачью, иногда рискованным ухарством. Конь для ковбоя был самой большой радостью и единственным достоянием. Большинство пастухов ловили и объезжали диких мустангов. Именно в те времена родилась ковбойская поговорка: «Нет такой лошади, на которую нельзя было бы вскочить, и нет такого человека, которого конь не мог бы сбросить».

Весною ковбои собирали стада — выжечь клеймо на телятах. Осенью гнали коров на дальние расстояния для продажи. Из Техаса, Колорадо, Вайоминга и Монтаны шли стада на восток, к железным дорогам, чтобы закончить путь на бойнях Чикаго или Сан-Луиса. Шли сквозь палящую жару и пыль, ночные грозы и ранние зимние метели. Шли часто по незнакомым местам. Ковбои высылали вперед разведчиков найти воду и места для коротких стоянок. Приходилось отстреливаться из шестизарядных «смит-вессонов» от степных волков, бандитов и непокорных индейцев. Ночью койоты, гром или выстрел могли мгновенно поднять дремавшее стадо. И тогда случалось то, чего всегда боялись даже самые опытные пастухи. Тысячи обьятых ужасом животных мчались в темноту, не разбирая дороги, ломали ноги, давили упавших, подымали на рога лошадей вместе с людьми. Надо было обладать мужеством и ловкостью,

чтобы завернуть, остановить обезумевшее стадо.

По ночам, когда коровы ложились, пастухи шагом объезжали стадо, насвистывали или напевали — успокоить животных. Простые парни не знали напевов, кроме тех, которые слышали в детстве от матерей, да еще гимнов, которые слышали в церкви. Этой музыкой они успокаивали коров и подбадривали себя. Слова для песен они придумывали сами. Так родился ковбойский песенный фольклор — одно из сокровищ американской культуры.

Среди ковбоев были свои поэты и композиторы. Знаменитый писатель О'Генри одно время работал ковбоем. Ковбоем был известный американский художник Чарлз Рассел. В музее города Коди (штат Вайоминг) мы видели его полотна и зарисовки, сделанные на привалах во время нелегкого пути со стадами. У него были сотни друзей: ковбои, охотники, фермеры, мексиканцы, индейцы многих племен. Когда Рассел умер в 1926 году, писатель-ковбой Билл Роджерс сказал так: «Он оставил нам не только свои картины, но пример умения ценить дружбу между отдельными людьми и целыми народами».

За четыре месяца перегонов пастухи проходили две тысячи километров, оставляя позади пепел ковбойских костров, а подчас и могильные холмики с камнем вместо креста. Сохранился дневник некоего Джорджа Даффилда, гнавшего в 1866 году стадо из Техаса в Айову. Вот отдельные строчки:

«Вчера, переправляясь через реку, двое парней утонули...»

«Руки мои кровоточат. Ни крошки хлеба уже третьи сутки...»

«Опять кошмарная ночь. Небо полыхало и грохотало. Прерии сотрясались от топота копыт...»

«Спина в нарывах. Больно даже от прикосновения рубахи. Болит голова. Еле держусь в седле...»

«Вчера наткнулись в граве на человеческий скелет...»

Так было. И на ковбоя в те времена смотрели не иначе как на дикого, неотесанного

грубияна, пропахшего потом и коровьим навозом. Романтика пастушеской жизни существовала только для самих ковбоев. Но на грани столетий Америка вдруг увидела: ковбой — это часть ее истории, наиболее самобытная часть. В пастухах разглядели ярких, интересных людей. Их удачью, мастерством конной езды, мужеством, умением спать на голой земле и метко стрелять стали восхищаться. Этому способствовали и сами ковбои, устраивая праздники «родео» (отгон скота), где демонстрировали свою удачу.

Организаторы всякого рода зрелищ быстро почувствовали золотую жилу. Коммерческие «ковбойские ансамбли» со скачками, ловлей быков, стрельбой, бросанием лассо и набегом индейцев появлялись один за другим. Особенно преуспел со своим пышным аттракционом знаменитый Коди (прозвище — Буффало Бил), сам очень смелый охотник, ковбой и сорвиголова. Он набрал в свою труппу подлинных ковбоев и «подлинных индейцев». Сам Коди выступал не только способным организатором, но также исполнителем коронных номеров представления. Ковбойский аттракцион «Дикий Запад» более десяти лет был едва ли не самым знаменитым зрелищем Америки и Европы. Газеты тех лет полны восторженных отзывов о ярком, массовом представлении. Марк Твен восхищался ковбоями. Однако дороговизна подобного зрелища свела его постепенно на нет. Но тут подросло кино. На золотую жилу ковбойства оно набросилось с жадностью и разрабатывает ее по сей день. Пастух постепенно превратился в лихого экранного парня в широкополой шляпе, в сапожках с высокими каблуками. У этого щеголя с ярким платком на шее и с двумя пистолетами на бедрах вроде бы и забот никаких — скачи на лошади, кидай аркан, стреляй, похищай, догоняй, дебоширь в кабаках. Невозможно сказать, сколько картин накручено с участием этого персонажа. Историческую реальность Америка превратила в некий красочный сон, который до сих пор затаив дыхание смотрят подростки да и взрослые тоже.

А подлинные ковбои постепенно в Амери-

ке исчезают. Былые пастбища — прерии давно распаханы. Стада коров стало выгодным держать на приколе в загонах и кормить зерном из кормушек. Пастухи остались только в немногих местах. И это, как правило, уже не прежние молодцы. Средний возраст — под шестьдесят. Ковбоя чаще увидишь уже не на лошади, а на «джипе» (а то и на вертолете). Дальних перегонов скота теперь уже нет — рельсы и автодороги протянулись до самых дальних ранчо, скот на бойни увозят в вагонах, в грузовиках.

Раньше ковбой презирал любую работу, кроме той, что связана была с ездой на лошади. Если от пастуха хотели избавиться, его заставляли рыть ямы для кольев ограды. Это считалось оскорбительным. Уважающий себя пастух, чтобы сохранить лицо, ломал рукоятку лопаты и уходил от хозяина, не оборачиваясь. Лопата осталась символом. Ее и теперь показывают ковбою, когда хотят сказать, что в нем не нуждаются. Но нынче ковбой выполняет любую работу: чинит мотор, насос водокачки, готовит корма, строит загон, обносит пастбища проволокой. Былая романтика испарилась, а труд, тяжелый, как прежде, остался.

— Вот посмотрите, — говорит Альберт Сай, — не ладонь, а сплошная мозоль. От лопаты и от лассо...

С добродушной откровенностью ковбой задирает клетчатую рубаху (ковбойку!).

— А это от бычьего рога отметка. Нога сломана. Плечо вывихнуто... За сорок лет скачек по этим буграм чего только не было. Быком был придавлен. С мустанга летал как мячик. Работа — двадцать шесть часов в сутки! А не бросаю. И даже не представляю, как можно было бы жить иначе. Такие вот парни теперь в пастухи неохотно идут. Можно сказать, совсем не идут. Вот только Боб почему-то присох. Не иначе женитьбу замыслил в штате Вайоминг. — Старик дружески шлепнул сидевшего рядом парня по пояснице. — Так или нет?..

Двадцатилетний Боб с таким же ин-

тересом, как и двое гостей, слушал рассказ о старой ковбойской жизни, лишь изредка что-нибудь добавляя или тоже расспрашивая. Он «присох» к этим пустынным и вольным местам после армейской службы. Вернулся было домой в Техас (отец тоже ковбой), но скоро явился назад и сказал, что намерен тут, в Вайоминге, поселиться...

— Не жалуюсь. Это все по мне...

— Да, в парне есть все, чему полагается быть у ковбоя, — добавил словоохотливый Сай. — Встаем с зарей. Ложимся в потемках. Однако ухитряется на свидание ездить...

Смутившийся Боб шлепнул друга по спине рукавицей, вскочил на лошадь, отъехал в сторонку. Парнем можно было залюбоваться. Статный, крепкий. Рубаха небрежно распахнута на груди. Лицо загорелое, привлекательное.

— Бобу можно, пожалуй, и в Голливуд...

— Застенчив он для кино, — сказал старший. — И ведь что главное — в жизни ковбои почти всегда такие и есть. А на экране посмотришь — головорезы. Я, впрочем, уже лет восемь не видел кино. Не поверите, не когда!

За время нашего разговора коровы с телятами расплзлись по пригорку.

— Боб сейчас вам покажет, как управиться со скотиной, — подмигнул старший, отхлебывая воду из фляжки. — Ну-ка, Боб...

Парень не стал ломаться. Надвинул поглубже шляпу, надел рукавицы, поправил лассо, висевшее у седла. Бешеная скачка по кругу сдувала телят и коров на середину поляны. Но один строптивый бычок резво засеменял к синеющей горке. Вот тут мы увидели, как бросают лассо. Бежавший бычок запнулся, мелькнули в воздухе ноги бычка. Не успел он вскочить, как парень уже вылетел из седла. Четверть минуты — и бычок уже даже не трепыхался. Связан.

— Ну как? — восхищенно обернулся к нам старший пастух. И, опережая гостей, сам подытожил: — Молодец! Я так не смог бы. На стоящий ковбой! На rodeo девки с ума сойдут...

Праздник rodeo в здешних местах — нечто

вроде смотра ковбойской художественной самодеятельности с красочным ритуалом и четкими правилами. Желающих себя показать — излишек. И потому участник rodeo обязан сделать вступительный взнос — долларов 30—40. Таким образом, не уверенных в своих силах сразу же отменяют. Зато победители получают призы и восторг зрителей, что, конечно, ковбою дороже всяких призов!..

— Уверен: весь успех достанется в этом сезоне Бобу, — подмигивает старший пастух, откровенно любясь парнем.

...Были у пастухов и вопросы гостям.

— А как у вас со скотом? Что получает пастух? Есть ли в хозяйствах лошади?

— Да, — вздохнул Сай, — везде пастух раньше всех видит солнце...

И конечно, беседа коснулась того, почему мы в Америке. Что видели, что понравилось, что не понравилось? Подобные разговоры простой человек кончает почти всегда одинаково: «Надо жить без войны..»

Пастух Сай эту популярную мысль выразил так:

— Что нам делить?! Мы пасем своих коров. Вы пасите своих. Ведь так все просто. А грозить друг другу бессмысленно. Мне отец еще говорил: едешь с ружьем — навстречу тебе тоже выйдут с ружьем. Ах, как важно не трясти бы друг у друга под носом этими ужасными бомбами.

На прощание вместе сфотографировались. Потом мы наблюдали скачку двух умелых людей. У самого горизонта они оглянулись, привстали на стременах...

Три дня мы были в ковбойском штате Вайоминг. Лихие наездники пестрели на бумажных листах, на рекламных щитах и эмблемах, в пляске электрических огоньков осаживали лошадей на фасадах кинотеатров. Мелькали автомобильные номера и дорожные указатели с ковбоем на взбрыкнувшем коне. И лишь кое-где на холмах мы видели живых всадников.



В ГОСТЯХ



у сетон-томпсона

У мальчишки, продававшего на окраине Санта-Фе дыни, мы спросили, как надо ехать в Ситон-Виладж. Мальчишка слышал об этой деревне, но, пожалуй, только то, что она где-то есть. На помощь пришли покупатели дынь. Они немножко поспорили по поводу места, где надо свернуть с дороги, и мы получили достаточно точный адрес.

Свернув в сосновый с прогалами лес, сразу поняли деревня недалеко — шоссе кончалось сыпучей песчаной дорогой, и где-то за молодым сосняком кудахтала курица.

Деревня по облику походила на наши дачные поселения. Дома были в зелени и стояли один от другого на почтительном расстоянии.

Нам нужен был дом Ситона, и мы окликнули девушку, поливавшую дерева.

— О, это рядом... Оставьте машину, я провожу.

И вот он, дом на склоне холма, дом Сетон-Томпсона. (Мы говорим Сетон, американцы — Сйтон)

Воспоминания детства у многих связаны с книгами Сетон-Томпсона. Но одному из приехавших в Ситон-Виладж писатель был особенно дорог. И об этом, пожалуй, лучше всего сказать от лица одного человека.

В.Песков: Волнение, любопытство, воспоминания — все сразу нахлынуло, пока мы вдвоем подымались на холм. Это был дом дорогого для меня человека.

Выбежала черная собака и с дружелюбием, не подобающим встрече чужих людей, стала радостно бегать у ног. Во дворе за оградой послышался сторожевой лай другой собаки. Дверь дома была на замке. Такой оборот дела и огорчил и, пожалуй, обрадовал — было время привести чувства свои в порядок.

В 30-х годах тут, на поросших можжевельником и сосняками холмах, по соседству с индейскими хижинами прославленный человек — писатель, художник, натуралист — строил себе жилище. Сам начертил план постройки, сам выбирал бревна и камни, наравне с плотниками не выпускал из рук топора. Диковатое, неудобное место он выбрал, чтобы остаток дней прожить в природе, еще не растоптанной человеком.

В это время по другую сторону Земли, в селе под Воронежем, жил мальчишка. Мир для него там, где солнце садилось, кончался лесом, а там, где всходило, — степью. И самым интересным местом в этом мире были речушка, болотистые чаплыги, ольховый лесок, мокрый луг с желтыми трясогузками, куликами и чибисами. День в детстве велик, но и его не хватало, чтобы обегать это великое царство. Вечерами уже полусонному путешественнику мать, выговаривая за то, что бросил телка без присмотра, и за прорехи на только что сшитой рубашке, отпаривала сметаной цыпки. (Цыпки — для тех, кто не знает — это болезнь деревенских мальчишек, от постоянного лазания по болотам засохшая грязь на ногах мелко трескалась вместе с кожей.) Хорошее было время! И вот тогда чья-то умная, внимательная рука подложила девятилетнему «естествоиспытателю» книжку под названием «Животные герои».

Только теперь, имея уже седину, понимаешь, как важно вовремя бросить нужное зернышко в землю. За тридцать следующих лет я, пожалуй, не прочел книги более нужной, чем эта. В книге все было просто, понятно и очень близко. Голуби, кошка, лошади, волки, лиса, воробьи, мыши, собаки, синицы — все знакомое и в то же время новое, необычное. Картинки в книжке тоже были особенные. Они помещались на листах сбоку. Их было много: чьи-то следы, оброненные перья, потухший костер, волчьи глаза, двумя огоньками глядящие из темноты, какой-то цветок, избушка, вереница гусей, коровий череп, капкан... До сих пор в памяти эти рисунки, и я могу называть их один за дру-

гим. Читая книгу, я испытывал странное чувство, как будто все, что было в ней нарисовано и написано, я видел сам на нашей речке, в леске, в чаплыгах, на дворе. Книга мне представлялась сокровищем, которое надо было класть под подушку. Я перечитывал ее в третий, четвертый раз. Помню даже запах ее, запах долго лежавшей желтой бумаги с пометками синим карандашом...

Позже по картинкам на широких полях я немедленно узнавал дорогие мне книги, разыскал и прочел все, что можно было найти. «Животные, которых я знал», «Из жизни гонимых», «Мустанг-иноходец», «Рольф в лесах», «Маленькие дикари». Я узнал, что писатель и художник всех этих книг — одно и то же лицо, Сетон-Томпсон. Я узнал также, герои книг — волки Тито, Лобо и Бланка, голубь Арно, лиса Домино, кролик Джек, собака Чинк, индеец Часка — были известны и дороги не только мне одному. Еще позже, уже опытным глазом перечитывая Сетон-Томпсона, я почувствовал огромные знания и любовь человека к природе, необычайную достоверность в каждом слове и в каждом рисунке. Теперь стал интересоваться сам автор. Я понял: за книгами стоит яркая, интересная жизнь. Навел справки в библиотеке: нет ли чего-нибудь о Сетон-Томпсоне? И вдруг старушка библиотекарь сказала: «Минутку», и вернулась с небольшой книжкой. «Моя жизнь», — прочел я на обложке... Все тот же стиль — узкий набор, а на широких полях рисунки: избушка, волчьи следы, бегущий лось, паровоз, утонувший в снегах, всадник на лошади среди прерий...

Книгу я прочел за ночь, последние листы переворачивал уже при утреннем свете. Эта вторая встреча с Сетон-Томпсоном была серьезней, чем свидание в детстве. Важным было открытие: человек прожил счастливую жизнь потому, что неустанно трудился и делал любимое дело. Книга открывала глаза также на то, что почувствовать «свое назначение» и потом ему следовать очень непросто. Жизнь — непрерывный экзамен, она не щадит отступивших и оступившихся. Но упорство, вера и мужество без награды не оста-

ются. Я тогда был в состоянии, которое многие испытали: школа окончена, но сделано несколько явно неверных шагов. Что дальше? Книга меня поддержала. Книга способна поддержать каждого, кто ее прочитает. Это тот самый случай, когда жизнь человека служит уроком. Мне в этой жизни многое было близким. Большая часть книги посвящалась детству и юности, озаренным одной большой страстью — любовью к природе. Временами казалось: это все написано о тебе, настолько похожи были впечатления и переживания детства, неуверенность и сомнения юности. Эрнест Сетон-Томпсон стал для меня дорогим человеком.

Перед поездкой в Америку я вновь внимательно прочитал его книгу. Последняя точка в ней поставлена в 1940 году. Умер Сетон-Томпсон шесть лет спустя.

Дом на замке... Наша милая провожатая, узнав, откуда приехали гости, обежала соседей и вернулась с уверенностью: хозяйева далеко не уехали, скорее всего отправились в Санта-Фе, в магазины.

Решаем ждать и первые наши вопросы задаем провожатой. Молодой женщине с волосами Марины Влади очень хочется нам помочь. Она окликнула мужа — вдвоем легче припомнить все, что известно об этом доме. К сожалению, знают они немного. В доме с семьей живет дочь Сетон-Томпсона. Это и все. Недостаток информации восполняется похвалой писателю.

— Вы правильно сделали, что заехали. Это был замечательный человек, прекрасный писатель.

— Мы счастливы: наш дом оказался вот рядом... — добавляет молодой бородатый муж.

Они филологи. После университета в Калифорнии нашли тут работу. С филологов спрос соответственный — пытаемся расспросить о писателе. Но в этом месте идущий на всех парусах разговор вдруг садится на мель — филологи не читали Сетон-Томпсона.

— Ни одной книжки?

— Ни одной, — простодушно сознается жена.

Муж для приличия пытается что-нибудь вспомнить, но тоже капитулирует.

Лучше всего в такой ситуации пошутить, что и делаем. Однако сюрприз не маленький. Конечно, в тесной программе университета места Сетон-Томпсону могло не хватить. Но ведь было и детство. Наконец, жить рядом с домом «знаменитого, очень известного» и не заглянуть в этот дом, не раскрыть хотя бы раз книгу... Минут на пятнадцать двое русских превращаются в гидов по творчеству Сетон-Томпсона.

В сопровождении добродушной черной собаки и под неистовый лай другого пса во дворе обходим дом... Всякий дом расскажет кое-что о хозяине. Тут же случай особый. Человек не просто въехал в кем-то построенное жилище. На этом месте горел костер возглавляемой Сетон-Томпсоном экспедиции. И чем-то пленили много выдавшего путешественника эти холмы.

Дом вышел довольно обширный, похожий на азиатский — с плоской крышей и длинным, из необтесанных бревен крыльцом на сваях. Какой-либо стиль в этом жилище, обнесенном на манер построек Хивы глиняным дувалом, усмотреть трудно. Хозяин, как видно, особо старался, чтобы жильё как можно дальше ушло от привычных стандартов: камень и выпирающие из него бревна. Дань традиции — только колеса у входа. Все остальное привнесено сюда вкусом и образом жизни хозяина. Окно большое и рядом совсем крошечное, глядящее из каменной кладки, как амбразура. На окнах наличники из темно-коричневых досок с резьбой. Резьба — силуэты индейцев — ярко раскрашена. Крыльцо заставлено деревянными, индейской работы фигурками каких-то божков, пучеглазых людей и ярко-красных сердитых медведей.

Сетон-Томпсон этот свой дом называл замком. Можно представить, как он впервые зажег в камине дрова. И как в 1946 году дом потерял главного жильца и строителя.

Дом сейчас явно жилой — на окнах опрятные занавески и много цветов. Возле куста шиповника, льнущего к камню, на веревке синим флажком трепыхается детская рубашонка...

Четыре часа ожидания. Наши опекуны-филологи съездили на «пикапчике» в Санта-Фе — «может быть, хозяйева все-таки в магазинах?» — но вернулись ни с чем.

Мы уже приготовились бросить прощальный взгляд на усадьбу, как вдруг к дому подъехал запыленный, вишневого цвета «Фольксваген». Из машины высыпал целый десант: мужчина, женщина и четверо ребятишек — «бледнолицы» мальчик и девочка и двое индейцев, тоже мальчик и девочка. Взгляды настороженные: что делают незнакомые люди у дома?.. Через минуту все объяснилось, и вот мы уже помогаем выгружать чемоданы.

На пороге хозяйка делает знак.

— Давайте сразу же на минутку присядем... Удивительный день! Гости... Мой день рождения... И первый день Шерри... Дочка, иди ко мне.

Выясняется: семья ездил в детский приют города Фармингтона. Семилетнюю индианку Шерри удочерили. И она, так же как двое гостей, первый раз видит дом, в котором ей предстоит теперь жить.

Позже, когда суматоха приезда поулеглась и мы как следует познакомились, был сделан семейный снимок. Рассматривая его сейчас, легче всего представить радушно принявших нас людей. Вот в середине Ди Барбара, хозяйка дома, приемная дочь Сетон-Томпсона. Она была в возрасте Шерри, когда ее вот так же, в полдень, привезли в этот дом. В беседе вскользь Ди нам сказала, что у отца есть и родная дочь, но она живет в другом месте... На фотографии хозяйка дома вышла слегка запыхавшейся — она прибежала с кухни, где в это время что-то могло подгореть.

Справа на фотографии Дейл Барбара, муж дочери Сетон-Томпсона, отец ребятишек. По-английски немногословный, деловой и приветливый, он показал нам все закоулки

дома и сводил в сосняки, где стоит похожая на очень большую юрту «школа индейской мудрости». Стены школы расписаны сценами жизни индейцев. Посредине на земляном полу — обложеное камнями пепелище костра.

— Сетон-Томпсон подолгу сживал тут с индейцами. — Дейл показал, как сидели тут, у огня, прислонившись спиной к стене. — Разговоры шли о ремеслах, охоте, обычаях. Росписи сделал художник-индеец. Сетон-Томпсон его поддерживал, возил с собой в Вашингтон и Нью-Йорк... Недавно умер последний индеец — друг Сетон-Томпсона.

Знал ли Дейл своего знаменитого тестя?

— Нет, только по книгам, по снимкам, по вещам, которые нас окружают.

Ребятишки на снимке — внуки Сетон-Томпсона. Вчера их было трое. Теперь четверо. Старший, двенадцатилетний Даниэль стоит посредине. На лице его нетерпение. Еще бы, за соседним домом идет игра в баскетбол. Даниэль знаком уже с географией — «Советский Союз — это очень большая страна», — вставил он слово в застольной беседе.

Джулии, сестре Даниэля, одиннадцать лет. Полная осведомленность в делах, связанных с кухней. Помощница матери и опекун младших по возрасту. Девочка оказалась и понятливым режиссером, когда я захотел снимать ребятишек во время игры с огромным породистым сенбернаром.

Майк — младший в семье. Необычайно живой и красивый мальчишка. Баловень и проказник. На сенбернара он садился верхом, вполне понимая, что выглядит очень эффектно. Индейцы, родители мальчика, погибли, когда ему было несколько месяцев. Сейчас Майку шесть лет.

И наконец, Шерри. Она стоит с краю. Заметно: непринужденности братьев и старшей сестры у девочки нет — рука с растопыренной пятерней прижата к ноге, на лице напряжение. Вчера еще Шерри была в приюте. И все-таки, наблюдая, как девочка-индианка весело бегаёт по двору, как уверенно и спокойно держится за столом, никто бы

не догадался, что эта веточка только сегодня привита к дереву семьи.

Мы не расспрашивали, при каких обстоятельствах сам Сетон-Томпсон удочерил девочку по имени Ди. Не спрашивали, почему Ди, а не родная дочь осталась жить в доме. И эти двое детей-индейцев... Можно было только догадываться: дух Сетон-Томпсона, стиль и смысл его жизни под этой крышей берегаются. И первый хозяин дома наверняка бы порадовался, наблюдая беготню Майка и веселую болтовню на скамейке Шерри и Джулии.

Таковы жильцы дома А теперь как следует оглядимся... Большая комната, полная книг и картин. Рояль в стороне. Кресло возле стола с резным приветствием: «Добро пожаловать, мои друзья!» В этом кресле сидели именитые гости — художники, писатели и ученые, приехавшие в Ситон-Вилладж. Но чаще в креслах сидели индейцы. Они жили тут на холмах, и двери дома были для них открыты в любые часы. На стенке свидетельство встреч — накидка из перьев индейца-воина. Ди надевает этот убор, позволяет его примерить и нам, объясняет значение сложного сочетания орлиных перьев, вышивки бисером и оторочки из горностаевых шкурок. Подобно нынешним орденам и армейским знакам отличия, накидка индейца давала встречному полное представление: с кем он имеет дело, ловок ли, отмечен ли знаком вождя? Сетон-Томпсон был у индейцев полным кавалером всех высших отличий и званий. Любой охотник из местного племени, увидев его убор, сразу бы это понял. Сетон-Томпсон гордился подобным признанием не менее, чем признанием его писательских и ученых заслуг. У него было даже индейское имя, для «бледнолицего» несколько мрачноватое, — Черный Волк. Но зная, как высоко в иерархии обитателей леса ставят индейцы волка, не удивляешься выбору имени. К тому же волк — любимый герой в творчестве Сетон-Томпсона. Письма индейцам и друзьям на Восток Сетон-Томпсон иногда не подписывал, а рисовал след волка — это и означало подпись. И было это не игрою

дейцев, не чудачеством пожилого уже человека. Все было всерьез. Уклад жизни индейцев, переплетенный с жизнью природы, был очень близок и дорог поселенцу холмов.

Но тут же в комнате, рядом с накидкой из перьев — фолианты лучших изданий по биологии, труды по искусству и философии, произведения литературы, ноты, папки писем со всего света и собственные книги писателя едва ли не на всех языках мира. Все это, в том числе и дипломы, почетные подношения, а также высшая из наград ученой Америки — «Медаль Эллиота», прекрасно соседствует с предметами быта индейцев.

Картины в рамках и застекленные акварели изображают только животных. Мы проходили мимо них, узнавая старых знакомых. Вот Лобо с белой волчицей Бланкой, Кролик-бегун, Домино, Мустанг... Сетон-Томпсон хорошо знал природу многих районов земли. Но сердце его не лежало к экзотике. Любимцами были животные средних широт. А ведь это и наши животные. Возможно, поэтому все, что рассказано следопытом-американцем, так дорого и понятно жителям наших просторов.

— У него была переписка с Россией, — говорит Ди и без большого труда находит в папках письмо.

Два пожелтевших листка — оттиск издания Академии наук СССР. Подпись: Флеров К. К., 1929 год. В оттиске — «Жизнь медведей в северном Приуралье»

Дом в Ситон-Вилладж ни в коем случае не музей. Специальный музей создан недавно в лагере для бойскаутов (городок Симаррон в ста с лишним милях северней Санта-Фе). Тут же дом остается по-прежнему только жильем. Паломничества сюда нет, оно было бы и обременительным для жильцов. (Вы скажете: но все же известное место... Верно, но, если место не рекламируют, американец туда не едет.)

Есть в большой комнате дома кое-какие приметы нынешних дней — телевизор, замысловатый торшер-светильник, проигрыватель. Но в основном эта гостиная-библиотека

осталась такой, какой была при жизни Сетон-Томпсона. Сохранилась скамейка, на которую он подымался за книгами, папка «семейных рисунков», героем которых был сам художник друзья и члены семьи, В особом месте стоят дневники и папки с рисунками (три тысячи оригиналов тех самых картинок, которые нас пленяют особым расположением на полях книжных листов). Наслаждение — перелистывать один за другим плотные, чуть тронутые желтизною листы со следами подчистки капелек туши, черточками пробы пера и вариантами рисунков. Следопыта Эрнеста Томпсона всегда волновали следы на снегу. С таким же чувством глядишь на бумагу со следами кропотливой работы.

Рабочая комната в доме крошечная. Черный лакированный стол, стопка бумаги, перья и кисти в горшочке с индейским орнаментом, огрызки карандашей — любил писать простым карандашом. (Эта же склонность у Пришвина, изволившего карандаш до размера наперстка.) Работал хозяин этой маленькой кельи утрами, подымаясь с постели до того, как солнце всплывает над холмами.

— Работал отец до последнего дня. В этом кресле и умер...

Есть в доме, кроме гостиной и мастерской, некий алтарь, куда допускались немногие — только друзья и то лишь самые близкие. Ступенек пятнадцать вверх по деревянной лестнице, и вот оно, заветное место Сетон-Томпсона — лесная хижина в доме. Стены из толстых бревен, бревенчатый потолок, грубоватый камин, заменявший костер. Точь-в-точь избушка лесного охотника. На гвоздь в стене можно повесить шапку. Вытянешь ноги с грубого топчана — как раз достанешь огня. Пахнет смолой и старым дымком. Это место для размышлений, воспоминаний, для сердечной беседы с человеком, который тебя понимает, который может вместе с хозяином долго глядеть на огонь без единого слова. В религиозной Америке Сетон-Томпсон вполне обошелся без бога. (Ди сказала об этом помягче — «ни одну религию не признал».) Можно сказать: духовным прибежи-

щем была для него только природа. Для объяснения жизни, ее смысла, конца пути человека он не искал никаких сверхъестественных сил, будь то индейские боги из глины и дерева или христианская вера его матери и отца, В природе он черпал все, чем жив человек: насущный хлеб, поэзию, силу и мудрость. Жил он с сознанием, что является частью природы, и умирал уверенный: «жизнь не была скроена по ошибке».

86 лет — пора подведения итогов. Но он не любил говорить о конце. На деликатный вопрос одного из друзей, коротавшего с ним вечера: «Где схоронить?» — он ответил примерно так же, как Лев Толстой: «Какая разница», но так же, как и Толстой, уточнил: «Оставьте эти/и холмам...» Волю его исполнили. Урна с прахом стояла в нише постройки. А в 1960 году, в 100-летие со дня рождения Сетон-Томпсона, в деревню съехались почитатели и друзья. Маленький самолет поднялся насколько мог высоко над холмами и оставил в небе легкое облачко. Холмы, встающие друг за другом, — лучший памятник человеку, любившему эти места...

Пять часов в доме... Посещение жилища дорогого тебе человека — неважно, где оно расположено. в селе Михайловском, Константинове, Поленове, Спасском-Лутовинове, Ясной Поляне, городке Веймаре, в Тарусе, в Дунине под Звенигородом или тут, в Ситон-Виладж — всегда убеждает в одном и том же: все творческие ценности создавались из вполне земных впечатлений, питались земными соками, ничего избранного для художника и поэта на Земле нет — один общий котел на всех. Все в конечном итоге решается жаждой жизни, зоркостью глаза, чуткостью уха и сердца Хрестоматийные силуэты и лакированные картинки частенько отделяют творца от тех, для кого он творил. И потому очень важно увидеть, например, что Лев Толстой спал на обычной кровати, и не какой-то особый светильник горел у него над столом, а обычная керосиновая лампа. Прочитав документальные подробности биогра-

фии Пушкина, собранные Вересаевым, открываешь вдруг нового Пушкина и на бронзовый памятник после этого смотришь иначе — в Пушкине больше, чем прежде, чувствуешь Человека, он для тебя стал роднее.

Чувство приближения к Человеку мы испытали и в доме Сетон-Томпсона. Добавилось что-то важное к тому, что хранилось в памяти с детства. Эти холмы. Кострище, не заросшее с той поры, когда старик в одиночестве или с индейцами сиживал вечером у огня. Реденький сад за двором. Трофей на стене, добытый юным охотником в двухнедельном состязании с лосем. Листки бумаги с до ужаса неразборчивым почерком, над которыми он уронил карандаш.

Особенно любопытно было листать семейный альбом. Не помню наших изданий с портретом Сетон-Томпсона. Тут, в доме, впервые мы видели, как он выглядел. Вот молодость, вызов Нью-Йорку — лихо закрученный ус, рукава рубашки закатаны выше локтя, задорно повернута голова, плащ на руке... Вот снимок «нашедшего себя человека» — уверенный взгляд, усы, богатая шевелюра, аккуратно повязанный галстук. Это время, когда Эрнест Сетон-Томпсон уже признан, известен. В эти годы он общается с Марком Твенем и Президентом, его узнают на улицах и рукоплещут на его лекциях... Пять страниц альбома, и мы уже видим человека в очках, поседевшего. Прекрасное лицо умудренного, все повидавшего старца. В эти годы он пишет '«Я достиг на востоке Америки славы и богатства. Но зов Дикого Запада по-прежнему волновал мое сердце». Работа, беседы возле огня, созерцание холмов — вот его ценности этих лет. И последняя фотография: усы обвисли, пиджак мешковат. Кажется, он недовольно глядит на

фотографа — в старости люди не любят сниматься. В этот год он сказал: «Оставьте этим холмам...»

Пока гости ходили по дому, нынешние его жильцы накрыли торжественный стол. Поводов сесть за него более чем достаточно: день рождения хозяйки, первый день пребывания Шерри в семье, ну и гости тоже со счетов не сброшены. Стол — тот же самый, за которым друзей принимал Сетон-Томпсон.

— Он сидел всегда тут... — Ди поставила лишний прибор, пододвинула кресло. И получилось так, что бывший хозяин дома как бы тоже присутствует...

Опустим подробности застольного разговора. Скажем только: хорошо было и гостям и хозяевам. Ребятишки, забыв про еду, листали дареную книжку, крутили пластинку с голосами «московских птиц».

— Читают деда?

Отец и мать засмеялись.

— Нет пророков в своем отечестве. Один еще маловат, другой с ума сходит по баскетболу...

Все вместе вышли к порогу дома. В сухих будяках за домом гремели кузнечики. Солнце медленно остывало и готово было проститься с деревней. На холмах появились глубокие тени.

— Там пролетал самолет?

— Да, как раз над вершиной...

Взрослые помолчали. Старший из ребятишек, вежливо извинившись, убежал, держа под мышками два мяча. Джулия, Шерри и Майк играли с собакой.

В сумерках мы попрощались. Так прошел день в деревне знакомого с детства американца.





Забавно представить: на Земле нет Америки Европа, Африка, Азия... Америки нет. Расцвел и пришел к упадку великий Рим. Сменилось много династий в Китае В Индии успели состариться величавые храмы. Городу Москве шел 345-й год. Позади Куликовская и Грюнвальдская битвы. Афанасий Никитин успел сходить в Индию и вернуться в родную Тверь... Америки не было! Никто не знал, что она есть.

Возможно, плавали к этой земле норманцы, возможно, достигали ее, как считает Тур Хейердал, плетеные лодки арабов. Но все же с Колумбом связана эта находка Именно так: находка Колумб, однако, не знал, что он нашел. Моряк был уверен, что с запада подобрался к желанной Индии. Он вернулся в Европу с этой счастливой вестью, еще три раза плавал на Запад и умер уверенный Индия!

Первым смекнул о находке моряк-торговец Америго Веспуччи: «Не Азия, а неизвестная обширная суша...» «Земля Америго» — назвали сушу картографы (1506 год). «Америка» — стали называть позже. Из всех находок, когда-либо сделанных на Земле человеком, большей находки, чем эта, не было и, конечно, не будет. Последствия ее огромны И потому-то так любопытно представить себе тот день, 12 октября 1492 года. К сожалению, даже крупинку новых подробностей найти сейчас невозможно. Припомним хрестоматийное...

Это был семидесятый день плавания. Еще бы недельку безбрежной воды, и дата открытия Нового Света, возможно, была бы отсрочена. Команды трех каравелл («Нинья», «Пинты» и «Санта-Мари») находились на грани бунта: «Назад, домой!»



ДЕВСТВЕННАЯ ЗЕМЛЯ



Океан тех времен был для людей нынешним космосом. К тому же Колумб не имел возможности набрать экипажи по законам «психологической совместимости» — искать на западе Азию согласились лишь уголовники. Для упрямого адмирала, наверное, приглядели уже веревку, но появились признаки суши: «выловили веточку с мелкими ягодами, подняли на борт как будто обструганную палочку...» Но главное — птицы! Была осень. Огромные караваны птиц летели курсом на юго-запад. Несомненно, они летели к земле. Колумб доверился птицам и резко изменил курс.

Известно имя матроса (некий Родриго де Триана с «Пинты»), который нес вахту на головном в тот день корабле и первый закричал: «Tierra!» (Земля!) Бухнула главная пушка «Пинты». Шлепнулось в воду каменное ядро. Открытие Америки состоялось.

Колумб не мог иметь представления о размерах находки и ценностях, в ней заключенных. Прибрежная кромка нынешней Кубы и соседнего с ней Гаити — это все, что увидел Колумб в первое плавание. Среди погруженных на борт «сувениров Индии» было несколько краснокожих людей. Их называли индейцами (и до сих пор другого названия аборигенам Америки не придумано). Погрузили на корабли также невиданных в Европе птиц и растения: маис, картофель, табак. Кажется, больше всего открывателей поразила эта штука — табак, и странный способ его потребления. «Они (индейцы) растирают это растение в порошок и закладывают его в одно из отверстий полого рожка. Сверху кладут горящий уголек, а с другого конца всасывают в себя дым до тех пор, пока он не заполнит все внутренности и не начнет валить изо рта и ноздрей, словно из каминной трубы». Запись сделана позже, но можно думать, матросы Колумба не преминули отведать индейского дыма — пьющие европейцы вернулись домой еще и курящими.

Однако не запах табачного дыма и не запах печеной картошки раздражил европейцев. моряки привезли хорошо известный желтый металл. И надо ли удивляться возбуждению

немолодой уже в то время Европы. Морская дорога на запад сулила богатства. По следам Колумба ветер понес жаждущих славы, богатства и приключений...

Однако, говоря строго, открыл Америку не Колумб, не скандинавы, не моряки на папирусных кораблях. На землю впервые ступили пришельцы из Азии, люди-охотники. Это и было открытием материка. Эволюция жизни «своего человека» в Америке не создала — «обезьяны-родоначальницы» тут не было. Первые люди появились после ухода великого ледника (20 тысяч лет до Колумба). Можно вообразить, как постепенно вслед за зверем двигались к северу по Сибири охотники. Узкий пролив, разделяющий Азию и Аляску, не был препятствием к расселению. К тому же материка, возможно, имели «сцепление». Растекаясь на юг и на юго-восток, во всю ширь нынешних Канады и Соединенных Штатов, переселенцы оседали и двигались дальше. Минули многие тысячи лет, пока заселился весь континент.

Что же было на этих обширных землях в час, когда пушка «Пинты» возвестила о прибытии «бледнолицых»? В Южной Америке к этому времени сложились величайшие цивилизации индейцев: инков, майя, ацтеков. Тут были города, храмы, процветали искусства и земледелие. Этот дом, полный гармонии и спокойствия, был мгновенно разграблен пришельцами из Европы, и не просто разграблен, а разрушен до основания. Культура, накопленная веками, рухнула, как падает под топором зеленое дерево. Сегодня мы можем любоваться лишь грудками камня на цветных фотографиях, гадать о назначении астрономических устройств, занимавших огромные площади, пытаться вникнуть в секреты умелого земледелия и осуждать варварство, сошедшее сюда с кораблей.

То были горстки людей. Но появление их в Америке можно сравнить лишь с фантастической высадкой на Земле наших дней каких-нибудь сверхэлектронных, неуязвимых, алчных и уверенных в себе «марсиан». Человека-пришельца и его лошадь индейцы принимали за единое существо. Неуязвимые ла-

ты, мушкеты, метавшие гром, жестокость — все это было для инков и майя «инопланетным» и непонятным.

Непонятной была и алчная жажда золота. «Берите все, только не троньте детей» — так говорят грабителю, среди ночи проникшему в дом. Именно так держались ацтеки, инки и майя. Испанские конкистадоры брали все, что казалось им ценным, но не отказывали себе и в удовольствии убивать, жечь, разрушать. Кортес, известный нам со школьных уроков, был не единственным предводитель, чинивший разбой. Вот еще одно имя: Эрнандо де Сото. Из Перу он вернулся в Испанию богачом — «даже члены королевской семьи снисходили до того, чтобы занимать у него деньги». Но богатый хочет быть еще больше богатым. Полагая, что северней от разграбленных Мексики и Перу лежат еще не открытые «золотые империи», Сото вторично вернулся в Америку. 600 солдат, 230 лошадей, свора собак (которым будут бросать на растерзание строптивых) и стадо свиней — таков был груз кораблей. Портрет предводителя экспедиции дает представление о том, какие следы оставляли после себя 600 солдат его экспедиции. «Превеликий любитель поохотиться на индейцев... Одного он заживо сжег на костре в присутствии его соплеменников за то, что мужественный и верный своему долгу краснокожий не пожелал указать потаенное место, где скрывался вождь племени. Сото рассчитывал: остальные индейцы, напуганные столь страшным зрелищем, выдадут своего вождя. А когда и эти остались непреклонными, он сжег и их. Он забавлялся также и тем, что за малейшую провинность отрубал у краснокожих руки и отрезал носы... Сото, правда, был ничем не хуже остальных конкистадоров, которые могли при случае устроить состязание по рубке индейских голов с одной лишь целью — проверить, чей меч острее и кто искуснее им владеет». Все это делалось с благословения священников, католических миссионеров, приплывших обращать дикарей в христианство.

«Золото! Где золото?» Эти слова испанского языка, наверное, помнили многие поколения многих племен. «Золото там!» — говорили

перепуганные вожди, указывая на север. Они отдавали пришельцам все: пищу, одежду, жен, дочерей — лишь бы скорее ушли.

Проследившая по нынешней карте путь экспедиции Сото, видишь, что люди шли богатейшими землями. Но ни красот, ни щедрости здешней природы они не заметили. Озера и реки были только препятствием, пространства — помехой на пути к призрачной цели. Золото, золото!..

Половина людей и сам Сото сгнули в дебрях первобытной земли. Остатки измученной и обреченной экспедиции, построив «флот» («якоря изготовили, расплавив шпоры и стремена»), спустились по Миссисипи туда, откуда пошли. Ни единой крупинки золота найдена не было. Подлинное золото — земля и все, что на ней зеленело, плескалось и пело, — в те годы ценностью не считали.

Земли, означенные ныне границами США и Канады, пребывали в те годы в райской дремоте. Дымки вигвамов, свист птичьих крыльев, плеск рыбы в водах, топот тысячных стад зверей, молчание великих пустынь и гор... Выстрела пушки Колумба эти земли не слышали. На огромных пространствах жили десятки разных племен индейцев: ирокезы, навахи, пуэбло, гуроны, оттава, сиу, чироки, эри, айова, аппалачи, небраска, дакоты.. Каждое племя на свой лад приспособлено было к щедрой земле. Были индейцы-кочевники, для которых охота на диких бизонов была единственным способом прокормиться. Были лесные индейцы, промышлявшие лося, оленей, бобров. Речных и озерных индейцев кормила вода. В южных районах жили оседлые племена, собиравшие урожаи маиса, картофеля, табака, кукурузы, гороха, тыквы, бобов, огурцов, слив. На юго-западе жили индейцы, которым пришлось по душе горячие земли пустынь. Все это были дети земли с языческими богами охоты, дождя, кукурузы, с поверьями, шаманами и, конечно, с прекрасным знанием природы, ибо от ее обилия и капризов зависела жизнь людей. Говоря нынешним языком биологии, каждое племя на этой земле занимало свою «экологическую нишу». (Так ласточки ищут свою добычу в воздухе, белка и

дятел — на дереве, бобры живут у воды, а бизоны пасутся в степях.)

Индейцы не знали еще колеса и железа. Тут не было выючных животных. (Поклажу в кочевьях несли на себе или заставляли собак тянуть ее волоком.) Земля не знала дорог. Людей соединяли лишь тропы, озерные воды и реки. Но был тут мудрый и освященный веками уклад отношений между людьми, своя культура жизни, выше всего в которой ценилось умение ладить с природой, понимать ее тайны, не разрушать без нужды. И земля платила им благодарностью. «Поселите индейца в бескрайнем глухом лесу, дайте ему лишь нож и томагавк, то есть маленький топорик, и вы можете не сомневаться в том, что он будет всегда сыт, даже там, где волк подохнет с голоду», — писал один из белых поселенцев. Жизнь в единении с природой была примитивной, но размеренной, несуетной, мудрой и поэтичной. Мальчишки белых людей, взятые в плен индейцами, с явной неохотой возвращались в родительский дом — лесная жизнь покоряла их.

Разумеется, жизнь индейцев не была безбрежной идиллией. Были в ней голодные зимы, были междоусобные стычки. «Тропа войны», снятие скальпов с врагов — это реальности.

Великие вожди (Гайавата — один из них) поняли все же преимущество дружелюбия. В районе Великих озер постепенно сложился мирный союз пяти великих племен. Историки считают: индейцам Северной Америки «не хватило нескольких веков», чтобы сложилась цивилизация, способная противостоять натиску чужеземцев и не быть стертой с лица земли.

Послеколумбовский «белый десант» на пространствах от Флориды до холодных заливов Канады высаживался не тотчас, не в два-три года. Сначала приходили разведчики. Ощупью, страшась мелководий и невидимых скал, деревянные каравеллы (20 метров всего длина!) искали удобные бухты. Уже не только испанцы, но также и англичане, французы, голландцы спешили к новой земле. И все вели себя одинаково — искали легкой добычи.

На восточном побережье золота не нашлось, но было нечто почти равноценное — бобровые шкурки. Меха стали главным товаром, приходившим из Нового Света в Европу. И это золото поначалу не надо было где-то искать. Оно само текло к кораблям. Индеец, променявший пару бобровых шкурок на ножик и зеркальце, считал бледнолицего чудачком, мало что смыслившим в жизненных ценностях. Торговля была временами такой азартной, что индейцы, променяв принесенные шкурки, «меняли одежду с плеча и уходили с прибрежной ярмарки совершенно голыми».

Дружелюбие и доверчивость преобладали при первых встречах. К белым гостям выходили с обрядом гостеприимства: танцевали, играли на тростниковых флейтах. Угощения тоже были обильными — «вождь прислал... 2000 носильщиков с грузом кроликов, куропаток, маисовых лепешек и жареной индюшатины». Однако скоро аборигены земли поняли, что за народ пришельцы. Обман, вероломство, жадность, грабеж, убийства за связку бобровых шкурок. Индейцы продолжали торговлю, но уже с поправкой на характер партнеров. Подданный французского короля Верраццано в 1524 году записал: «Местные жители предпочитают держаться поодаль. В деревню пустить нас явно не пожелали. Торговать согласились, но сами при этом неизменно располагались на вершине утеса, откуда на веревках спускали товары в корабельные шлюпки, то и дело предупреждая криком, чтобы лодки не подходили слишком близко. В обмен не принимали ничего, кроме ножей и рыболовных крючков... Окончив торговлю, краснокожие принимались жестами выражать свое презрение и делали это с бесстыдством...»

Однако и сто лет спустя после этого замечания «торговля железом» давала возможность до отказа наполнить трюмы бобровыми шкурками. Индейцы к этому времени уже стали, кажется, понимать, что гости из дома хозяев вовсе не собираются уходить. Чужеземцы явились в страну, чтобы остаться в ней навсегда. Вот тут дело дошло и до скальпов. И хотя плацдарм «десанта белых» был в это время ничтожным — всего лишь какие-то точ-

ки на побережье в тысячи километров, — единого фронта против вторжения не было. Индейцами битва была проиграна еще в ту минуту, когда матрос Колумба Родриго закричал: «Tierra!»

Плацдарм на берегу, обращенном к Европе, неумолимо стал расширяться. И там, где белый человек поселялся, индейцы были помехой. Их убивали, прогоняли, теснили. Иногда земля у индейцев «покупалась вполне благородно». Остров Манхаттан (нынешний центр Нью-Йорка) куплен голландцами «за безделушки стоимостью в 24 доллара». Практиковалась покупка земель по принципу «на ходу». Добродушные хозяева, ощущая за спиной еще не тронутый материк, соглашались на такую продажу, получая за землю все те же ножи, зеркальца, ружья, одеяла и лошадей. Белый получал столько земли, сколько в состоянии был пройти пешком непрерывно в продолжение «дня, ночи и еще дня». Но даже этот открытый обман умножался обманом. Покупатель заранее намечал тропы сквозь заросли и для ходьбы нанимал специального «марафонца». Даже очень выносливые индейцы (а они-то умели ходить!), контролируя куплю-продажу, не поспевали за нанятым ходяком. В результате земля, которую *белые* получали, была намного больше угодий, которые им собирались продать.

Позже индейцев попросту прогоняли с земель, переселяли в места, до которых очередь освоения еще не дошла. Важные персоны белых (в том числе президенты) заключали «земельные договора», сидели с краснокожими вождями у ритуальных костров, посасывали «трубку мира» и истребляли в конце концов индейцев всеми возможными средствами. «Убивайте бизонов. Краснокожим нечего будет есть, и они вымрут». Это инструкция белого генерала. (И это было убийственно верное средство!) Убивали индейцев также картечью и оспой, продавая им зараженные одеяла. Остатки их гнали на запад, гнали по мере захвата все новых и новых земель. Из Европы белые колонисты привезли в Америку пчел. На девственных землях «домашние насекомые» быстро дичали и двига-

лись в глубь территории с опережением фронта переселенцев километров на сто. Индейцы со страхом глядели на «муху белого человека». Появление пчел служило сигналом: «Идут! И уже близко...» С отчаянием обреченных и мужеством, достойным лучших воинов на земле, индейцы защищали свои земли и право на жизнь. Но что могли сделать дети природы против расы людей, покинувших каменный век на тысячи лет раньше их, краснокожих!

Железная дорога, соединившая в середине прошлого века Восток и Запад Соединенных Штатов, сделала для белых людей доступными последние прибежища прежних владельцев земли-Америки. С грустной улыбкой читаешь о попытках индейцев отстоять эти прибежища: «Вожди племени сиу принимали паровоз за «большого коня» и посылали отряды молодых воинов арканить паровозную дымовую трубу, чтобы «взять коня в плен».

Все кончилось учреждением резерваций. (Примерно так же сейчас учреждаются заповедники-резервации для исчезающих журавлей, для истребленных бизонов, бобров.) Индейские резервации — это плохие земли в штатах Нью-Мексико, Аризона, Южная Дакота. Осколки племен пуэбло и сиу мы встретили на пустынных холмах Дакоты и на каменно-красной земле Аризоны. В одном месте четверо удрученных людей хоронили ребенка, и появление белых людей в этот момент их почти разъярило...

Честные люди Америки испытывают угрызение совести за судьбу индейцев и признаются в этом. Прославленный киноактер Марлон Брандо сказал журналистам: «С индейцами мы заключили четыреста договоров. И ни один из них не выполнили. И однажды наступил момент, когда мы начали истреблять индейцев физически, экономически, духовно и весьма преуспели в этом малопочтенном занятии». Мы видели памятник индейцам, павшим от руки завоевателей. Он поставлен самими индейцами на братской могиле жертвам последней крупной резни. Это один из немногих памятников истребленным индейцам. Зато сама земля хранит о них память. Прочтите вслух:

Миссисипи, Миссури, Ниагара, Потомак, Огайо, Гурон, Мичиган, Небраска, Дакота, Аппалачи, Саскуэханна... Это индейские названия рек, озер, равнин и горных цепей. Памятник этот вечный. Читая на картах звучные самобытные слова, не забывайте: это была земля людей, которых Колумб по ошибке назвал индейцами.

А что земля? Сама земля, найденная Колумбом, она все та же, что и пятьсот без малого лет назад, или она изменилась?

Изменилась! И очень сильно. Не так уж давно это всех радовало. Теперь перемены многих печалят. И потому так велик интерес к «изначальной земле». Каной была? Вопрос этот волнует не только американцев. Милостью истории Новый Свет был дан человеку нетронутой, первозданной землей. Это «модель на ладони». Каждый шаг человека тут виден отчетливо, пятьсот лет — всего лишь секунда в жизни Земли.

В последние годы в Америке издано много книг, посвященных «изначальной земле». Пожалуй, лучшей из них надо назвать обширный труд Джона Бейклесса «Америка глазами первооткрывателей». Серьезную книгу, написанную по документам (и с приведением их), читаешь так же, как в детстве читал Фенимора Купера. Достоинства книги определило счастливое сочетание в личности автора: искусствоведа, философа, историка, журналиста. Книга у нас издавалась («Прогресс», 1969). Заметки эти — результат прочтения не одной книги, но большая часть кавычек (там, где речь идет об Америке изначальной) — ссылка на Бейклесса и на источники, им приводимые.

Итак, триста-четырееста лет назад... Землю с подплывающих к ней каравелл сначала чувствовали, а потом уже видели. На многие километры в океан уходил сладчайший запах лесов, цветущих лугов, земляники, аромат можжевельника, который индейцы жгли в кострах. «Запах был настолько силен, что мы были убеждены: берег уже недалек».

Нетронутая земля! Это сразу увидели все, кто ступал на нее. Первая экспедиция англи-

чан, вернувшись в Лондон (в 1584 году), объявила, что «застолбила» землю под названием Вингандакоа. (Позже выяснилось: туземец, не зная, что у него спрашивают, вежливо сказал: «Вингандакоа!» — «Какие на вас красивые одежды!») Тщеславная королева Елизавета в свою честь приказала назвать эту землю «Вирджиния» («Девственница»), не подозревая о том, что название годилось бы и для всей Америки.

Что значит девственная земля? Европа в то время тоже еще не знала особенной тесноты, и не было жалоб на истощение земли. В центре Лондона прямо с моста ловили лососей. Еще не выбиты были окончательно туры. В литовских лесах обильно водились родичи американских бизонов — зубры. (Перед Грюнвальдской битвой их мясом кормили войско.) В черте нынешней Большой Москвы били медведей и глухарей. А войско Ивана Грозного в походе на Казань питалось в пути посятиной. И все же новые земли потрясали европейцев — «какими создал их бог, такими они и лежат». Перейдя от торговли к промыслу мехов, траперы, двигаясь понемногу от побережья в леса, видели: все реки, озера и болота — в бобровых плотинах. «За ночь трапер мог добыть тридцать бобров». Еще не пристав к берегу, моряки видели совсем не пуганных белых медведей, «видели множество рыб, похожих с виду на лошадь» (моржи!). Дичь не страшилась людей. На островах моряки встретили птиц «размером с гуся и в великом множестве». И ни одна не взлетела. Птица просто не умела летать. Врагов у нее не было. Человека она не знала. И вот он явился. Птиц убивали дубинками. «За один час можно загрузить птицей 30 больших баркасов». Так начиналось избиение бескрылой гагарки. К началу нашего века ни одной этой птицы на Земле уже не было. А сидели они когда-то на прибрежных камнях Америки, «тесно прижавшись друг к другу, как булыжники на мостовой».

Шагнем за первыми поселенцами чуть дальше от берега. На озерах гуси, утки, цапли «затмевали небо». «Потревоженные, они уподоблялись громадной грозовой туче. Ди-

кие голуби опускались на ночь в кроны деревьев в таком количестве, что ломались ветки. В одну сеть зараз попадалось 15—16 сотен. Утки и гуси совершенно не боялись человека и упрямо не желали заходить в воду, пока их туда не загоняли силой.

На месте нынешнего Нью-Йорка в 1609 году (времена Минина и Пожарского у нас) в той части, где стоят сейчас небоскребы, «человек лишь с трудом мог передвигаться из-за свиста, шума и трескотни. Кто не ленился, ловил птиц почти без труда».

Однако для пропитания поселенцы, так же как и индейцы, били дичь покрупнее. «Лоси ходили стадами, достигавшими шести десятков голов. И были так доверчивы, что паслись вместе с коровами поселенцев... Оленей было столько, что их убивали ради забавы, нежели ради того, чтобы добыть себе пропитание».

Разнообразие дичи позволяло быть привередливым. Скоро люди поняли: лучшее лакомство — бобровый хвост, а для еды повседневной следует бить медведей и птиц, которым дали название индейка. Леса местами были просто забиты этими птицами. «Казалось, видишь огромную бесконечную стаю. В лесу стоял стон от их бормотания... Мальчишки для потехи швыряют в них камнями».

Волков, лис, енотов, скунсов первоохотники не считали достойной добычей. В скупых записях сказано мимоходом: «было их великое множество». «Лисы (красные и черные) ходили, как собаки на псарне, и охотились на пернатую дичь, словно в курятнике».

Элементарные знания биологии должны подсказать нам: обилие животных предполагает богатство растительное. Так и было. Первооткрыватели пишут об этом: «Вся земля увита тут виноградом». Это давало повод называть открытые земли: Винная земля, Винное русло, Винные берега. «Земляника тут растет в количествах невообразимых... В июне земля становится сплошным красным ковром». Росли тут также дикие сливы, малина, хурма, черника, смородина, клюква, крыжовник, необычной сладости каштаны (все деревья теперь погубила грибковая болезнь),

«грецкий орех» (гикори), тутовая ягода, терновник, боярышник. И это все земля рожала сама, без участия человека. В мелководных долинах рек вызревал дикий рис. «Рожь тут никто не сеет, но она такая же, как и в Европе». «Конопля восходит без пахоты и посева». Это был огромный закром природы — не ленись, протяни руку!

Картина природы изначальной Америки была бы неполной, упусти мы свидетельства европейцев о водах этой земли. Об озере Эри сказано: «Ткни острогой — попадешь в рыбу». «Реки кипели от рыбы... Корюшку можно было выплескивать на берег черпаком или даже куском коры». Осетры дремали в воде, высунув спины... «Понастоящему храброму краснокожему ничего не стоило накинуть петлю на хвост какому-нибудь крупному осетру и уже не выпускать веревки из рук. Индеец лишь время от времени высовывал голову из воды, чтобы глотнуть воздуха. Он не обращал внимания на рывки рыбы. В конце концов осетр выбивался из сил, и победитель — сам нередко полузахлебнувшийся — вытягивал жертву на берег». В Великих озерах «посося гребцы били дубинками».

Индейцы даже сколько-нибудь не могли подорвать обильную жизнь воды. Большинство из них особой страсти к рыбе и не питало, поручая ловлю мальчишкам, которые били рыбу стрелой с лодки. Рыбой кормились люди и звери. Рыбу ловили орланы, цапли, бакланы и, конечно, скопа, ныне почти исчезнувшая. Можно себе представить количество птиц-рыболовов, если «группа не приспособленных к здешним условиям англичан добывала себе пропитание, поджидая, когда скопа принесет птенцам рыбу, и забирали ее».

Только в воспоминаниях остался девственный лес континента. Тем, кто приплыл сюда вслед за Колумбом (и 200 лет спустя после этого!), казалось: Америка — это сплошные леса. «Тут нет панорам... Слишком много лесов, и если забраться на самый верх высокой скалы и глянуть вдаль, то скорее всего увидишь перед собой одни лишь качающиеся

верхушки деревьев». Прямо от океана поднималась стена сосен, дубов, бука, каштана, ясеня, липы, ивы, орешника, кленов, пихты, ели, березы, осины. Большинство деревьев было европейцам знакомо. Но какие это были деревья! Тут они вырастали до предельных своих размеров. «В дуплах платанов колонисты делали хлев для свиней, а в случае непогоды в дупле могли спрятаться человек двадцать-тридцать». Индейцы со своими каменными топорами не причиняли лесам никакого урона. Из ивы и тополей они долбили челны. На вигвамы и берестяные лодки шла кора. Лес дрогнул лишь с приходом белого человека.

Лес был враждебен пришельцам. «Среди бесконечных зеленых зарослей вас не покидает чувство тревоги, ощущение тающей рядом опасности. Унять его не в ваших силах». Сначала люди сочлились на материк по тропам индейцев, по озерам и рекам, но постепенно стали вгрызаться в лес. «Америка срублена топором» — это знает каждый американец. Мы видели фильм, где знаменитый киноактер Грегори Пек густым отеческим голосом, напоминая о прошлом, заклинал беречь лес — сокровище нации. Предки Грегори Пека видели в лесе препятствие и рубили его нещадно, радуясь содеянному, — нужны были земли под пашни. Их отвоевывали куртинками, вырубая и выкорчевывая деревья. (В некоторых общинах для уличенных в пьянстве наказанием было: «выкорчевать один пен».) Истощенную землю бросали и снова валили деревья... Американцы в те годы не знали, что, прорубившись на запад сквозь толщи лесов, они увидят степи, столь же не тронутые, как и леса, — бескрайние прерии. Именно эти земли, удобренные в течение многих тысяч лет дикими травами, пометом и костями бизонов, будут названы «лучшими черноземами на земле» и станут житницей для страны. А в первые двести лет свой хлеб Америка растила на полосках земли, отвоеванных у лесов.

Последствия рубки лесов сказались, конечно, немедленно. Из 1753 года дошел до нас голос некоего Эванса, жившего в Пенсильва-

нии. «Наши потоки быстро высыхают. Тех, что прежде могли вращать суконно-валяльную машину, ныне едва хватает для нужд фермеров. Многие речки перестали быть судоходными». Так начиналась «хозяйственная Америка».

Открытие Америки продолжалось еще долгие годы. И всюду на путях открывателей лежали земли нетронутые. Белым людям еще предстояло узнать бесконечность равнин со стадами бизонов — «целый день скачи — стадо все не кончается». На пути у людей вставали новые горы и новые стены диких лесов, пустыни и опять горы. Всего лишь сто с небольшим лет назад американцы получили наконец нынешнее представление о земле, лежащей «от океана до океана».

Джон Бейклесс уверен (и приводит этому доказательство): «Вплоть до прихода белых людей и даже до 1600 года в Америке жили мамонты... Европейцы могли бы увидеть их, проникни они в те годы глубже на континент». Утверждение это можно подвергнуть сомнению. Но несомненно одно: находка Колумба была землей непотревоженной, нетронутой, девственной в полном смысле этого слова.

Понимали ли цену находки те, кто после почившего адмирала, словно мухи на мед, устремились сюда? Понимали, хотя погоня за золотом и мехами в первую сотню лет мешала разглядеть подлинные богатства. И лишь позже мы встречаем слова похвалы землям.

Француз Картье: «Земля эта так хороша, как только можно себе представить».

Француз Радиссон (середина XVII века): «Владения лежат в весьма умеренном климате, изобилуют всевозможными богатствами, земля плодоносит два раза в год».

Англичанин Генри Гудзон (1609 год): «Земля эта приятнейшая из всех, где только ступала нога человека, и удивительно хороша для возделывания».

«Страна так прелестна, так приятна и плодородна, что мне горестно сознавать: мир наш не может заселить ее». Эта печаль Радиссона была напрасной. Заселили!

Лица тех, кто шел сюда первыми, мы не знаем. То были разные люди. Смелчаки землепроходцы, искатели славы, авантюристы, романтики, просто бродяги, которым в Европе нечего было терять, и люди, алкавшие наживы. Желание нажиться, разбогатеть, впрочем, было в равной степени свойственно всем, и именно это определяет характер сложившейся нации. Уже в те дальние времена при «делении шкуры» возникали кровавые стычки внутри маленьких групп открывателей. «Смерть предводителя Сото была встречена с облегчением всем отрядом». Ла Саля (впервые прошедшего путь от устья реки Святого Лаврентия по Великим озерам и Миссисипи до Мексиканского залива) в Техасе прикончили спутники. Генри Гудзона команда корабля, разделявшая с ним все тяготы путешествия, в конце концов посадила в шлюпку и оставила в океане. Это был конец знаменитого капитана.

Большинство же малых открывателей Америки не оставило после себя даже имен. Были среди них подлецы, честолюбцы, стяжатели, но были и благородные души. Для этих, помимо добытых трудом и обманом бобровых шкурок и обещанных дома титулов и наград, «был еще зов беспредельных лесов, соблазн привольной жизни, неведомые диковинные племена, была радость первооткрывателей, богатая охота, предрассветная гладь озер, незнакомые растения, невиданные животные, безмолвие тесно сомкнувшихся крон высоких деревьев и острый привкус опасности». Это были «лесные бродяги», как сами они себя называли. По их следам шли скупщики меха, фермеры, плотники, кузнецы, скотоводы и рудокопы. Этот трудолюбивый люд, пробиваясь сквозь дебри, утверждал себя в единоборстве с дикой природой, пускал корни на новой земле.

А за спиной первопроходцев в далекой Европе делили уже не шкурки бобров, а всю огромную шкуру новой земли, очертания которой только-только определялись. С высоких королевских тронов ревниво следили за продвижением «десанта», торопились не упустить, застолбить для короны лучшие земли. В ла-

гере «бледнолицых» началась толкотня, стычки, сожжение фортов, потопление кораблей, ультиматумы. Основными претендентами на Новый Свет были Испания, Англия, Франция. На старте колонизации Англия задержалась, но быстро нагнала конкурентов, и, когда дело дошло до прямых столкновений, лучший кусок достался именно ей.

В английских землях быстро развивалось хозяйство. Колония Нового Света становилась одной из самых богатых в Британской империи. Однако тяжело груженный вагон, пришло время, захотел двигаться своим ходом. Незаметно, но скоро у него появились «двигатель и труба». Англия сделала все возможное, чтобы «вагон» не мог отцепиться. Была пущена в ход военная сила. Не помогло! Вагон отцепился и пошел по своей колее. Так в 1776 году родилось государство Соединенные Штаты Америки.

В нынешнем виде карта Америки оформилась постепенно. К восточным «основным штатам» по линейке, в виде прямоугольников и квадратов, прирезались штаты Дальнего Запада. Этому способствовали официальные исследования земель. (Путешественников Льюиса и Кларка в Америке чтут так же, как мы Пржевальского.) Но государство росло не только за счет разведки новых земель. Все более слабые должны были уступить вновь народившейся силе. Иногда «собрание земель» носило характер экстренной купли. В 1803 году Наполеон продал Штатам Луизиану — территорию от Миссисипи до Скалистых гор и от Великих озер до Мексиканского залива (почти треть нынешней территории США). Продав всего за 15 миллионов долларов. («По шесть центов гектар!» — смеются американцы.) За семь с четвертью миллионов долларов Россия в 1867 году продала Штатам Аляску. (Пишут, конгресс ворчал: «Покупаем ящик со льдом». Оказалось: ящик был с драгоценностями. Только добыча золота дала прибыль в 150 миллионов.) Другие земли Америка отняла силой. Война с Мексикой принесла ей Техас, Новую Мексику, часть Аризоны и Калифорнию. Всего в результате покупок и войн (их было сто четырнадцать с

1776 по 1900 год) Соединенные Штаты увеличили свою территорию в десять раз.

Такова короткая справка узнавания континента, зарождения государства и собирания земель под полосатый флаг. Однако предмет этого небольшого исследования не политическая карта США. Что помогло Америке стать Америкой? Несомненно, в первую очередь трудолюбие человека. Эта закваска идет от первых энергичных переселенцев, для которых труд на дикой земле был вопросом жизни и смерти. Но пот, пролитый на бесплодной земле, все же не дал бы хорошего результата. Богатство Америки — это еще и з е м л я со всем, что было на ней уготовлено человеку. И человек сразу, немедленно взял в оборот все, что помогало ему нажиться, и в возможно короткое время. Именно с этой меркой подходили к земле-Америке белые поселенцы. Почти даром пионер мог получить целинные земли для своей фермы, луга для пастбищ или сулящие богатство лесные угодья и рудные месторождения. Живя среди изобилия природных богатств, люди не думали о возможном их истощении. Когда земля переставала давать урожай, фермеры переходили на новое место. Люди постарше хвастались перед начинавшими жить: «Я в

твои годы, сынок, уже три угодья успел опустошить».

Земля терпела все это, пока человек продвигался по ней пешком или в воловьей повозке, пока в руках расточителя были топор, лопата и кирка, пока служили ему «лошадиная сила» и собственные мускулы. Но появились: трактор, бульдозер, взрывчатка, бурильный станок, экскаватор, пароход, самолет, грузовик. И все это стало служить все тем же изначальным желаниям¹ нажиться, и в возможно короткое время, обойти конкурента, успеть. «Изобилие поощряло расточительство. Способы, какими наша страна за последнее столетие использовала леса, луга, водные ресурсы и дикую фауну, являются наиболее разрушительными в истории цивилизации. Быстрота, с которой развивались события, не имеет себе равных» (эколог Фэрфилд Осборн). Общество, заквашенное на дрожжах наживы, не могло воспротивиться этому и не противилось. И пришло время, земля застонала. Проблема эта, конечно, не только американская. Но наглядность урока состоит в том, что именно с этой части Земли, из этой совсем недавно еще не тронутой кладовой раньше, чем из других мест, раздался крик: «Братцы, горим!»

В 1969 году в Соединенных Штатах случился необычный пожар — загорелась река. Газетная хроника сохранила подробности; «Огонь уничтожил два железнодорожных моста...» Горная река Кайахога в штате Огайо. Мы эту реку, текущую в озеро Эри, переезжали и можем свидетельствовать: она остается пожароопасной.

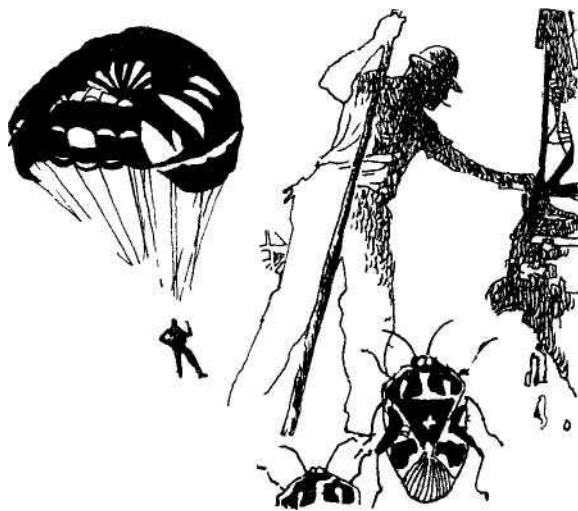
Кайахога была река как река. Тысячи лет текли в живописных лугах и лесах чистые воды. «В 1835 году устье реки было еще не тронутым колонизацией». А столетием раньше именно тут «трапер за одну ночь мог поймать 30 бобров». Теперь Кайахога мертва. И может даже гореть. Вряд ли нужны объяснения, что реку сегодня питают не столько лесные ручьи и подземные родники, сколько трубы, канавы, всякого рода сливы и стоки. Кайахога — пример крайнего загрязнения вод. Но огонь на ней — лишь драматический символ пожара, охватившего многие зоны Америки. Дымом конфликта с природой пахнет сегодня во многих местах.

Можно ли было предвидеть этот пожар? В 1907 году Америка подводила юбилейный итог освоения континента. Некий Аллан Невинс, назвав страну «процветающей, быстроногой, сильнейшей», определил основное ее достижение так: «В три века, с 1607 по 1907 год, американцы победоносно освоили окружающую природу». Спустя полвека на эту главную свою победу американцы посмотрели совсем другими глазами. Победными над природой сейчас уже мало кто хвастается.

Дымок пожара дальновидные люди разглядели еще у верстового юбилейного столбика. Среди них был сам президент Теодор Рузвельт. Этот политик был еще и охотником,



тревога



любил природу и понимал кое-какие ее законы. Пером Рузвельта скреплены государственные акты, спасавшие от дальнейших «побед» некоторые островки природы, защищавшие диких животных. Но эта «тревога о птичках» для многих была не колоколом, а всего лишь звоном бубенчика. Тяжело груженный состав индустрии, без тормозов, не признаваемых частным предпринимательством, набирая скорость, двинулся под уклон.

Первая встряска случилась в 1934 году весной. 11 и 12 мая в самом центре Америки над равнинами Оклахомы, Небраски, Канзаса разразились пыльные бури. На огромных пространствах почва с неосмотрительно распашанных прерий была поднята в воздух и пронеслась над Америкой до восточного побережья. Бедствие было огромным и устрашающим. Земля в буквальном смысле «уходила из-под ног у людей». Беда Великих равнин совпала с кризисом экономики. В этот год американцы, пожалуй, впервые в своей истории ясно поняли: колодец природных богатств, из которого черпали без оглядки, имеет дно.

Но теперь этот большой пожар. Все сразу: земли, воды, воздух, живая природа, сам человек на земле оказались в опасности. Все, что питало Америку и было фундаментом ее процветания, «вдруг начало расползаться, как изношенная одежда». Колокол о пожаре зазвонил еще при Кеннеди. Тревога не утихла при Джонсоне. Президент Никсон, поначалу «не слишком внимательно слушавший крики опасности», сам взялся раскачивать колокол. «Сейчас или никогда!» — это призыв немедленно подняться на борьбу с загрязнением, на борьбу с деградацией и расхищением природы. «У нас есть еще одно десятилетие, чтобы найти средство спасения, если мы хотим выжить» — так думает Барри Коммонер, авторитетный ученый-эколог, «знающий всю проблему до дна».

Может быть, ученый и президент драматизировали обстановку? Нет. Опасность ощущается каждым американцем. Пожар на торфянике в жаркое лето — наиболее точный образ происходящего. Пелена дыма, сумяти-

ца, и куда ни ступишь, всюду горит. Даже там, где огня как будто не ждут, новый очаг: горит изнутри. Разобраться в деталях этого бедствия взглядом со стороны — дело почти безнадежное. В самой Америке, как нам сказали, «о бедствии знают все», тысяч пять специалистов-экологов знают, что где горит, и только несколько сотен людей «знают все и видят последствия».

Выделим три главные природные ценности, трех китов, на которых извечно покоилась жизнь, — воздух, вода, земля — и посмотрим, в каком они состоянии.

В о з д у х... Без пищи человек может жить пять недель, без воды пять дней, без воздуха пять минут. На земле в некие времена не было кислорода, совсем не было — нуль! Кислород создали растения, главным образом мелкая океанская зелень и лес. Сегодня в земной атмосфере кислород составляет пятую часть. Он, кислород, поддерживает горение, иначе говоря, поддерживает жизнь во всех организмах и в двигателях внутреннего сгорания. Человек потребляет за сутки пятнадцать килограммов воздуха (кислорода тут пятая часть). Самолет марки «боинг» на трассе Париж — Нью-Йорк съедает 35 тонн (!) атмосферного кислорода. Автомобиль на скорости 40 километров за час езды поглощает кислород, которым в это же время могли бы дышать сотни людей. Автомобилей в США более 100 миллионов. Несложная арифметика позволяет прикинуть, сколько кислорода, произведенного осинами, кленами, соснами и зеленью океанов, пожирают моторы. Драма усугубляется тем, что площадь, с которой Земля собирает урожай кислорода, неумолимо сжимается — леса вырубают, океан загрязняется. И в это же время число моторов неумолимо растет. Прикидки ученых показывают: Америка уже сегодня дышит «чужими легкими». Своего кислорода в стране не хватает, и, если б не океан, не зеленая шапка лесов Канады, Южной Америки и других континентов, Америка задохнулась бы.

Однако «поедание кислорода» — лишь часть проблемы. Второе бедствие — загрязнение атмосферы. Все те же автомобили, электро-

станции, трубы заводов и фабрик, печи для сжигания мусора ежегодно выбрасывают в атмосферу 200 миллионов тонн продуктов горения (почти по тонне на каждого жителя США!). Воздух насыщается угарным газом, окислами азота, двуокисью серы, свинцом. Все те же автомобили дают больше половины всех загрязнений. Только свинца (от прибавок в бензин) каждый мотор на колесах выделяет примерно один килограмм («полкило» на душу населения США). Эта «химическая настойка» вовсе не ровным слоем разлита по большой территории США, а сгущается как раз там, где больше всего людей.

Пересекая Америку, мы бывали в местах с воздухом родниковым — штаты Небраска, Дакота, Вайоминг, Нью-Мексико, Аризона. В этих пустынных местах можно на время забыть о многих болезнях земли. Но как кошмар вспоминаешь юго-западный берег озера Мичиган, шоссе в Калифорнии, дымную пелену Западной Вирджинии. Близ Балтимора мы проезжали длинный тоннель. Ощущение: едешь в дымоходной трубе. Впечатление такой же трубы оставляет и весь необъятный лихорадочно-торопливый Лос-Анджелес. «Настойка», которую тут вдыхаешь, при ярком солнце имеет зловещий, полупрозрачный розовый цвет. По словам экипажа «Аполлон-10», с высоты 40 тысяч километров детали Америки хорошо различаются, но на месте, где должен быть Лос-Анджелес, виднелось лишь бурого цвета пятно. Летчики пассажирских авиалиний говорят, что дымную шапку, заметную с дистанции в 100 километров, имеет каждый город Америки. Вашингтон считают местом благополучным — в нем нет промышленности, он очень зелен. Но газы автомобилей и дымные шлейфы за самолетами, идущими на посадку прямо над городом, вызывают кашель, слезятся глаза. Анализы воздуха, взятого тут, по образному выражению местного журналиста, показывают, что мраморная статуя Линкольна в результате химических превращений может стать таблеткой соды. А человеческие легкие? Смог и тут, конечно, делает свое дело. Поражения дыхательных путей: астма, бронхит, рак, эмфиземы — все

чаще становятся причиной смерти в Соединенных Штатах.

Наряду с информацией о погоде во многих городах США сейчас сообщают и специальный прогноз уровня смога. Что касается дальних прогнозов, то считают: если не будут приняты меры, к 2000 году загрязнение воздуха возрастет еще в пять-шесть раз.

Таков воздух, насыщенный воздух, без которого человек может прожить не больше пяти минут.

Вода... Чудо природы, самое распространенное и самое незаменимое, самое дешевое и самое драгоценное сырье. Наивысшая радость — видеть живую воду с плесками рыб, с цветами, стрекозами, с отражением облаков. И ничто не может вызвать грусти больше, чем течение мертвой воды.

Проезжая Америку, чаще всего мы видели мертвую воду. В верховьях Миссисипи доброжелательный человек подъехал предупредить: «Вы, наверно, приезжие... Купаться у нас опасно». А в низовьях у города Гринвилля (штат Миссисипи) в советчиках мы уже не нуждались — в промасленных берегах текла река грязи. Нынешние прозвища великой реки: «Сточная канава», «Прямая кишка Америки». Не менее мрачно говорят американцы и о Гудзоне (река, на которой стоит Нью-Йорк): «Случайно глотнувший этой воды должен молиться за свою жизнь».

Не потерявшие юмора люди шутят: «В нашей воде опасно мыть даже пропитанную креозолом шпалу». Всерьез же эколог-журналист Джон Берд пишет о водах Америки так: «Практически все реки и даже ручьи в нашей стране загрязнены». Давая волю чувствам, журналист сообщает, чем именно омертвляются воды. «Мы наполнили реки дерьмом, мусором, нефтью, угольной пылью, смолой, красками, всеми элементами химии, кислотами, ядами, золой, обрывками пластика, синтетической пеной... Берега мы украсили мятым железом, пластиковой рухлядью, кузовами автомобилей...» Все так и есть.купаются американцы теперь в хлорированных бассейнах и, похоже, успели забыть о радости искупаться в реке. Это потеря, однако.

терпимая. Куда сложнее проблема воды для питья.

Питьевая вода составляет всего два процента от водных запасов планеты. Цену ей хороша определяет восточная мудрость: «Река соленой воды стоит меньше, чем кувшин пресной». Два процента... Это немало, если учесть: человеку для поддержания жизни в сутки надо всего 2 литра чистой воды. Кочевник в Африке, возможно, столько и потребляет. Американец же в день «выпивает» 5 тысяч литров. Вода вовлечена во все не поддающиеся перечислению сферы быта и производства — от стирки белья и мойки автомобилей до удаления навоза, производства лекарств, выплавки стали и поливки пшеничных полей. Пройдя канализационные трубы и «кишечник промышленности», вода течет по земле уже мертвой. Половина населения Америки (100 миллионов людей) пьет воду, по крайней мере один раз прошедшую канализационные трубы. Технология очистки воды для питья в Соединенных Штатах достаточно эффективна. И все же кто побогаче предпочитают покупать родниковую воду в бутылках.

А жажда растет. В 1900 году в США расходовали в 10 раз меньше воды, чем сегодня. К концу столетия нынешнее потребление возрастет еще примерно в четыре раза. Всех запасов пресной воды не будет хватать, и привод в портовые города на буксире гренландских и антарктических айсбергов уже не рассматривают как фантазию — надо же где-то искать насущные два литра чистой воды, необходимые каждому человеку.

З е м л я... Три века понадобилось людям, чтобы пройти Америку от океана до океана. Несколько поколений умирали с мыслью: у Америки нет конца. Все теперь изменилось. «Есть ощущение: Америка сжалась, в несколько раз стала меньше. И еще: богатея, мы становимся бедными». Мимолетная жалоба встречного человека выглядит парадоксом, курьезом. Есть, однако, резон в этой грусти. Мыслящая Америка переживает сейчас мучительный пересмотр ценностей. Многое из того, что казалось благом вчера, сегодня тревожит. Один пример. Гордость Соединенных

Штатов — дороги... Неискушенному глазу кажется: чем больше дорог, тем лучше. «Нет, — отвечает наш собеседник, — мы вышли уже на грань, когда каждый клочок плодородной земли надо беречь. Дорожным бетоном уже залита площадь, равная штату Вирджиния». К этому следуют пояснения: дороги сметают фермы, поселки, исторические места, подминают живописные уголки, наполняют их муравейниками мотелей, бензоколонок, закусовых, вдоль дорог редуют леса, засоряются реки и ручейки. «Это шрамы на теле нашей земли. Надо остановиться!» — «Так в чем же дело?» — «Видите ли, у нас в Америке легче двинуться с места, чем, разбежавшись, остановиться». Строительство — это занятость рук, это производство мощных дорожных машин, продажа автомобилей, бензина, резины, добыча нефти, производство металлов, это барыши, помноженные на барыши. Остановиться! Об этом пишут газеты, идут запросы в конгресс, об этом все говорят, однако бетон продолжает поглощать землю. Четыреста тысяч гектаров в год...

Это всего лишь одна статья невозвратных потерь земли. Еще одно бедствие тут называют «красной опасностью». Поношенный политический термин обрел новое содержание. Под «красной опасностью» разумеется гибель земель (шестьдесят тысяч гектаров в год) при добыче минералов открытым способом. Много земли съедают неумолимо растущие города и промышленное строительство.

Тревогу американцам внушает также состояние земель, по которым проходит плуг. Высокие урожаи Америки — следствие максимальной отдачи земли; плодородный слой заставляют работать с критическим напряжением. В изначальные времена фермер, истощив участок, бросал его и поднимал новый кусок целины. Позже, когда идти уже стало некуда, фермер хранил плодородие пашни бережной обработкой, удобрением почвы навозом. Индустриальный конвейер на пашне хоронит мелкого фермера вместе с его пристальными заботами о земле. Ставка сделана на предельную химизацию. 42 миллиона тонн удобрений плюс полмиллиона химических препаратов

для борьбы с сорняками и насекомыми ежегодно вносятся в почвы США. Вопрос — «не разрушит ли беспредельная химизация плодородие почвы?» — очень тревожный вопрос. Но остановиться и тут уже невозможно. От земли берут все, что она в состоянии дать.

Несколько слов о подземных богатствах. Считалось, что этот сундук Америки дна не имеет. Из него брали, кто больше захватит. На этом фундаменте строилось благополучие и могущество. Труд, усердие, предприимчивость — эти похвальные качества нации расцвели на земле исключительно благодатной и щедрой. Никто не задумывался, что наступит день, когда «бадя из шахты придет пустой». Теперь этот день замаячил. «Энергетическое сырье — нефть, уголь, уран — истощается. Угрожающе мало осталось свинца, серебра, олова...» А между тем аппетиты промышленности растут. Остановка или даже замедление хода этой гигантской мельницы грозят катастрофой. Жернова надо вертеть, на жернова надо и что-то сыпать.

Не жалея своих богатств, Америка и от чужих кладовых ключи стремилась держать в своем кармане. Имея сейчас 6 процентов от численности населения планеты, США потребляют 30 процентов минеральных ресурсов Земли. Однако сундуки всюду имеют дно. К тому же хозяева теперь сами хотят распоряжаться их содержимым. «Когда-то считалось обычным, что слаборазвитая страна получает всего 10 процентов дохода от добычи нефти на ее территории иностранными монополиями. После второй мировой войны доля страны — хозяйина нефти поднялась в большинстве случаев до 50 процентов. В последнее время некоторые контракты предусматривают, что страна-хозяин получает 70 и более процентов общих доходов», — жалуется журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт». (А некоторые страны, добавим, стремятся полностью взять контроль над добычей своих природных ресурсов.)

Мы проезжали Америку, когда слова энергетический кризис еще не произносились. Просто зимой того года «кое-где не хватило топлива». Из-за этого временно

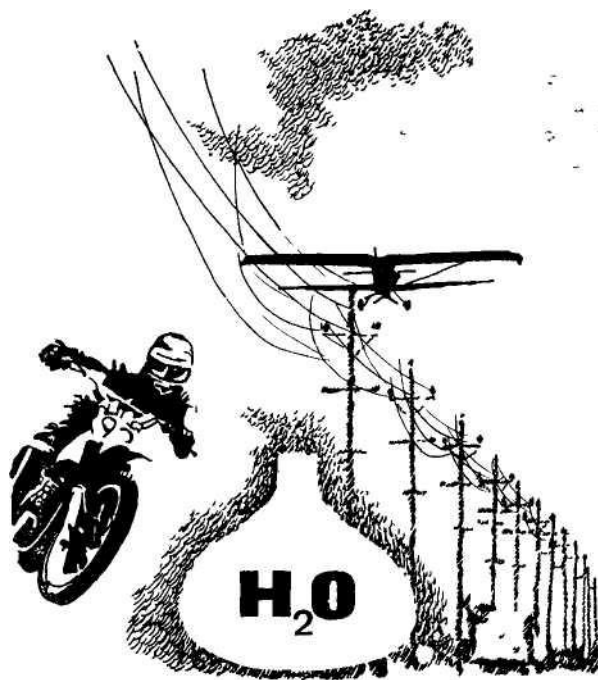
были закрыты предприятия в штатах Огайо, Индиане и Иллинойсе. Кое-где не работали школы. Кризис, разразившийся через год, заставил Америку подумать не только о нефти. Подсчитали: с 1940 по 1970 год (30 лет) Соединенные Штаты потребили минерального сырья больше, чем все человечество Земли за всю предыдущую историю. Прогноз на ближайшие 25 лет такой: аппетит на минеральное сырье вырастет еще в 5 раз. Прикинули, в чем государство нуждается или скоро будет нуждаться. Эти подсчеты заставили думать: а разумно ли тратили до сих пор? Вот несколько характерных высказываний по этому поводу. Журнал «Нью-Йорк тайме мэгэзин»: «Мы сумели разорить природу богатейшего в мире края». Президент Никсон: «Мы обращались с нашей землей как с неограниченными ресурсами». Бывший министр торговли Питерсон: «На протяжении всей истории мы разбазаривали свои энергетические и сырьевые ресурсы, как пьяные матросы, а теперь увидели, что у нас дыра в кармане».

Так обстоят дела с землей и богатствами, в ней заключенными. Таковы три главных очага — Воздух, Вода, Земля — на большом и поучительном для мира пожаре Америки.

Еще раз вспомним Колумба. 12 октября 1492 года моряки подняли на борт каравеллы «палочку, обструганную, судя по всему, железом». Сомнения кончились. Где-то близко была земля, и притом обитаемая. Обструганная железом... Моряки не ведали, что открытая ими земля железа еще не знала. Палочка была обстругана каменным инструментом. Дистанция от палочки, выловленной в океане, до пожара на реке Кайахоге всего 477 лет. Но этого времени с избытком хватило, чтобы люди, подобно рыбам, заплясали на сковородке, ими же разогретой. И важно отметить: катастрофическое загрязнение природной среды приходится на самое последнее время. В десять (!) раз оно выросло за 30 послевоенных лет. И «мельница» продолжает вертеться с нарастающей скоростью.



У ОГНЯ



Как тушат пожар? Этот вопрос нас занимал больше всего.

Обратим взгляд сначала на колокол, бьющий тревогу... Витрина книжного магазина в Нью-Йорке. Названия книг на нужной нам полке: «Безмолвная весна», «Как убить золотой штат» (Калифорнию), «Последний раунд», «У бездны», «Исчезающая Америка», «Наши мертвые воды», «Пределы роста», «Как остановить разграбление Америки?» Рисунки на книжных обложках не менее выразительны. На одной из мусора торчат верхушки небоскребов, на другой в середину карты Америки всажен нож, на третьей шар Земли представлен в виде свечи, зажженной с двух полюсов. Кое-кто из авторов книжек попросту греется на пожаре или, потеряв голову, паникует, но много книг и серьезных. На ту же тему — статьи в газетах, в журналах. Из номера в номер. Море статей. Включил телевизор — седой эколог говорит о «проблеме № 1». Речь конгрессмена — и там о проблемах среды. Молодежный митинг на улице, выступление президента, беседа в семье — всюду слышишь едва ли не самое ходкое теперь слово «pollution» (загрязнение). Встретившись с советником по охране среды, осторожно спрашиваем: не оглушают ли столь интенсивные звуки? Ответ такой: «Нет. Проблема столь велика и столь сложна, что решить ее можно только в условиях полной гласности, максимальной осведомленности и заинтересованности каждого человека».

Цель эту можно считать достигнутой. О бедствии знают все. Но колокол зазвонил не вчера. Есть ли новости на пожаре? Есть. Первое — американцы очнулись от золотого сна, свойственного жителям каждой просторной страны: у нас

всего много, у нас всего хватит. В Америке с этим покончено. И это победа, хотя и значительно запоздавшая. Заметно упрочилось и расширилось влияние всех государственных и общественных институтов, связанных с охраной среды. Американцы, например, всегда любили и берегли свои национальные парки и заповедники. Теперь они особенно ясно поняли: национальные парки и резерваты — это лучшее из всего, чем владеет нация.

Заметна переоценка многих традиционных американских ценностей. Техника была идолом. И возможно, предметом наивысшего поклонения и любви каждого американца являлся автомобиль. Это был символ довольства, силы, благополучия. Претенциозно большие размеры американских автомобилей известны всем. Именно большой автомобиль и по возможности новой марки стремился купить американец. И вот многолетний роман омрачен. Причина: автомобиль оказался главным загрязнителем воздуха, ненасытным пожирателем бензина, причиной болезней от недостаточного движения, автомобиль сделал непролазными улицы городов. И вот невероятный для Америки лозунг: «Долой автомобиль!» (Мы расскажем подробно об этом.) Автомобильной промышленности США приходится срочно и мучительно перестраиваться, приспосабливаться к требованию времени. Автомобиль — это символ происходящих переоценок. Традиционно американец радовался росту промышленности: «чем больше труб, тем лучше жизнь». Сегодня трубы уже не радуют. «Если эту корову не привязать, она вытопчет всю Америку», — сказал, беседуя с нами, молодой вашингтонский эколог.

Пение птиц, тишина, радость увидеть мелькнувшего в чаще зверя — все это как бы заново открыто в последние годы американцами. Во многом этому способствовало просвещение. В Америке издается огромное число хороших книг о природе, о сущности процессов, в ней проходящих, о бережном отношении к хрупкому миру жизни. Документальные и художественные фильмы, телевидение, «экологические программы» в школах плано-

мерно воспитывают культуру поведения в природе, показывают сложные связи жизни и роль человека в мире живых существ. Эта работа ведется по всему фронту и очень успешно.

В национальном парке Шенандоа мы познакомились с вашингтонской учительницей Хариет Фелпс и посидели с ней у костра в окружении ребяташек. «Раньше учили только эксплуатировать природу. Теперь надо управлять природой и жить, считаясь с ее законами. Одних знаний мало. Надо воспитывать новое мировоззрение. И делать это надо всеми средствами начиная от колыбели. Я считаю: сейчас это главная задача образования». Так думает учительница-эколог. Семена этих мыслей в Америке уже прорастают. С большим энтузиазмом говорят, например, не о полетах к Луне, а о всенародной кампании по спасению исчезающих журавлей. День высадки на Луну не стал национальным праздником Америки. Зато с апреля 1970 года утвердился День матери-земли, отмечаемый всеми. (Манифестации, уборка мусора, массовые собрания с требованиями прекратить расточительство природных богатств и привлечь к ответственности загрязнителей среды.)

Американцы в большинстве своем понимают всю остроту проблемы, видят главных ее виновников, но готовы и сами, как тут принято говорить, «платить репарации природе за нанесенный ущерб». Опрос общественного мнения показал: 73 процента жителей США согласны терпеть удорожание жизни во имя «здоровой воды и чистого воздуха». На вопрос: «Пойдете ли вы работать на фирму, загрязняющую среду?» — 70 процентов молодых людей ответило: «Нет». — «Нужен ли закон, жестоко карающий предпринимателей, загрязняющих среду?» 90 процентов опрошенных ответили: «Да».

Таков голос разбуженного общественного мнения. С этим приходится считаться тем, кто стоит у власти, и тем, кто стремится к ней. В США сейчас нет политика, который не украшал бы свои речи цветами забот об охране среды. Одни из них искренне озабо-

чены положением, другие говорят об охране среды, чтобы «хорошо выглядеть». Но так или иначе проблема вошла в каждый дом Америки, не исключая Белого дома и Капитолия.

На самом вершине общественной пирамиды реалистически оценивают размеры бедствия. Президент провозгласил борьбу за здоровую окружающую среду важнейшей национальной задачей. Тут понимают также, что проблема эта относится к числу тех, которые любое государство в одиночку решить не может, нужны совместные усилия многих стран. «Сотрудничество, обмен опытом, координация усилий насуточно необходимы», — сказал, беседуя с нами, советник президента по охране среды (журналист в прошлом) Роберт Кан.

Нехватка знаний — первое, с чем столкнулись в Америке, подступаясь к пониманию проблемы и к попыткам ее разрешить. Сейчас этот барьер частично преодолен. Много сделано по программе: «элементарные экологические знания — каждому человеку». Экологическая программа стала обязательной также практически во всех вузах, включая инженерные и юридические. Кроме того, в специальных учебных заведениях готовятся кадры высших специалистов-экологов, способных ориентироваться во всех аспектах сложнейшей проблемы. Сама экология (наука о взаимоотношениях живых организмов со средой обитания — до этого не слишком заметная ветвь в биологии) вышла сейчас в число ведущих наук. Мы были в нескольких экологических центрах (штат Висконсин и штат Мэриленд). Впечатление очень хорошее — добросовестные, преданные делу люди, новейшие методики и новейшее оборудование, деловитость. Престиж новой профессии — эколог — очень высок. В городе Мадисоне, беседуя со школьниками, мы спросили двух подростков: кем бы они хотели стать после учебы. «Экологами», — был ответ.

Пожарное состояние дела заставляет, однако, не дожидаться дипломированных специалистов. Проблемами экологии занимаются журналисты, юристы, врачи, биологи, социологи. Проблемы охраны среды касаются

всей науки в целом, и американская наука этих проблем не сторонится. Разговоры сейчас ведутся о коренной перестройке науки. «Проблемы среды и энергии... Ничего для науки сегодня нет более важного, чем это. Искусствоведение, кибернетика, космонавтика будут жить лишь в том случае, если будет жить биосфера». Так думают сами ученые.

Одновременно считается: наука сама по себе не может решить всех задач по охране среды без ошибок. Необходимо сопоставление всех точек зрения. «Ни одно большое строительство не должно быть начато, пока все тщательно не проверено, не изучено, не взвешены все «за» и «против» и пока о нем не узнало возможно больше людей».

Для утверждения этого правила есть серьезные основания. На Земле из-за незнания, корысти или узковедомственных интересов возведено немало сооружений, наносящих окружающей среде колоссальный ущерб, в сопоставлении с которым полезность их очень сомнительна. Тщательное обсуждение всех проектов с обязательным учетом: а как окружающая среда? — гарантия от роковых ошибок. В переходный период из-за сложности отношений экономики и природы, из-за того, что знаний накоплено еще мало, при самых благих намерениях может возникнуть ситуация, когда человеку разумнее отступить. Лучше, конечно, не ошибаться, но вовремя признать оплошность и сделать шаг назад — это мудрость. Американцы пошли на такие шаги. Под давлением общественного мнения властью президента остановлено несколько строительных программ на такой стадии, когда затраты исчислялись уже десятками миллионов. Эти меры простым народом были встречены с одобрением.

В борьбе за охрану природы трудности неизбежны всюду. В условиях же частной собственности они превращаются в бесконечную цепь противоречий и столкновений. У юристов США в последние годы появилось огромное количество дел, не имеющих прецедентов. До этого общество обходилось малым числом законов, регулирующих отношения Человека

и Природы. Теперь пришло все создавать заново: нормы, законы, регламенты, быстроту и порядок их исполнения, ибо природа, как выразился один юрист, «относится к числу истцов молчаливых и умирает без жалоб».

Когда держишь в руках объемистую книгу законов по охране среды (за два-три года их принято во много раз больше, чем за всю историю США), чувствуешь: проделана колоссальная работа, имеющая не только национальную ценность. Законы важны для всех, кто подступает к правовым нормам в охране среды — в этих делах всюду приходится начинать с «чистого листа».

Однако от закона, оттиснутого на бумаге, до его исполнения, как показала жизнь, большая дистанция. Хорошо знающий эту сторону дела доктор Абель Улман пишет: «История национальных законодательств пестрит весьма честолюбивыми декларациями, за которыми отнюдь не следовало их практическое осуществление.. Почти каждая страна пыталась предотвратить угрозу загрязнения... путем законодательных актов. При этом предполагалось, что законодательный акт автоматически приведет к урегулированию положения. Результаты, однако, во всем мире оказались удручающими». Доктор Улман подробно исследует причины этого и находит, что они зависят «от различных причуд правительственной политики и трудностей, связанных с бюджетом». «Соображения национально-экономической выгоды берут верх над стремлением сократить загрязнение... При самых лучших намерениях каждая страна, независимо от ее политической ориентации, оказывалась в положении, когда ей приходилось не считаться с заведомым нарушением критериев качества среды, с тем чтобы быстрее идти по пути экономического развития» Другими словами, принятый закон может остаться всего лишь бумагой, если не прилагать усилий к соблюдению законности. Дело это не слишком простое, когда на чаше весов перетягивают соображения сиюминутной экономической выгоды и прибылей. А ведь все законы по охране среды неиз-

бежно требуют чем-нибудь поступиться или требуют даже прямых затрат.

О средствах... «Человек победил природу, но это случай, когда репарации платит не побежденный». Много ли придется выложить победителю, чтобы побежденный окончательно не протянул ноги? Мы записали в блокноты множество цифр. Они довольно противоречивы. Вот средние величины. На операцию «Воздух» понадобится 25 миллиардов долларов. Очистить воду — 38 миллиардов. Радикальная чистка Америки обойдется примерно в 350 миллиардов долларов. Перестройка же всей промышленности с установкой, где надо, очистных сооружений и перехода, где можно, на «замкнутые циклы», по расчетам эколога Барри Коммонера, обошлась бы в 600 миллиардов. Говорят: чтобы понять, велика ли тыква, положите рядом ботинок. Повторим — посадка человека на Луну стоила 25 миллиардов. Приложим этот «ботинок» к цифре 600. Огромная сумма даже для очень богатого государства! Готова ли Америка ее заплатить? По этому случаю есть несколько ставших уже хрестоматийными афоризмов. «Можем ли мы позволить себе заплатить такую сумму? Но можем ли мы себе не позволить ее заплатить!» И еще. «Платить неизбежно, весь вопрос в том: где? когда? как?»

Вопросы: где? когда? как? — не праздные. Это не тот случай, когда перевел деньги на такой-то счет — и дело с концом. Для того чтобы знать, где в первую очередь тратить, куда направить главные усилия, где бедствие более всего нетерпимо, создана специальная служба.

Традиционно делами природы в Америке ведало Министерство внутренних дел (14 тысяч служащих в Вашингтоне, 42 тысячи — по стране). В поле зрения Министерства были: разведка, добыча и охрана полезных ископаемых, эксплуатация (и охрана) водных ресурсов, промысел рыбы и спортивное рыболовство, охота, национальные парки и заповедники. Так было до 1970 года. Чрезвычайное положение заставило срочно создать специальное агентство по охране среды.

(Местонахождение — Вашингтон, число служащих — около девяти тысяч, бюджет — 2 миллиарда 46 миллионов долларов в год) Кроме того, создан специальный Высший совет по охране среды — штат экспертов и 3 советника президента. Специальная служба по охране среды есть также в каждом штате. Делами охраны среды заняты также: 13 комитетов конгресса, 26 полуправительственных организаций, 14 межведомственных комитетов, три с половиной тысячи местных организаций и многочисленных групп.

В трех главных правительственных учреждениях (Министерстве, Совете, Агентстве) мы побывали. Агентство оставило впечатление развороченного муравейника: наспех приспособленное помещение, вокзальная суэта, несвойственная американским учреждениям. На вопрос. «Где кабинет мистера Грина?» — спешившие люди пожимали плечами — они еще не успели как следует пригладеться друг к другу.

Принимавший нас мистер Фицью Грин — в прошлом профессиональный, не слишком удачливый политик, ныне заведующий отделом охраны вод — держался как подобает политику: настороженность, суховатость, подчеркнутое желание «не дать в обиду Америку». От беседы больше всего запомнилось легкое постукивание палочки-костыля (мистер Грин прихрамывает), покашливание в паузах не слишком стройного разговора. Расстались мы, испытывая обоюдное облегчение.

Встречи в Совете и Министерстве были дружественными и интересными. Определяя время для разговора, заместитель министра Рид Натаниэл проявил верх щедрости (время в Америке — ценность!): «Будем говорить столько, сколько надо — не слишком часто мы встречаемся». Разговор прерывался приходом молодых архитекторов (обсуждали с Натаниэлом проект зеленых посадок в городе Вашингтоне). Иногда заместитель министра специально вызывал кого-нибудь из сотрудников — подключить к беседе с гостями. Мы получили обширную, откровенную информацию о состоянии дел охраны среды,

о трудностях и надеждах. Сам Рид Натаниэл предстал не только человеком, знающим «всю проблему до дна», но и рыцарем, преданным делу. В заключение разговора он сказал: «Четыре года назад я думал: все, это начало конца. Сейчас вижу: появилась надежда».

В Совете по охране среды мы встретили такое же дружелюбие и внимание. Тут царила подобающая этому учреждению солидная неторопливость. Мы были гостями доктора Тальбота, эксперта по охране диких животных. Встретил он нас как старых знакомых (знакомство состоялось в Москве). Мы оказались в числе поздравлявших доктора Тальбота с важной победой — конгрессом был принят закон, запретивший охоту на хищных животных. Доктор Тальбот упорно отстаивал законопроект. И теперь почти непрерывно звонил телефон, на стол секретарша клала одну за другой телеграммы — борцы за охрану животных поздравляли ученого.

Разговор с доктором Тальботом был продолжен вечером у него в доме, за столом, где собрались видные экологи Вашингтона, в том числе был и один из советников президента. Беседа касалась не только природы Америки, но и нашей страны, а также судьбы китов, белых медведей, пингинов, «общей воды и общего воздуха». Доктор Тальбот готовил коктейли, его жена с сынишкой, сидевшим в домашнем «рюкзаке» за плечами, старалась, чтобы «мужчины говорили не только о делах».

Об охране среды мы тут услышали много любопытных суждений: от умеренного оптимизма — «был век открытий, век эксплуатации, теперь утверждается век охраны среды» — до крайнего пессимизма — «а давайте лучше нальем!».

Если вернуться теперь к образу Большого Пожара, то видно: размеры опасности в Америке сознают, пожарные средства подготовлены (или готовятся) очень большие уточняются правила поведения на пожаре. Что же удалось уже потушить? В ответах не

этот вопрос нам *приводили* примеры. Питтсбург был одним из самых дымных городов США — сейчас это город с чистым, здоровым воздухом. Река Уилламет (штат Орегон) считалась до крайности грязной — сейчас в ней купаются, ловят *рыбу*. Во Флориде закрыто строительство канала, по которому (более короткий путь на атлантическое побережье) собирались баржами доставлять нефть. Там же, во Флориде, прервали строительство аэропорта (канал и аэропорт угрожали местной флоре и фауне). В Калифорнии удалось наложить запрет на проект дороги через рощу секвой. Принят закон об охране остатков хищных животных. Выиграно несколько судебных исков, предъявленных загрязнителям среды. По тому, как всюду, где заходил разговор, назывались одни и те же примеры, можно было понять: американцы гордятся этими достижениями. Но, с другой стороны, чувствовалось: достижения эти символические и особых успехов пока что нет.

Трудности, связанные с охраной среды, понятны. Но в стране с частным владением, с неконтролируемым рынком и производством, в стране, к тому же замахнувшейся жить явно не по средствам (имеется в виду уровень потребительских запросов и запасы природных ресурсов), трудности эти удешевляются. На эту тему с людьми, гостеприимно нас принимавшими, разговоров было немного. Но обсуждение проблемы в американской печати дает достаточную пищу для размышлений.

Вопрос вопросов — кто загрязняет Америку? кто обязан за это платить? и настало ли время платить? — вызывает много страстей. Между тем платить уже начали. Даже прижимистый конгресс понимает: промедление с ассигнованиями заставит завтра платить еще больше. На запрос президента — немедленно выделить 12 миллиардов долларов для исследований и очистки среды — конгресс (редкий случай!) вдвое увеличил испрошенную сумму. Из какого кармана брать нарастающий вал расходов? Расчеты показывают: на борьбу с загрязнением каждый

американец уже платит в той или иной форме примерно 65 долларов в год (в наиболее загрязненных районах — 200). Многие готовы мириться и с прямыми налогами на очистку среды. Но в качестве радикальной меры предлагается поставить рост цен в зависимость от расходов на чистку (автомобиль, например, должен стоить на 300—400 долларов дороже). Всем ясно, что бремя расходов при этом ляжет не на плечи миллионеров. Справедливый путь: потрясти главный мешок, мешок, куда сыплются прибыли от эксплуатации людских и природных ресурсов, — «планировать *прибыли* с учетом затрат на очистку». Но владельцам мешка такой вариант не подходит. «В деятельности корпорации борьба с загрязнением среды занимает одно из последних мест — где-то после благотворительности», — пишет журнал «Ньюсуик».

Общественное мнение, законодательство и не в последнюю очередь своекорыстные интересы (вода в некоторых случаях становится непригодной даже для промышленного использования, а загрязненный воздух вызывает отток населения) заставляют сейчас промышленников участвовать в обсуждении проблемы и идти на какую-то часть расходов. (Каждый шаг, разумеется, всеми средствами прославляется, рекламируется, выставляется напоказ.) Единственным средством заставить капиталиста строить очистные сооружения или менять технологию производства остается штраф — 10 тысяч долларов за каждый день загрязнения. Прикидывая все «за» и «против», некоторые фирмы зашевелились. Конъюнктура породила новую отрасль промышленности — производство средств очистки воздуха и воды. Таких предприятий в стране сейчас около трехсот. Но пока их питают средства налогоплательщиков. (Конгресс на строительство водоочистительных сооружений выделил 10 миллиардов долларов.) Что касается частных средств, то от своих прибылей на охрану среды предприниматели щиплют лишь крохи и умело обходят угрозу штрафов (фальсификация данных о загрязнении, свой *человек* в Вашингтоне,

видимость принятых мер и так далее). Очень распространен шантаж, когда рабочих превращают в заложников, «Штраф?.. Тогда я вынужден уволить половину рабочих». Иногда корпорация под нажимом закона о штрафе демагогически апеллирует к рабочему: «Ты хочешь рыбы или работы?» Положение людей на бумажной фабрике или на нефтеперегонном заводе становится сложным. Их, разумеется, беспокоит удушливый воздух, забитая мусором речка, отравленная пища, они понимают, что завтра положение ухудшится еще больше, но потерять работу сегодня — для них главная из трагедий.

Предприниматель, впрочем, не церемонится, если ему представляется выгодным закрыть предприятие (устарело оборудование, надо менять технологию). Угроза штрафа в такой ситуации — хороший предлог. Но чаще всего избирается тактика проволочек: «Очищать мы беремся, но у нас трудности, надо время...» «Большинство обещаний промышленников всерьез заняться очисткой воздуха и вод оказывается пустой болтовней. Промышленники рассматривают загрязнение как проблему, заниматься которой должна общественность, а не они сами» («Ньюсуик»). Во всех случаях жажда прибылей берет верх над общественным долгом. Характерный пример — катастрофическая утечка нефти у берегов Калифорнии (район Санта-Барбары). Нефть отравила прибрежные воды, загрязнила 130 километров берега. Виноватый: компания «Юнион ойл». Был ли известен риск бурения в этом районе? Был. Местные жители проявляли беспокойство и озабоченность. «Однако, — пишет профессор Мичиганского университета Джозеф Л. Сэкс, — каждая попытка открыто исследовать вопрос отвергалась или высмеивалась, поскольку другие, более могущественные силы уже решили вопрос». Позже, когда природе района был нанесен огромный ущерб, выяснилось: «Юнион ойл» не хотела никого слушать, потому что «оборудование стоимостью в миллионы долларов было заранее подготовлено». «Американское кредо заключается в том, чтобы разбогатеть сегодня и наплевать на то, что будет

завтра», — пишет старейший эколог США Юджин Одун, анализируя подобные ситуации.

Грани этой большой проблемы, видимые человеку, впервые Америку посетившему... Утро. Завтрак в квартире Стрельниковых. За дверью что-то тяжело, как будто мешок с песком, падает на пол. Это разносчик доставил газету, воскресный выпуск «Нью-Йорк таймс» — 400 страниц, поделенных на секции-блоки: политика, искусство, досуг, финансы и бизнес, обзор новостей, путешествия и туризм, густо разбавленные рекламой. Интересы ради просим на кухне у Юли весы. Газета тянет два килограмма пятьдесят граммов. Можно ли прочитать или хотя бы внимательно перелистать этот бумажный тук? Конечно, нет. Но издатели и не ждут такого подвига от читателей. Подписчик газеты по фамилии Стрельников на глазах друга вынимает три секции — искусство, политика, новости, — остальное кидает в корзину. Точно так же поступит каждый читатель, получивший сегодня газету. Один выберет путешествия, другой — досуг. Остальное — немедленно в мусор. В мусор сразу же, без прочтения, обращено ⁴/₅ газеты. А что за этим стоит? Вот что: срубленный лес, работа бумажных фабрик, работа химической промышленности (перемолотые природные ресурсы и загрязненная среда), работа огромного аппарата редакции, работа типографских цехов, доставка газеты... Всего не учтешь. И все это в мусорную корзину!

Еще пример. По просьбе Юли заходим в магазин купить вещицу размером с орех. Но что это? Нам подают большой коробок. Вещица покоится в мягкой рекламной бумажке, потом футляр из картона, потом бумажка серебряная и опять с призывами покупать, еще коробочка, обтянутая целлофаном. Вся коробчатая «матрешка» ловко припилена к лакированному листу картона, на котором полиграфисты высокого класса отпечатали полуобнаженную девицу. В довершение всего к покупке на шелковом поводке пристроен фирменный знак магазина. Крошечная покупка и

сопровождающая ее гора кричащего, хрустящего, цветного, лакированного мусора (бумага, краски, пластмасса, труд). Для чего это? Чтобы обойти конкурента, чтобы ты почувствовал, как о тебе заботятся фирма и магазин, чтобы ты знал, сколько других разновидностей этой вещицы ты можешь найти, чтобы подстегнуть тебя к новым покупкам. Мы далеки от мысли утверждать, что заворачивать покупку в газету — это идеал отношения к потребителю и что фуфайка и кирзовые сапоги — это граница потребностей человека. Однако производство вещей не должно переходить границу разумного потребления. Беды от этого сейчас уже всем очевидны. И Америка наглядней любой другой страны демонстрирует расточительство.

Производится невероятное количество вещей! Любая щель спроса немедленно заполняется, и спрос всеми средствами поощряется. В этом участвуют все: наука, техника, экономика, в этом есть доля труда художников, психологов, торговцев и финансистов — вся структура жизни общества «свободного предпринимательства» построена так, чтобы возможно больше произвести, продать, возможно больше нажиться. Нельзя перечислить всего, что искусственно навязывается покупателю.

Вот в той же полетевшей в корзину газете реклама электрической зубной щетки. Две фотографии: девушка с кислой гримасой смотрит на обычную щетку, и то же лицо, но уже предельно счастливое оттого, что трудоемкий процесс чистки зубов теперь облегчен. Вот по телевидению чернобровый парень, как чародей волшебную палочку, показывает телезрителям вилку. Не простую вилку, электрическую! Радуйтесь, любители спагетти, теперь нелегкий труд накручивания длинной лапши механизирован. Такие курьезы можно было бы называть бесконечно. Вот хитрый матрац, способный конкурировать с часами-будильником, — «механическое устройство подкидывает соню вверх на полметра». Вот сообщение о выпуске машинки, которая считает петли при вязке вручную. Придуманно «автоматическое устройство для вскрывания яиц,

сваренных всмятку». И так далее. Крайности? Да. Но все они характерны для «общества потребления».

Сделаем шаг к середине круга от этих крайностей и тут обнаружим то же самое расточительство. Приглядимся к «товару солидному», к товару, символизирующему Америку, все к тому же автомобилю. Лозунг «автомобиль не роскошь, а средство передвижения» давно претерпел изменения. Автомобиль, как теперь признают, превратился в «расточительную, надменную колесницу престижа» — кузова год от года становились длиннее, фары удваивались, над багажниками возникло что-то похожее на хвостовое оперение, выростала мощность мотора и, стало быть, потребление бензина (350 лошадиных сил несут одного-трех человек), выростал вес автомобиля. Зачем все это? Предельно просто на это ответил сам Генри Форд: «Smallcars — small profit» («Малые автомобили дают малую прибыль»). Это ключ к пониманию работы мельницы «общества потребления». В сияющий лаком автомобиль ради прибыли заложена изрядная доля заведомого мусора. Добавим к этому: конвейер работает быстрее, чем могли бы износиться добротнo, надолго сделанные автомобили. «Мельница» это учитывает. Автомобиль выпускают с расчетом на быстрый износ. Три года — и хозяин машины должен подумать о новой. Семь миллионов автомобилей ежегодно отправлялось на свалку, чтобы уступить, место под солнцем Америки новым, еще более изощренным моделям... Огромное количество вещей производится не для того, чтобы они служили человеку, а для того, чтобы, их произвести, продать, нажиться.

Может ли быть бесконечным перемалывание природных ценностей в сомнительные ценности потребительства и в откровенный мусор? Ответ только один: нет, бесконечным этот процесс быть не может. У этой палки-проблемы два конца, и оба больно бьют человека-расхитителя. С одной стороны, — теперь это все уже понимают — минеральные ресурсы планеты конечны, и с другой —

Земля изнемогает под горами мусора и реками нечистот.

Наряду с нехваткой природных ресурсов проблема мусора стала одной из самых важных проблем Америки. В фантастическом кинофильме «Планета обезьян» есть такой кадр. После тысячелетних блужданий в космосе несколько людей попадают на незнакомую планету. Все завалено мусором! И вдруг они видят: что-то торчит. Верхушка скалы? Нет! Космонавты узнают голову статуи, знаменитой нью-йоркской статуи Свободы.

Мысли фантастов питались, увы, конкретными картинками нынешней жизни — Нью-Йорк буквально задыхается в мусоре. То же самое происходит во многих других городах. Семь миллионов автомобилей на свалку! Еще год — еще семь миллионов... Если раньше металл, превращая прессом в «блины», увозили на переплавку, то теперь железо автомобилями в оборот не идет — невыгодно. Прибавим к этому прочий мусор, или, как его называют, «твердые отходы»: 20 миллиардов бутылок в год, 48 миллиардов жестяных банок, 20 миллионов тонн бумаги, миллионы тонн пластика. И на два процента в год количество мусора возрастает. Кинофантастам, как видим, было о чем подумать...

Итак, две цепких, берущих за горло руки у проблемы: где взять? куда деть? А «мельница» продолжает вертеться, и все ужасно боятся не только остановки ее для какого-нибудь ремонта-наладки, но даже и замедления. Где выход?

Сложные переплетения всех проблем эксплуатации и загрязнения среды ставят под угрозу существование жизни в широком ее понимании, не исключая самого человека. Капитализм, стихия «общества потребления» — неисправимые виновники этой беды. Но в этом месте поставить точку — значит допустить упрощение проблемы. Развитая индустрия в любом месте Земли уже сама по себе, конечно, наносит ущерб природе. Это реальность, с которой надо считаться. Заблуждаться на этот счет крайне опасно. Оптимистический выход из положения, однако, со-

стоит в разумном размещении промышленности, планировании городов, в строгом контроле за расходом природных ценностей, будь то лес, вода, почва, газ, металлы или нетронутые, девственные уголки ландшафтов. Проблема требует поступаться сиюминутной выгодой во имя дня завтрашнего, способности не допускать перемальвания природных богатств в мусор излишеств, без которых человек может и должен обходиться.

Какое общество может следовать этой программе? Американцы сейчас много и мучительно размышляют. Дальновидные люди уже не удовлетворяются рассмотрением проблемы только с точки зрения растущей численности людей на Земле и ограниченности природных ресурсов. Реальность заставляет видеть и социальные грани проблемы. «Честно говоря, — пишет видный биолог, — свободное предпринимательство и человеческие потребности едва ли можно совмещать на протяжении длительного времени. С точки зрения длительной эволюции свободное предпринимательство при использовании природы — близорукая и непростительная роскошь». И продолжение той же мысли: «Если мы не поймем... (ученый имеет в виду понимание законов социального развития. — Авт.) и не будем действовать достаточно быстро, то нас опрокинет социальная и экономическая система, созданная, но не управляемая нами» (Дж. Форрестер. «Мировые динамики»).

Почти любая попытка анализировать взаимодействие экономики и природы не обходится без слова планирование. «Двадцать лет назад понятие охраны природы имело в виду защитные меры. Сегодня охрана среды — это плановое управление природными ресурсами и экономикой. Слово социализм при этих размышлениях стараются обойти либо ставят знак равенства между двумя индустриальными державами по губительному давлению на природу. И все же сравнения, сопоставления неизбежны. Вот образец. «Последние действия правительства (имеется в виду Правительство СССР. — Авт.) знаменуют более энергичный экологически направленный контроль в пла-

нировании развития промышленности. В этом, разумеется, социалистическая система имеет важное практическое преимущество перед системой частного предпринимательства». Это пишет авторитетный эколог США профессор Барри Коммонер, человек независимый, стоящий в делах охраны среды выше границ политики. Но практически *то же самое* пишет и журнал «Ньюсуик», родное и преданное дитя американской социальной системы. «Трудно представить себе, что окружающую среду удастся сохранить без изменения в американских условиях частного предпринимательства». Но как увязать стихию рынка и производства с планированием, с равномерным распределением населения и промышленности по стране, с контролем расходования природных ресурсов? На этот вопрос ответа нет.

На пожаре ведут себя по-разному. Есть зеваки — «на наш век хватит», есть паникеры — «вот он, предсказанный конец света!», но, как правило, больше всего людей, готовых, «кто с багром, кто с ведром», тушить пламя. Можно перечислить множество трогательных историй, как простые люди Америки спасли знаменитое дерево, выкупали у частника подлежавшую вырубке рощицу, как с помощью растительного масла и кукурузной муки очищали умиравших от нефти птиц.

В газетах много писали о таинственном человеке, по ночам затыкавшем сточные трубы (отравляли воду в какой-то речушке). «Злоумышленника» наконец нашли. Им оказался добрый больной старик. Ему ли надо было заботиться о чистоте речки? Но так уж устроены люди, они обязаны думать о завтрашнем дне, если сами они даже и не увидят тот день

Среди всякого рода эксцентричных протестов — нередко в Америке только так можно привлечь внимание к какой-либо проблеме — можно назвать публичные похороны автомобилей, сидения на срубленных деревьях, перевозку мусора к порогу государственных учреждений. Свою бунтарскую долю в этот процесс внес известный киноактер Марлон Брандо, купивший где-то в тропиках необитаемый крошечный островок. «Я хочу доказать, что можно жить, потребляя гораздо меньше энергии, и плевать на ресурсы современного мира. Мы уж как-нибудь обойдемся без нефтяных монополий, бензиновых картелей, стали и автомобилей. Мы не допустим, чтобы за наш счет жирели паразиты, высасывающие кровь из современного общества развитой техники». Сказано сильно. Но многим ли по карману острова тропиков? И где они, эти острова для спасения?



ГОЛОС СОВЕСТИ



На острове Путинбей (озеро Эри), идя по лужайке, мы увидели двух мертвых птиц. Догадываясь о причине их гибели, мы все же спросили проходившего человека: что бы это могло значить?

Он оглядел птиц и, пряча очки, сказал со вздохом всего одну фразу:

— Это значит, джентльмены, что мисс Карсон была права.

Человек был вполне уверен, что мы знаем, кто такая мисс Карсон, понимаем связь между гибелью птиц и фамилией женщины. Мы действительно это знали.

Мы знали, что мисс Карсон в живых уже нет. Знали, что эта женщина в несколько дней взбудоражила всю страну. У одних она вызывала беспредельное уважение, другие готовы были испепелить ее ненавистью. Известность этой женщины мгновенно перешагнула границы Америки. И всюду общее возбуждение разделяло людей на два лагеря. Мимолетная фраза — «мисс Карсон была права» — говорит не только о продолжении десятилетнего спора, но также и о признании человека, сказавшего людям что-то чрезвычайно для них важное.

Рассказ о Рэйчл Карсон следует начать с одного открытия, отмеченного в 1948 году Нобелевской премией. Перед войной, работая с химическим веществом, синтезированным и описанным немцем Цейдлером, швейцарец Пауль Мюллер обнаружил, что вещество это даже в ничтожных дозах смертельно для насекомых. Был исследован механизм действия препарата. Партию порошка, выпущенного фармацевтической фирмой, отправили на пробу в США. И отсюда пришел восторженный

отклик: феноменальное средство, действует безотказно!

Шла война. Из насекомых наибольшую опасность для человека представляли вши, мухи и комары — разносчики эпидемий. Порошок блестяще справился со своим назначением. Им пропитывали материю для солдатского белья, подсыпали в побелку для стен, опыляли болота и свалки. К концу войны препарат уже имел столько заслуг, что был охрещен «открытием века». Его испытали в борьбе с вредителями растений — и опять триумф: ни одной козявки на поле не оставалось.

Полностью название препарата невозможно выговорить ни на одном языке — дихлордифенилтрихлорметилметан. Зато сокращенное его название «ДДТ» сразу все проясняет. Сегодня многим известен коварный характер этого «химического чуда». Домашние хозяйки, борясь с мухами, уже обходят порошок ДДТ, от него отказались большие сельскохозяйственные округа и целые государства, ему вынесен обвинительный приговор на Всемирном конгрессе по охране среды в Стокгольме...

Неужели не нашелся хоть кто-нибудь, кто предвидел бы это в первые годы появления ДДТ? Сейчас вспоминают этих людей. Их было немного, но они были. Зоолог Мичиганского университета Дж. Уоллес сказал тогда: «Мы увидим в ближайшие десятилетия величайшее истребление животных, большее, чем когда-либо в истории Земли. Яды — это хуже сведения лесов, охоты, хуже мелиорации, засухи, загрязнения промышленными отходами» Но это «академическое предсказание» никто и слушать не захотел, так велики были явные достоинства ДДТ. Вокруг него совершалась буквальная пляска радости.

По многим причинам в Америке новое вещество особо пришлось ко двору. Химия сделалась движущей силой в хозяйстве. Были синтезированы новые средства для борьбы не только с насекомыми, но и с сорняками, древесной растительностью, разного рода грибковыми и бактериальными болезнями растений. В лесничествах и на фермы, в дома и

сады химикаты шли в баночках и баллончиках, бочках, цистернах, мешках. И все это рассматривалось как благодать — чем больше, тем лучше. С самолетов химикаты сыпались порошком, выпадали маслянистым дождем, Безудержная реклама показывала, какая простая штука — баночка с пульверизатором... И вдруг раздался голос тревоги.

Представим пир, где за столами, полными яств, вдруг поднимается человек и уверенно говорит: пища отравлена! Нетрудно вообразить замешательство, переполох, недоумение, панику. Именно так реагировала Америка на голос Рэйчл Карсон, прозвучавший осенью 1962 года.

Кто была эта женщина? Биография Рэйчл Карсон прослежена до мельчайших подробностей. Это сделано было сразу же не только из любопытства, но и по мотивам, довольно распространенным в Америке: а нет ли «чего-нибудь», чем можно было бы опорочить, дискредитировать обвинителя. Но никакого «сучка» в биографии не было. Чистая, честная жизнь, лишенная ярких видимых проявлений, но глубокая, полная, напряженная.

Родилась Рэйчл Карсон в 1907 году в Пенсильвании. В детстве мечтала стать писателем. Однако страстная любовь к природе привела ее в биологическую науку. Колледж, университет. Преподавание в университете. Несколько докторских степеней. Служба в различных ведомствах по охране среды. Скромная, почти аскетическая жизнь в Вашингтоне — днем работа, вечерами литературный труд. Карсон получила признание «одного из лучших писателей Америки». «Редкое сочетание поэзии и науки» — это оценка критикой ее книг.

Знаменитостью Карсон в 1951 году сделала книга «Море вокруг нас», сразу же после выхода переведенная на 33 языка мира. Ее ответы на похвальные отзывы критиков и читателей необычайно сдержанны и скромны: «Разве можно писать о море без поэзии...» К каждой строке написанного Рэйчл Карсон относилась с предельной требовательностью,

«писала медленно, трудно, иногда по ночам». Она не была замужем — «на это не было времени». Но когда умерла мать внучатого племянника, взяла мальчика на воспитание.

Живую природу Рэйчл Карсон любила страстно и глубоко, ее пониманию доступно было многое ускользавшее от поверхностного взгляда. Особая страсть — море и птицы. Весною она подымалась задолго до рассвета и на стареньком автомобиле уезжала в окрестности Вашингтона наблюдать пролет птиц.

О ДДТ Карсон узнала еще во время войны и вполне разделяла беспокойство Уоллеса. Дым пожара она почувствовала сразу же, как только химикат нашел широкое применение. Она хорошо знала все звенья механизма природы, чтобы понять опасность, еще почти никому не заметную. Разрозненные факты — необъяснимый мор рыбы, гибель крупных животных и странная выживаемость насекомых там, где прежде под косою химикатов они погибали, — для нее выстраивались в ясную картину нарастающего бедствия. В это время Рэйчл Карсон работала над книгой об эволюции природы. Химическому вторжению в живую ткань жизни в ней отводилась одна глава, но папка документов для этой главы пополнялась с каждым приходом почты, и скоро писательница поняла, что долг заставляет ее оставить прежние планы и взяться за осмысление того, что стекалось к ней с разных концов Америки. Начался кропотливый целенаправленный сбор материалов: беседы в лабораториях, переписка с учеными разных стран, анализ статистики, тщательное расследование и осмысление драматических фактов, вызванных применением химикатов в сельском, лесном и рыбном хозяйстве, в медицине и производстве пищи.

Определилось назначение книги, определился ее стиль и адрес — «книга для всех», определилось название: «Безмолвная весна». Каждый месяц работы, каждый приход почтальона, каждый выезд в природу убеждал автора, как важно возможно скорее закончить книгу. Работа, однако, затянулась на четыре года. Лавина новых известий, тщатель-

ное исследование материалов заставляли заново переписывать уже готовые главы, делать поправки и добавления. Где-то на середине работы Карсон узнала, что больна раком, поняла, что это ее последняя книга и главное дело жизни. Надо было работать еще упорнее.

27 сентября 1962 года «Безмолвная весна» увидела свет. Это был взрыв. За всю историю Америки вряд ли какая книга вызывала столько страстей. Все тиражи — первый и повторные — были мгновенно распроданы. В первые две недели отзывы на книгу появились в 70 газетах и 35 журналах. «Обвинительный акт», «Бестселлер, проникнутый гневом и грустью», «Крестовый поход против химии» — характерные заголовки статей в те дни.

Книгу немедленно прочел президент Кеннеди, о ней говорили во всех звеньях правительственного аппарата, в научных центрах и в каждом доме. И сразу образовалось два фронта. Чиновники из министерства сельского хозяйства, фермеры, агробизнес, ученые, стоявшие на службе химических концернов, и, конечно, сами химические концерны были по одну сторону. По другую сторону были «все остальные» — озабоченные, взбудораженные люди, ибо речь шла о явлении слишком серьезном.

Массированный огонь критики на книгу в первую очередь обрушился со стороны тех, чьи коммерческие или престижные интересы книга задела. Не особенно взбешены были владельцы химических предприятий и агробизнес. Были попытки приостановить издание книги. Когда это не удалось, в ход пустили все средства дискредитировать книгу и автора. Ученые, состоявшие на службе химических корпораций, получили задание: «изучить книгу строчка за строчкой, чтобы найти в ней уязвимые места». Анонимные лица звонили автору и грозили расправой. (Из-за наплыва прессы и этих звонков Карсон пришлось поменять телефон.) Писательница знала, на что шла, но вряд ли предполагала, что реакция будет столь бурной.

По случайности выход книги совпал со скандалом появления на свет детей-уродов

у матерей, принимавших разрекламированные, но не проверенные успокоительные пилюли. Припомнили много других, не находивших до этого объяснения драматических происшествий. Масса людей почувствовала своевременность предупреждения. Но именно это больше всего пугало «химический фронт».

Карсон оставила без внимания массивные нападки на книгу дав событиям развиваться своим чередом. Да и не было нужды в полемике. Ответ на нападки содержался в самой книге. «Я не утверждаю, что нельзя никогда применять химические средства от насекомых. Я утверждаю лишь, что мы вручили ядовитые и могучие в биологическом отношении химикалии без разбора в руки людей, значительно или совершенно не сведущих в их потенциальной вредности. Мы подвергли огромное число людей соприкосновению с этими ядами без их согласия и даже часто без их ведома. Я утверждаю даже, что мы допустили к употреблению эти химические препараты с незначительным или даже без всякого предварительного исследования их воздействия на почву, воду, диких животных и на человека самого». Однако критика «Безмолвной весны», во многом инспирированная теми, кто развивал тотальную химизацию, это место в книге старалась не замечать. Автора обвиняли в избытке эмоций, односторонности, некомпетентности, стремлении «напугать публику». Блестящий журнализм, дескать, одержал верх над научной беспристрастностью. Карсон обвинялась в забвении заслуг химии, в несбалансированности ее достоинств и недостатков, «она хочет воскресить малярию и оставить землю без хлеба во имя жизни орлов, дроздов и малиновок». Атака на книгу была столь же ожесточенной, как и нападки сто лет назад на книгу Дарвина «Происхождение видов», содержавшие, к примеру, такие слова: «Научная ошибка. Книга неверная по своим фактам, ненаучная по своим методам и зловредная по своим тенденциям». Примерно в таком же тоне говорил о «Безмолвной весне» «химический фронт». Любую другую книгу такая бомбежка могла бы испепелить. «Безмолвная весна»

выдержала все нападки. Спешно были написаны (оплаченные не только в издательствах) книги, прямо противоположные тому, что увидела Карсон. Но ни одна публикация не могла сравниться с «Безмолвной весной» по страсти, по убежденности, широте знаний и блестящему литературному стилю. А что касается «крайностей», несбалансированности заслуг и опасностей химизации, то вот что сказано было по другую линию фронта: «Зачем писать о заслугах? О них говорят ежедневно в докладах, сводках, в рекламных брошюрах и на красочных этикетках. Важно было возможно внушительней сказать о том, чего люди не знают». К этому можно добавить: истина всегда лежит посередине. Но для того чтобы на этом месте ее и оставить, часто бывает необходимо занять крайнее положение. Позиция Карсон диктовалась именно этими соображениями. Рассуждениями с бесстрастным взвешиванием всех «за» и «против» нельзя было выровнять крайне опасный крен химизации. Надо было стать на другой борт лодки и страстным голосом пробудить всех, кто беспечно в ней задремал, и призвать к ответственности тех, кто создал опасный крен. Своей цели Рэйчл Карсон достигла. А книга ее стала американской классикой.

Книга сразу же вышла во многих странах и сразу же дала ключ к пониманию причин гибели рыбы в Сене, лосей в окрестностях Ярославля и куропаток в Шотландии. Стала понятной опасность увлечения антибиотиками в медицине и растущая молчаливость рощ и лесов...

Рэйчл Карсон прожила менее двух лет после выхода книги. 15 апреля 1964 года ее хоронили. Но она успела узнать не только вселенский спор, вызванный книгой, но и признание своей правоты. Сенаторы читали книгу от корки до корки, а конгрессмен Джон Линдсей, в записку конгрессу поместил отрывки из книги и написал автору: «Я был бы рад поместить всю книгу». Президент Кеннеди сразу же после прочтения «Безмолвной весны» создал правительственную комиссию,

и она, отдав должное заслугам химии, в то же время признала, что реальности безудержной, бесконтрольной и не изученной химизации чреваты опасностями.

«Рэйчл Карсон победила!» — под таким заголовком 15 мая 1963 года анализировала ситуацию влиятельная газета «Крисчен сайенс монитор». «Эту книгу должен прочесть каждый американец, который не хочет, чтобы она стала надгробной надписью для всей земной жизни», — писал антрополог Лорен Айсли. В конгрессе США была создана специальная комиссия по слушанию «дела о пестицидах». Попросили выступить в конгрессе и «главного обвинителя» — Рэйчл Карсон. Подводя итог обсуждению, сенатор Рибиков признал «существование важной проблемы, требующей тщательного, терпеливого изучения». Другой сенатор, протягивая руку писательнице, сказал: «Вся наша страна находится в долгу у вас». Расширяя географию этой мысли, можно сказать и так: Рэйчл Карсон относится к людям, заслужившим благодарность и уважение всей Земли. Набат сам по себе не тушит пожара. Но очень важно людей разбудить. Карсон сделала это.

В сорока километрах от Вашингтона расположен знаменитый Патуксентский исследовательский центр дикой природы. Ограда. Массивные металлические ворота. Бронзовая доска с литыми буквами. Тут ищут способ спасти дикую жизнь от натиска химикатов.

Мы приехали в полдень. На лужайке перед строениями паслись казарки, на пруду плескались еще какие-то птицы. Мы слегка растерялись, когда узнали, что с нами будет беседовать доктор Люси Стикл. Это крупный ученый. За ее опытами тут, в Патуксенте, внимательно следят во всем мире. Слишком важны эти опыты. И очень добросовестно их тут проводят. К тому же центр этот — единственный в своем роде. Доктор Стикл со времен «Безмолвной весны» имеет репутацию талантливого, скрупулезного исследователя. В Америке она известна, почитаема, отмечена наградами. Один из молодых биологов в

Вашингтоне сказал о ней: «Карсон была матерью, которая почувствовала: ребенок болен. Стикл — талантливый доктор, который исследует болезнь и ищет лекарства».

Госпожу Стикл мы застали в тихой комнате за обработкой каких-то таблиц. Два часа спокойной беседы позволяют добавить к характеристике этого ученого кое-что чисто человеческое. Говорить с ней — редкое удовольствие. Внимательный слушатель. С ответом не спешит, пока полностью не уяснит сущность вопроса. Взвешено каждое слово. В суждениях — убежденность, ирония, юмор, отточенность мысли и краткость слова. О книге Карсон она сказала: «Да, это был колокол, разбудивший нас всех... Но что касается дикой природы, то дело обстоит еще более драматично, чем она думала. Перед нами проблема из числа тех, которые называют проклятыми».

Кратко собеседница рисует нам нынешнюю картину взаимоотношений в Америке химии и природы. «Радоваться пока нечему. В год выхода «Безмолвной весны» химические концерны получали 300 миллионов рублей прибыли. Сейчас они получают миллиард. Что за этим стоит, объяснять вряд ли надо».

— Как относится доктор Стикл к позиции агронома Берлоуга? (Вопрос касался известной лекции в ООН нобелевского лауреата агронома Нормана Э. Берлоуга, взявшего под защиту применение ДДТ.)

Ответ такой:

— Берлоуг делает свое дело. Делает хорошо. Но он боится, что запрещение пестицидов повредит его делу. Говоря о «хлебе для мира», он хладнокровно ставит крест на всем остальном. Человеку оставляется только хлеб. Но что стоит жизнь, если все остальное будет потеряно? Здоровье, порхание этих бабочек за окном, потеря птиц... Нет! Борьаться надо и за хлеб и за это. Иначе мы превратимся лишь в сытое стадо без радостей.

О работах тут, в Патуксенте, было сказано так:

— На диких животных мы выясняем способность ядов задерживаться и накапливаться в живом организме, фиксируем критические

дозы ядов, которые организм может вынести... Да, даем пищу, содержащую химикаты. Особенно важно выяснить механизм действия ядов. Сейчас уже очевидно: численность птиц в природе снижается по двум причинам. Первая — просто гибель от яда. Вторая — неспособность давать потомство.

Механизм действия ДДТ тут, в Патуксенте, проверен на перепелках. Птиц кормили протравленным зерном. Химикат накапливался в жировых тканях без каких-либо видимых последствий для перепелок. Но как только птиц заставили голодать (это часто бывает в природе), в дело пошел запас жира и растворенный в нем ДДТ. Поражалась нервная система: птицы теряли устойчивость, ориентацию, переставали реагировать на что-либо. Так была выяснена причина их гибели на полях.

В механизме воспроизводства птиц осечку орнитологи заметили давно. Заметили: во многих гнездах (главным образом хищников — орлов, ястребов, соколов, скопы, пеликанов) птенцы из яиц либо не появляются, либо яиц не было вовсе, либо яйца были почему-то раздавлены. Исследователи обнаружили: первое — наличие ДДТ в яйцах, второе — скорлупка яиц часто была настолько тонка, что разрушалась от тяжести птиц и «даже от звука низко пролетающих самолетов». Иногда яйца были мягкими, без скорлупы... Орнитологи догадались измерить толщину скорлупы яиц в коллекциях, собранных на протяжении последних пятидесяти лет. Оказалось: уменьшение толщины совпадает с началом применения нынешних ядохимикатов. Так возникла теория нарушения кальциевого обмена в организме птиц под действием ядов. Сейчас в Патуксенте эта теория тщательно проверяется экспериментами.

После беседы доктор Стикл повела нас к вольерам, где проводятся опыты... Лесная поляна, огороженная от вторжения енотов электрическим проводом, могла бы показаться веселой ярмаркой птиц — так много тут было криков, свиста и щебета. Но это был драматический испытательный полигон, где птицы ценой своей жизни спасали, возможно,

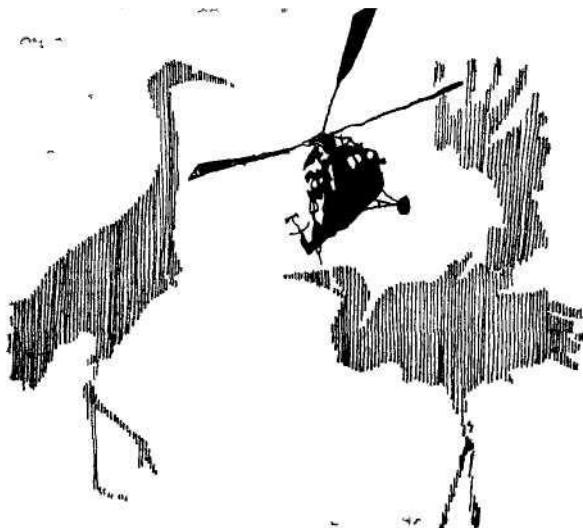
жизнь тем, кто жил на свободе. Загон с перепелками. Большая группа фазанов. Много птиц водяных — утки, гуси, кваквы, пеликаны и цапли. Две сотни ястребов, четыре десятка сов, двадцать восемь орлов, пять тысяч маленьких птиц... Кому-то тут повезло — их держат в качестве «контрольных организмов» для сравнения в опытах. Другим по строгой системе дают яды. Просторные вольеры. Укрытия в них и ящики для гнездовых птиц воспроизводства. С тыльной стороны ящики имеют окошечки со щитком. Доктор Стикл разрешает нам заглянуть в гнезда. Первая группа: гнездо не достроено, птиц в вольере не видно, птицы погибли — порция ДДТ и дильдрин оказались для них смертельными. В расположенной рядом вольере птица жива. Но на гнезде она не сидит. В гнезде белело холодное брошенное яйцо. (Та самая осечка в воспроизводстве!) С волнением мы подошли к контрольной вольере, отодвинули шторку... Из темноты на нас глянули две пары испуганных глаз — сова и рядом с ней двухнедельный соенок. Тут дело шло без вмешательства ядов.

Некоторых птиц в Америке осталось так мало (белоголовых орлов и сапсанов), что отлавливать их не решились. Нашли «морскую свинку» для экспериментов — ястреба-перепелятника, пока еще многочисленного.

— Вот такие дела... — подвела итог экскурсии и беседы госпожа Стикл. — Хочется верить, что все это не напрасно.

Программы исследований в Патуксенте ведут еще двадцать четыре ученых и пятнадцать технических работников. В обширном помещении, из которого расходятся двери в комнаты лабораторий, висит большая фотография Рэйчл Карсон. В полевой куртке, придерживая бинокль, женщина средних лет наблюдает за чем-то в весеннем лесу. Мы постояли перед портретом.

— Это один из последних снимков, — сказала госпожа Стикл, — она любила наблюдать весенний пролет...



белые журавли



В окно мы слышали трубные крики птиц.

— Это они, — сказал принимавший гостей доктор Рей Эриксон.

После часового разговора в лаборатории ученый пригласил нас к вольерам. Машина остановилась метрах в двухстах от загона С этого расстояния мы могли их увидеть, не причиняя птицам лишнего беспокойства. Они все-таки возбудились, забегали, крики их стали тревожней и громче. Иногда они чуть подскакивали, расправляя огромные крылья с черными перьями на концах. Майская зелень травы пестрела цветами. Но никакие краски не могли бы выглядеть ярче в разливах лета, чем эти большие снежно-белые, поразительной красоты птицы. Можно представить волнение человека, увидевшего журавлей не за сеткой, а в диком месте, где ничто не стесняет двухметровый разлет их крыльев, а крики растворяются в далах.

Когда-то белые журавли были в Америке обычной, хотя, быть может, и не слишком многочисленной птицей. Плуг в прериях, пастьба скота и неумеренная охота оказались для журавлей роковыми. Их видели реже и реже. И наконец птица совсем исчезла. Ее оплакали, как очередную потерю.

Но в 1938 году на зимовке в Техасе обнаружили журавлей — десять старых и четырех молодых. Известие это было подобно известию о воскрешении из мертвых. Гудящая машинами Америка вдруг почувствовала прилив любви и заботы к уцелевшим аборигенам своей земли. Но всего лишь четырнадцать! Как им помочь?

В конце марта журавли полетели куда-то на север. И орнитологи с замиранием сердца ждали: вернутся ли? Вернулись! И было их два-

дцать два. Еще один год — двадцать шесть. В 1941 году число их упало — пятнадцать! (В Аранзасе искали нефть и, несомненно, потревожили журавлей. Второе несчастье — бомбежки. Именно в этом районе Техаса летчики ВВС учились поражать цели.)

1945 год: насчитали семнадцать птиц. «Казалось, еще порыв ветра, и свечка погаснет». Но стая держалась, теряя на перелетах несколько стариков и пополняясь большим числом молодых. Однако два года (1954 и 1962) были почему-то бесплодными — ни одного молодого! Зато в 1964 году молодых прибавилось десять, а из старых не вернулся только один. Сорок две птицы! Американцы с волнением следили за борьбой на выживание горстки живых существ.

Путь журавлей теперь был прослежен. Из Аранзаса в Техасе (тут сразу же был учрежден заповедник) через всю Америку журавли летели на дальний север Канады — около пяти тысяч километров туда, столько же обратно осенью до Техаса. Летят журавли высоко. Без бинокля их не увидишь. Но кормиться они опускались. Из разных мест к орнитологам, в центр по спасению журавлей, поступали взволнованные телеграммы: «Мы их видели в Оклахоме!» «Пролетали у нас в Южной Дакоте!»

Лето белые журавли проводили где-то в глуши канадского заповедника «Вуд-Буффало». Стали искать их гнездовья. Но лишь после большого лесного пожара лесник Уилсон увидел в лесу на прогалине белых птиц. В эти места снарядили специальную экспедицию. После необычно тяжелых поисков (вертолет — лодка — пешие продвижения по болотам) орнитологи наконец нашли, что искали. Журавлиные гнезда были укрыты в малодоступных топких местах на месте бывших озер. На карту гнезда нанесли как величайшую драгоценность.

Совместными усилиями американские и канадские орнитологи постарались узнать все, что можно, о птицах, не причиняя им особого беспокойства. Важные выводы... Белые журавли — необычайно добросовестные родители. Одиннадцать месяцев они опекают по-

томство — кормят, учат летать. На пути к югу (и обратно на север весной) молодой журавлик летит в середине между матерью и отцом. И только вернувшись на родину, он ищет пару и покидает родителей (они занимают родовое гнездо).

Но важнее всего другое. Из двух яиц, отложенных журавлями, одно является как бы страховочным — жить остается один, наиболее сильный птенец. Сопоставляя число яиц в гнездах и число молодых журавлей, прилетающих в Аранзас, ученые делают вывод: одно яйцо без ущерба для журавлей можно брать из гнезда и пытаться «высиживать» в инкубаторе. Для страховки. Слишком уж малочисленна, уязвима, зависима от случайностей горстка сохранившихся птиц: ураган, разлив нефти, лесные пожары — и нет журавлей. Страховка нужна. Но как забрать яйцо из гнезда? Верны ли расчеты, что одно яйцо «лишнее»? Как поведут себя журавли, не снизит ли это прирост и без того маленькой стаи? И даст ли что-нибудь инкубатор? Решили трижды проверить на птицах другого вида. (Есть в Америке «журавли песчаных холмов».) Все получилось! Три года подряд получалось! И лишь после того по готовым приемам решают ученые подступиться к гнездам, упрятым в северной части Канады.

Эта история чем-то напоминает сказку с хорошим концом. В глуши, какую только способны облюбовать осторожные птицы, опускается вертолет. В нем два человека. Один остается в машине, другой пробирается к гнездам. Возвращается он с драгоценной добычей — в толстом шерстяном носке осторожно несет яйцо. Еще одно. Еще... Яйца кладут в приготовленный термостат. В местечке Форт-Смит из вертолета биологи пересаживаются в скорый самолет...

Едва ли когда-нибудь в жизни Рей Эрикссон волновался больше, чем в этом полете. Два приземления для заправки, и наконец аэродром Эндрюс под Вашингтоном. Автомобиль уже ждет... Девять часов путешествовали журавлиные яйца из приполярной Канады до инкубатора биостанции. Проклевывая оливково-коричневую скорлупу, мокрые журавля-

та видели тут не белоснежную мать, стоящую «ад гнездом, а взволнованное лицо человека.

— Все обошлось. Но заменить им родителей было непросто... — Доктор Рей Эрик-сон рассказал, как пришлось ему нянчить беспокойный и драгоценный приплод.

Птенцы оказались заядлыми драчунами (видимо, так же они ведут себя и в гнезде). Чтобы все остались живыми, к журавлям посадили «мальчиков для битья» — индюшат. Пар агрессивности был истрачен, все журавлята остались живы и превратились в белых красивых птиц. Волновало теперь другое. Как стая? В Аранзасе ждали ее возвращения. Когда журавлей сосчитали, радость была всеобщей — молодых было столько же, сколько их прибавлялось в самый благоприятный год.

Журавлиная операция теперь повторяется каждое лето. 6+10 + 10+11 — всего 37 яиц взято из гнезд. По разным причинам два журавленка не выжили. Таким образом, в неволе живет сейчас тридцать пять журавлей. В природе их стало пятьдесят девять (данные 1972 года).

На спасение журавлей конгрессом было выделено 350 тысяч долларов. Рей Эриксон считает, что, если бы нужен был миллион или два миллиона, преступлением было бы пожалеть деньги. «Можно сконструировать все, что угодно: новый автомобиль, аппарат для полета на Марс, карманный телевизор, большую станцию для жителя в космосе, но, если исчезнет птица, ее сконструировать заново невозможно». Эти мысли о журавлях в Америке разделяются многими. Большие трубящие птицы стали символом охраны редких животных. Едва ли не каждый американец знает судьбу журавлей. Но только зоологам и людям, особенно озабоченным состоянием дикой природы, известно: на той же грани, что и белые журавли, в стране сейчас находится 101 вид животных. «Они держатся на одной нитке», — сказал Рей Эриксон. Животных можно считать вне опасности, если их еще сохранилось хотя бы тысячи две. А тут счет идет на десятки и даже так: «видели двух!» Это значит — рядом с названием в списке завтра поставят крестик.

Америка не единственная обладательница списка «висящих на нитке». Такие списки есть в каждой стране. Исчезновение с лица земли угрожает сейчас 1000 видам животных. Но если в других частях света природа ветшала долго, то в Америке это случилось в историческом смысле почти мгновенно. Америка служит наглядным уроком, как жестоко, неразумно, недалековидно вел себя человек, истребляя вокруг все живое. Две сотни лет отделяют нас от времен, когда звонкий смолистый храм природы Америки был еще некий нетронутый эталон — «100%». Не на пергаментных свитках, а на обычной бумаге дошли до нас записи о живом богатстве, к которому человек едва-едва прикоснулся. Вот они.

«Страна дикая, но богатая и обильная». «Реки кишат рыбой Дичь заволакивает небо». «Гуси выстрела не пугаются — возвращались глянуть, почему это их товарищ упал». «Бобровые плотины идут тесно друг к другу и так далеко, как можно проследить. Бобры совсем не боятся людей». «Вблизи соляного источника один охотник насчитал 1000 разных животных». Другой охотник у соленого ручья увидел столько зверей, что «не рискнул сойти с лошади». Когда же он подстрелил двух оленей, «обезумевшее стадо, не разбирая дороги, бросилось прочь, топча убитых животных, отчего с них даже не удалось снять шкуры».

Вооруженные ружьями белые люди вели себя, как хорьки, забежавшие в очень богатый курятник. На животных они смотрели как на живую мишень — «они созданы, чтобы их убивать». Вот какими были трофеи охотника в Новом Свете. Некий Жак Шварц в 1760 году убил: «140 пум, 109 волков, 17 черных медведей, 98 оленей, 111 бизонов, 12 росомх, 500 бобров и других меховых животных». Это только один охотник и за один год! Что-то пошло на продажу, а что-то было убито просто потому, что попало на мушку. «Казалось, Америка хотела как можно скорее избавиться от животных», — пишут теперь историки. Нетрудно понять, так глядели на этот разбой индейцы, вся жизнь которых была

связана с благополучием мира животных. Вот что сказал, наблюдая быстрые перемены в природе, вождь племени сиу Сидячий Медведь: «Жизнь была хороша благодаря великой радости, которая шла от ощущения родства и дружбы с животными, что нас окружают. Белый человек смотрел на них как на врагов. Мы смотрели как на друзей и благодетелей...»

У белого человека тоже постепенно наступало похмелье. Знаменитый охотник прошлого века Дэниэл Бун, не менее удачливый, чем упомянутый выше Шварц, на склоне лет подводит итог: «О, сэр, какая громадная разница за 30 лет! Раньше и мили не пройдешь, чтобы не увидеть бизона или медведя. Тысячи бизонов! Страна выглядела так, что она никогда не будет бедной. Но теперь я пошел и увидел только несколько следов оленей...»

На рубеже 1800 года восточную часть природного храма Америки наполовину уже спалили. Однако особой тревоги никто не испытывал. Пушные компании по-прежнему отправляли в Европу туки дорогих шкур. Дичь на базарах лежала еще ворохами и стоила сущие пустяки. Пожар истребления на несколько лет задержался у Миссисипи. Тут проходила тогда граница Дикого Запада. Но потом огонь перекинулся через реку. И на огромных пространствах разыгрался, пожалуй, самый драматический акт во всей истории отношения человека к животным. Драма эта известна многим, ее стоит только напомнить.

В Йеллоустонском перке, оставив на дороге машину, мы прошли километра два на пригорок, где пасся старый бизон. Подходили мы осторожно, старались не напугать зверя. Да и сами, признаться, побаивались — что на уме у мрачного великана? Однако бизон проявил полное равнодушие. Он подпустил нас вплотную и даже не поднял головы. Внизу у реки паслась парочка его родичей. И это все, что мы увидели за дорогу, проезжая по «бизоньим местам». Трудно было представить, что сто с небольшим лет назад было этих зверей еще так много, что только словами «видимо-невидимо» можно было определить их число. «Огромные пространства прерий от

горизонта до горизонта были одним сплошным стадом», — пишет очарованный путешественник прошлого века. О приближении бизонов охотники догадывались до появления стада на горизонте «по облаку пара, выдыхаемого животными». «Стада, случалось, растягивались на 50—70 километров... Я скакал верхом целый день, но конца гурта так и не смог увидеть», — сообщает кавалерийский полковник Генри Додж. Охотник Бентино примерно в эти же годы наблюдал за шестием по равнине гигантского стада. В поле зрения человека, стоявшего на горе, находилось «не меньше 300 тысяч животных». Всего же бизонов в Америке было 60—70 миллионов.

Куда же делась эта величайшая масса живых существ? Истреблена! И не в тысячи лет, а в считанные годы, буквально в несколько лет. Это была величайшая бойня, о которой Америка сейчас вспоминает с чувством вины. В самом деле, трудно представить что-либо более жестокое и бессмысленное. В диком азарте, соревнуясь, охотники убивали бизонов тысячами. (Знаменитый и поныне известный в Америке Буффало Бил убивал за сезон четыре тысячи с лишним.) Стреляли бизонов, чтобы только снять шкуру. Горы мяса оставались на месте.

Развязку ускорила нитка железной дороги, которой спешно соединяли Восток и Запад. Владельцы дороги, как только по прериям побежали длиннотрубные паровозы, от главной линии провели ответвления и стали приглашать для охоты на Западе всех, кто захочет. Прямо из окон вагонов люди палили по крупным обезумевшим от страха животным. Тут часто не снимали даже и шкуру, вырезали язык для закуски и уезжали. Степи были покрыты гниющими трупами, а позже россыпью белых костей, (Когда бизонов не стало, кое-кто нажил состояние, подбирая лишь кости. За тонну платили 10—12 долларов.)

1870 год. С массой бизонов покончено. Кое-кто опомнился, почувствовал громадность потери. Раздались первые голоса в защиту животных. Однако не все считали, что совершилось черное дело. Избиение бизонов было не только безрассудным азартом молодой

нации, «большая охота» являлась также частью политики. «Охотники для решения индейской проблемы сделали больше, чем сумела сделать армия за 30 лет», — откровенно заявил генерал Шеридан. Ничего не скажешь — безукоризненно точный генеральный расчет. Индейцы киова, каманчи, сиу привязаны были к жизни бизонов, подобно тому как жители севера эскимосы существуют за счет оленей. Все: пищу, одежду, постели, пологи для жилищ, топливо и посуду — индейцы получали веками, кочуя вслед за бизонами. И вдруг за несколько лет основа их жизни исчезла. Вожди Сидячий Бык и Бешеная Лошадь, поняв трагизм положения, объединились и дали белым отчаянный бой. И победили! Войска генерала Кастера разгромлены были у реки Литл-Бигхорн (1876 год). Но великая победа индейцев была напрасной. В течение года после сражения они были загнаны в резервации. Охотиться на бизонов можно было теперь, не опасаясь мести хозяев прерий.

1883 год. Последнее крупное стадо бизонов — 75 тысяч — уничтожено было в Йеллоустонском парке. Еще десять лет — и браконьеры добрали остатки животных. Теперь за чучело головы платили огромные деньги, финальная сцена — 21 бизон! Это все, что осталось от богатства в 70 миллионов голов. Как на пожаре: было — и нет.

Такая же драма разыгралась и с птицей под названием странствующий голубь. Численность этих похожих на горлицу птиц была поразительной даже на фоне необычайно обильной жизни. Сколько их было, никто не знает. Все, кто видел сезонные перелеты, определяют их числом «миллион миллионов». Вот одна из записей очевидцев: «Я видел полет голубей весной. Стая, казалось, не имела ни начала, ни конца, ни длины, ни ширины, и летели птицы столь плотно, что я не мог видеть солнца».

На птиц охотились сетью («попадало сразу 15—16 тысяч»), палили из ружей вверх просто из-за удовольствия. В местах ночевки (птицы строго держались излюбленных мест) голубей сбивали ночью шестами и дробью, «стреляя наугад в темноту». Утром земля под

деревьями была буквально завалена птицами. Их не считали, а мерили, подобно зерну, бушелями. При обилии другой дичи на стол голубятина попадала нечасто (впрочем, в Нью-Йорк голубей привозили каждый сезон десятками тонн — «2 пенса за дюжину»). Фермеры битой птицей кормили свиней.

Никто не думал, что когда-нибудь голубиные стаи могут иссякнуть — «этих птиц столько же, сколько песку на морском побережье». Робкий закон об охране пернатой дичи в штате Огайо (1857 год) голубей не коснулся: «странствующие голуби в защите не нуждаются, они так плодовиты, что число их не может уменьшиться». Через несколько лет число голубей орнитологи определили в 136 миллионов. Но это были, как видно, уже остатки того, что вначале определялось как «миллион миллионов». К концу века голубь стал уже редкой птицей. В 1899 году застрелили последнего. Никто не хотел верить, что птица истреблена. Полагали, что голубь покинул Америку и поселился в Канаде, Южной Америке или Австралии. Назначается премия тому, кто увидит хотя бы двух птиц. В 1900 году издается федеральный закон об охране дичи. Для голубя он опоздал. Это был случай, когда конюшню стали запирать после того, как лошадь уже украли.

Бизон и голубь стали символами печального и позорного истребления человеком животных. Но нечто похожее можно было бы рассказать также об аллигаторе (истреблен на портфели и чемоданы), о Каролинском попугайчике (истреблен ради красивых перьев), о легендарном кондоре (стреляли потому, что слишком уж хороша цель, а золотоискатели, кроме того, из кожи кондора делали «весьма удобные для золотого песка мешочки»). Почти исчезнувший ныне луговой тетерев (американцы называют его «курица прерий» и «барабанщик любви») долго служил просто мишенью для тренировки в стрельбе — «их убивали, оставляя лежать кровавыми кучами».

О том, как Америка истребила своих животных, можно рассказывать долго. Биолог Роберт Мак-Кланг в книге «Потерянная дикая Америка» делает это добросовестно и

беспощадно. (Большая часть кавычек в нашем рассказе — ссылка на книгу.) По словам Мак-Кланга, со времен Колумба Америка потеряла 70 видов животных. 40 видов потеряно за последние полтора века. Более половины из этих четырех десятков утрачено уже после 1900 года, несмотря на множество мер и усилий спасти.

«На рубеже «1900 год», — пишет Мак-Кланг, — стало ясно; природа не только укрощена, она уже насмерть забита». На этом рубеже в Америке принят закон, щадящий животных. На земле, пожираемой индустрией хозяйства, были созданы «островки прошлой Америки» — национальные парки. На охоту вводятся сроки, регламенты и запреты.

Мировая война заставляет на время забыть о проблемах природы. Но они зреют, и наступает момент, когда не видеть их уже невозможно. Для Америки это время совпало с кризисом хозяйства в 30-х годах. Четырехлетняя засуха, пыльные бури на распаханной целине ударили больно не только людей. Это была катастрофа и для животных, особенно для тех, кто привязан к воде. «Кара божья», однако, была лишь заключением бедствий, начало им положил человек: распашка земель без учета последствий, осушение болот, перекрытие плотинами рек, разбор воды на полив лишили животных мест обитания. «Птицы гибли в остатках вонючей воды миллионами».

Президент Франклин Рузвельт, энергично встряхнувший американцев, заставивший их поверить: «все превозможем!», не упустил из виду и бедственное положение природы. Комиссия, им назначенная (в ней был широко известный теперь зоолог-охотовед Альдо Леопольд), сделала верные выводы: «Теперь животные страдают (и будут страдать!) от нехватки жизненного пространства. Его надо им оставлять... Нужны убежища, кормовые участки, пути миграций должны охраняться и быть под контролем». По этим выводам в стране была создана целая сеть резерватов, иначе говоря, заповедников (сейчас их больше трехсот), где земли принадлежат животным и только животным.

В те годы в Америке (факт для нас поучи-

тельный!) поняли ценность болот. Стало ясно, что это далеко не «никчемные земли», как думали раньше, а средоточие дикой жизни. В эти же годы возобладали мысли о том, что дикая природа — это огромная ценность. Сохранить ее надо во что бы то ни стало для науки, образования, отдыха, «наконец, для того, чтобы цивилизация могла выжить».

Это был важный этап. Но «статус-кво» в отношениях человека с природой, увы, долго не сохраняется, и всего печальней: эскалатор при этом движется вниз. 60-е годы — новый и небывалых размеров кризис. Теперь уже речь идет не только об угрозе животным, сам человек в одинаковой мере с медведями, лисами, журавлями, орлами и зайцами ощутил себя зависимым от состояния жилища под названием Земля. Вот что пишет бывший министр внутренних дел Стюард Юдэл: «Америка сейчас стоит на вершине богатства и силы, однако мы живем в стране исчезающей красоты, возрастающего безобразия, сокращения наших просторов. Диким животным уже скоро некуда будет податься. Зоопарки, видимо, станут прибежищем тех, кто может в них жить, остальные разделят судьбу странствующих голубей...»

Таким образом, от огромного некогда каравая остаются черствые корки. Если сравнивать, правда, с другими местами Земли, то и «корки» Америки не производят сегодня впечатления крайнего оскудения. По-прежнему существует охота, автомобили, как пишут, убивают на дорогах страны за год 30 миллионов разных животных. И все-таки, зная, что заключали в себе «100%» былого богатства, явственно чувствуешь: земля ограблена. Урок поучительный и тревожный.

Эскалатор по-прежнему движется вниз. Ход его повернуть уже невозможно, важно хотя бы притормозить, замедлить угрожающий спуск... Нам показалось, американцы сейчас для этого делают много и энергично. Прежде всего замечаешь уверенность: усилия не напрасны. И в самом деле. Стадо бизонов от критического числа «два десятка го-

лов» сейчас достигло девяти тысяч. Это, конечно, бледная тень могучего некогда племени. Но хорошо уже то, что животным исчезновение не грозит, а 10 тысяч — это предел, больше дикой земли для бизонов уже не осталось. Вернулся к жизни трубящий лебедь. В 1933 году насчитали всего 73 птицы. Сейчас их примерно 4—5 тысяч, и они имеют хорошо защищенные места обитания. Буквально из бездны поднята белая цапля — в 1903 году оставалось всего 18 птиц. Индюшки... Исчезновение им не грозило, но они сохранились лишь в дальних малодоступных районах. Поставили цель расселить их в места, где они обитали когда-то. Со 100 тысяч в 1920 году число птиц сейчас выросло примерно до 20—25 миллионов. Это очень большой успех.

Поучительно вспомнить котиков и каланов. Они тоже были на грани. Однако над безумством — кто больше захватит — возобладали наконец здравый смысл. Россия, Америка, Япония и Канада сумели договориться (в 1911 году) о полном запрете охоты на котиков и каланов. Оба вида животных остались жить. Котик стал объектом разумной охоты, калана можно теперь хотя бы видеть и изучать.

В охране животных полезен опыт и горький и ободряющий. Присматриваясь к американскому механизму «воскрешения из мертвых», нетрудно заметить: многих животных в самый последний момент спасла волна общественного беспокойства о возможной утрате. Этот мощный рычаг приходит в движение, правда, лишь в тот момент, когда «гром уже грянет», и многим рука протянута с опозданием. И все же именно «всеобщее ходатайство» спасло бизона, калана, трубящего лебедя. Как раз перед нашей поездкой под напором общественного мнения конгрессом был принят закон о защите мустангов. Мы видели, с какой радостью принимали американцы известие: хищники — волки, медведи, пумы и россомахи — тоже теперь вне опасности, принят охраняющий их закон.

Необходимо, однако, сказать: сам по себе

закон и накалы страстей по защите животных в условиях нынешних — это только полдела. Все тех же белых журавлей или, скажем, легендарных кондоров спасти можно, только хорошо зная их образ жизни, повадки, питание, зная, что они могут перенести и что их погубит. Тут слово уже за наукой.

Американцы всегда занимались серьезно изучением своих животных. Сейчас особо заметно стремление биологов использовать для работы новейшие достижения техники. Фотокамеры, магнитофоны, локаторы, радиопередатчики, приборы быстрых анализов, звуковые и химические ловушки для насекомых, средства обездвиживания животных и скорой транспортировки, средства учета животных с воздуха стали для зоологов столь же обычными, как, скажем, традиционный сачок и лупа для энтомолога. Иногда для работы арендуются мощные средства оснащения армии (например, локаторы для слежения за ночными пролетами птиц). Даже в космической программе находят «ячейку» и для зоологов. Известен, например, опыт по связи: берлога — космос. Усыпленным медведям укрепляли на теле крошечный передатчик. Пролетающий спутник не только знал точно географию зимних лежек, но получал также и регулярную информацию о состоянии спящих зверей. Можно спорить, много ли это даст для спасения медвежьего рода, однако сама по себе техника эксперимента — наглядное свидетельство новых возможностей зоологии. Крошечный передатчик, вживленный в спину кита, укрепленный на панцирь морской черепахи или даже на теле маленькой птицы, позволяет узнать пути миграции животных, границы их территорий, скорость передвижения, время кормежек, «самочувствие» в разное время суток и многое другое.

Станция, где мы беседуем с доктором Эриксоном, наблюдая тревожную суетню журавлей, — головное учреждение в Соединенных Штатах по защите диких животных. Наш собеседник просит не перепутать: био-

логия как наука — это само собой. Там свои исследовательские центры, институты, лаборатории, экспедиции. Гут же, в сорока километрах от Вашингтона, создано нечто вроде центра спасательной службы. Список с тревожной цифрой «101» — руководство к действию. Белые журавли — лишь один вид в этом списке.

Штаты людей в центре невелики — тринадцать высококвалифицированных ученых, семь постоянных рабочих и десять сезонных. В работах — два направления. Первое — используя весь опыт науки и собственные исследования, дать лучшие рекомендации для спасения тех животных, которые могут выжить в природе. Второе — попытаться спасти хотя бы для жизни в неволе тех, кто в природе уже обречен.

За три часа пребывания в центре глубоко вникнуть в его работу разумеется, было трудно. Однако можно было понять: хлеб понапрасну тут не едят. Пруды, лужайки, вольеры с животными, парк, корпус лабораторий, контора, жилые постройки — все было в полном порядке. В ответ на комплимент доктор Рей Эриксон рассказал, что к моменту создания станции тут был пустырь: «Земля стоила 10 долларов акр. Сейчас каждый акр стоит три с половиной тысячи».

О драматическом списке животных — «101 вид» — было сказано так:

— Ученые делают все, что могут. И делают добросовестно.

Развитие мысли доктора Эриксона в разных вариантах мы потом слышали много раз. Возможно, более четко ее выразил все же Роберт Мак-Кланг: «Человек может жить без китов, медведей, орлов журавлей и овсянок. Его существование от них не зависит. Но если человек станет безразличен к вопросу «живут они или нет?», если не поймет важности их спасения, то человек перестанет быть человеком. Исчезновение наших соседей должно служить предостережением: мы тоже можем исчезнуть».

И короткое послесловие. Прощаясь с доктором Эриксоном, мы спросили: где могут быть журавли в данный момент?

— Они на гнездах, в Канаде.

Немного позже в газетах мы прочитали: «Замечено десять активных гнезд. В них 29 яиц. Ученые ждут большого приплода».

31 декабря, подводя итог важным событиям 1972 года, газета «Нью-Йорк таймс» не забыла и журавлей. Сообщение было грустным — на зимовку в Техас птицы вернулись с большими потерями. «Прибавилось пять молодых журавлей, но исчезло тринадцать старых. Где погибли и от чего? Ответа нет. Это самая большая потеря после 1941 года. Теперь их 51».

Они и в самом деле «на нитке».



почему закопали автомобиль



Студенты университета в Калифорнии /строили показательные похороны... автомобиля. Сложились всем курсом, купили «форд», выкопали могилу, похоронили, а на могилу вместо креста водрузили осиновый кол, да еще и радостно поплясали.

Сам по себе зарытый «форд», конечно, ни в чем виноват не был. За свою короткую жизнь никого не задавил, никого не искалечил. Был он сильным, красивым, послушным, и, когда сходил с конвейера, глаза людей радовались. Ибо не могут не радоваться люди плодам труда своего, изделиям рук своих. Но те же люди, что восхищались им, проклинали его.

Как же все это произошло?

Опустим историю рождения самого первого автомобиля — об этом можно прочитать в энциклопедии. Упомянем только, что первые трехколесные «безлошадные коляски», появившиеся в Европе в конце XVII века, были паровыми, а потом, вплоть до изобретения двигателя внутреннего сгорания, электрическими. Еще сто лет назад автомобиль в Америке был такой редкостью, что в захолустье бродячие цирки показывали его потрясенным ковбоям наряду со слонами и бородатыми женщинами.

В 1908 году начинается эра массового производства автомобилей. На заводе Форда родилась «Модель Т» — «жестяная Лиззи», как вскоре назвали этот простой, по тем временам удобный, надежный и сравнительно недорогой автомобиль. Но самое главное было вот в чем: «Лиззи» сбегала с конвейера через каждые 93 минуты.

Генри Форд-1 был талантливым механиком-самоучкой, предпринимателем с широким размахом и хоро-

шим психологом. Английское слово «tap» можно перевести как «человек» и как «мужчина». Одна из реклам Форда с прямолинейной жесткостью утверждала: «Ты не «tap», если у тебя нет своей собственной «Лиззи». Уже тогда, по словам американского историка Генри Стилла, «обладание автомашиной стало всепоглощающей страстью, которая оказалась сильнее, чем любая религия, и которая не отпускает американца с отрочества до самой смерти».

Шли годы. Поголовье автомобилей росло быстрее, чем население Америки. В 1900 году в стране проживало 76 995 тысяч человек и было 4192 автомобиля. В 1970 году в Америке жило 204 765 тысяч человек и было около 110 миллионов автомобилей.

Расплодившиеся автомобили стали диктовать свою волю людям. Во-первых, они потребовали новых дорог. В 1921 году в США насчитывалось 387 тысяч миль шоссейных дорог. Через двадцать лет длина автострад достигла 1400 тысяч миль. Сегодня — около 4 миллионов миль.

Автомобиль потребовал бензина, резины, металла, запасных частей, обслуживания. Сейчас в США работает свыше 300 тысяч заправочных станций и ремонтных мастерских при них. Нефтяная промышленность скормливает автомобилям 75 миллиардов галлонов горючего ежегодно. На создание автомобилей расходуется четвертая часть всей стали, выплавляемой США, половина всего свинца, 75 процентов резины, 35 процентов цинка. Почти 13 миллионов американцев — каждый шестой трудоспособный — либо работают на автомобильных заводах, либо ремонтируют, заправляют бензином, рекламируют и продают машины. «Приостановите темпы рождаемости автомобилей, — писал в 1970 году журнал «Лайф», — лишите их права мчаться по дорогам со скоростью 70 миль в час, и наше потребительское общество, которое мы так осуждаем и за которое мы тем не менее всячески цепляемся, забуксует и затрещит, как «Апперсон-8» выпуска 1911 года с проткнутыми шинами и протекающим радиатором».

Автомашина сделала американцев мобильными. Она изменила облик американских городов и поселков. Она изменила и самого американца. Отнимите у него автомашину, и он уже не «tap» и тем более не супермен. Он лишен престижа и обречен на осмеяние, он беспомощен и нелеп, как пеший в кавалерийском строю. Мы сами однажды ощутили эту нелепость, когда оставили свою машину у дверей мотеля, совершив пешую вылазку к видневшейся невдалеке закуской. Автомобиль упразднил в этом маленьком городке тротуары, и мы шагали по обочине шоссе, мешая автомобилистам. Некоторые из них притормаживали и с изумлением разглядывали двух странных незнакомцев — невиданное дело! — идущих пешком к закуской, где кофе и бутерброды подаются прямо к машине. Для людей в автомобилях мы были неожиданно возникшей загадкой, мы внушали им подозрение и какую-то подсознательную тревогу.

Тротуары, конечно, ликвидированы не везде. Но что тротуары для какого-нибудь Джона Смита, который из машины не вылезает. На работу (иногда проехать надо добрую сотню миль), в гости, на отдых и за покупками — только в автомобиле!

Частный автомобиль убил городской общественный транспорт. Исчезают с улиц автобусы, троллейбусов нет и в помине. Лишите Джона Смита автомобиля, и он с ужасом обнаружит, что отрезан не только от места работы, но и от магазинов, от друзей, от кинотеатров, от всего мира.

Но в последние годы и за рулем Джон Смит перестал ощущать себя победителем. Каждое утро, торопясь на работу в Нью-Йорк, он прокликает пробки на автострадах, мостах и в туннелях. В часы «пик» заторы на автомобильных дорогах достигают 10—15 миль в длину. Десятки тысяч машин, идущих бампер к бамперу, движутся со скоростью черепах.

Каждый год на шоссейных дорогах страны происходит примерно 16 миллионов несчастных случаев, в результате которых погибают 55—60 тысяч американцев. С 1900 года до

наших дней автомобиль уже убил свыше полутора миллионов граждан США. Это больше, чем потеряла Америка во всех войнах. Автомобильные катастрофы — причина номер один смерти молодых людей в возрасте от 17 до 25 лет.

Вина автомобиля перед человеком не ограничивалась убийствами на дорогах. В Лос-Анджелесе, например, почти 4 миллиона автомобилей, сжигая за сутки 8 миллионов галлонов бензина (больше, чем во всей Франции), ежедневно выбрасывают из выхлопных труб свыше 12 тысяч тонн углеводорода, окиси азота и окиси углерода, чего вполне достаточно для образования постоянного удушливого тумана. И не удивительно: каждое утро в деловой центр Лос-Анджелеса устремляется больше чем 300 тысяч автомобилей, 90 процентов из них — частные автомашины, 79 процентов частных автомобилей везут лишь одного человека — владельца. Дело дошло до того, что власти Лос-Анджелеса объявили конкурс на лучший проект борьбы со смогом. По одному из проектов предполагалось прорыть в городе гигантские туннели, установить в них не менее гигантские вентиляторы и в буквальном смысле отсасывать смог из города и выбрасывать его в ближайшую пустыню. От проекта пришлось отказаться. Вентиляторы потребляли бы такое количество электроэнергии в день, какое десять электростанций производят в год. Другой проект предлагал установить гигантские зеркала, фокусировать в них солнечные лучи и нагревать воздух, чтобы он уносил химические примеси вверх. Но и этот проект не подошел: потребовалась бы такая площадь зеркал, какую занимает весь Лос-Анджелес. Да и тогда полученное тепло не смогло бы проветрить городской воздух.

Фантастические проекты, скажете вы. Но они свидетельствуют о том, насколько серьезно обстоит дело в Лос-Анджелесе. Да если бы только в Лос-Анджелесе! Вот послушайте, что писал журчал «Тайм» еще в 1968 году: «Водители машин, которым никогда в голову не придет мысль совершить самоубийство — соединить шлангом свою кабину с выхлопной

трубой, — часто подвергаются опасности, вдыхая концентрации окиси углерода, скапливающиеся на шоссе, в туннелях и гаражах». Особенно крепкая «настойка» образуется в Лос-Анджелесе, Нью-Йорке, Чикаго, Детройте и других городах с большим населением. И дело к лучшему не идет.

Министерство транспорта США подсчитало, что в 1980 году в стране будет 138 миллионов автомашин, а к 1990 году — 162 миллиона. Сколько окиси углерода добавится в воздух, которым дышат американцы? В Лос-Анджелесе у тех, кто понимает, «чем дело пахнет», эти подсчеты вызывают настоящую панику. Здешний ученый-химик У. Брэй мрачно предсказывает: «Если мы уже сейчас не предпримем серьезных мер, мы обречены на самоуничтожение». «Еще 15—20 лет, — говорит бывший губернатор Калифорнии Браун, — и нас всех угробит это чудовище на четырех колесах».

Как спасти Лос-Анджелес от удушья? Сейчас там рассматривают вопрос о введении карточек на бензин, чтобы как-то ограничить пользование частными автомобилями. Мера эта крутая и, конечно, не всем понравится. Прежде всего нефтяным и автомобильным магнатам, которые — уж будьте уверены! — нажмут на все педали, чтобы все оставить как было. Другая мера, которая сейчас обсуждается в Калифорнии, сформулирована так: «...создать проблемы для людей, совершающих регулярные поездки по городу на собственном автомобиле». Видите, как интересна сформулировано! Уже создать проблему для тех, кто имеет собственный автомобиль! Предполагается, что будет запрещено, даже на короткое время, оставлять машины на центральных улицах города, а также запрещено строить новые коммерческие гаражи и площадки для временной стоянки автомобилей. Эта мера тоже не всем понравится, и в первую очередь компаниям по строительству и эксплуатации гаражей, которые сейчас принимают все усилия, чтобы провалить проект.

Подсчитано, что Лос-Анджелес мог бы в буквальном смысле этого слова вздохнуть с

облегчением, если бы удалось сократить количество автомобилей в центральных районах города на 80 процентов. Но ведь для того, чтобы не нарушилась в этом случае жизнь города, нужен общественный транспорт, а его практически в Лос-Анджелесе не осталось. Последний троллейбус был отправлен на свалку еще десять лет назад. 57 процентов опрошенных жителей города говорят: «Я охотно оставлю свой автомобиль дома и поеду на работу автобусом, но автобус-то где?»

Нет, не случайно мэры американских городов с таким прилежанием изучают опыт работы общественного транспорта в Москве, Ленинграде, Киеве. Многие американцы, с которыми мы встречались в дни путешествия по Америке, говорили: «Мы знаем: скоро и в вашей стране будет много автомобилей. Не повторяйте наших ошибок! Заранее думайте над проблемами, неизбежно идущими следом за автомобилем».

В Америке специалисты лихорадочно ищут сейчас возможность построить автомобиль с «чистым двигателем». Существует много про-

ектов: паровой автомобиль, электрический, с водородным мотором. Однако у каждого из проектов свои недостатки. Решение властей: «Уже в 1975 году запретить выпуск автомобилей с бензиновым мотором и перейти на «чистый двигатель» оказалось поспешным. Энергетический кризис заставил повсюду утроить усилия в поисках нового вида горючего и новых двигателей. Однако искушенные люди говорят: те, кто торгует бензином, не спешат к переменам. Для них смог в Лос-Анджелесе — это 8 миллионов галлонов бензина, помноженные на 60 центов (средняя цена галлона бензина на заправочных станциях США), что дает 4800 тысяч долларов в сутки.

Такова причудливая судьба автомобиля в Америке, где из блага он превратился во зло. Такова диалектика общества, где прогресс в конце концов оборачивается против простого человека. Парни в Калифорнии, устроившие автомобилю показательные похороны, поняли это.



великие озера



Вон они... Один из нас снимает ботинки и, закатав штаны, идет а воду. Все просто и буднично. Вдалеке дымит пароходик. На берегу помятый, брошенный кем-то автомобиль. Женщина с двумя ребятишками удит рыбу...

Об этих больших озерах мы знаем с детства. Их почему-то легко было запомнить. С музыкальной легкостью запоминались на школьных уроках Японские острова: Хондо, Хоккайдо, Сикоку, Кюсю. И эти озера: Гурон, Мичиган, Эри, Онтарио, Верхнее.

Названия озер — это названия племен индейцев, живших в этих местах: гурон, Мичиган, эри, Онтарио. Озеро Верхнее называлось индейцами Гитчи-Гюмо. Все пять озер (а вернее, шесть с маленьким Сента-Клер) прихотью природы собраны в одном месте. Все они связаны. Попав в одно, можно пройти кораблем уже все. Триста пятьдесят лет назад европейцы, впервые узнав эти воды, приняли их за моря. Люди были уверены: «Если плыть все время на запад, путь приведет в Китай».

Великие озера... Озеро Верхнее по размерам уступает лишь Каспию. Меньшее из пяти, Онтарио, больше самого крупного в Европе Ладожского озера. «Третий океан» — так зовут озера американцы. А слово «Великие» означает не только размеры, но и величие, красоту, значение этих вод в жизни людей.

До прихода на материк европейцев Америка была без дорог. По континенту шли только тропы индейцев. Озера стали надежным путем, связавшим многие земли. Лес, хлеб, железо, мясо, рыбу, меха перевозили водю. Позже, когда к Великой водной системе подключили и Миссисипи и когда в обход Ниагарского водопада прорыли ка-

нал, водный путь пронизал всю Америку — от канадского Монреаля до Нового Орлеана.

На берегах озер (их общая протяженность 13 тысяч километров) густо замешена жизнь. 30 миллионов людей валят тут лес, ловят рыбу, сеют хлеб, собирают овощи, яблоки, виноград, добывают руду, перегоняют нефть на бензин, варят сталь, сыры, пиво, изготавливают бумагу, печатают книги, выделывают кожи. Тут самый крупный в мире химический комбинат и самое крупное в мире производство автомобилей. В Чикаго (на Мичигане) и в Порт-Артур (на озере Верхнем), стоящие за тысячу километров от побережья материка, заходят океанские суда, груженные в Сиднее, в Гамбурге, в Сингапуре (а теперь и в портах СССР). 40 процентов дохода сельского хозяйства, добывающей и обрабатывающей промышленности Америка получает в бассейне Великих озер. (У Канады на берегах Онтарио, Эри, Гурона и озера Верхнего сосредоточено 80 процентов всей промышленности!)

Сбегая в океан, озерная вода крутит турбины электростанций. А в последние годы H_2O — вода сама по себе — стала ценнейшим из земных минералов. Тут в озерах сосредоточен самый большой запас пресной воды планеты.

«Сердце Америки», «символ наших просторов», «голубые глаза материка», «пятое чудо», «третий океан»... Наверное, есть и еще много образов для этой единственной в своем роде водной системы. Но сильнее всего звучат два слова: Великие озера.

Мы видели три из Великих озер. Онтарио видели издали со скалы. Вода лежала зеркальная, побеленная дымкой. Позже, двигаясь к западу, обогнули длинный язык Мичигана. Километров триста дорога летела вдоль берега. В машину справа мокрым жгутом врвался озерный ветер. Вода была рядом. Но мы не видели озера. Дубовый и буквый лес, а потом фабричные трубы и разных расцветок дымы сопровождали дорогу. И только возле Чикаго сверкнули густо-синие волны, и сверху открылась даль, рождавшая ветер.

С Эри мы познакомились ближе. Мы подъ-

езжали к нему в городке Эри, возле Кливленда и Толидо, а также в нескольких безмянных местах, где были съезды на берег. Мы побывали в дачных поселках, на заброшенных пляжах с надписью «Не купаться. Вода загрязнена». А в порту Клинтон рискнули покинуть берег. Мы погрузили автомобиль на паром с названием «Янки Клиппер» и заняли место на палубе. Паром ходил между Большой землей и ближайшим островом Путин-бей. Большой американский путеводитель отводил острову несколько слов. «Место для отдыха. Виноделие. Рыбалка. Лучший полигон для стрельбы из винтовки». Местная рекламная карта изображала островок небольшим раем. На ней нарисованы были купальщицы, рыболовы, отягощенные непомерно большой добычей, виноградные кисти, винные бочки, старинный питейный дом и колонна в память победы над англичанами в местных водах. За этим «раем» были еще островки: Южный Басе, Средний Басе, Северный Басе. Карта и там предлагала купание, вино и рыбалку.

С паромной палубы видны были все острова. Они лежали в синеве, как рожицы в поле.

Полдня мы пробыли на острове Путинбей, беседуя с пришлыми рыболовами и старожилами острова. К очередному отплытию «Янки Клиппера» мы поспели, но паром был уже до отказа заполнен автомобилями. Капитан нас узнал, но только развел руками и в рупор посоветовал немедленно ехать еще к одной пристани.

Мы застали другой паромчик, поменьше. И оказалось: он-то нам больше всего подходил — паром посещал острова, лежавшие ближе к границе с Канадой. Неторопливо, несколько часов мы могли наблюдать Эри в таких местах, где озеро больше всего походило на море. Острова выплывали из-за линии горизонта. Несколько крупных чаек преданно провожали паром. Со всех сторон синева. Волны с белыми гребешками. Изредка — всплески рыб... Мы видели Эри в лучшую для него пору. Весеннее половодье наполнило озеро до краев. Вода казалась бездонной и бесконечной. И вечной. А между тем мы плыли по опасно большой воде.

Озера, как люди, могут рождаться и умирать. Правда, жизнь озер может быть и бесконечно большой. Но может быть и короткой. Случалось, на глазах всего нескольких поколений людей озеро зарастало, превращалось в болото. Там, где когда-то сверкала водная гладь, сейчас проходит плуг, шумят леса, под покровом травы лежат пласты торфа. Все озера постепенно стареют. Но у большой и глубокой воды — большая жизнь.

Отцом Великих озер был ледник. Живут озера уже восемнадцать тысяч лет. Они могли бы, наверно, старея очень медленно, прожить и еще сто таких жизней. Но, как и люди, умирают озера не только от старости, но также и от болезней. Одна из болезней — сокращение притока воды. Великим озерам эта беда не грозила — они сами «сдают» излишек воды в океан. Но есть, как теперь оказалось, и другие болезни. И повинен в них человек.

Водная толща Великих озер, казалось, безропотно поглощала потоки отходов интенсивной человеческой деятельности. И вдруг лет тридцать назад появились симптомы бедствия. Встревожились первыми рыбаки. Уловы лососей, всегда тут бывшие очень большими, вдруг начали падать. А в 1950 году в (уроне и Мичигане лососей стали ловить лишь изредка. Вину за это возложили на рыбу миногу. И она была виновата! Некогда миноги приходили нереститься из океана в реку Святого Лаврентия и озеро Онтарио. В другие озера их не пускал водопад на реке Ниагаре. Канал, прорытый для судоходства в обход Ниагары, открыл в озера дорогу одновременно и кораблям, и миногам. Минога питается кровью и соками рыб. Расплодившись в Гуроне и Мичигане, она подкосила, конечно, стадо лососей. На войну со зловерной миногой ушло много денег и времени. Но, оказалось, не только минога опустошала озера. В Мичигане и в Эри от таинственных сил погибали огромные косяки рыб. И появились признаки ускоренного старения одного из озер. Диагноз болезни: катастрофическое загрязнение. Сейчас любой человек, занимающийся проблемами охраны среды, непре-

менно имеет в полке папку с пометкой «Великие озера» — так серьезны для всех уроки этой болезни. Прогнозы ученых, статистика, речи сенаторов, статьи журналистов, полные отчаяния письма людей, подсчеты денег, хроника разного рода бедствий, грустные шутки — таково зеркало, в котором виден больной.

Американцы встревожены. Но бедствие это не тяжкий метеорит, упавший неожиданно-негаданно, не землетрясение, не ураган. Здоровье озер подточено человеком.

Чем загрязнялись (и загрязняются ежедневно и ежечасно) озера? Нет возможности перечислить все, что в них льется. Кислоты. Смолы. Соединения ртути и мышьяка. Отходы нефтяной, бумажной, чугунолитейной и сталелитейной промышленности. Отходы заводов: автомобильных, кожевенных, химических, горно-обогатительных. Тепловое загрязнение. Тысячи тонн смытых с полей удобрений и ядов. Айсберги пены моющих средств. Человеческие фекалии... Вода терпеливо прятала в своих толщах весь этот яд. Миллионы тонн ежегодно! И ноша стала наконец непосильной. Первым не выдержало Эри. Самое мелководное из всей системы озер и гуще других окруженное промышленностью, оно во всех документах и публикациях, страстных речах и мольбах упоминается не иначе, как «мертвое озеро».

Совершенно исчезли лососи. Исчезли многие формы жизни. Вода отравлена или опасно заражена бактериями. В середине лета в хорошо прогретых солнцем местах со dna стеной подымаются водоросли. Водоросли плотным ковром держатся и на поверхности, затрудняя плавание. Это признак ускоренного старения — еврофикации. «Мертвое море», «Саргассово море», «Еще какое-то время, и Эри будет слишком густым, чтобы плавать, и слишком жидким, чтобы пахать». В этих строчках есть доля паники и преувеличения. И все же Эри уже на больничной койке.

Лучшее средство оздоровить воду — немедленно «отключить» все источники загрязнения. Считают, что в этом случае Эри могло бы поправиться лет через десять-пятна-

дцать. Но отравители — мощные компании «Галф ойл», «Форд», «Дюпон», «Бетлхем стил» и тысяча, как считают, разных других предприятий и корпораций не намерены, конечно, свертывать производство. Перестроить же его так, чтобы оно не отравляло озера, — дело не быстрое, иногда просто и невозможное: растущая промышленность опережает все благие усилия.

Чистка великих вод, как подсчитано, обошлась бы в 15 миллиардов долларов. США по договору с Канадой смогли выделить 3 миллиарда (Канада — полмиллиарда). Деньги немалые. Точнее сказать, очень большие. Но даже эта сумма людям, знающим проблему, кажется «полотенцем, которым машут, пытаясь выгнать дым из фабричного цеха».

Мы имели несколько встреч с людьми, которые кормятся у Великих озер, заняты их проблемой по долгу службы или добровольно, не щадя сил, делают все возможное, чтобы спасти Великие воды. Выделим четыре из этих встреч, встречи с четырьмя стариками.

Старик первый. В ведомстве по охране среды он возглавляет отдел контроля за водами. Мы попросились к нему на прием. Он ждал нас и вышел навстречу. Но это не была обычная вежливость, которую мы встречали, имея дело с людьми, занятыми охраной природы. Он вышел из кабинета и остался с нами в «прихожей», среди стука машинок и любопытных глаз. Подозвал секретаршу, кивнул ей сесть. (С двумя коммунистами старик желал беседовать при свидетелях.)

Говоря строго, стариком он еще не был. Сел прямо, излишне прямо, так что на шее натянулся пергамент кожи. Взгляд вызывающий, с полуулыбкой. Таков же тон первых слов.

— Сколько будем беседовать?.. Пять минут, пять часов, пять недель?

Мы объяснили, что хотели проверить газетные публикации о Великих озерах.

— Гм, об озерах... Журналисты, вам ведь известно, много чепухи пишут.

— А ученые и сенаторы?..

— Да, я знаю, вас Эри интересует. Ну так вот, все в порядке на Эри/ Да, да, в порядке. Вчера получил снимки: люди купаются, ловят рыбу...

Мы сказали, что собираемся быть на Эри.

— Ну вот и увидите...

Признавшись в слабых способностях судить о водах «по виду», мы спросили, с кем бы из специалистов он посоветовал там, на озерах, увидеться. Чиновник четверть минуты подумал. По памяти на бумажке написал адрес и телефон.

— Заезжайте в Чикаго. Этот человек все хорошо знает,

— А мистер Хекслер в озерной лаборатории Висконсина?..

— Хекслер... Не знаю. Коммунист, наверное?..

— Артура Хекслера называли нам в госдепартаменте...

Наступило неловкое молчание. Секретарша натянуто улыбалась. Высокий чиновник взялся искать на столе какую-то книжку.

В блокноты записывать было нечего. Мы вежливо поднялись. Старик почувствовал: его оборона против двух коммунистов была слишком глухой. Постукивая палкой, он сказал:

— Вообще-то дела серьезные. Америке на до сейчас на разные чистки миллиардов сто пятьдесят... Если промедлим — тратить придется больше...

Старик второй. Имя — Чарльз Мо-лер. Возраст — 77. Рыбак по профессии. Мы встретили старика на берегу Эри. Он был занят работой, и мы, не желая его прерывать, сели возле воды в сторонке. Старик с кем-то переговаривался. Мы не сразу поняли, что разговор шел с озером. С возрастом люди приобретают привычки говорить с собаками, лошадьми, с полем, с часами. Тут молчаливым собеседником человека была вода. Старик ворчал. Дело его, однако, хорошо ладилось. Он доставал из кармана мякиш белого хлеба, поплевав на него, делал лепешку и прижимал ее пальцами к середине рыболовного «паука». Потом пять-шесть шагов в воду. Высокие, прикрепленные к поясу са-

поги и плотная куртка оберегали рыбака от брызг. На минуту снасть погружалась в воду. Потом фигура, высокая, как колодезный журавель, поднимала на шесте снасть, и было видно: в сетке трепещет мелкая рыба. Совсем мелкая. Старик брал ковшик, черпал рыбешку и высыпал ее в баки, стоявшие в кузове грузовика. Когда вся тара была заполнена, старик накрыл баки пластиком и, отряхнув брызги с одежды, полез в кабину. Мы сочли подходящим момент познакомиться. Но старик торопился.

— Рыба умрет, — кивнул он наверх. — Через десять минут вернусь...

Через десять минут он вернулся. И мы присели рядом на берегу.

Шестьдесят лет Чарльз Молер занят своим маленьким делом — ловит малька для наживки и продает рыбакам.

— Шестьдесят лет. Видите тропку к воде? И там вон тропка, и еще одна. Это вся моя жизнь... Пятнадцать центов за дюжину. Иные сразу берут штук сто или двести. А в дождь рыба дохнет, некому покупать... Так незаметно состарился вот тут, на этом месте, на берегу..

— Ну а озеро.. Оно изменилось?

— Озеро? — Старик вздохнул...

Мы повторили вопрос, полагая, что старик промолчал по рассеянности. Нет. Старик ясно все понимал.

— Изменилось ли озеро? Разве мало об этом сейчас говорят? Ну и я мог бы сказать кое-что. А зачем? Какой прок? К лучшему поворота не будет...

Распрощались мы все же по-дружески. Мы сказали, откуда приехали и что не ради праздного любопытства интересуемся жизнью воды. Старик стал внимательным:

— Да, да У вас ведь тоже большие озера. Я слышал...

Мы ожидали вопросов. Но старик дорожил временем и поднял успешную высохшую сетку.

— Сегодня погода. Могут быть рыбаки. Извините меня, джентльмены...

Третий старик. В очках. Высокий. С обветренным красным лицом... В зубах си-

гарка. Он вышел из трейлера, приветливо улыбаясь. Но улыбка была истрочена попусту — мы не были клиентами, каких старик ожидал... Проехав длинную полосу берега, мы всюду видели или заборчик, или надпись: «Частная собственность». Отчаявшись где-нибудь подобраться к воде, мы наконец увидели место без загородки и упреждающей надписи — лужок и на нем чей-то походный вагончик. Облегченно вздохнув, мы свернули к воде. Увы, и этот лоскут земли был владением частным. Старик Джон Домброуз был хозяином берега. Хозяином маленьким — два гектара всего земли. Но берег кормил старика и старуху. (Лужок сдается под стоянку домиков на колесах — два с половиной доллара за ночь.)

Убедившись, что мы не намерены бросить якорь в его владениях, старик Домброуз, посмеиваясь, выяснял, злостно или незлостно мы решились нарушить частную собственность. Наша растерянность пришлась ему по душе. Старик не только пустил нас к воде, но показал два гектара земли, свой трейлер, четыре лодки и старый колокол. Между делом мы узнали, что был старик фермером, что рано состарился — «днем пахал землю, а ночью возил на озеро рыбаков», теперь пашню бросил, а купил кусок берега. «Выгоднее — каменистые земли тут мало рожают». Колокол, каким созывали на обед с поля, теперь поставлен на берегу. Им подают сигнал рыбакам.

— Убытков не терпите? Озеро, пишут, стало не то...

Старик засопел:

— Пишут... Мертвое озеро, пишут. Ну какое же мертвое?! Можно купаться. И рыба есть. Слышите?..

По тихой молочно-синей воде расходились круги, вдалеке маячили лодки с удильщиками.

— А рыбой они довольны?

Этим вопросом старик был поставлен в трудное положение. Возле берега, прямо под колоколом и у нас возле ног плавали крупные мертвые рыбы.

— Кто доволен, кто нет, — ответил старик

уклончиво. — Есть такие, что поймают и выкинут...

— Отчего же?

— А черт их знает!

Старик хорошо знал, отчего дохнет рыба и почему улов бросают за борт. Но мы не сделали даже попытки продолжить вопросы. Это было бы грубым вторжением в тайны коммерции. А коммерция в том состояла, что старик ждал на берег клиентов. Статьи в газетах и разговоры о «мертвом Эри» ставили под удар маленький бизнес Домброуза. Эта же опасность грозила и «маленькому бизнесу» старика Чарльза Молера. Грозила доходам владельцев пансионата супругам Тэйлорам. Копнув поглубже эту сторону дела, *мы увидели* те, кто, казалось, был ближе других заинтересован в спасении озера, не хотели и слышать о всяких бедах. Владельцы пляжей, лодочных станций, пансионатов, клочков берега для стоянки, владельцы кафе, апельсиновых садов, маленькой самолетной компании, все, чей доход зависел от притока сюда людей, объединились под лозунгом. «Эри живо и чувствует себя прекрасно!» Эту надпись мы увидели на листке, приклеенном к бамперу нашей машины, на дорожных щитах, в листовках, которые вместе с картой давали нам на заправочных станциях, на самих картах, на салфетках в закусочной. Супруги Тэйлоры прикрепили к нашим рубашкам большие значки «Эри живо!». Было смешно и грустно наблюдать суету «малькового бизнеса». Потоп завтра был ему менее страшен, чем потеря дохода, пусть небольшого, сегодня.

Как защищает свои интересы в этом районе бизнес большой, можно было только догадываться. Завеса из заклинаний «Эри живо!» душителям Эри, конечно, на руку. Но большие доходы защищают не только салфетками и значками. «Крупные компании без колебаний используют экономическое и политическое давление, чтобы избежать траты на контроль за стоками своих предприятий... Они угрожают переместить капиталы, пугают появлением безработицы...» (журнал «Пост»), Отравители рангом поменьше, когда обще-

ственное мнение насаждает на них, действуют так, как очень часто в Америке действуют. Энтузиаст-эколог Роберт Весли (штат Мичиган) на третий день после убийства Роберта Кеннеди получил коротенькое письмо: «Помни, что тебя зовут тоже Роберт». Эколог считает, что письмо написал один из владельцев кожевенного завода, закрытия которого он, Весли, усиленно добивался.

Знает об этом старик Домброуз? Скорее всего не знает. Он и не хочет ничего знать. Ему, Домброузу, надо очень немного: к полосе берега в два гектара пусть подъезжают машины, с каждой — два с половиной доллара за ночь... А дохлую рыбу можно сачком доставать из воды и закапывать.

Старик четвертый. Артур Хекслер. Крупный ученый-лиминолог (занят проблемами жизни озер). Доктор. Профессор. Предан своей науке Неутомимый путешественник. Знает «в лицо» многие озера Земли. Был и у нас на Байкале. На Великих озерах — сорок лет, с 1932 года. Знает их, «как свое собственное жилье». Любит озера, «особенно Верхнее». Судьба озера тревожит его, возможно, больше любого другого человека в Соединенных Штатах.

Мы встретились с доктором Хекслером в городе Мадисоне (штат Висконсин) в озерной лаборатории. Лаборатория хорошо финансируется (500 тысяч долларов в год), оснащена новейшим оборудованием. Двадцать пять молодых ученых и три известных биолога на «подопытном» озере Мендота наблюдают и специально моделируют процессы, происходящие в замкнутых водах при воздействии разных факторов.

В отличие от многих сотрудников лаборатории, занятых биопланктоном, моллюсками, рыбами, водорослями, доктор Хекслер изучает озера как целый живой организм. В некотором роде это «земский доктор», знающий больше и глубже любого узкого специалиста. Человек Артур Хекслер тоже напомнил нам чеховских докторов, с неким, возможно, более энергичным, американским оттенком в характере, но те же внимательность, доброта, уважение к собеседнику. «Вы

уже ели?», «Где поставлена ваша машина?» (Помощнику: «Распорядитесь наклеить гостевой знак».)

Нам показали все, что было полезно знать для понимания дела: экспериментальных рыб в подогретой воде, оборудование лаборатории, акваланги, лодки, печатные труды и само озеро Мендота. Объяснял, что к чему, сам доктор Хекслер. Когда обход кончился, он сказал: «А теперь сядем. Спрашивайте». О Великих озерах доктор знал все, что доступно сегодня для специалиста, глубоко заинтересованного в их судьбе.

Приводим наши вопросы и ответы на них доктора Хекслера.

— Надо ли верить многочисленным публикациям об озерах? Что значит термин «мертвое озеро», если в нем живет рыба и если на вид стороннему человеку озеро может казаться здоровым?

— То, что пишут о Великих озерах, к сожалению, правда. Угроза очень серьезная. Излишек эмоций в печати есть. Но я считаю это полезным — чем больше людей знают проблему, тем лучше. Мертвое озеро... Так говорят об Эри. Сейчас, в мае, действительно странны эти слова. В конце лета картина изменится. Появятся поля водорослей. На мелководьях будут и неприятные запахи. Купаться в озере, исключая несколько мест, пока не опасно... Да, многие виды живых организмов исчезли. Это, однако, не значит, что жизнь замерла вовсе. Просто на смену одним появились другие, менее прихотливые, более приспособленные к загрязнению...

— О рыбах...

— На рыбах это как раз хорошо видно. Наши озера славились рыбами ценными: сиг, кумжа, форель, американский осетр, щука. Увы, в Эри этих рыб уже нет. Вместо них появились корюшка, сом, сазан. Промышленный лов прекратился. Удильщики ловят, но брезгают новой рыбой — поймал и выбросил, Каприз этот, я думаю, скоро пройдет.

— Надо ли считать, что эти «новые рыбы» бесконечно долго могут терпеть загрязнение?

— Нет, конечно... Разного рода фабричные

стоки и эту рыбу могут убить и делают ее негодной для пищи. Но дело не только ведь в загрязнении. Идет старение озера. На дно опускается масса веществ, удобряющих землю. Идет бурный рост водорослей. Водоросли, сгнивая, поглощают кислород. Этот процесс нарастает. В перспективе там, где водились лососи, могут остаться только лягушки.

— Остановлен процесс угасания Эри в результате первых усилий?

— Нет. Пока что нет... И заботы, надо признать, прибавляются. На Мичигане в ближайшее время будет построено семь атомных станций. Мы выясняем, как озерная фауна перенесет новый вид загрязнения — тепло

вое.

— Когда болезнь была обнаружена со всей очевидностью?

— В 1950 году ученые уже хорошо знали о ней и предсказывали картину развития. Они не ошиблись.

— Пишут, что точка, с которой возможен возврат, уже пройдена?

— Мы обязаны быть оптимистами, иначе работа лишается смысла. Увидеть озера, как кими увидел я их в 1932 году, теперь уже вряд ли возможно. Но сделать все, нам по сильное, для спасения вод мы обязаны. Для Америки этот вопрос намного важнее, чем высадка на Луну, Я уверен, многие так считают.

Такова судьба самых крупных запасов пресной воды на Земле — «третьего океана». Драма великих вод — это плата Америки по безмолвному, но неизбежному счету природы. Это плата за сомнительные ценности безудержного производства, за сверхприбыли, за бездумно алчное желание брать, брать... Оптимисты считают: «Дело можно поправить». Пессимисты — «Битва проиграна». Есть и грустная золотая середина во мнениях. На вопрос: «Можно ли спасти озера?» — говорят так: «Может быть...»





Было у нас по Америке пешее путешествие. Небольшое, правда, почти символическое...

В Вашингтоне есть клуб знаменитой туристской тропы, идущей по хребту Аппалачских гор, тропы длиной в 3300 километров. В клубе мы попросили совет: где лучше провести день? Нам сразу сказали: район реки Шенандоа. Нашелся и спутник — активный участник клуба, работник госдепартамента Джек Туи. Обычно Джек ездит в горы с двумя сыновьями. Но он сказал, что готов оставить своих сорванцов и отправиться с нами.

Майское воскресенье. После столичной жары тут, в горах, прохладно. Моросит дождик. Лес буровато-зеленый — только-только лопнули почки. Запах черемухи, молодой травы, прелых слежавшихся листьев... Десять минут над картой — изучение троп и дорог. И вот мы у цели — Аппалачская тропа! Стоим у столбика с буквами «АТ» и цинковым ободком, по которому выбита краткая информация для идущих. Метров двести — еще один столбик. Развилка — опять тот же знак. Сбиться нельзя. От столбика к столбику по хребту Аппалачей можно пройти четырнадцать штатов.

Аппалачи — древние горы, примерно такие же, как Уральский хребет. Возможно, на Севере они на Урал и похожи, но тут, в Шенандоа (район лежит южнее Ташкента и Бухары), горы совсем не суровые. Поросшие лесом хребты. Один за другим уходят они в пространство, синевя и растворяясь в дымке.

Дождь перестал. Из долин подымается пар. Подсвеченный солнцем, пропитанный запахом зелени майский туман. В него и сбегает с гребня тропа. Опускаемся как в молоко. Прохладная сырость и тишина. Слыш-



пешком по штатам



но, где-то по каменистому ложу гремит вода. Лес смыкается прямо над головой — цветущие дикие яблони, ели, черемуха, ива. Тропа тут мягкая от опавших иголок и листьев. Дрозды и пурпурные кардиналы порхают в ветках.

На поляне первые встречные.

— Хеллоу! С горы Катадин?

— Да, сэр, оттуда, — принимают шутку на шего спутника парень и девушка.

Гора Катадин — это начало тропы на севере США, в штате Мэн, более тысячи километров от этого места.

— А вот они из России...

Это тоже принимают за шутку.

Наши первые встречные — школьники, брат и сестра. У них двухдневное путешествие по тропе. Пока беседуем, на поляне появляются еще три ходока. Идут, правда, двое. Третьему чуть больше года, он сидит в полотняном мешочке-седле, ноги болтаются, руки запущены к папе в прическу. Мама несет рюкзак У этих маршрут — один день. Раньше папа и мама ходили помногу. Теперь, с «живым рюкзаком», — один день, «но и то хорошо, не изменяем заведенному правилу — отдыхать только тут, на тропе».

Поднявшись на новый гребень, встречаем двух хайкеров (пешеходов) в полной боевой выкладке: рюкзаки, большие круглые фляги, бинокли, ножи, топорик. Слегка помяты, нечесаны, но совершенно счастливы, пожалуй, даже слегка во хмелю от ходьбы. Идут восьмой день. Осилили двести километров. Пройдут еще пятьдесят — и домой, в Вашингтон! Это студенты-историки Рей Слак и Дэнис Мартин. После взаимной съемки, примерки мешков, угощения водой — робкий вопрос:

— А у вас там, в России, тоже есть хайкеры?...

Прощаемся дружелюбно, с поворота тропы машем друг другу...

Привал! Тропа прошла под карнизом нависших камней и спустилась к ручью. Аккуратный трехстенный бревенчатый дом. Перед домом тяжелый стол, очаг, туалет. Домики-шелтеры (убежища и места для ночлега) стоят друг от друга на расстоянии дневного пе-

рехода. Ничего, кроме двухъярусных нар и крючков для одежды, тут нет. Дверей тоже, просто проем в стенке с видом на заросшую травкой ложину. Домик пропитан запахом старого дыма. На бревнах соединенные крестиком имена: «Джони + Марта», «Боб Дан + + Кэти». Год, число, месяц. Судя по этим датам, домик стоит на тропе уже года четыре.

Для любителей оставлять о себе память в укромном месте на маленькой полке лежит тетрадка из плотной бумаги. Это нечто вроде бортового журнала тропы. Можно просто отметить — ночевал такой-то, можно сказать, что компания из пяти человек ела не фабричный обед, а приготовила нечто вкусное из черники и теста, испеченного на костре. Можно похвастаться, сколько прошел по тропе километров, изругать предыдущих ночлежников за неубранный мусор. Некий Том Келлер сообщает с восторгом: «Еноты ночью сожрали запасы еды, и теперь придется оставить тропу».

Пока мы обходим приют, Джек готовит обед. Его рюкзак, содержимое рюкзака, а также способ приготовления еды стоят внимания.

Рюкзак... В отличие от наших походных мешков он имеет каркас из алюминиевых трубок. В результате двадцать килограммов груза по спине Джека распределяются равномерно, а не висят исключительно на плечах. Ремни рюкзака в том месте, где они упираются в плечи, сильно расширены и подбиты упругим пластиком. Рюкзак имеет как бы три этажа. В верхней части крепится спальный мешок, внизу — палатка, середина — для всякой всячины

Посмотрим теперь, что Джек достал из мешка... Маленькая, с папиросный коробок, печка, баночка топлива (ацетон), три алюминиевые миски, ложки, салфетки, жестянка растворимого кофе, галеты и прозрачный пакет порошка — «цыпленок с картошкой». Мы застали момент, когда Джек, обезвредив воду какой-то таблеткой, сыпал в нее «цыпленка с картошкой».

Утверждать, что желтая клейкая масса очень вкусна, даже из вежливости было нельзя.

За столом в доме тарелку с подобной едой оставишь нетронутой. Но тут, на тропе, слопаешь что угодно. Во всяком случае, миски наши почти не нуждались в мытье. И если уж говорить о разного рода изготовленных для туристов порошковых омлетах, гуляшах, индейках с горохом, говядине с овощами, то есть у них одно большое достоинство: они ничего не весят — в рюкзаке Джека уместился бы месячный провиант. А те, кто носит рюкзак, да еще на дальние расстояния, знают, что это значит.

Пьем кофе. Сжигаем на маленьком костерке все, что может сгореть, а что не горит, Джек собирает в рюкзак. Одно из правил тропы: «распаковался — упакуйся», ничего не должно остаться после тебя.

До самого вечера тропа то подымает нас вверх — открывает панораму хребтов, го опускает в низины, тихие и прохладные. На одной из полян находим домик из бревен и дикого камня с трубою, окнами и дверями. Это тоже уют, но кое с какими удобствами — камин, кровати с матрацами, лампа, посуда, топор, пила. Случайный путник сюда не зайдет. За три недели надо сделать заказ, внести плату (два доллара в сутки), сюда приезжают на несколько дней. День бродят в горах, а вечером собираются у огня. Спрос на такие приюты очень велик. И ясно, что в первую очередь попадают в избушки члены клуба тропы. Однако за привилегию надо платить трудом — поддерживать на тропе чистоту, чинить переходы через ручьи, расчищать завалы камней и деревьев, следить за порядком в приютах, подновлять указатели. Эту работу исполняют, однако, охотно и считают ее почетной.

Домик, к которому привела нас тропа, был на замке — заказчики, видимо, не явились. Мокрый лужок у дома пестрел цветами. В траве неслышно тек ключ, большая птица глядела на воду со старой ольхи. На сучке висел оброненный кем-то картузик с пластмассовым козырьком. А столбик с пометкой «АТ» напоминал: мы на тропе.

На запад и на восток справа и слева от Аппалачей и прямо на склонах гор лежали

районы плотно населенной Америки — автомобили, пашни, дома, заводы, шум и бензиновый смрад. Тут же по гребням струилась ниточка тишины, заповедник для пешеходов. Сверившись с картой, мы поспешили засветло выйти к асфальту и найти способ добраться к своим машинам.

Если хайкера назовете туристом, он оскорбится. (Примерно так же к слову турист у нас относятся альпинисты.) Турист в Америке — это тот, кто путешествует на машине, в автобусе, в самолете, на пароходе, на яхте. А хайкер — это ходок. Он гордится, что обходится без бензина, что весь свой багаж несет на спине. Зачислим его, однако, в общую массу людей, подвижных, жадных до впечатлений, заполнивших сейчас тропинки, дорожки, дороги и бездорожье Земли. Где находится эпицентр знаменитого «взрыва туризма», вряд ли кто-нибудь скажет. Туризм повсюду — явление века. Что представляет собой это явление в Америке?

Попытавшись найти ответ на этот вопрос, мы вдруг почувствовали себя муравьями, которым надо обследовать и описать огромных размеров ветвистое дерево. В Америке это дерево выросло после войны, главным образом в 50—60-е годы, и продолжает ветвиться. Плоды с него, обратите внимание, приносят в год 55 миллиардов долларов. Чтобы яснее ощутить значительность этой цифры, скажем: по доходам туризм далеко позади оставил, например, мощную нефтедобывающую промышленность и в огромной многоотраслевой экономической машине США занимает третье (I) место после промышленной индустрии и сельского хозяйства. Лишь на питание американцы тратят сейчас больше, чем на разного рода поездки.

Чтобы иметь хоть какое-нибудь представление об этом удивительном феномене, утром, после путешествия по тропе мы отправились в бюро компании «Discover America» («Открывай Америку»). Принимая нас весьма ответственный, занятой человек (начинался туристский сезон) Ральф Данфорд.

Он ведет огромное дело, но и сам, конечно, тоже турист, несколько раз ездил в нашу страну. Вот что могли мы понять после часа беседы с Ральфом Данфордом и после того, как окунулись на пять недель в поток «открывавших Америку».

Раньше представление о туризме американец связывал с путешествием в Старый Свет, то есть в Европу. Это была мечта для многих. Осуществляли эту мечту только богатые. Теперь в Европу (а также в Азию, Африку) ездят значительно больше американцев — индустрия туризма удешевила странствия. Однако с возраставшим год от года потоком из Америки плыли деньги, и, как показали подсчеты, очень большие. Вот тогда появилась идея «открыть Америку заново».

Нельзя сказать, что американцы до этого вовсе не интересовались своей страной. Туристские пути в национальные парки, на Ниагару, к местам сражений гражданской войны, в музеи Вашингтона и Линкольна существовали давно. Но подлинная индустрия туризма зародилась после войны.

— Мы соблазняем путешествовать почти каждого взрослого американца, — улыбается Ральф Дакфорд. — 93 процента из всех людей, имеющих отпуск, отправляются путешествовать. В выгоде все, ветер для всех оказался попутным.

Это действительно так. Государство, обернув своих граждан «лицом к Америке», прикрутило тем самым вентиль большого оттока долларов за рубеж и к тому же способствовало росту патриотизма американцев. Путешественник в самом деле заново открывал свою землю и, кроме того, имел возможность хотя бы ненадолго вырваться из нестерпимой тесноты городов, подышать чистым воздухом.

Но самое главное — прибыли! Без этого двигателя громадный механизм индустрии остался бы неподвижным. Сейчас это четко отлаженная система. Прибыли текут и каплют во все карманы, в большие и маленькие. Заводы по производству автомобилей, дорожные, авиационные и нефтяные компании, владельцы мотелей, заправочных станций, ресторанов и супермаркетов (универсамов) получа-

ют тем больше доходов, чем скорее вертится колесо путешественника. Продавцы и производители туристского снаряжения, одежды, фотокамер и пленки, путеводителей, географических книг, открыток, молока, специальной еды и питья для туристов, производители средств от загара и средств от moskitov, таблеток для очистки воды, древесного угля, льда, темных очков и так далее — все берут свою долю. К каждому листику на древе индустрии туризма по стволу идет сок.

Мы попросили мистера Данфорда показать список членов компании «Открывай Америку». В нем было 700 фамилий и названий крупнейших фирм, корпораций, объединений, кровно заинтересованных в раскручивании «колеса». Но мистер Данфорд считает, что возможности далеко не исчерпаны. Среди брошюрок, проспектов, листов «советов туристу», в числе карт и маршрутов, расписанных по часам, попало и обращение к бизнесменам, еще не охваченным индустрией. Солидный проспект на ярко-желтой плотной бумаге. Разъяснения откровенны и предельно ясны: «Большие новые доллары для вас!.. Путешественник приблизился к двери. Побуждайте его войти и наблюдайте, как растут ваши прибыли!» Затем дается много советов, где, что и как надо выставить, каким образом надо заманить, не отпугнуть, увлечь, соблазнить открывателя Америки и заставить сдвинуться с места тех, кто пока еще не поднял паруса. «Наличные! Получайте их сейчас же!» — таков конечный призыв документа.

Что касается управления массой текущих по стране путешественников, то стратегия, как мы поняли, состоит сейчас в том, чтобы разгрузить сколько можно очаги наибольшего притяжения — Йеллоустонский парк, Диснейленд, Рошу секвой, Большой Каньон, Эверглейдс, Ниагару, города — Вашингтон и Нью-Йорк. Сюда едут и без рекламы. Задача компании — направить движение не столько в артерии (уже вздувшиеся от избытка давления), а в капилляры — привлечь внимание ко всему, что может сколько-нибудь заинтересовать путешественника. При разработке маршрутов на учет взято все: памятник старины,

живописный пейзаж, водопад, музеичик старых автомобилей, пещера, древняя тропа индейцев, мост, поле битвы, причудливый камень, место для ловли рыбы, памятник, пляж, дом знаменитости, брошенный городок, старая шахта, место убийства Кеннеди и даже гнездо скопы...

Чтобы легче было нанизывать этот бисер на нитки маршрутов, все пространство Америки разбито на девять туристских зон, получивших цветистые титулы: «Страна Великих Озер», «Земля Джорджа Вашингтона», «Восточные ворота», «Новая Англия», «Юг», «Граница Запада», «Старый Запад», «Дальний Запад», «Острова».

Автомобиль — краеугольный камень всей индустрии туризма. Эта главная шестеренка вертит весь механизм. Прокладка маршрутов, строительство кемпингов, дорог и мотелей, все экономические расчеты строятся на том, что 90 процентов путешествий в Америке совершается в автомобиле.

Нынешний лагерь туристов — это прежде всего лагерь автомобилей. Тут может стоять и палатка, но возле палатки непременно автомобиль. А чаще палатку заменяет жилой прицеп, или сам автомобиль оборудован так, что ты в нем едешь, а стал на прикол — можно жить. Прикол (кемпинг) — это нечто вроде стоянки для дач на колесах. К твоей площадке подводят воду, канализацию, тут может быть душ, прачечная, холодильник со льдом, лавочка первых необходимостей. По данным ведомства мистера Данфорда, в Соединенных Штатах 150 тысяч кемпингов частных и государственных. Они, естественно, платные.

Мы посетили пять таких лагерей. Главное впечатление, как это ни покажется странным, — чрезмерность удобств. Временами кажется, что человек упивается набором всего, что привез сюда из города на колесах. Весь городок автомобилей, палаток, прицепов слегка напоминает ярмарку тщеславия. И мы вполне понимаем ребят-ходовоков с рюкзаками, которые морщились при слове кемпинг.

У этих «пристаней на природе» есть, однако, достоинство, которое следует взять на

заметку. Они сохраняют природу от «потравы автомобилями». Только тут, на приколе, на отведенной тебе площадке, ты можешь поставить машину.

Существует, однако, в Америке и проблема опасного вездеходства. В последние годы промышленность усиленно выпускает разного рода новинки повышенной проходимости — вездеходы, пустынеходы, болотоходы, дюноходы, снегоходы, сверхлегкие самолеты и вертолеты, суда на воздушной подушке. Техника эта находит широкий спрос — кто не соблазнится проникнуть в малодоступный мир болот, снегов и пустынь! Но что будет с хрупкой жизнью этих районов? Вчера еще защищенная недоступностью, завтра она будет растоптана грозной моторизованной любознательностью. Понимают ли это в Америке? Понимают. Но защитникам природы противостоят все те же «700 компаньонов» — открывай Америку, гони деньги! И хотя три четверти всей территории США — частная собственность, куда не пустят не только с мотором, но даже босого, джинн вездеходства опасен, вернуть в бутылку его непросто. И это тоже надо взять на заметку.

Механизм американской индустрии туризма громаден. В беглых заметках коснуться каждой из «шестеренок» почти невозможно. Но даже невооруженным глазом видно: туризм — это мощный рычаг экономики. Туризм влияет на образ жизни американца, на его представление о мире и о своей стране, туризм помогает решать проблемы здоровья, проблемы свободного времени и занятости людей. Охрана среды непосредственно связана с миграцией массы людей. Туризм влияет на формы хозяйственной деятельности, коммуникации, использование земли...

Немаловажный вопрос: всем ли доступно «открытие Америки»? Короткий ответ таков: всем, кто может платить. Стандарты жизни в Америке высоки. Отпуск с дальней поездкой может позволить себе средней руки чиновник, квалифицированный рабочий. Но вот лежащее на виду, заметное без каких-либо исследований явление. По мере удаления от восточного побережья на запад перестает

встречать негров. У Ниагары их еще видишь, но в туристском водовороте Йеллоустонского парка — Мекке всех путешественников — негров встречаешь не чаще, чем в Москве «а улице Горького. Большинству негров открывать Америку не на что. К этому же числу «неподвижных» людей относится официально признанная беднота (восемь процентов населения США). И хотя бедность в Америке — это не бедность, например, Индии, паруса путешествий шьются все же не из однодолларовых бумажек. И потому большие пространства Америки для некоторых ограничены продымленным жилым кварталом, в лучшем случае островком зелени где-нибудь на краю города. И есть люди, для которых открытие Америки — это мучительный поиск работы.

«Всякому свое», — сказал бы на это мистер Ральф Данфорд. Но разговор не коснулся людей, «не имеющих паруса». Для компании «Открывай Америку» эти люди просто не существуют.

Не существуют практически для компании и хайкеры-пешеходы. На вопрос об этих туристах Данфорд снисходительно улыбнулся:

— Ими не занимаемся...

Мы даже не стали спрашивать — почему? Компания доит корову, которая доится. А что возмут «700 компаньонов» с туриста, у которого в рюкзаке зажигалка, баночка кофе, пакет «цыпленка с картошкой», а сам рюкзак, единожды купленный, служит полжизни. Об Аппалачской тропе представитель компании знал только то, что она есть и что это «национальная гордость Америки». Об остальном он посоветовал справиться у самих хай-керов. Так мы снова попали в круг пешеходов.

Президент Потомакского клуба Аппалачской тропы готовит на плитке фирменное блюдо «луба — поджаренный сыр. За этой нехитрой закуской мы и ведем беседу. Эдварду Гарвею за пятьдесят. Много лет он работал бухгалтером, сейчас служащий магазина туристского снаряжения. Президентство в клубе

(на нашем языке — общественная работа Гарвея) — его страсть и, можно сказать, главное содержание жизни. Он прекрасно знает тропу, потому что прошел ее от начала и до конца.

С помощью Гарвея окинем взглядом это необычное географическое понятие — пешеходную тропу на тысячи километров. Идея ее родилась в самом начале этого века, когда цивилизация запрудила пространства с запада и востока от Аппалачей и начала подниматься вверх по горам. Вершина хребта оставалась еще не тронутой человеком, и лесничий Бентон Маккей предложил учредить нечто вроде заповедника для пешеходов — проложить тропу через все Аппалачи. Если бы по Америке можно было ходить где вздумалось, идею лесничего вряд бы заметили. Но на плотно освоенных землях восточной части страны всюду сидели частники. Гребешок гор оставался почти единственным местом для дальнего пешего путешествия. К тому же более живописной тропы невозможно было придумать. Энтузиасты взялись за прокладку ее.

Кое-что было уже готово — на многих участках Аппалачи давно освоены пешеходами, — но большую часть маршрута тропили заново. По трудоемкости это, конечно, не прокладка шоссе, но хлопоты были все же немалые. Старались использовать звериные и охотничьи тропы, лесные просеки, участки «великой военной тропы индейцев». На крутых каменных склонах прорубали тропу-карниз. К 1922 году пешеходная нитка от штата Мэн на северо-западе до конца Аппалачей на юго-востоке в Джорджии была готова. И сразу же сделалась любимым местом для ходоков и любопытным географическим явлением.

Тропа пересекает четырнадцать штатов, два национальных парка и восемь лесных заповедников. Проходит она по разным природным зонам страны. На севере — хвойный дремучий лес и озера в каменном ложе («почти скандинавский пейзаж»). На юге — кудрявая зелень жаркого пояса. На тропе есть подъемы, завалы камней и осыпи, где, по словам

Гарвея, надо быть горным козлом. И есть пологие склоны с мягкой травой, доступные детям и старикам. Можно назвать вместе с тропическим пеклом и участки, где ледяной ветер достигает ста метров в секунду, а снег выпадает двадцатиметровым пластом.

Но самое главное состоит в том, что на этой дорожке идущий чувствует себя наедине с нетронутой дикой природой. Рядом — справа и слева — разлито море человеческой деятельности. Но волны ее лишь изредка забегают на заповедную жилку. Пешеходу трудно поверить, что он идет по самой населенной части Америки (по обе стороны Аппалачей живет 120 миллионов людей). Тропа иногда вьется по фермерским землям, можно с тропы увидеть поселок, бывает, на коротком участке ее съезжает шоссе, и только колышек с буквами «АТ» сигнализирует путнику: одно усилие — и ты снова увидишь дорожку шириною в полтора метра.

Человеческая деятельность выжимает снизу к тропе животных. Тут, вблизи пешеходов, они чувствуют себя в безопасности и даже пытаются поживиться кое-чем из туристского рюкзака. Гарвей рассказывает, самое крупное приключение у него было с лосем: «Проснулся в шелтере, а в проеме стены — большая рогатая голова».

От тропы на всем протяжении ответвляются узкие тропы к ручьям, в тайники леса, к площадкам, с которых открываются панорамы горных земель.

Тропа обжита пешеходами. Колоритные названия мест: «Птичья скала», «Ущелье старой кобылы», «Водопад молочный», «Поляна индейцев», привалы «Шабаш» и «Духовка» — свидетельство того, что ходок с рюкзаком — всегда очарованный странник. Фантазия, шутки и приключения — главные его спутники.

Пешеходы стали и главными опекунами Аппалачской тропы. Объединенные в 100 клубов (самый многочисленный из них Потомакский клуб в Вашингтоне — 1700 человек), энтузиасты-добровольцы поддерживают на тропе порядок, борются за упрочение убежища пешего путешественника. Самой большой победой считают закон федерального прави-

тельства, объявивший в 1968 году тропу заповедником. Это оградило ее от готовой сомкнуться над Аппалачами цивилизации. На расстоянии в полтора километра справа и слева запрещается что-либо строить. На расстоянии шестидесяти метров от тропы нельзя рубить лес. Остается, однако, проблема, с которой в условиях Соединенных Штатов справиться нелегко, — треть тропы проходит по частным землям...

Тут мы чуть-чуть отвлечемся от разговора с Гарвеем и еще раз припомним: три четверти территории США — частная собственность. А если учесть, что четверть пространства, «принадлежащего всем», — пустыни Запада и Аляска, то станет понятно: в заселенной части Америки земли — почти сплошь частные.

Колючая проволока, известная ныне по всему миру, — американское изобретение. Ковбой Джеймс Глидден взял на нее патент в 1847 году, и, кажется, ни одно новшество не утверждалось с такой быстротой, как это. Сейчас колючий барьер — надежная гарантия от всяких недоразумений. Частная собственность — это частная собственность. Надо ли объяснять, почему американцы так дорожат полоской земли в Аппалачах, почему тропа перегружена ходоками и какого рода конфликты появляются там, где дорожка, сужаясь до полуметра, проходит по частной земле.

— Воюем и не сдаемся. Ни в одном месте нить не должна обрываться, — горячо говорит Гарвей.

У владельцев земли, однако, свои интересы. «Во многих местах появились бульдозеры, — сообщает не выступающая по пустякам «Нью-Йорк Таймс». — Один из хозяев на границе участка повесил таблицу: тропа закрыта». Но пешеходы полны решимости выиграть эту войну. Им просто некуда отступать.

В Америке, правда, есть пешеходные тропы в национальных парках. По федеральным землям в Скалистых горах и на западном побережье проходят Континентальная и Тихоокеанская тропы. Но далековато ехать туда с Востока, чтобы пройти пешком...

В конце беседы мы попросили Гарвея рас-

сказать о тех, кто прошел тропу от начала и до конца. Энтузиастов оказалось около сотни. Все они занесены в особый почетный список, который продолжает расти. Первым (в 1936 году) прошел тропу Мирон Эвери. Нешуточная дистанция — 3300 километров — оказалась по силам тринадцатилетнему мальчугану Марку Боеру и восьмидесятилетнему старику Фредерику Лурину. Некая бабушка Эмма Гейтвуд (65 лет), пройдя тропу один раз, сочла, что этого мало. Пошла второй раз. Два ходока (Гарнет Мартин и Эльмер Онстог) известны тем, что всю дорогу не принимали горячей пищи, ели изюм и орехи. Есть человек, который осилил тропу зимой. Самый быстрый ходок — Брэдли Оуэн. Он делал за сутки в среднем по сорок семь километров и кончил поход за семьдесят дней. Все это дань особой любви к разного рода рекордам.

Сам Гарвей прошел тропу за 158 дней. («Питался из рюкзака — вес его был 25 килограммов. Двигался с юга на север. Вышел в апреле, пришел в сентябре. Сносил две пары ботинок и похудел на семь килограммов. Встречал много людей и много животных. На одном из привалов хищные птицы пикировали на стол и хватали еду из-под рук».)

Эдвард Гарвей вел аккуратно дневник и написал о своем путешествии книжку. Мы получили ее в подарок вместе с вышитыми нарукавными эмблемами «АТ». В конце беседы шел разговор о туризме у нас, в Советском Союзе, о маршрутах для пешеходов, о лесах Подмосковья. Можно ли было предполагать, что через год мы увидимся с Гарве-

ем, и не где-нибудь, а на тропе под Москвой!

А вышло именно так. Перед открытием выставки «Туризм и отдых в США» один из нас получил от спутника на тропе Джека Туи письмо. Он сообщал: «На выставке будет работать Гарвей. Выбери воскресенье, покажи ему Подмосковье».

Найти Гарвея на выставке было нетрудно. Толпе любопытных он показывал пешеходное снаряжение: «Ровно минута, и палатка готова!» На шнурочке у его стенда лежала знакомая книга «Аппалачская тропа».

Вечер вместе с Гарвеем мы провели в гостях у журнала «Турист», встретились с нашими ходоками по Заполярью, по Камчатке, Сибири, Уралу, Кавказу. А утром отправились в пешее путешествие... Этот день в Подмосковье для седовласого ходока, надеемся, был столь же памятным, как и для нас символическое пешее путешествие по Америке. Мы проходили по тихим полянам и лесным зарослям, по мосткам и по бревнам переходили ручьи и речку. Обедали у костра. У деревни Кончеево шел сенокос. Гость из Америки попросил грабли и подтвердил, что детство провел на ферме. В крайний дом мы зашли попросить воды. Но хозяйева, узнав, в чем дело, поставили самовар, достали соленых грибов, воскресные пироги... К шоссе мы вышли в сумерки.

— Ну вот, — сказал Гарвей, — для меня Аппалачская тропа стала теперь на тридцать километров длиннее.

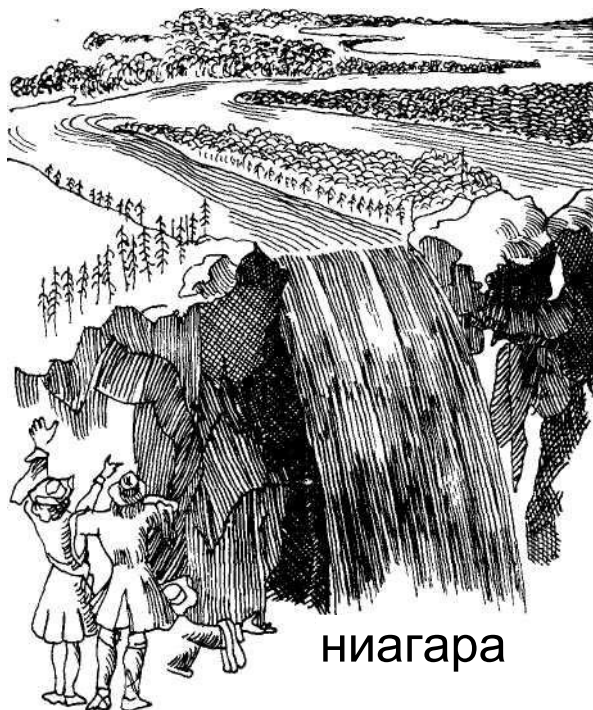
Мы колебались: захватить или сберечь один день для чего-то другого? Ниагара — место истоптанное. По опыту знаешь: открытие безымянного ручейка, текущего в зарослях тайно и незаметно, трогает чувства сильнее, чем обнаженное для толпы зрелище.

И все же Ниагара... У нас-то читатель не видел половодья открыток с видом на водопад. Вот пихоны, скажет читатель, были в ста километрах и не захвали. Предвидя упрек, мы решили: заедем.

Городок Ниагара-Фоле. Весь он похож на огромную пасеку. Ульи-мотели наставлены густо один к одному. Медосбор идет круглый год. Но лето, конечно, лучшее время. Дорога в Ниагара-Фоле забита автомобилями. Владельцы мотелей улыбочивы и приветливы — городок кормится водопадом. Мед оседает в бочках туристских компаний, владельцев мотелей и ресторанов. Но пахнет в Ниагара-Фолсе вовсе не медом. Где-то поблизости химические заводы...

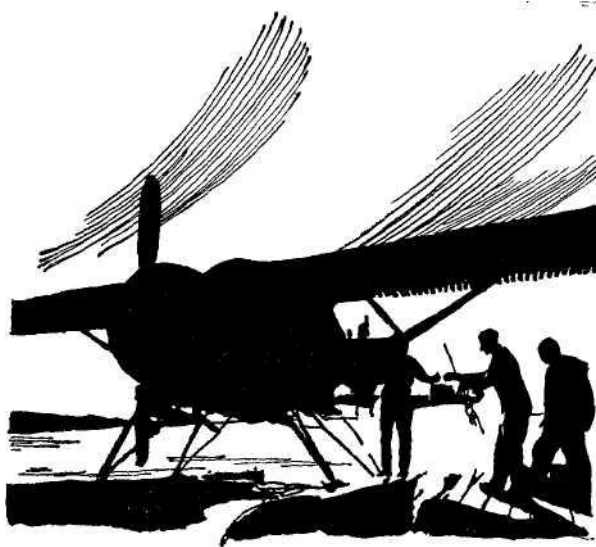
— Ветер сегодня как раз оттуда... — Швейцар в отеле шутиливо зажимает свой нос — ничего, мол, не сделаешь, вы приехали и уедете, а я каждый день.

У нас номер на шестом этаже «с видом на Ниагару». Ставим чемоданы. Отодвигаем шторы. Ниагары не видно. Видно стоянку автомобилей, высоковольтные мачты, мотели, сплетенье дорог. Рядом с отелем возле уютного домика — огород. Чучело в огороде для отгона скворцов, одолевающих, как видно, зелень на помидорных грядках. А рядом большая труба. Огромная кирпичная труба с буквами, выложенными при кладке: «Прачечная Уолкера».



ниагара

175



За трубой что-то парит. Но выясняется: к стирке белья этот пар отношения не имеет. Клубятся брызги над водопадом. Слышен гул. Утверждают, что ровный, спокойный гул слышно за двадцать километров от Ниагары. Это замечено было, как видно, давно, возможно, еще при индейцах племени ирокезов, назвавших водопад «Ниагаре» — «Большой шум». В то время соперником «Большого шума» были разве что птицы. Сейчас гул реки уже за милю от водопада сливается с гулом автомобилей.

«Прачечная Уолкера» — это рубеж, по который туристские фирмы, скупая за очень большие деньги землю в окрестностях водопада, оттеснили старый, не очень красивый город от берега. Намечено постепенно все в Ниагара-Фолсе подчинить только туризму. Сейчас геометрия аккуратных дорожек, газонов и металлических изгородей подводит туриста прямо к шумящей воде...

Чувствуешь на лице влагу, еще не видя реки. Три десятка шагов на пологий холм — и вот она, Ниагара... Молчание. Так встречаются с водопадом. Даже очень шумливые из туристов тут умолкают. Водопад невозможно перекричать. К тому же минут на десять люди просто лишаются дара речи, увидев это величие.

Пестрое половодье людей. Вертолет с наиболее любопытными и богатыми кружится над рекой. Скамейки на берегу. Дремлют старики и старушки. Малыши ползают по траве. Подростки носятся по асфальту на велосипедах. Вверх по течению пробуют счастья два рыбака. Молчаливо молится негр, сидя на зеленой лужайке сзади толпы. Жмутся друг к другу парочки. Молчаливо стоят восемь бирманских монахов в желтой одежде. Щелкают фотокамеры... Водопада суета людей не касается. Он делает свое дело, как и тысячу лет назад, когда лишь пироги индейцев изредка подплывали к стремнине. Индейцы считали водопад божеством. В лодках, увитых цветами, к водопаду они посылали жертву — самых красивых девушек.

Вода Ниагары срывается с высоты семнадцатизэтажного дома. Зеленоватого цвета по-

ток вблизи водопада несется быстро, вскипает пеной на гребнях камней, как травинки, качает подмытые вербы, дубки и сосны. Как веревки, змеются в воде корни деревьев. Плот или лодка, оказавшись на этой стремнине, обречены.

На видном месте висит спасательный круг с надписью: «Бросишь без надобности — год тюрьмы». Круг с веревкой приготовлен на случай, если чья-то лодка сверху вышла из под контроля или кто-то сорвался в воду. Такое бывает. В 1960 году неожиданно сдал мотор на лодке некоего Джеймса Хоникотта, катавшего двух ребятишек. Джеймс Хоникотт утонул еще на подходе к обрыву, а двух ребятишек понесло вниз. Девочку удалось выхватить из потока в нескольких метрах от водопада, а семилетний ее братишка Роджер Вудворт у всех на глазах скрылся в пене обрыва... Мальчик остался жив.

Равнодушная ко всему, льется вода. У обрыва она вскипает гребешками бурунов. На самой кромке шестиметровая толща зеленовато-прозрачна. Но, ринувшись вниз, вода вспухает, становится белой. Стена водопада извилисто тянется на километр с лишним. И весь этот белый грохочущий фронт окутан мельчайшими брызгами, светится радугой. Из-под обрыва поток, разбитый падением, размолотый на камнях, вырывается пенистым молоком. Но метров сто ниже — и Ниагара стихает. Вода темнеет. Тесный каньон не дает ей разлиться. Глубокая узкая потемневшая Ниагара течет в Онтарио. Где-то ниже она еще раз вскипит на порогах. Но тут, после прыжка, река отдыхает.

Вот по ней к водопаду упорно, медленно плывет катеришко. На борту люди, одетые в черное. Это один из способов получить особенно острые ощущения. Туристам выдается непромокаемая одежда с капюшоном. Похожая на шествие монахов толпа занимает палубу «Девы тумана» (так называется катеришко). И «Дева» осторожно подводит туристов к белой стене. Сверху хорошо видно: катер достиг предела. Скорлупка с людьми окутана брызгами. Минуты борьбы с течением, и «Дева тумана» медленно отступает. На кате-

ришке флаг с кленовым листом. Это вылазка из Канады.

Канада рядом, на другом берегу. Видно людей, автомобили, постройки. По стометровой вышке, похожей на гриб с тонкой высокой ножкой, оранжевой божьей коровкой ползает лифт. Это устройство — глянуть на водопад сверху. У Америки тоже есть башня — пониже, попроще, без ресторана, но водопад с башни хорошо виден. Виден муравейник людей, заполнивших берег. Виден зеленый кудрявый остров, разделяющий воду на два рукава. Водопадов фактически тоже два — американский и канадский. Над канадским тумана побольше — основная масса воды изливается там. Но живописней, пожалуй, обрыв воды правого русла: именно тут больше всего туристы расходуют пленки, и все открытки славят именно это место...

Посмотрим на Ниагару глазами географа. Эта река, так же как наша Нева, коротка. Как и Нева, Ниагара не имеет родниковых истоков — это водный рукав между большими озерами. Но Нева спокойна и глубока, Ниагара же катится вниз (из Эри в Онтарио) по порожистой каменной горке. Высота горки — сто метров. Половина понижения сравнительно плавная, а потом сразу обрыв. Поток воды в Ниагаре всегда постоянен — река несет к океану избыток воды из Великих озер. Все, что приносит весеннее половодье, вся вода бесчисленных речек, переполнив озера, льется из них только одним рукавом. В этом смысле Ниагару можно сравнить с Ангарой.

Запас энергии Ниагары огромен. И река крутит, конечно, турбины. Несколько крупных электростанций (канадских и американских) питают льнущую к Ниагаре алюминиевую, химическую, пластмассовую промышленность, снабжают энергией обширные районы Великих озер. Одна гидростанция расположена чуть ниже водопада. Ее не сразу и замечаешь: так искусно спрятана в берег. Плотина тут не нужна, вода к турбинам льется по пробитым в камне туннелям. До строи-

тельства гидростанций в нашей стране Ниагарская ГЭС считалась в мире самой большой — 2200 тысяч киловатт. Эту мощность сегодня превосходят несколько наших станций, а Красноярская ГЭС (6 миллионов киловатт) превосходит почти в три раза. Потребность в энергии приозерных районов выше-того, что могут дать все турбины, подключенные к Ниагаре. Но принят закон, разрешающий отводить гидростанции лишь 27 процентов воды. Остальная вода оставлена водопаду.

Водопад признан неповторимой природной ценностью. Паломничество к Ниагаре дает доход, превышающий стоимость электричества. Но энергия все же нужна. И ее «воруют» у водопада ночами, когда туристы растекаются по мотелям. Есть уже предложения брать воду (в том месте, где «кража» не будет слишком заметной) также и днем. Как далеко зайдут притязания энергетиков, трудно сказать. Пока же водопад вполне полнокровен.

У водопада есть природная слабость. Он медленно подгрызает уступ, с которого низвергается. Понемногу грызет — от нескольких сантиметров до полуметра в год. Со дня рождения водопад «съел» одиннадцать километров верхнего ложа реки. До озера Эри он доберется не скоро, но он потихоньку уходит от нынешних наблюдательных пунктов. Кроме того, возможны обвалы, от которых потеряется красота, — вода не будет падать отвесно вниз. В 1971 году такая угроза возникла. Решено было немедленно «ставить водопад на ремонт». Воду пустили в канадское русло. Обнаженную часть тщательно осмотрели. Из лучших сортов бетона сделали пломбы. «О'кэй, — сказали ремонтники, — можно пускать!» Водопад опять заработал.

По мощности ниагарский прыжок воды уступает двум самым крупным водопадам Земли: водопаду Сети-Кедас на реке Паране в Южной Америке и водопаду Кон на Меконге в Лаосе. Однако третий в великой тройке — это тоже немало. Пять с половиной тысяч кубических метров воды в секунду —

такая сила у Ниагары. Если же говорить об известности, то Ниагара — это звезда. В сравнении с ней Сети-Кедас и Кон мало кому известны. Шестнадцать миллионов туристов в год бывают на Ниагаре. Этот человеческий водопад, конечно же, превращает природное чудо в некий аттракцион. Но можно ли этого избежать в наше время, когда туристы забрались уже в Антарктиду? Чудеса, лет двести назад доступные только смелым землепроходцам, сегодня видят бабушки с внуками и все, кому пожелается.

Ниагаре и водопаду на ней примерно 9 тысяч лет. Европейцы увидели водопад в XVII веке. 150 лет назад тут появилась первая гостиница, и, видимо, это время надо считать истоком туристского половодья. Одной из забав богатых людей было пускать по реке отслужившие баржи и корабли. Толпа зевак наблюдала, как судно скорлупкой валилось вниз и как из пены внизу выплывали перемолотые водой и камнями обломки.

Музей Ниагары хранит реликвии «покорения водопада» авантюристами, смельчаками, искателями популярности, чудаками. Таких людей всюду полно, но в Америке, где слава, пусть и скандальная, приносит деньги, охотников покорять Ниагару было отменно много. Первопроходцем был, однако, француз, знаменитый акробат Блонден. По канату на высоте сорока пяти метров он прошел из Канады в Америку. Балансируя на канате, акробат пил шампанское, зажарил и съел яичницу, проехал по канату на велосипеде, толкая впереди еще тачку, и даже прошел... на ходулях.

Итальянец Баллини (тоже канатоходец) оказался не столь удачливым. Он оступился и с высоты в пятьдесят метров полетел в воду. В те годы моментальная фотография только-только рождалась. В музее хранится шедевр репортажа — раскоряченный человек летит с неба в пучину... Но жив остался канатоходец! Шансы остаться живым, даже при неудаче, подстегнули испытать счастье даже не очень искусных канатоходцев. Стив Пир стал первой жертвой...

«Эпоха канатоходцев» на Ниагаре смени-

лась «эпохой бочек». Тут мастерства и не требовалось. Избыток смелости, желание прославиться влекли сюда много людей. В музее висят их портреты. Тут же рядом — корабли-бочки. Они хранятся как дорогие реликвии. Дубовая бочка. Похожий на окурочку помятый железный цилиндр. Резиновый шар с арматурой. В них залезали люди. Несколько водопад пощадил. Другим поломал кости. Многим жажда прославиться стоила жизни.

До сих пор, несмотря на запреты властей, энтузиасты «покорить водопад» все еще есть. С помощью вертолетов их ловят на подходе к обрыву. Но прорываются! Один из последних экспонатов музея — «орех» из металла, обтянутый пластиком. Пассажиром «ореха» был некий Уильям Фицджеральд...

Таков человеческий цирк у равнодушно шумящей воды. На глазах у природы трюкачество всегда коробит. Но особенно неприятно, когда саму природу наряжают в цирковые одежды. Между тем с водопадом поступают именно так... Как только над Ниагарой сгустились сумерки, с высоты канадского берега по воде ударили светом. Полтора миллиарда свечей! Специальной конструкции прожекторы освещают каскады воды малиновым светом. Минута — фиолетовый свет... Ярко-желтый... Слово «шикарно» точнее всего определяет этот эффект. Что там бочка в волнах! Весь водопад выглядит трюком в постановке не пожалевшего средств режиссера...

Последний листок в ниагарском блокноте к водопаду прямого отношения не имеет...

В Вашингтоне, в госдепартаменте, нам сказали: «Зайдете в отель — сразу спросите письмо. В нем будет адрес. Звоните — вас встретят». Кто встретит? Зачем? Ясно, *мы* не поняли.

Мы спросили письмо в отеле. Усталая после ночного дежурства, насквозь синтетическая блондинка письмо для нас на полочке с буквой «Р» не нашла. Ну нет так и нет. Мы отправились к водопаду и побывали до вечера всюду, где полагается побывать. В отель вернулись, еле волоча ноги. Вручая нам ключ,

блондинка кому-то кивнула, и мы оказались в плену у маленькой, но энергичной женщины.

— Тысячу извинений! Получилось недоразумение. Я вас потом караулила целый день...Нет, нет, никаких разговоров — в автомобиль!

Женщину звали Милена. Полностью: Милена Попович Силог.

— Гречанка?

— Нет, югославка, американская югославка...

Остаток дня мы провели с Миленой. Осмотрели окрестности водопада, старый форт на берегу Онтарио и в конце концов попали на домашний обед.

Обряд гостеприимства был обозначен двумя букетами почти подмосковных ромашек и пожеланием «быть как дома». Потом в просторную комнату вошел маленький старичок с деревянным подносом. Старичок был из той породы людей, которых очень любят внучата и которые сами любят внучат. Но дети в доме не гомонили. Запас стариковской нежности был обращен к двум гостям. Мы узнали, что в нашу честь испечен сегодня домашний хлеб и открыта бутылка сливовицы... Старику было семьдесят девять. Старик приехал в Америку из Югославии. Дочь Милена родилась тут

В середине застолья, уловив подходящий момент, мы задали Милене Силог вопрос:

— Чему мы обязаны?..

— О, очень просто! — засмеялась Милена. — В один прекрасный день, горя желанием хотя бы раз в жизни увидеть отцовскую Югославию, я угодила в некую кабалу ..

Милена соблазнилась побывать в Европе. («Полет от Ниагары до Калифорнии стоит дороже».)

— Поездка была счастливой. Но только позже я в который раз поняла: за все в жизни надо платить.

Путешествие превратило Милену в добровольца «Общества по гостеприимству». Такие общества есть во многих местах Америки, куда приезжают «знатные иностранцы». Гостей надо встретить, помочь сориентироваться, пригласить к домашнему очагу Госдепартамент дает знать: едут такие-то. На месте руководители общества решают, кто должен гостя встречать. Немца встречают местные немцы. Англичанина — англичане. Мы тоже, как видно, попавшие в список «знатных гостей», оказались в объятиях славян... Такова индустрия гостеприимства, характерная для Америки, где все запрограммировано, расфасовано, снабжено ярлычком и рассчитано по часам. В такой системе гостеприимства можно усмотреть слабости, кое-что может даже и покоробить. Но все дело, как видно, в том, на какого хозяина повезет гостю и каким окажется гость для хозяина.

— Милена, это, наверное, тяжелая ноша?

— Ну что вы! Сначала я, правда, перепугалась... А теперь просто рада, что все так случилось. Все время новые люди. Ну скажите, разве сегодня нам плохо тут за столом?..

И, правда. Из вавилонской толчеи у Ниагарского водопада мы уезжали с чувством, что неожиданно встретили тут друзей.



«зеленый квадрат»



Есть на карте Америки зеленый квадрат. С разных сторон к нему тянутся жилки дорог. И на нашей зеленой нитке маршрута квадратик висит половинкой костяшки от домино. Название месту: Йеллоустонский парк.

Слово «парк» нельзя толковать применительно к нашим понятиям. Квадратик на карте — это площадь земли примерно 100 X 100 километров. Место расположения парка — северо-запад Америки, на стыке трех штатов (Монтаны, Айдахо, Вайоминга), в середине Скалистых гор. По широте — наш Крым, но для американца это холодный север. Горы. Снег тут с октября до середины июня. «Столица туризма», «жемчужина Америки», «лучший национальный парк на земле» — так величают американцы «зеленый квадрат»...

Границу Йелоустона пересекаем в полночь. Будка, где собирают плату за въезд, пуста. Однако шлагбаум открыт. Тихо, почти что ощупью, едем по коридору между высоких черных деревьев. Огорока снега в рост человека смутно белеют по сторонам. В полном соответствии с картой через тридцать минут езды лес по левую руку исчез, и при свете звезд мы увидели мглистую даль с огоньком. Дорога пошла вдоль озера. И тут первое приключение. Из темноты справа вдруг кто-то грузно шагнул. В свете фар сверкнули зеленым светом два глаза. Резко затормозили... Огромный лось неторопливой тенью пошел вдоль берега по воде. Мы глянули друг на друга: а если бы скорость не двадцать, а сорок миль?..

Огонек был местом ночлега. В рубленном из вековых елей, просторном, как ангар, доме горел камин. За стойкой перебирала бумажки напудренная и накрахмаленная

старушка. Мы назвали себя, сказали, что пять дней назад заказали по телефону... Старушка заглянула на полку и сразу же протянула нам пачку брошюр, газету и ключ.

Слегка поплутав в темноте по городку из одинаковых «кабинов», мы разыскали свой домик 73. В нем было все, что мы нашли бы в хорошей гостинице. Но, сверх всего, на спинке одной из кроватей, под картиной, изображавшей спелые груши, сидел полосатый маленький бурундук. Живой. Любопытный. Мы аж присвистнули: вот это сервис! Выше не прыгнешь — «отдельный номер с бурундуком», знаете, мол, что находитесь в заповеднике. Но в парке девять тысяч таких, как наш, номеров для ночлега. Девять тысяч бурундуков? Вряд ли... Небоязливый проказник юркнул сюда, как видно, во время уборки. Мы открыли пошире дверь. И бурундук сразу понял, где ему следует ночевать.

На сон грядущий развернули брошюры и карты. На них зеленый квадрат был уже не с костяшку от домино, а занимал всю метровую ширь листа. В этом масштабе выступали соблазнительные подробности земли, название которой — Йеллоустон — переводилось неожиданно просто: «Желтый камень». Газета, врученная нам старушкой, тоже называлась «Йеллоустон». Прямо под заголовком крупными буквами было написано: «Газета выходит один раз в сто лет». Мы приехали в юбилейный год. Парк отмечал круглую дату...

Во второй половине прошлого века, когда доступные земли Америки были почти полностью поделены, оставались земли в горах не только не застолбленные, но даже еще нехоженые. И вот охотники за бобрами (они всюду шли первыми) стали приносить вести, что есть-де земля, «куда страшно и заходить». Сейчас вспоминают, первым белым человеком, увидевшим Йеллоустон (в 1807 году), был Джон Кольтер. Рассказам его никто не поверил — «бедняга слишком долго был в одиночестве». Но и потом, полвека спустя, рассказы охотников были один фантастичнее другого: «Река течет так быстро, что нагре-

ваются камни на дне». «Лес — каменный, трава — каменная». «Рыбу поймал, тут же рядом опускай в кипящую воду — ужин готов». «Фонтаны горячей воды бьют выше леса».

В 1871 году в горы послали официальную экспедицию — «положить конец выдумкам или их подтвердить». Экспедиция (в ней был и фотограф) поняла, что видит сокровище. Так ли было или не так, но пишут, что у костра пошел разговор: как распорядиться открытием, еще никем не застолбленным? Предложено было поделить землю. И это было бы делом обычным — даже открыватель пещеры в то время становился ее собственником. Но нашелся человек (это был некий Густав Доан), который сказал: «Нет. Частной собственностью это не должно стать!» Как видно, в экспедиции были люди, умевшие глянуть вперед. Они не только согласились с Доаном, но горячо взялись пропагандировать мысль о создании в Америке уголка «для удовольствия и радости». К ним прислушались. В 1872 году специальным законом был создан первый в мире заповедник «Йеллоустонский национальный парк».

Уже в первые годы тысячи дилижансов устремились в Йеллоустон. «Пошаливали индейцы», понявшие, что и отсюда, из гор, белые люди их вытеснят. Нападали на дилижансы бандиты. Но туристский «ручей» уже побежал в Скалистые горы. Правда, надо было еще зазывать, уговаривать (турист по привычке ехал в Европу). Газета, «выходящая в сто лет один раз», приводит рекламу тех лет: «Патриоты Америки! В этом году — не в Европу! В Йеллоустон!» А сегодня какую рекламу мы только не видели по дороге. Но только не рекламу Йеллоустона! Туристские реки текут сюда без рекламного побуждения. Текут из Америки и Европы. Два с половиной миллиона туристов в год. И если учесть, что река не течет равномерно, а разливается половодьем в сезон отпусков (июнь — август), то стоит ли удивляться, что в «природном театре», даже образцово организованном (девять тысяч благоустроенных номеров для ночлега, две с половиной тысячи кемпингов для палаток), места все-таки не хватает.

Утро. Мир после ночи сияет красками ранней весны. Синее небо. Сиреневый строй деревьев. Крутая зелень хвои. Застывшие ручейки из-под снежных пластов. Незнакомая птица чешет клювом синие перья. На припек выползли погреться из муравейника муравьи. Пахнет подогретой смолой. Капель с плоской крыши. Последние числа мая. Но тут апрель, и в самом зачатке. Под соснами снег колюч. Автомобиль наш белый от инея. Пробуем заводить. Завелся. Но тут же смолк. Время дорого. Бежим к телефонной будке и подаем «SOS». Через пять минут ровно подкатил красный аварийный грузовичок. Веселый парень сказал: «Гуд мониторинг!» Не спросив, в чем дело, сразу полез в мотор и тут же крикнул: «Пробуйте!»

Завелось...

— Десятый случай за утро. Машина чувствует высоту. Три тысячи метров — воздух тонок...

Парень отозвался по рации и сейчас же умчался спасать кого-то еще от кислородного голодания.

Описывать по порядку все, что увидели за день, дело невыполнимое. Природа тут сдвинула в кучу уйму диковинок. Озеро?.. Есть. Огромное, чистое! Горы?.. Самых причудливых очертаний, разного цвета, поросшие лесом, со снегами и без снегов. Лес?.. Нехоженный, нетронутый, непроглядный, главным образом хвойный — сосна и ель. Ручьи и реки? Ими питается озеро. А избыток прозрачной холодной воды уносит из озера речка Йеллоустон. Течет она поначалу в низких болотистых берегах, где можно увидеть лося, достающего из воды корм, наблюдать уток и лебедей, слышать плеск рыбы. Ниже река обрывается водопадом, высотой превосходящим обрыв Ниагары. А дальше — каньон, узкая желтая щель глубиной в три сотни метров. Реку сверху, с края каньона, видишь тоненьким пенным ручейком...

Что же в этом музее природы открыто для глаз? Это важно подчеркнуть: «открыто для глаз» — большинство посетителей видят лишь то, что лежит у дороги. Правда, дорога мимо «шедевров» музея как раз и проложе-

на. Мамонтовыми ключами названы гигантских размеров натечки солей. Теплые воды вынесли их на поверхность, и они застыли огромной перламутровой лестницей, твердым искрящимся водопадом. А рядом лужайки, болота, поросшие красными ивняками, сверкают блюдца озер... Смена ландшафтов, разного рода сюрпризы природы, частые встречи с животными в самом деле создают ощущение, что ты в музее, что все тут сдвинуто в кучу на забаву и удивление.

И мы ведь еще не сказали о самом главном, о гейзерах. Без гейзеров парк при многих своих достоинствах вряд ли имел бы столь много славы. Парят гейзеры по всему парку. Но есть площадка в Йеллоустоне, где гейзерам тесновато. Они, соревнуясь друг с другом, украшают синее небо султанами пара. Это особое место. (Мы непременно сделаем там остановку.) Но и вся земля парка еще не остыла после гигантской ломки, трясений, вулканических взрывов, какие были тут пятьдесят миллионов лет назад. Расплавленная магма подходит в Йеллоустоне к земной коре местами ближе чем на два километра. Подземные воды (а их тут обилие) кипят, рвутся наружу, и по всему парку — на склоне горы, в глубине леса, у ледяной кромки озера — клубится пар. Весь парк, если глянуть с места повыше, — в белых султанах. В одном месте подземный пар прорвался наружу прямо посередине асфальтовой трассы. Место бережно огорожено. Сделан съезд, чтобы можно было заснять свистящую белую струйку. Снимаешь с забавным чувством: «Под асфальтом лопнули трубы, и надо бы звать ремонтников».

Есть места, где теплые воды образуют самых разных цветов озера. Вода бирюзовая, а дно у озер красное, ярко-желтое, цвета медного купороса. Окрасили дно бактерии, живущие почти в кипятке...

На 10—15 минут выходят туристы из автомобиля, следуя предписаниям на дороге: «Лучшая точка для обозрения», «Тут можно сделать хорошие снимки», «Место для отдыха». Задержаться в месте непредусмотренном не всегда можно — сзади сотня, а то и две-

сти автомобилей. Мы ехали в день, когда, по сводке, в парке находилось пять тысяч автомашин, Медведей, которые нам попадались, мы снимали без особых помех. Но когда в парке одновременно собирается 25 тысяч автомобилей, ты будешь пленником на дороге. Правда, служба в парке безукоризненно четкая. Штат работников (более тысячи человек) дело знает отлично. Одни «отгоняют медведей от людей или людей от медведей». Другие дают информацию, сопровождают экскурсии, наблюдают порядок. Третьи убирают мусор, предупреждают дорожные пробки. В двадцати пунктах (на карте они отмечены рисунком широкополой шляпы) расположены станции рэйнджеров — особой охраны парка. Любой инцидент между человеком и зверем, между человеком и человеком, между природой и человеком — рэйнджер тут как тут. Машина «скисла» — ее сейчас же отбуксируют в сторону. А ведь надо еще прорву людей накормить, обеспечить ночлегом, врачебной помощью, сувенирами, обеспечить автомобилями и бензином. Для этого в парке есть еще одна служба, и тоже немалая (3 тысячи человек). Это уже мир коммерции. Парк отдан ему в концессию. И, понятное дело, коммерция делает все, чтобы деньги туристов осели тут, в заводах парка.

В Йеллоустоне работают шесть ученых-биологов. Трое наблюдают млекопитающих, один ботаник и два ихтиолога — рыба в здешних водах обильна.

Два, иногда три дня тратит американец на осмотр парка, приезжая сюда нередко с дальнего Юга. Конечно, он видит только «главную экспозицию» Йеллоустона. «Запасники», помеченные на карте пунктирами пешеходных троп, мало кого волнуют. Два дня — и биография человека становится полноценной: видел Йеллоустон!

Но есть люди, которых тянет с большой дороги. Одного мы встретили, когда сами, оставив машину в укромном местечке, спустились к ручью. Поравнявшись с нами, хайкер приветливо поздоровался, скинул рюкзак, пригоршней плеснул воды на лицо:

— Жарко сегодня.

Штаны у парня были разодраны, из кармана торчал помятый картуз. От рыжей копны волос вился парок.

— Пешком?

— Восьмой день на ногах.

— Кое-что видели?

— Кое-что видел...

Лесными тайнами парень был переполнен.

— Медведей видели?

— Видел... Хотите, угощу рыбой?.. Сам пой мал, руками. Варил в ключе (вопросительный взгляд в нашу сторону: верим или не верим?).

Четыре форельки, обернутые фольгой, в самом деле хранили сернистый запах природного кипятка...

Парень признался, что «шел, минуя законные тропы, и ставил палатку там, где хотел». Он сказал, что это была настоящая жизнь.

— Похож на наших, — переглянулись мы, когда пеший турист уже издали, через речку, помахал нам измятым картузиком. Это был нарушитель законов парка. Восемь дней он жил тут, как жили люди сто лет назад, впервые ступив в эти горы. Он видел такое, чего увидеть с дороги нельзя. Остаться с природой наедине — радость очень большая. Но представим, что два с половиной миллиона туристов Йеллоустона, забыв о таблицах и указателях, вдруг ринулись прочь от дорог палить костры, «ловить руками форель», ставить палатки, где захотелось. В тот же год парку, хотя он и очень большой, пришел бы конец.

Но парк держится. С одной стороны, продуманная организация, а с другой — дисциплина американцев, привычка не вылезать из машины и строго следовать указаниям.

Несколько слов о животных. Без них любое место, самое живописное, лишено радости. Животных в Йеллоустоне много. Зоолог Дуглас Хьюстон, с которым мы встретились для беседы, показал нам карту, покрытую разноцветными точками. Ежедневно после сообщения рэйнджеров точки на карте перемещаются. Ученые видят, в каких местах чаще всего встречали медведей, где держатся лоси, би-

зоны, олени. Несколько синих точек под особо тщательным наблюдением. Это пумы (горные львы). Их теперь не стреляют. Санитарная служба по выбраковке слабых животных оставлена хищникам. Кроме пум, в парке живут койоты. И недавно забрел сюда волк. Его путь отмечает на карте красная точка — одна среди россыпи черных, коричневых, голубых.

В парке много бобров, кроликов. 15 тысяч оленей, лоси и четыре сотни бизонов (Йеллоустон был последним прибежищем истребленных повсюду зверей). Главным героем, можно сказать, эмблемой наравне с гейзером Йеллоустону служит медведь. Их два вида в парке: черный медведь — барibal и бурый — гризли. Гризли держатся скрытно (собираясь, впрочем, большими группами ночью на свалках). А черные вполне сроднились с потоком автомобилей и приспособились попрошайничать. Охота в парке запрещена. Браконьерство карается строго: 500 долларов штраф, конфискация снасти, автомобиля, ружья. (К этому могут добавить еще и полгода тюрьмы.) Однако перед зимой половина примерно оленей парка спускается с гор в долины. Вот тут, на границе заповедника, их ожидают полчища вооруженных людей. Стрельба, как пишут, такая, что человеку без красной шапочки или куртки появляться опасно — могут принять за оленя.

В парке животным ничто не грозит. Их беспокоят только фотографы. И наша машина, оснащенная полдюжиной камер, исключением не являлась. Снимали бизонов, причем подходили к ним метров на двадцать. Снимали уток, канадских гусей. Снимали оленей. К одному великану с рогами, огромными, как лесная коряга, мы крались с большой осторожностью. А он подпустил вплотную и даже головы не поднял от травы.

Медведи же выходили прямо к автомобилю. Первого попрошайку мы встретили утром. Медведица с медвежонком держала возле себя десятка четыре автомобилей. Из каждого окошка выглядывал объектив. Но медведица хорошо отличала эти блестящие штучки от чего-либо съедобного и терпеливо ждала.

Она сидела на сугробе снега в позе спокойного ожидания. Когда появлялась какая-нибудь надежда, медведица поднималась. Медвежонк ковылял следом. Но кормить зверей теперь запрещают, и мать с очень худым медвежонком возвращалась на исходный сугроб. Наконец чья-то душа не вынесла — из окошка показалась рука с апельсином. О, медведица поняла сразу, что время терять нельзя. Прыжок. Брошенный апельсин схвачен едва ли не на лету. И все. Съемка окончена. С апельсином в зубах, подбрасывая задние ноги, медведица кинулась в лес. А за ней медвежонок.

Потом в течение дня такие сцены мы видели не единожды. Но к вечеру повстречался настоящий артист, на которого мы ухлопали уйму пленки. Здоровенный медведица! На задних лапах он шел к машине, убеждался в отсутствии дани и резво шел к следующей. Шоферы спешили задраить окна, дамы в машинах визжали. А медведь был спокоен. Там, где окошко не успели закрыть, он стремился просунуть в автомобиль голову или лапу. Заглянул он и к нам, на сиденье сзади попытался лапой достать бумажный комок. В отличие от медведицы, ожидавшей подачи сидя, этот предпочитал двигаться сбоку дороги параллельно идущим машинам. Автомобили шли медленно, и он ковылял вперевалку. Быстрее пошли — и мишка выжимал нужную скорость. Образовался затор — медведь принимался делать досмотр. Он хорошо помнил, где уже побывал, и, если не было новых машин, начинал заниматься делами, какие приняты у медведя в лесу: нюхал землю, скреб лапой по стволам сосен или чесался. Это занятие вызывало в машинах хохот. Для чесания выбиралась невысокая сосенка. Под здоровенной тушей она, конечно, сгибалась. Но у мишки был отработанный прием: стоя на задних лапах, передние он поднимал вверх, хватал сзади деревце за макушку и, прижимая его к спине, начинал приседать... Несколько наиболее рьяных фотографов снимали медведя, выскочив из машины. Но дверцу надо было держать открытой — иногда медведи все же напоминают: лес — это их тер-

ритория. Особых трагедий, правда, не происходит, но примерно около сотни раз за сезон медведи награждают людей оплеухами или даже изрядно треплют. (За сто лет существования парка шесть конфликтов кончились смертью людей.)

Если какой-нибудь из зверей проявляет постоянную агрессивность, его ловят и в сетке, подвешенной к вертолету, выдворяют из парка. Такие меры не применяются к людям, хотя как раз люди чаще всего виновны в том, что добродушные звери вдруг огрызаются. Людей просвещают, увещевают, предупреждают: «Наслаждайтесь ими издали», «Если некуда деться, лезьте на дерево», «Не кормите медведей!» Последняя просьба особенно важная. Медведи за лето привыкают жить иждивенцами. Но пришла осень. Машины из парка вдруг исчезают. А медведь-то не знает, что туристский сезон окончен. Он каждое утро выходит к дороге. И ждет. Снег повалил. Дорога пуста... Медведь ложится в берлогу тощим. А для медведя гиблое дело — заснуть без жира.

...Наш артист провожал кавалькаду машин километров шесть или семь. Потом неожиданно повернулся и побежал назад. Немного проехав, мы сразу поняли, в чем дело. Медведь достиг пределов своих владений. У дороги уже маячил другой попрошайка. В полном соответствии с законами лесной жизни участки дороги у мишек были поделены. И, как видно, «конвенция» добросовестно соблюдалась.

В Йеллоустоне живут 300 медведей-гризли и примерно пять сотен черных медведей.

И, наконец, гейзеры... Этот «главный зал музея», самое посещаемое место парка, был переполнен. К гейзерам надо было протиснуться через толпу, плотную, как на ярмарке в Лужниках. Одни искали кофе, другие силились разглядеть на огромной стоянке свою машину, третьим нужен был туалет, четвертые только что подрулили и жаждали видеть гейзеры. Электронное табло огромными цифрами сообщало, через сколько минут зара-

ботает каждый из главных гейзеров. Добротная карта разъясняла, где именно расположен каждый «любимец публики».

Грустно было почти до слез. Гейзеры... С детства читал о них, любовался картинками. Сегодня утром сердце твое еще было наполнено предвкушением романтической встречи. А тут вокзальная суета, цифры — спешите, можете опоздать! Природное таинство было раздето тут донага. Деревянные кладки разводили людей по всему «гейзедрому». Поплыли и мы в общем потоке, с некоторым удовольствием убеждаясь, что не всех тянет туда, где вода извергалась без четкого расписания...

Мысленно надо было остаться наедине с этим огромным, окутанным паром пространством, чтобы остро почувствовать: перед твоими глазами действительно чудо природы. Тысячи лет днем и ночью свистят, рвутся из земных недр фонтаны воды и струи пара, шевелится, подобно тесту, горячая разноцветная грязь, светятся бирюзой прозрачные озера влаги. Гейзерит (соли, осевшие из воды) сверкает, как жемчуг. И рядом с тобой в небо вдруг ударяет фонтан воды. Мостки проложены так, что к лицу долетает только горячий, пахнущий серой туман. На деревьях туман оставляет кремниевый иней — вся лесная опушка подернута белой каменной коркой.

На мостках надписи: «Ни шагу в сторону — кипятки!» Но маленький коричневый куличок, видимо, хорошо знает, где горячо, а где можно с пользой для здоровья купаться, — взъерошил перья, с наслаждением возится в бирюзовой воде. Опускаем руку рядом с купальщиком — вполне терпимо. Пробуем на язык — вкус у воды щелочной.

Дымы... Со всех сторон дымы! Люди на деревянных кладках похожи на призраков. Можно понять индейцев, суеверно сторонившихся этих мест. Можно догадаться, какими глазами глядели на это пекло охотники за бобрами, можно позавидовать первым исследователям, спокойно, без суеты, без мостков и стрелочек-указателей обходившим эти места. Они, приглядываясь к характеру водяных

вулканов, горячих ключей и фонтанов, нарекали их именами: «Старый Верняк», «Тюрбан», «Пароход», «Чернильница», «Беспокойный»...

Природа гейзеров во всех уголках Земли — в Исландии, в Новой Зеландии, у нас на Камчатке и тут, в Скалистых горах, — одинакова. И везде одинаково у людей желание видеть земное чудо. Лесную поляну, берег тихой речки человек посещает множество раз, хотя и знает там, кажется, все до последней травинки. Такие места — вроде любимых стихов. Тут же читаешь некую «остросюжетную повесть» — второй раз не потянет, но один раз взглянуть обязательно хочется.

Чудо природы в окружении суетливой толпы выглядит почти балаганом. Извержение главного знаменитого гейзера ни дать ни взять пышный аттракцион. «Начало в 15.20!» — кричит электронная надпись. И люди с ходу спешат занять места на тяжелых, амфитеатром скамейках. По мере того как в недрах земли созревает взрыв пара, на скамейках густеет толпа (иногда до трех тысяч). Примерно нас ожидания, и Старый Верняк просыпается — из грифона на вершине пологой горки клубится пар, потоком льется вода.

Сейчас, сейчас. Все глядят на часы... Началось!!! Водяной столб взлетает на высоту в 50 метров. Пар, брызги! Оживление на трибунах. Щелкают аппараты. Охотники сняться на фоне Старого Верняка выбегают вперед... Три минуты — представление окончилось. Толпа валит к автомобилям, оставляя после себя опрокинутые скамейки, бумажный мусор и какую-то странную пустоту... Но минут через пять все начинается снова...

Мы прожевали «изюминку» Йеллоустонского парка со смешанным чувством: видели чудо. Но оно не такое, как представляется издали.

Рано утром *мы* покидали старейший заповедник земли. У въезда стояла длинная очередь автомобилей. Будочник, взимавший за въезд два доллара, позевывал. Все непременно хотели сняться и терпеливо ждали, когда можно будет картинно стать рядом с массивной вывеской «Йеллоустонский национальный парк». Одни, снимаясь, дурачились. Другие были серьезны — поездка в Йеллоустон бывает раз в жизни.

Предположим, что где-то в малодоступном месте обнаружались динозавры и тебе судьба подарила лотерейный билет, выигрыш по которому — возможность увидеть этих зверей... По желтым, похожим на покатые лбы холмам Калифорнии мы ехали с чувством, что этот билет похрустывает у нас в кармане...

Природа тайны свои окружает зонами неприступности. Солнце на этих холмах выжгло все до последней травинки; выпило реки, мощные мелким камнем; выбелило коровьи черепа, лежащие возле брошенной хижины пастухов. Три цвета в пейзаже — синее небо, желтые травы и кое-где, островками, темные пятна сосен. Пешком мало кто решился бы одолеть эту сушь. Но машина за два часа съедает растянутый по холмам сиреневый холст дороги, безлюдной дороги — ни бензиновых будок, ни торговли водой. Облегченно вздыхаешь, как будто выскочил из горящего дома, когда вдруг видишь крутую зелень апельсиновых рощ, поливные каналы и вдалеке туманную зубчатую синеву с названием Сьерра-Невада.

Час езды в горы. И вот у встречного на площадке, где отдыхают от крутых серпентин, можно спросить:

— А что, их видно уже?..

Встречный знает, о чем идет речь. Протягивает бинокль.

— Проследите по гребню. «Травка» — это обычный лес. А высокие свечи — это они...

Секвойи... Деревья, уцелевшие на Земле только тут, на западном склоне Сьерра-Невады. В сопоставлении со всем, что обильно пока растет на планете, секвойи — это зеленые динозавры. Кстати, они современники этих зверей. Динозавры вымерли. Деревья тоже повсюду вымерли на



большие деревья



Земле. Отпечатки их веток находят на каменных сланцах в Европе, Азии, даже в Гренландии. Но тут, в Калифорнии, на полоске земли, не тронутой ледником, осталась полоска леса — одно из главных чудес Земли.

Первое чувство — растерянность. Наверное, ничто на Земле не находится так далеко за гранью привычного и понятного, как эти деревья. Кажется, муравьи под ними должны быть не меньше собаки. А гриб, случись ему вырасти под секвойей, пришлось бы валить пилой. Надо оглядеться и отдышаться, обвыкнуться, чтобы понять: все тут взаимодружественнее, земное. Орешник... Вполне нормальные сосны и ели... Густые заросли папоротников... Белка, схватившая из-под ног шишку, окончательно приводит тебя к привычному ощущению: ты на Земле. Секвойи тоже дети Земли. Питают их те же соки, что и орешник. Конструкция тоже привычная: вот оголенные ручейком корни, ствол, зеленая шапка веток... Есть, правда, какая-то тайна в этих громадах, выросших из семечка величиною с головку спички. Но где ее нет, тайны? Папоротник с резными узорами листьев, пронизанный солнцем, разве он без загадок? И все же тайну папоротника или орешника постигать легче. Они рождаются и умирают у нас на глазах, а дереву тысяча лет. И это лишь средний возраст. Пройди немного в глубь леса — встретишь деревья трех тысяч лет. Меришь мысленно эту бездну, и голова кружится. Есть доступный для каждого способ ощутить бездну мира и времени — погожей ночью поднять глаза к небу. Но к звездам мы привыкаем с рождения, необъяснимая тайна лишь изредка нас тревожит. Секвойи же сразу и властно заставляют подумать о сущности жизни. Ни один храм, построенный человеком во имя богов, не может сравниться с величием этих деревьев...

Рассказать о них трудно. Зарисовать, снять? Увы, никакой снимок не сообщит волнения, пережитого возле секвой. Ну что фотография может сказать, например, о спокойствии леса? А это главное, что сразу же в нем заме-

чаешь. Где-то там, в синеве, на «тридцатом этаже» привычных нам измерений, ветер, возможно, и есть. Однако дрожь веток вниз не доходит. Красноватого цвета стволы похожи на скалы — качнуть монолит невозможно. Тихо. Тоненький голос птицы. Бег воды по камням. Но звуки эти услышишь только вблизи. Тысячелетняя плоть стволов лишь издали кажется грубо тесанным камнем. На самом деле стволы одеты пористым войлоком, рыхлым и теплым на ощупь. В таком лесу аукаться или дурачиться в голову не придет. Но даже если и найдется любитель, лес спрячет звуки в коре деревьев, в хвойной подстилке, в солнечных кружевах папоротника.

60 сантиметров — толщина волокнистой коры. Кора морщиниста, издали кажется грубоватой. Но чуть надавил — мякоть легко отломилась, и ты чувствуешь на ладони вес пробки. Размял — пригоршня красноватой мягкой трухи. Кора, подобно теплому одеялу, хранит дерево от морозов. Но важнее другое свойство коры: обугливаясь снаружи, она не дает проникнуть огню к древесине. Без этого свойства коры генетическое долголетие дерева не имело бы смысла — пожар достигал бы секвойю задолго до старости. Пожаров тут было много. Одни, как видно, недавно. Другие лет триста... пятьсот... девятьсот. Девятьсот лет назад бушевал тут огонь, и секвойи хранят отметки огня — стволы обуглены. Есть старушки, у которых огонь выел и сердцевину. Но секвойи стоят... Есть и еще одно свойство деревьев, без которого долголетие невозможно: древесина секвой не гниет. И никакие другие болезни им не знакомы. На елках рядом можно увидеть длинные бороды мха. Орешник одолели и иссушили грибы. Секвойя как заколдована! Красный ствол чист от шишковатого низа до самой тонкой веточки наверху.

Секвойи тысячелетние растут поодаль одна от другой. К ним надо идти, продираясь сквозь обычный лес — ели, сосны, травяное переплетение, валежник. Посчастливится — можешь найти сосновую шишку размером с хорошую дыню. Зазеваешься — можешь свалиться в холодный каменный поток. Време-

нами обходишь огромные глыбы камня. Их много. И ты не сразу соображаешь: серые камни — это ж стволы секвой! Упавшее дерево не гниет. С него опадает кора, а древесина лежит неизвестно как долго, разрушается, подобно камню, только дождями, морозами и ветрами.

К особо знаменитым секвойям в лесу проложили дороги. Вот один из лесных старожил. Высота — 90 метров. Толщина по диаметру — 10. Возраст — больше трех тысяч лет. Колумб, стало быть (500 без малого лет назад), увидел бы дерево почти таким же, каким мы видим его сегодня.

Возле этого старожилы Земли мы разыскали крошку в платице из хвои. Секвойке было лет пять. Возможно, родимое зернышко для нее занесла сюда белка. Но скорее всего родитель был рядом. Три тысячи лет. И пять лет. Где еще у отцов и детей разница возраста так велика?! У малышки есть шанс увидеть со склонов Сьерра-Невады восходы солнца в 4972 году. И можно сейчас представить, как она будет выглядеть. Подобное предсказание можно ли сделать для человека? 4972 год... Немыслимо даже прикинуть, чем станет Земля и люди на ней.

Секвойи среднего возраста и «подростки» лет по 300—400 живут сообществом. Это особенный лес Зеленая крона у этих деревьев спускается низко. Стволы стоят чаще. Воздух пахнет хвоей и окрашен внизу в розовато-зеленый цвет. Иногда не раздробленный ветками световой луч достигает земли, и ты видишь, как ползают по хвоинкам козявки и сказочно светится папоротник.

В чаще деревьев, пожалуй, даже сильнее чувствуешь вечность, чем у ног должителей-одиночек. Но ничего вечного нет. Как все живое, и эти деревья смертны. Ветер может в конце концов повалить, ручей подточил корни, или без видимой глазу причины при молитвенной тишине секвойя вдруг падает. Старость! Считают, она выражается в неровном распределении по стволу влаги. Падение секвой человек видит реже, чем падение звезд. Но в 1953 году одно из старых деревьев рухнуло на глазах у людей. Срез

него установлен на массивной подставке из бревен. Набравшись терпения, можно на срезе сосчитать паутину годовых колец, а можно поверить табличке: «Дерево жило 2415 лет». Бляшками с номерами на срезе помечены вехи истории человека. 323 год до нашей эры — смерть Александра Македонского. Останки великого полководца в бочке, заполненной медом, несли из Азии для погребения на родине. Секвойе было в тот год 136 лет... 44 год до нашей эры — смерть Юлия Цезаря. Секвойя имела уже 400 колец на стволе толщиной в полтора метра... 570 год нашей эры — «рождение Магомета» (рождение мусульманской религии). Секвойе было 1032 года. И так далее. Первый крестовый поход. Чума в Европе (1348 год). Открытие Америки (1492 год). Война с Наполеоном... Многие есть на кругах долголетия, многое помнит секвойя.

К годовым кольцам приглядываются, однако, не только ради философского любопытства. Оказалось, по кольцам (более плотным и тонким в сухие годы и более рыхлым, широким — а дождливые) можно проследить колебания климата на Земле. Установлено: 600—900 и 2 тысячи лет назад секвойями были «записаны» периоды влажности. Отмечен также период лет в двести «великой суши». Все деревья способны вести подобную запись. Но дуб и сосна, подобно песочным часам, считают минуты жизни, на кругах же секвой записана вечность.

Белые люди секвойю увидели, можно сказать, «вчера». Сто с небольшим лет назад некий Хейл Тарп был приведен индейцами к тайникам гор. Несомненно, Хейл Тарп был поражен видом необычного леса. Возможно, он вместе с индейцами стал на колени перед каким-нибудь деревом. Но, поднявшись и отряхнув со штанов хвою, знаете, что он сделал? Он достал ножик и вырезал на коре буквы: «Хейл Тарп 1856 год». Благословенный способ приобщить себя к вечности процветает и ныне на всех широтах. За неимением под рукою секвой имена режут на дубах и

березах, на заборах, скамейках. Стыдное дело, пожалуй, только для Хейла обернулось неким практическим смыслом — Тарп сумел доказать, что первым и в таком-то году увидел секвойю именно он.

По следам Тарпа в горы сейчас же двинулся разного рода люд. Одни любопытства ради, другие уже с пилой. Что ножик Тарпа в сравнении с техникой, пусть и XIX века! Появились специальные пилы — семь метров длина. При усердии два человека валили секвойю за десять-двенадцать дней Чурбачки необычного дерева повезли по выставкам мира. И они собирали, конечно, толпы людей. Еще бы! На одном пеньке умещались: пианино, четверо музыкантов и шестнадцать танцующих пар... Заготовка «чурбачков» для выставок и музеев заметный вред «вечному лесу» нанести не могла. Но секвойи валили не только ради показа в музеях. Дерево шло на обшивку кораблей, обивку подземных труб, на фундаменты (не гниет!), просто на рубленные дома (сорок пятиквартирных жилищ из ствола) и — стыдно за человека — на ящики, на дрова... Пила лесопромышленников на западных склонах Сьерра-Невады поработала так хорошо, что от длинной, в несколько сот километров, ленты драгоценного леса остались лишь островки или даже одиночки-деревья. Умные люди поняли: истребить секвойи на бытовые нужды — все равно что неожиданно обнаруженных мамонтов пострелять на консервы или, например, Колизей разобрать на кирпич для лежанок. Возобладала мудрость: «Их надо беречь так же, как берегут древние храмы».

Остатки леса секвой были взяты под покровительство человека. В 1890 году основан национальный парк-заповедник секвой. Спустя тридцать шесть лет площадь его удвоилась. В 1956 году с севера к роще секвой примкнул заповедник «Королевский каньон». Под охрану взяты также деревья в знаменитой Йосемитской долине. Это хорошо организованные заповедники. Секвойям тут угрожают, возможно, лишь выхлопные газы автомобилей и уплотнение почвы ногами людей

...Два дня вполне хватает, чтобы проехать в

Роще секвой по маршрутам, рекомендованным картой, и заглянуть в потаенные уголки леса. Большинство посетителей стремится, правда, увидеть лишь самые древние из деревьев. Старожилы тактично и неназойливо обозначены указателями: высота, примерный возраст, объем древесины (Америка любит цифры). Два десятка деревьев имеют персональные имена: «Генерал Шерман», «Линкольн», дерево «Президент», дерево «Дом», «Телескоп», группа деревьев «Сенат».

По складу характера американцы, нередко в буквальном смысле, за деревьями могут не разглядеть леса. Главное — знаменитости! Но к чести американцев надо отметить: никаких надписей на деревьях (а соблазн-то каков!) и мусора под секвойями не увидишь. Тишина... И она тоже не оскорбляется. Это не значит вовсе, что в Америке нет горлопанов. Их сколько угодно повсюду. Но в заповедниках строгий порядок и его уважают. Тут же вдобавок и сами секвойи заставляют примолкнуть.

Утром мы уезжали из парка. Солнце коснулось только самых верхушек секвой. Было прохладно. На папоротниках сверкала роса. Остановившись согреться припасенным с вечера в термосе чаем, мы полистали стопку тоненьких книжек о заповеднике. Ничего нового не нашлось, но стоит сказать об истории слова секвойя. Из ученых людей первым гигантское дерево описал англичанин Линдлей. Он назвал его «веллингтония гигантза» — в честь генерала-победителя в битве при Ватерлоо. Американцам название не понравилось — «что, в Америке нет своих генералов?!». Решили назвать дерево в честь Вашингтона — «вашингтония гигантза». Не привилось! Суэта вечностью отторгалась. Деревья называют теперь так же, как их называли индейцы: секвойи, что означает «большие деревья».

большие деревья... «Кто их увидит однажды, уже никогда не забудет». Это правда.

Первое ощущение — видишь сон. Ужасающих размеров провал! Другой берег провала виден сквозь толщу воздуха и потому слегка задымлен, окутан одинаковой плотности синевой. Пятнадцать километров разделяют края провала. Человека на том берегу нельзя разглядеть. Многоэтажный дом показался бы с коробок спичек. И глубина... Дна Каньона не видно. Останкинская башня белела бы в этом проеме еле приметной иглой. Такую «канаву» люди не сумели бы вырыть, если бы даже рыли ее всем миром и с первой недели своей истории. Эту забаву могла позволить себе только природа. И ушло на это десять миллионов лет.

Провал не пуст. Он заполнен странными островами. Они стоят в одиночку и группами. Их называют «храмы». Не надо большого воображения, чтобы увидеть тут пирамиду, крепостные стены, башни, купола, пагоды. Наибольшее сходство, пожалуй, с пагодами — плоская крыша, и под ней, расширяясь, пласты «этажей», желтые, розовые, красные, темные. Все это было когда-то слоистой пуповиной земли, но какие-то силы выскребли, унесли разноцветный податливый грунт. Остались лишь острова-храмы. Они образуют сказочный город, великий и молчаливый. Случись пришельцам других миров приземлиться именно тут, они бы решили: планета необитаема. Сплошные камни. И бездна... Замечаешь не сразу — ворон летит. Мы видим его не снизу вверх, как обычно, а сверху вниз. На крыльях металлом блестят синеватые перья... Клочком ваты на нитке повисла между берегами набухшая влагой туча. Светлая жилка нырнула из тучи вниз. Даже молния кажется тут игрушечной. Но гром вполне настоящий.



каньон



'Сердито и властно он покатился вдоль «храмов». Из тучки сеется снег. Видно, как дымные космы наискось тянутся книзу, но исчезают, испаряются, не пройдя и четверть пути ко дну. Температура тут, у обрыва, сегодня, как сообщили, 17 градусов, а в самом низу жара. 40 градусов!

День, и два, и неделю можно стоять у обрыва, изучая безбрежную панораму, потихоньку вживаясь в этот красноватый странный пейзаж. Лишь постепенно в нем начинаешь видеть приметные точки, запоминать очертания. Это похоже на созерцание звездного неба — сначала хаос, а потом уже видишь некий порядок...

Если до крайности упростить, Каньон — это очень большой овраг, самый большой на Земле. По размерам к нему даже и близко ничто не стоит. Длина — 349 километров. Ширина — от 6,5 до 29 (в среднем 14) километров. Глубина — полтора километра. Но это овраг! Говоря языком геофизиков, агрономов или геологов, это даже классический случай земной эрозии, то есть разрушения земли водой и ветрами...

Но где же она, вода, в этом пустынном, сухом углу Аризоны? Проезжая, мы даже тощего ручейка не увидели. И все же вода (река Колорадо) распланила слоеный пирог земли.

Мы долго искали место, откуда можно увидеть реку. Наконец внизу, в сумраке теней сверкнула ниточка ртути. Колорадо! «Цветная река» по-испански. Когда солнце спряталось в облака, нитка воды поблекла — цвет неба и глинистый цвет потока смешались и дали мутно-зеленый цвет.

Забегая вперед, скажем: то, что сверху казалось ниткой, на самом деле было могучей рекой. Скорость течения Колорадо близка к двадцати километрам в час. Десять миллионов лет, ни на секунду не утихая, река пилила, пилила землю и продолжает пилить. Сверху породы были помягче. Колорадо прошла их сравнительно скоро. Теперь дело дошло до гранитов. Производительность резко упала, но зубья у этой пилы не тупятся — грызет и гранит! Медленно, правда, — пятнадцать сантиметров за тысячу лет. Сама по

себе вода и этот пропилил в гранитах сделать бы не могла. Но река катит по дну огромные валуны — тысячи тонн абразивного материала. Этот режущий инструмент действует безотказно. За сутки Колорадо пронесит в среднем 500 тысяч тонн горного материала. Чтобы цифра эта стала понятной, надо представить себе 100 тысяч пятитонных грузовиков. С интервалом в одну секунду машины должны идти целые сутки, чтобы выполнить эту работу. Представим теперь, что эта колонна машин идет непрерывно 10 миллионов лет... Вот куда делась земля величайшего в мире оврага под названием Большой Каньон.

Река пилила землю не по линейке. Она извивалась, петляла. Реке помогали талые воды, ветры, солнце, морозы. Все осыпалось, рушилось, обнажалось... Надо сказать, природа работала очень медленно. Сегодня мы видим Каньон почти таким же, каким, возможно, увидел его человек, добывавший огонь от подожженного молнией дерева. Каньон сохранил для нас облик времен, когда человека еще и не было на планете. Надо ли говорить, какая это находка для изучающих Землю! Вся история — два с половиной миллиарда лет накопления пластов и десять миллионов лет «распиловки» — поднесена людям как наглядное пособие: изучайте! Каньон изучается очень тщательно. По его обнажениям, как по некоему эталону, сверяют догадки, гипотезы и находки, сделанные в разных местах Земли. Но большая часть людей приезжает сюда, чтобы просто увидеть Каньон.

О Каньоне много написано. Однако цифры и восклицания мало что говорят об этой, как шутят американцы, «самой большой прорехе Земли». «Ужасающе! Грандиозно! Величественно!» — скажет турист, вернувшись домой. Это все правда. Но слова эти — лишь бледная тень пережитого. Каньон — это как путешествие на другую планету.

Из белых людей первым Каньон (в 1540 году) увидел некий Кардинас из отряда Кортеса. Никаких эмоций в своих записях Кардинас не оставил. Конкистадоры алчно искали золото. Каньон был только препятствием на пути.

Триста лет спустя после этого Каньон об-

следовали. Интерес был только один: судоходна ли в нем река и какие из минералов можно тут обнаружить? Но человек по имени Джон Хенс, добывавший тут асбест, скоро понял: водить в Каньон любопытных — дело более выгодное, — и забросил рудник. То же самое сделал хозяин медного рудника. Это было началом туризма (1886 год). Дальновидные люди поняли тогда: Каньон до самых краев наполнен золотом. Главная ценность его — неповторимая красота. Однако предложение сделать тут заповедник конгрессом несколько раз отвергалось — в то время мысли об «островах красоты среди моря хозяйственной деятельности» казались нелепыми. «Да и кто поедет в такую даль... Это что — Колизей?» Однако поехали! Сначала на мулах и лошадях. Потом по железной дороге, проложенной сюда специально. Президент Теодор Рузвельт, вовлеченный в поток любопытных, увидев Каньон, сказал: «Никаких рудников! Ничего не делать, чтобы не испортить величия... Каждый американец должен это увидеть».

В 1919 году Каньон был объявлен национальным парком (заповедником). Сейчас, как утверждают, это одно из самых посещаемых туристами мест на Земле. В год их бывает около трех миллионов. Не меняясь, оставаясь пустынным и диким, Каньон дает больше дохода, чем могли бы дать руды, им обнаженные. И конечно, не только денежного дохода. Патриотизм американцев — понятие почти осязаемое. И когда на краю Каньона мать говорит мальчишке: «Это есть только у нас, в Америке», то слова эти действуют очень сильно.

Из всех заповедников США Каньон, пожалуй, меньше всего тронут эрозией многолюдия. Он так громаден, что, спустись сюда половина населения всей Земли, сверху людей не сразу бы и заметили.

В Каньон спускаются тысячи полторы людей в день. Остальные предпочитают созерцать его сверху. Вертикаль в полтора километра растянута в довольно крутую извилистую тропу — пятнадцать километров туда, пятнадцать обратно. «Подумайте, прежде чем ме-

ряться силой с Каньоном!» — призывает табличка. Но кому в Америке хочется признавать себя слабым! Спускаются. И кое-кто уже с полдороги подает «SOS». Случается это часто, и потому в Каньоне есть служба спасения и порядка, в ней пятьдесят охранников — рэйнджеров, мулы и несколько вертолетов. Не рассчитавшему силы возвращение вверх обходится на спине мула 40 долларов, на вертолете — 60. Многие судьбу не испытывают — сразу садятся на мулов и за день неторопливо успевают спуститься вниз и подняться обратно. Можно на вертолете — 40 долларов в час.

И все же самый достойный путь к воде Колорадо — «на своих двоих». Можем похвастаться: мы прошли этот путь. Занял он десять часов. С утра и до вечера. Признаемся: вылезли мы наверх еле живыми. Даже ужинать не годились. Хлебнули чаю — и спать.

На пути вверх запомнилась больше всего сама тропа. Она карнизом лепится по обрывам. В опасных местах тропа обложена валунами. Она пропитана потом идущих людей и мочой мулов. Тропу, и только тропу, видят глаза на обратном пути. Весь Каньон, да что Каньон — Земля для идущего сужена до двух метров. Вверх, вверх... И когда наконец тропа иссякает и ты увидел наверху у обрыва «благоразумных» с биноклями, то имеешь право подумать: «Об этой ямке я теперь знаю больше, чем въ».

Одно из открытий во время спуска: Каньон не пустынен. На скалах растут: можжевельник, кактусы, сосны, дубы (а в самом низу видели странную смесь — береза, осина, дуб, ивы и тут же плети дикого винограда, зеленые сабли агавы и желтые свечи пустынной юкки). С тропы мы видели уйму белок и полосатых бурундуков, и оленя, стоявшего на возвышении так картинно, как будто он выходил для фотографов специально. И множество птиц! Они проплывали на уровне глаз, ныряли в воздухе так же, как это делают дятлы, порхали в колючках. Запомнилось удивительно красивое пение, похожее на игру старинного клавесина. Хрустальные звуки) Клавесин играл где-то рядом с тропой. Мы подкрались, но за-

стали певца в момент утоления жажды. Из-под навеса камней сочилась вода. По каплям. Птица величиной с галку ожидала падения капель и ловила их, как горошины...

А внизу, в самом низу Каньона, живут люди — индейцы хавасупаи. Представляя, как надоели хавасупаим неизвестно зачем и каждый день приходящие сюда бледнолицые, мы не пошли в деревеньку, а присели на облезлый поваленный дуб у околицы. У ближайшей халупы, залатанной жестью и шифером, старуха чистила рыбу. На жердях висело дырявое одеяло. Крайний кол загородки был украшен помятым бидоном. Куча дров. Ржавая тачка. Неподвижная лошадь в тени у куста, похожего на рябину. Вдоль стенки Каньона между кустами ивы зеленел посев кукурузы. Старуха, не подняв головы, кого-то окликнула. Из кустов с мотыгой вышел черноволосый босой мальчишка. Мимоходом беззлобно показал нам кулак и скрылся в дверях. Подав бабке воду в жестянке, восьмилетний примерно хавасупаи, как видно, в профилактических целях, еще раз показал нам свой кулачок и взялся играть со щенком...

— Они хотят, чтобы их не тревожили, — сказал пожилой джентльмен, присевший рядом с нами на дуб. — Я выходил бы с ружьем на порог, если бы туристы вот так же бесцеремонно толпились у моего дома...

Наш спутник был профессором из Бостона и очень сочувственно говорил об индейцах хавасупаих, их быте и образе жизни в этом Каньоне. Профессор решил в Каньоне заночевать. Поднимаясь выше и выше, мы увидели его оранжевую палатку на полянке возле реки...

Людей на тропе по Каньону встречаешь много. Идущим вверх уступают дорогу. Все они часто дышат и почему-то здороваются. Наверху у обрыва этого нет, а тут непременно: «Хеллоу!» — и руку вверх. «Когда люди делят не деньги, а трудность, хотя бы и небольшую, они становятся мягче» — так объяснил нам этот психологический феномен старичок рэйнджер.

Идущий вверх легко вступает и в разговор. Сразу на камень — передохнуть, и пожалуй-

ста, спрашивай и снимай. Потный, тяжело дышащий человек чувствует: чем-то он вроде бы заслужил распросы и фотосъемку.

Дольше всего мы задержались с Рубином Маронесом, адвокатом из Сиэтла. Двадцатипятилетний толстяк шел медленно, опираясь на палку из кактуса. Рюкзак, фляга на поясе, на руке компас, индейский браслетик из бисера. Нога опухла и забинтована у колена.

— Тут, в Каньоне?..

— Да, свалился с обрыва. Еда, фотокамера, деньги — все утонуло. Мог бы, конечно, и шею свернуть...

— А помощи не просили?

— Нет. Хочу сам. Наверху дам отцу телеграмму...

В Каньоне парень провел тридцать два дня. Шел по дну вдоль течения Колорадо.

— После падения четыре дня лежал у индейцев. Поили каким-то настоем. Потом пошел в рюкзак кукурузных початков и вот иду...

— Может быть, все-таки дать сигнал?

— Нет, я дойду.

И он пошел, почти повисая на палке. Такие запоминаются...

Запомнился наркоман. Он сел на тропе, обхватив руками колени. Мы подумали: выбился бедолага из сил. Предложили воды. Сидевший встряхнул длинные пыльные волосы, вскочил, потом сел, зачем-то стал разуваться, опять встал.

— Вы не умеете летать. А я умею...

Парню было лет восемнадцать. Вяло взмахнув рукой, изображая полет, он подпрыгнул и опять сел — лбом уткнулся в колени, тело вздрагивает... Проходившие мимо даже не замедляли шагов. С минуту мы наблюдали парня со стороны. «Их стало много...» — сказала вместо приветствия женщина, сбрасывая рюкзак, чтобы поправить лямки. Но, нагнувшись, она вдруг всхлипнула, нервно стала искать в карманах платок. «Нет, нет, ничего. Просто у меня сын тоже...»

И еще встреча... На площадке, где садятся передохнуть, нас окликнул мужчина.

— Вы русские?

— Да. Из Москвы.

Человек просиял:

— Юта, Билл, Пэт, идите, буду знакомить!.. Я же сразу сказал: это русские. Майн гот, какие встречи бывают! Край света. Каньон...

Молодым, слегка смущенным Юте, Пэту и семилетнему Биллу двух москвичей одноглазый седой человек представлял, как представляют старых знакомых, с которыми долго не виделся.

В минуту все объяснилось. Американец Пэт служил сержантом в Штутгарте. Немка Юта ему понравилась. Поженились, уехали в Штаты, родили Билла. Тестя, Оскара Шварца, пригласили в Америку погостить. Где познакомился тесть с москвичами? А вот...

— Я агроном. Воевал шофером. На Кавказе, как это сказать у вао.. Да, дали нам прикурить. Бежали почти без задержки. Орджоникидзе... Минеральные Воды; Пятигорск... Все помню. Эльбрус... Красивые горы! Один свой глаз там оставил... А потом Румыния, Чехословакия...

Старик почти радовался встрече. Начался обмен сувенирами. Пэт отстегнул с куртки значок, Юта сняла косынку, у нас тоже нашлось кое-что. Старику Шварцу достался (удача — оказался в кармане!) металлический рубль. И не простой, а выбитый, в честь Победы. Признаемся, очень приятной была минута, когда бывший военный шофер Оскар Шварц, надев очки, одним глазом разглядывал чеканку всем знакомой фигуры: солдат с мечом и с ребенком.

— Это в Берлине, в Трептов-парке, — сказал старик Шварц, передавая монету дочери.

Монету смотрели Билл, Пэт... Старик в это время нам признавался, что очень хотел бы еще раз в Россию, но только туристом.

— Только туристом! Майн гот, какие бывают встречи...

И была еще одна любопытная остановка. На камне, обняв бидончик с водой, в кедах и в какой-то старушечьей шапочке с рюшками сидел мальчишка. Возраст Тома Сойера. Характером тоже похож — немного смущен, но любопытство так и светилось в глазах. С удовольствием, четко начиная каждую фразу словами «да, сэр...», мальчишка рассказал, что он (Эмми Элеч) с сестрой Монди («вот она, сэр»),

отцом Мэлвиллом Элен, матерью Айворон Элен, с дедом и бабкой приехали из Техаса.

— Да, сэр, увидеть Каньон. Каждый американец, сэр, должен увидеть Каньон.

Дедушка с бабушкой наверху, отец с матерью идут сзади, А они вот с сестренкой...

— Тома Сойера знаешь, конечно?

— Нет, сэр, пока не читал. Она вот читала.

— Ну а как ты думаешь, Эмми, кто мы, откуда приехали?

Ответ мальчишки ошеломил.

— Вы русские, сэр...

(Немая сцена.)

— Почему, Эмми, ты так решил?

— Я видел, сэр, один фильм. Там говорят так же, как вы.

— Хоть одно слово из фильма ты помнишь, Эмми?

— Нет, сэр, не помню...

Попрощавшись с техасским Томом Сойером, мы подчеркнули в блокноте последнюю часть разговора. Для лингвистов это должно представлять интерес: взрослые люди нас принимали за итальянцев, ирландцев, французов, а мальчишка, даже и не подумав, сказал: «Вы русские». Он видел какой-то фильм... Прощание с ребятами было таким.

— Очень хочется, Эмми, взять камешек из Каньона на память...

— Ну и возьмите, сэр.

— Но ты ведь читал наверху: «Берите с собой только снимки. Каждый по камню — можно ограбить Каньон», Вот если бы ты подарил нам по камню, подарок мы бы, конечно, взяли...

Мальчишка понял все сразу и принял игру.

— Прекрасно, сэр. Я дарю. Это — вам, это — вам...

Мы покопались в своем мешке и, оставив брата с сестрой разглядывать двух матрешек, помахали им с поворота тропы...

Утром, подъехав к обрыву на пять минут, мы попрощались с заполненным синью Каньоном. Синевы было много — нам объяснили — оттого, что недавно в этих местах Аризоны горели леса. Дым стекал в Каньон.



музеи под небом



«Ни цента на пейзажи» — так сказал в конгрессе некий сенатор Кенон. Шестьдесят лет назад сенатор насмехался над теми, кто предлагал создавать и улучшать заповедники. Кенону, говорят, аплодировали — Америка ценит емкую фразу. Слова Кенона и сейчас помнят. Но хлесткое слово стало примером недалёковидности. А чудакам, которых обличал Кенон, Америка ставит сегодня памятники и чтит как пророков. Натуралист Джон Моир, администратор Стефан Матер... Это они, зная, каков аппетит у наживы, предвидя неконтролируемый разгул индустрии, призывали, пока не поздно, оставлять хотя бы островки дикой природы. «Эти места не должны использоваться для обогащения кого бы то ни было. Они должны принадлежать всем «для просвещения и удовольствия». Это был просто и ясно изложенный статус знаменитых ныне национальных парков.

Национальные парки — бесспорная гордость Америки. При нынешнем взгляде на ценности ни дороги, ни богатства, производимые человеком с помощью совершеннейшей технологии и компьютеров, ни следы пребывания на Луне — ничто не ставится выше сбереженных кусков природы. Все измеряется долларом, и лишь о парках сказано: «Они не имеют цены». И это не субъективная мудрость какого-нибудь философа. Так думают многие люди.

Итак, национальная ценность номер один. Началом ей стал знаменитый Йеллоустонский парк. В 1972 году ему исполнилось сто лет. Юбилей отмечали как событие международное, ибо Йеллоустон был первым заповедником на Земле. Подобно римским законодательным актам, он стал примером, а иногда и моделью организации заповедного дела. И неким

символом. Нью-Йорк, Миссисипи, Йеллоустон — для многих это уже какой-то образ заокеанской земли.

Национальных парков в Америке сейчас тридцать восемь. Мы побывали в Йеллоустоне, Большом Каньоне, Роцце секвой, Гранд-Титоне. Это самые знаменитые парки. В этот же ряд надо поставить Йосемитскую долину (в Калифорнии), болотистую оконечность Флориды — парк Эверглейдс, «Дымные горы» в Аппалачах, островок Айл-Ройал на озере Верхнем, где живут семьсот лосей и три десятка волков. Это все национальные парки.

Национальные парки не следует путать с другими формами охраняемых территорий США. Есть собственно заповедники (резерваты). Их больше трехсот. Это убежища для зимующих птиц на юге и места гнездовых на севере. Это охраняемые зоны на путях миграции птиц, а также места обитания редких животных. Люди сюда допускаются, но могут и не допускаться, если присутствие человека вредит животным. Это места научной и просветительной работы. В последние годы число таких территорий все время растет.

В отличие от резерватов национальный парк — это музей под открытым небом. Экспонаты в нем — горы, речные долины, озера, пещеры, водопады, каньоны, болота, растительность и животные. Природа в таком заповеднике тщательно охраняется. Строжайше запрещена охота, исключается любая хозяйственная деятельность — сенокосы, выпас скота, рубка деревьев, добыча руд и так далее. Но заповедник широко доступен для посетителей.

Существует критерий для учреждения парков. «Это должны быть относительно большие пространства земли и воды, существенно превосходящие по качеству и красоте все, что их окружает... приезжая в парк, человек должен увидеть естественную природу в ярких ее проявлениях. Это место для образования уединения, удовольствия и вдохновения людей. Парк должен иметь места для лагерей, пикников, тропы для хождения пешком и поездок на лошадях, площадки, с которых открывались бы живописные панорамы или ин-

тимная жизнь природы». Пятачка земли для таких целей мало. Национальный парк — это сотни или хотя бы десятки тысяч гектаров земли (Йеллоустон — 885 тысяч гектаров, Эверглейдс — 522 тысячи, Большой Каньон — 259, Роцца секвой — 142). У нас, если дело дойдет до создания заповедников типа «национальный парк» (а идея их носится в воздухе), подобным критериям отвечают места на Кавказе, в Карелии, верховье Волги с озером Селигер, районы Крыма, Алтая, пустыни и горы Средней Азии, Камчатка, Байкал....

В Соединенных Штатах создание национального парка — это всегда решение конгресса и равносильно принятию нового закона. Не тотчас, не просто выделяют (а теперь покупают) земли под парк. Но уж коли он создан, статус его незыблем, и не было случая, чтобы парк «отменили», включили земли его в хозяйственный оборот. Напротив, число парков растет (за последние десять лет их создано пять). Все они рождены в муках, и с тем большим энтузиазмом встречено их учреждение. Для этого есть причины особые.

Мы уже говорили: земля огромного государства США на три четверти — частная собственность. В частном лесу или на громадном безлюдном пастбище в Техасе ваше появление с рюкзаком будет встречено так же, как если бы вы проникли в чужую квартиру и завалились там спать или взяли листать семейный альбом фотографий.

Вы скажете: а куда же податься? Где поваляться на травке, посидеть у костра, поудить рыбу, просто побыть одному? Есть такие места в Америке. За плату это можно сделать на земле частника, на государственной земле в зонах отдыха в меру доступности — в заповедниках и главным образом — в национальных парках. Вот почему американцы так любят парки, так дорожат ими и так гордятся.

Учреждение парка сегодня — это прежде всего покупка земли у частника. Иногда, спасая от бульдозера уникальные земли, парк учреждают, не рассчитавшись сполна за покупку. В парке остаются частные островки, на которых хозяин волен делать что хочет

(строит шахту, отель, ранчо, жилые постройки для сдачи внаем). Ситуация: «червяк в яблоке». Почти во всех парках остались подобные «червяки» Изгнать их непросто. Частник хорошо понимает, что значит его земля в окружении заповедника, и ломит за нее сколько захочет. Один пример. В Йосемитской долине покупка вкрапления частной земли (64 гектара) в 1956 году стоила 20 тысяч долларов. Но вышла какая-то проволока. В 1968 году «червяк» запросил уже 800 тысяч долларов.

Одна четвертая часть земли в Америке — государственная, но большую часть этой четверти составляют Аляска и западные пустыни. Тут легче было учреждать парки. (И отчасти по этой причине большинство из них на Западе и находится.) Всего под различными формами заповедности, под зонами отдыха и парками находится четыре процента площади государства. Это много. Ошибется, кто подумает, что это «капитал мертвый». Тысячу раз нет! Ценность этих четырех процентов земли прежде всего в том, что это «НЗ» (неприкосновенный запас) природных ценностей, эталон первозданности. Второе: парки — это места физического и духовного прибежища для людей. Кроме того, в национальных парках люди приобщаются к невозвратно далекой, изначальной Америке. Отсюда текут ручейки патриотических чувств, а воспитание любви к отечеству в Америке — дело первостепенное.

Но если даже подступиться к паркам с денежной меркой, то и тут, по исследованиям видного экономиста Эрнста Свансона (университет Северной Каролины), «заповедники не висят камнем на шее у государства». На поездки в эти музеи природы американцы ежегодно тратят около семи миллиардов долларов (расходы по дороге, плата за бензин, ночлег, за аренду лошадей, лодок, спортивного снаряжения, за ужение рыбы и так далее). Из этой суммы, попадающей в руки частных, пятая часть (более миллиарда долларов) в форме налогов с дохода идет государству. К этому надо прибавить прямые сборы за посещение парков (два доллара — билет разовый, семь — «сезонка», единый для всех парков билет). Доход государства, счи-

тают, в пять раз превышает расходы на содержание службы и поддержание порядка в парках. Исследуя еще и косвенные эффекты парков как «катализаторов экономики» (создают занятость в сфере обслуживания, в производстве туристского снаряжения, предотвращают утечку долларов на путешествия за границей), Свансон пытается оценить стоимость парков в целом. Цифры выходят астрономические, и даже экономист превращается в поэта. «Они бесценны! Деньги ничто в сравнении с главным, что люди в них получают». Это верно.

Путешествуя по Америке, неизбежно прикидываешь: чему поучиться? что подошло бы у нас?.. Организация парков у нас задержалась по причине того, что мы на своей земле можем пойти, поехать, поплыть, полететь практически в любое место. Но всем очевидно: нарастающий беспризорный, бесконтрольный туризм становится злом. Рано или поздно нам придется направлять потоки идущих и едущих в какие-то русла, вводить правила, ограничения, воспитывать культуру поведения в природе. Американцы в этом смысле накопили хороший опыт. Присмотреться к нему обязательно надо.

Национальный парк... Это что, живописное место, очерченное на картах — «сюда езжайте!» — или это в самом деле музей со «входом» и «выходом»? Заглянем в парк и познакомимся с его службами. Заранее скажем: тут появились свои проблемы. О них особо. Сейчас — знакомство с организацией парка в том виде, в каком сложилась она за многие годы.

Парк Шенандоа в Аппалачах (130 километров от Вашингтона)...

Ночлег. Он на разные вкусы и на разные деньги. Можно остановиться в гостиничных домиках. Можно заночевать в кабине-прицепе — плата два доллара. Можно бесплатно в палатке и спальном мешке.

У нас, к сожалению, не было спальных мешков и палаток, и мы отдали себя в объятия пятнадцатидолларовых удобств (душ, умывальник, спальня, сетки на окнах от комаров). Утром мы увидели зеленую лужайку, живопис-

ные из жердей загородки, дроздов, скворцов и старушек, веселой стайкой семенивших на завтрак...

Еда — так же, как и ночлег... Можно пойти в ресторан. (Бревенчатое живописное сооружение с крахмальными покрывалами на столиках ценит свой завтрак в 7—10 долларов.) Можно пойти в кафетерий. За два доллара — кофе в бумажных стаканах, сосиски, сэндвичи. Те же, кто спал в бревенчатых шелтерах, достают свой завтрак из рюкзака и едят у костра.

Путешествия в парке тоже зависят от вкуса и интересов. Один не вылезает из автомобиля — асфальтированные дороги с ответвлениями приведут его ко всем интересным районам и точкам. Указатели на дороге предупредят, где стоит притормозить, где выйти и сделать снимки, где можно увидеть животных.

Есть люди, которых тянет с асфальта. Для них по паркам проложены тропы. По тропам, и только по тропам, указанным картой, разрешаются пешие путешествия.

И для всех — бродячих, едущих и сидящих возле палаток — есть общие правила.

«Никакого шума. Транзистор можете слушать дома. Тут слушайте птиц».

«Велосипеды и мотоциклы запрещены. Грузовики — только для службы парка».

«Сбор цветов и сувениров рассматривается как акт вандализма».

«Пикники — только на специальных площадках» (их в Шенандоа семь).

«Остановка с прицепами и палатками — только в кемпингах» (их четыре).

«Нельзя рубить живые или стоящие деревья. Купите древесный уголь или запаситесь дровами».

«Получите разрешение на костер. Уходя, потушите его».

«Заберите с собой отбросы, которые не могут сгореть в костре».

«Все животные в парке дикие. Не кормите, не приближайтесь».

«Вырезал имя на дереве — опозорил себя».

Не слишком сложные правила. Допускаем, однако: привыкшие к вольным хождениям «по компасу» почувствовали бы себя тут

так же, как чувствуют в доме, где хозяйка излишне уж аккуратна — половички, скатерти... А что прикажете делать?! Без соблюдения правил (надо заметить, американцы их уважают) всю красоту можно вытоптать в одно лето

Что касается системы обслуживания (отели, бензоколонки, конюшни, прокатные пункты инвентаря, кемпинги, кафетерии, лавки со льдом, древесным углем, фотопленкой и сувенирами), то она безупречна. Ее ведут специальные компании. Но крылья у частной инициативы подрезаны. Место в парке сдают лишь в концессию. Нажива в ущерб природе тут ограничена. Только пять процентов земли каждого парка освоено дорогами и обслуживанием. Остальное — нетронутая природа. Важно отметить: любое строительство ведется с учетом особенностей парка. Ошибки прошлого, когда сооружались дворцы-гостиницы, исправляются ландшафтными архитекторами — «постройка должна быть возможно меньше заметной, органически соединяться с пейзажем». Материал для строительства, как правило, — дикий камень и дерево. Многочисленные знаки и всякая информация для прочтения продуманы очень тщательно. Никакой пестроты — коричневый столб, коричневая доска, желтые буквы. Так во всех парках — солидно и неназойливо. Мы не увидели ни одного случая покушения на эти знаки с ножом, никто не стреляет в них дробью...

Управляют парком: директор, три-четыре биолога, санитарная служба и служба охранников-рэйнджеров.

Порядки для посетителей строгие. За браконьерство — конфискация транспорта и оружия, крупный штраф. Нарушение мелкое — штраф, выдворение из парка... Карательные меры, однако, предупреждает хорошо организованная служба информации и разъяснений: беседы у вечерних костров, брошюры, карты, иллюстрированные издания... Вся служба парка подчиняется управлению парками в Вашингтоне. Управление, в свою очередь, является частью министерства внутренних дел. В Шенандоа мы были в самом начале сезона. Только что стоял снег. Хребты Аппалачей

еще не окутала зелень. Посетителей было немного. Заповедник дремал, просторный и тихий. В идеале такой и должна быть тут обстановка. Многие годы такой она и была. Но есть теперь у «музеев под небом» свои проблемы.

«Не погубит ли успех национальные парки?» Так называются репортажи Роберта Кана, получившие Пулитцеровскую премию (высшая национальная премия США по журналистике). Пять лет назад все колокола — телевизионные, газетные, научные, коммерческие — ударили в набат: «Национальные парки в опасности! Перенаселение...» Роберт Кан для изучения этой проблемы «проехал 32 тысячи километров, побывал в тридцати с лишним парках, беседовал с двумя тысячами людей». Его суждения признаны самыми объективными, а конструктивные предложения — самыми дельными. (Сегодня журналист Роберт Кан — советник президента по охране среды.) Мы прочли пятнадцать статей, изданных книжкой, и встретились с Робертом Каном. Приводим итог разговора и выдержки из статей.

«Да, проблемы. И очень серьезные. Парки становятся жертвой собственной популярности. Взрыв посещения фантастический. В 1941 году — 21 миллион посетителей. В 1955 году — 50 миллионов. В 1966 году — 137 миллионов. В 1971-м — 200 миллионов. Что это значит? В разгар сезона дороги в парках забиты сплошным потоком автомобилей. Смог на дорогах такой же, как в городах. Пробки могут быть часовыми. У популярных мест, например у гейзеров в Йеллоустоне, толпы — в несколько тысяч. В кафе очереди. Ходят уже не только тропами. Разрушается тишина... В парках ищут сейчас спасения от городов и приносят сюда городские проблемы: наркомания, бандитизм, грабежи. Парки оказались идеальным местом для воровства — открыть без присмотра стоящий автомобиль сущие пустяки. Помещения парков раньше не знали замков. Теперь всюду замки. Природа, ради которой едут сюда, под угрозой эрозии. Болезни эти в особенно острых формах замет-

ны в Йеллоустонском и Йосемитском парках, наиболее популярных...

Лекарства?.. Как все лекарства, они горьковаты. Но как показал опрос, американцы готовы их проглотить. Вот они.

Места ночлега вывести за пределы парков. Никаких развлечений. Беготня, игры, всякого рода увеселения — все за границы парка!

Закрыть по возможности доступ в парки автомобилям (как минимум — ограничить). Ввести специально для этого созданный транспорт. Автобусы будут ходить по строгим маршрутам с остановками в нужных местах.

Растянуть сезон посещения так, чтобы срезать пики наплывов в летние месяцы. (Возможно, для этого придется в разное время делать каникулы в школах.)

Всемерное сокращение посетителей. Для этого рекламировать менее популярные парки, открывать новые и как главное средство — ввести «театрализацию». Сейчас идут изыскания: сколько людей может вместить каждый парк, чтобы отвечать своему назначению. По числу «кресел» будут продаваться билеты. Придется соблюдать очередь.

В качестве мер, пока что спорных, предлагается:

Резко повысить плату за въезд (до 20 долларов). Не строить в парках дорог, ограничить комфорт. («В общении с природой человек должен довольствоваться только необходимым») Экзаменовывать посетителей — «знаешь ли правила поведения в природе?». Установить лимит времени пребывания в парке.

Роберт Кан убежден: эти меры дадут желаемый результат.

Таковы у «музеев под небом» достоинства, устройство, проблемы. Мы рассмотрели их бегло. Возникни практический интерес — их следует изучить специально. Столетний опыт заповедного дела в Америке — это ценность. А этого рода ценности — достояние всех людей. Землю надо беречь сообща.

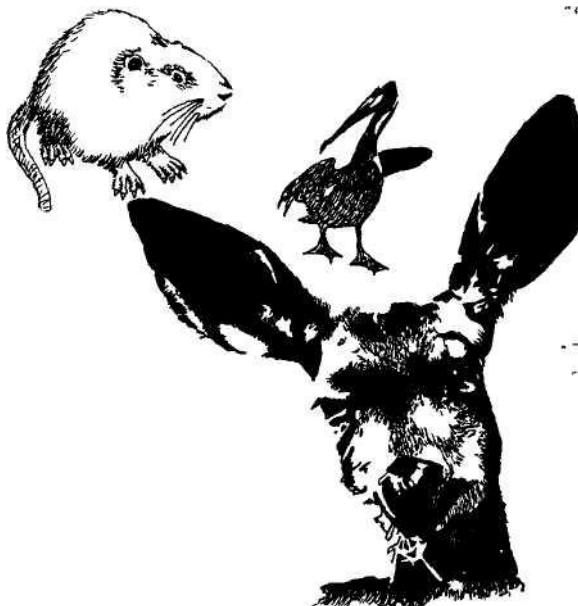
В свете фар сверкнули глаза, быстрая тень метнулась через шоссе. Собака? Вряд ли. Южный угол Дакоты угрюм и пустынен. Холмы, горбами встающие друг за другом. Холодный, бесстрастный отблеск дорожных знаков. И вдруг два живых огонька. — Койот...

Даем задний ход, ставим машину наискосок — осветить фарами гребень холма.

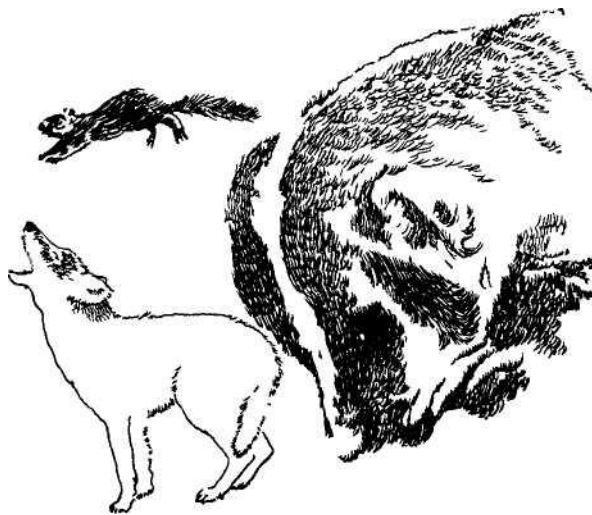
Ясно, это койот, хотя мы оба видим его впервые. Он почему-то не скрылся за гребнем, наострив уши, наблюдает за нами. Свет едва его достигает. Можно лишь догадаться, что шерсть у зверя и метелки полыни примерно одного цвета. Койот рискует. Дробь его не достанет, но пуля наверняка. И все же он не спешит укрыться за гребень, любопытство держит его на месте.

Койот — близкий родственник волка. Точнее сказать, это и есть волк, равнинный луговой волк. И все же волк в Америке — это волк, а койот — это койот. Волков почти полностью истребили, а койот пока держится.

Вряд ли есть на земле еще зверь такой жизненной силы. Убивали койотов без одной ноги; с перебитыми, но сросшимися ногами; без челюсти; оскальпированных; с колючей проволокой, впившейся в тело. Он приспособился к климату всех широт, он изворотлив, хитер и находчив, осторожен и дерзок. В любом месте койот найдет себе пищу. Его добыча — мелкие грызуны, птицы и птичьи яйца, змеи, лягушки, желуди, виноград, земляника, горох, кузнечики, падаль. Ну и справедливым койоты считают дележ с человеком кур, ягнят и телят. Вот почему закон милосердия этого зверя обходит. Койотов бьют беспощадно. И по этой причине зве-



увидеть зверя



рю невольно сочувствуешь. При нынешнем натиске на природу человек сознательно дает шансы выжить многим животным, оберегает их. Этот же зверь обязан жизнью только самому себе.

Минут восемь, не выходя из машины, мы наблюдали койота. Дикое умное существо глядело с пригорка. В сильный бинокль видны были искорки глаз, торчком стоящие очень большие уши. Зверь не такой скуластый, как волк, в морде, пожалуй, есть что-то лисье... Игра в молчанку, наверно, интриговала койота, и неизвестно, как долго он простоял бы, но на шоссе сзади скользнули лучи быстро идущих автомобилей. Мы поспешили дать им дорогу. И все. Койот мгновенно исчез. Очень возможно, что он все-таки наблюдал, как двое людей прошли по холму, помяли в пальцах пахучие стебли полыни, посветили фонариком, посвистели и вернулись к машине.

На чужой земле любая травинка, любой след, звук, всплеск на воде будоражат твоё любопытство. Как хотелось иногда неторопливо уйти от шоссе хотя бы на километр. Смоляная духота леса, покрытое белым туманом болото, степные речонки в кудряшках ивы и тополей прятали недоступную глазу жизнь. Шоссе было берегом океана, на который лишь изредка волны бросали глубинную живность.

Этот койот в Дакоте... А через день в штате Вайоминг в полдень при ярком солнце мы увидели стадо вилорогих антилоп. Они паслись в болотце рядом с дорогой и, казалось, не обращали внимания на пролетавшие мимо автомобили. Но стоило одному из них сбавить ход, замереть (на почтенном расстоянии от болотца), как антилопы дружно подняли головы. Машина тихо попятилась — антилопы сошлись кучнее. Из машины вылез фотограф — антилопы, подобно кузнечикам из-под ног, желтоватыми пятнами брызнули по пригорку. Но совсем убежать они не спешили. Зная, что любопытство держит на месте этих аборигенов Америки, фотограф подливает масла в огонь — расставил широко в стороны руки (в одной — фотокамера, в другой —

белый платок) и, плавно покачиваясь, идет на пригорок. Хорошо видно: антилопы волнуются — хвосты над белыми «зеркальцами» нервно шевелятся, головы круто повернуты. Критической дистанцией оказались шагов полтораста Первой срывается то ли вожак, то ли самая осторожная, и за ней все — в четверть минуты стадо скрывается за холмом. Но великая вещь любопытство! Пока фотограф выливает из ботинка болотную жижу, антилопы возвращаются на пригорок. Стоят, смотрят... Возможно, эта игра могла бы и затянуться. Но люди ведь тоже существа любопытные. Из проезжающих по дороге автомобилей видят необычное зрелище. И вот уже три машины стоят у обочины. В обход болотца бежит девчонка в голубых шортах и старик с фотокамерой. Но это уже слишком для антилоп...

В штате Вайоминг мы, пожалуй, больше, чем в другом месте Америки, извели пленки на птиц и зверей. Олени, бизоны, лоси, медведи, бурундучки, вороны, казарки и кулички, казалось, только и ждали фотографа. Но все, что слишком доступно, не может взволновать так же, как нечаянная встреча с диким и осторожным зверем. Даже лось (он чем-то неуловимо отличается от нашего), со всех сторон обхоженный нами в Йеллоустоне, совсем иным зверем показался в штате Айдахо, когда он лишь на минуту выскочил на поляну и тотчас ринулся в гущу приречного тальника. Хруст веток, хлюпанье, плеск воды... И вот уже лось отряхнулся по другую сторону речки, опасливо оглянулся и сразу же скрылся в подлеске.

Иногда, зверя даже и не увидев, испытываешь необычайное волнение от сознания его близости. В Аризоне, у края знаменитого Большого Каньона, мы встретили возбужденного человека. Он уверял: только что видел пуму. «Она поднялась на скалу, потянулась вот так и прыгнула. Вон туда прыгнула, поглядите в бинокль». Человеку ужасно хотелось поделить с нами радость. Но пуму мы увидели лишь в Вашингтонском зоопарке. Хищник (на вид — помесь льва с рысью) дремал под визг ребятишек. Но можно было представить

этого зверя в трехметровом прыжке на спину оленя или идущим по гребню скалы в Каньоне.

В Америке обитают 400 видов млекопитающих. Если бы выстроить, как на смотру, все четыреста видов, то, проходя мимо, мы различили бы много знакомых: лось, олень, антилопы, медведи, волк, выдра, бобр, лисы (красные и серые), дикобраз, россомаха, норка, куница, рысь, белки, бурундучки, дикие свиньи пекари... Европейцы, вслед за Колумбом ступившие на неожиданно найденный континент, сразу поняли его родство с Европой и Азией. Бизон мало чем отличается от зубра. Медведи, бобры, лоси, волки и лисы имели те же повадки. Пуму посчитали за льва. И, пожалуй, только четыре животных были тут явно чужие. Тяжелая небоязливая птица индейка, столь же небоязливый вонючий скунс, белка-летяга и странный, «носящий детей в кармане», опоссум. Эти «коренные американцы» стоят особого разговора. Они и сегодня поражают так же, как поражали первых белых охотников.

А вот ондатру в болотистой пойме Миссисипи мы разглядывали как хорошо знакомого «своего зверя». А между тем ондатра — коренной самобытный американец. Переселенцы не сразу ее заметили (в те времена настоящую цену имели только бобровые шкурки), но сегодня ондатра едва ли не главный поставщик добротного и красивого меха. У нас в стране ондатра нашла вторую обширную родину и расселилась поразительно быстро. В 1928-м американку впервые к нам завезли. Через десять лет ее стали уже промышлять. А в 1956 году было добыто шесть миллионов ондатровых шкурок. Из многочисленных вольных или невольных переселений животных ондатру надо считать эмигрантом очень желанным. (В плотно заселенных местах Европы она, впрочем, объявлена вне закона — разрушает плотины и дамбы.)

В Америке ондатру кое-где истребили, но не сознательно, а в результате изменения режимов рек, озер и болот (за последние 30 лет численность сократилась почти в три раза).

Но в разном числе ондатру по-прежнему можно встретить на всех широтах от Аляски до Мексики и от восточного побережья до Калифорнии. Американцы тратят немало усилий для сохранения зверя. У Миссисипи мы наблюдали систему специальных запруд, плоты и убежища для ондатры. Тут истребляют хищников, приносящих урон пушному хозяйству.

В жизни Америки до последнего времени животные играли заметную роль. А если глянуть назад лет на 150—200, в те времена, когда разведку земель вели охотники и лесные бродяги, мы увидим: жизнь человека во многом зависела от того, с пустыми руками или с добычей вернулся он в хижину. А еще раньше, до белых людей, природа снабжала аборигенов Америки всем, что надо было для жизни. И дело не только в том, что охота давала индейцу пищу, мех, шкуры и украшения. Духовная жизнь людей находилась в тесном переплетении со всем, что бегало и летало, плавало, ползало и порхало. Перечитайте «Песню о Гайавате» или записки индейца Серой Сова, и вы почувствуете этот далекий, увы, потерянный мир. Поэзия бытия, школа познаний, объяснение смысла жизни, обряды, лечение от болезней, поверья — все у индейца тесно соединялось с жизнью животных. У каждого племени был свой, особо почитаемый (тотемный) зверь или птица. Весь строй имен был связан с названиями животных, Новорожденных называли: Орлиный Глаз, Одинокий Бизон, Серая Цапля, Бродячий Бобр, Журавлиное Перышко, Пятнистый Лис, Красное Облако, Отставший Лось... До сих пор имена детям индейцы ищут в «священных» природе. В Южной Дакоте мы говорили с двумя парнями из племени сиу. Их звали Клиренс Двукрылый и Джо Двукрылый. В блокноте у нас были выписки из «Песни о Гайавате», и очень хотелось проверить названия птиц и зверей, упомянутых в знаменитой поэме. Но держались Двукрылые напряженно (от белых индеец всегда ожидает каких-нибудь неприятностей), и природы разговор не коснулся. А между тем вот они, названия птиц и зверей, в том виде, как записал их Лонгфелло и как

сохранил их звучание Бунин в переводе на русский. Амик — бобр, Аджидбмо — белка, Амо — пчела, Кэноза — щука, Моква — медведь, Мушкодаза — глухарка, Шух-шух-га — цапля, Куку-Кугу — сова. По этим звучным словам мы чувствуем самобытность и поэзию индейского языка, непосредственность восприятия мира природы. Произнесите название совы — Куку-Кугу, — и вы обнаружите: это же птичий крик! Да, именно так кричат по ночам совы и в Америке, и у нас. А если вы слышали, как взлетает молчаливая цапля (шух-шух-шух — ударяют по воздуху крылья), вам сразу станет понятна природа индейского слова.

Сейчас дикий животный мир лишь для очень немногих остался источником существования. Зато масса американцев осознала, «как бедна и скучна будет жизнь, если землю заполнят только автомобили». Иногда даже чувствуешь: ценность человеческой жизни ниже ценности жизни животных. В фильмах никого не коробят убийства и пытки людей, но зрители протестуют, если объектом жестокости стало животное. «Это закономерно, — сказал нам в беседе на эту тему один из биологов, — человек размножается, расселяется без всяких ограничений, а некоторых животных мы считаем уже по пальцам».

По животным тоскуют. Житейски люди порывают нити, соединявшие их с природой. Подавляющее число американцев живет в городах. Наезды в национальные парки и отдых в зеленых зонах не восполняют потери. Человек хочет видеть животных возле себя постоянно. В большой мере, как пишут сами американцы, способствуют этому разобщенность людей, жестокость и бессердечность, царящие в обществе, одиночество, в ком же находят друга? В собаках и кошках в первую очередь. Процветают зоологические магазины. Возникла целая индустрия обслуживания животных.

В Вашингтоне мы посетили один из трехсот разбросанных по стране специализированных магазинов, встречающих тебя изречением: «Настоящую любовь за деньги можно купить только здесь!» Это был пора-

зительный магазин. Мы с любопытством рассматривали полки, где стояли собачьи консервы, мешочки с зерном для птиц, пакеты с комбикормами, баночки с сушеными насекомыми и молочными порошками. (На еду для животных Америка тратит два миллиарда долларов!) У полки с пластиковыми костями, пластиковыми бананами и морковками («имеют естественный запах!»), с пластиковыми сосками для собак, с нарядными подушечками и элегантными кроватками для кошек мы задержались и чем-то привлекли внимание молодого щеголеватого продавца.

— У джентльменов есть какие-нибудь пожелания?..

Мы извинились. Но удержать улыбку при виде собачьих ботинок, беретов, пальтишек, трусишек, мохнатых купальников (надписи — «чистый хлопок», «чистая шерсть», «сшито по последней моде») было нельзя. Нельзя и перечислить всего, что, спекулируя на любви к животным, производят на свет дельцы. На полках лежали собачьи плащи с капюшонами, собачьи очки от солнца, лак для когтей, специальная паста и щетки для собачьих зубов. Отдельно, с пометкой «новинка», лежали часы на лапу овчарки...

Извращения любви к животным поразительны. Наследство в 100 тысяч долларов «любимой собаке», специальные такси для собак, специальные парикмахерские, собачьи рестораны, похоронная служба и кладбища для собак — вовсе не анекдоты. Животное часто бывает игрушкой моды, престижа и благоглупостей. Собака, кошка, хомяк, канарейка — для богатого человека это слишком уж просто. Заводить, так уж крокодила, удава, грифа, кенгуру, обезьяну, волка, варана. И заводят.

Можно почувствовать меру любви к животным, глядя на ребятишек, несущих из магазина в Нью-Йорке морских свинок и хомячков, — зверьков бережно держат в теплых ладонях, их подносят к щеке или прячут за пазуху. Это любовь, несомненно. Без нее человеку, возможно, трудно прожить. Но выложить полтысячи долларов за привезенную с края света рыбешку, построить в доме

бассейн для «любимого крокодила», завести льва для удивления и развлечения гостей, похоронить собаку в гробу из красного дерева, с оркестром и памятником (прейскурантная стоимость похорон — 3000 долларов)... От подобной любви к животному миру редкого человека не покоробит.

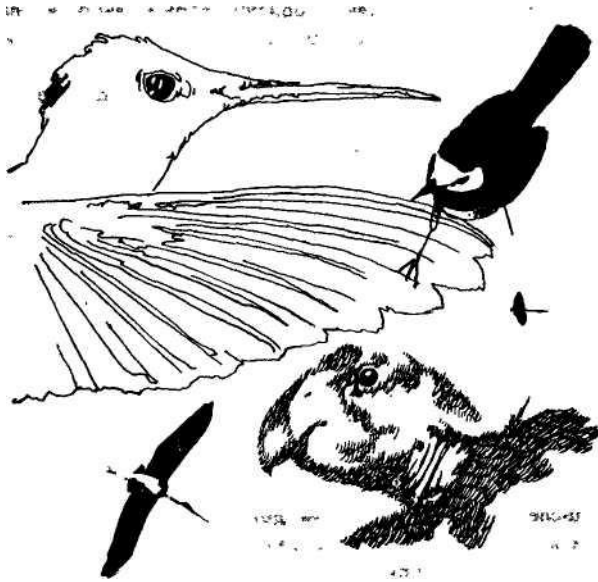
Перебирая в памяти встречи с животными, почему-то в первую очередь вспоминаешь койота в Южной Дакоте. Невероятный, молчаливый и любопытный дикарь подарил нам в дороге десяток очень хороших минут. Храни его бог от любопытства к автомобилям, ведь могут ехать люди с винтовкой.. Ну и, конечно, нельзя позабыть «вашингтонский сюрприз». Мы были в гостях в домике на краю города. Хозяин (ученый-зоолог) после ужина пригласил гостей в сад. Не успели мы сесть на скамейку, как в полосу света из окон вышел мохнатый небоязливый зверь. Белые полосы над глазами, белая оторочка ушей, два белых пятна на носу и полосатый хвост...

— Ракун?..

— Ракун, — улыбнулся хозяин и на ладони протянул зверю яйцо. Подарок был при-

нят. Без всякой боязни, держа яйцо в лапах, ракун аккуратно выпил его и, бросив скорлупки, выжидательно поднял морду. Морковка и кусок дыни были съедены так же проворно. А ломтик сырого мяса енот унес в темноту. Хозяин поднял кверху палец, и мы услышали плеск воды. Свет фонаря енота не испугал. Он шумно и с видимым удовольствием продолжал полоскать говядину в деревянном корытце. Прирученный зверь? Ничуть не бывало. Дикий енот! В отличие от нашей енотовидной собаки ракун — енот настоящий, енот-полоскун иногда называют его за повадку полоскать добычу в воде. Он обитатель лесов, но, подобно нашим ежам, приспособился жить вблизи от людей. Его встретишь на окраинах Вашингтона, живет даже в парках, в садах у домов. Визит за едой — дело обычное для енота. В середине лета самка приходит уже не одна, а приводит выводок малышей — трех-четырех белобровых, белоносых, с хвостами в полоску прожорливых ракунят.

Увидеть зверя... В большом путешествии это не менее интересно, чем встреча и разговор с человеком.



услышать птицу...



Из животных в Америке, как, впрочем, и всюду, чаще всего видишь птиц. А из птиц, пожалуй, чаще всего дроздов. В начале пути в Аппалачах мы проснулись от мелодичного пения. В горах только-только растаял снег. Деревья были еще без листьев, певца нетрудно было хорошо рассмотреть. Робин (так зовут американцы дрозда) был несомненный родственник европейских дроздов — те же формы, тот же характерный полет. Чуть иной была лишь окраска. У Великих озер дроздов мы застали уже на гнездах. В городке Клинтоне робин прилежно сидел в гнезде, свитом на перекладине лестницы, прислоненной у двери мотеля. Вечером мы снимали втянувшего голову в перья дрозда с расстояния в пять шагов. А ночью, протянув в темноту руку, можно было коснуться дрозда ладонью. Только после этого птица взлетела...

Через месяц, вернувшись к восточному побережью, в ста километрах от Вашингтона, в купленной нашим посольством усадьбе мы наблюдали черных дроздов. Выводки только-только покинули гнезда и совсем людей не боялись. Дрозды сновали по стежкам, копошились в траве, молодые ветки деревьев буквально гнулись от птиц. Мы не нашли в них какого-нибудь различия с нашим черным дроздом, разве что более суетливы, горласты и многочисленны. Скопления их напоминали стаи скворцов...

Запомнилось пение двух птиц, которых мы не увидели. На равнинах (в Миннесоте и Южной Дакоте) звенел колокольчик, напоминавший нашего жаворонка, но более резкий и звучный. А вблизи Вашингтона и почти всюду, где дорога шла лиственным лесом, мы слышали одно-

образные звуки какой-то очень распространенной птицы. Мальчишка в Пенсильвании сказал нам, что это «птица-проповедник». Орнитологи подтвердили: это народное название дано красноглазому виреону за монотонное повторение одних и тех же звуков.

Всего в Америке 800 видов птиц. От крошечной колибри до огромных, исключительно редких теперь кондоров. Кондоров и колибри мы не увидели. Но видели сов, скопу, ястребов, журавлей, цапель, уток, гусей, лебедей, куликов, куропаток. Это был привычный, вполне знакомый по Европе и Азии мир летунов. Разве что «платье» у них было скроено чуть иначе, чуть отличались окраска, повадки. Но цапли так же, как на болотах Европы, охотились за лягушками, дятел вел операции на деревьях. Ласточки и в Америке полагают, что провода вдоль дороги натянуты исключительно для сидения. Воробьи в Америке так же нахальны, как и у нас, и так же вездесущи скворцы.

Об этих двух эмигрантах из Старого Света надо сказать особо. В Америке они не водились, и поселенцы, оседая на здешних землях, тосковали без привычных у европейского дома птиц. «Частицей родины» в Америку были доставлены несколько сот воробьев. Место для жизни воробьям показалось вполне подходящим, и они начали плодиться. Радость от чириканья птиц охватила Америку. Серьезные газеты писали о воробьях вот так: «Приветствуем вас, прекрасные божьи пташки! Дышите свободой Америки, размножайтесь и пользуйтесь дарами нашей гостеприимной земли!» («Нью-Йорк геральд»). Домики для воробьев, корма для воробьев, стихи о воробьях, статьи о воробьях... Любовь всеобщая и большая, однако, кончилась очень скоро. Воробьев стало так много, что набег их на поля сделали нетерпимыми. И пронесся клич по Америке: бей воробьев! Ловушки, сети, яды, проклятия в газетах, в разного рода дискуссиях. Война с воробьями была и смешной и серьезной, ну и конечно, птицы ее проиграли. (А возможно, сама природа утихомирила вспышку чрезмерной чис-

ленности.) В наши дни воробьи Америке, кажется, не угрожают.

Другой эмигрант, скворец, был привезен в Новый Свет, когда воробей уже перенес в славу, и поругание. В 1890 году в Нью-Йорке, в Центральном парке, выпустили 100 птиц. Сто птиц всего. Но сегодня скворец едва ли не самая распространенная птица Америки, и вред от нее местами ощутимее пользы. Подобно воробью, скворец уже выдержал натиски ядов, сетей, динамита, но, судя по всему, благоденствует — стаи птиц не встречаешь разве только в пустынных районах.

В местах особенно благоприятных стаи скворцов наносят ущерб, сравниться с которым может только ущерб, наносимый полям африканскими ткачиками. В штате Кентукки, считают, обитает 11 миллионов скворцов. Дело дошло до того, что губернатор штата попросил правительство Вашингтона оказать федеральную помощь пострадавшим районам. Дело, однако, не только в поглощении урожая. Несметные полчища птиц заполняют парки и улицы городов. «Тротуары и мостовые становятся скользкими от помета», — пишут газеты. Санитарная служба США находит это опасным для здоровья людей... Такова история двух хорошо знакомых нам эмигрантов.

Из многочисленной пестрой и скромно окрашенной мелкоты опытный глаз мог бы в Америке выделить родичей наших синиц, зябликов, славок и мухоловок. И мог бы сразу заметить птиц, каких не увидишь в Европе. Мы же запомнили только двух наиболее самобытных американцев: на Востоке — пурпурного кардинала, на Западе (в районе полупустынь) — дорожного бегуна. Кардинала просто нельзя не заметить. Кто видел наших розово-дымчатых свиристелей (в Америке эти птицы тоже живут), легко представит размеры и очертания кардинала. Но окраска! Невозможно глаз оторвать от этой пурпурной спокойной птицы. Кардинала немедленно замечаешь в зеленом лесу, и можно представить, как он особо наряден и привлекателен в зимнее время. Снегирь рядом с ним показался бы скромно одетой птицей.

И дорожный бегун... Тощую голенастую птицу мы видели несколько раз у шоссе в Аризоне. Фотограф выскакивал из машины с попыткой заснять бегуна. Напрасно! Не взлетая, скорее, чем наш коростель, бегунчик скрывался в жесткой траве. Скорость серого в крапинку «шильца» — более двадцати километров в час. На полном ходу с помощью длинного, как у сороки, хвоста бегунчик может повернуть круто в сторону или сразу остановиться. В полупустынных районах Америки дорожный бегунчик занимает примерно ту же природную нишу, что и птица-секретарь в Африке — известный охотник на змей. По сравнению с ней бегунчик — малютка, но молодой гремучей змее лучше с ним не встречаться — нападает и побеждает. Так же как кардинал, бегунчик — любимая птица американцев. В штате Нью-Мексико, в лавке, где продавались предметы индейского быта, мы увидели стайку бегунчиков. Из мягкого дерева их вырезал и расцвечивал краской парень-индеец.

А на Северо-Западе, в штатах Вайоминг, Айдахо и даже в жаркой Неваде, мы встретили землячков — над заборами, над верхушками елок, в местах людных и совершенно пустынных порхали сороки. Есть ли более распространенная на Земле птица, чем эта длиннохвостая бестия?! У нас в стране она повсеместна, от Прибалтики до Камчатки, от океана на севере до самых южных границ. В штате Айдахо, проезжая мимо полянок с елками и березами, мы заглушили мотор — постоять в тишине, полюбоваться нырявшими в воздухе птицами.

И воробей способен разбередить воспоминания о доме. Но сороки в Айдахо нам показались еще и очень красивыми. Позже, листая книги об экспедиции (1804—1805 годов) знаменитых американских путешественников Кларка и Льюиса, мы нашли в них строчки и о сороке с восклицанием: «очень красивая!» Льюис и Кларк увидели птицу впервые. На восточном побережье Америки ее не было. «Прелестная птаха!» — писали землепроходцы президенту Джефферсону, пославшему их в экспедицию. Президент был любителем

птиц — «держал ручного пересмешника, храбро разгуливавшего по Белому дому». И ему в подарок с дальнего запада землепроходцы решают послать не что другое, а именно сороку. «Четыре пойманные птицы зиму держали в клетке и с первой лодкой отправили вниз по Миссури...»

Американцы птиц любят. Птичьих домиков возле жилья тут, правда, меньше, чем в подмосковной деревне, но если уж строят квартиру для птиц, то это не будет простецкий скворечник из неструганных досок или приют из дуплистой осины. Непременно замысловатой архитектуры особнячок! Все выстругано, прошпаклевано, расцвечено краской. Недостает такому жилищу разве что холодильника, электричества и почтового ящика. Но, странное дело, птицы, обычно предпочитающие простую, без выкрутасов, дуплянку, селятся и в этих «коттеджах». Впрочем, селятся не везде. Есть места, где с людьми выжить могут только неприхотливые воробьи.

В качестве заменителей живых птиц продаются алебастровые в натуральную величину дятлы, дрозды, кардиналы. Птицы искусно раскрашены. Это что-то вроде широко распространенных в Америке пластиковых цветов. Птицы пока еще не поют, но разве трудно заставить их петь в наше электронное время?!

Потеря живой природы вблизи жилья заставляет людей искать ее там, где она еще сохранилась. Этим объясняется широко распространившееся сейчас увлечение «ездить наблюдать птиц». Вооруженных биноклями, магнитофонами и фотокамерами «птичников» сейчас в стране (статистике все известно!) около девяти миллионов. «Наблюдение птиц можно назвать предрассудком, традицией, искусством, наукой, удовольствием, увлечением или скукой. Все зависит от характера самого наблюдателя», — пишет один орнитолог. Все верно. Но главное в этой непроходящей моде — тоска по миру, от которого человек отдалился либо совсем теряет его.

Некоторые виды птиц на Североамериканском континенте исчезли совсем, другие

киречены. О знаменитом калифорнийском кондоре орнитолог Роджер Питерсон в своей книге «Птицы» сообщает следующее: «Менее ста лет назад один охотник, подстрелив антилопу, подсчитал, что к туше слетелось полтора ста кондоров». Сейчас этих птиц осталось не более 40 экземпляров.

Надо отдать должное американским ученым: они ведут за птицами серьезные, планомерные наблюдения. Тщательно изучают влияние на крылатую фауну химикатов, делают все возможное для спасения обескровленных видов. Каждый год в Америке устраивается «рождественская перепись птиц». Большое число участников (около 20 тысяч) и хорошо отработанная методика приносят науке важные сведения...

Как и везде на Земле, особо интересное время наблюдений птиц — весенние и осенние перелеты. Из белых людей первым в Америке это волнующее зрелище видел Колумб со спутниками. Сегодня такой ориентир для моряка не слишком приметен — птичьи стаи катастрофически поредели. И все же каждую осень с дальнего севера, из Канады, над массивом Соединенных Штатов четырьмя путями (вдоль побережья на Западе и Востоке, над Миссисипи и Великими равнинами) движутся к югу волны пернатых переселенцев, чтобы весной пуститься в обратное путешествие.

Кое-где на пути перелетов возникают препятствия. Много птиц разбивается о небоскребы Нью-Йорка. А к западу от Великих озер, в городе О-Клэре (штат Висконсин), на пути птиц оказалась высокая телебашня. За ночь с 18 на 19 декабря 1964 года об эту преграду разбились 30 тысяч птиц, главным образом славки, горихвостки, дрозды.

Однако пути миграций от этого не меняются. В районах с устойчивым климатом поразительно постоянны и сроки прилета птиц. Вблизи Лос-Анджелеса мы проезжали

мимо разрушенного землетрясением монастыря Капистрано. Это место известно едва ли не каждому американцу, но отнюдь не своим романтической стариной. Капистрано прославили ласточки. Вот уже более сотни лет они появляются на развалинах в один и тот же день (19 марта) и в один и тот же день (23 октября) улетают. В день отлета и день прилета в Капистрано собирается много тысяч туристов и жителей близлежащих поселков. И ни разу птицы не подвели ожидающих. Зимуют ласточки в Мексике.

Покидают ли птицы землю-Америку? Для массы пернатых океан — препятствие слишком большое, и пути перелетов лежат в пределах южной и северной частях материка. Но несомненное сходство многих птиц Америки с птицами Азии и Европы заставляло подумать, что перелеты, хотя бы случайные, над океаном все же возможны. Кольцевание подтвердило предположение. Меченых странников (всего в Америке окольцовано 14 миллионов птиц — данные 1972 года) стали довольно часто встречать в Европе и Азии. Только Московское бюро кольцевания сообщило орнитологам США данные о 417 птицах (двадцати видов), залетевших в нашу страну. Если учесть, что лишь малая часть перелетных птиц снабжается меткой и лишь небольшое число помеченных попадает в руки людей, то станет понятно: перелеты над океаном не так уж редки. Птицы раньше, чем самолеты, связали материки.

В любом месте Земли птицы — самое яркое, самое щедрое, самое заметное проявление жизни. Сколько горячих слов уже сказано о важности быть бережливыми на Земле. Вот еще одно мудрое изречение — плакатик у сельской школы в штате Висконсин: «Птиц ничто не охраняет больше, чем любовь к ним».



коренные американцы



В 1782 году после горячих споров символом Соединенных Штатов был избран белоголовый орел. Хищник как будто для герба и создан — осанистый, зоркий, когтистый. Но любопытно, что в числе конкурентов на геральдический образ (без всяких шуток) был также индюк. Шансы сделаться символом государства были у индюка небольшие — «ни повадок, ни внешности, ни ума». Но вот аргументы и за него: «Это самая американская птица, ни одно животное при становлении нации не сыграло такую же роль, как индюк».

Идет ли речь об известной многим индюшке? Да, именно эта расселенная по всему свету птица могла бы служить если не символом государства, то, по крайней мере, символом земли-Америки. В штате Кентукки мы видели ферму — тысячи три молодых индюшат и сотня примерно пожилых индюков и индюшек, как две капли воды похожих на наших упрямых и своенравных птиц.

В Европу индюшка попала в числе диковинок Нового Света, как считают, в 1524 году. Это было время, когда люди поняли: не Индию, плывя на запад, открыл Колумб, а совершенно новую землю. Но птицу все же назвали индейка.

«Импортный продукт» был оценен по достоинству сразу. И конечно, в первую очередь птица попала на стол вельможам. В Венеции верховным советом был издан даже указ, запрещавший простолюдникам касаться редкой еды. Однако довольно скоро под названием «испанская кура» и «турецкая кура» индейка распространилась в Европе и стала обычной домашней птицей. Пересе-

ляясь в Америку, европейцы вместе с коровами, свиньями и гусями везли и милых сердцу «турецких кур». Можно представить удивление колонистов, когда они обнаруживали, что всего лишь вернули птицу на ее родину — леса Америки были заполнены стаями диких индеек. Вообразить обилие этих птиц лучше всего по записям землепроходцев: «Лес оглашался звонким кулдыканьем. Звуки столь громки, что в течение часа или даже больше слышна одна лишь индюшачья многоголосица, которая сливается в единый всеобщий крик...» Заметим, речь идет не о хоре маленьких пташек — «индейки достигали веса в 60 фунтов» (примерно полтора пуда). «Они так отягощены жиром, что с трудом летают. Когда подстреленная индейка падает на землю, она лопается от удара».

Охотиться при таком обилии птиц было, конечно, несложно. И для белых людей стаи индюшек на многие годы сделались главной продовольственной базой. «В глухих дебрях, где невозможно было раздобыть хлеб, ели вместо него ломтики нежного белого мяса».

Примерно 150—200 лет отделяют нынешнюю Америку от тех благословенных райских времен. Сегодня, если задаться целью специально искать диких индюшек, надо потратить немало времени. За все путешествие *мы* ни разу не слышали ни кулдыканья птиц, ни шума крыльев, хотя проезжали по местам, где индейки некогда обитали «огромной единой стаей».

Как живет эта странная грузная птица в дикой природе? Вот короткая справка по записям Одюбона, по фильму, который нам показали, и по рассказам ученых. Ноги у птицы — главное средство передвижения. Бегают быстро и скрытно. На ночь выводок ищет насест на деревьях. Любимый корм — орехи и ягоды винограда, но не брезгует птица всякими семенами, плодами, травами, насекомыми. Кормов в лесу индюшкам хватает, а если случится бескормица, они безбоязненно приближаются к амбарам, смешиваются с курами и гусями.

Врагов у индюшки великое множество. Можно назвать только главных: рысь, енот,

опоссум, разного вида совы и, конечно, в первую очередь человек. Кто не может одолеть взрослую птицу, ищет гнездо. И все же хорошая плодовитость (в кладке обычно 10—15 яиц) и приспособленность к выживанию сделали эту птицу царицей древних лесов.

Индюшки, как немногие другие птицы, широко расселились по континенту. И не крылья им помогали в этом. Каждую осень, сбиваясь в стаи, птицы предпринимали большие пешие путешествия. По замечанию Одюбона, задержать их на время может только большая река. «Они выбирают на берегу место повыше и как бы совещаются, прежде чем решиться на переправу. Индюки клокчут, надуваясь и распушая хвосты, молодежь и самки, как могут, подражают самцам. Наконец, возбуждись как следует, в тихий погожий день несколько сотен птиц начинают воздушную переправу... Старики преодолевают реку легко. Молодые же часто падают в воду и, отчаянно работая лапами, добираются к берегу вплавь...»

Эти величественные картины, увы, дело прошлого. Человек сначала без всяких хитростей добывал индюшек сколько хотел, а когда стаи птиц поредели, стал примечать моменты, в какие индюшек легче всего добыть. Птиц караулили на токах (брачные игры индеек — столь же занятное зрелище, как и у наших тетеревов: самцы демонстрируют наряд, бормочут, дерутся, иногда насмерть). Ночное сидение на дереве спасало индеек от многих врагов. Потерю одной птицы при нападении филина или белой совы стая считала «законной данью» и даже не покидала место ночевки. Но эта привычка при встречах с человеком-охотником оказалась для птицы роковой. «В лунную ночь, убив одну, стрелок брал на мушку другую... Семь-десять индеек падало с дерева друг за другом, прежде чем стая с шумом взлетала». Если учесть, что каждый землепроходец и каждый пионер-фермер был непременно охотником, царству диких индюшек в Америке быстро пришел конец.

В последние годы предпринято расселение

птицы в районы, где ее полностью уничтожили. Для этого попытались использовать давно замеченную страсть лесных индюков посещать индюшек на птичьих дворах. (Жизнеспособность потомства при этом всегда улучшалась, и ученые полагали, что домашние индюшата с приливом диких кровей выдержат испытания дикой природы.) Надежды, однако, не оправдались. Пришлось отлавливать дикарей там, где они еще сохранились, и выпускать в места былых обитаний. Эта работа, похожая на расселение у нас бобров, дала хорошие результаты — исчезающая птица снова стала объектом охоты. Но, разумеется, эта охота — спортивная. Она лишь напоминает американцам о тех временах, когда огромные стаи птиц кормили идущих в глубь континента людей.



скупнс и
гремучка



Из множества видов животных Америки этих следует выделить и даже поставить рядом, хотя внешне они ничем не похожи. Гремучка — это змея, а скупнс — небольшой, с кролика, хищник. Но есть у них и кое-что общее. Это коренные американцы, нигде, кроме Нового Света, они не встречаются. Еще в большей степени их роднят способы защищаться.

В природе немного желающих встретиться со змеею и скупнсом (человек не является исключением). У них есть нелестные прозвища: «Гремучка» и «вонючка», однако и тот и другой — джентльмены. Прежде чем причи-

нить кому-нибудь неприятность, они обязательно предупреждают. И уж если ты идешь на рожон, пеняй на себя.

В Аппалачах, юго-западной Вашингтона, мы проезжали вечером после грозы. Над дорогой стоял пахучий туман. Ароматы лопнувших почек, талой земли и обмытой дождем хвои текли из леса к шоссе. Мы опустили стекла и сбавили скорость... И вдруг тишина запахов взорвалась резкой отвратительной вонью. Пеший человек, зажав нос, наверняка побежал бы. Машина «душно пахнувший километр» проскочила за полминуты. Но мы развернулись — узнать, в чем дело. Предположение оправдалось — у края дороги лежал раздавленный кем-то скупнс. Любопытство превзошло отвращение, и мы как следует разглядели зверька. На дорогу, как видно, он вышел небоязливо, но против автомобиля его испытанное оружие было бессильным...

Европейцы, переселяясь в Америку, конечно, сразу же познакомились с многочисленным в те времена зверем. Вот самые первые отзывы. «Дьявольское отродье... Оно скорее белое, чем черное, и с первого взгляда кажется, что его следовало бы назвать милой собачкой. Но каков запах! Ни одна выгребная яма не воняет так скверно. Я полагаю, что запах греха должен быть столь же отвратителен». Писавший это священник-миссионер, как видно, получил от зверька полный заряд химикалий. Натуралист прошлого века Одюбон, хорошо знавший природу Америки, пишет о скупнсе: «Этот маленький, миловидный и по внешнему виду совершенно невинный зверек в состоянии с первого раза обратить в бегство самого ретивого храбреца... В детстве я сам испытал подобную неприятность... Мы заметили прехорошенького, совершенно незнакомого нам зверька, который добродушно обошел нас, остановился и посмотрел так приятно, как будто напрашивался в компанию... Я не мог устоять от соблазна и в восторге поднял его на руки. Но красивая тварь прыснула своей ужасной жид-

костью прямо мне в нос. Как громом пораженный, я выпустил из рук чудовище, преисполненный смертельного ужаса, бросился бежать...»

Любой деревенский житель в Америке расскажет вам о вонючке нечто похожее. Одних убийственной силы запах повергал в обморок, у других открывалась рвота, третьи бежали не чуя ног. «Одежда после атаки скунса две-три недели не годится для носки. Мытье, одеколон и окуривание несколько не помогают». Рассказы эти, возможно, лишь малость преувеличивают силу оружия скунса, и потому мы с удивлением раскрыли рты, увидев однажды зверька на руках человека. Было это в Ситон-Вилладж (Нью-Мексико), в доме писателя Сетон-Томпсона. Один из внуков писателя по деревянной лестнице сбегал куда-то наверх и вернулся за стол, держа в руках скунса. Ничего неприятного не случилось. Полосатый, с пушистым хвостом зверек был ласков необычайно, из рук принимал угощенье, сидел на коленях одного из гостей. Нам объяснили: скунсы легко приручаются, и потому опасности нет, зверек «позабыл» об оружии.

В природе скунс врагов практически не имеет. Он так уверен в оружии обороны, что не спешит убежать от кого бы то ни было. Да и бегать-то он не слишком способен. Скунс знает: все его обойдут. Медведь, лиса, волк — никто не желает встречи со скунсом. Окраска зверька предупреждает возможные недоразумения — белое с черным легко заметишь в лесу. Ну а если кто-либо по глупости или незнанию все же приблизится — тогда атака. Однако скунс стреляет лишь в крайности — зачем понапрасну тратить снаряды! Он обернется задом, подымет хвост, он топает ножками, привстает на передние лапы — «смотри, с кем дело имеешь!». Если и это не действует — пеняй на себя. Струя химикалий (главный компонент — этил-меркаптан) летит на четыре-пять метров. И скунс вполне «понимает», что целиться надо в нос и глаза...

Против человека эта защита все же неэффективна. Ружье стреляет гораздо даль-

ше, чем две подхвостные желёзки, а мишень — хорошо заметный небоязливый дикарь — отличная. На скунсов охотятся ради меха. И некогда очень распространенный зверек (он заходил на фермы, слонялся возле поселков) теперь уже редок. Лет сто назад Америка ежегодно давала на рынок четыре миллиона скунсовых шкурок. К тридцатым годам этого века промысел снизился вдвое. В 1954 году было добыто всего лишь 140 тысяч, а в 1961-м — 50 тысяч шкурок. Считают, на ставшего редким зверя охотиться нерентабельно. Это, возможно, спасет «коренного американца» от полного истребления.

В пору всеобщего увлечения переселять животных скунса завезли к нам и выпустили в Киргизии, Дагестане, Азербайджане, Приморье. В 1933 году около трех десятков зверьков пустили также в Усманский бор под Воронежем. Скунс нигде не прижился. Причина как следует не прослежена, но известно: у части зверьков не было жизненно важных для них желез (их удалили, поскольку скунсы предназначались для звероводческих ферм). Можно только удивиться — чего ожидали от эксперимента? Лишенный защитного средства, зверек, конечно, был обречен. Небоязливый, легко заметный, он был превосходной добычей для хищников, например для лисы. Можно представить, как топал ногами скунс, как страдал нападавших, полагаясь на артиллерию. А она не стреляла. Теперь о змее... Гремучка предупреждает возможное столкновение звуком. Во время охоты змея безмолвствует. Во всех других случаях она пускает в ход погремушку. Это сигнал: обойди! Если все-таки лезешь или не слышал предупреждения, змея нападает. Укус гремучки опасен. Вот запись американского натуралиста (по Брему): «Я видел индейского мальчика, который был укушен змеей. Ни одно известное индейцам средство не помогало. На мальчика было страшно смотреть. Гангрена обнажила кость на укушенном месте... Несчастный умер».

Огромная доза яда мгновенно парализует

какого-нибудь грызуна (объект охоты гремучки), но и бизону небезопасно встретить змею. Тот же натуралист сообщает: «В прерии, близ Миссури, я заметил взрослого быка, который несся как бешеный. У него на шее, за подбородком, висела большая змея...»

По рассказам переселенцев в Америку, земля эта когда-то кишела гремучками. Индейцы постель в лесу сооружали на колышках, а места для долгой стоянки из-за гремучек предварительно выжигали. Лишь в племени сиу змей почитали. (Сиу — последний слог прозвища, данного племени. Н а д о е - с и у — значит гремучая змея.)

Но надо сказать, у нынешних сиу былого почтения к гремучке мы не увидели. В резервации Пайн-Ридж у дощатого магазинчика молодой сиу у нас на глазах вытащил из-за камня гремучку. Размозжив ей голову палкой, парень кинул добычу в багажник автомобиля. На вопрос, что он с ней сделает, индеец сказал: «Зажарю».

Индейцы, наверное, и научили переселенцев без предрассудков относиться к жаркому из змей — нужда иногда заставляла людей за неимением лучшей дичи охотиться на гремучек. Для подобной охоты ничего, кроме палки, не надо, к тому же змея всегда себя выдает. По словам одного топографа прошлого века, гремучек «в маршруте ели обычно с таким же удовольствием, как и любое свежее мясо». Сегодня мясо змеи в некоторых местах Америки считают изысканным блюдом. В Оклахоме весной, когда гремучки выползают на солнце «с глазами, полными жизни и огня», за ними дружно охотятся. Облава кончается праздником с раздачей призов за лучшие экземпляры, а пойманных змей жарят и подают на закуску.

Однако это всего лишь экзотика, эхо былого. В населенных местах Америки гремучие змеи теперь уже редкость, а было их, вспоминают, «ужасающе много». В начале прошлого века двое охотников, запасавших целебный жир, за три дня убили 1104 гремучки. Змей истребляли и просто из-за страха и неприязни, из опасений за скот. Любо-

пытно, что в этом деле колонистам на помощь пришли домашние свиньи. Привезенные из Европы потомки вепрей в отличие от лошадей и коров гремучек совсем не боялись, смело на них нападали и с удовольствием пожирали. Возможно, щетина, слой грязи и жира предохраняли свиней от яда. Неуязвимость хавроний довольно быстро заметили. И прежде чем осесть в облюбованном месте, колонист, как пишут, «одалживал у соседа стадо свиней и пускал его на участок».

В Америке много хороших книг о природе. И все же поразила двухтомная книга И. Клаубера (в каждом томе 700 страниц), посвященная только гремучей змее, физиология, образ жизни, повадки, драматические столкновения с ней животных и человека, области обитания, отношение к змеям индейцев, легенды, образ гремучки в искусстве индейцев, в духовной жизни. Автор в своем труде ссылается на 1720 (!) других работ, статей и книг. Какому еще животному человеком оказано столько внимания? А ведь это всего лишь змея размером в полтора, редко в два метра.

Мы как следует разглядели гремучку в диком пустынном углу северной части штата Вайоминг. Сухие холмы, поросшие тут можжевельником и колючим приземистым кактусом, столь неприветливы, что люди их обошли. Холмы достались остаткам мустангов и змеям. Один из нас, выслеживая мустангов, в горячах мимо ушей пропустил странный звук, походивший на стрекот кузнечика, но громкий и слегка сглаженный. Гремучка! Фотограф увидел ее в полуметре от защищенной только штаниной ноги. «Песня кузнечика» мерещилась с этой минуты под каждым кустом.

Вторую гремучку увидели позже. Ее обнаружил наш проводник Джин. Змея свернулась между пучками сухой травы и была в возбуждении. Носком сапога Джин поддал в ее сторону мелкие камни. Мы подумали: сейчас сделает выпад... Но буровато-серое в поперечном узоре тело змеи не шевельнулось, только рифленый хвост стоял торчком, как антенна, и мелко подрагивал. Сигнал

«обойдите!» достиг крайнего напряжения, когда Джин почти коснулся змеи сапогом. Угрожающий звук стал похожим на треск точильного круга, к которому прикоснулись стамеской. Но стоило нам попятиться, и змея успокоилась.

На рифленом хвосте гремучки Джин насчитал тринадцать колец. Каждая линька змеи оставляет ороговевший валик из кожи. Особым образом сочлененные на хвосте роговые наросты и служат змее погремушкой.

Хвостом о землю от возбуждения ударяют многие из животных (например, лев). Это сигнал атаки. Некоторые змеи, чтобы не расходовать яд, движением хвоста заявляют: бойся, я наготове! Гремучка пошла еще дальше. Сигнальный звуковой агрегат на хвосте тысячи лет действовал ей на пользу. Но в столкновении с человеком он стал для нее роковым, ибо, заметив змею, человек всегда ищет палку.



ОПОССУМ И АССАПАН

Родственники? Нет. Роднит их только потребность искать убежище на деревьях и то, что эти коренные «американцы» были сразу замечены поселенцами из Европы. Надо признать: в глаза они не бросаются (невелики и достаточно скрытны), не усмотрели в них люди и какой-нибудь пользы. Просто были два эти зверя так необычны и самобытны, что сразу попали в число диких животных Нового Света. В самом деле, как не разинуть рот, видя висящее вниз головой на длинном, как веревка, хвосте мохнатое существо. Час висит на суку, два... день висит... Это опоссум. Дру-

гой зверь летал, хотя на птицу и на летучих мышей вовсе не походил. Это был ассапан. Надо думать, названия животным дали индейцы, а европейцы приняли два этих слова, ибо как на свой лад назовешь зверей, вовсе тебе неизвестных? Ассапан, впрочем, как прояснилось позже, имел на Земле близких родичей — летающих белок Азии и северной части Восточной Европы. Постепенно его и стали называть летающей белкой, по-русски летягой.

Интересны первые записи европейцев, увидевших двух неизвестных животных. Некий Ле Муан д'Ибервилль в 1699 году сообщает: «Это животное с головой молочного поросенка и примерно его размеров, с шерстью барсука — серой с белым, — хвостом крысы и лапами обезьяны, а внизу живота у него имеется сумка, в которой оно производит на свет и выкармливает детенышей». Портрет опоссума нарисован довольно ярко и точно. В одном Ле Муан ошибался. В сумке детеныши не рождаются, хотя, как пишет историк Дж. Бейклес, бывала легенда, будто опоссумята «появляются, как почки на ветках деревьев, развиваются на материнских сосках и затем отделяются!». Сегодня, когда мы знаем о кенгуру и других сумчатых континента Австралии, особого удивления «ложный живот» опоссума не вызывает. Но Америка была найдена европейцами раньше Австралии, и мудрено ли, что опоссум возбуждал всеобщее любопытство. Нам и сейчас интересно узнать, что двенадцать-шестнадцать опоссумят, рожденных через две недели после зачатия, не имеют ни глаз, ни ушей — «один только рот, чтобы повиснуть на материнских сосках». «В это время мать не позволяет заглянуть в сумку, если ее даже за хвост поднять над костром», — пишет один «любопытный» европеец, испытавший, как видно, стойкость опоссума. За десять недель сидения в сумке опоссумята становятся похожими на мышей, а потом и на крыс, и наконец мать выпускает эту ораву детей на свет, но продолжает о них заботиться, обучает ремеслу жизни.

Брем в своей «Жизни животных» начинает

рассказ об опоссуме очень нелестным словом: «Не отличается ни окраской, ни какими-либо привлекательными чертами характера и справедливо считается крайне противным созданием». «Вследствие вреда, который опоссум причиняет домашним птицам, если проникает на ферму, его всюду ненавидят и беспощадно преследуют», — читаем дальше. И заключение: «Он вял, ленив, сонлив и кажется отвратительно глупым... Если дразнить, то от него можно добиться лишь одного движения: он открывает пасть насколько может и держит ее открытой все время, пока перед ним стоят, точно ему вставили в рот распорку». Убийственная неприязнь. Человек от такой характеристики умер бы с горя. А зверю какая разница, тем более что он вовсе не так уж глуп и бесчувствен, каким показался Брему в неволе. В своих лесах опоссум проворен, умеет выследить белку, крысу, ловит лягушек и птиц, приметил гнездо индюшки — яйца его. Он хищник, но в голодное время не брезгует семенами, кореньями, молодыми побегами. На земле этот зверь неуклюж и бежит всего лишь со скоростью «добрého ходока». По этой причине в момент опасности он ищет спасения на дереве, и там, где погуще.

Курятники — его слабость. Подобно хорьку, опоссум до одури кровожаден. Задушив петуха, он не торопится скрыться с добычей. Он предаётся пиру, выпивая у поверженных кур только кровь. От крови опоссум как бы хмелеет, и нередко его находят спящим в курятнике. Можно представить негодование фермера при виде этой картины. Приговор всегда одинаков. Но бывает, опоссум все же спасается. Пнув напоследок разбойника, фермер считает дело оконченным. Но стоит человеку уйти, зверь открывает глаза и, поднявшись, трусцой убегает — он всего лишь прикинулся мертвым. Любую боль опоссум выносит, ничем не выдав притворства. Это единственный шанс спастись в такой ситуации.

Путешествуя по Америке, на воле опоссума мы не встретили. Мы разыскали его в Вашингтонском зоопарке. Зверь в самом деле

был неприметен — лежал в вольере, свернувшись калачиком, и только принесенная пища его слегка оживила. На клетке было написано: «обычен в Америке», другими словами, встретить его нетрудно. Зверь вполне процветает. Но мало того, он лучше любого другого животного терпит превратности, чинимые человеком в природе. Опоссум приспособился жить даже в черте Нью-Йорка. Его замечали в десятке шагов от построек ООН. Вы, возможно, подумали: это, наверное, сравнительно молодой, очень пластичный вид млекопитающих? В том-то и дело, что нет. Древнейшее из животных! Человек со своими курятниками и небоскребами просто дитя по сравнению с этим зверьком. Опоссум живет на Земле семьдесят миллионов лет. И, считают, всегда был таким, каким мы видим его теперь. Разыщите снимок опоссума. На вас смотрит живая древность планеты. На второй подаренной нам фотографии — белка-летяга. В конце книги рассмотрите внимательно снимок. Вы видите редкий момент. Снимать летягу очень непросто. К тому же на игрища белки собираются по ночам. Описание этого удивительного зрелища (до сотни белок носится в воздухе!) есть в превосходных очерках американки Салли Кэрригер «Дикое наследство природы» (книга у нас издавалась). «Во время полнолуния, наступающего после осеннего равноденствия, мы можем увидеть, как ведьмы летают на помеле. Они видны на фоне луны, которая так похожа на тыкву, посеребренную октябрьским заморозком». Вероятно, именно эту картину увидели европейцы в Америке, не вполне еще понимая, кто это может, подобно огромным листьям, кружиться между деревьями в тихую лунную ночь? Ведьма на помеле... Глядя на снимок, можно скорее подумать, что видишь небольшой ковер-самолет, совсем небольшой — чайное блюдце с хвостом!

Белки-летяги еще сохранились в Америке. Но большинству людей они знакомы только по снимкам. Этот лесной поэтический грызун от обычной нелетающей белки отличается не

только умением планировать в воздухе. У него свои вкусы в еде — ассапан, помимо орешков, любит еще и мясо и умеет его добыть. Большая подвижность позволяет американской летяге преследовать мелких птиц, нападает она также на всех, кого в состоянии одолеть. Что же касается механизма ее полета, то послушаем Салли Кэрригер. «Забравшись на высокий сук, белка плотно соединяет вместе лапы, вытягивает вперед свой небольшой острый нос и нацеливается глазами на отдаленную точку полета. Затем она начинает в нарастающем темпе раскачиваться взад и вперед, как бы набираясь сил, а может быть, и решительности, и вдруг прыгает

в воздух. В тот же миг ее лапы оказываются широко растопыренными, «парашют» раскрывается, и белка начинает планирующий полет в намеченном направлении... Движения животного граничат с искусством».

Бескрылые летуны завораживали индейцев. Они поразили и озадачили европейцев, они изумляют сегодня каждого, кто их увидит. В самом деле, представьте осеннюю тихую ночь в облетевшем дубовом лесу. Луна «как спелая тыква», и сотня бесшумных, похожих на очень большие листья зверьков носится в воздухе. Это ль не праздник жизни!



пуще неволи.



Попросите американца назвать трех-четырёх президентов, сменявших друг друга, или спросите, кто был спутником у Армстронга при высадке на Луну, — ваш собеседник может замяться. Но спросите, кто такой Дэниэл Бун или Уильям Коди по прозвищу Буффало Бил, и человек немедленно оживится. Еще бы, речь идет о знаменитых охотниках. В северных штатах, начиная от Миннесоты, в музеях, куда заходят на полчаса скрасить монотонность пути, среди пыльного хлама (старинные ружья, седла, колеса, котлы, полинявшие сюртуки, стрелы и луки индейцев, поблекшие снимки, швейные машинки «зингер» и старые телефонные аппараты) обязательно есть экспонат: шляпа Буффало Била. Никаких пояснений, коротко: «шляпа Буффало Била», ну все равно как «сапоги Петра I».

За дорогу мы видели пять или шесть таких шляп. А в штате Вайоминг въехали в городок с названием Коди.

— Простите, не по имени ли знаменитого охотника?..

— Да, сэр, Буффало Бил жил в этом городе, — ответил встречный, явно гордясь земляком.

феномен популярности Уильяма Коди и многих других старых охотников — явление особо американское. Открытие и освоение новых земель начиналось с охоты. «Континент завоеван ружьем и капканом», — сказано в одной книге.

Близость к природе, постоянное противоборство с ней, счастливая возможность «бросить все и податься на новые земли», несомненно, оставили отпечаток в характере американцев. Они любят и знают свою природу, считают ее «храмом-крестителем нации». Охота, как можно заметить, в этой стране не просто

мужская страсть и /довольствие быть с природой наедине, это еще и некое утверждение себя. Хемингуэй, пожалуй, наиболее яркий тому пример. Но вспомним также и Лондона, Фолкнера, Стейнбека, Сетон-Томпсона, Одобона. Охотники! По характеру дети своей земли, они и в творчестве не прошли мимо охоты.

Сегодня литература, однако, всматривается уже не в гущу лесов с идущим по ним следопытом, а в дебри городских джунглей. Тут сегодня арена страстей человеческих. Недавний романтический следопыт больше не существует. (90 процентов охотников живут в городах.) Нынешний охотник — человек механизированный, он бежит в природу на день-другой очнуться от карусели городских будней. Он будет гордиться, если осилил десяток миль пешим ходом, был под дождем, посидел у костра, пострелял, пусть даже в пустую бутылку. Такая нынче охота... Драматизм перемен состоит в том, что романтический Буффало Бил с его трофеями — полторы сотни бизонов в день¹ — жил недавно, об этом можно судить хотя бы по фасону шляп, которые выставляют в музеях. Слишком быстро «все скатилось под гору, и очень много потеряно». Но даже остатки былого в природе оставляют пока что место охоте, и она не такая уж бедная. Она, пожалуй, богаче, чем в любом другом месте Земли.

За год американцы бьют 45—50 миллионов промысловых птиц (примерно 13 миллионов уток, более миллиона гусей, 12 миллионов фазанов, остальное — голуби, куропатки, индюшки). Оленей (вапити, черных и белохвостых) убивают более миллиона. Антилоп — примерно 60 тысяч, лосей — 13—15 тысяч. Добывается также 15 миллионов диких кроликов, миллион зайцев. Миллионами исчисляются шкурки пушных зверей.

Сами охотники тоже сосчитаны. Три с половиной миллиона из них организованы в общества. Всего же «охотой балуются» примерно 17 миллионов владельцев винтовок и ружей.

В Вашингтоне мы побывали в главном штабе охотников и рыболовов. Это специальный

большой отдел министерства внутренних со штатом в 405 человек (237 специалист охотоведов и 168 технических служащих) бюджетом без малого в 8 миллионов долларов. Полагая, что цифры лучше все объясняют любое дело, нам сразу сказа; на рыбалку и охоту американцы ежегодно тратят примерно 12 миллиардов долларе Статьи расходов: покупка снаряжения и транспортных средств, научные исследования поддержание в порядке угодий, расселении дичи, содержание службы охраны. Сюда ж входят расходы богатого человека на поезд ку, например, в Африку или оплата стрельбы с самолета аляскинского медведя (4 тысяч) долларов). Как и во всех сферах жизни Америки, богатый и в охотничьем шалаше остается богатым. Ружье изготовлено для него по заказу, к месту охоты он прилетает на собственном самолете, на рыбалку — на собственной яхте. Простой охотник сам заряжает патроны — «удовольствие и экономия: долларов 10—15». Богатые тоже не прочь повозиться с дробью и порохом, но машинку для закрутки патронов он покупает за 800 (I) долларов (есть подобной цены агрегаты).

Рыночная стоимость добытой дичи не окупает, наверное, и десятой доли огромных затрат. Охота в США — это главным образом спорт, «средство оздоровления народа, поддержание в нем духа исследователей».

Человеку с ружьем в отличие от человека-туриста разрешается появляться в частных владениях. (85 процентов охотничьих угодий — частные земли, и 80 процентов всей дичи добывается именно тут.)

Но охотники платят владельцу земли либо с помощью разного рода средств помогают улучшать землю. В последние годы, не выдержав конкуренции с корпорациями, производящими мясо, зерно и овощи, некоторые фермеры считают выгодным отдавать землю в аренду охотникам.

Растущий спрос на охоту заставил американцев идти по пути европейцев — создаются охотничьи резерваты с искусственно выращенной, полудомашней дичью. И это, конечно, уже начало охотничьего конвейерного

ширпотреба. Но американцы еще не отвыкли от охоты добрых старых времен, стрельба в полудомашнюю птицу вызывает у них отвращение — «так можно стрелять и кур у себя во дворе». Однако сохранение дичи и, стало быть, истинной охоты требует немалых усилий. Нужны точные научные рекомендации. Ни средств, ни усилий американцы для этого не жалеют.

Из многих программ по улучшению охотничьих угодий США наиболее эффективной оказалась программа переселения зарубежной дичи из сходных географических зон. Изучая запасы дичи в стране, ученые обнаружили: многие виды местных охотничьих птиц истощены так, что восстанавливать их процветание бессмысленно — необратимо нарушена среда обитания. Выжить в этой среде могут только животные, уже привыкшие к угольям, сильно измененным людьми. Руководствуясь этим, в Европе и Азии присмотрели около сотни птиц разных видов. Восемнадцать из них нашли пригодными к жизни в США. Эмигранты должны были соответствовать двум главным условиям: не встречать в Америке конкурентов (иметь, как сказал бы зоолог, свою экологическую нишу) и представлять собою интересный объект охоты, «которая ни в коем случае не должна быть легкой».

В числе завезенных в Америку оказались: фазан, серая куропатка, горная куропатка (кеклик), глухарь, тетерев, рябчик. В различных зонах выпустили 16 тысяч отловленных диких птиц и 50 с лишним тысяч этих же птиц, выращенных в неволе. Сейчас подводят итог. Глухарь, рябчик и тетерев как будто не прижились. Зато фазаны и куропатки обоих видов прижились хорошо. «Эмигранты» составляют примерно треть всей добываемой птицы (15—17 миллионов). Из местных пород удалось возродить индюка. В министерстве внутренних дел нас принимал заместитель министра Рид Натаниэл. Высокого роста, волевой, энергичный, необычайно располагающий к себе человек, при-

надлежит в Америке к числу смелых и убежденных защитников природы. Об охране природы и шел разговор. Охоты коснулись в перерыве за чаем. Приводим блокнотную запись беседы.

Рид Натаниэл: Охотников мы не считаем разрушителями природы. Напротив, они первыми проявили тревогу об оскудении фауны. Их усилиями и на их средства для охраны природы сделано очень много. Президент Теодор Рузвельт был страстный охотник, и, я считаю, именно этому обстоятельству мы обязаны важнейшими за всю историю США законами, оберегающими природу. Разумеется, речь я веду о культурных охотниках. Просто вооруженные люди — их у нас очень много, — если пустить охоту на самотек, могут, конечно, в два-три года превратить Соединенные Штаты в пустыню. Но наше ведомство как раз и существует для того, чтобы этого не случилось.

Вопрос: Каков же контроль?

Ответ: Первое. Повсеместно мы запретили весеннюю охоту, исключение — охота на индюков в Пенсильвании. Второе. Осенние сроки тоже регламентируем. На пролетную дичь они иногда ограничены 5—6 днями. В зависимости от ситуации (например после трудных зимовок), случается, вводим полный запрет на отстрел какой-либо дичи. Охота у нас запрещена без оплаченного разрешения на нее.

Вопрос: Что же платит охотник?

Ответ: Для местного человека плата 7—9 долларов. А если из Вашингтона я приеду охотиться, скажем, в Монтану или в другой какой штат, платить надо уже порядочно, до 150 долларов. Кроме того, на каждую единицу дичи надо купить лицензию. Для местных охотников убить куропатку стоит два доллара, фазана — два с половиной, оленя — шесть долларов, примерно столько же — лося. Приезжий платит дороже. То же самое касается и рыбалки. Билет-разрешение — «желтый листок» — можно купить в любом охотничьем магазине.

Вопрос: Велик ли сбор по стране?

Ответ: Немалый. Охотники платят при-

мерно миллионов 15, рыбаки, их больше, — 33 миллиона долларов в год. Все деньги идут на улучшение и расширение охотничьих и рыболовных угодий.

Вопрос: Служба контроля...

Ответ: Мы придаем ей большое значение. И она эффективна.

Вопрос: Бывают ли браконьерство, конфликты с охраной?

Ответ: Не могу утверждать, чтобы не было вовсе. Браконьерство караем без снисхождения — конфискуем оружие, снасти, автомобили. Сверх этого — штраф 500 долларов или даже тюрьма, если требуют обстоятельства... Недавно два молодца в штате Луизиана отсидели 60 дней за пустяк, по их представлению, — убили трех уток. Во Флориде, где я работал, за стрельбу по оленям и стычку с охраной один человек получил пять лет тюрьмы. Конфликты чаще всего бывают с охотником местным: он не любит ограничений: «Мы всегда тут охотились...»

Вопрос: Оружие для охотников, способ его продажи?

Ответ: Продается свободно. Выбор — что пожелаешь. Несколько крупных фирм — Ремингтон, Паркер, Фокс, Винчестер — работают на все вкусы. Традиционно винтовка у нас предпочтительней дробового ружья. Калибры самые разные. В ходу оптический прицел. Однако в последние годы охотник не только не ищет в оружии совершенства, но старается как бы «разоружиться» — ограничивает свои возможности, повышает шансы животного выжить. Популярной стала охота с луком. В штате Пенсильвания 120 тысяч таких охотников. Многие вовсе предпочитают ходить без оружия на охоту. Встречу с животными фиксируют фотокамерой. И это, возможно, будущее массовой охоты.

Вопрос: Самый доступный и самый желанный трофей для охотника в США?

Ответ: Доступны птицы: голуби, утки, фазаны, куропатки. Предмет мечтаний, конечно, медведь.

Вопрос: У охотников есть свой журнал?

Ответ: Да, конечно. В каждом штате — свое издание. И есть три журнала для всей

Америки: «Жизнь за порогом», «Река и поле», «Дикая жизнь».

Вопрос: Вы сами охотник?

Ответ: Я скорее себя причислил бы к рыболовам.

Вопрос: Интересно, какая рыба клюет в Америке?

Ответ: Постараюсь припомнить... Ну, щука, окунь, плотва, судак, лещ, сом, ерш, форель...

Вопрос: Господин Натаниэл, вы не на Волге, случайно, ловили? Исключая форель, это же волжская рыба...

Ответ: Интересно. В таком случае пора созывать американо-советский конгресс удильщиков и немедленно поделиться всеми секретами. Главный секрет открываю теперь: за стоящей рыбой надо ехать у нас далеко — в штат Миннесота, на Аляску, к Великим озерам, на дальние горные речки или. выходить в океан.

Журналисты: Секрет за секрет — хорошую рыбу и у нас тоже ловят не рядом с Москвой. А известно ли вам, что москвич - способен потратить на созерцание лунки во льду два выходных подряд? Добыча при этом — десятка три окуньков с палец. Есть ли в Соединенных Штатах хоть один человек, способный на этот подвиг?

Рид Натаниэл (хохочет): Один из-них — перед вами. Вот посмотрите карикатуру в газете: «Рид способен дожидаться поклевки даже в водопроводе». Ну а мы в путешествии попытались где-нибудь счастья?.. Возможность подержать удочку появлялась в дороге несколько раз. И мы устоять, разумеется, не смогли. В Пенсильвании парнишка, ловивший в горной речке форелей, с удовольствием дал нам удочку. Увы, пятнадцать минут, какие можно было потратить на эксперимент, окончились нулевым счетом в пользу форели. То же самое было на озере Эри, около города Клинтона. Тут, несмотря на ветер, с полсотни людей (старика, женщины, ребяташки) сидели с донками в ожидании окуней. Мы познакомились с

крайним из рыбаков, восседавшим в удобном раскладном кресле. И он немедленно предложил нам роскошную снасть и ведро с живыми мальками. Рыбаку ужасно хотелось, чтобы окунь не обошел наш крючок. Но, увы, рыбе нравилась удочка нашей соседки справа. Не обращая внимания на рев сидевшего на песке малыша, мамаша вынула одного за другим трех окуней и только потом занялась сыном... Кося глазом, мы прошлись вдоль шеренги удильщиков. Улов у каждого был на уровне подмосковного — на сковородку, не больше.

В штате Вайоминг мы неожиданно встретили рыболовную ферму. Форель тут стояла спина к спине. Приветливый Том Диксон в пять минут изложил положение дела. Он рабочий. Хозяин фермы живет в другом месте и приезжает лишь изредка. Форель на ферме покупает общество вайомингских рыболовов и выпускает в озера. Одно из них рядом.

— Хотите попробовать?.. — Том кликнул сына. — Чак, возьми удочки и проводи-ка гостей на пруд... Желаю удачи!

На зорьке, возможно, нам удалось бы перехитрить огромных пятнистых рыб, ловлей которых отец и сын Диксоны коротали время в этой глуши. Но был как раз полдень. В прозрачной воде равнодушные рыбы ходили мимо наживки. По песчаному дну под ними двигались тени. Мы только цокали языками, наблюдая из зарослей эту картину...

Но в штате Огайо нам наконец повезло. Мы свернули с дороги у вывески «2 доллара в час — рыбная ловля». Оказалось, подобным способом пытался поправить дело старичок фермер.

— Ну и как, можно кормиться у пруда? — спросили мы, отдавая хозяину деньги в обмен на две удочки и пакетик с распаренной пшеницей

— Да как вам сказать, в субботу и воскресенье желающих много, специально из города приезжают...

Три небольших сазанчика мы вынули из воды в полчаса — и решили, что этого хватит. Удочки старику мы вернули вместе с

рыбой. Он был озадачен, но, выслушав объяснение, улыбнулся.

— Ну что же, счастливой дороги. Будем считать: этим трем повезло. — И вытряхнул резвых сазанчиков в пруд.

На больших реках, исключая Огайо, рыболовов мы не встречали. Но в полноводной и живописной Огайо рыба, как видно, водится. За городом Цинциннати мы заглянули в прибрежную лавку. С ней, как нам показалось, было все, чтобы отнять у рыбы даже маленький шанс остаться в воде. Крючки тут были и с комариной ногой, и такие, что можно было бы вытянуть из воды трактор. Леска — от «паутинки» (японская) до жилки, какую и кит вряд ли сумел бы порвать. Тут продавались разной породы живые черви и черви пластмассовые. Можно было купить живых насекомых (в штате Джорджия есть специальная фабрика, разводящая их для рыбалки), но особенно много было разного рода уловов — искусственных бабочек, резиновых лягушек, стальных и пластмассовых рыбок. Тут продавался специально не пропеченный хлеб с волокнами ваты, бычья кровь для приманки сомов, брикеты каши и много всего другого, порождающего надежды. И тут же лежала смешная линейка для измерения рыбы. На одной стороне — дюймы в соответствии с истинной мерой, на другой — фальшивые дюймы и надпись: «Говорите знакомым, что рыба была такой». Но главное — в лавке стояла милая сердцу всякого рыбака атмосфера «обмена опытом», запальчивых разговоров, принцип которых на всей Земле одинаков: «не люблю — не слушай, а врать — не мешай». Охоту ружейную нам наблюдать не пришлось — была весна. Но по жестянкам, изрешеченным пулями, по журнальным карикатурам, по жалобам фермеров можно без ошибки предположить: охотник типа «выпить и закусить» — фигура интернациональная. Что касается дроби и пороха, то именно эта разновидность стрелков тратит их больше всего. В природоведческой лаборатории под

Вашингтоном доктор Рей Эриксон познакомил нас с любопытным исследованием Фрэнка Белроуза. Ученый установил: примерно шесть-семь процентов озерной дичи (утки, гуси и лебеди) гибнет не от дробы, настигшей их в момент выстрела, нет, птицы гибнут от свинцового отравления, глотая дробь на дне водоемов. «Тонны металла топят в озерах бесшабашные любители пострелять», — сказал Эриксон. А вот иллюстрация к этим словам. Пишет Джон Стейнбек:

«Когда я мальчишкой жил на ранчо под Салинасом в Калифорнии, у нас был повар-китаец Ли, который хоть и скромно, но все же подрабатывал каждый охотничий сезон. На пригорке, недалеко от нашего дома, лежала поваленная сикомора, опиравшаяся на две сломанные ветки. Ли заинтересовался этой колодой, когда обнаружил на ее желтоватой пятнистой коре дырки от пуль. Он прибил к ней с одной стороны оленьи рога и удалился в свой домишко до конца охоты. Бывали сезоны, когда ему удавалось пожинать фунтов по пятьдесят-шестьдесят».

Так Стейнбек ведет рассказ об охотниках. Как полагается в этом случае, он склонен преувеличить и подшутить. А вот другая манера письма, иное чувство, иные оттенки мысли, тревожный, обобщающий взгляд на природу. Пишет Уильям Фолкнер, тоже американец, тоже большой писатель, так же, как Стейнбек, получивший Нобелевскую премию и так же, как Стейнбек, страстный охотник.

«В старину мы приезжали на повозках — ружья, постели, собаки, провизия, виски... Тогда там еще водились медведи. Человек стрелял не только самцов, но и самку, и детеныша-оленя... Нынче мы ездим на автомобилях, ездим все быстрее и быстрее с каждым годом, потому что дороги становятся лучше, расстояния больше, а Большой лес, где еще бродит зверь, с каждым годом сжимается, как моя жизнь...» (рассказ «Большой лес»).

Ну вот и все о том, что принято называть «охота пуще неволи».



мустанги



Доберитесь в Ловелл — попытайтесь увидеть мустангов. Там, в окрестностях, они есть. Возьмите проводников. Конечно, вам может не повезти. Я, признаться, сам их не видел. Но попытайтесь..» Это был совет друга, и мы завернули в Ловелл.

Возможно, не всем известно, что мустанг — это не какой-то зверь, а всего лишь обычная одичавшая лошадь. К давней свободе, когда не надо было держать на хребте седока или ходить в упряжке, возвращаются лошади очень быстро. И очень ценят свободу. В Прикаспии лет сто назад одичали лошади сторожевых казачьих отрядов. Хитрость (а может быть, не очень строгий пригляд людей) давала возможность казачьим коням скрываться. И они становились вольными дикарями. Попытки лет тридцать назад вернуть их в оглобли и под седло не дали желаемых результатов. С большим трудом пойманные лошади отказывались есть и голодовкой вернули себе свободу — дикарей отпустили.

Америка — родина лошадей. Отсюда по перешейку, соединявшему некогда Азию и Америку, они перешли и широко расселились в степных районах Земли. У себя же на родине в ледниковый период лошади вымерли. До времен Колумба континент был полностью безлошадным. Лошадей на эту землю по деревянным трапам с деревянных каравелл свели конкистадоры. Лошадь помогала европейцам покорить новую землю и все, что на ней обитало. Ацтеки, увидев всадников, посчитали, что человек и лошадь — это одно странное беспощадное существо. Индейцы других племен

быстро поняли, что лошадь может служить им так же, как и пришельцам. Они стали превосходными всадниками, даже более ловкими, нежели бледнолицые. И теперь уже поселенцам, покорявшим пространство в воловьих повозках, индеец и лошадь казались одним существом, стремительным, неуловимым и мстительным.

Лошади между тем норовили уйти из-под седел и бледнолицых, и краснокожих. Отбиться от рук и скрыться было очень легко, земля для лошадей как будто и была предназначена — на тысячи миль безлюдные вольные степи. Лошадь вернулась на давнюю родину и нашла свое место среди оленей, бизонов, степных птиц и волков. Человек тоже тут расселялся. Но пространства хватало на всех. Ковбой лишь удали ради пускался вскачь за мустангами. Ему иногда удавалось набросить лассо, но управиться с дикой лошадей мог лишь очень умелый, выносливый человек. Обездить мустанга, вернуть лошадь в послушный табун была высшая аттестация для ковбоя. А поскольку профессия эта слабых людей не терпела, редкий пастух не мог похвастать укрощенным мустангом.

Табуны дикарей, в свою очередь, похищали у пастухов, казалась, покорных и преданных лошадей. Чуть отбилась кобыла, табун ее диких подруг призывно ржал, и древний инстинкт свободы брал верх — одним мустангом становилось в прериях больше... Такая игра с человеком продолжалась довольно долго, лет триста-четырееста. Романтическая дикая лошадь стала частью американской истории. Путешествуя во времена Эдисона и братьев Райт, мы могли бы увидеть романтику прерий. В то время два миллиона примерно мустангов еще паслись в предгорьях и на равнинах. Сегодня лишь кинокамера может выследить табун дикарей, чтобы размножить былую романтику по миллионам экранов. Газеты, касаясь судьбы мустангов, снабжают статьи ироническими или сердитыми заголовками: «Слишком они свободны...», «Прекратить бойню!», «Мы теряем страницу нашей истории». На специальной карте только пустыни помечены значком присутствия там

мустангов: Калифорния, Аризона, Юта, Невада, Вайоминг...

Ловелл — местечко в северной части Вайоминга. Оно лежит в разрыве подковы высоких гор. За ночь мы одолели хребет и днем в кафе с названием «Дикая лошадь» ждали проводников. «Вы их узнаете сразу. Зайдут два ковбоя — пояса, шляпы, джинсы, сапоги с высокими каблуками...» Мы сидим лицом к двери, готовые в каждый момент подняться - по трое и по двое, и на всех: пояса, шляпы, джинсы, сапоги с высокими каблуками. Может быть, эти? Нет. Тоже проходят к табуреткам у стойки, просят лимонного соку, лениво обсуждают местные ловеллские новости. Сдвигаем на край стола «ответный опознавательный знак» — весь арсенал фототехники — и, глядя на дверь, начинаем подумывать, а нет ли в Ловелле другого кафе с таким же названием?

Наконец-то... Это, ясно, они. Пояса, джинсы, шляпы, высокие каблуки... Здравоемся... Проводники признаются, что вчера был у них повод «намазаться» и сейчас бы лучше не кофе, а соку лимонного... Минут через пять разговор обретает нужное направление.

Да, оба они, и Вилли Питерсон, и Джин Нан, имеют отношение к мустангам. Раньше ловили — «улучшить породу своих лошадей», теперь охраняют мустангов. («Конгресс принял закон: охранять!») Тут, в диких местах, не вся земля частная. 70 тысяч гектаров неудобных, бесплодных земель принадлежат государству. Вилли Питерсон — управляющий этих земель. Джин Нан ему помогает.

Мустангам землю тут отвели потому, что только они способны на ней прокормиться.

— Их примерно сто пятьдесят...

— Иногда я думаю: не воздухом ли они питаются там, в горах..

О мустангах эти два человека знают много, и не только по нынешней службе.

— Их всех прижали к стенке...

Привлекая к рассказу ковбоев газетные

данные, можно себе представить эту картину «прижимания к стенке».

Судьба мустангов чем-то напоминает судьбу индейцев. И тех и других истребляли и теснили в глубь территории. Когда и до новых земель доходила колючая проволока собственности, мустангов и индейцев теснили дальше. Последним рубежом для тех и других стали пустыни. «Законные уголки» для индейцев были названы «резервациями», для мустангов — «ранчо». Различие в судьбах состоит лишь в том, что индейцы, проигрывая битву за свою землю, отчаянно дрались. Лошадей могла сохранить только выносливость. С травянистых степей остатки их скрылись в гористых пустынях и поразительно приспособились к жизни.

Но их находили и тут. Убийство мустангов называлось «спортивной охотой». Но доконало их промышленное убийство. Уже не на лошади, а на крепком фордовском вездеходе мчались за табунном стрелки. Жеребые кобылицы и жеребята сдавались первыми в состязании с мотором. Иногда мотор берегли — на лошадь бросали лассо с привязанной на конце шиной. Можно представить отчаянный бег мустанга с таким «автоматом преследования». Лошадь в конце концов падала. Свяжав, ее тащили на грузовик и, когда кузов был полон, добычу доставляли на живодерню. По шести центов за фунт (на консервы для кошек, овчарок и пуделей) продавалась былая романтика. 20 центов — цена баночки кока-колы, полтинник — билет в автобусе, 40 центов — проезд в метро. 6 центов за фунт получал охотник за мясом мустанга. И все же «охота» давала хорошую прибыль.

Когда мустанги поняли, что их спасение только в горах, охотники стали применять самолеты. Оснащенный сиреной или просто связкой жестяных банок под крыльями, самолет сгонял лошадей на равнину. Если табун пытался свернуть, с самолета палили из ружей дробью. А в засаде был все тот же вместительный фордовский грузовик, все те же веревки с не знающей устали шиной. «Если не всех загнанных лошадей можно

было забрать, проволокой им стягивали ноздри — при новой погоне они далеко уйти не могли».

После минувшей войны каждый год их ловили примерно 100 тысяч. Владелец частного самолета в Неваде, некий Честер Уттер по прозвищу «Чаг», признается: «За четырнадцать лет охоты я поймал 40 тысяч мустангов». Он очень гуманный, этот Честер по прозвищу «Чаг». «Я делал аукцион. Хочешь — купи на мясо, хочешь — держи на ранчо, а хочешь — отвези, выпусти. Находились сентиментальные, выпускали». Купить и выпустить — такой трогательный, но, увы, бесперспективный путь спасения, возможно, облегчал кому-нибудь совесть, но мустангов он не спасал, ибо «Чаг» свое дело знал хорошо.

Газеты писали о добром старике Роберте Брислоу (прозвище «Вайомингский козленок»). Жалея мустангов, старик открыл для них загородки своего ранчо. Поразительна чуткость животных. Вид человека внушал им панический страх, но к старику они доверчиво подходили и «брали овес из шляпы». 80-летний «Вайомингский козленок» давал гонимым приют, передышку. На большее сил у него не нашлось.

Не такой оказалась Вильма Джонсон — «Дикая лошадь Анна» (без прозвищ американцы не могут!). Увидев однажды ручеек крови, 60-летняя жительница Рино пожелала узнать: что же такое везет грузовик? Она-то и рассказала американцам, какие консервы покупают они собакам и кошкам. О мустангах заговорили как о «части американской истории». «Мустангов под охрану закона!» Напор был сильным, и конгресс принял недавно закон, запретивший охоту на лошадей. (Кара за нарушение суровая — 2 тысячи долларов штраф и тюремное заключение.)

Тут, в Ловелле, еще до принятия закона на «мирские деньги» был учрежден некий приют для мустангов — ранчо «Дикая лошадь». Вилли Питерсон и Джин Нан следят на нем за порядком...

— Хотите увидеть... — Вилли Питерсон

смотрит на нашу обувь. — Это в горах. Есть змеи. Много колючек. И к тому же это ведь дело везения... Согласны?... О'кэй!

Переносим в красный «пикап» снаряжение. Свою машину бросаем у входа в кафе и едем в горы...

Это, пожалуй, не горы, а крутые холмы, красноватые, в крапинах белого камня. Кусты можжевельника, редкие и угольно-черные при ослепительном солнце, лишь оттеняют наготу камня. Холм, понижение и опять холм. Белесое небо. Сухой воздух. Пыль за машиной. Дождь эти земли почти не знают. Влаги недостает даже для возвращения в землю того, что росло и умерло на холмах, — можжевельник, высыхая, будет стоять корявым облезлым остовом многие годы.

Огибаем озеро Сайке, гору Сайке, бревенчатую хижину самого Сайкса — первого белого человека, жившего тут лет сто назад. Рубленый дом с одним окошком и закопченным очагом пережил обитателя. Никто, кроме Сайкса, женатого на индианке, не считал удобной для жизни эту пустыню.

— Теперь их надо смотреть...

Едем небыстро. Холмы для дороги местами разрыты. Красная осыпь скрывает гребни, где может мелькнуть силуэт жеребца.

На высоких точках мы делаем остановки — как следует оглядеться.

— Прошлый раз проехали бесполезно, — говорит сидящий за рулем Вилли. Он мудро считает: такие слова полезны — легче переносится неудача.

Но мы их увидели!.. Увидели жеребца. На красном глинистом гребне он стоял в позе чуткого стража. Красный холм, и на нем четко очерченный силуэт. От дороги в километре или немного больше. Несомненно, он увидел нас раньше, чем мы его. Черный и неподвижный. В бинокль видно: чуть шевелятся уши...

Издали делаем несколько снимков и разделяемся. Двое с машиной занимают высокую точку — приковать внимание жеребца. А двое — Джин Нан и фотограф — по каменной осыпи катятся вниз, чтобы вы-

лезть на холм уже близко от жеребца. Согласовывать действия можно лишь жестами. Джин сразу все уяснил: ему надо выбраться первым по возможности дальше — пусть жеребец именно там увидит опасность...

Вот шляпа Джина показалась из-за камней. Жеребец тоже наверняка увидел приземистую фигуру. Теперь живее! По камням, по колючкам округлых кактусов, в обход рвущих штаны и рубашку островков можжевельника. Скорее на холм под защиту зеленого кустика.

Жеребец занят Джином, и можно как следует рассмотреть его метров с двухсот. А вон и те, кого он так бережет. Внизу, на полоске зеленой травы, у подножия холмов пасутся лошади. Одну из них сосет жеребенок. Обычные лошади. Мирно щиплют траву, и кажется странным, что надо подбираться к ним осторожно.

Поднимись сейчас над кустом — жеребец подаст им сигнал. Вольная дикость сквозит в этой темной фигуре. Полчаса на одном месте, не поменял позы, кажется, не переступил даже. Как изваяние!

Раньше в степях такие вот молодцы ввели огромные табуны. Заботливый, властный, ревнивый. Силу и эту обязанность быть всегда начеку полагается подтверждать. Чуть соперник переступит границу — немедленно в бой. Вздыбься, оскалив зубы, два жеребца наносят удары копытом, норовят укусить, бешено скачут вокруг табуна. Только сильный имеет право продолжить род... И тут загнанные людьми мустанги не изменили своей природе. На мускулистой груди жеребца в бинокль различаются шрамы — дрался... От людей же надо скрываться. Надо понять, что они замышляют, и вовремя увести этот крошечный табунок — неокрепшего жеребенка и четырех кобылиц. Поразительное терпение и сознание долга! С промежутками в минуту сделано больше десятка снимков, и на каждом поза будет одна и та же.

Кобылицы и жеребенок внизу пасутся. Замечаешь теперь: нет в них спокойствия

привычных тебе лошадей. То и дело поднимают от травы головы, слушают. Жеребец пока не считает нужным их потревожить — фигура стоящего на холме Джина загадочна, но неопасна как будто...

Посмотрим теперь, что будет. Подъем во весь рост, взмах рукой Джину — «двигайся вдоль каньона!». Жеребец сразу увидел опасность, и очень большую. Громкое ржание! Там, внизу, встрепенулись, заметили Джина, с оглядкой, медленно двинулись по лощине. И только теперь, на ходу, поняли, что есть опасность и более близкая. Жеребец не покинул холма. Ржание почти непрерывное и притопывание на месте заставили кобылиц ответно заржать. Они могли бы галопом пронестись по каньону. И хотелось, чтобы они показали, на что способны. Но был у четырех кобылиц жеребенок — неокрепшая, тоненькая лошадка. Они почти прижались друг к другу, прикрывая с двух сторон жеребенка. Крадучись, упругой рысцой, лошади миновали опасное место и скрылись за поворотом. Только теперь жеребец мог подумать и о себе. Но он не спешил, хотя видел: прямо к нему бежит человек... Человека и лошадь разделяют примерно сто метров. Снизу на фоне неба дикий конь походил на пружину, сжатую до предела. Спокойное ржание из-за холма, по-видимому, означавшее: «все в порядке», распрямило пружину... Возможно, не все бы нашли совершенной его фигуру. Но очень красив на красных холмах этот дикий бегун с черным длинным хвостом, с черной косматой гривой, толчками кидаящий тело по крутизне. Две минуты — и вон уже табунок... Кобылицы перевалили гребень и скрылись, а он остался. И будет теперь оттуда смотреть.

Подошел Джин. В свои пятьдесят с лишним лет сколько лошадей, укрощенных и диких, видел этот пастух, однако он тоже взволнован.

— Бьютифул хоре...

С такой же интонацией произносится русский вариант этих слов...

— Красивая лошадь... Очень!

Фотограф садится вытряхнуть из ботинок колючки и камни, прикладывает губы к ссадинам на руках. Джин, улыбаясь, хлопает по своим сапогам с высокими каблуками: «Вот что надо для этих мест!» Потом он манит фотографа пальцем и тычет в землю носком сапога — между пучками сухой травы лежит, туго свернувшись, змея. Без объяснения ясно, что это гремучка — кончик хвоста похож на трубку противогаса, кольца жесткие и подвижные. «Погремучкой» змея предупреждает: «Пройдите мимо».

Да, в ботинках и полотняных штанах не очень уютно лазить в этих колючках... Жеребец наблюдает за нами издалека. Джин предлагает еще подойти. Разделяемся. Делаем круг километра в четыре. Но зря. Мустанги ушли. С холма видим их силуэты и легкую пыль...

Четыре часа охоты. В пестроте красноватых оттенков земли находим глазами букашку-автомобиль. С холма на холм, пугая сереньких ящериц и пугаясь зловещих змеиных трещоток, выходим к дороге.

Вилли сразу включает мотор и везет нас к ручью. Первый раз за все путешествие пьем воду не из бутылки, не из стакана, а из ладоней. До чего ж хороша эта вода, не побывавшая в трубах, не подслащенная, ничем не сдобренная, вода из дикого ручейка...

На обратном пути Вилли вдруг резко притормозил. Достает бинокль. Шарит глазами по сиреневым уполывающим в сумерки косогорам.

— Смотрите ..

Знакомый нам силуэт. Но далеко-далеко. Сейчас на ветрено-красном закате неподвижная черная лошадь кажется нарисованной тушью.

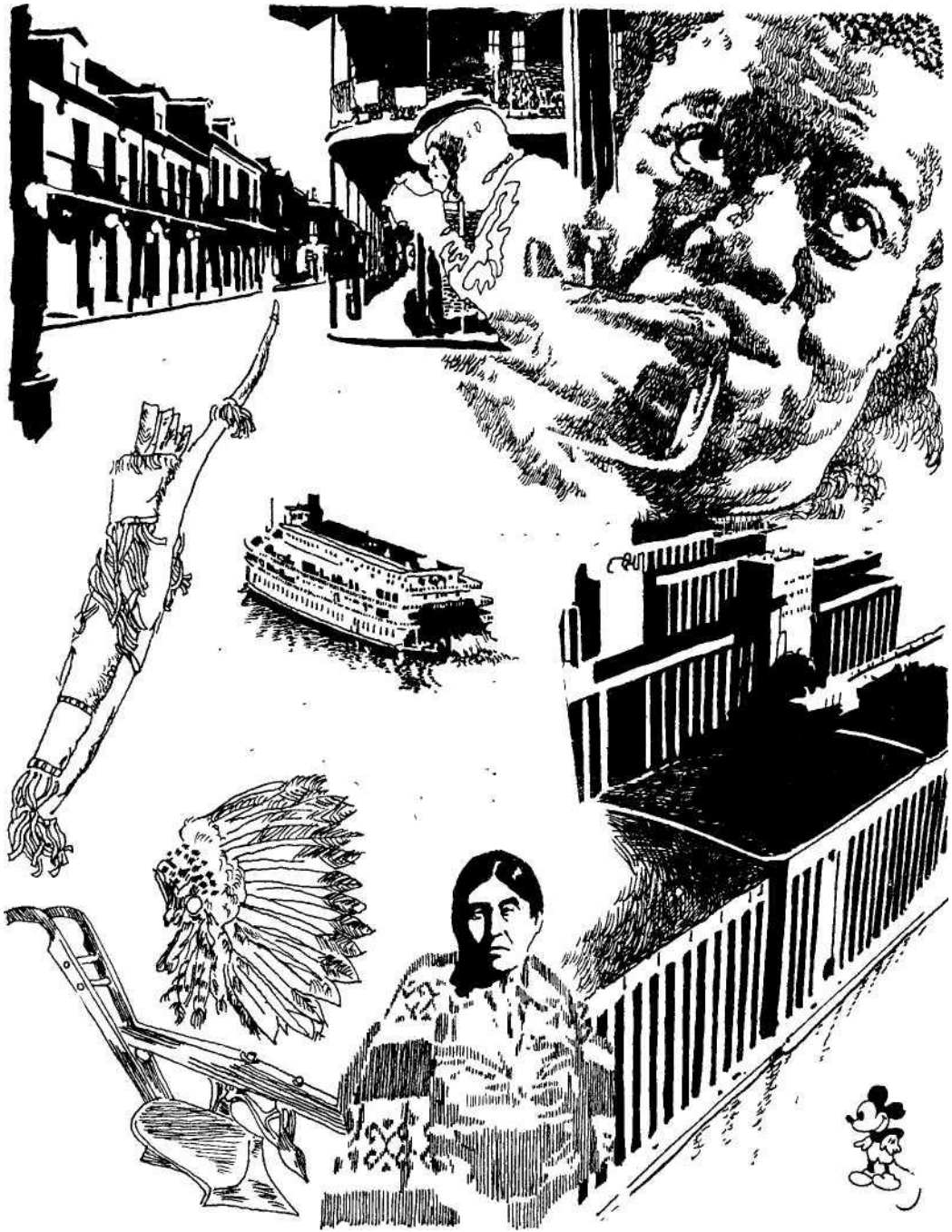
— Наш?..

— Нет...

Вилли и Нан считают, что там пасется другой табун. В нем два жеребенка и пять кобылиц.

— Ну как, стоило их сохранить? — Вилли это спрашивает просто так, заранее зная ответ.





Путешествие мы начинали от Вашингтона и закончили в Вашингтоне. Только уезжали на север, а возвращались с юга.

Был душный июньский вечер. По Федеральному шоссе 95, ведущему от Ричмонда к столице США, мчались тысячи машин. Воскресенье было на исходе, и столичные чиновники спешили домой, чтобы утром, сменив пестрые рубашки-распашонки, джинсы и шорты на строгие костюмы и белые сорочки с галстуком, отправиться в офисы.

В этот день мы очень устали. Позади был Аппалачский хребет с его спусками и подъемами. Потом начались просторы Вирджинии. Но дымка живописных долин уже не радовала — устали...

И вот теперь у ворот Вашингтона мы неслись в тесном потоке, ощущая справа и слева бока машин, не видя перед собой ничего, кроме алых хвостовых огней, не в силах свернуть, притормозить, остановиться. Смутное чувство тревоги, подсознательную опасность ощущаешь на этой конвейерной ленте с летящими красными огоньками.

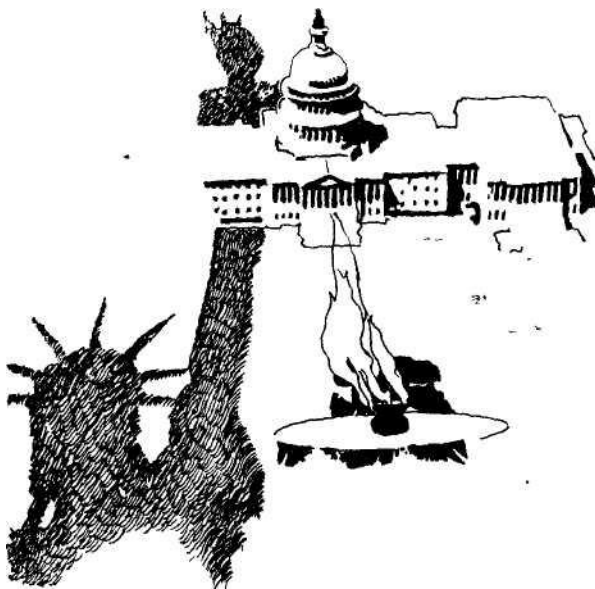
Возможно эта тревога заставила тихо, вполголоса вспомнить известного всем ямщика, морозную степь...

— Ну что, мистер Песков?
Заскучал? Домой запросился?..

— Пожалуй, так...

Сразу же за приземистым зданием Пентагона поток машин сузился у моста, чтобы через минуту разлиться на несколько рукавов у впадения в город Вашингтон, или, как он называется официально, «Дистрикт оф Коламбия» — Округ Колумбия.

После того как увидишь страну, иными глазами видишь ее столицу. В столицах в тугие узлы сплетаются многие нити жизни каждого государ-



город на потомке



ства. Пульс каждой нации четче всего бьется в столице... Слияние всех нервов. Глава огромного организма. Главный очаг политики. Хранитель устоев жизни, сложившейся тут, за океаном, и хранитель истории. Штаб-квартира милитаристских сил. Город, претендующий на то, чтобы ничто важное в мире не происходило без его участия. И просто населенный пункт на Земле. Таков Вашингтон.

По сравнению со столицами стран Европы и Азии Вашингтон еще молод. Рим возник до нашей эры. Пятнадцать веков существует Париж. Отпраздновала свое 800-летие Москва. А Вашингтону еще нет и двухсот.

В 1790 году первый президент Соединенных Штатов Америки генерал Джордж Вашингтон лично выбрал место для столицы нового государства. Генерал начертил ромб в том месте своей выдавшей виды военной карты, где река Потомак разделяла штаты Вирджинию и Мэриленд. Внутри ромба написал: «Округ Колумбия. Федеральный город». В 1791 году на левом берегу Потомака начали возводить первые правительственные здания. Город, задуманный как столица, строили по проекту французского архитектора Пьера Ланфана. Строили медленно. Только через девять лет конгресс и правительство переехали в Округ Колумбия из Филадельфии. (Любопытно, что весь штат государственных служащих насчитывал тогда 137 человек.) А еще через 14 лет войска английского короля захватили американскую столицу, уже носившую имя Вашингтона. Англичане подожгли здание конгресса, дворец президента, государственные здания. Почти тропический ливень, обрушившийся в этот день на Вашингтон, спас город от полного уничтожения.

Долгое время Вашингтон оставался сонным, провинциальным полугородом-полудеревней. В 1860 году издатель «Нью-Йорк трибюн» Гораций Грили, посетив столицу, писал в своей газете: «Это местечко, где дерут три шкуры за квартиру, где не найдешь приличной харчевни, где на улицах бывает столько пыли, что задыхаются собаки, и столько грязи, что тонут лошади». Лишь в конце

века Вашингтон начали отстраивать заново. В 1874 году проложили первые трубы водопровода и канализационной системы, разбили первые парки и скверы.

Нынешний Вашингтон не похож ни на один американский город. Зато любой европеец найдет в нем что-то такое, что напомнит ему его родину. Французы называют его «маленьким Парижем». Немцы и англичане обнаруживают в Вашингтоне отдельные черты Бонна и Ковентри. Даже японцы чувствуют себя как дома на берегу Потомака, обсаженного вишнями — подарком жителей Токио.

Вашингтон не принадлежит к числу очень больших городов. По размерам он раз в десять меньше таких гигантов, как Нью-Йорк, Чикаго или Лос-Анджелес. В черте Округа Колумбия живут около 800 тысяч человек. С пригородами и соседними городками, которые почти слились со столицей, — около двух с половиной миллионов. Здесь нет крупных промышленных предприятий. Нет ни одного небоскреба. (Закон запрещает строить здания выше купола здания конгресса — Капитолия.) Здесь множество парков, скверов, зеленых лужаек. Любопытное зрелище представляют скверы и лужайки в теплые дни, когда в час обеденного перерыва их оккупируют орды государственных чиновников, жующих бутерброды, тянущих через соломинку кока-колу или, прикрыв лицо газетой, дремлющих на траве.

Вашингтон — город чиновников, «белых воротничков», как их здесь называют. Они составляют 15 процентов всего населения Вашингтона (если брать его с пригородами, ибо, как правило, чиновники живут в уютных пригородах, населенных только белыми). Каждое утро с севера, юга, запада и востока в Вашингтон устремляются тысячи автомашин, создающих немислимые пробки у мостов через Потомак и на улицах города. Это спешат на работу «белые воротнички». Многие, чтобы захватить место на автомобильных стоянках, приезжают в город за час до начала работы и «досыпают» этот час на заднем сиденье своего «кара».

Вашингтон — город туристов, «каучуковых шей». Каждый год их тут бывает до 15 миллионов человек.

Вашингтон — город юристов. Их около 20 тысяч — больше, чем в таком, скажем, штате, как Пенсильвания. В основном это «толкачи» промышленных фирм, обхаживающие сенаторов и конгрессменов.

Вашингтон — город «медных касок». «Медными касками» американцы называют военных; Однако не всех, только высших. Рядового зовут «джи ай». (По начальным буквам двух слов Government Issue, что можно перевести как «казенная собственность».) В Вашингтоне 130 правительственных зданий принадлежат военному ведомству США, в том числе и знаменитый Пентагон, где работают 30 тысяч человек. Все население Вашингтона можно поделить на две части: на тех, кто страной управляет, и на тех, кто обслуживает управителей.

Ну а кто не живет в Вашингтоне? Не живут художники, писатели, композиторы. Во всем городе нет ни одного мало-мальски знаменитого представителя этих творческих цехов. Вашингтон скучноват. На нем лежит губительная для муз печать казенной официальности.

Что еще можно сказать о Вашингтоне?.. Этот город рано (если мерить американской меркой) ложится спать. В полночь улицы уже пусты. Впрочем, в большинстве районов столицы они пустеют с наступлением темноты: среди американских городов Вашингтон занимает отнюдь не последнее место по грабежам, убийствам, изнасилованиям. В Москве живут москвичи. В Париже — парижане. Но задайте вашингтонцу вопрос: откуда он? И услышите в ответ: из Калифорнии... Из Нью-Йорка... Из штата Джорджия. Президент Джон Кеннеди долгие годы провел в Вашингтоне, но в памяти американцев он остался бостонцем. Президент Линдон Джонсон жил в Вашингтоне 35 лет, но дом у него был в Техасе и сам он был техасцем. Таковы многие вашингтонцы. Для них Вашингтон как корабль. На этом корабле они живут

и работают иногда долгие годы, но корабль остается кораблем, а где-то есть дом. Таковы президент США и вице-президент, девять членов Верховного суда, 100 сенаторов, 435 членов палаты представителей, министры и их заместители, сотрудники Белого дома, многочисленные помощники, консультанты и секретари конгрессменов, тысячи юристов и 2500 корреспондентов провинциальных газет, аккредитованных в столице.

Белый дом — капитанский мостик корабля. Здесь живет и работает президент Соединенных Штатов. Кеннеди как-то обмолвился: «Такое впечатление, что живешь в гостинице, из которой когда-то надо будет выезжать». «Это не дом, — говорил Джонсон, — это место, куда приходишь поспать после работы».

При Кеннеди большинство сотрудников Белого дома были из Бостона. При Джонсоне в Белый дом пришли техасцы. При Никсоне — калифорнийцы. Сменяется президент, и в пригородах начинается движение. Продаются коттеджи, на грузовики грузят мебель — уходит капитан, покидают корабль и матросы. Наступает время нового экипажа. Не меняются лишь хозяева корабля. Но они и не живут на корабле, то есть в Вашингтоне. Хозяева живут в Бостоне, Нью-Йорке, Чикаго, Техасе, Калифорнии...

Белый дом действительно белый. Его белят каждые четыре года, после очередных президентских выборов. Через черные прутья ограды на это строение смотришь с чувством некоторого удивления — неужели из этого особняка управляют огромной страной?

Дом стоит среди широких зеленых лужаек в тени столетних деревьев. Время от времени откуда-то сверху раздается клекот коршуна. Это магнитофонная запись. Звучит она из динамиков, спрятанных в кронах дубов. Осенью в парке собираются стаи скворцов. Они верещат, порхают и, конечно, роняют сверху отходы своей жизнедеятельности. А это угроза белизне резиденции президента. Крик хищника заставляет скворцов держаться подальше.

На верхнем этаже дома — жилые помещения президента. Второй этаж — рабочие ка-

бинеты. Здесь знаменитый Стратегический зал, где генералы из Пентагона и руководители Центрального разведывательного управления докладывают президенту о положении в мире. Нижний этаж — залы для приемов, для пресс-конференций, кухня, медпункт, помещения охраны президента, которая носит название «Сикрет сервис» — «Секретная служба» и по давней традиции подчиняется министерству... финансов.

За домом небольшой садик, кусты роз и снова зеленая лужайка, на которую приземляются президентские вертолеты.

Дом обнесен чугунной решеткой. Полицейские в белых рубашках и черных галстуках. На широком тротуаре — группы туристов. Здесь же бродит странный человек, буквально с головы до колен увешанный плакатами. Плакатики прикреплены к шляпе, к плечам, висят на груди, на спине и ниже спины. Без улыбки их не читают. «Мужья, объединяйтесь! Нам нужны послушные жены!», «Боритесь за освобождение мужей от гнета жен!» Человек с удовольствием соглашается сняться. В качестве платы за съемку предлагает купить листки все тех же призывов, размноженных на машинке. Вручая вам пару листков, блаженный шепчет: «Скажите ему (кивок в сторону Белого дома), пусть он со мной объединяется. Без президентской поддержки мне трудно...» Туристы смеются, а Гарри Бриттан (так зовут человека) вполне серьезен. Дело «раскрепощения мужей» он занимается более пяти лет, с момента выхода из психиатрической больницы. (В больницу Гарри попал после того, как стал безработным.)

Охрана Белого дома не гонит блаженного, подтверждая терпимость древней поговорки: «В каждой деревне должен быть свой юродивый». К тому же Гарри спокойный, хлопот для охраны с ним никаких. Полицейские, переминаясь с ноги на ногу, посмеиваются вместе с туристами. А между тем у этих охранников были деньки горячие, особенно в годы войны во Вьетнаме.

Охранники помнят, конечно, майское утро 1971 года. Огромные транспортные вертолеты садились на зеленый луг между Белым до-

мом и обелиском Вашингтона. Из вертолетов выскакивали морские пехотинцы с винтовками, готовыми к стрельбе. Как в боевой обстановке, они сперва занимали круговую оборону вокруг вертолетов, дожидаясь, пока на землю не ступит последний солдат. Затем колонны солдат бегом устремлялись на городские улицы.

А улицы были запружены демонстрантами. Обнявшись за плечи, люди садились на мостовые, останавливали потоки автомашин, блокировали мосты, закупоривали городские артерии. Со строительных площадок они несли доски, цементные блоки, мотки проволоки, возводили баррикады, швыряли под колеса полицейских автомашин металлические мусорные чаны.

Полицейские на мотоциклах врезались в гущу людей, стреляли в упор газовыми зарядами из окон автомашин, хватали демонстрантов за волосы, за воротники, за ноги и волокли к автофургонам с решетками.

Движение транспорта в городе было парализовано. Тысячи автомобилей не могли двинуться ни вперед, ни назад. Автомобилисты задыхались в сизых облаках слезоточивого газа, медленно плывших над мостовыми. В некоторых районах города облака газа поднимались до самых верхних этажей административных зданий. Служащие, не успевшие закрыть окна, в панике устремлялись на улицу, усугубляя хаос. У многих началась рвота. В облаках газа выли сирены полицейских автомашин, гудели застрявшие автомобили, кричали женщины, носились туда и сюда полицейские в противогазах. Солдаты в противогазах, репортеры в противогазах, прижимая к лицу носовые платки, спасались бегством прохожие.

В этом хаосе шел поединок между вооруженной механизированной силой и молодыми людьми, протестовавшими против войны во Вьетнаме. Полицейские машины гонялись за юношами и девушками по лужайкам парков, по тротуарам, вокруг памятников и деревьев. Мотоциклисты, настигнув убегающих, сбивали их с ног. Не удержав равновесия, полицейские тоже летели со своих мотоциклов на

землю. Клубки человеческих тел катались по мостовой под колесами автомобилей.

Восемнадцать тысяч солдат и полицейских брали верх в этой схватке. Число арестованных росло с каждым часом... Пять тысяч... Семь тысяч... Двенадцать тысяч... Это был рекорд. Никогда еще в истории Вашингтона не было арестовано столько людей в течение одного дня. Все тюрьмы и полицейские участки были переполнены.

Хаос в центре столицы продолжался весь день. Троице конгрессменам пришлось пробираться к Капитолийскому холму по реке в спортивной лодке каноэ, а затем на борту военного вертолета. Лишь к вечеру шеф городской полиции Уилсон смог отрапортовать: «Спокойствие восстановлено, движение налажено, правительственные учреждения функционируют нормально».

К вечеру стало известно, что в городских больницах лежат сотни избитых демонстрантов с переломами костей и другими увечьями. Досталось и полицейским.

Вот тот охранник в белоснежной рубашке с нашивками, ближе всех стоящий к блаженному Гарри, свой шрам на правой щеке не в майский ли день заимел? А теперь все по той же Пенсильвания-авеню пройдемся еще к одному очагу власти. Длинная улица соединяет Белый дом с Капитолием — зданием конгресса США.

Белый дом — власть исполнительная. Конгресс — власть законодательная. Отношения между ними издавна строились по принципу «совет и согласие».

Если Белый дом — капитанский мостик конгресс — штурманская рубка. Капитан должен прислушиваться к совету штурманов. На практике не всегда так бывает. Возникают разногласия, даже ссоры. Но ссоры эти семейные. На капитанском мостике и в штурманской рубке — люди одного класса. И служат они своему классу — классу капиталистов. Среди сенаторов и членов палаты представителей конгресса вы не найдете ни одного рабочего, ни одного фермера. Чтобы стать

в Америке президентом, сенатором или конгрессменом, нужны очень большие деньги. У кого их нет, тому нечего и мечтать о «вашингтонских коридорах власти». Здесь это понимают, как дважды два — четыре.

Исторический факт: в 1846 году сторонники Авраама Линкольна собрали 200 долларов, чтобы финансировать его избрание в конгресс. Став конгрессменом, Линкольн вернул 199 долларов 25 центов. Семьдесят пять центов он истратил на угощение нескольких лесорубов, принимавших участие в его избирательной кампании. Другой исторический факт свидетельствует: избирательная кампания 1964 года стоила свыше 200 миллионов долларов. Кампания 1968 года — около 400 миллионов. А во время избирательной кампании 1972 года было истрачено уже больше чем полмиллиарда.

Если у кандидата на выборную должность не хватает своих денег, его избирательную кампанию оплачивают богачи, или, как их здесь называют, «жирные коты». А как известно, кто платит, тот и заказывает музыку. Такова одна из особенностей американской демократии.

Здание конгресса в форме римского Капитолия стоит на Капитолийском холме. Когда начинали строить Вашингтон, здесь была индейская деревня. Сейчас отсюда открывается замечательный вид на город. От подножия холма на несколько миль тянется зеленая аллея, так называемый «молл». Прямая, как стрела, аллея упирается в берег Потомака, на другой стороне которого национальное Арлингтонское военное кладбище. Тысячи белых столбиков с именами и датами. Могила Неизвестного солдата. Трепетный язычок пламени Вечного огня над серой плитой с надписью «Джон Ф. Кеннеди» и рядом скромный маленький крест на могиле его брата Роберта Кеннеди. Тут больше всего толпится туристов, приезжающих в Вашингтон.

Между Потомаком и Капитолийским холмом на травяном ковре «молла» воздвигнуть» два самых известных в столице памятника: обелиск Вашингтона и мемориал Линкольна. Обелиск, выстроенный по древнеегипетским

образцам напоминает граненый отточенный карандаш. Высота — 163 метров. Внутри работает лифт, поднимающий туристов к смотровым окнам. Если есть охота, можно подняться и по ступенькам. Их 896. Памятник строили 50 лет и открыли в 1988 году.

Мемориал Линкольна построен по типу афинского Парфенона. Это прямоугольное сооружение из светлого мрамора. Широкие ступеньки ведут к 36 дорическим колоннам — по числу американских штатов тех дней, когда был убит Линкольн. За колоннами — шестиметровая фигура четырнадцатого по счету президента США, освободителя рабов-негров, победителя в гражданской войне между Севером и Югом.

Попав в Вашингтон, каждый американец считает долгом навестить Линкольна. Мы видели тут стариков, хайкеров с рюкзаками, шумные стайки школьников, матерей с ребятишками, молодоженов из Калифорнии. Приход сюда — дань уважения великому американцу.

Но приходят сюда и с болью, с отчаянием и обидой. Весной 1968 года в аллее между Капитолийским холмом и мемориалом Линкольна возник «городок бедноты». Бедняки пришли сюда со всех концов страны, чтобы рассказать конгрессу и Белому дому о своем положении. В те дни вашингтонский корреспондент «Правды» сообщал в свою газету:

«Он сидит усталый, задумавшийся, положив сильные жилистые руки на подлокотники мраморного кресла. Его взгляд устремлен вдаль. Реактивный пассажирский самолет, идя на посадку, едва не касается верха деревьев, на которые задумчиво смотрит мраморный Линкольн. Ветер доносит запах свежераспиленных досок и сырой фанеры. Запах стройки. Человек всегда гордится созданием своих рук, радуется строительству. Этой же стройкой гордиться нельзя. У мраморных ступенек памятника строится городок бедных и голодных которых привело сюда отчаяние.

Фанерные шалаши выстроились в шесть рядов. На стенках надписи: Алабама, Джорджия, Миссисипи, Луизиана... Город обнесен легкой изгородью. Молодые ребята с белы-

ми повязками на рукавах охраняют его от провокаторов. Поодаль — полицейские на мотоциклах, дежурная пожарная машина, стайка чистеньких туристов с фотоаппаратами, кинокамерами.

У входа в город стоит автобус. Ночью приехали бедняки из штата Висконсин. Они спали в автобусе — в фанерном городе уже нет места. Кончатся строительные материалы, не из чего строить новые шалаши, а люди все прибывают и прибывают. Со всех концов страны...

Если вы не боитесь, что к вашему горлу подкатит комок, если вы умеете скрыть душевную боль, попросите разрешения войти в город и поговорить с бедняками. Вот стоит негритянка с четырьмя детьми. Пятый на руках. Она из Луизианы. Мужа смертельно ранили выстрелом из машины в прошлом году, когда он шел ночью с митинга батраков. Он умер, оставшись должником хозяина. Она до сих пор отработывает долги. Не только она. Вот десятилетний Джимми, ее старший, который сейчас воображает себя бейсбольным светилом, кидает и ловит воображаемый мяч, — он тоже работает с зари до зари. И восьмилетний Поль тоже работает. А шестилетняя Мэри, старшая из девочек, остается в доме за няньку. Почему плачет младшая на руках? Она хочет есть...

Или вот старый индеец из Южной Дакоты. Он, наверно, и сам не знает, когда он родился. Когда-то это была его земля, земля его предков. Теперь ему оставили лишь бесплодную пустыню, где не услышишь даже птичьего свиста, безжизненную коричневую пустыню, морщинистую и печальную, как его лицо. Старик так и не научился говорить по-английски. За него рассказывает 15-летняя внучка. Старший сын старика умер от туберкулеза. Средний сын умер от туберкулеза. Младший сын, ее отец, тоже умер от туберкулеза. Неожиданно девушку сотрясает приступ кашля. Она отворачивается, закрывает лицо руками, и нельзя понять, кашляет или рыдает.

А вот прихрамывающий молодой негр в поношенной военной форме с солдатской фляжкой на ремне.

— Это моя страна, это наша страна, — горячо говорит он. — Мой дед, мой отец и я строили в этой стране мосты, дороги. Все строили... Мой дед был рабом. Мой отец — полубрабом. А я считаюсь свободным. Свободным... Но вот она, моя свобода... — Парень раздавил каблук жестянку от кока-колы и отвернулся, чтобы не показать слабость.

В другом месте негритянский юноша спорит с туристом, на груди которого висит кинокамера. Они стоят по разные стороны изгороди. Я слышу лишь конец спора.

— Нам нечего делить, — говорит турист негру, — мы граждане одной страны, мы братья...

— Конечно, все так, мы граждане одной страны, — насмешливо говорит негр. — Ты, брат, сейчас поедешь к себе в загородный дом, а я, брат, вот тут, как собака, буду валяться...

Накрапывает дождь. Здание конгресса вдали распаяло в тумане. Как раз в это время там идет допрос вашингтонского полицейского начальника Патрика Мэрфи. Конгрессмены хотят знать: не была ли столичная полиция «либеральна» по отношению к неграм. Мэрфи отрицает это. Он бормочет что-то относительно функций полиции. «Вы должны усвоить единственную функцию, — гаркает на него один из государственных мужей, — хватать этих мерзавцев за шиворот, а если они сопротивляются — стрелять их!»

Вынырнув из тумана, реактивный самолет с гулом проносится над фанерными шалашами, едва не задевая кроны деревьев. Старик индеец следит за ним слезящимися глазами. Монашки в черных пелеринках проносят бидоны с кофе. Негритянка баюкает плачущую дочку. Мальчишка Джимми продолжает кидать и повить воображаемый мяч.

— Ты знаешь, кто это? — спрашиваю я его, показывая на памятник Линкольну.

Джимми отрицательно качает головой.

— Это президент, который защищал негров...

Джимми перестает кидать мяч и вопросительно смотрит на мать...

Этот мальчишка Джимми еще ничего не знает. Не знает, каким будет его пробуждение от детства, не знает, какова его родословная...

Весной 1619 года в порт Джеймстаун пришел голландский корабль. В трюме его был необычный груз. Корабль пришел из Африки и привез в Америку, тогдашнюю колонию английского короля, африканцев-рабов. В тот же день закованных в цепи невольников распродали местным плантаторам. Так в Северной Америке появились негры.

Джеймстаун расположен в штате Вирджиния, в двух часах автомобильной езды от Вашингтона. Неудивительно, что негры, живущие ныне в американской столице, считают себя прямыми потомками тех африканцев, которые ступили на американскую землю весной 1619 года.

Нынешний водоворот жизни заставляет американцев не держаться насиженных мест. В поисках лучшей жизни, а чаще от отчаяния негры тоже устремляются с Юга в крупные города Севера. И все же, проезжая Америку, чувствуешь некую «негритянскую зону».

Юг уроженцы Африки выбирали не сами. Именно тут на плантациях хлопка, сахарного тростника, риса и табака нужен был рабский труд, сюда и везли из Африки «черный товар».

Вашингтон лежит севернее этой зоны. Но он всегда был городом негритянским. Каждый государственный чиновник держал штат негритянской прислуги. Сейчас из каждых трех жителей Вашингтона двое — негры, 70 процентов населения. Их прадеды и прабабушки были рабами, служили садовниками, поварами, горничными, огородниками, конюхами и прачками у сенаторов и конгрессменов. Нынешних свободных негров видишь примерно в тех же ролях. Только конюх стал бензозаправщиком, а горничная — официанткой. В уютных чистых пригородах Вашингтона, где живут только белые, черного видишь редко. Черные появляются там ненадолго — убрать мусор, выстирать белье, подрезать кустики роз, вывести на прогулку собаку. Сделав свое дело, они снова отправляются на

свои улицы, получившие названия «черных коридоров». Когда едешь на машине по этим «коридорам», появляется такое ощущение, будто попал в Африку...

О положении негров у нас писалось довольно много. И вряд ли надо объяснять, почему Америку потрясают негритянские мятежи. Волнения, стрельба, пожары в последние десять лет бушевали почти в двухстах городах. Америка воевала с Америкой. Гнев угнетенных и обездоленных не миновал и столицу страны.

В 1968 году Вашингтон горел. Облака дыма плыли от негритянских кварталов к Белому дому, к памятнику Линкольну, к Капитолию, на ступеньках которого стояли пулеметы. Стрельба шла в пяти кварталах от Белого дома. В город введено было 15 тысяч авиадесантников. Армейские грузовики, бронетранспортеры и «джипы» стояли в городских парках и скверах. Днем усталые солдаты спали на траве у подножий памятников генералам гражданской войны. Солдатские носки сушились на ветках знаменитых вашингтонских вишен.

Восстание началось утром и сразу же приняло угрожающие размеры. Власти распорядились закрыть правительственные учреждения и распустить служащих по домам. Десятки тысяч машин, сорвавшись с места почти разом, закупорили улицы, преградили дорогу военным грузовикам, спешившим в горящий город из штата Вирджиния. Машины, бампер к бамперу, стояли на улицах в четыре ряда. А стрельба слышалась ближе и ближе. Чиновники бросали свои «форды» и «шевроле» и пешком, испуганно оглядываясь, бежали из Вашингтона в свои уютные пригороды, уже оцепленные охраной — вооруженными до зубов парашютистами 82-й воздушно-десантной дивизии.

Две недели Вашингтон выглядел как оккупированный город. Долго еще дымились каменные коробки сожженных домов (их было 550!), под ногами долго хрустело стекло, и пахло слезоточивым газом...

Президент США приказал создать комиссию, которая должна была ответить на во-

прос: почему бунтуют негры? Семь месяцев, комиссия искала ответ, изучая негритянскую, проблему со всех сторон. Отвечать надо было серьезно. И комиссия ответила. Вот главный вывод: «Наша нация развивается в направлении двух обществ, белого и черного, разделенного и неравного». И далее на 1400 страницах своего доклада комиссия рассказывает о том, что давно известно неграм, но, как говорится в докладе, «абсолютно неизвестно многим белым»: негры последними берут на работу и первыми увольняются; безработица среди них в два раза выше, чем среди белых; дома, в которых они живут, переполнены, кишат тараканами и крысами; белая полиция ведет себя в негритянских кварталах как на оккупированной территории; белые лавочки, держащие свои магазины в черных районах, завышают цены на продукты питания и промтовары первой необходимости. И так далее.

Для тушения негритянского пожара были предложены разные средства. Главное из них: расслоить негров. «Дайте некоторым из них разбогатеть, — советовала одна газета, — ...надо заставить их ненавидеть друг друга, а не только белых». Эта политика проводится. Вот нынешняя картина. Есть негритянская буржуазия (1 процент в национальном масштабе). Есть тонкая прослойка негритянской интеллигенции: артисты, врачи, юристы, писатели, учителя, служащие и даже мэры городов (мэр Вашингтона — негр). И есть огромная масса негров, примерно 10 миллионов человек, — «граждан второго сорта», живущих по-прежнему без надежды, отчаявшихся, ожесточенных.

Механизация сельского хозяйства (и как следствие этого — потеря работы) гонит негров из южных штатов в промышленные города Севера. Но кому в век электронных машин нужны бывшие батраки, полуграмотные, не имеющие специальности? Они оседают в черных гетто, вытесняя белых, которые бегут в пригороды. «Рост негритянского населения, — пишет президентская комиссия, — в соединении с уходом белых в предместья, скоро приведет к негритянскому большинству

во многих из крупнейших городов страны... Нищета в черных гетто фокусируется на молодежи, уничтожая для нее все возможности и обрекая ее на жизненную неудачу. Результатом является преступность, наркомания, зависимость от пособий, ожесточение против общества в целом и белого общества в частности.. Будущее городов и их разбухающего негритянского населения мрачно».

Такова сегодня проблема «белые — черные». Столичному Вашингтону приходится думать над ней не только в масштабах самого города. Во время экскурсии по Вашингтону мы осмотрели все доступное для осмотра. Побывали в том числе в зоопарке, на знаменитом Арлингтонском кладбище. (Со времен гражданской войны тут хоронят военных.) На моторной лодке проплыли по Потوماку, посмотрели, как выглядит город с реки. Полдня провели в знаменитом Смитсоновском музее. (Запомнились прекрасные диорамы американской природы, маленький самолет, на котором американец Линдберг впервые в истории пересек Атлантический океан, первый американский спутник Земли, величиною с футбольный мяч.) Ну и, конечно, грешно было бы упустить возможность посетить Пентагон.

Огромное приземистое серое здание непосвященный примет за стадион. Стоянки автомобилей, забитые до отказа, свидетельствовали о том, что «стадион» сейчас полон людей. Минут пятнадцать мы ищем место, где бы приткнуться, а когда вылезаем из машины, видим, как на площадку рядом опускается вертолет. Из него выходят три офицера и направляются к Пентагону. У среднего цепочкой к запястью левой руки пристегнут *легкий* плоский портфель — понес секретные документы.

Вслед за тремя офицерами поднимаемся по ступенькам главного входа. Бронзовый бюст на мраморном пьедестале... Кому же памятник? Печально известному Форрестолу. Главное лицо Пентагона, министр обороны

Джеймс Форрестол, помешавшись, с крик «русские танки!» выпрыгнул из окна МНОИ этажного дома. 1949 год... Были у «холоди войны» и такие вот жертвы.

Открываем входную массивную дверь. Особой строгости нет. Караульный парень-сержант одет таким образом, чтобы ты его сразу заметил, — белая портупея, белая каска с черными буквами «MP» — Военная Полиция. А рядом с сержантом — стол, за которым сидит строгая дама в очках. Ее обязанности лежат где-то посередине между справочной службой и работой секретаря Посмотрев документы двух журналистов, она бросает привычную фразу: «Ни один из ответственных руководителей ведомства принять, к сожалению, не может — расписание встреч составлено на месяц вперед». Мы не настаиваем, но и не признаемся, что в эти двери нас привело простое человеческое любопытство. Говорим: «М-да...» Для смягчения отказа дама советует нам подойти к какому-то чину, имеющему большую власть, чем она, и называет номер комнаты. Сержант с подобными ситуациями сталкивается, как видно, не первый раз.

— Окэй, проходите, — говорит он и сразу переключает внимание на кого-то другого.

Огромнейший коридор. Не коридор, а улица, у которой не видно конца и по которой мог бы проехать тяжелый танк. И оживление такое же, как на людном проспекте. Военные и штатские. Мужчины и женщины. Робкие и уверенные. Одни вроде нас смотрят по сторонам, другие спешат, переговариваясь на ходу. Спешат куда-то полковники, стриженные под ежик. Читает таблички на дверях, кого-то разыскивает молодой священник с выправкой кадрового офицера. Парочками прогуливаются штатские интеллектуалы: длинноволосые, бородатые. Негры на бесшумных колясках везут куда-то коричневые папки и желтые пакеты. Моряк в белоснежной панаме несет поднос с бутербродами...

Сходство этой магистрали с городской улицей довершает табличка: «Коридор имени генерала Брэдли». Выставка фотографий на стенах коридора повествует о жизненном пу-

ти военного человека: генерал в юности, генерал в новом, с иголки, лейтенантском мундире, генерал в боевой каске, генерал в орденах. И наконец, на снимке старый уже человек, ведущий сражение с обычной смертью, не признающей чинов и наград.

Трудно сказать, сколько коридоров берегут память о проходивших по ним генералах. Надо думать, не только Брэдли удостоился этой чести. Но одна из пентагоновских «улиц» отдана музам. Мы прошли ее с начала и до конца. Вдоль стены против окон — выставка живописных полотен. Разумеется, не натюрмортов, не тихих пейзажей. Война и солдат на войне. Разумеется, солдат побеждает. Разумеется, солдат этот — американский солдат...

В недрах здания мы неожиданно набрали на очень оживленном, прямо-таки ярмарочное местечко — торговый центр, почта, бюро путешествий, страховая контора... Неоновый свет, стереофоническая музыка. Подтянутые мужчины в синих, песочных, зеленых и белых мундирах прицениваются к штатским костюмам, примеривают ботинки, подбирают галстуки, сдают в чистку плащи, перелистывают географические атласы и словари в книжном магазине, оформляют счета в банке и здесь же справляются о курсе акций финансовой биржи. Оживленная торговая толчея. Но стоит ли удивляться? В этом здании работает 30 тысяч людей. Прибавьте к ним визитеров — целый город под крышей!

Два часа мы ходили по пентагоновским коридорам и в какой-то неведомой точке огромного лабиринта вышли вдруг в зал, украшенный полудюжиной одинаковых круглых часов. Но все они показывали разное время. Под одними стояло — «Вашингтон», под другими — «Лондон», «Москва», «Пекин»... В огромной застекленной кабине у телефонов сидел отчужденный офицер и чистил щепочкой трубку.

Ну и разини американцы, — скажут читатели, — двое чужих людей ходят по Пентагону, и никто не хватился, как будто и нет у военных секретов. Не спешите. Секретов у Пентагона достаточно, и хранить в этом

здании, разумеется, их умеют. Просто мы ходили по коридорам, практически доступным для очень многих, в том числе для газетчиков, если даже они и «красные». Секреты же в этом доме хранятся в таких местах, куда без особого пропуска не войдешь. У служащих Пентагона пластиковые пропуска-бирки на цепочках подвешены к пиджакам и мундирам. У некоторых — разноцветный набор пропусков, непременно с цветным портретом владельца. А что касается сержантов с белыми ремнями и буквами «MP» на касках, то внутри лабиринта их множество, и они не столь благодущны, как наш знакомый у главного входа. Они стоят у проходов из коридоров, широко расставив ноги, кроме пистолета, на поясе полицейских никелированные наручники, а в руках дубинки длиною чуть ли не в метр. Рядом с сержантом частенько красуется надпись: «В случае тревоги будут активизированы служебные собаки». Таков режим Пентагона.

А теперь немного о том, что во время двухчасового визита увидеть нельзя. Пентагон построен в начале второй мировой войны. На этом месте был огромный пустырь и болото. Сюда свозили городской мусор. В 1941 году пришли строители. Работа была не из легких. Чтобы засыпать болото, пришлось сбросить в него свыше пяти миллионов кубометров земли. Потом электрические молоты вогнали в грунт 41 500 железобетонных свай. Работы велись даже ночью при свете прожекторов. Через 16 месяцев состоялось открытие уникального четырехэтажного здания в форме пятиугольника. За эту форму его и прозвали Пентагоном. Считают, что это самое большое по площади административное здание в мире.

Здание действительно огромное. Протяженность одних коридоров около 28 километров. И если уж говорить о цифрах, то в этом здании 6 тысяч кабинетов, комнат и залов; 87 тысяч телефонов; 4200 стенных часов; 685 фонтанчиков питьевой воды и 280 туалетных комнат. Сотрудники этого дома пользуются 19 эскалаторами и 13 лифтами,

ежедневно получают и отправляют 129 тысяч писем и пакетов, выхлебывают в обеденный перерыв 1800 литров супа в двух столовых, где могут одновременно сесть за столы 4 тысячи человек, выпивают в день 40 тысяч чашек кофе и 5 тысяч бутылок кока-колы в шести кафетериях и девяти барах.

Тут совсем не ощущаешь жары, если даже на улице в этот день плавится асфальт. Особое электронное устройство бдительно следит за тем, чтобы летом в кабинетах и коридорах температура не поднималась выше 20,5 градуса по Цельсию, а влажность воздуха сохранялась на уровне 50 процентов по специальной шкале. Зимой электронный источник постоянно поддерживает температуру в 24 градуса, а влажность воздуха — 30 процентов. Именно эти градусы и проценты, по мнению врачей, создают идеальные условия для работы тех самых 30 тысяч генералов, адмиралов, офицеров и вольнонаемных, составляющих штат Пентагона.

Помещение для работы начальников штабов находится под землей, куда генералы спускаются на персональных лифтах. Эти подземные смежные кабинеты носят название Национального центра военного командования. Главное помещение подземелья представляет собою зал с овальным столом посередине. Каждое место за столом оборудовано индивидуальным пультом связи, телефонами разного цвета, микрофонами, наушниками, телевизионными и записывающими устройствами. Каждый начальник штаба, сидящий за этим столом, имеет возможность связаться со старшим американским военным начальником, будь тот в Юго-Восточной Азии, в Латинской Америке или Европе.

Есть еще один центр под землей, подчиненный начальнику штаба армии. Его задача — следить за положением внутри страны. Компьютеры на командном пункте в мгновение ока могут дать информацию о 150 городах с большой долей негритянского населения.

О подземных комнатах, святая святых Пентагона, ходит много легенд, но в общем-то ни у кого нет сомнения в том, чем зани-

маются в них генералы. По словам вашингтонского журналиста Т. Коффина, «люди, сидящие у пультов управления в подземельях, в любую минуту готовы послать смерть и разрушения через океаны, пустыни и горы».

Пять высших пентагоновских генералов непосредственно управляют огромной военной машиной США. Им подчиняются 3 миллиона 450 тысяч американцев, одетых в военную форму. Половина из этого числа — на чужих территориях: в Юго-Восточной Азии, на островах Тихого океана, в Южной Корее, Японии, на Тайване, в ФРГ, Англии, Испании, Португалии, Турции, Ливии, Исландии, в Центральной Америке, на кораблях в Атлантическом и Тихом океанах, в Средиземном море. Кроме того, Пентагону служат один миллион 300 тысяч вольнонаемных.

Пентагон содержит более 400 крупных военных баз и около трех тысяч мелких почти в 30 странах мира. Помимо американских военнослужащих, на этих базах находятся свыше 500 тысяч членов их семей и работает около четверти миллиона вольнонаемных иностранцев.

Пентагон обладает сейчас собственностью, оцениваемой в 205 миллиардов долларов (оружие, техническое оборудование, средства связи, транспорт и так далее). Это около 60 процентов всей собственности правительства США внутри страны и за рубежом.

Пентагон — крупнейший землевладелец. За пределами США он распоряжается тремя десятками миллионов акров земли, площадью почти равной штату Нью-Йорк.

На Пентагон работают около 9 миллионов промышленных рабочих, 990 специализированных военных предприятий и свыше тысячи фирм, выступающих в качестве подрядчиков, и субподрядчиков на военные заказы. В штате Калифорния в военных отраслях промышленности занято почти 55 процентов самостоятельного населения, в штате Вашингтон — 42 процента.

Но это не все. Давно известно, что прибыли промышленных корпораций, работающих на Пентагон, как правило, на 70 процентов - выше доходов фирм, выпускающих невоен-

ную продукцию. Круговая порука, которой связали себя генералы и промышленники, образовала зловещим союз, который получил название военно-промышленного комплекса. Об опасности этого союза предупреждал своих соотечественников еще президент Эйзенхауэр. 17 января 1961 года, перед тем, как сдать президентские полномочия Джону Кеннеди, старый солдат, прошедший высшую школу управления государством в Белом доме, не скрывая тревоги, сказал: «Мы должны помешать военно-промышленному комплексу приобрести — намеренно или волей обстоятельств — чрезмерное влияние в правительственных органах».

С тех пор прошло более десяти лет. Для Америки это были годы серьезных испытаний. И самым тяжелым из них стала бесславная война против вьетнамского народа, подготовленная и осуществленная Пентагоном. Во имя войны во Вьетнаме по требованию Пентагона урезались ассигнования на внутренние нужды страны, на облегчение участи жителей негритянских гетто, на борьбу с нищетой, на образование и здравоохранение. Вот почему горели от негритянского гнева города и бедняки строили свой фанерный лагерь у мемориала Линкольна. Именно по вине военно-промышленного комплекса Америка получила «второй фронт» — в недрах самой страны.

«Последние двадцать лет мы позволяли телеге Пентагона быть впереди лошади дипломатии, — сказал старейший американский сенатор Эллендер. — Теперь мы видим, куда заехали таким образом...»

Таков Пентагон, сердцевина огромной военной машины, мрачный пятиугольник, недоступный толпам туристов, приезжающих в Вашингтон

Ну и несколько слов о здешней погоде.

Вашингтон — город южный. Тут бывают почти тропические ливни, от которых влажность повышается еще больше, случаются сильные грозы, иногда проносятся разрушительной силы циклоны.

Весна в Вашингтоне до обидного коротка. Не успели осыпаться лепестки вишен, как уже подступила жара. 35 градусов — обычная летняя температура.

Лучшее время года тут осень. В середине октября начинают менять окраску деревья. Стоят прозрачные солнечные дни. Это время нашего «бабьего лета» американцы зовут «индейским летом». В городских парках разливы красок. Из серо-зеленого Вашингтон в это время становится празднично-разноцветным. Дубы, вязы, граб, каштаны, кизил пылают всеми оттенками теплых тонов. И так почти до конца ноября, когда робко и нерешительно начинает заявлять о себе здешняя зима.

Зима эта южная. Самое отчаянное, на что она способна, — морозец градусов в шесть. Эти «жестокое холода» совпадают обычно с праздником рождества — три-четыре морозных дня. Снег тоже редкость — семь-десять дней, и то не каждую зиму. Для ребятишек снег — небесный подарок, для взрослых — бедствие. Если снег идет сутки, в городе останавливается весь транспорт, закрываются школы, магазины, кинотеатры, иногда даже правительственные учреждения. Если снег идет двое-трое суток, в городе объявляется чрезвычайное положение, и общественная жизнь практически прекращается. Кстати, не всегда вашингтонец сбросит с машины снег. Будет ездить с сугробом на крыше. Не потому, что лень, а потому, что снег в Вашингтоне — экзотика.

У нас был план: встретиться с путешественником. Из множества разных имен мы выбрали интересного человека и мысленно окрестили его Путешественник № 1.

Робин Ли Грэхэм... Шестнадцатилетним школьником в одиночку на маленькой яхте парень обогнул земной шар. Это было в 1965 году. Мы знали подробности путешествия, и очень хотелось увидеть незаурядного человека. Но где он сейчас, этот Робин? О путешествии мы читали в «Нэшнл джиографик». В этот журнал и решили пойти за справкой.

Приняли нас любезно. Все, что надо, мы получили. Однако по мере того, как шел разговор о путешествиях и путешественниках, «шестнадцатилетний капитан» не то чтобы потерял для нас интерес (это была прекрасная одиссея!), но мы вдруг почувствовали: главный американский путешественник перед нами — это сам журнал «Нэшнл джиографик». Возраст — за восемьдесят. Жизнь безупречна: никого не поссорил, никого на Земле не обидел, авторитетен, любим, почитаем. Что касается самого главного — путешествий, то нет ему равного: побывал во всех уголках Земли. Отличный рассказчик — обаятельный, добросовестный и спокойный, тот самый, который мог бы сказать: «Я так много видел, что мне и врать не надо». На пестром фоне журнального царства США (более 10 тысяч различных названий, от изданий, предназначенных для избранных, до разгребателей мусорных куч жизни и полиграфического потока непристойностей) «Нэшнл джиографик» — явление исключительное. Это журнал американского Географического об-

16*



журнал- путешественник



щества. По тиражу он входит в десятку самых распространенных журналов. Что же касается особых читательских симпатий, то конкурентов у него просто нет.

Начал он скромно — один-единственный платный сотрудник, маленькое помещение, тираж 205 экземпляров. Мы видели первый номер журнала: тощая, мягкая книжечка без «диной картинке, в коричневой однотонной обложке — сугубо научное издание. Сейчас журнал имеет большой штат сотрудников. Его нынешний облик — 200 страниц богато иллюстрированной, красочной панорамы Земли. Лучшие фотографии и неутомимые путешественники США делают этот журнал. Отмечая в 1963 году юбилей (первый номер вышел в 1888 году), журнал писал: «Если тираж этого номера сложить в одну гору, ее высота была бы в двадцать одну милю. Это четыре Эвереста».

Рожденный служить географам-специалистам, «Нэшнл джиографик» постепенно сделался путешественником, журналом для многих. Одним это посох и компас для странствий, для других — ежемесячный гость-рассказчик. Даже старушка и школьник, получая журнал, чувствуют себя Куками и Колумбами.

Читают журнал самые разные люди — космонавт Нил Армстронг, детишки фермера е Оклахоме, богач, имеющий самолет и личную яхту для кругосветного путешествия, и бедняк, для которого может существовать выбор: обед или 200 страниц путешествия.

Знакомясь с журналом, испытываешь ощущение, что он не стареет. Комплект десятилетней давности листаешь с таким же интересом и любопытством, как и свежие номера. Причина этому — сами ценности, которых журнал касается, — Земля и все, что дышит и зеленеет на ней, а также яркость, глубина и добросовестность изложения. Статьи журнала перепечатывают во всем мире. Марка «Нэшнл джиографик» так же надежна, как ссылка на очень авторитетную энциклопедию.

Сам журнал свою задачу определяет так: «Стремиться распространять географические

знания и поощрять научно-исследовательскую деятельность». В этих двух строчках — огромный простор для деятельности. Понятие «географические знания» — это и вид земного шара из космоса, и недавно открытое первобытное племя в Новой Гвинее. (Журнал немедленно шлет туда экспедицию!) Это своеобразие древних культур, раскопки, находки. Это быт и нравы разных народов, животный мир океанов, пустынь, джунглей, полей, лесов и обычных обжитых мест. И хотя Земля в последние годы заметно сжалась, все на ней стало доступней, интересного на Земле не убавилось. Журнал успешно это доказывает.

«Нэшнл джиографик» — не коммерческое издание. За его спиной не стоит чья-то тень, считающая прибыли. Но журнал этот приносит доход. Все до последнего цента этих доходов тратится на просвещение, на расширение знаний, поощрение исследований.

Параллельно с журналом издаются еженедельные бюллетени для школьников (12 страниц с красочными иллюстрациями об экспедициях и открытиях). Особый бюллетень географических новостей рассылается по газетам, журналам и редакциям телевидения. Отдельными книжками издается накопленный материал. Например, книги: «Пустыни мира», «Канада», «Птицы», «Река Миссисипи» — все с прекрасными редкими фотографиями. Издание многочисленных атласов, глобусов, комплектов цветных диапозитивов — это все дело Географического общества и журнала.

Журнал печатает рекламные объявления. (Это главным образом то, что может интересовать туриста и путешественника.) Но от рекламодателей журнал полностью независим. Это дает возможность соблюдать свои принципы. Принципы эти дороги в нынешнем мире: «Уважать человека. Быть объективным. Уважать самобытность любой расы и нации, любой культуры. Не печатать ни слова, ни изображения, порочащих какую-либо страну или народ. Иметь дело с фактами, а не со слухами и предрассудками. Сознать ответственность перед миром за мир». Эти прин-

ципы соблюдаются. Журналисты «Нэшнл джиографик» несколько раз побывали в Советском Союзе. Их обширные публикации о Сибири, о Ленинграде, Киеве, недавнее путешествие по Волге соответствуют духу журнала. В числе правил, заведенных журналом, есть и такие: не помещать рекламу оружия, спиртного и сигарет, рекламу украшений — перстней, сережек, браслетов, а также любых объявлений военных ведомств. Не печатать сенсации... Порядочность — таким словом можно характеризовать это стоящее особняком большое издание.

Своеобразны финансовые отношения журнала с читателями. «Нэшнл джиографик» не продается в киосках, нет на него и обычной подписки. Его получают члены Географического общества. Членство доступно всем, но нужна формальная рекомендация кого-нибудь состоящего в обществе. Человек платит взнос (9 долларов в год или за несколько лет вперед), а журнал получает как бы бесплатно. Конечно, это игра. Но подумайте, как интересно мальчишке из Оклахомы сознавать, что он состоит в одном обществе вместе с Нилом Армстронгом, Жаком Кусто, Туром Хейердалом. Для наиболее любознательных эта игра превращается в интересное дело. Нынешние исследователи Земли, а также сотрудники «Нэшнл джиографик» начинали знакомство с миром дома у лампы, читая журнал. А теперь зайдём в большое современное здание в Вашингтоне, у которого на флагштоке развевается флаг Географического общества (три цвета: голубой, коричневый и зеленый — воздух, земля и воды). Нижний этаж-вестибюль — нечто вроде музея-выставки. Вот огромная «молчаливая голова» — изваяние из камня, найденное в джунглях Мексики. Подводные «сани» Жака Кусто. Натуральные сани, с которыми Пири в 1909 году добирался на Северный полюс. Экспонаты собраны не случайно. Они либо часть снаряжения, либо находки экспедиций, посланных или поддержанных Географическим обществом.

У бюро справок, размещенного в вестибюле, на самом заметном месте, можно выяснить все, что касается деятельности Географического общества, можно посмотреть образцы атласов, книг и тут же их заказать.

— Мы к мистеру Кроссету...

— Одну минутку... Да, пожалуйста, доктор Кроссет вас ждет.

Шестой этаж. Коридор, сверкающий, как образцовая корабельная палуба. Бюро доктора Кроссета.. Он в нем похож на бармена, у стойки. Но вместо посуды на полках книги: энциклопедии, справочники, атласы карт. Приглашение жестом присесть — по телефону Кроссет говорит со Стокгольмом. Это тоже наведение справки... Доктор Кроссет заведует в журнале географическим отделом и, как мы поняли, являет в своем лице бюро проверки. Все написанное уточняется, выверяется. История, этнография, археология, фауна и ботаника — этим заняты другие люди. У доктора Кроссета — география. Он приводит в соответствие с истиной все, что касается описания Земли. Занят он этим тридцать лет с лишним.

— Вот кто, наверное, умеет решать кроссворды!

— Смеетесь.. А ведь и в самом деле бывают задачи... Кроссворд можно скомкать и бросить. А тут не скомкаешь и не бросишь. Не находишь ответа в книгах — начинаешь звонить.

Разговор о журнале с доктором Кроссетом продолжался два с половиной часа. В придачу к беседе мы получили листовки, образцы бюллетеней и карт, книги, а также юбилейный номер журнала, где прослежена его родословная. Структура журнала, а также его история интересны. Сначала несколько фактов из тех запасов, которые доктор Кроссет держит всегда под рукой.

Главная примечательность в биографии журнала — его главный редактор, Джильберт Гросвенор. Был на своем посту 55 лет (с 1899 по 1954 год) Вероятно, это всемирный ре-

корд. Первые годы редактор уносил весь тираж из типографии на плечах. Сейчас каждый выпуск журнала съедает 300 вагонов бумаги и 300 тонн краски. Редакция находится в Вашингтоне, печатные формы журнала делают в Филадельфии и Нью-Йорке, печатают в Чикаго.

Кто и как делает журнал? В этом мы как следует не могли разобраться, главным образом из-за трудностей рассмотреть журнал обособленно от всех других дел Географического общества. Упрощенно так: 1000 человек заняты журналом (и сопутствующей продукцией). Еще 1000 — перепиской с членами общества (подписчиками журнала). Направляет работу журнала редколлегия из 20 человек. Среди них ученые, путешественники. Половину примерно материалов готовят штатные сотрудники, другую половину заказывают специалистам. Людей выбирают надежных и квалифицированных.

У журнала особый стиль. В нем всегда лишь четыре-пять очерков, но они обширны и обстоятельны. Очерк (снимки и текст) может занимать иногда 30—40 страниц. Это пространный рассказ о целом континенте, о части его (например, о советской Сибири) или о маленьком островке — каком-нибудь забытом людьми и богом, но интересном клочке земли. Предметом внимания может быть город (Гонконг, Ленинград). В поле зрения в этом случае попадает история, быт, культура, промышленность, обыденная жизнь, экзотика, яркие люди, вид города сверху, облик города летом, зимой. Объектом исследования (это почти всегда своеобразное открытие) могут быть современные формы и образ жизни людей, например «цыганская» жизнь большого числа американцев в домах на колесах или кочевья пигмеев-охотников Африки. Раскопки старинных цивилизаций, река (или жизнь очень маленькой речки), пустыня, горная цепь или чем-нибудь знаменитое место в горах — это возможные темы журнала. Всегда на почетном месте живая природа — флора и фауна.

Главное в стиле работы — продуманность, безошибочный выбор темы, глубина мате-

риалов и точность во всем. Журнал не всегда находит нужную справку в книгах, потому что копает частенько пласты неведомого. Его публикации — надежный источник для пополнения энциклопедий: «если так написал «Нэшнл джиографик», значит, это так и есть».

Высокий авторитет в редакции берегут. Журнал считает себя обязанным выяснять истину в спорных делах, связанных с путешествиями. Одна из историй была нам известна. На островах восточнее Новой Гвинеи бесследно исчез молодой антрополог, сын известного всем Рокфеллера. Искали и не нашли. Предположение «съели туземцы» охотно было подхвачено газетами и журналами. (Это ли не сенсация — «съели наследника миллионера!») Мы спросили у доктора Кроссета: что известно об этом журналу?

— Истина установлена. Рокфеллер утонул. Утонул самым прозаическим образом, вблизи от берега...

Часто для разрешения темы снаряжается исследовательская экспедиция специально или журнал помогает какому-нибудь начинанию. С 1907 года он имеет возможность оказывать исследователям и финансовую поддержку. Роберту Пири для похода на полюс (1909 год) помощь была скромна (журнал - еще беден) — 1000 долларов. А Бэрду на путешествие в Антарктиду выделяют уже десятки тысяч. Поддержку журнала получил Жак Кусто и много других исследователей.

Под опекой журнала (в том числе финансовой — 75 тысяч долларов) готовилось в 1963 году восхождение на Джомолунгму. Американцы не отличаются страстью и опытом лазания по горам, потому экспедиция снаряжалась особенно тщательно. Современные технические средства и много людей (одних носильщиков 900 человек!) обеспечили восхождение — четыре американца достигли вершины. В числе победителей был прекрасный фотограф Барри Бишоп. В результате миллионы читателей «Нэшнл джиографик» стали участниками восхождения...

Большое место в издании отдано снимкам. Они всегда превосходны. Интересна эволюция

журнала от «тетрадки без единой картинке» до плотной книжки цветных фотографий. Долголетний редактор Гросвенор вспоминает, как шел к такому изданию: «Со многими я перессорился. Кое-кто подал в отставку — «картинки не наше дело!». Но как рассказать о Земле без картинок?»

Журнал утверждал фотографию в периодике. Цветные снимки впервые в журнальной практике мира напечатаны в «Нэшнл джиогрэфик» (1910 год). 24 цветные фотографии! Это было событие. Но двадцать лет после этого даже самые богатые журналы не могли позволять себе эту роскошь — цветные снимки обходились в четыре раза дороже обычных. «А мы начиная с этого года без цвета уже не печатались».

Первые снимки с воздуха («Панорама Америки» — съемка из гондолы дирижабля) напечатал «Нэшнл джиогрэфик». Первый подводный снимок (1926 год) публикуется в нем. В 1936 году журнал снаряжает фотографа в Казахстан, в городок Ак-Булак, заснять кольцевое затмение солнца. Редчайший по тем временам цветной снимок!

С фотографией связан и драматический период в жизни журнала. В 1905 году издание еле теплилось. И вдруг подарок судьбы — почта приносит пакет со снимками. Фотографии Лхасы! Таинственной Лхасы, снимков которой никто никогда не видел... Одиннадцать страниц фотографий имели феноменальный успех. Число подписчиков немедленно выросло, журнал твердо стал на ноги. Кто же прислал редчайшие снимки? Два русских путешественника, Цибикив и Нарсунов, причем с пометкой: «платы не требуем».

Сейчас у журнала 12 штатных и 20 нештатных фотографов самой высокой квалификации. (Журнал «Лайф» в свое время поднял фотографов до уровня национальных знаменитостей. Со смертью «Лайфа» последним зеленым творческим островком стал для них «Нэшнл джиогрэфик».) Вознаграждение за работу в журнале очень большое. Но и спрос тут немаленький. На плаву удержаться может лишь мастер высокого класса, к тому же бродяга с хорошим здоровьем. (Подумись-ка

на Джомолунгму, попарься в джунглях, пожарься в пустыне!)

Фотографы специализируются. Один снимает раскопки древностей, другой исключительно насекомых, третий любит Антарктиду и Север. Фотограф Дин Конджер пять раз бывал в Советском Союзе, наверное, он и еще приедет — это его специализация. Есть мастера по съемке в воде, знатоки городской жизни. Фред Трюслоу прекрасно снимает птиц.

У доктора Кроссета мы спросили, нельзя ли увидеть Фреда? (По фотографиям мы хорошо его знали.) Но мастера нэ было в Вашингтоне. Нам рассказали: это не первой молодости человек. Он был вторым лицом какой-то крупной промышленной фирмы, но стали пошаливать нервы. Врачи сказали: «Если не бросите делать свой миллион, то погибнете». Он бросил бизнес, уже седым человеком начал все сначала и «заново себя сделал».

Все фотографы в журнале — люди образованные. Но опыт жизни и знания, как правило, лишь приложение к таланту.

Как работают мастера? Об этом можно вести особый подробный рассказ. Коротко так: тщательный выбор темы, обсуждение ее в деталях, творческая подготовка — чтение книг, изучение карт, встречи с людьми... Готовится техника съемки. Специальные люди в журнале проверяют для мастера четыре его фотокамеры, сменные объективы, экспонометры, качество пленки. (Детали для наших фотографов-журналистов: съемка ведется на узкую обратимую пленку, в аппаратуре предпочтение отдано японской технике — камеры «Никон» и к ним примерно дюжина объективов.)

Срок командировки — недель тринадцать-четырнадцать. Причем время делится пополам. Зачем? Во-первых, за сорок примерно дней (опыт нашего путешествия вполне согласуется с этим) человек выдыхается, притупляется его восприятие. Во-вторых, выгоднее делать снимки в разное время года, скажем, зимой и летом, в сухое время или дож-

дливое. И в-третьих, если какой «прокол», при втором заходе можно его поправить.

Что привозит фотограф в редакцию? Тысяч пятнадцать диапозитивов. Вместе с заведующим отделом иллюстраций мастер выбирает из них около сотни. В печать идет 25— 30 снимков.

Но снимки фотографу, как мы поняли, уже не принадлежат — это собственность журнала. Из них составляются книги по разным темам. Их могут дать напрокат какому-либо издательству. За хорошие, разумеется, деньги.

Что касается книг, то издания эти очень высокого уровня. Об одной книге нам рассказали забавный случай. Во время войны Эйзенхауэр дал в журнал телеграмму из Африки: «Срочно пришлите книгу о птицах». Оказалось, у генерала сложились деликатные отношения с английским начальником Генерального штаба Аланом Бруком. Начальник был вежлив, но сдержан, а Айку хотелось близких человеческих отношений. Однажды Брук, страстный фотограф и орнитолог, посетовал, что не мог раздобыть интересную книгу о птицах. Айк сразу же сообразил, где хранятся ключи к сердцу Брука. Холодная сдержанность была сломлена...

Остается сказать, «Нэшнл джиографик» — одно из самых популярных изданий Америки. Доверие читателей к нему безгранично. Комплекты журнала дарят на день рож-

дения. Подписку многие оформляют пожизненно.

Вот, пожалуй, и все о журнале-путешественнике. С принимавшим нас доктором Кроссетом мы тепло попрощались, сделали снимки на память.

Доктор Кроссет сейчас уже вряд ли служит в журнале — собирался на пенсию. Он показал нам фотографию дома на севере США, где готовился жить, охотиться и «кое-что написать».

Доктор Кроссет сообщил нам кое-какие подробности путешествия вокруг света Робина Грэхэма, того самого школьника, о котором мы пришли навести справку. Путешествие было действительно интересным, опасным и трудным. Но больше всего хлопот редакции, снаряжавшей отважного одиночку, доставили непредвиденные обстоятельства. На одном из островов шестнадцатилетний капитан влюбился. Сообщил, что женится и что дальше намерен плыть только вдвоем. Яхта «путешественника-одиночки» грозила обрести экипажем. Самолетом на остров редакция спешно послала людей — во что бы то ни стало уговорить парня отложить женитьбу до завершения плавания. Капитан послушался. Но любовь оказалась серьезной. После плавания он увез островитянку к себе в Калифорнию.

Это рассказ о маленькой и ненастоящей Америке с названием Диснейленд. Она находится в Калифорнии, в окрестностях Лос-Анджелеса. Двадцать лет назад тут была апельсиновая плантация, сейчас сверкает огнями и красками искусственно созданная «игрушечная страна». За короткое время она стала очень известной. И так же как небоскребы, Ниагарский водопад, Йеллоустонский парк, ковбои, джинсы и кока-кола, стала чем-то сугубо американским «Видели Диснейленд?» И когда говоришь «да», иной собеседник считает, что ты видел в Америке что-то едва ли не самое интересное. Стоянка автомобилей в этой игрушечной стране — что-то вроде вешалки в театре: предвкушение зрелища, толкотня, «сдача одежды». Стоянка огромная, самая крупная в мире — 11 тысяч автомобилей! Найти в этом море «свое пальто» было бы невозможно. Так же как и на вешалке, тут есть «гардеробчики» — энергичные парни в форме

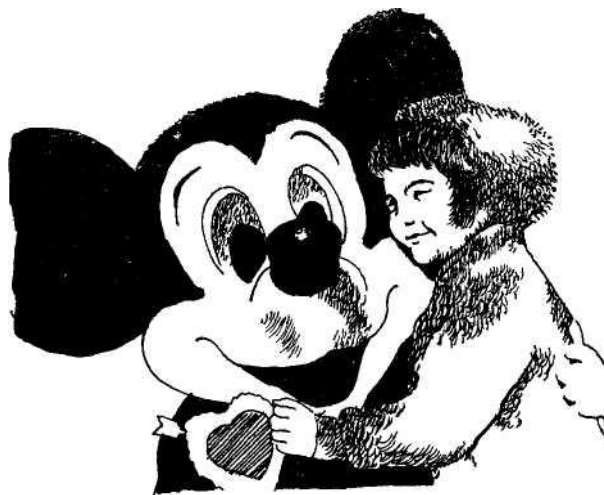
— Запоминайте! Ваш сектор 12-Ф.

Запоминаем. Однако для верности вешаем на антенну автомобиля картонный пакет из-под пленки. Так делают многие.

У входа в «страну» людей встречает, пожалуй, самый известный из ее обитателей — Микки Маус, знакомый каждому американцу по рисованным фильмам. Ребятишки визжат от восторга и бросаются к Микки — дотронуться до любимца Лопухий мышонок в сюртуке и красных штанах так натурален, так дружелюбен и так знаком — даже и взрослые забывают, что они взрослые. «Страна» начинается с городской



страна Диснея



улицы. Но не с обычной. Тут построена милая сердцу американцев старая улица Нового Орлеана — двухэтажные кирпичные домики, газовые фонари, конка, порыжевшие вывески, в витринах — свечи. По улице в обществе шерифа прохаживается бородатый полицейский. Щеголь-цирюльник рассказывает какую-то новость охотнику, кузнецу, ковбою и лоцману с Миссисипи. В платьях до пят идут благородные леди... Это воспоминание о старой доброй Америке.

«Главная улица» — один из районов «страны», что-то вроде парадного входа в нее. Дальше на карте значатся: «Страна приключений», «Страна экзотики», «Страна-фантазия», «Пограничье», «Завтрашний день»... Сквозь зелень виднеются шпили замка, мачты парусника, белеет вершина горы, плывут кабины канатной дороги, проносится монорельсовый поезд, пытит паровозик, режут где-то звери. Парадом проходят оркестранты, одетые по-гусарски. А следом за ними: кот в сапогах, семь гномов и Белоснежка, волк, пингвин, Дюймовочка, одноглазый пират в косынке... И все это сопровождается радостным визгом детей и взрослых.

Уолт Дисней является создателем Диснейленда. Страна эта — его любимое детище при жизни и памятник после смерти. (Он умер в 1966 году.)

Дисней известен как автор непревзойденных рисованных фильмов. Лучшие из них — «Белоснежка и семь гномов» и «Бемби» — у нас шли. (Почему бы не показать их снова для тех, кто подрос и не знает этих шедевров выдумки и веселья?) Страну-фантазию Дисней, как считают, начал прикидывать на бумаге в 30-х годах — первоначально как некое царство киногероев, предназначенное исключительно для детей. Планы Диснея, несмотря на его славу и колоссальный авторитет, у финансистов поддержки не встретили — «сомнительно, чтобы это могло окутиться...». Дисней начал строительство на свои деньги.

В 1955 году Диснейленд открылся. Реклама для привлечения посетителей не понадобилась. Одного показа чудес на телеэкране было достаточно, чтобы Америка признала «страну» и

поверила в нее. Сейчас это самая большая в мире ярмарка развлечений — 10 миллионов посетителей ежегодно.

Затраты на чудеса составили, как считают, 17 миллионов долларов. Но прибыль от туристов, приезжающих в эту «страну», так велика, что, если бы Диснейленд решили продать (в Америке это возможно), покупателю пришлось бы выложить 100 миллионов.

Феномен успеха страны развлечений серьезным образом изучается. В обиходе появилось понятие «эффект Диснея». «Шедевр планировки», — говорят архитекторы. «Бездна выдумки и фантазии», — пишут художники. «Ярмарка веселья. Наивность молодости и мудрость старости. Лучшая форма патриотического воспитания», — говорят социологи и психологи. За короткое время город аттракционов стал национальным достоянием Америки. Восточное побережье с завистью глядело на Калифорнию, у которой есть Диснейленд, и решило в конце концов построить нечто похожее у себя. В 1971 году во Флориде открылся второй Диснейленд. А теперь с «Главной улицы» шагнем в «Страну приключений»... Маленький пароход. Берет три десятка людей. Сели и сразу отчалили. На носу — капитан с кольцом и микрофоном. Полминуты — и приключения начинаются. Непроходимые джунгли справа и слева: пальмы, лотос, бамбук, бананы — все перевито лианами и обильно заселено зверями. Голосисто поет на ветке какая-то птица. Тукан наклоняет голову с красным клювом, рассматривает плывущих. Огромный удав свернулся у самой воды. «Уберите руки! Руки с бортов — крокодил!» — кричит капитан. Крокодилы скрываются. Но снова опасность. Правда, в беду попали люди на берегу. Участники африканского сафари — белый охотник и пять туземцев — вскочили на дерево от разъяренного носорога. «Не наша беда», — говорит капитан, и мы плывем мимо. Еще африканская сцена: к жирафам и зебрам, приседая, крадется голодная львица. Звери ее не видят. Но мы-то видим: сейчас львица прыгнет.

С поворота реки слышим рык, топот, плеск воды и урчание львицы. «Не промахнулась...»

Плывем в туннеле тропических зарослей. Звуки, запахи — все натуральное. Огромная черная горилла поднимается в тростниках, явно недовольная нашим вторжением. «Да, тут, пожалуй, небезопасно», — шепотом говорит в микрофон проводник и направляет судно в обход туземной лодки, наполненной доверху человеческими черепами. «Результат охоты местного племени. Лучше от них держаться подальше...»

И напоследок — жуткая сцена: бегемоты! Красно-зеленые жирные спины всплыли у борта. «Мы в окружении! Стреляю!» Гремят выстрелы. Бегемоты один за другим исчезают в воде. Лишь одного пули никак не берут. Но это вызывает лишь шутку бравого капитана: «Джентльмены, если ваша теща еще на борту, не теряйте прекрасной возможности!..» И вот знакомая пристань. Уже всерьез капитан торопит сходить на берег — у игры в приключения свой четкий график.

Остается сказать: бегемоты, слоны, поющие птицы, крокодилы, удавы, жирафы, люди-охотники — все сделано из резины и пластика. Автоматика в нужный момент заставляет животных всплывать, двигаться, издавать звуки. Записанный в Африке рев зверей создает иллюзию натуральности. Живых воробьев и ворон, суеющихся возле воды, начинаешь принимать за поддельных. Живые птицы тоже обманываются — было несколько случаев, когда коршун хватал поющие чучела.

Капитан набивает магазин пистолета патронами и готов отчалить с новой партией путешественников.

— Сэр, ваши жирафы и бегемоты... Не прообраз ли это того, что в конце концов останется на земле?

— О да! Я тоже так думаю... Описать все, что видит человек за день в этой потешной стране, невозможно. За день он, впрочем, и не может увидеть всего, что тут накручено и намешано с непостижимой выдумкой и размахом. Тростниковые хижины аф-

риканцев. Пестрый восточный базар. Альпийская деревня. Средневековый замок (подъемный мост на цепях, рвы, башни). Пиратский корабль (с «живыми» пластиковыми пиратами, пьющими ром на пороховых бочках). Тут есть динозавры, пещеры, наполненные сокровищами, кладбище с привидениями, домик трех поросят, аукцион, где разбойники продают юных пленниц. И рядом — полусказочный новый мир. Сядь в автомобиль и становишься участником жутких гонок. Хочешь испытать ощущение альпинистов — есть крутая гора (в сто раз уменьшенная копия какой-то знаменитой скалы). По веревочной лестнице можно забраться на верхушку огромного баобаба и побывать в гостях у жителей первобытного племени. А можно на лодке спуститься по очень порожистой речке.

На поезде, старом поезде Дальнего Запада, можно объехать «страну» по окружности. Все зоны Америки за двадцать минут одолевает маленький паровоз с высокой трубой. Пассажиры увидят городок на равнинах, поселок золотоискателей с одичавшими бородачами, ущелье с нависшими скалами. В пустынном месте путешественников просит покаяться бородатый отшельник. В прериях поезд провожает глазами встревоженное стадо бизонов. Вдали маячат ковбои. Особо опасный участок — засада индейцев... Транспорт в этом ярмарочном царстве на все вкусы: монорельсовый путь и мулы, конка, двухэтажные старинные омнибусы и канатная дорога, индейские каноэ, плот, старинный парусник, белый речной пароход и подводные лодки. В иллюминатор с лодки путешественник видит китов, акул, осьминогов, затонувшие корабли...

Чтобы зритель, а вернее, участник всего происходящего ни на минуту не потерял ощущения сказочности и доброго шутовства, все в этой ненастоящей стране имеет «веселый хвостик». Так, рядом с подводной атомной лодкой вдруг появляются зеленовато-голубые русалки — хранительницы сокровищ. Зайдя в кафе, вы можете сесть в огромную чайную чашку и в обществе разной другой посуды весело покружиться по залу. По воздуху можно

летать на слоне с растопыренными, как крылья, ушами... Однако за оболочку непринужденности и веселья Дисней упрятал и серьезное назначение своего царства. «Забавляя — просвещать, играя — воспитывать, будить воображение» — таков девиз Диснейленда.

Одна из главных задач воспитания: развивать любовь американцев к своей стране. Дисней сознательно ставил эту задачу и хорошо ее разрешил. Целиком этой цели служит район Диснейленда под названием «Пограничье». Понятие граница имеет в США особый, чисто американский, смысл. Исторически — это черта, которой достигли люди, продвигаясь на Запад. Граница все время менялась, открывая неведомый мир. Дисней показал это движение по земле. Тут видишь хижины первых охотников, деревянный рубленый домик фермы, жилище в прериях, кузницу, водяную мельницу, лавку, где принимают пушнину в обмен на ружья, лагерь индейцев, лесную избушку с котлом для варки кленового сока...

Все, что Америку занимало, что пережито или с волнением прочитано, есть в Диснейленде. Остров Тома Сойера. Пещера, в которой блуждали Бекки и Том. Плот, на котором плыли до Миссисипи Гек с Томом. Миссисипский пароход с узорными трубами и гребным колесом на корме. И не макет — настоящее судно! По трапу на него поднимаются пассажиры, и оно отплывает под удары колокола с пристани, заваленной хлопком, канатами, бочками с рыбой... Ни один учебник не расскажет подростку так много, так ярко и весело об Америке, как это потешное путешествие. «Завтрашний день» в Диснейленде — это чудеса нынешней техники, преподнесенные остроумно, все с тем же «веселым хвостиком». Популярность этого зрелища заставляет многие фирмы именно тут, на ярмарке забав, показывать свои достижения. Но «завтрашний день» в Диснейленде наиболее переменчив: то, что вчера еще было техническим чудом, сегодня стало обыденным. Не потерял былой популярности, пожалуй, только «Полет на Лу-

ну» — реальный полет повысил интерес к полету игрушечному.

Мы с полчаса ожидали, чтобы занять место в кабине лунного корабля... Все как полагается: отсчет времени, гул ракеты (запись сделана на космодроме), на экране внизу, в струях пламени от ракеты, видим площадку старта (киносъемка сделана с настоящей ракеты на мысе Канаверал). Космодром удаляется. Вот уже целиком виден подернутый дымкой мыс. Контуры Земли обобщаются, уже видна округлость планеты. Пассажиров, трясет, вминает в кресла. И вот уже на экране-иллюминаторе появилась Луна. Лунные кратеры, горы...

Сразу же из кабины пассажиры попадают снова на Землю — в толпу посетителей Диснейленда, расцвеченную связками воздушных шаров, яркими картузиками, майками ребятишек с изображением Микки Мауса. Наблюдать американцев в такой обстановке не менее интересно, чем саму феерию аттракционов. В любой стране эта ярмарка пользовалась бы успехом. Американцы, живущие в обществе постоянного напряжения, с особой благодарностью принимают атмосферу фантастической счастливой страны Диснея. Тут можно на день обо всем позабыть, расслабиться, дурачиться, хохотать, петь, бросать в рот воздушную сладость попкорна, фотографироваться в обществе пластиковых пиратов, подмигнуть Белоснежке, обняться со стариком гномом (роль этих масок исполняют подростки).

Диснейленд задуман был для детей. Но главными его посетителями стали взрослые, люди всех возрастов. «Дети у нас взрослеют, а взрослые хотя бы на день становятся детьми» — это можно было бы написать на гербе страны развлечений. И в самом деле, вот лагерь путешественников на мулах. В седло садится напудренная старушка лет восьмидесяти, а следом за ней на мула сажают трехлетнего малыша. Помощник поправляет у седоков привязные ремни, и процессия длинной цепочкой скрывается в роще. Десять минут... Старушка, охорашиваясь, покидает седло и машет кому-то платочком. Малыш в полной

сохранности, не ревет, не капризничает, просит мать еще раз посадить на лошадку. За кулисами этого самого крупного в мире аттракциона стоит серьезная, тщательно продуманная служба. Цирковая легкость, непринужденность достигнута кропотливым трудом проектировщиков, художников, архитекторов, инженеров, психологов, социологов. Напомним: все рождалось на месте апельсиновой рощи, на пустыре. Дирижировал стройкой сам Уолт Дисней. Он посылал в африканские джунгли заснять характерные сцены жизни животных, с Амазонки, из Индонезии и Новой Зеландии сюда везли всякие ботанические чудеса. Дисней рассматривал любую полезную идею, поощрял выдумку и не ставил границ для фантазии. Выдерживался один важный принцип: все сооружения — замок, поезда, корабли, вигвамы, форты, пещеры, хижины и дворцы — делались в 5/8 натуральной величины. Это экономило место, придавало реальным объектам сказочную условность. За очень короткий срок две с половиной тысячи рабочих (опыт декораторов киностудии тут пригодился) возвели потешное государство. Особенно преуспело тут индустриальное ремесло а н и м а т р о н и к а — умение, максимально подражая природе, делать из пластика и резины (с применением электроники и механики) растения, птиц, зверей и людей. Шедеврами являются: фигура президента Линкольна — «несколько тысяч деталей, способом двигаться, изменять мимику» — и пластиковый баобаб — «300 тысяч виниловых листьев,

даже опытный глаз не сразу отличает этот слепок с природы».

Весь сложный мир Диснейленда управляется с помощью электроники и механики. Однако и люди тоже нужны. Пять тысяч служащих, от подростков, исполняющих роли диснеевских персонажей, до скрытых от глаз посетителей техников, ботаников, электриков, администраторов и служащих в униформе, направляют многотысячную толпу в нужные русла. По нынешним временам это целая наука — умение не создавать очередей или заставить очередь двигаться очень быстро. Диснейленд накопил в этом деле огромный опыт. Из многих стран сюда приезжают не развлекаться, а в деловые командировки. За день мы находились и накружились так, что еле ноги несли. В таком же положении, как видно, был один из многочисленных Микки Маусов. Улизнув от донимавших его ребяташек, он присел в холодке отдохнуть. Тут мы и сняли единственное за весь день интервью. Обратившись не к Микки Маусу, а к человеку за маской, назвали себя и спросили, как самочувствие исполнителя важной роли. Ответил нам голос подростка: «Жарко, джентльмены...»

У выхода по радио говорилась существенная для всех мудрость: «Будьте осторожны. Теперь вас подстерегают реальные опасности — вы выезжаете на калифорнийское шоссе».



равнины



Степи в Америке — середине страны. В географическом смысле это даже страна в стране — равнина, у «которой есть начало, но, кажется, нет конца». (Запись безымянного путешественника.) Человек, открывавший землю, сидя в седле, не мог иначе сказать о том, что увидел. Даже сегодня, сидя в автомобиле (а в этих местах допускается скорость 130 километров в час), думаешь точно так же.

Географический феномен американцам предстал не сразу, не тотчас после Колумба. Надо было прорубиться сквозь леса до реки Миссисипи, чтобы увидеть эти равнины, пределом которых, как потом оказалось, служили Скалистые горы на западе, холмы и начало лесов на юге и севере континента. Назвали эту находку вполне подходяще — В е л и к и е равнины. Вошло в обиход поселенцев также и слово прерия.

Прерия — это дикая степь. Такие земли были на всех континентах. Это районы, где влаги мало, чтобы росли леса, но хватает для роста трав. В России — это степь, саванна — в Африке и Австралии, пампа — в Южной Америке, в Азии — тсау юань. О европейских степях мы можем иметь представление, читая «Тараса Бульбу» или посетив лоскутки не тронутых плугом земель-заповедников около Курска и под Херсоном. В Америке земель нераспаханных осталось тоже немного. И они не могут дать представление о том, что тут было всего лишь 150 лет назад. В те годы окраины США — Восток, Запад и Юго-запад — были уже хорошо обшарены человеком, а середина на картах была в буквальном смысле белым пятном.

Послушаем людей, которые на

повозках и в седлах впервые двигались по равнинам. «Путешествовать по прериям — все равно что плыть на корабле по безбрежному океану. Никаких ориентиров, ни гор, ни рек, ни дерева, ни даже кустов. Только травы — иногда низкие, жесткие, иногда же такие, что виднеются только головы всадников. Определить направление почти невозможно. Остановившись, ждали захода солнца, чтобы знать, где восток, а где запад. Сбился с пути — не отыщет никакая спасательная партия. Если вечером кого-нибудь не хватало — палили из ружей, трубили в рог, зажигали костры... Отставший не мог ориентироваться даже по следу — трава почти чудесным образом распрямлялась... На горизонте равнина смыкалась с небом и человек оказывался как бы в центре гигантского круга...»

Весною земли цвели. Ветер носил по просторам пьянящие запахи диких трав. А летом все высыхало, и прерия озарялась пожарами. «Горе тому, кто оказался на пути летящего вала огня... Зарево видно за пятьдесят миль. А днем о приближении огня можно было судить по летящим хлопьям золы и пепла».

Таковыми были эти равнины. «Редкие случайные вигвамы индейцев и снова пустыня», — пишет другой путешественник. Однако слово пустыня не следует понимать в значении нынешнем. В прериях кипела жизнь, и травы были ее основой. Мелкие грызуны — кролики и луговые собачки — водились тут в несметном количестве. Миллионами исчислялись также бизоны и вилорогие антилопы. Вслед за этими великанами весною с юга на север, а осенью снова на юг двигались хищники — пумы и волки. В этих местах благоденствовали нынешние лесные и уже очень редкие звери — медведи-гризли. У медведей соперников в прериях не было — «бизоны индейцы», кочевавшие в этих местах, предпочитали не приближаться к медведям.

Надо ли говорить, что равнина была заполнена птицами. Луговые тетерева летали огромными стаями. В небе висели коршуны, ястребы и орлы. Гнездились и отдыхали перелетные птицы.

И все это — от трав, каждую весну собиравших «урожаи солнца», до огромных медведей, шедших вслед за бизонами, — было сплетено в крепкий жгут жизни. Одно зависело от другого. И все, умирая, отдавало земле свое тело. Зола пожаров и мертвые травы, помет и кости бизонов — все тут копилось веками. Огромной кладовой солнца были эти равнины. Лучший на Земле черноземный пласт накоплен был именно здесь. И люди это заметили сразу, как только тут появились. «Прерия—это чудесная, сухая, светлая страна», — пишет один из первых очарованных странников. А вот уже слово крестьянина, который нагнулся, скovyрнул травяную - корочку дерна и размял в руках комок почвы: «Здесьние земли столь жирны, что пальцы становятся сальными».

И появился плуг. То, что на паре валов можно было вспахать с утра до вечера, называется акром (0,4 гектара). Эта земельная мера существует в США и поныне. Сначала редкие фермы с выбором лучших угодий замаячили в прериях. Но год за годом, распашка акр за акром, и край у Великих равнин показался. Принцип «бери сколько вспашешь» пришлось забывать. Землю стали «столбить» на захват, подобно тому как в это же время на Западе столбили золотonosный песок.

Последней шумной, драматической и отчасти комической страницей заселения прерий была знаменитая оклахомская «земельная лихорадка». В городе Оклахоме мы без труда нашли памятник этой поро. Между небоскребами на постаменте — фигуры из бронзы: усталая лошадь, на лошади мальчик, отец мальчика забивает колышек в землю. Памятник поставлен недавно на деньги разбогатевшего тут патриота.

Последний дележ оклахомских земель происходил весной в 1889 году. До этого южная прерия была убежищем для индейцев, оттесненных и попросту согнанных сюда из восточной лесистой Америки. «Лесным индейцам» тут, на открытой равнине, надо думать, жилось неуютно. Но пришел час, их прогнали и с этой земли, дальше на запад, в

пустыни. А тут, в Оклахоме, прерию размежевали под плуг.

В это время уже не надо было искать хлебопашца. Охотников сесть на землю было достаточно. На месте нынешних городских небоскребов они стояли шумным нетерпеливым войском — палатки, повозки, котлы с варевом над кострами — и ждали сигнала. 22 апреля в полдень грянула пушка. В клубах пыли, с криками, с гиканьем, плачем детей десять тысяч будущих фермеров, обгоняя на повозках друг друга, ринулись межевать целину. Сразу же обнаружилось жульничество — кое-кто забил свои колышки ночью, не дожидаясь сигнала пушки.

Это массированное и уже алчное наступление на прерии многократно обыграно в поговорках, прозвищах, анекдотах, романах, фильмах и опереттах. Оклахома — это страница истории США. На полях именно этой страницы следует сделать пометку: «конец прерии».

По Оклахоме мы проезжали в момент, когда на массивах созревшей пшеницы вот-вот должны были появиться комбайны. С юга, из Техаса, по Оклахоме в Канзас и далее на север в Небраску тянется знаменитый «пшеничный пояс» — самый крупный в мире массив хлебных полей. Королем пшеницы является штат Канзас (как раз середина Америки). На глобусе этому месту по широте соответствуют срединные части Греции, Турции, города Бухара, Ашхабад. Наши районы: пшеницы лежат много севернее. Но любопытно, что лучшие урожаи в Канзасе дает как раз пшеница, привезенная сто лет назад из России, так называемая «красная пшеница». Прерии стали житницей США, лучшим сельскохозяйственным районом. Кроме пшеничного пояса, есть тут также и кукурузный район (штаты Миссури, Айова, южные части Дакоты и Миннесоты). На юге, в Техасе и Оклахоме, хорошо растет хлопок. В местах очень сухих и там, где земли начинают холмиться, переходя в лесостепь, считают выходным пасти скот. Однако и тут без плуга

не обошлось — землю подняли, чтобы посеять травы.

Словом, сердцевина Америки была распахана, распахана скоро, сноровисто, с уверенностью: «все правильно». Возмездие под названием «пыльные бури» пришло в 30-х годах. Это было, возможно, самое крупное бедствие за всю историю США.

Просматривая документы, газетную хронику и фотографии того времени, хорошо чувствуешь: Америка растерялась. И никто не знал, что следует предпринять. То, что вчера еще с гордостью называли «хлебной корзиной», называть стали с ужасом: «пыльный котел». Бросая полусасыпанные фермы, люди тронулись вон из «котла». (На снимках, как во время войны, беженцы с тачками, старые «форды» со скарбом на крыше, фургоны времен пионеров. И люди в этих повозках без всякой надежды на лица.)

В северо-западном углу Небраски, закусывая в дорожном кафе, мы перекинулись словом с пожилым человеком, жителем этих мест.

— Помните?

— О, как же не помнить! Я тогда бросил ферму в Канзасе. Страшное время. Думали: все, конец...

Положение на равнинах спасти удалось энергичными мерами. Три из них — главные: посадка лесных полос, устройство искусственных водоемов, консервация пашни. Иначе говоря, было признано: не все, не сплошь, не везде можно пахать. Незыблемость этих законов, мы теперь знаем, подтверждена.

Обжегшись на молоке, американцы четыре десятка лет дули на воду. 24 миллиона гектаров земли держалось в залежи. Объясняется это, правда, еще и избыточным урожаем с пахотных площадей. Но экономические трудности последних лет, а также растущий спрос на пшеницу на мировом рынке побудили американцев снова пахать «от межи до межи». Два дня дороги по северной части равнин, по штату Южная Дакота и по Небраске... Тут мы впервые узнали, что в Америке есть

тишина и безлюдье. Остановишь машину — слышно шмелей, слышно, как на холме фыркают лошади и как свистит в травах суслик. После суеты и сумятицы на Востоке это было что-то совсем непохожее на Америку. Пасеки у дорог без пасечников. Небольшие стада коров без пастухов. Бензоколонка, у которой почему-то нет человека. Пять минут ожидания — человек, вытирая руки о джинсы, наконец выходит из домика по соседству. Не спешит, с аппетитом дожевывая что-то.

— Здравствуйте, незнакомцы...

Интонация неторопливая. Так же неспешно идет заправка машины.

— Скучновато?

— Пожалуй, так...

— Тянет туда, где погуще людей?

— Да нет, пожалуй...

Возраст у собеседника чуть более тридцати. Лицо обветренное. Глаза и джинсы одинакового полинялого синего цвета. Кожа на губах шелушится. На голове вместо обычного форменного картузика широкополая шляпа. Пояс с гнездами для патронов. Винтовка — видно в окошко — висит в конторке, чуть закрывая прикладом портрет красавицы из журнала.

— Койоты одолевают?

— Да, в этих местах нельзя без ружья,— по-своему понимает вопрос заправщик.

— А этот поселок... Много людей?

— Теперь двадцать шесть — на прошлой неделе родился ребенок, и вчера в брошенном доме поселились индейцы. Вон у порога дремлет старик...

Ветерок шевелит белье на веревке, петух за колонкой голосисто скликает кур. Индейцы-мальчишки по пустынной дороге самозабвенно катают старые шины.

— Тут и родились?

— Да, вот там, за холмами...

Пока мы возились в багажнике и снимали мальчишек, старожил Дакоты украсил шляпой колышек у колонки и, дымя сигаретой, прилег на траве подремать.

— Счастливо оставаться!

Снятая с колышка шляпа описала над головою хозяина полукруг..

— Счастливой дороги!..

«Население штата — 3,3 человека на километр», — прочли мы в дорожной книжке. Но даже эти «3,3 человека» куда-то исчезли. Пространства за рекою Миссури были безлюдны. Можно было подумать, что Колумб всего недели четыре назад обнаружил Америку.

По законам вполне объяснимым население США в самом центре страны — наиболее редкое. Глядя на карту, невольно думаешь: государство Америку вертели на какой-то бешеной центрифуге. Людей разнесло по краям. А в центре (стержень вращения проходит в штате Канзас) людей осело немного.

Но это штаты-кормилицы, это глубинка Америки. В здешних местечках гнездится все, что входит в понятие: старомодность, провинция, захолустье. Однако при нынешнем пересмотре жизненных ценностей обнаружилось: именно тут люди еще сохранили здоровый вкус к жизни. Тут еще сохранилась желанная тишина, воздух не пропитан бензином, вполне прозрачен, в нем еще держатся запахи трав и цветов. Темп жизни в этих местах не достиг состояния лихорадки. Тут самый здоровый климат в стране. Работа у людей по большей части всегда на воздухе. И, вполне естественно, именно тут обнаружены долгожители США. Считают, что на равнинах живут тугодумы, не очень склонные к переменам. При разного рода опросах институты общественного мнения непременно направляют сюда людей — «взять пробу в глубинке».

У штата Южная Дакота на равнинах особое положение. Земли тут начинают холмиться, появляются островки еловых и сосновых лесов. Почвы для пашни тут оказались малопригодными. И хотя Дакота выглядит, конечно, иначе, чем сто лет назад, все же именно тут можно почувствовать некую первозданность земли.

Плавно, с холма на холм, стелется холст бетона. Третий день едем, и по-прежнему степь. Горизонт временами так отдаляется, что полосу слияния неба с землей почти невозможно улавливать. Одеяло горячего

воздуха над дорогой блестит, как стекло. Обогнавшая нас машина плывет в этом плавном воздухе, виден даже просвет между колесами и бетоном. Новый гребень дороги — новая даль.

Для всего живого в этих местах важен не столько слух, сколько глаз. Плавно, не махая крылом, патрулируют землю два коршуна. На холме у дороги столбиком замер суслик. Далеко видно всадника — гонит бурое стадо коров. Глаз невольно следит за этим плавным движением по равнине, очень похожим на цветную рекламу сигарет «Мальборо». Вот всадник для завершения сходства собрался, кажется, закурить. Нет. Не покидая седла, всадник выстрелил из ружья — белый дымок, а потом сухой отрывистый треск. Становимся на обочине — передохнуть и узнать заодно, кого пугнул от стада пастух.

Минут через десять с полсотни коров и всадник уже вблизи от дороги. Машем ему картузом... Подъехал. Подтянутый, загорелый, но для рекламы «Мальборо» явно не подходящий — бельмо на глазу и вообще вид совсем не героический, к тому же на четверть, если не больше, индеец. В седле, впрочем, очень уверен. Взгляд вопросительно-настороженный.

— Извините, просто дорожное любопытство. По ком стреляли?

Парень с видимым облегчением улыбается. — Койот... А я подумал, зовете, значит, стряслось что-нибудь.

— Попали?

— Нет, попугал. Днем этот зверь осторожен.

— Свое стадо пасете?

Парень помедлил с ответом.

— Вы с побережья?

Встречный вопрос обнаружил какой-то наш промах. Видимо, полагалось знать, что у этого парня своего стада быть не могло.

— Я просто работник. Хозяин сюда приезжает раз в год. Вместе клеймим коров.

Два-три вопроса о дороге и о погоде, взаимное «извините», и вот уже всадник и красная лошадь на серебристо-зеленой рав-

нине опять превратились в романтический образ для покупателей сигарет.

И снова автомобиль прессует тугую стену пахучего воздуха. О стекло разбиваются пчелы и мошкара. Большая мышь проворно перебегает дорогу и скрывается в травах. Позже, в июле и августе, эти места побуреют и поскучнеют. Появятся тут стожки — запасы сена на зиму. Кое-где — остатки прошлого года — они и сейчас бурными клецками плавают в травах. Сейчас, в конце мая, зеленый праздник в степи. Жирно блестят полосы сеяных трав, а там, где плуг земли не касался, зелень имеет серебристый оттенок. На ощупь травы тут жесткие, с колючками и полынью. Тот же матово-серебристый цвет видишь в низинах, где пробегают крики — мутные, торопливые, к середине лета иссякающие ручьи. Однако влаги в этих степных морщинах хватает для древесной растительности. Она-то — ивы и тополя — наполняет низины мерцающим серебром листьев... Кладка через ручей. Потерянная и надетая кем-то на сук рукавица. Перевернутый ржавый автомобиль. Проселок, уходящий за холм. Ни единой души! И все-таки кто-то живет на земле. Дымок. Приземистая, едва различимая постройка у горизонта. Жеребенок на холмике сосет черную кобылицу...

Остаткам индейцев великодушно пожаловано это жизненное пространство к западу от протекающей степью Миссури. «Индейцев в Южной Дакоте проживает 25 тысяч, больше, чем в другом любом штате Америки», — добросовестно поясняет дорожная книжка. На карте индейские резервации обозначены желтой краской и черным пунктиром. Наша дорога проходила как раз у такого пунктира, и мы заехали в резервацию.

Об индейцах рассказ особый. А сейчас вернемся на шоссе 90, ведущее нас на Запад. Остановимся у ответвления в сторону резервации. В этом месте мы встретили два необычных дорожных знака. На одном был нарисован башмак, а надпись поясняла, что тут проходила «большая пешеходная тропа индейцев». Другой знак был украшен голо-

вою бизона, кольцом и индейской трубкой мира. Надпись «Олд вест трейл» путникам объясняла: это старая дорога на Запад. «Бетон пролегает там, где когда-то на диких землях в повозках с брезентовым верхом двигались пионеры-переселенцы». Тут на равнинах (в городке Додж-Сити) есть памятник волам. На пьедестале написано: «Из следов наших копыт родились ваши автострады». Так же красноречивы слова на монументе ковбою: «На пепле моего костра рожден этот город». О больших миграциях по равнинам дорога в Южной Дакоте напоминала нам не однажды. Подобно тому как на Востоке Америки напояк держат старые пушки, крепости и постройки, тут, на равнинах, главный предмет старины — повозка. В маленьких городах и местечках, у перекрестков дороги, у закусочных и мотелей, у магазинов и даже бензоколонок непременно видишь воловью повозку. Перекусив у дороги, американцы с удовольствием сажают на повозки детишек, да и взрослые на минуту-другую не прочь поменять место в автомобиле на сиденье под брезентом. Называется это «ощутить свои корни».

Но дорожный спрос на историю удовлетворяется не только показом транспорта пионеров. В музейчиках у шоссе можно увидеть, как в те не столь уж далекие времена одевались, в какой посуде и что подавалось на стол, что курили, из чего стреляли, чем землю пахали. Музеем владеют, как правило, какие-нибудь старик со старухой, не способные заработать на жизнь чем-либо иным. Обветшалых людей легко принимают за ходячие экспонаты. Им и вопросы задают в такой форме, как будто старая леди и ее спутник жизни, ходящие в шлепанцах по музею, сидели в прерии у костра, бывали в стычках с индейцами.

Заглянув в один очаг старины, в остальные можно и не заглядывать. И все-таки, подъезжая к Миссури, мы уступили призывам желтых щитов: «Большой музей Дикого Запада. Загляните!»

Музей держит сокровища в двух деревянных ангарчиках за городом Чемберленом, на восточном берегу Миссури, как раз в том месте, где люди в повозках стояли лагерем и, осеняя себя крестом, переходили западный Рубикон — переправлялись через мутную, неприветливую, свинцово-холодную реку.

У входа в музей нас встретил хозяин в ковбойской шляпе, в сапогах с высокими каблуками, с ковбойским ремнем и ковбойской улыбкой. Очки добавляли этой фигуре нечто и от учености. Страдал хозяин дефектами зрения, или, быть может, облик встречавшего был «спроектирован». (Такое в Америке дело нередкое.) В музее «учености», впрочем, не наблюдалось. Все та же кунсткамера. На видном месте стояла скульптура свирепого вида индейца, стояло чучело зебры, старый протез ноги из липовой древесины... Но было видно: собиралась коллекция рукою заботливой и дотошной.

Доллар за вход мы уплатили кассиру, мальчику лет двенадцати с испитым, желтым, как воск, лицом, с грустным не по возрасту взглядом. Ковбойская шляпа только подчеркивала его болезненность.

— Сюда, джентльмены, — махнул он на дверь, — тут начало осмотра.

Пеструю ярмарку обычных, но вызывавших сегодня любопытство вещей мысленно можно было разложить по полкам времени. Вот старый щербатый котел. Шомпольное ружье. Огромный, с тарелку, компас в медной оправе. Подковы и стремяна. Клейма для лошадей и коров в виде сердечек, восьмерок, треугольников и кружочков. Видавшие виды седла, лассо, воловье ярмо, капкан, шкура медведя, натуральная трубка индейца и веревка, на которой вешали осужденных. Прожженная у костра библия. Примитивный плужок. Это н а ч а л о — эпоха повозок, костров, смелых охотников, непокоренных индейцев и первых борозд на равнине. А вот предметы уже пустившей тут корни жизни. Литая печка-«буржуйка», колючая проволока, звезда шерифа, наручники, шестизарядный кольт, портрет знаменитого в этих краях бандита, старинный уют, мясорубка, похожая на сундук

фотокамера, бормашина, манекен телефонистки, сам аппарат — дедушка нынешних телефонов...

Экспозиция продолжалась на улице. Тут можно было увидеть подлинный домик поселенца на Западе, ветрячок водокачку, школьную комнату, в которой мог бы сидеть Том Сойер. (Большая железная печка, столы на литых металлических ножках, клавесин, глобус, портрет Вашингтона на стенке и пучок длинных розог на столе.) Далее в длинном ряду стояли огромные бочки, мельничные жернова, колокол для сигнала «обедать!», замысловатых конструкций самогонные аппараты. Старину завершали конная молотилка и трактор марки «фордзон».

Вернувшись под крышу уточнить какую-то запись, мы вдруг услышали за спиной робкий голос кассира:

— Простите, джентльмены, вы, наверное, не американцы?... Я так и подумал: это кто-нибудь из Европы...

Узнав, в чем дело, мальчик пошел вместе с нами, и только теперь мы поняли: это вовсе не мальчик, а человек лет восемнадцати-двадцати, но которому суждено маленьким и остаться.

— У меня щитовидка, — привычно, чтобы все сразу поставить на место, сказал он и с жадным любопытством стал расспрашивать о нашей поездке: — А что сейчас, вот в это время, у вас в России?

— Тоже весна, так же тепло...

— А зимой в Москве холодно?

— Примерно так же, как тут, в Дакоте.

— Да, у нас зимы очень холодные... Я вот мечтаю побывать во Флориде.

Мальчика звали Грей Олсон. Выяснилось, что хозяин музея — не тот человек в очках и ковбойской одежде, а он, Грей Олсон. Престарелый «ковбой» у входа был всего лишь служителем, точнее «дядькой», опекавшим этот ковчег старины и его пожизненного владельца. «Дядька» (Джон Питерсон), заметив наш разговор, подошел, приветливо поздоровался.

— Из Советского Союза? О, прекрасная идея побывать тут у нас, на равнинах.

Своего подопечного он дружески обхватил руками за плечи:

— У кассы люди...

Когда Грей отошел, «дядька» прикрыл глаза, грустно покачал головой.

— Такая судьба. Это все мать для него собрала.

...У входа в музей мальчишки, визжа от восторга, кормили печеньем большого вола. Взрослые снимали друг друга на фоне повозок. С грустной улыбкой глядел на шумную кутерьму несчастливый хозяин музея, вышедший вместе с «дядькой» нас проводить...

В машине мы говорили о его матери. Можно представить, сколько бессонных ночей было у этой женщины, хорошо понимавшей: здешняя жизнь ласкова только к богатым, удачливым и здоровым. Что придумать для сына? Наверное, она благодарит всех богов за счастливую мысль об этом музее. Собранная по окрестным фермам и свезенная в одно место ржавая, пыльная рухлядь для нее, конечно, дороже ценностей Лувра и Эрмитажа...

В заключение экскурсии в старину стоит сказать: многих американцев одолевает романтический зуд «бросить все и по следам предков пройти равнину на повозке в одну лошадиную силу». (Буквальная запись в беседе с одним из романтиков.) Однако равнины пересекают не иначе, как сидя в автомобиле. И все же, подобно тому как в океан время от времени пускаются на плотах, тут на великих размерах суши появляются чудачки на повозках. О них, разумеется, пишут в газетах, их видят по телевидению. Молва об одном из них, Оливере Расселе, на крыльях журнала «Америка» залетела и на пространства Евразии. С больших снимков глядели две лошади и шесть человек, сидевших в повозке под полотняным верхом, — сам Оливер, его жена Джин и четверо симпатичных босоногих мальцов. Сообщалось, что строительный рабочий из штата Огайо семь лет собирался, обсуждая поездку с друзьями, и наконец за тысячу долларов соорудил фургон, приобрел лошадей. И поехал.

«Щадя лошадей, Оливер проезжает в день

не более 30 километров. Когда надо их подковать, он превращается в кузнеца». Рассказ в журнале, как тому полагается быть, подернут розовым цветом рекламного счастья. Где-то на полпути Оливер будто бы заявил журналисту: «Это замечательная поездка... всю жизнь свою я не чувствовал себя таким свободным, как сейчас». «Пионер XX века собирается распрячь лошадей на побережье Тихого океана и сделаться фермером в Орегоне», — сообщалось в журнале.

Наша дорога проходила по местам, где ехал Оливер. Полагая, что человек этот действительно интересный и может рассказать что-нибудь более существенное, чем приведенные журналом фразы, мы навели справки: добрался ли Рассел Оливер до океана и нельзя ли связаться с ним хотя бы по почте? Никто, однако, не знал, как закончилась шумная одиссея. (Америка скоро забывает сенсации.) Но в газете «Вашингтон пост» мы отыскали заметку под заголовком «Крытый фургон — незванный гость».

В конце пути, проехав за 81 день 2800 километров, Рассел Оливер рассказал журналисту столичной газеты: «Мы измучены и в отчаянии... Были хорошие встречи с людьми. Но постепенно мы стали встречать равнодушие и враждебность... Корма для лошадей осталось на два дня. Пошел добыть — передо мною захлопнули дверь. В местечке, где собрались заночевать, нам отказали: «Езжайте дальше». Я ведь без денег. Хотел устроиться на работу, но мне отвечают: «Катись!» Нас принимают за хиппи и за бродяг. Почему? Волосы у меня не длиннее, чем у других, со мною жена и четверо ребятишек. Скорее всего лошадей продадим, а фургон сожжем. Была мечта. Теперь ее нет». Такая история...

Острее всего безбрежность и пугающую пустоту равнин мы почувствовали в последний вечер перед тем, как увидеть отроги Скалистых гор. Сразу же после столбика «Штат Небраска» шоссе пошло под уклон. Сзади, из штата Южная Дакота, напозала сизовато-черная туча. Зловещей, оседающей к низу

скобкой она по наклонной горке опускалась на степь. Пристегнувшись ремнями, мы выжали из машины все, что в нее заложили конструкторы. Но туча не отставала. Ярко-красный разлив заката, светивший нам в ветровое стекло, окрасил наседавшее сзади чудовище в зловещий сизовато-пурпурный цвет. Казалось, там, сзади, кинь кверху камень — все прорвется, обрушится на притихшую землю. В каком-то богом забытом местечке, без единого человека на единственной улице, светился огонек лавки. Мы забежали купить сигарет и что-нибудь пожевать на ходу.

— Скорее, джентльмены, скорее! Я уже приготовилась закрывать.

Хозяйка лавочки подала нам пакеты сушеной картошки и, торопливо захлопнув дверь, трусцой побежала по жутко пустынной улочке.

Ни грома, ни малейшего звука. Зловещая тишина и быстро оседающий мрак. На предельной скорости мелькнула мимо машина. И мы сразу же вслед за ней, за ее тревожно мигающим огоньком.

Бетон дороги, изоляторы на черных телеграфных столбах, одинокий белый домишко без огонька, прежде чем потонуть в темноте, сделались ярко-красные. На черном, если глянуть назад, эти красные пятна и красная ровная лента дороги были зловещим вызовом грозовой ночи. Такие спектакли природы наблюдаешь лишь изредка...

Тучу мы обманули. Мы резко свернули. И шоссе 20 понесло нас прямо на Запад, к исчезающей на глазах полоске зари. А туча чиркнула пузом о землю в стороне, в темноте, слева. Отблески молний. Гром. Треск в приемнике, рвущий на части какой-то легкомысленно-нежный мотивчик.

Ночь. Ни единого огонька ни справа, ни слева. Только впереди на дороге — красный рубин, летящий с такой же скоростью, как и наша машина...

В мотеле на краю крошечного городка было душно. Мы настежь открыли окна и двери. Окна выходили прямо на заросший бурьяном пустырь. Запах отмякшей полыни и диких цветов сразу же вытеснил застоявшийся

воздух жилья. На свет полетели мохнатые бабочки. Пришел на свет открытых дверей и хозяин в нижней, небесного цвета, рубашке, в подтяжках.

— Душновато...

— Да, вечерок тихий...

Мы были единственными постояльцами двенадцатиместного мотеля. Хозяин жил бобылем и рад был случаю перекинуться словом. Узнав, как мы бежали от тучи, он понимающе улыбнулся.

— Я сам бывал в таких переделках. Сей час еще рано, а вот в июне — июле бывает такое, буду рассказывать — не поверите. Стакан видите? Так вот, градины такого раз мера я видел сам. Железные крыши дырявило, как бумагу. А однажды читал, будто в Канзасе падали градины по три фунта.

Старожил Небраски если и привирал, то очень немного. Великие равнины — место знаменитых в Америке степных ураганов. Известные всем т о р н а д о — гигантские вихри, способные, как пушинку, поднять повозку, корову, даже дом вместе с хозяином, способные, как былинку, согнуть стальные мачты электролиний, с корнем выдернуть де-

рево, осушить речку, — проносятся именно тут, на Великих равнинах.

Уже проезжая на юге равнин, в Оклахоме, мы поняли: дакотская туча, от которой удалось улизнуть, была всего лишь началом летних равнинных ливней и ураганов. 9 июня газеты США сообщили о бедствии в городке Рэпид-Сити. (Он остался северо-западнее нашей дороги.) Сообщалось: «Город снесен ураганом и ливнем. Число жертв пока неизвестно, но, как видно, их более сотни».

Несколько дней главной новостью телевидения и газет были новости из Дакоты. Уже через день стало ясно: погибло 500 человек. Но цифра росла. «Людей находят мертвыми в автомобилях, в завалах глины и на деревьях. Мертвых ищут с собаками. 700 домов совсем перестали существовать, 1700 — разрушены очень сильно».

15 июня мы смотрели по телевидению драматический фильм, заснятый в Дакоте. «Погибло 1100 человек!» — сообщил диктор.

Таковы эти тихие с виду равнины, лежащие в самом центре Америки.

Вундед-ни («Раненая коленка») — так называются деревушка и речка. Штат Южная Дакота. Резервация Пайн-Ридж... Очерк о посещении этого места был написан. Но *мы* не предполагали, что начало его придется переписать в связи с драматическими событиями.

69 дней внимание мира было приковано к местечку Америки, до этого никому не известному. Вряд ли найдется газета или журнал, которые не писали бы об окопах, вырытых около кладбища Вундед-ни.

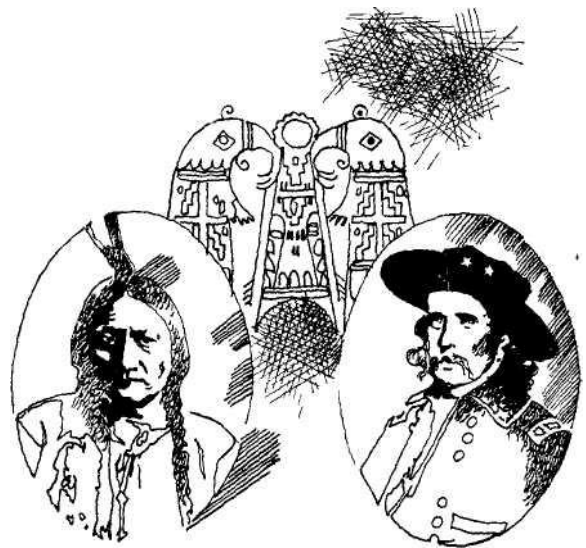
Началось это в предпоследний день февраля 1973 года. Около двухсот молодых индейцев племени сиу захватили поселок и заявили, что будут отстреливаться до последнего патрона, если не выполнят их требования. Требования были серьезны и справедливы. «Немедленно расследовать нарушения договоров, заключенных правительством с вождями индейских племен, прекратить дискриминацию индейцев, считаться с их нуждами».

Пока в политическом Вашингтоне собирались с мыслями, поселок, холм с кладбищем и церквушкой *были* оцеплены «силами подавления» (полицейские части, бронетранспортеры, даже самолеты «фантомы»). Стрельба, блокада поселка с целью лишить индейцев подкрепления, топлива и продуктов — таковы *были* меры «сил подавления». «Применить любые средства, любую технику, но изгнать заговорщиков!» — это слова сенатора от Южной Дакоты Джеймса Абурезка.

Уплотняя кольцо (трудно ли это сделать с помощью бронемашин?), индейцам предъявляли ультиматум за ультиматумом. Ответ из окопов был одинаков: «Мы готовы умереть, потому что терять нам нечего. Мы решились на этот отчаянный



у индейцев южной дакоты



шаг потому, что знаем, иначе Америку не проймешь. Индейцев никто не слушает. Мы стоим где-то за дверью законов. Мы хотим, чтобы нас уважали. Мы люди и хотим жить как люди!»

Не вся Америка оказалась глуха к протесту. Осажденным посылали медикаменты и продовольствие. Демонстрации в больших городах показали: в Америке есть сочувствующие обездоленному народу.

Мысли честных людей выразил знаменитый киноактер Марлон Брандо, демонстративно отказавшийся принять высшую в государстве награду за работу в кино. «...Кинопромышленность тоже должна нести ответственность. Ответственность за издевательское изображение индейцев злобными дикарями с дьявольскими характерами. И потому я как деятель кино и как гражданин Соединенных Штатов не могу принять предложенную мне награду. Возможно, мне следовало лично сказать это вам, моим коллегам, но в данный момент я чувствую, что для меня сейчас было бы наиболее целесообразным направиться в Вундед-ни...»

Марлон Брандо и направился в Вундед-ни. Но, как и все, кто пытался пробиться на помощь восставшим, он был остановлен бронированной силой.

Десять недель доведенные до отчаяния люди держали оборону в окопах у Вундед-ни.

Мы хорошо представляем себе это место. Крутой, покрытый бурьяном холм с дорогой на кладбище. Белая церковь со стрельчатой колокольней посередине холма. Вблизи от нее монумент. Он поставлен на деньги, собранные индейцами и в память индейцев.

Место для мятежа молодые сиу выбрали не случайно. Окопы их вырыты рядом с братской могилой предков, погибших в последней крупной резне индейцев (зима 1890 года). Молодые сиу помнят об этом. Мы хорошо это почувствовали, находясь на холме, хотя и не могли предположить, что стоим на месте, где будут окопы...Индеец плакал. Это был правнук Свирепого Воина — вождя племени сиу. Но это мы узна-

ли позже. Ничего воинственного и тем более свирепого в нем не было. Обыкновенный человек. Возраст — лет пятьдесят. Клетчатая ковбойская рубашка. Латаные джинсы. Стоптанные, измазанные глиной башмаки Неподалеку трое молодых индейцев копали могилу. Низкие облака висели над шпилем деревянной церквушки. Было тихо, как бывает на кладбище.

Индеец плакал, обхватив руками каменный обелиск. На сером камне были выбиты имена: Большая Нога, Добрый Медведь, Желтая Птица, Гневный Ворон и еще десять-пятнадцать других. Имена всех не уместились. А всех было больше трехсот.

С холма, где стоит обелиск, видно излучину речки. За соседним холмом — индейский поселок. Слышно, как там кудахчет курица и лают собаки. Возле церквушки — только могилы. Среди них небольшой монумент из гранита. Человек прижался к нему щекой и, казалось, забыл о времени. Щелчок фотокамеры заставил его оглянуться. Индеец увидел рядом с собой людей. Досада: двое белых застали индейца плачущим. Досада сменилась гневом, и индеец его не скрывал.

— Вы опоздали фотографировать... Опоздали! А тут было что снять... — Индеец овладел собой. И не для нас как будто, а так, между прочим, назвал малыша по имени Мальчик, Который Всегда Терял Свои Мокасины. — Он был братом отца, этот мальчик. Его, пятилетнего, подняли на штык. Пятилетнего! Вот был бы снимок... — Индеец плюнул и повернулся спиной, считая, как видно, и нас соучастниками того, что тут было.

...Их расстреляли в лощине между двумя холмами. Это было в декабре 1890 года, в Месяц, Когда Олень Сбрасывает Рога. В то серое метельное утро кавалеристы седьмого полка конвоировали племя вождя большая Нога к железной дороге, чтобы посадить в теплушки и доставить в резервацию в штате Небраска. Под одеялом, накинутым на плечи индейца по имени Черный Койот, нашли винчестер. Черный Койот, глухой от рождения, не понимал, чего добивались от него солдаты. Догадавшись, что речь идет о ружье, он

поднял его над головой и стал громко объяснять, что винчестер принадлежит ему, что он заплатил за него большие деньги.

— Солдаты грубо схватили его, — рассказывал впоследствии индеец Твердое Перо, — но он не сопротивлялся. Он был спокоен. Он просто не понимал, что ружье нужно поло жить на землю. И тут раздался выстрел...

Их было более трехсот пятидесяти человек. Двести тридцать из них были женщины и дети. В живых осталось меньше пятидесяти.

— Мы побежали в разные стороны, — рассказывала индианка по имени Лисица. — Но они расстреливали нас, как стадо бизонов. Я знаю, что есть и хорошие белые люди. Но солдаты, стрелявшие в женщин и детей, были негодьями.

Была метель, и сотни трупов, оставленных в поле, зачоченели в самых причудливых позах. На другой день, когда пурга стихла, их бросили в глубокий ров.

— Вон там, — показывает нам индеец в клетчатой ковбойке, — под холмом, где сей час пересекаются две дороги, там они и лежат под асфальтом. Почему? За что?

Парни-индейцы, бросив копать могилу, собрались в кружок, слушают наш разговор. Что можем мы ответить на их вопросы? А вопросы у молодых — не только о давней зимней истории.

— За что убили Роймонда? Я спрашиваю вас, белые люди, за что? — вышел вперед индеец с красной повязкой на волосах.

Историю индейца Роймонда по газетам мы уже знали... В городском клубе были танцы. В самый разгар веселья несколько подвыпивших парней втащили мешок, который бился и извивался. С хохотом странный груз бросили в самую гущу танцующих. Потом развязали мешок и вытряхнули из него индейца. Все в зале, бросив танцевать, увидели, какую жестокую, мерзкую шутку сыграли пьяные негодяи. Они связали пятидесятилетнему человеку руки, заклеили рот липкой лентой и содрали с него штаны. Какими словами описать бессилие и унижение индейца! Он метался по залу в поисках выхода, наталкиваясь

на гогочущих мерзавцев, которые, потешаясь, отбрасывали его в центр зала!

Несколько белых людей, раскидав негодяев, прикрыли индейца своей одеждой, вывели на улицу, посадили в машину и отвезли домой. Они рассказали: индеец клялся отомстить обидчикам. В тот же вечер индеец исчез. Его нашли на свалке старых автомобилей, он был убит двумя пулями в лицо...

— Наверное, найдут преступников и накажут...

— Накажут... — Парни переглянулись и, не считая нужным продолжать разговор, пошли к наполовину вырытой яме. В Южной Дакоте в разговорах «индейская тема» всплывала сама собой. Здесь, в резервации, людям не надо рассказывать об индейской проблеме — она каждый день перед их глазами. Кто же здесь не знает, что половина индейцев в резервации Пайн-Ридж не имеет работы? Туберкулезных больных среди индейцев в восемь раз больше, чем среди белых. Из каждой тысячи новорожденных индейцев 43 умирают на первом году жизни (23 — среди белых). Средняя продолжительность жизни индейца — 44 года, в то время как белых — около 70 лет.

Резервация Пайн-Ридж — седьмая по величине в США. Индейцы старики помнят: площадь ее вначале была значительно большей. Сравнение карт старых и новых обнаружило «исчезновение» почти половины земли. Разумеется, лучшей земли! Исподволь, потихоньку, в обход законов и пресловутых «договоров» белые люди ее отторгли.

Из остатков малопригодной земли 4 процента занято пашней. 92 процента годилось только на пастбища. 4 процента земли совсем никуда не пригодно. Как-либо улучшить земли у индейцев нет средств.

Крайняя бедность. Латанные жестью и шифером лачуги с земляным полом. Кучи всяких отбросов. Понурые лица... В резервации взрослым индейцам нечем заняться. Торговля (маленькие лавчонки) — в руках белых. На несколько тысяч обитателей резерва-

ции— одно-единственное предприятие: фабрика-мастерская по шитью мокасин (175 рабочих-индейцев). Полугодное существование. Болезни. Самоубийства.

В бумагах сенатора Роберта Кеннеди оказался черновик статьи, которую он не успел дописать. Статья посвящалась индейцам. «Трагедия существует рядом с нами, но не все ее видят, — писал сенатор. — Я сам обнаружил ее только тогда, когда побывал в индейской резервации в штате Южная Дакота. Я отчетливо ощутил глубину трагедии после того, как повстречался с обнищавшими, отчаявшимися, потерявшими всякую надежду индейцами».

Роберт Кеннеди был членом сенатской комиссии по делам индейских школ-интернатов. В резервации он обнаружил, например, что индейских ребятишек везут учиться в школы-интернаты за сотни, а иногда за тысячи миль — отрывают от матерей, от родного очага и привычного быта. Дети из разных племен, говорящие на разных языках, не понимают друг друга, пока не научатся говорить по-английски. Сенатор был потрясен, когда невольно подслушал молитву десятилетней школьницы-индианки. «Боже милостивый, — просила девочка, — сделай так, чтобы я продолжала любить папу и маму. Помоги мне не забыть их, разреши мне остаться индианкой».

...Мы спрашивали белых, живущих на земле индейцев, бывает ли им иногда стыдно за жестокость, с какой они расправились с бывшими хозяевами этой земли? Некоторые смущенно похотывали: «Не надо было воевать с нами».

А война началась с таких вот весьма характерных эпизодов... Начало XVII века. Бледнолицые братья попросили индейского вождя по имени Самосет «одолжить» им 12 тысяч акров земли. Индейцы рассмеялись: что же тут одалживать? Ведь земля, как и небо, беспредельна и принадлежит всем. Индейцы продолжали смеяться, когда их попросили приложить пальцы, смоченные в чернилах, к какой-то бумаге. Они и не подозревали, что подписывают договор, по которому земля,

лес, озера и реки на сотни миль вокруг становились собственностью белых.

Что оставалось делать индейцам? Они взяли за оружие.

Война с неравными силами длилась два с лишним века и закончилась бойней у ручья Вундед-ни, после которой считали, что индейская проблема решена окончательно. Жестокость, с которой она решалась, вызвала открытый протест многих американцев. Известны случаи, когда охотники-следопыты, дружившие с индейцами и знавшие каждую тропку, отказывались быть проводниками карательных отрядов и предупреждали индейцев о приближении солдат. Известны случаи, когда солдаты отказывались сжигать индейские селения, убивать женщин и детей. Известно донесение комиссара по делам индейцев Джона Санборна, который писал в Вашингтон министру внутренних дел: «Наши действия кажутся нам столь бесчеловечными, что я счел необходимым изложить вам мою точку зрения. Для _ такой могущественной страны, как наша, вести войну с разрозненными кочевниками — зрелище на редкость унижительное. Это вопиющее беззаконие и самое что ни на есть государственное преступление».

— То, что мы сделали с индейцами, — это несправедливо и отвратительно. Но, черт побери, такова жизнь. Побеждает сильный, и слабому нет пощады, — говорил нам хозяин продуктовой лавочки, маленький человек в белом фартуке, которым он то и дело вытирал свою гладкую, как бильярдный шар, голову.

Симоне живет тут долго. Жизнь тоскливая, но зато цены в лавке повыше, чем за границами резервации. А куда еще идти индейцам за мукой и бобами, как не к мистеру Симонсу? Некуда. Ему же они несут «на комиссию» домотканые одеяла, мокасины, ремни, резьбу по дереву. Он переправляет все это своему шуруину в Рапид-Сити. Тот перепродает туристам. Прибыль? Примерно 1:4.

— Не совсем красиво, но бизнес есть бизнес, — философствует мистер Симоне.

Злодеем он себя не считает «Будь я солдатом 7-го кавалерийского, честное слово, прикрыл бы того Мальчишку.» Симоне отказался войти в корпорацию местных бизнесменов по созданию мемориала на месте расстрела индейцев. Его позиция выглядит так. Ведь что придумали, сукины дети? Дескать, чувство вины и долга диктует нам построить этакий грандиозный памятник с Вечным огнем, чтобы туристы преклоняли колена. А рядом — мотель, ресторан, купальный бассейн, магазин индейских поделок. Для веселья разные там «чертовы колеса» Для экзотики — настоящие бизоны в загончике. И чтобы настоящие индейцы с перьями / настоящих вигвамов отплясывали для туристов Это на костях-то своих предков! Нет уж, извините, Симоне хоть и не свят, но до такого цинизма, чтобы деньги качать из могилы расстрелянных, он еще не дошел... Мы были в резервации летом. Холмы зеленели свежей травой. А сосны по гребням казались черными. Пустынно и тихо

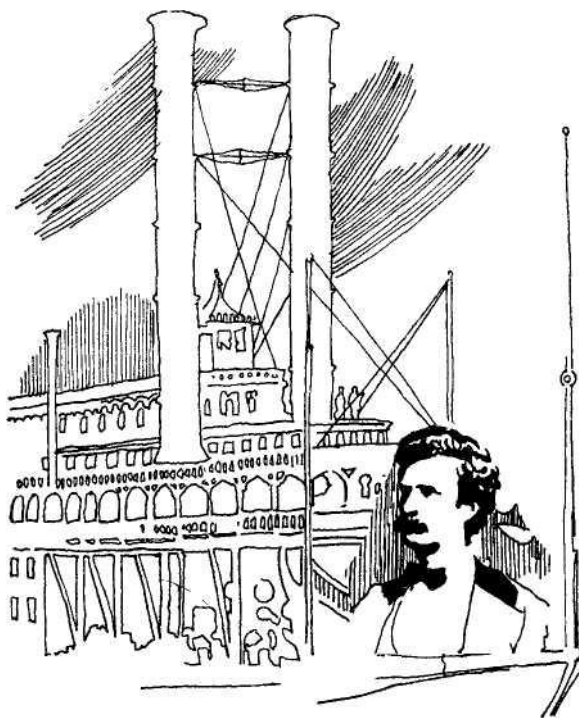
было в этих местах. Когда дорога поднималась на взгорье, необычайный простор открывался глазам: за холмом — новый холм, дальше опять холмы. Индейцы когда-то считали: на их земле есть место для всех. Они ошиблись. Две сотни молодых сиу, отрыв окопы на одном из холмов, отчаянно пытались восстановить справедливость: «Мы люди. Мы хотим жить как люди!»

Блокадой, категорическим ультиматумом, обещанием «во всем разобраться» бунт в Вундед-ни удался погасить Что там будет за посолом «разобраться», никто не знает. Зато известно: зачинщиков бунта отдали под суд.

Небольшой эпизод в сложной жизни Америки. Но он показал размеры несправедливости, чинимой против коренного народа страны, пробудил к индейцам симпатии и сочувствие во всем мире, в том числе и в Америке. Индейцы этого и хотели. Это единственное их оружие за право выжить, не исчезнуть с лица земли.



МИССИСИПИ



Первая встреча была в Ла-Кроссе. С волнением мы переехали гулкий клепаный мост и свернули с дороги на берег.

— Ну вот и Миссисипи...

Надо было чем-то отметить встречу. Порывшись в карманах, нашли пятак. Кругляшка металла сверкнула на солнце и булькнула в воду.

Миссисипи... В этом месте она походила на Волгу где-нибудь у Калинина. Если крикнуть, человек с удочкой на том берегу нас услышит. Без большого труда тут можно и переплыть реку. Один из путешественников снимает штаны и забредает в воду. Увы, желание искупаться немедленно пропадает: под ногами что-то острое, скользкое. Поднятый из воды камень лоснится от какой-то коричнево-черной, дурно пахнущей мерзости. Открытие невеселое: Ла-Кросс — это всего лишь 300 миль от истока, от места в озерных лесах, где надписью на столбе обозначено: «Тут начинается Миссисипи».

Но внешне река привлекательна. Берег зеленый, в крапинах одуванчиков. Узловатые вязы подступают к самой воде. Дрозды у нас под ногами охотятся за прибитой к берегу мошкаррой. По рожице робко ходит мальчишка-индеец. Он поддевает на острую палку клочки бумаги, жестянки, обрывки пластика — это, как видно, обычная чистка берега после воскресного дня...

Свидание у Ла-Кросса было коротким. Мы остругали щепку-кораблик и кинули в воду. Наши пути с рекой разошлись. Миссисипи текла на юг, а наша дорога лежала строго на запад.

Но на семнадцатый день поездки после равнин, горных лесов,

после океанского берега в Сан-Франциско, после пустынь Калифорнии, Аризоны и Мексики, после хлебных полей Оклахомы и душных лесов Арканзаса наша дорога на карте снова уперлась в голубую ленточку Миссисипи... Опять мост. Но какой! Переезд у Ла-Кросса рядом с этим мостом показался бы детской игрушкой. Река тоже была совсем непохожа на спокойную синюю Миссисипи, с которой мы попрощались на севере. Совсем не похожа! То была нежная, кроткая девушка. Теперь перед нами величаво плыла располневшая, повидавшая виды, царственной силы матрона. Шутки тут были уже неуместны. Где-то наш щепка-кораблик? Проплывет ли под этим мостом? Удушливый жаркий туман над водой. Другой берег с кудряшками зелени и желтоватой полоской песка выглядит призрачным. Не то что вплавать, до него и на лодке не каждый смельчак решился бы добираться.

У нас были планы проплыть хотя бы немного по Миссисипи. И в городке Гринвилле, лежащем, судя по карте, где-то рядом с рекой, решаем остановиться.

— Сэр, мы ищем дорогу в мотеле?

— Одиннадцать светофоров — и вы у цели!

Убеждаемся позже: особых примет в портовом Гринвилле нет. Ориентироваться действительно лучше всего по светофорам и бензоколонкам.

У мотеля краснощекий плотный джентльмен, очищавший палочкой зубы, приветствовал нас объяснением своих чувств.

— Люблю заход солнца, джентльмены. Что бы ни делал, обязательно выйду и по смотрю... О, да вы с Севера!

Номер нашей машины дал чувствам румяного человека новое направление.

— Надеюсь, не к нигерам в гости?

— Сэр, мы бы хотели успеть поужинать...

— О, да. Советую стэйк...

Переноска чемоданов «двумя с Севера» была теперь для румяного человека поче-

му-то важней заходящего солнца. У двери своего номера он оглянулся.

— Кто бы вы ни были, не забывайте, в каком штате вы находитесь эту ночь...

Выбивая метелочкой пыль из одежды, мы переглянулись.

— Пьяный?

— Слегка. Но в этом штате и не такое можно услышать...

Утром мы позвонили в редакцию местной газеты. Так, мол, и так, коллеги, путешествуем, голубая мечта — проплыть хотя бы полсотни миль по реке. Готовы на барже, на катере, на плоту.

— О'кэй! — сказал заместитель редактора мистер Поль. — Будем стараться. Вам по звонит репортер Форман, только, чур, для нас интервью.

— О'кэй!

Пока репортер Форман хлопотал о флотилии для гостей, мы отыскивали свежий номер местной газеты. Возраст газеты внушал почтение — «выходит 103-й год». Стало быть, беспощадно-веселый лоцман на Миссисипи Сэмюел Клеменс, известный миру под именем Марка Твена, бросая якорь в Гринвилле, всего на несколько лет опоздал увидеть первый номер газеты «Времена демократов Дельты». Впрочем, проплывая по Миссисипи уже известным писателем, он мог вот так же утром полюбопытствовать: а ну-ка чем живут гринвилляне?..

9 июня 1972 года газета «Времена демократов Дельты» сообщила своим горожанам, что в магазинах их ждут: очки, шлепанцы, туфли, бюстгальтеры, трусики с кружевами, холодильники, сумочки, автомобили... Между большими полями рекламы, на межах и островках, паслись объявления в рамках, сообщение о скачках, размышления о жизни страны и мира, поступившие из Нью-Йорка и Вашингтона. На письма читателей отвечала в газете некая умудренная жизнью Эн Лендер. Письмо: «Мы с мужем в большом затруднении. Сын хочет вернуться домой с девушкой. Знаем, они спят вместе. Как быть?» Совет: «Отвечайте сыну, что счастливы его видеть, но что под своей крышей его сексуальных

увлечений не потерпите. Пусть ходят в мотель». Письмо: «Я люблю свою двоюродную сестру. Но родители против женитьбы. Говорят о каких-то наследственных болезнях». Совет: «Увы, болезни такие бывают. Но если в вашем роду их нет, то отчего же и не жениться?»

Шериф Гринвилля Гарвей Такет размышлял в газете о том, что стрелять в городе «просто так» вовсе небезопасно. По поводу пули 22-го калибра, извлеченной шерифом из чьей-то оконной рамы, глубокомысленно сказано: «Возможно, целились прямо в окно, но, может быть, пуля прилетела издалека».

«Гвоздем» газеты (три больших снимка и рецензия-репортаж) были культурные новости. В Гринвилле гастролировала «девушка-горилла». На фотографии рядом с продюсером, говорившим что-то важное в микрофон, стояла грустного вида девица. Сообщалось: «За шесть минут на глазах у зрителей девушка превращает свой разум и тело в рычащего 500-фунтового зверя... Шоу существует уже восемь лет, и во всех городах палатка на сорок мест всегда полна. В ночных клубах представление невозможно — от рева гориллы начинается паника, посетители бьют посуду». Далее говорилось, что в Новом Орлеане девушка появлялась к публике голой, но тут, в Гринвилле, славу богу, другие порядки, все, что положено, будет прикрыто. «Произошел ли человек от обезьяны?» — глубокомысленно вопрошал рецензент. И, не желая, как видно, принимать чью-либо сторону в давнем споре, дипломатично заканчивал: «Все может быть. Нельзя исключить, что Дарвин и в самом деле был прав».

Сто лет назад насмешливый лоцман Сэмюел Клеменс не мог, конечно, видеть в Гринвилле ни холодильников, ни телевизоров, но «культурная жизнь», как мы знаем по книгам, и тогда в городишках на Миссисипи вот так же была ключом. В современной палатке на сорок мест Марк Твен, несомненно, узнал бы своих героев и среди зрителей и на сцене. Пожалуй, лишь микрофон смутил бы бытописателя Миссисипи — микрофонов во времена лоцмана Клеменса не было...

Репортер Форман позвонил, когда мы уже обглаживали косточки старейшей на Миссисипи газеты. По голосу репортера мы сразу поняли: дело табак, плавучие средства не найдены. Искренне огорченный репортер Форман все же оставил нам кое-какую надежду. Мы записали телефоны мэра Гринвилля и хозяина пристани мистера Джесси Бранта. Позвонили туда и сюда. В одном месте веселый смешок: «На кой черт, ребята, вам эта грязная Миссисипи? Давайте я вас покатаю на яхте по озеру». В другом — глубокомысленные размышления о гоме, что жалко, но нет сейчас ничего под рукой, а проходящие мимо баржи — это, понимаете сами, не очень простое дело. Мы понимали. Однако на пристань все же поехали, хотя бы взглянуть на владения Бранта...

Владения были скромные. Складская постройка, домик-контора, метеобудка, плавный мощный съезд к Миссисипи. У съезда дрема-па баржа. По ней слонялись два парня. Мы помахали. Один из парней взбежал по причальным доскам на берег.

— Привет с Волги! — сказал ему незнакомец, увешанный фотокамерами.

— Хеллоу... — Густые белесые брови у парня слегка поднялись. О Волге он, возможно, и слышал, но успел позабыть. Процедуру знакомства пришлось совместить с беседой по географии...

Когда беседа вернулась на берега Миссисипи и Джерри Дэвис поведал нам родословную, мы попросили его рассказать что-нибудь о реке, на которой живет.

— Вы хотите взять у меня интервью? — Значительность момента — «давать интервью» — явно была ему по душе...

Все Дэвисы — давние речники. Дед Джерри, Джим Дэвис, водил какой-то знаменитый в этих местах пароход. «Это было, когда из реки можно было зачерпнуть воду и сварить кофе». Отец Джерри, Джей Дэвис, прославил себя вождением буксиров. «Тогда в Миссисипи можно было еще купаться».

— Ну и я вот теперь на воде. С шести лет. Мое дело — баржи...

— Любите реку?

Джерри ответил в том смысле, что любит, но, пожалуй, не очень. «Долго смотришь на воду — надоедает».

— Случались тут приключения?

— Сколько угодно. На мост напоролся или на мель...

— Ну и романтика... У каждой реки есть свои тайны...

Джерри подумал.

— Тайны?.. Недавно поймали труп. Из черных парень. Все думают: это в Мемфисе. Там у них часто бывает...

— В Гринвилле спокойней?

— Да как вам сказать, пожалуй, спокойней...

Разговор прервался приходом грузовика. Надо было переваливать бочки с хлопковым маслом.

— Интервью окончено, — деловито сказал

Джерри и сделал рукою почти президентский жест. С баржи он уже попросту помахал, не отрываясь от дела...

По Миссисипи почти непрерывно по течению и против течения шли буксиры — связки барж и маленький жилистый катеришко. Пять минут — и новый буксир... Ни лодки, ни паруса на воде. Ни человека с удочкой или сетью. Ни птицы, ни всплеска рыб. Не живая река, а огромная жаркая лента конвейера с грузом. Почему-то стало тоскливо. Лоцман Клеменс, любимый с детства Марк Твен, где же романтика, елки зеленые?!

Мы все же решили отпраздновать встречу с великой рекой. Выбрали место, где можно съехать с шоссе, загнали машину в кусты акаций и, пробираясь сквозь заросли ежевики, вышли к воде в довольно пустынном месте. Среди разноцветной пластмассовой рухляди — банок, бидонов, помятых детских игрушек, выброшенных водой на песок, набрали подсохшего плавника, разложили маленький огонек. Было, правда, и без него жарко, но костер любое место сделает хоть немного уютным. Открыли жестянку с прессованной колбасой, срезали прутики лозняка. И вот уже в сторону Нового Орлеана ветер потянул запахи «шашлыка по-миссисипски».

Великая река текла в трех шагах от костра. Желтовато-грязные воды оставляли на кромке камней мазутный налет. Кинь эти скользкие камни в огонь, и они, пожалуй что, загорятся... Возле любой реки и речушки человека одолевает куча разных вопросов. И будь Миссисипи существом говорящим, сколько рассказов мы бы услышали! Слово Великая вполне подходяще для этой реки. Миссисипи собирает и несет в Мексиканский залив воду с половины всей территории США. Она, правда, немногим длиннее Волги. Однако американцы с их страстью ко всему большому и сверхбольшому предпочитают измерять свою главную реку от истока Миссури (правый приток Миссисипи). И тогда лишь Амазонка и Нил стоят впереди Миссисипи.

Две главные ветви на водном стволе — дикая, необузданная Миссури и Огайо, светлая, полноводная, живописная и спокойная. Мы видели оба эти притока. «Толстая грязнуха» — фамильярно зовут Миссури. И верно, река похожа на грязно-желтый поток во время весеннего половодья. Она тащит хворост, деревья с кронами и корнями. Вода в Миссури кажется глинистым киселем. Соединившись у города Сент-Луиса, Миссури и Миссисипи километров сорок текут не смешиваясь. Справа — желтый поток, слева — голубоватый. У города Кейро картина слияния вод повторяется — помутневшая Миссисипи принимает Огайо. Именно в этом месте проснулись плывшие на плоту два любимых наши героя: Том Сойер и Гекльберри Финн. «Когда рассвело, мы ясно увидели, что светлая вода течет вдоль берега, а посредине реки — знакомая, грязно-желтая вода Миссисипи. Все пропало! Мы прозевали Кейро!»

Маленький Кейро от нашего костерка у Гринвилля стоит примерно в четырехстах километрах. Когда-то именно там, у Кейро, путь Миссисипи кончался — язык Мексиканского залива поднимался далеко к северу. Но река затянула наносами этот залив и теперь сотни километров вьется по созданной

сю земле. На этих равнинах река ведет себя как хозяйка. Она петляет как ей захочется. От Кейро до Нового Орлеана синий шнурок на карте весь в завитушках. Во время весеннего буйства река неожиданно может сделать обход какого-либо препятствия, и длина ее в одну ночь возрастает. Но чаще происходит спрямление дуги. По этой причине длина Миссисипи всегда приблизительно. «Первая в мире обманщица», — говорил лоцман Сэмюел Клеменс.

Селиться возле реки — значит жить под угрозой. Лежащий ниже Гринвилля на шоссе 20 городок Висксбург однажды весной стал сухопутным — Миссисипи ушла. В одну ночь исчез смытый рекою город Наполеон. Каждый паводок жители побережья ожидают с тревогой. Беда приходит, когда разлив на Огайо совпадает с дождями и таянием снега на Миссури и северной Миссисипи. В такие годы равнины, созданные рекой, становятся местом ее разгула. Временами разлив достигает 130 километров. Постройки, поля, дороги, мосты, машины и скот — все затопляется и уносится. Случается, гибнут люди. Убытки исчисляются миллионами.

В этом столетии катастрофы на Миссисипи повторялись в каком-то неумолимом ритме — раз в десять лет (1927, 1937, 1947 годы). Потом разрушительный паводок «вне расписания» — 1952 год. В 1973 году — новое наводнение, «самое жестокое за историю Миссисипи». Вода достигла высших отметок с тех пор, как в городе Сент-Луисе стали делать такие отметки. (Ускоренный сток вызывается вырубкой леса и распашкою поймы.) «Скорость воды в шестнадцать раз превышала обычную. Деревья гнулись без ветра. Воронки воды напоминали йеллоустонские гейзеры. Как в жутком фильме, в опустевших поселках и фермах ветер трепал над водой белье на веревках, выдувал занавески из окон, по воде плыли мебель, доски, посуда». Так газетчики описали как раз тот район, где мы сидели у костерка. «Это был ад, — рассказывал житель Гринвилля Рестон Монтгомери. — Никогда в жизни я не видел столько воды. Хотелось убежать в горы».

Наивысшая точка разлива была в городе Ганнибале, как раз там, где жил знаток и певец Миссисипи. В коридорах отеля «Марк Твен» вода поднялась выше спинок у стульев, а на улицах волны чуть-чуть не достигли ступней стоящих на пьедестале Тома и Гека.

Убыток от бедствия — полмиллиарда долларов. Считают, однако, это всего лишь четверть цены, какую пришлось бы платить, если бы не дамбы, возведенные вдоль Миссисипи после разлива 1927 года.

Эта американская постройка в отличие от эффектных небоскребов малоприметна — всего лишь поросший травой земляной вал в десять-двенадцать метров. Но насыпь имеет длину четыре тысячи километров! И ей-ей, перед нею стоит снять шапку — это пример человеческой деловитости, энергии, размаха. Правда, реку в узде удержать оказалось непросто. В 1973 году вода устремилась вверх по притокам и многие городки обошла с тыла. И все же постройка (ее стоимость — без малого два миллиарда) себя окупала.

Таков характер у Миссисипи. За четко проложенный курс (север — юг) ее иногда называют «подвижным меридианом». Все климатические пояса Соединенных Штатов ведомы Миссисипи. Она знает болотистый северный лес, строевые сосны средних широт, степи, снова леса и течет, наконец, в непроходимых топях южных болот. О Миссисипи, так же как и о Волге, сложены песни, упоминанием реки пронизан фольклор. Книги, негритянские плачи-молитвы, фильмы, исторические исследования, поэмы, хозяйственные справочники, дорожные карты — всюду встречаешь знакомое слово. На языке индейцев племени альгонкинов «Мисси Сипи» значит—Великая Река, Отец Вод.

С верховьев до устья Миссисипи заселена. У истоков, в хвойных лесах, обосновались переселенцы из Скандинавии — шведы, финны, норвежцы. Этот озерный край напоминает им прежнюю родину. Язык, быт, одеж-

да, сдержанность в обращении сразу же отличают этих людей от разношерстной Америки Запада и Востока. Занятия тоже традиционные, скандинавские: рыболовство, охота, рубка леса.

Ниже, к югу и северу от знакомого нам Ла-Кросса, осели немцы. Каждый второй тут — Миллер и Мюллер, Шварц, Гутенберг. Занятие — фермерство. Отсюда по Миссисипи вниз уходят грузы знаменитых сыров.

Еще ниже фамилии жителей — англосаксонские: Хиндсы, Монтгомери, Кенингамы и Смиты. Смитов, пожалуй, больше всего. «Смит» по-английски значит «кузнец». Занятие жителей этих мест ближе всего и стоит к древней профессии — в городах Давенпорте и Молине Смиты куют для Америки плуги и бороны, делают жатки, комбайны, сеноуборочные машины, копалки картофеля. Этот промышленный узел на Миссисипи — что-то вроде нашего Ростсельмаша в низовьях Дона. Надежные и совершенные механизмы по Миссисипи, а потом океаном идут в разные страны мира... И тем удивительней было встретить на Миссисипи крестьян с обычной допотопной мотыгой. Любопытней всего, что мотыга в до предела механизированной Америке устояла перед машиной на самых плодородных землях, прилегающих к Миссисипи. И не следует думать, что орудие это имеет скрытые преимущества перед плугом и культиватором. Нет. Это орудие бедности. На полосках земли, подходящих прямо к защитному валу у Миссисипи, растет рис, сахарный тростник, но главное — хлопок. Это хлопковый пояс. Черное — белое. Хлопок и негры. В этих местах мотыгу мы и увидели.

В отличие от скандинавов, немцев, англичан и французов (французы живут в самом низовье реки) негры на Миссисипи не были добровольными поселенцами. Этот нижний район реки многие годы был заповедником рабства. Явного. Потом скрытого. Под кнутом на хлопковых плантациях вначале гнулись и белые. Но белый сбежал с Миссисипи и сразу делался вольным на необжитых просторных землях. А черный — он везде черный. Цвет кожи был знаком рабства. Беглого негра ло-

вили и возвращали на Миссисипи. Река стала для черных и радостью и проклятьем. И, пожалуй, нет другого народа в Америке, чья судьба теснее всего срослась бы с этой рекой.

Проезжая уже под вечер километрах в двадцати от Гринвилля, мы вдруг услышали песню. На меже, разделявшей полоски посева, сидела старая негритьянка с девочкой на коленях, две молодые женщины и парень в огненно-красной кофте. Под прикрытием акаций мы отошли от шоссе и прислушались. Парень в такт песне ударял палочкой о лопату, и четыре голоса бережно выводили мелодию. Она похожа была на церковную песню. Дребезжащий голос старухи придавал ей особую грусть и торжественность. Слов почти не было, но явственно различался припев: «Миссисипи... Миссисипи...» Индейское слово вплеталось в печальную песню народа из Африки...

Поселений индейцев на Миссисипи, кажется, нет, хотя они были по всей реке. Сейчас на месте вигвамов — несчетное число городов. (На карте реки они как бисер на нитке.) Три города — Миннеаполис, Сент-Луис и Новый Орлеан — выделяются. Это крупные, знаменитые, интересные города. Уподобляя реку огромному коромыслу, на концах его видишь Миннеаполис и Новый Орлеан. Сент-Луис — середина реки.

Миннеаполис в истории США известен как «самая крупная лесопилка». Отсюда северный лес шел по реке. Из него поселенцы рубили былую деревянную Америку. Сейчас этот город — перекресток многих путей. Тут происходит перевалка сухопутных и речных грузов. До Миннеаполиса река течет, не обремененная тяжестью. Плоты и лодки — это все, что скользит по тихим, задумчивым водам. Ниже Миннеаполиса Миссисипи становится судоходной, оживленной и деловой. Это уже река-работница.

Новый Орлеан — место прощания Миссисипи с Америкой. Это волжская Астрахань, но с выходом в океан. Крупнейший порт мира, город-купец и промышленник, заповедник французской речи, французской еды в ре-

сторанах и кабачках, столица негритянского джаза. Новый Орлеан в глазах американцев — город седой старины, изначальной Америки.

Третий город на Миссисипи, Сент-Луис, применительно к географии Волги можно было бы уподобить Казани, где лежали когда-то ключи от Сибири. Еще точнее будет сравнение Сент-Луиса с Тобольском — воротами в Сибирь. Город на Иртыше служил главной базой исследования Сибири, а также местом, куда стекались новости и меха из необжитых земель. На Миссисипи эту же роль выполнял Сент-Луис. Миссисипи долгое время была границей, отделявшей Америку от Дикого Запада. Сент-Луис стал воротами, откуда в неведомый край уходили охотники, топографы, Расследователи, авантюристы и поселенцы. Слияние Миссури и Миссисипи определило судьбу этой точки на карте. Сюда по рекам с севера и запада текла добыча (поначалу тоже меха!), тут была биржа всех новостей и открытий. Но в те времена, когда Тобольск был уже некой столицей Сибири с каменным кремлем, государственными постройками и правом «принимать посольства наравне с Москвою», Сент-Луис только-только рождался. Это была фактория, где в обмен на меха можно было купить провиант, капканы, припас для стрельбы, обменяться последними новостями.

Но потом судьба двух точек на Миссисипи и Иртыше резко переменялась. Рельсовый путь по Сибири прошел южнее Тобольска. (Только теперь тюменская нефть и подведенная нитка дороги обещают Тобольску новую жизнь.) Судьба фактории Сент-Луиса сложилась иначе. Место слияния Миссури и Миссисипи сделалось главным перекрестком Америки. Тут в единый узел сошлись пути водные, рельсовые, асфальтовые и воздушные. Сент-Луис за короткое время сделался одним из самых крупных городов США, огромной перевалочной базой, транзитным пунктом на линиях Запад — Восток, Юг — Север.

Город рос быстро. Марк Твен в книге о Миссисипи нашел и для этого случая шутку.

«Когда я впервые увидел Сент-Луис, я мог его купить за шесть миллионов долларов, и великая ошибка моей жизни состоит в том, что я этого не сделал». Город стал большим и богатым.

Для американцев Сент-Луис остался символом продвижения к девственным землям. Двухсотметровой высоты арка из стали (проект финского скульптора) — едва ли не самый впечатляющий монумент во всей Америке — закрепляет за серединным городом Миссисипи почетный титул: «Ворота на Запад».

Ну и стоит помянуть еще Мемфис. Ничем особенным этот город, самый крупный после трех «миссисипских звезд», не славится. Но он известен. 4 апреля 1968 года тут застрелили Мартина Лютера Кинга. Историю Миссисипи американцы пишут с тех лет, когда белые люди продвинулись в глубь континента и «нашли» эту реку. Привилегия — «увидел первым» — принадлежит отряду испанского конкистадора Сото (1541 год). Сото, однако, всего лишь переправился через водный рубеж (примерно в ста километрах от Гринвилля), не подозревая, что имеет дело с главной рекой континента.

«Крестителем» Миссисипи считают француза Ла Саля (вторая половина XVII века). Проплыв по реке от верховий до устья, он обнаружил: Миссисипи впадает в Атлантический океан, а не в Тихий на западе, как полагали в то время. Как недавно все это было! 1681 год. Это время юности Петра I.

После Ла Саля водный путь по реке Святого Лаврентия, Великим озерам и Миссисипи сделался главной дорогой Америки. Нигде на земле вода не текла «столь удачно для развития нации», скажут позже историки, определяя значение водной дороги в становлении государства. Вниз по течению груженными баржами надо было только умеючи управлять. Вверх, так же как и по Волге, баржи тянули на бечеве. Но поскольку грузы в то время шли главным образом вниз, баржи у океана

просто сжигали, а для новых грузов вверху строили новые.

Появление парохода (американское изобретение!) сразу же сделало Миссисипи самой оживленной водной дорогой Земли. Вниз и вверх по реке в 1860 году проходило 5 тысяч пассажирских и грузовых пароходов. На старых гравюрах *мы* видим то самое, над чем потешались в веселой, неумирающей кинокомедии «Волга, Волга», — колесные пароходы с высокими черными трубами, с затейливой вязью палубных ограждений, с белым паром свистков, шлейфами дыма, искрами и, конечно, бурунчиком за кормой. Олицетворение силы и скорости! Смешной по нынешним временам пароход в те годы был скорым, сильным и самым надежным транспортным средством. Такие суда гоняли кровь по молодому организму Америки.

На Миссисипи то было время романтики. Любопытный, жадный до впечатлений Сэмюел Клеменс не случайно сделался лоцманом на реке. (Напомним кстати: литературное имя Марк Твен заимствовано писателем из лексикона речников Миссисипи, меривших воду в фарватере, и буквально переводится так: «отметь две!») Миссисипи стала главным героем Твена. Люди, которых он тут встречал, были так самобытны и ярки, что всю жизнь потом, встречая где-нибудь интересного человека, Твен говорил: «Такого я уже видел на Миссисипи».

Железная дорога перерезала реку в 1856 году. Для капитанов и лоцманов мост был почти что кощунством. Мост! Да как это можно на Миссисипи. На Миссисипи! Столкновение парохода с первым мостом вызвало небывалый скандал. «Убрать! Помеха для судоходства!» Судебное дело пошло в Вашингтон к Линкольну. Ответ президента был прост и ясен, как изречение апостола: «Человек может пересекать реку так же, как и двигаться по ней». Тут и начался закат пароходства. Длиннотрубные властелины пространства стали жалкими и смешными. Их сухопутный соперник — паровозик, маленький, большеглазый и по традиции длиннотрубый, сегодня тоже довольно смешон. Но тогда миссисипские па-

роходы *были* как мамонты в сравнении с быстроногим, ловким и вездесущим волчонком. И мамонты вымерли. Их, конечно, и постарались прикончить возможно скорее. Схватка владельцев железных дорог с владельцами пароходов была жестокой. Одна акула пожирала другую. Романтика Миссисипи увяла. В 1910 году на реке доживали СРОЙ век 559 пароходов. Появление автомобиля вовсе прикончило пассажирское плавание: время — деньги.

Но с перевозкой грузов случилась метаморфоза. Сначала паровозы все за собой потянули: время — деньги! Но постепенно река вернула к себе часть грузов — то, что не спешно, водою возить дешевле. А позже на рельсах грузов осталось вовсе немного — спешные перевозки стали делать автомобили и самолеты, а громоздкие и тяжелые грузы оказалось гораздо удобнее таскать по воде. Рельсовый путь захирел. А великий путь по воде процветает! Вверх по реке идет нефть, хлопок, соль, бензин, асфальт, уголь, масло и сахар. На севере баржи грузятся лесом, зерном, прокатной сталью, бумагой, рудой, машинами и станками, камнем, кукурузой, бочками меда и химикалий. Река снова стала важнейшей транспортной магистралью. За день по ней проходит столько судов, сколько в лучшие времена проходило за год!

Былой романтики, правда, нет Крошечный катеришка упрямо толкает перед собой низко сидящий «пакет» из барж. Буксиры повышенной мощности двигают связки даже по сорок (!) барж. Общий вес такого плота может достигать 60 тысяч тонн. Это груз для тысячи железнодорожных вагонов. Сравните стоимость перевозок: автомобилем — 7 центов за тонна-милю, железной дорогой — 1,3 цента, водным путем — 0,4 цента. Преимущество водной дороги как на ладони. Силу от возрастающих перевозок Миссисипи не потеряет. Но красота и здоровье у Великой американки — уже не те, какими их видел Ла Саль, лоцман Сэмюел Клеменс и даже последний из капитанов, водивший по Миссисипи колесные пассажирские пароходы.

Последняя справка о Миссисипи, к сожалению, грустная. Загрязнение! Загрязнение катастрофическое. Около 100 тысяч различных заводов и фабрик сбрасывают в Миссисипи свои отходы. Тысячи тонн химикалий стекают в реку с полей. Канализационные трубы городов обрываются в реку. Ранее говорили: «Вода в Миссисипи весьма хороша, если ее процедить». Теперь шутка куда грустнее. Органическая отравка, соединения мышьяка, цинка, ртути, хрома, свинца, цианистые соединения, фенолы, нефтепродукты — вся таблица Менделеева течет по великому руслу. Лет пятнадцать назад американцам казалось: мощная Миссисипи все переварит. Сегодня есть ощущение: на реку уже махнули рукой.

В верховьях, в городе Мадисоне, в водной лаборатории университета нам показали схему спасения местных озер. Схема была проста: все опасные стоки отводились в обход озер — в Миссисипи. На вопрос: «Что же будет с рекой?» — профессор вздохнул: «Наша добавка в миссисипском коктейле ничего уже не меняет». Похоже, это тот самый случай, когда платье, безнадежно испачканное, уже перестают беречь. «Средоточие жизни и радости мы превратили в путь для отравы и барж, — пишет газета «Геральд трибюн». — Река, конечно, никогда не будет такой, какой она была во времена Твена, но, может быть, она не будет хотя бы сточной канавой, какой мы видим ее теперь?»

От какой точки пришлось бы идти к этой робкой надежде? Вот эта точка. «В воде, взятой ниже Сент-Луиса и разбавленной чистой водой в десять раз, рыбы мальки погибали менее чем через минуту, а при соотношении загрязненной и чистой воды 1 : 100 — через сутки... Федеральные органы здравоохранения расставили на берегах щиты с объявлениями, запрещающими даже устраивать пикники около реки, не говоря уже о купании в ней. Концентрация вредных веществ и бактерий в Миссисипи здесь настолько высока, что даже несколько капель воды, попавших на лицо или губы, могут вызвать тиф, колит, гепатит, желудочные расстройства или заболевание крови» («Лос-Анджелес таймс»).

Урок Миссисипи — жестокий и очень наглядный урок. Умертвить можно любую реку. Постепенно и незаметно можно спуститься до точки, возврат от которой назад и долгов и труден. Да и возможен ли? Мы считали: наше сидение у костра будет прощанием с Миссисипи, но вышло так, что путешествие по реке, маленькое, символическое, все-таки состоялось. И подарок этот неожиданно нам преподнес приветливый, разговорчивый хозяин бензоколонки на выезде из Гринвилля. Слово за слово — куда? откуда? какими судьбами? И вдруг собеседник говорит: «Подождите минутку...» Короткий диалог по телефону. И вот он, подарок. «Все в порядке. Вы увидите Миссисипи. Я говорил с тестем. Он провезет вас на лодке...»

Минут через двадцать возле колонки остановился желтый «пикапчик» с тестем. Большой, суховатый, стриженный ежиком человек в комбинезоне оглядел из-под прозрачного зеленого козырька кепки всех, кто был у колонки, шлепнул по спине зятя: «Ты считаешь, что я еще гожусь в капитаны?» И протянул руку русским.

Опустим для краткости церемонию знакомства, обсуждение плана поездки и сборы. На наше: «Наверное, вас оторвали от дел?» — старик выбил о каблук трубку, сощурил голубые, не потерявшие блеска глаза.

— Я, ребята, в жизни свое уже сделал. Вы видели, он ведь недолго меня уговаривал. Садитесь!

Свою машину мы загнали в укромное место рядом с колонкой и сели в «пикап»...

Красная лодка тестя стояла в старице Миссисипи, среди стада сверкавших краской таких же короткозадных посудин. Тут в чистой воде люди купались, ходили под парусом, удили рыбу. В шесть рук по положому склону мы подтянули лодку к тележке-прицепу, погрузили в кузов мотор. А через час с небольшим красная лодка с надписью «Лобстер» уже качалась на Миссисипи. Радостно зазвеневший мотор и мощная тяга течения понесли «Лобстера» по реке.

Как не похоже такое плавание на весельный ход по тихим, заросшим кувшинками водам! Тут, на упругом теле реки, широкая красная лодка испуганно трепетала и, кажется, предпочла бы лететь, не касаясь глубокой и страшноватой мутно-зеленой воды. Мы держались в стороне от фарватера, и насколько большой показалась нам лодка в старице на приколе, настолько хрупкой и маленькой была она теперь тут, на широком хребте Миссисипи. Дальний берег едва сквозил в белесой жаре. Ближний кудрявился жирной однотонной непроницаемой зеленью, отделявшей воду от всего, что было бы можно увидеть с реки. Насколько хватал глаз тянулся этот кудрявый сплошной забор.

За поворотом реки открылась новая даль, но без какой-нибудь новизны. Все тот же непроницаемый занавес зелени справа и та же туманная ниточка берега слева. На небе ни облака, однако не видно и солнца. И новый буксир впереди. Плыть вот так день или два было бы очень тоскливо.

И все же важно было увидеть большую реку со середины воды, с надеждой глядя на берег — не мелькнет ли что-нибудь в зелени? — и с тревогой на воду — не плывет ли скрытно бревно? Для нашего «Лобстера» это была бы торпеда. Предвидя такую возможность, наш капитан облачился в спасательный ярко-оранжевый пояс, и два пассажира весьма охотно проделали то же самое. Тридцати километров было довольно для знакомства с великими водами. Старик выключил двигатель, и минут десять мы плыли в тишине по течению.

— Вот такая она, Миссисипи, в наших местах...

С благодарностью вспоминаем милого, нарочито грубоватого старика. Странствуя по земле, убеждаешься: мир не без добрых людей, в любой стране встречается человек, готовый тебе помочь, не имея при этом ни малейшей корысти. Американцам эти черты свойственны не меньше, чем любому другому народу. Но, зная, как занят американец, как он постоянно спешит, как дорого для не-

го время, мы спросили нашего капитана: чем обязаны такой щедрости?

— Да как вам сказать... — Старик пошарил под ногами рукой, обнаружил какой-то болтик, оглядел и кинул его за борт. — Тут, пожалуй, все вместе. Хотелось на вас поглядеть, слабость эта, надеюсь, понятна... Задело меня и то, что вам обещали, а не исполнили. Это уж никуда не годится... Занятий особенных у меня нет. Помогаю иногда зятю. И поскольку он же и попросил... Вот и все.

С поразительной откровенностью старик рассказал, что очень любит своего зятя: «Вы же видели парня!» И очень сухо отозвался о дочери, с которой «зять мается». Сказал о внуке, за которым нет глаза, но который, «слава богу, пошел в отца». Сына старик потерял четыре года назад.

— Утонул. Возможно, по пьянке, а скорее всего браконьеры... Тут умеют счета сводить.

Последние годы старик вместе с сыном работал в соседней Луизиане, в ондатровом хозяйстве.

— Сын был в охране, я делал плотки для зверей. А это случилось — бросил все и перебрался в Гринвилль... Имя мое вам предпочтительней позабыть. В этом благословенном штате... — Старик не договорил, нашел под ногами очередную железку и бросил в воду...

Изюминка нашей прогулки по Миссисипи — заезд в прибрежные заводи. С приглушенным мотором, потом толкаясь шестом, мы протиснулись в дебри болот. Тут, в стороне от течения, стоячие мелкие воды сплошь покрывала зеленая корка. Как уснувшие крокодилы, торчали коряги и бревна. Удушливый запах мокрого юга тяжелым пластом лежал на скрытой от солнца воде. Но жизнь тут была. От шороха лодки кто-то спешно бултыхнулся — оставил на ряске черный просвет воды. Тяжелая незнакомая птица с треском, теряя перья, скрылась в зеленом сумраке. Почти по брюхо в воде ходили четыре оленя. Они почему-то без всякого страха

встретили появление лодки, дали себя сфотографировать и с достоинством удалились.

Добравшись к сухому месту, мы отметили лодку шестом с носовым платком на конце и пошли таранить плечом упругую стену зарослей. Ежевика и еще какая-то плотная вязь, напоминая хмель, заполняли пространство между деревьями. Мошкара и длинные бороды мха липли к лицу.

— Змеям тут тоже, поди, неплохо живется?

Старик понимающе улыбнулся.

— К сожалению, есть... В Луизиане однажды наш городок почему-то наполнился змеями. Стрельба стояла такая, что могло показаться: кто-то напал на Соединенные Штаты...

Выбирались мы сверху по нашей просьбе: увидеть земляной вал, укрощавший реку весной. Он оказался за пойменным лесом сразу же и походил на оплывшие, покрытые травкой валы старинных русских городов-крепостей. По полоске мелкого плавника было видно, сколь высоко поднимается Миссисипи весной

Зеленым рубцом вправо и влево насыпь тянулась вдоль леса. А за валом лежала равнина с островками деревьев. Серые негритянские хижины, полосы хлопковых полей. У самого горизонта в обширной роще белела большая усадьба. А прямо у вала, за легкой проволочной изгородью ходили лошади и коровы. Негритянка сидела на старом поваленном дереве, что-то бережно перебирала и складывала в желтый пластиковый мешок.

Наш провожатый очистил картузик от мокрых волокон мха, набил трубку, шутилово подражая голосу гида, мигнул.

— Между прочим, стоим почти на стыке трех штатов! В эту сторону — Арканзас, Луизиана — вниз по течению, а сюда — Миссисипи. Мои жизненные угодья! В одном штате родился, женился, плотничал. В Луизиане со-

мов разводил и ондатру. В третьем теперь живу. Жизнь как эта вот трубка — сосешь, сосешь, глядишь, уже все выгорело...

Все старики на Земле похожи. Как дети, они хотя бы участия. Только одни ждут сочувствия недугам и болезням, другие их прячут и сохраняют умение чувствовать радости жизни до последнего вдоха, пусть этой радостью будет хотя бы солнечный зайчик на негнущихся пальцах. Крист Рой (так мы условились называть старика) был из породы этих здоровых духом людей. Простой, открытый, доброжелательный. В любом месте встреча с такими людьми — наука жить. И мы (в который раз!) пожалели о жестком графике нашей дороги. Задержаться было нельзя...

В Гринвилль вернулись под вечер. «Нет, никаких благодарностей! — в один голос сказали тесть с зятем. — Мы это сделали с удовольствием».

Подарок на память — бутылка питья с пейзажем центра Москвы на наклейке и трубка эстонской работы — был принят с интересом и удовольствием.

— Грешно отказаться, — сказал тесть, разглядывая курительный агрегат. — Но только, чур, примите и от меня. Восемь лет прослужила...

Старик достал свою трубочку, попросил зятя дать ему гвоздь. Нацарапал на мундштуке какое-то слово.

— Вот. Это вам. А эту я сейчас же набью табачком...

Попрощавшись, мы тронулись из Гринвилля по шоссе 82, надеясь к полуночи достигнуть границы штата. В машине как следует разглядели подарок. На трубке старик нацарапал: Mississippi.

Вспоминая, какой отрезок пути лучше всего запомнился, решили: пустыня. В чем дело? Ведь мы проезжали по живописным горам, видели край озер, видели островные леса в холмистой штате Теннесси, видели побережье на Западе и Востоке. И все же пустыни... Возможно, что-нибудь объяснит многим знакомый момент: идешь по зеленому лесу и вдруг на поляне видишь сухое дерево. Как будто тушью прописанный силуэт. Суровая, строгая красота! Вспоминая прогулку, это дерево ясно видишь перед собой. То же самое и с пустыней...

Пустынь в Америке много. И хотя условия, их породившие, одинаковы (избыток солнца и недостаток воды), облик пустынь различен.

На севере, в штате Вайоминг, это холмы красной глины, в которую при замесе подсыпали белых камней. По холмам черные крапины можжевельника, а в долинах зеленые коврики трав.

Невада поражает размерами, монотонностью, тишиной и безлюдьем. Зубцы размытых маревом гор, серебристые волны полыни, отсутствие знаков о скорости — выжимай сколько хочешь! Идеальное место для философов и пророков...

Дикая жутковатая красота у пустыни, зажатой между хребтами Сьерра-Невады и горами, идущими вдоль берега Калифорнии. Волны покатых холмов и по ним черные хвойные деревца. С весны земля окропляется влагой, и холмы зеленеют. Но в начале июня мы видели травы уже сгоревшими. Земля походила на яичницу из очень крупных желтков. Казалось, еще чуть-чуть, и желтки задымятся...

Аризонская пустыня сложена из коричнево-красного плитняка. Кажет-



ся, землю эту прокалили в огне и потом остудили, чтобы снова нагреть уже солнцем. Камень слоится. Индейцы из этих чешуек строят приземистые жилища. Ничего, кроме мусора, нет возле этих убогих домов, похожих на эскимосские иглу. Они сливаются с общим тоном пустыни, и, если бы не дымок, с дороги их даже и не заметил бы.

К востоку от Аризоны лежат пустыни штата Нью-Мексико. Туристские карты этот район помечают рисунком радуги или палитрой красок, напоминая: именно тут лежат знаменитые «окрашенные пустыни». Любый путешественник в этом месте свернет с магистральной дороги — увидеть разливы желтых, сиреневых, красных, розовых, синих и черных холмов со всеми оттенками цвета. Мы так, узы, поступить не могли — маршрутное предписание поело нас на север...

С пустыней обычно связано чувство страха. Но тут на хороших дорогах ничто путнику не грозит. Однако положение резко изменится, если оставить бетон и двигаться целиной. Даже для очень смелых людей на вездеходах и с запасом воды эти затеи кончались печально.

Особо зловещей нам показалась пустыня Мохаве в Калифорнии. Это было самое жаркое место и самое пустынное из всех, какие мы проезжали. Солнце не оставило тут ни единой капли воды. Желто-бурый песок с пятнами черных холмов. Мутноватый от жары воздух и что-то похожее на озера у горизонта. Жестоко обманулся бы тот, кто не знает, что такое мираж. Озер тут нет. Природа только в насмешку дразнит глаза блеском воды и призрачной тенью. Сахара могла бы взять в сестры эти встающие друг за другом перекаты мертвой земли. В Неваде открытые окна помогали нам освежиться рожденным скоростью ветерком. Тут, в Мохаве, это не удается — жар паровозной топки ударяет в лицо. Единственный выход — закрыться плотнее и включить холодильник. Но двойную нагрузку даже очень мощный мотор выносит недолго, приходится выключать, и машина сейчас же становится частью пустыни. Апельсины, припасенные на дорогу,

нагрелись, жевать их противно. И все же влага нужна...

Район рекордной жары — Долина смерти — лежит чуть севернее нашей дороги по Мохаве. 57 градусов! Это всего лишь на один градус ниже самой горячей точки Земли, лежащей на севере Африки в Ливане (+ 58). И речь идет о температурах воздуха. Земля нагревается много сильнее (до 90—93 градусов!).

Что значит такая жара? Долину смерти индейцы называли «горящая земля». «С июня по октябрь, — пишет один путешественник, — земля действительно тут горит. Мухи не летают, а ползают, чтобы не опалить крылышек; ящерицы переворачиваются на спину, чтобы охладить обожженные лапки, а дождевые капли испаряются в воздухе, так и не достигнув земли. В такую жару на руках подгорают волосы, человек теряет литр воды в час, и если нет пополнения, кровь у него сгущается, сердце колотится сильнее, появляется тошнота, головокружение, поступки становятся нерациональными».

У Мохаве характер лишь малость помягче. Не видно ни зверя, ни птицы. И все же какие-то крохи жизни держатся в этом пекле. Змея, размятая на дороге. Чья-то норка в песке. Печатный след вездехода в сторону от шоссе... Но до ночи никто не высунет носа под солнце, все спряталось, затаилось.

Темнота прохлады не принесла. Остановились поразмять ноги — полное ощущение щедро натопленной бани. Потолок в этой бане черный и низкий. Звезды — с кулак. Их кажется больше, чем полагается быть. И это все оттого, что воздух необычайно чист — ни пыли, ни облака. Как очень близкая родственница, смотрит с краешка неба Большая Медведица. Но непривычно повернут к земле этот милый домашний коврик...

Дорога в пустыне особая. Есть на ней все, чему полагается быть на хорошей дороге. Но бетон по пустыне проложен с особой заботой, с пониманием: дорога в этих местах — единственное, что может внушить человеку уверенность. Строители знали: путник будет спешить поскорее проехать пугающе длин-

ный безжизненный путь. Ну что же, гони! Все устроено так, чтобы гнать ты мог без помех. Тут, в Мохаве, ночью мы обнаружили: путь обозначен двумя ожерельями огоньков. Разумеется, никаких лампочек! Вдоль дороги установлены стекла, горящие в свете фар. Четкий пунктир огоньков, слабея и уменьшаясь, бежит к горизонту. Кажется, едешь между рядами жарко горящих свечей. И все они гаснут мгновенно, как только машина мимо «их пронеслась. Впереди — яркий четкий пунктир, назад оглянешься — темнота. Забота о безопасности? Да. Но было и что-то еще в огоньках, ограждающих путника от пустыни..

В каждой пустыне есть свой оазис. В Америке пальмы и ручеек заменяет бензоколонка. Возле нее, бывает, не растет ни единого деревца, но есть самое главное — вода в потных холодных бутылках, жестянки с пивом и что-нибудь дающее тень. В ночной Мохаве такой отрадой, сверкнувшей на горизонте щепоткой огней, был некий Нидлс.

За полночь, но жара лишила оазис сна. Хранитель воды и бензина за банкой пива ведет разговор с пожилым, похожим на пророка из библии коммерсантом. Собеседникам скучно, позевывают, но уснуть в такую жару, как видно, несбыточная мечта. Жена владельца колонки вышла из домика, простоволосая, в майке навывпуск и трикотажных трусах. Попросила мужа плеснуть ей на тело ковшик воды. Муж плеснул и равнодушно сел продолжать разговор. Жена открыла бутылочку кока-колы для себя и для мальчика лет четырех. Мальчонка хнычет, просит чего-то еще, мать дает ему подзатыльник. Сын без обиды отходит и садится возле рыжей, с высунутым языком собаки. Грязно. Под ногами пустые жестянки, смятые бумажные стаканы. Женщина, севшая рядом с мужем, похожа на ошипанную мокрую курицу. Должно быть, жизнь давно уже загнала ее в эту дыру, и давно уже женщине все равно, как она выглядит и что ее ждет. И мужу ее все равно. Он рисует что-то ногтем перед носом «пророка». «Плесни-ка еще...» — говорит женщина. Плескает и опять садится беседовать. Найдись охотни-

ки жить возле этой колонки они давно бы выгеснили опустившихся, ко всему равнодушных людей. Но, как видно, немного желяющих поселиться в оазисе на краю Мохаве.

Ночевать в Нидлсе было негде. В темноте мы переехали мост через главную реку пустынь — Колорадо. И опять оказались на земле без огней. Кончалась Мохаве. Начиналась другая пустыня — Хилу.

Что характерно для всех пустынь? Первое, что замечаешь, — отсутствие проволочных ограждений. Тут нет еще частных земель. Впрочем, если захочешь, кусок пустыни можешь купить — 15 долларов акр. В Аризоне реклама призвала сделать это возможно скорее с помощью отточенных афоризмов. «Прекрасная возможность для дальновидных людей!» «Аризонская земля быстро делает деньги!» Рецепт обращения пустыни в деньги, однако, держался в секрете, и потому возле конторки, где можно было оформить куплю-продажу, было пустынно.

— Ну купим акров пятьсот. А что с ними делать?

Агент по продаже пустыни немедленно разглядел в нас насмешников.

— Джентльмены, лет двадцать назад за берег Аляски никто не дал бы и цента. А сейчас, надеюсь, вы в курсе, миллионы кладут!

Аргумент был весомый. И если учесть, что в Америке находились люди, готовые покупать «землю» и на Луне, существование скромной конторки по торговле пустыней вполне оправдано.

Есть еще примечательность: пустыня — это индейцы. Глянем на карту в дорожной книжке. Сгустками точек на ней обозначены поселения аборигенов Америки. Где же рассыпаны точки? В штатах Невада, Юта, Аризона, Нью-Мексико, обеих Дакотах, в уголках Колорадо, Монтаны. По топографии этих точек пустыни определяются без ошибки. Что это — любовь индейцев к жаре и безлюдью? Справедливости ради надо сказать: есть племена (пуэбло, навахи, хавасупаи), искони живущие в этих местах. Укладом жизни они привязаны

к пустыням (точнее, к полупустыням), так же как эскимосы привязаны к жизни в снегах. Остальным племенам пустыни достались как последний рубеж изгнаний. Сопоставляя точки на карте с огромной, некогда заселенной индейцами территорией США, нельзя не подумать: хозяев прогнали из очень богатого дома и поселили в сарае.

Чем занят индеец в пустыне? Если верить альбомчику для туристов, то индейцам в пустыне живется легко, беззаботно, почти как в раю Старики в шикарных уборах из перьев стоят величественно, как и подобает стоять вождям, или сидят у костра, курят длинные трубки. Те, что моложе, засняты на вздыбленных лошадях либо во время воинственных танцев. Старушки на снимках вяжут корзины, ткнут знаменитые индейские покрывала, шелушат золотистую кукурузу или на длинных деревянных лопаточках достают из печей, похожих на муравейники, аппетитные хлебцы. На фоне белоснежных вигвамов сняты юные индианки. Но это не жизнь индейцев. Это опера для туристов — индейцы изображают прежнюю жизнь индейцев. На костюмы не пожалели денег. Тщательно выбраны декорации: горы, голубая долина с цепочкой бизонов, библейский пейзаж пустыни... Купившему книжку не терпится увидеть все это в натуральном обличье.

Возле бензоколонки за городом Санта-Фе мы стали участниками забавной сцены. Сорванец лет семи из племени бледнолицых, шлепая красочной книжкой по джинсам, требовал у мамы:

— Аи уонт индианс! (Хочу индейцев!)

Мама не знала, где надо искать индейцев. С вопросами — к нам. Мы пожали плечами. Выручить мог только заправщик машины. — Индейцы... — Повернулся он в нашу сторону за сочувствием. — У всех один и тот же вопрос: «Где индейцы?» Бери я по центу за каждый ответ — к осени стану миллионером.

— А в самом деле, где же индейцы? — Мы тоже похлопали по штанам глянцевыми книжками.

Парень захохотал.

— И вы туда же!..

В пустынях индейцев сделали приманкой туристов. Как солдата в чужеземном походе, туриста снабжают памяткой: чего не следует делать, встретив индейцев. «Помни: они тоже люди. Прежде чем войти в жилище, спроси разрешение. Если индеец не дал согласие сняться, оставьте его в покое». И так далее.

Какая-то часть индейцев, живущих вблизи больших магистралей, позволила втянуть себя в индустрию туризма — за плату разрешают обозревать свои жалкие жилища, не отказываются на просьбы сняться (просьба — гарантия платы). Однако большая часть индейцев предпочитает добывать свой хлеб на той же туристской дороге иначе. Мы несколько раз встречали этих молчаливых людей, сидящих на прокаленной земле возле изделий, предназначенных для продажи. Где-то в стороне от шоссе в глухих деревянных искусные руки делают бирюзовые бусы, брошки в оправе из серебра, покрывала и шали с красивым тканым узором, глиняную посуду, трубочки, мокасины. А тут, у дороги, — базар Печать ширпотреба неизбежна на всем, что предназначено для массового спроса, и все же изделия привлекательны. Их покупают. А знатоки индейского ремесла, отправляясь в села, к «местам производства», получают иногда подлинные шедевры вкуса и мастерства.

Продавцы у дороги хорошо понимают, какая вещь чего стоит. Более молчаливых торговцев вряд ли можно встретить еще где-нибудь на земле. Ожиревший мужчина, старуха с лицом цвета пустынных камней, миловидная девушка — все сидят у своих сокровищ с непроницаемыми лицами. Никакой похвалы товару, никакой видимой радости от толкотни покупателей. Купил — хорошо, не купил — все та же непроницаемость на лице...

Что еще характерного видишь в пустыне?.. Несколько раз мы наблюдали дождь, испарявшийся, не достигнув земли. Заметно шире в пустынях поля у шляп. И это отнюдь не ковбойский шик — солнце тут беспощадно. Исчезает в пустыне реклама. Никто не вку-

шал нам немедленно положить деньги в банк, купить автомобиль, съесть курицу по-кентукски или выбрать в градоначальники какого-нибудь улыбочивого джентльмена. Реклама не оскверняла дорогу. И от этого пустынные земли казались особенно просторными и пустынными.

Человека в пустыне встретишь нечасто. Обычно он тоже в машине и норовит тебя обогнать, с опаской поглядывая: чувство престижа заставляет случайного путника не отстать или замыслил недоброе?..

В Мохаве ночью, где-то на подлете к оазису Нидлс, мы увидели у дороги двух людей в позах безнадежного ожидания. За какие грехи оказались они в неудобном месте земли, можно было только гадать. Они явно хотели выбраться из пустыни. На картонке в поднятой руке мы успели прочесть: «Нам в Альбукерке!» Признаемся, мы прибавили скорость, хотя возможно, что эти двое были безобидными шалопаями. Но даже и ангел не поступил бы иначе. Пустыня. Ночь. Да еще и адрес: «Нам в Альбукерке!» (Альбукерке — город-рекордсмен Америки по преступности.)

Днем позже, на том же шоссе 66 в Аризоне, судьба нам послала новых встречных, на этот раз вполне безопасных. У дороги на перекрестке ветер раскачивал повешенного. {Реклама, характерная для пустыни, — и не хочешь, а остановишься.) Остановились. В лавочке сувениров купили по какой-то безделице и поспешили наружу, ибо тут, возле виселицы, происходило нечто занятное.

Рядом с повешенным стоял фургон, запряженный двумя ослими, которым, судя по очень усталым мордам, приятней стоять было бы на траве или хотя бы у сена. Хозяин повозки тут же рядом на маленькой наковальне гнул печку из оцинкованной жести. В данной местности целесообразней было бы мастерить холодильник, но владелец повозки уверенно следовал к своей цели. Он заметил наш к нему интерес и удвоил старания. Мы почтительно кашлянули, подойдя на дистан-

цию, допустимую вежливостью. Мастер положил молоток, распрямился.

Вспомните михалковского Дядю Степу. Добавьте ему лет 30, оденьте в необъятных размеров поношенный комбинезон, сшитый, наверное, вот так же в минуты вдохновения возле повозки, когда ослы отдыхали. На ногах Дяди Степы должны быть очень большие и тоже самодельные башмаки. Ковбойская «шестигаллонная» шляпа, седая апостольская борода окончательно превратят знакомого вам Степана в мистера Слотса Говарда.

— Слоте Говард, путешественник, — так он представился.

Мы тоже сказали, что путешествуем, сказали, откуда едем, куда вернемся.

— Так, так... — сказал мистер Говард. — Холодно там у вас? — Он явно соображал, какую линию поведения избрать в беседе со столь неожиданными коллегами.

Приняв решение, путешественник полез в задний ящик повозки и предложил нам купить открытки. На открытках была все та же повозка, но еще не побитая на дорогах. Хомуты осликов были украшены колокольцами. На облучке восседал мистер Говард, молодой, бодрый, осанистый. Нынешняя апостольская борода представляла собою щеголеватое украшение «а-ля шкипер». Рядом с улыбочивым, жизнерадостным человеком стояла решительного вида женщина в сатиновой кофте и ковбойской шляпе. Как видно, в качестве символа самых добрых намерений «пожизненной экспедиции» вместе с осликами и хозяевами повозки фотографу позировал белый ягненок, возможно, ставший впоследствии шашлыком.

— У вас тут возраст Христа...

Мистер Говард понимающе улыбнулся.

— Пустыня старит людей...

— Все время тут, в Аризоне?

— Главным образом тут. Но заезжаем и в Новую Мексику и в Неваду Восемнадцать лет на дорогах...

— Жена по-прежнему с вами?

— А вон готовит обед...

В стороне у костра женщина вела разго-

вор с хозяином лавки, помешивая какое-то варево в котелке.

Полагалось задать вопрос: чем живет путешественник? Но мы догадались: в данном случае отвечать Слотсу Говарду было бы неприятно. Мы спросили: нельзя ли нам вместе сняться? Мистер Говард с готовностью согласился, поддержал идею снять его на повозке и в момент ухода за осликами. Благодарные, мы побежали к машине и достали из чемодана ходовые в Штатах подарки: мини-бутылочку из Москвы и пару деревянных расписных ложек. Обычного взрыва восторга не последовало. За вежливой благодарностью скользнуло даже разочарование Экзотический путешественник ожидал чего-то другого.

Простившись, уже в машине мы обсудили деликатную ситуацию и пришли к выводу: тонкости поведения иностранца в чужом государстве в данном случае были излишни. К чему мистеру Говарду экзотическая ложка, если главной заботой явного профессионального бродяги было добыть, что хлебать ложкой. Два доллара его бы больше обрадовали.

Мы не успели отъехать, а Говард уже беседовал у фургона с новой парочкой любопытных. Как и следовало ожидать, дело кончилось фотографированием. Так пустыня кормит бродягу...А как хозяйство в пустыне? Чем живет человек, осевший на этой земле? Индейцы, помимо ремесел, в пустынных и полупустынных районах заняты скотоводством, земледелием, охотой и рыболовством. Белые люди в эти районы поначалу стремились в поисках драгоценных металлов. Все помнят золотую калифорнийскую лихорадку. (Рецидив этой страсти недавно вспыхнул опять.) Неваду называли «серебряным штатом» и только позже, когда на рудных местах остались опустевшие городки-призраки, за штатом утвердился титул «полынный». Серебро и золото есть в Аризоне. Но сегодня, пожалуй, важнее всего находки в пустынях стратегически важных ме-

таллов. Аризона снабжает Америку медью. Нью-Мексико — ураном. В Альбукерке, куда просились два парня с пустынной дороги, — центр атомной промышленности. Северней, в городе Санта-Фе, рекламный листок в гостинице, уведомлял: мы находимся в 25 милях от Лос-Аламоса, места рождения первой атомной бомбы. А в 170 милях к югу от Санта-Фе жаркой июльской ночью 1945 года бомба была испытана. Изделие, сработанное в пустыне, в том же году обратило в пустыню огромный город. Эхо взрыва все еще слышится. «За год (1973) от болезней, вызванных последствиями взрыва, в Японии умерло 2450 человек», — сообщают газеты. А тут, в Нью-Мексико, безвестный и захолустный некогда городок Лос-Аламос (Одуванчик) стал местом, куда зовут туристы. «Тут джинна выпустили из бутылки!» — залихватски преподносится Лос-Аламос в рекламном листке.

Но в пустыне осталось много зловещих тайн, сберегаемых от проезжих. Неваду время от времени сотрясают толчки — в этом штате находится полигон термоядерных испытаний. В Неваде базируется и испытываете» военная авиация. В пустынях производят и хранят разрушительный нервный газ. (Жертвами газа стали как-то большие отары овец.) Эти тайны пустыня скрывает за полынными, разбеленными маревом горизонтами.

Меньше всего секретов в пустыне у пастухов. Стада и отары при перегонах нередко занимают дорогу. В поисках влаги и корма скотоводам приходится кочевать. Жилища их — едва приметные хижинки — сделаны кое-как. Стада и отары встречаешь нечасто. Но, судя по цифрам статистики, скота в пустынях немало — миллионы голов.

Есть в пустынях и пашня. Сеют поливную пшеницу, подсолнух, люцерну. Всюду, где удастся из-под земли или по трубам издалека получить воду, пустыня преобразуется. Пожалуй, самый наглядный пример — Калифорния. Тут поливают более трех миллионов гектаров пашни. Союз солнца, плодородной земли и влаги (разумеется, пот человека тоже что-нибудь значит) сделал чудеса. В Ка-

лифорнии собирают урожаи лимонов и апельсинов, арбузов, дынь, груш, персиков, хлопка, подсолнуха, сахарной свеклы, кормов для скота. Из каждых десяти килограммов американского винограда девять собирается в Калифорнии. Районы бывших пустынь держат первое место в стране по товарном продукции сельского хозяйства.

Глядя на бурный рост Калифорнии, на счастливое сочетание природных условий, пущенных в оборот, полынная Невада может только вздыхать. тут разбейся в лепешку — пустыня остается пустыней. И поэтому штат вынужден «подрабатывать». Каким же образом? Нашли статью дохода особо американского свойства — игорные дома и быстрые, без проволочек, разводы. Во всех штатах азартные игры запрещены. В Неваде игра узаконена и обставлена всеми удобствами века. Цепи супружества тут спадают сами собой, но все-таки надо немножко в Неваде пожить, хотя бы день-два. А поживешь — непременно сыграешь, а играть начнешь — проиграешь. Игорные страсти влекут сюда, разумеется, не фермеров из Айовы, не сталеваров из Питтсбурга. В Неваду встрянуться едут люди с деньгами. Но и случайный проезжий тоже, конечно, сыграет хотя бы по маленькой, иначе никто не поймет — «был в Неваде и не сыграл!».

Столицы игорных домов известны: легендарный Лас-Вегас и город поменьше, но столь же страстный, честолюбивый, так же сверкающий показным шиком, позолотой и бахромой, — город Рино. Лас-Вегас — на юге Невады. Рино — на северо-западе.

Наша дорога лежала через Рино. Уже километров за двести от городка пустыня устами рекламных пингвинов и белых медведей обещала в Рино прохладу, а девицы на живописных плакатах с повязками вокруг бедер, раз в десять более экономными, чем у туземцев Новой Гвинеи, подмаргивали: земной рай размещается как раз на пути, в Рино.

Как бы точнее представить вам этот город... Всем приходилось видеть разодетого фата с

перстнями, с золоченой булавкой на галстук, с платочком в нагрудном кармане, прическа берберийского льва, ногти оберегает" старательней, чем Конфуций. Словом, весь напоказ. Идет такой человек, и кажется ему: земной шар слегка прогибается под подошвами модных ботинок. Представьте теперь, что модник ступает не по сверкающей зале и не по улице в свете неона, а по безлюдной степной дороге. Таков и Рино в пустыне Невада. Тротуары из пластика. Цветы — где живые, где тоже из пластика. Огни, позолота, никель и зеркала, три небоскребчика для престижа. На главной улице — замысловатая арка и надпись: «Рино. Самый большой маленький город в мире».

На улицах толчея. В идущих рядом с тобою легко заподозрить приехавших разводиться. А поскольку всякий вакуум чем-нибудь заполняется, сюда, как мошки на мед, спешат искатели счастья или хотя бы каких-нибудь приключений — по коротким юбкам Рино занимает несомненное первенство в Соединенных Штатах Америки.

Игра... Весь город играет! Игорные автоматы установлены всюду: в залах бесчисленных казино, в кафе, в лавках, аптеках, на мойке автомобилей (пока ожидаешь — сыграй!), возле бензоколонок, на вокзалах, в холле гостиниц, в общественных уборных, просто на улице. Играй! Играют. Сосредоточенно стоят у сверкающих никелем «слот-машин» мужчины и женщины, старики и подростки, девушки и старушки, лысые и с шевелюрой до плеч, бедные и богатые. Сунул монетку в щель, повернул ручку, и сразу ясно: выиграл или нет.

Мы тоже решили сыграть и, конечно, не на ходу в какой-нибудь забегаловке, а в казино, и по возможности самом богатом... Легко открылась массивная дверь. Прохладно. Два десятка шагов через холл, наполненный ангельской музыкой, и мы у цели. В огромном зале всюю игра. Стены и потолок в этом храме азарта зеркальные. Играло с полтысячи человек, но отражения в зеркалах заставляли подумать, что вся планета, забросив дела, предается тут пагубной страсти.

Посредине залы располагались столы, походившие на небольшие футбольные поля. Над столами сосредоточенно, не выказывая волнения, чуть склонившись, стояли серьезные игроки. Тут пахивало сотнями и тысячами долларов. Но выиграть или проиграть было до глупого просто — швырять по сукну янтарный кубик с точками домино мог бы, кажется, и ребенок. От того, где и какой стороной упал кубик, все и зависело. За игрой наблюдал проутюженный, в черном и белом, стройный, невозмутимый посредник — служащий казино. Вульгарных куч денег на столах не было. Служитель чем-то вроде грабель двигал по полю кругляшки-бонны, расчет по которым производится в кассе.

Казино гудело ульем. Мы чувствовали себя зрителями грандиозной оперетты, но зрителями, которых затащили на сцену. Стоять просто так было нельзя. Надо играть. И мы начали. Разумеется, мы не стали протискиваться к зеленым столам. В оперетте достаточно маленьких скромных ролей — повсюду стояли серебристые «слот-машины». Мы выбрали место рядышком с накрахмаленной старушонкой, решившей обанкротить Рино с помощью двадцатипятицентовых монеток, и стали делать то же самое, что и она. Сразу же убедились: ничего нет проще игры на деньги! Машина была маленьким индивидуальным «спортлото». Сунул монетку, крутнул и смотри: если в окошечках появились рисунки четырех яблок (или четыре груши, персика, сливы, вишни) — ты выиграл, машина отдает капитал в соответствии с твоей ставкой. Но если в окошечках получается фруктовое ассорти, скажем, три груши и одна слива, надо лезть в карман за новой монеткой. Довольно скоро мы убедились: машины очень надежно сконструированы в пользу пустынной Невады. Понаблюдав за старушкой, забывшей в азарте о всем на свете, мы, как говорят, вышли из игры.

С удовольствием подумались. Полагаем, многие, проезжая Рино, поступают именно так. Но Достоевский (сам, кстати, игрок

азартный) превосходно знал слабости человека, когда описывал страсть игрока. Многие покидают Рино с потухшими взглядами. И как насмешка на выезде, уже в пустыне — будочка с надписью: «Еще один шанс. Сыграй!»

Сколько, вы полагаете, оставляют американцы в игорных домах? В год нашего путешествия эта сумма равнялась миллиарду долларов. Читая справку статистики, мы улыбнулись: в миллиарде были и наши 2 доллара 50 центов.

Индустрия игры — это не только роскошные казино и прорва клюющих по зернышку «слот-машин». Игровая индустрия — это еще и гостиницы, бары и рестораны, авиационные линии, вокзалы, ночные клубы, бассейны... Кто этим владеет? Щупальцы игорного бизнеса длинные. Все, кто сумел присосаться к злочным местам пустыни, внакладе не остаются. Но пиявкам, говорят африканцы, достаются лишь капельки крови, крокодил же глотает большими кусками.

Назовем человека, кому от игорного бизнеса достаются большие куски. Официальная справка. «Говард Хьюз. Возраст — 67. Миллионер по наследству. Владеет авиационной линией «Хьюз эйр уэст», рудниками, гостиницами, игорными домами в Лас-Вегасе и Рино». Неваду называют «империей Хьюза». В империи цветут воровство и мошенничество. Сам Хьюз обвиняется в неуплате налогов со своих барышей (худшее преступление в Америке!). Богач, в свою очередь, возбудил скандальное дело против управляющего делами Роберта Мейхью, который «слишком уж беззастенчиво грабил хозяина». А управляющий, как прояснилось, когда катушку стали раскручивать, состоял в нежной дружбе с губернатором штата... Такие дела в пустыне Невада.

Говард Хьюз, между прочим, имеет некое сходство с нашим знакомым, бродягой Слотсом Говардом. Оба любят пустыню. Оба страстные путешественники. Обе фигуры несколько эксцентричные. Но Хьюз ведет с Америкой игры в прятки — много лет никому не показывается, говорит только по телефону. Слоте Говард, напротив, старается всячески

привлечь к себе внимание, этим только и кормится. Доход владельца двух осликов — случайный доллар. А Говард Хьюз, возможно, даже не знает, сколько у него «в кошельке». В справочной книжке о Хьюзе сказано кратко: «Миллиардер. Один из самых богатых американцев».

Между двумя полюсами (Слоте Говард на осликах — Говард Хьюз на личном комфортабельном самолете) живет в пустыне Неваде и трудовой люд: пастухи, рудокопы, обслуживающий персонал на военных базах, танцовщицы, повара, электрики, мойщики автомобилей и чистильщики ботинок... В Америке каждый хочет разбогатеть. Но в пустыне климат особый — богатеть хотят быстро. Однако решать проблему хождением в казино никто тут не будет, это иллюзии для аезжих. Ищут другие пути.

С одним из жаждущих быстро разбогатеть мы познакомились, уже покинув Рино. Проезжая по Калифорнии, заглянули в газеты. Огромные заголовки сообщали о грабеже. Рядовое для Америки происшествие, но с финалом трагикомическим, прямо в опереточном духе Рино.

2 июня в городе приземлился пассажирский «Боинг-727», совершавший полет по маршруту Нью-Йорк — Сан-Франциско. Житель Рино, служащий казино «Харра» Робб Хедди («22-х лет, рост 180, худощав, воевал во Вьетнаме») захватил самолет и, угрожая бомбой, потребовал 200 тысяч долларов и два парашюта. Власти начали оттягивать время — в местном банке таких денег, мол, нет. «Потрясите игорные автоматы!» — приказал Хедди. Мешок с деньгами и два парашюта доставили в самолет. Насмерть испуганных пассажиров служащий казино отпустил, оставив заложниками пилотов и трех стюардесс. Ночью «боинг» поднялся. Робб Хедди выпрыгнул с парашютом... А когда над пустыней поднималась заря, этот малый увидел, что окружен полицейскими. Оказалось, парашюта незадачливому грабителю подсунули с радиодатчиками. Пока он спускался, квадрат

приземления засекли. Парень покорно ступил под своды закона

— А деньги? Давайте-ка деньги, — сказал детектив.

— Деньги... Денег у меня нет.

— Это как же?

Денег у парня действительно не было. Когда парашют раскрывался, руку рвануло так, что мешок отскочил. Бедолага грабитель признался, что в поисках денег на коленях ползал всю ночь. Вывихнутая рука и подранные штаны свидетельствовали: говорит истину. Стали искать мешок и скоро нашли.

Такова «жемчужина Невады», опереточный город Рино. Если бы планета Земля вынуждена была время от времени приносить жертвы какому-нибудь космическому дракону, с городом Рино можно было бы расстаться лишь с очень маленьким сожалением.

Что же еще о пустыне? В географическом смысле земные пустыни, к сожалению, растут. Растет Сахара. Растут пустыни континента Евразии. Не является исключением и Америка. Триста лет назад пустыни на континенте занимали два с половиной процента. Сейчас они занимают десять процентов. Причина: хозяйственная деятельность человека и, в частности, казалось бы, безобидная вещь — овцеводство. Перевыпасы начисто разрушают хрупкий покров земли. То, что вчера было всего лишь засушливой зоной, сегодня пустыня. Еще больший урон хрупкой растительной жизни наносит всякого рода вездеходная техника. Следы от гусениц и колес в засушливых зонах не исчезают многие годы и часто дают начало мертвым пространствам песка и глины. Если не изменяет память, кажется, в штате Юта мы видели скромный плакатик, изготовленный, как видно, местным философом. Мысль на фанерной дощечке была очень древней: «Человек идет по земле, а пустыня следует за ним по пятам».

Америка в объективе

Фотографическая часть книги,
Образы того, что встретилось по дороге, —
снимки, карты и документы.
Большинство фотографий сделано
авторами.
Другая часть снимков взята
из американских изданий,
перечислить которые тут,
к сожалению, нет возможности.
Иллюстрации с пояснительным
текстом расположены так,
чтобы было понятно, к какому
из очерков они относятся.
На этом первом листе вы видите
фотоснимок Земли.
Ставший уже привычным снимок.
И все же глядеть без волнения на него
невозможно.
Этот голубоватый, летящий в черноте космоса
шар — наш общий Дом.
Общий Дом всего человечества.
Мы хорошо теперь видим,
как, в сущности, невелика Земля.
Все мы, на ней живущие, —
близкие соседи. И Земля у нас только одна.
Вывод из этого прост:
общий наш Дом надо беречь, надо хорошо
его знать, надо в нем жить, избегая
разрушительных ссор.
На первом листе фотографического
приложения вы видите также лица
двух молодых людей.
Это студенты, беседой с которыми
начата книга.

Эта карта Соединенных Штатов — своеобразный «фотопортрет» страны. Она составлена из множества фотоснимков, сделанных с борта космического корабля

Два года спустя

Вот и все. Еще два листа, и книга окончена... После путешествия работа над ней длилась два года. Мы встречались в Москве, вместе совершили еще одно путешествие (на этот раз на самолете) на северо-запад США. Убедились: жизнь за эти два года на месте не стояла. И мы почувствовали: заключение в конце книги необходимо.

Обо всех заметных для глаза изменениях рассказать невозможно. Кратко ответим лишь на вопрос: «Если бы мы отправились в путешествие вот сейчас, чего бы мы уже не увидели и что бы увидели нового?» Дорога... Сегодня мы не уложились бы в сроки командировки. Прежние скорости ограничены. Там, где можно было лететь с ветерком — 130 километров и даже быстрее (в пустынях), теперь поставлен предел — 80, Америка экономит бензин. Сейчас страсти с бензином немного поулеглись. А прошлой зимой на дорогах разыгрывались подлинные драмы. У колонок длинные очереди, в бак наливают не сколько хочешь, а строго по норме. Скандалы, стрельба, вымогательство у колонок. Причина всему — нехватка бензина. А ведь мы, если помните, собрали в дороге много всяких наград-безделушек, поощряющих покупку горячего. Вот так все быстро меняется. Разумеется, изменилась и цена на бензин

Раньше заправка стоила 5—6 долларов, сейчас она стоит 10—12.

Так с дороги видится одна из граней хорошо известного всем явления под названием энергетический кризис. Кризис заставил американцев экономить не только бензин. Экономится всякое топливо, экономятся электричество, тепло в домах, школах, учреждениях. Белый дом подает пример экономии — демонстративно вывинчена каждая вторая лампочка освещения.

Энергия — фундамент всей экономики. Огромная техническая держава, привыкшая ни в чем себе не отказывать, оказалась вдруг на мели. Сейчас усиленно ищут новые виды энергии (вспомнили и об угле, которым пренебрегали, предпочитая более удобную в потреблении нефть). Ну и, конечно, к рукам прибирается нефть всюду, где можно ее добыть. Спешно идет освоение нефтеносного района в штате Аляска. Горячие головы предлагают военной силой взять под контроль арабскую нефть.

Энергетический кризис был назван в США «проблемой № 1». Однако он оказался лишь частью общих экономических затруднений, точнее сказать, острой болезни. Главные симптомы ее: безработица и инфляция. Эти два недуга дополняют друг друга, образуют замкнутый круг, из которого лихорадочно ищут выход.

Инфляция на простом языке — обесценивание денег и вздорожание продукции, растущее дорожание всего, что продается: стали, текстиля, пищи, энергии, детских игрушек, билетов на зрелища и всякого рода услуг.

У кого что болит, тот о том и говорит. Об инфляции в США эти два года говорят комментаторы телевидения, экономисты, представители власти, домашние хозяйки, всякого рода эксперты и даже дети. Вот что такое инфляция в понимании девятилетнего Филиппа Гомперца (отец Филиппа — журналист из Лос-Анджелеса — собрал изречения сына в ставшую популярной брошюру). «Инфляция — это когда дают на мороженое 15 центов, а оно стоит 24», «Инфляция — это когда мама берет тебя в магазин, но красивых воздушных шаров не покупает». А вот что говорит о том же самом глава государства — президент Форд «Наша экономика находится в трудном положении. У нас серьезный спад. Производство сокращается, и растет безработица. Инфляция грозит стать более сильной, чем та, которую можно было бы терпеть длительное время».

Что означала бы инфляция для двух путешественников на машине? Самое главное: свои командировочные-суточные нам бы пришлось расходовать осмотрительней. Подорожало все. За банку кока-колы пришлось бы платить не 20 центов, а 30. За бумажный бидон молока, который мы обычно клали в машину на ужин — не 51 цент, а 78. Пакет сахара (2 килограмма примерно) стоил 1 доллар и 40 центов, сейчас — 4 доллара и 15 центов. И так все, начиная от цен на сталь и кончая салфетками из бумаги. Дороже стали газеты (к тому же заметно потощавшие — нехватка бумаги!). Дороже стоят билеты в кино, на самолет, дороже стоит ночлег в мотеле, еда в закусочной. На 200 долларов дороже мистеру Стрельникову по наведенным справкам стоило бы теперь удаление аппендикса. На вопрос: «В чем причина подорожания врачебной помощи?», нам ответили: «Ну как же, все одно с другим связано. Сейчас больница только за электричество платит на 34 процента больше, чем в 1972 году, а плата за отопление выросла на 76 процентов. И ничто за это время не подешевело».

Считают, что инфляция «больно бьет по каждому американцу». Но, разумеется, боль боли рознь. Один под ударом инфляции передумал покупать дорогую яхту и отложил поездку на модный курорт. Другого инфляция вместо обычной пищи заставляет покупать собачьи консервы.

Особенно сильно страдают всеми забытые старики пенсионеры и те, кто знал голодные дни даже в лучшие времена. Вот что увидел в Майами-Бич (тут оседают одинокие старые люди) журналист вашингтонской газеты: «Правила и манеры цивилизованного общества здесь отброшены в сторону и забыты. Старики выстраиваются в очередь к семи часам утра... Когда двери открываются, начинается свалка, ругань, давка и слезы. Старики и старухи дерутся, как дети». Речь идет об очереди за похлебкой.

В столь же трудном положении оказались и семейные люди, лишившиеся работы, а безработица, как образно пишут, «пляшет вместе с инфляцией». Положение, правда, смягчается довольно высокими пособиями по безработице, но они временные. И потому кормилец семьи в смятении: найдется ли дело его рукам?

Сколько таких людей? Наш попутчик в штате Западная Вирджиния два года назад входил в довольно постоянные «4,8 процента лишенных работы людей». Сейчас безработица выросла до 7,5 процента и продолжает расти. И это средние по стране цифры. Есть районы, где число безработных достигает 12 процентов.

Анализируя сложившееся положение, влиятельный сенатор Майк Мэнсфилд заявил, что Америка может оказаться перед лицом кризиса столь же опустошительного, как и «великая депрессия» 30-х годов. «Уже звонит колокол, — сказал он, — и мы знаем, по ком он звонит».

Таковы главные примечательные явления в жизни Америки за минувшие два года. В это же время американцы пережили острую политическую борьбу, связанную со злоупотреблением исполнительной властью. Как раз во время нашего путешествия в газетах появилось маленькое сообщение о том, что в Вашингтоне, в жилом комплексе Уотергейт, где размещалась штаб-квартира кандидата в президенты от

демократической партии Макговерна, неизвестные люди пытались установить подслушивающие устройства. На эту заметку немногие обратили внимание — мало ли в политической жизни страны всякого рода подслушиваний. Но после избрания президента «уотергейтское дело» снова замелькало на страницах газет. И стал разрастаться большой скандал. В борьбу были вовлечены конгресс, Верховный суд, пресса и телевидение, а также многие скрытые силы. Более года Америку, казалось, ничто не интересовало больше, чем «уотергейтское дело», фитиль которого подожгли два рядовых репортера из «Вашингтон пост». Большой скандал окончился, как известно, первым за всю историю США уходом президента в отставку.

Важный вопрос, как Америка принимает и понимает сейчас процесс разрядки в отношениях между нашими странами, сохранился ли дух доброжелательства, который мы ощущали во время путешествия и о котором рассказали в очерке «Задержитесь на час...»? Да, подавляющее большинство американцев вполне понимает: другого разумного пути в наших отношениях нет. Альтернативой добрососедству может быть только «холодная война» с угрозой перерастания в ядерную катастрофу. «Мы должны ладить, должны сотрудничать» — так считает средний американец. Опросы общественного мнения показывают: 8 из 10 жителей США думают именно так, один думает иначе, и один еще не решил. К этому пульсу общественного мнения мы внимательно прислушивались во время второй поездки в США осенью 1974 года. На северо-западе в штатах Вашингтон и Орегон мы встречались с политиками, деловыми людьми, администраторами, учеными, докерами, учителями и журналистами. Все беседы проходили в дружественной обстановке с обоюдным пониманием «Улица добрососедских отношений должна иметь двустороннее движение» — нужна взаимовыгодная торговля, обмен культурными ценностями, важно сотрудничество во всех сферах жизни, важен каждый шаг, разрушающий подозрение, укрепляющий дружелюбие. На этом пути немало сделано за два года. В несколько раз вырос объем торговли во

много раз увеличился обмен информацией по разным областям человеческих знаний, заключены долгосрочные контакты по техническому сотрудничеству.

Если бы мы сейчас отправились в автомобильное путешествие, то, конечно бы, заглянули в Питтсбург, где американские и советские инженеры просматривают документацию поставок оборудования на автомобильный завод в Набережных Челнах. Интересно было бы поговорить с директорами и президентами американских фирм, открывших свои представительства в Москве. В городе Сент-Луисе мы могли бы встретить советских и американских специалистов по охране среды. В Батавии под Чикаго сообщают работают ученые-атомники. А в городе Хьюстоне полным ходом идет подготовка к совместному полету в космос по программе «Союз—Аполлон».

Таковы многочисленные животворные каналы разрядки. Но было бы ошибкой закрыть глаза и на активное противодействие этому процессу. За два года по телевидению и в газетах, по всем каналам массовой информации было произнесено несчетное число внушений, запугиваний, «консультаций» и «особых мнений», было напечатано несчетное число статей и заметок с попыткой затормозить, а иногда откровенно оболгать процесс оздоровления международной жизни. С попытками вставить палку в колесо поступательного движения разрядки выступали и не очень дальновидные законодатели США. Жизнь показала: процесс разрядки требует от всех заинтересованных в нем людей терпения, усилий и убежденности, другого пути не дано. Советский Союз готов к упорному, терпеливому восхождению в гору. Есть надежды, что и политическая Америка более внимательно прислушается к воле человеческого большинства («8 из 10»), которое верит, мирная жизнь на Земле возможна.

Теперь беглые замечания постфактум по поводу разных моментов, упомянутых в книге. Происходит дальнейшее охлаждение прежней большой любви американцев к автомобилю. Возникшая ранее неприязнь — «это он главный виновник загрязнения воздуха» — теперь подкрепилась сознанием. «Американский авто-

мобиль — ненасытный пожиратель горючего». Спрос на автомобили (особенно на автомобили больших моделей) резко понизился. Зато растет увлечение велосипедом. К моменту, когда выйдет в свет эта книга, американцы будут иметь 100 миллионов велосипедов, почти столько же, сколько легковых автомобилей. Почти каждый второй американец, включая стариков и детей, будет иметь велосипед. «Пересадка» из автомобиля на велосипед всячески поощряется. Губернаторы штатов в пример согражданам заводят велосипеды. И даже президент Форд (большой поклонник спорта и в прошлом хороший спортсмен), возможно, решил бы поддержать примером всю нацию, если бы не соображения безопасности Президент вынужден ездить в бронированном автомобиле.

Преступность... По-прежнему ли стреляют? Да, проблема осталась такой же острой, как и была. Едва ли не самые популярные за два года фильмы «Крестный отец» и «Жажда смерти» рассказывают о растущем насилии. Первый поднимает занавес над жизнью американской мафии, второй фактически призывает к самозащите. «Не дожидайтесь помощи полицейского, стреляйте сами». Фильм попал в точку и имеет огромный успех. Власти, однако, видят опасность в повальном вооружении. В Балтиморе и Вашингтоне сделана попытка заставить население сдать оружие. Назначили хорошую плату за каждый сданный пистолет и винтовку. Однако охотников разоружиться оказалось немного...

Фермеру Миллеру мы написали письмо с просьбой рассказать, как идут дела на земле. Ответа, однако, не получили. Возможно, дефекты почты тому причина, возможно, фермер решил промолчать, но, может быть, Миллеры на ферме уже не живут — процесс разорения мелких хозяйств, о котором мы рассказали в очерке «Человек от земли», продолжается.

Зато в Вашингтон и в Москву пришли вести из Ситон-Вилладж штата Нью-Мексико. Дочери писателя Сетон-Томпсона мы послали экземпляры журнала «Наука и жизнь» с рассказом о Сетон-Томпсоне, о дружеской встрече в его доме. Ди Барбара и ее муж пишут, что были

рады получить весточку из Москвы, рады были узнать, что в Советском Союзе знают и любят их отца.

Знаменитые белые журавли, о которых мы рассказали, по-прежнему под неусыпной заботой ученых и всех жителей США, число их на несколько птиц опять возросло. Теперь ученые предпринимают попытку выводить журавлей не в неволе, а класть их яйца в гнезда журавлей другого вида. Таким образом, есть надежда побудить птиц гнездиться в новых районах.

Из Йеллоустонского парка пришло сообщение. «Медведей-попрошак тут больше нет, всех выловили и переселили в другие районы. Туристы едва не плачут» Ну и последнее. Как поживают студенты-географы Сюзанна Ледярд и Виктор Поповнин, беседой с которыми начата книга? Мы навели справки. Сюзанна Ледярд из-за материальных затруднений год не училась. Но, заработав денег, снова вернулась в университет. Однако учится на вечернем отделении, чтобы днем можно было работать. На судьбу она не пожаловалась «Все будет о кэй. Я добьюсь своего». Наша беседа с Сюзанной и Виктором была перепечатана из «Комсомольской правды» университетской газетой. Сюзанна немного гордится неожиданной популярностью и сказала, что теперь она уже совсем иначе бы ответила на вопросы. Виктор Поповнин без осложнения перешел на четвертый курс, побывал в нескольких экспедициях, сказал, что все у него идет нормально.

Этим мы и закончим книгу. Работали мы над ней с увлечением. И надеемся, книга будет служить добру делу укрепления дружеских связей советских и американских людей. Более благородной цели для журналиста нет.

В заключение приведем слова Л. И. Брежнева, сказанные им по американскому телевидению. «Чтобы жить в прочном мире, нужно поверить друг другу, а чтобы поверить, нужно узнать друг друга». Этой хорошей мыслью мы руководствовались в работе.

В ПЕСКОВ, Б.
СТРЕЛЬНИКОВ

В а ш и н г т о н — М о с к в а ,
д е к а б р ь 1974 г о д а

Песков В. М. и Стрельников Б. Г.
П28 Земля за океаном М, «Молодая гвардия», 1975
288 с, с ил.

Книга известных советских журналистов В Пескова и Б Стрельникова — рассказ о путешествии по Америке Авторы проехали на автомобиле пятнадцать тысяч километров по двадцати шести штатам страны Маршрут пролегал по многим географическим и природным зонам вдоль Великих озер по пустыням Скалистым горам по Великим равнинам и южным лесам тихоокеанскому и атлантическому побережьям Америки

Природа—главный объект внимания путешественников Однако из поля их зрения не выпадают и люди их быт образ жизни а также приметы социального устройства Америки

Эта книга—репортаж об увиденном и любопытное исследование с привлечением фотографии исторических документов и справок

п 11105-232^{12^}75
078(02)—75

32И

Василии Михайлович Песков и Борис Георгиевич Стрельников
ЗЕМЛЯ ЗА ОКЕАНОМ

Редакторы Л Антупина Н Притупина

Художник Б. Жутовский

Художественный редактор Н Коробейников

Технический редактор Н Михайловская

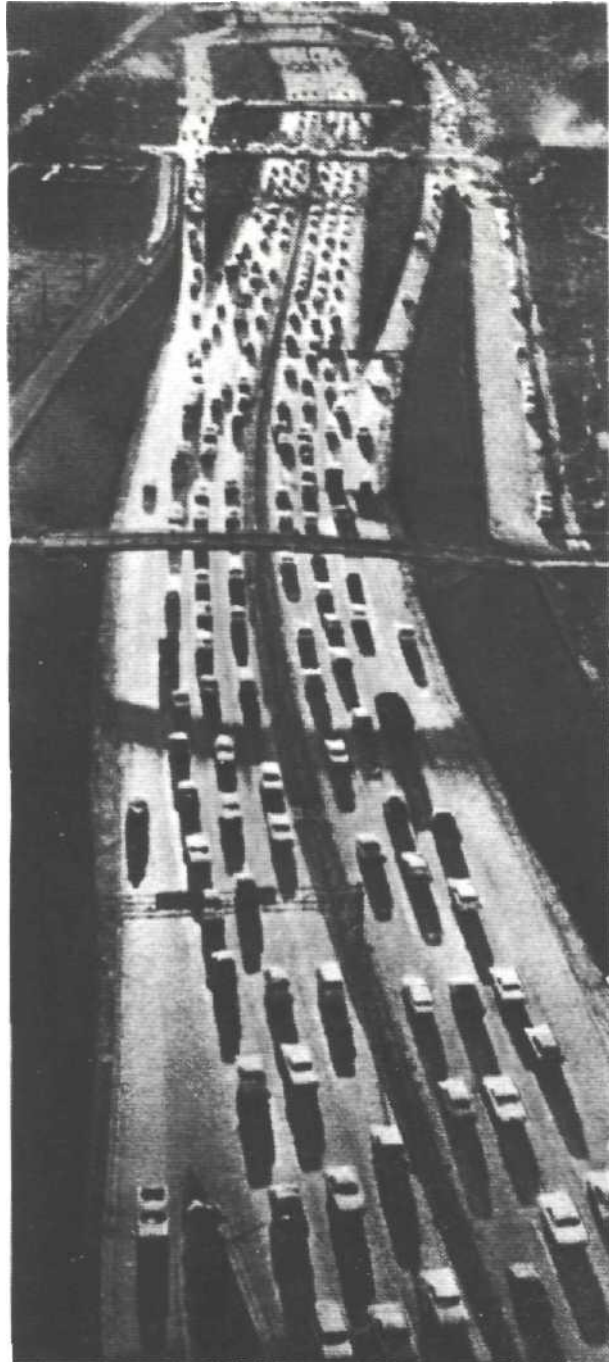
Корректоры З Харитонова Г Василева

Сдано в набор 5/11 1975 г Подписано к печати 29/VIII 1975 г А01404 Формат 70 х90у₁₆ Бумага № 1 Печ л 18 (уел 21 06) + 32
вкл Уч-изд л 32 Тираж 100 000 экз Цена 2 р 24 к Т П 1975 г № 128 Заказ 2755

Типография издательства ЦК ВЛКСМ Молодая гвардия Адрес издательства и типографии 103030 К-30 Суцевская
21 Фото отпечатаны на Калининском ордена Трудового Красного Знамени полиграфическом комбинате

СТУДЕНТЫ СЮЗАННА ЛЕДЯРД И ВИКТОР ПОПОВНИН





ДОРОГА

Вот оно. бетонное полотно с летящим потоком автомобилей. Не всюду дороги так же заполнены. Случалось, за день встречали не больше десятка машин. И были моменты, когда автомобили сбивались в плотную массу одна к другой и движение замирало. Особенно часто пробки случаются в городах. Специальная служба на вертолетах регулирует автомобильные реки. Дорожные остановки по разному поводу... Разговор с полицейским о недовольной скорости. Дорожный осмотр и заправка нашей автомашины. Несчастный случай (люди не пострадали)! Предупреждение остановиться ввиду ремонта шоссе Ворота где за проезд по дороге взимают плату И городской переход где полнота власти в руках у дежурного школьника

ОТ ВАШИНГТОНА ДО ВАШИНГТОНА

Лицо Америки Десяток снимков *не* может, к сожалению передать всего что бежало по обе стороны от дороги Мы видели горные перевалы тоннели в горах, чашу душных лесов, паромные переправы, районы добычи нефти и поели рыбы поливные земли в пустынях, океанские побережья безлюдные места и тесноту поселении идущих почти непрерывной цепочкой — одно за другим. Вот два пейзажа перевал с лесными далями в Калифорнии и вечерний Чикаго На другой странице вы увидите лес речку и мост в Аппалачах лошадь на мелководье в озерном краю, пустынный песок Довольно часто видишь одноэтажный завод или фабрику с шаром водонапорной башни Характерной деталью равнинных пейзажей являются рожицы фермы силосные башни элеваторы ветряки хранилища кукурузы. Нетронутые земли национальных парков Ухоженные поля и плантации Аккуратные постройки и хозяйственные леса. Это Америка которой любишь и которой американцы имеют право гордиться Но тут же рядом

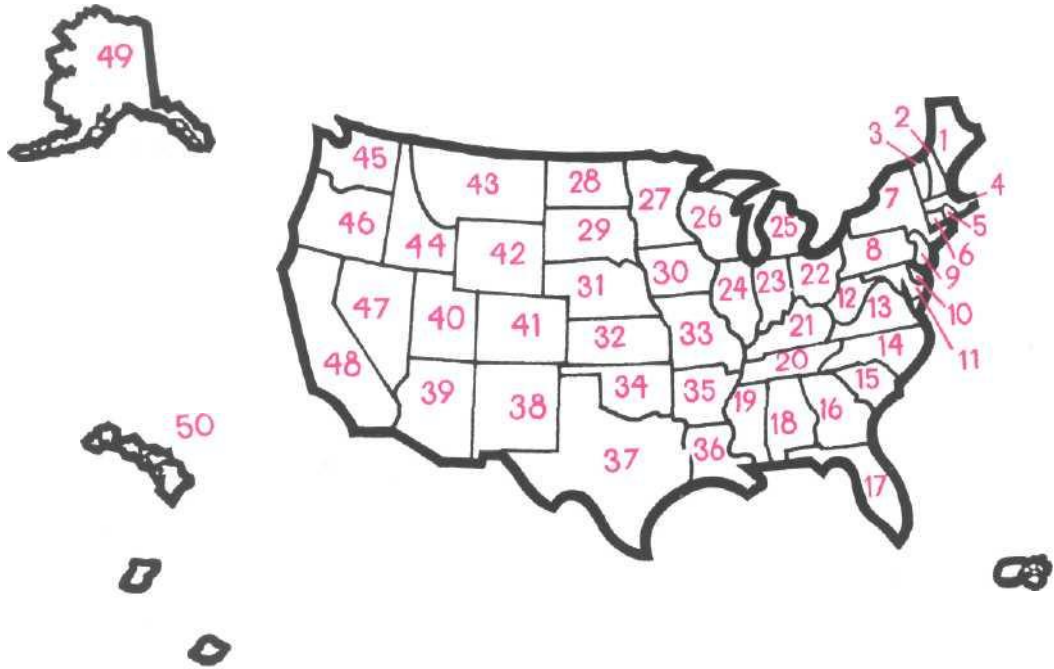






...И тут же рядом, к сожалению, характерный пейзаж: указатель на свалку автомобилей и сама эта свалка. Сколько таких вот кладбищ железа и всяких отбросов видели мы за дорогу! Обочины дорог, окраины городов, берега рек завалены хламом. Эти горы отбросов растут. С каждым годом их становится больше и больше. И никто не знает, куда их спрятать. Это второе лицо Америки.
На н и ж н е м с н и м к е — Нью-Йорк, знаменитый город Земли. Лет триста назад на этом месте, пишут, гнездились утки и кулики





РСФАСОВАННЫЙ МИР

В книге мы часто упоминали названия штатов. Эта карта поможет вам ориентироваться и запомнить. Арканзас и Канзас — это разные штаты. Висконсин — это район Великих озер, а Вайоминг — Северо-Запад. Есть просто Вирджиния, а есть Западная Вирджиния, Дакота Северная и Дакота Южная. Найдите на карте нужную цифру и сразу будет понятно о каком районе страны идет речь 1 Мэн 2 Нью-Хэмпшир 3 Вермонт 4 Массачусетс 5 Род-Айленд 6 Коннектикут 7 Нью-Йорк 8 Пенсильвания 9 Нью-Джерси 10 Делавер 11 Мэриленд 12 Западная Вирджиния 13 Вирджиния 14 Северная Каролина 15 Южная Каролина 16 Джорджия 17 Флорида 18 Алабама 19 Миссисипи 20 Теннесси 21 Кентукки 22 Огайо 23 Индиана 24 Иллинойс 25 Мичиган 26 Висконсин 27 Миннесота 28 Северная Дакота 29 Южная Дакота 30 Айова 31 Небраска 32 Канзас 33 Миссури 34 Оклахома 35 Арканзас 36 Луизиана 37 Техас 38 Нью-Мексико 39 Аризона 40 Юта 41 Колорадо 42 Вайоминг 43 Монтана 44 Айдахо 45 Вашингтон 46 Орегон 47 Невада 48 Калифорния 49 Аляска 50 Гавайи. Эта маленькая карта-схема не способна рассказать много. И все же обратите внимание северо-восточные штаты, как правило небольшие Крошка Род-Айленд (5) просто еле заметен. Лежащие к востоку от Миссисипи штаты граничат по рекам. А штаты на западе нарезаны по линейке (Тут землю делили до того, как ее исследовали). Техас (37), как видите, в самом деле огромный штат Великая Калифорния (48). В виде кобуры пистолета выглядит штат Айдахо (44). А в квадрате под номером 42 в верхнем левом углу расположен Йеллоустонский национальный парк, о котором вы прочитали. В этом же штате, в северной его части мы охотились на мустангов. Индейцы встречались нам в пустынных и полупустынных штатах (29 38 39. 41) Географический центр Америки (точно рассчитанный и отмеченный) находится в северной части штата Канзас Самая близкая точка Америки к нашей земле находится на Аляске (49).

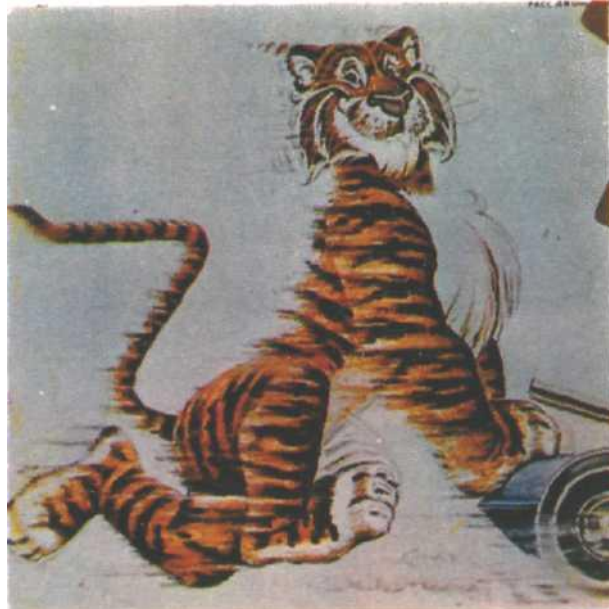
На ф о т о г р а ф и я х с л е в а — примеры того, как каждый из штатов себя рекламирует Вирджиния для любви - Эту надпись повсюду видишь а штате Вирджиния, но она кочует и по стране — на майке, на бампере автомобиля, на сумке, на полотняном кар্তুзике и значках. Почему именно Вирджиния хороша для любви никто не может сказать. Да и важно ли, в чем тут дело. Главное — иметь ярлычок-образ



БОГ-РЕКЛАМА

Тот самый жизнерадостный тигр, о котором шла речь, который двигал торговлю бензином и сделался символом умения рекламировать. Изображения тигра Америка видела всюду на дорожных щитах на экранах, на разного рода проспектах и упаковке.

Еще примеры. В таком галстуке ты орел!» — внушает реклама. Повешенный манекен остановит вас на пустынной дороге. А эта смешная рожа рекламирует фотокамеры. Почему фотокамеры? Так получилось. Важно остановить внимание покупателя, средства для этого могут быть самые неожиданные.



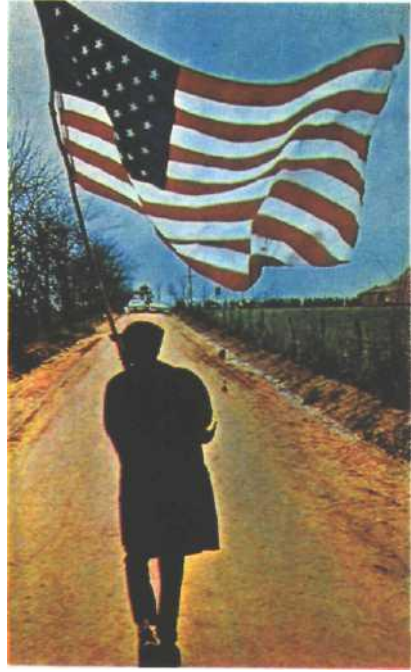
ОТ ВЫСТРЕЛА ДО ВЫСТРЕЛА

Символический снимок. Силуэты двух знаменитых братьев Джона и Роберта. Оба погибли от пуль. Одного сразил снайпер издалека другого убили в упор.

Можно назвать еще целый ряд знаменитых людей страны, погибших от пуль. К «рядовым» ежедневным убийствам привыкли. Смерть же известного человека вызывает всеобщее возбуждение в чем причина? Об этом говорят, пишут, известные институты общественного мнения проводят различные исследования. Каждый раз делается заключение одна из причин — доступность оружия. А вот оружие. Снимки мы сделали в городе Санта-Фе и в Нью-Йорке. В Нью-Йорке эти ножи продаются вместе с пластинками, сигаретами и непристойными журнальчиками. Ходовой, доступный любому товар. В Санта-Фе на витрине лежат пистолеты самых разных систем и на разную цену. За спиной продавца рядами стоят винтовки с оптическим прицелом и без него, тоже на разные цены.

Оружие делают и продают для того, чтобы стрелять. И оно стреляет. Стреляет на сцене и на экране. Стреляет и в жизни, иногда на глазах миллионов людей. Вот сцена убийства Освальда. Стреляет Руби. Вся Америка видела по телевидению этот момент. В конечном итоге нет Джона Кеннеди, нет Освальда, нет и Руби. Такова цепочка насилия. Какое же мужество надо иметь — идти по дорогам вот с этим флагом, защищая свои права. В любой момент может прогреметь выстрел. Никто не знает что же следует предпринять в стране где люди вооружаются друг против друга. И можно ли что-нибудь предпринять там, где насилие — норма жизни?



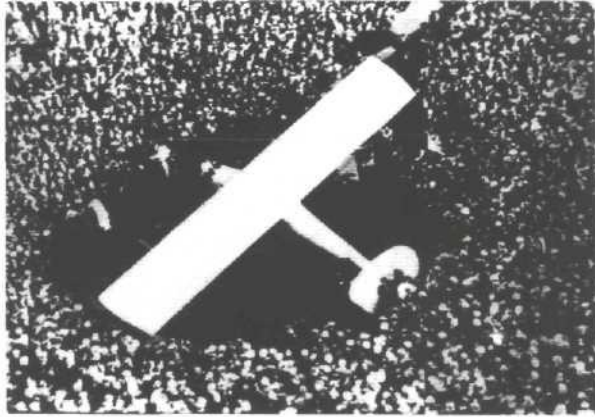




ОТ КОЛЫБЕЛИ И ДО СЕДИН

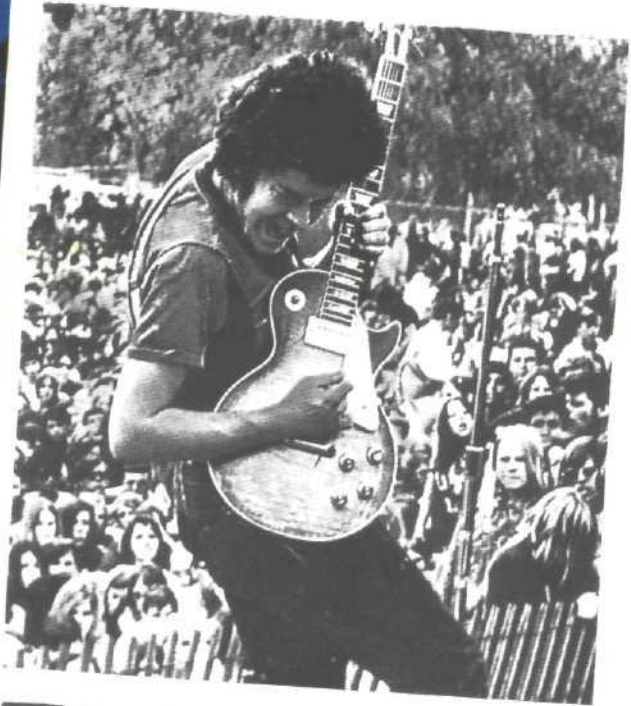
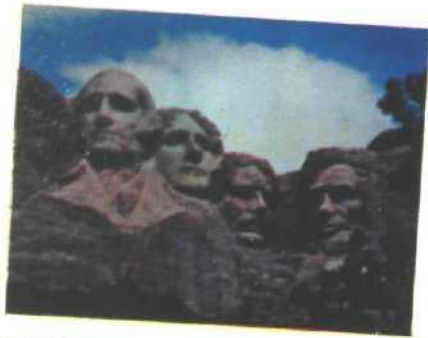
Рассмотрите внимательно фотографию слева. Это состязания. Состязания малышей. Никто из них еще не может ходить. Только ползком. Ребенок способен добраться к барьеру и раньше других завладеть игрушкой, которой хочется завладеть. Мы не знаем это опыт психологов или соревнования пробуждающие способность - не упустить свое. Так или иначе фотография символична. С раннего возраста человек приучается к жизненной гонке - Опережай! Не успеешь - тебя обойдут. С раннего возраста ребяташек приучают также и к технике. В семь лет мальчишка ездит на моторной коляске. Ребяташек чуть старше мы встречали за рулем трактора. А вот Дэвис Пейпер о котором вы прочитали. Тринадцатилетний подросток может водить самолет. Труд с детства - тоже неперемное условно воспитания. Никакая работа не считается тут зазорной. Вот студентка чистит и заправляет автомобили. Ее заработок может идти на оплату учебы. Но возможно семья ее и не бедная. Все равно половину каникул она будет трудиться. Труд человека не портит. Эту истину знает каждый американец. Трудом простых людей создано все лучшее в Америке. И нет в жизни человека большего несчастья, чем лишиться работы. А такое случается. Отчасти по этой причине американцы в последние годы предпочитают жизнь кочевую. На с н и м к а х с п р а в а - дом на колесах и стоянка таких домов. Многие семьи живут вот так сегодня - тут, завтра - на новое место. В Аризоне мы познакомились с семьей архитектора Дика Розенберга и провели вечер в колесном доме. Уже много лет эта семья кочует по штатам.





ИЗВЕСТНОСТЬ

Есть люди, известность которых завоевана подвигом долгим упорным трудом, выдающимся дарованием Америка знает таких людей. Вот Пири достигший полюса. Ученый-атомник Оппенгеймер. Борец и мученик Мартин Лютер Кинг. На снимке вверху — триумф пилота Чарльза Линдберга впервые пролетевшего над океаном в Европу. Внизу — Эдисон, писатель-натуралист Берроус и знаменитый Форд Навечно в камне, в горах запечатлели американцы четырех знаменитых своих президентов Вашингтона Джефферсона, Рузвельта, Линкольна Можно назвать десятки других людей широко известных в Америке и прославивших свою страну за ее рубежами Астронавты побывавшие на Луне Марк Твен, Джек Лондон Хемингуэи, Поль Робсон и Чарли Чаплин. Это слава Америки



А вот примеры другой популярности. Она создается рекламой поклонением фанатичной толпы, расчетами коммерсантов. Нередко такая известность (как это было с Мэрилин Монро) кончается жизненным тузиком. Но велико искушение выпить сладкий яд популярности. И к ней стремятся всеми путями, часто очень курьезными. Пройти Америку от побережья до побережья пешком, выкурить сразу сотни две сигарет, проглотить живых рыбок, пройти над улицей по канату, просидеть на столбе три недели или вот так голышом пробежаться в людном месте. Главное — заявить о себе.



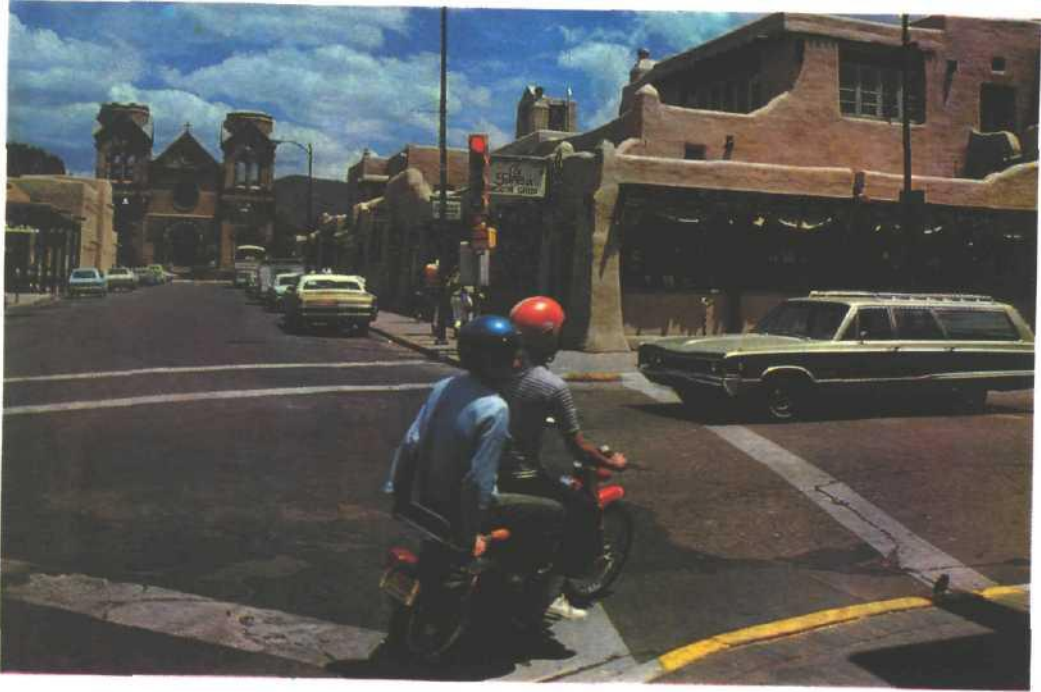
НЕДАВНЯЯ СТАРИНА

На этих снимках — следы истории. Американцы их охраняют и берегут. Вот рубленый дом в старом форте на берегу Онтарио. Тут шла когда-то торговля с индейцами. Вот церковь в городе Санта-Фе. Постройку считают самой старой в Соединенных Штатах. Бережно сохраняется все, что связано с именами великих людей. В штате Кентукки мы посетили деревню и дом, где родился президент Линкольн (смотрите снимок). Видели по дороге памятный знак, где ночевал Вашингтон, проезжали местечко, где жил (вдали от моря) изобретатель парохода Фултон.

Редкий дом в сельских районах Америки не украшен у входа колесами. В такой же чести чугунный котел, седло и муншайнер — самогонный аппарат — память о знаменитом сухом законе. Ну и конечно, всеобщий восторг вызывает старый автомобиль, где бы его ни выставили.

На снимках справа — пушки старого форта в штате Нью-Йорк и уголок старины в городе Санта-Фе.





ГЛАВНАЯ УЛИЦА

Небольшие провинциальные городки Вот справа— главная улица Любого городка может ее считать своею Чтобы как-то нарушить общий стандарт городки себя украшают Кто чем Доисторическим зверем странным дворцом облицованным кукурузой Городку повезло, если в нем жил прославленный человек неважно кто — знаменитый бандит или уважаемый всеми национальный герой Главное — заманить проезжающих

Городок Ганнибал навечно связан с именем Марка Твена Скульптура Тома и Гека стала символом Ганнибала

А Джексону в штате Вайоминг нечем похвалиться Именно тут мы встретили броскую надпись на въезде Джексон Приветствуем вас в этой дыре



ДВА КОЛЕСА

Возрождение велосипеда. На прогулку, на службу в гости — сел и поехал. Эта машина не загрязняет воздух, не потребляет бензина, не создает пробок, не требует места для стоянок, дает работу мускулам (и, значит, дает здоровье), нередко скорее автомобиля доставит вас в нужное место. Так могла бы вешать реклама. Но велосипед в рекламе не нуждается. Его вновь признали и полюбили. Американская промышленность едва покрывает спрос на два колеса. Дети и старики, мамы и папы, бедные и богатые, черные и белые — вся Америка оседлала велосипед.



ЯБЛОКО ИЗ ПЛАСТМАССЫ

Цветочный газон у дороги покрылся пылью и копотью. Его чистят и моют. И все же пластмасса остается пластмассой — не садятся на этот газон ни бабочки, ни жуки, да и глаз человека не радуется этой новинке. В Лос-Анджелесе стадо домашних животных мы встретили в другом районе Америки, в густо населенном поясе восточного побережья. Это не наглядное пособие для учебы, замена живой природы. Скучаешь по телятнику или лошадке — купи вот это и поставь в палисаднике во дворе. Хочешь услышать ржание или мычание — тоже можно устроить. Есть пленки с записью. Всякого рода подделки, цветы, кустарники, деревца, скульптуры животных — коммерция предлагает взамен потесненной человеком природы. Покупают.



ЗАДЕРЖИТЕСЬ НА ЧАС

Люди с которыми мы встречались Их было много Приводим лишь несколько снимков сделанных в ходе бесед Рид Натаниэл. заместитель министра внутренних дел (в белой рубашке над чертежами) Дорожный знакомый Клод Грей с ребятами Стивом и Трети (Грей работает контролером на заводе компьютеров в Калифорнии) С п р а в а в в е р х у — паромщик на озере Эри Чарльз Унтка Чикагский фотограф Томас Уилли Индеец из штата Южная Дакота Харди Двукрылый - старший Зоологе Йеллоустонском парке доктор Хьюстон Просматривая сейчас фотографии живо припоминаешь подробности встреч В министерстве мы были долго К Риду Натаниэлу приходили рыбоводы и архитекторы Он нам кивал Подождите минутку быстро решал дела и мы продолжали беседу Индеец все время был хмур говорил медленно и внушительно Паромщик Унтка предложил покрутить штурвальное колесо трезво и горячо говорил о политике о необходимости жить на земле без войны Н а с н и м к е с л е в а — детишки на ферме в Вайоминге, три сестры Тимми, Бренди и Геи





Монтер в Миннесоте чинил провода. Мы остановились полюбоваться ловкой ладной работой. Тут, у столба, и посидели минут пятнадцать, одолевая друг друга расспросами. У монтера трое детишек, и надо, как он сказал, очень быстро взбираться на столб, чтобы все были сыты.



Старик Юхан Саенсен сторожит свалку, вернее, большой сарай, где на полках лежат еще годные, снятые с автомобиля детали. Старик скучал, и было видно — рад собеседникам. Он достал трубку и стал разминать в нее сигареты. Мы сказали: "Вот так же делал и Сталин". Знаете ли вы, кто это был? — Старик снисходительно засмеялся: "Я, ребята, связистом служил в войсках Эйзенхауэра. Как же не знать!"



На нижних снимках — киномеханик из штата Айдахо Джеф Шлизингер и знакомая вам хозяйка пансионата госпожа Тэйлор на своем желтом тракторе.



И дети — подростки-индейцы, зная, что их снимают, с азартом гоняют по шоссе шину А, внизу — негритянские ребята у фонтанчика для питья в Вашингтоне.

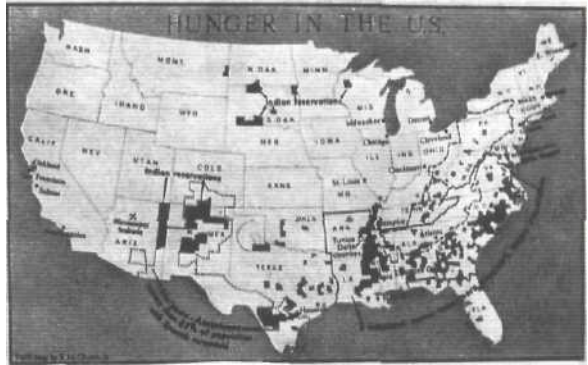
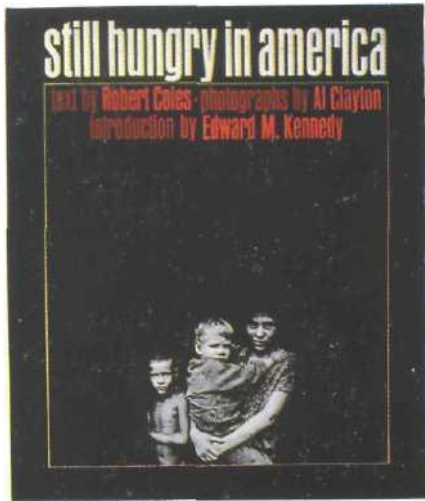




ЧЕЛОВЕК ОТ ЗЕМЛИ

Семья фермера Миллера. Сам хозяин Уоррен Миллер его жена Джойс и дети девятиклассник Джо и десятилетний Джимм. Все четверо были заняты в попе. Только так, усилием всех может еще держаться семейная ферма. Но долго ли? Этот вопрос мы почувствовали, тревожит Миллеров. Старшего сына Джо (он вышел нас проводить до шоссе) похоже, не очень волнует судьба отцовской земли. Он, как заметила мать, смотрит в город. А в младшем сыне родители видят наследника на земле. Вопрос в одном: сумеет ли выстоять эта типичная для Америки ферма под натиском корпораций? Две тысячи разорившихся ферм в неделю — такова статистика процессов охвативших сельскую жизнь страны.



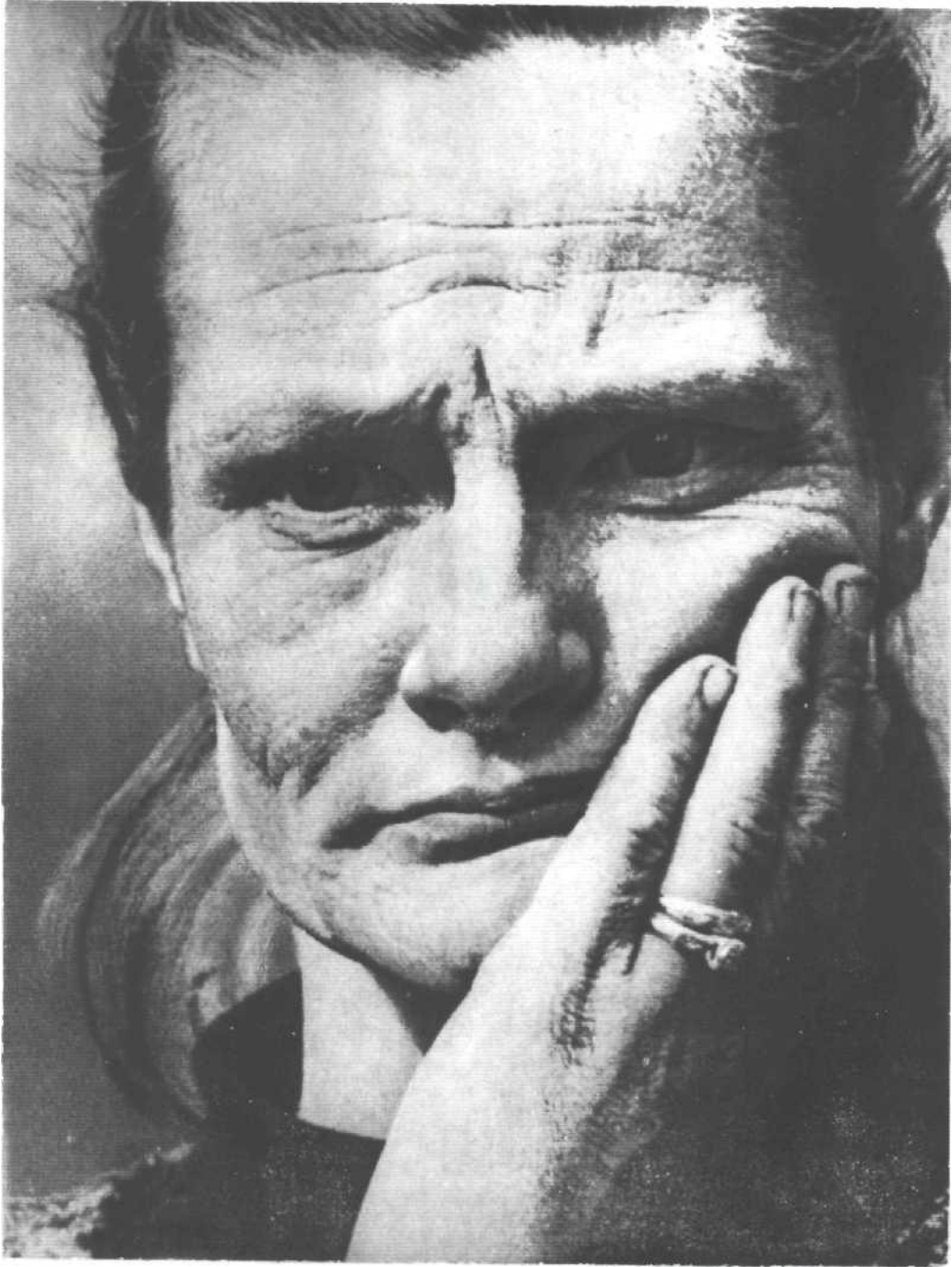


МОЛЧАЛИВЫЙ ПОПУТЧИК

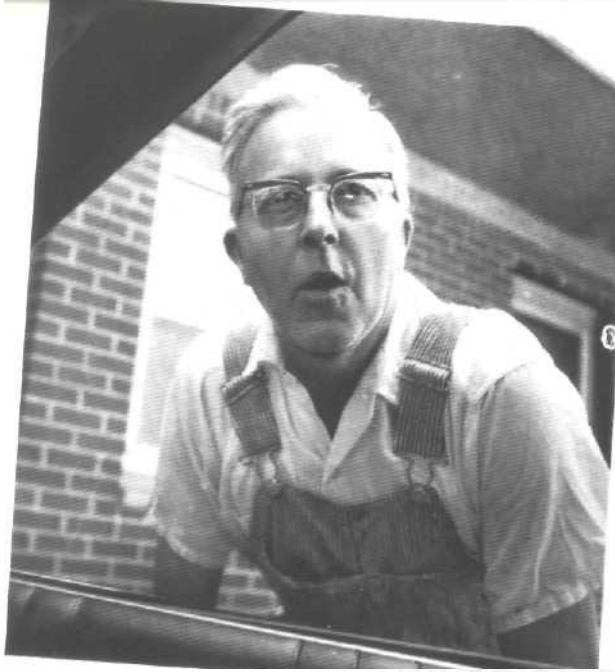
Голодные люди. Может ли быть такое в богатейшей стране? Вот документы. Карта районов где голод — гость постоянный и книга с предисловием Эдварда Кеннеди в которой собраны доказательства крайней степени нищеты. Голодные дети. Старик без всякой надежды в глазах. Молодой парень у которого есть пока силы, здоровье, но он тоже в числе голодающих. Таковы документы, собранные в книгу и предваренные словом сенатора.

Судя по карте болезнь голодания в первую очередь поражает районы где живут негры и где очерчены индейские резервации. Но по снимкам мы видим белых тоже подстерегает голод. Стоит лишь заболеть, лишиться работы или кормильца.





ЭЛЬБА НА МИССИСИПИ



Владелец мотеля в Ла-Кроссе на Миссисипи помнит встречу на Эльбе. Узнав, что мы из Москвы Ганс Даммин поднял руку. Остановитесь. Я должен кое-что рассказать. И рассказал. С волнением рассказав в Москве у фотографа-ветерана мы попросили для книги снимок. Вот так все было на Эльбе в апреле 1945 года. Все так и помнит бывший шофер Ганс Даммин.





ЗА КУЛИСАМИ СЛАВЫ

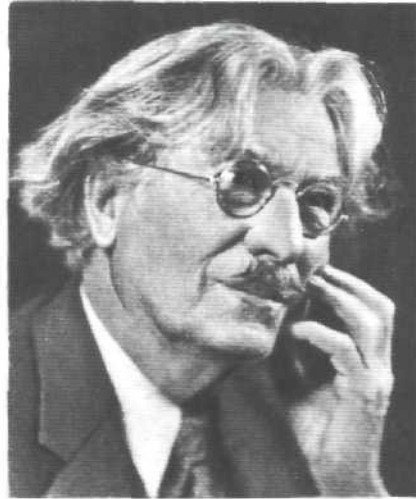
Герои первой высадки на Луну люди, чьи имена никогда не будут забыты. На снимке вверху — Нил Армстронг. Три другие фотографии — этапы жизни Эдвина Олдрина: готовность к полету, шаг по Луне (21 июля 1969 года) и один из последних портретов. Он вполне согласуется с размышлением космонавта о тяжести перегрузок, почти неизбежно идущих за очень большой известностью человека.





КОВБОИ КАК ОНИ ЕСТЬ

Они похожи на тех наездников из кино — статные, ловкие загорелые. Они показали нам бег лошадей, показали как быстро можно связать бычка, как бросить лассо. Они показали нам руки — одна сплошная мозоль на ладони. В профессии пастуха больше труда чем романтики — сказал старший из этих двух.

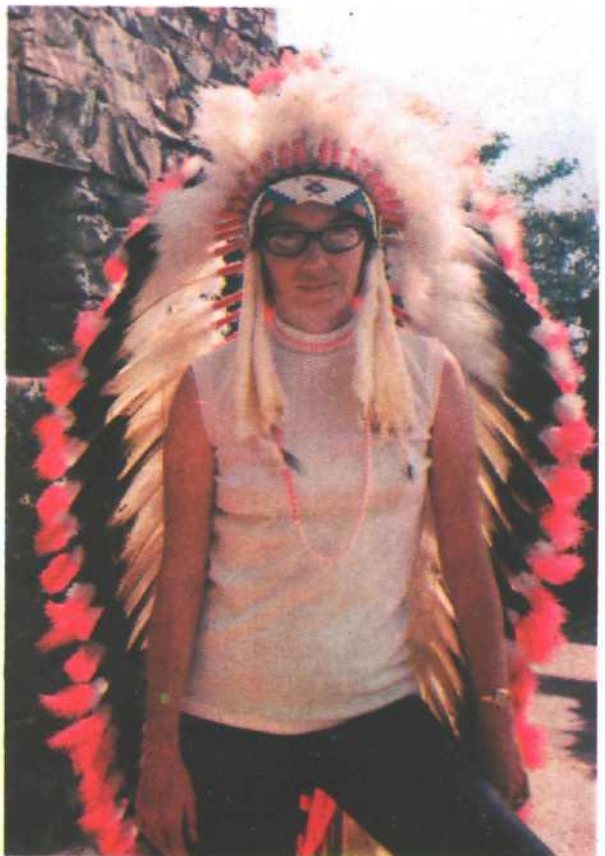


В ГОСТЯХ У СЕТОН-ТОМПСОНА

Прекрасное лицо умного, чуткого, благородного человека. Таким и был любимый писатель нашего детства Эрнест Сетон-Томпсон. А справа дом в окрестностях Санта-Фе, где он жил и работал последние годы. Резьба и роспись наличников на окошках, фруктовый сад, мебель, картины и книги в доме, наряд из перьев (подарок индейцев) — все бережно сохраняется. Все оставлено в том виде, как было при жизни человека, основавшего тут поселение и любившего эти места.

Сейчас в доме живет семья дочери Сетон-Томпсона. На общем снимке справа вверху — вся семья в сборе: Ди Барбара, ее муж Дейл Барбара и внуки писателя: Шерри (крайняя слева), Майк, Даниэль, Джулия. В этом доме нас принимали как желанных гостей.







ДЕВСТВЕННАЯ ЗЕМЛЯ

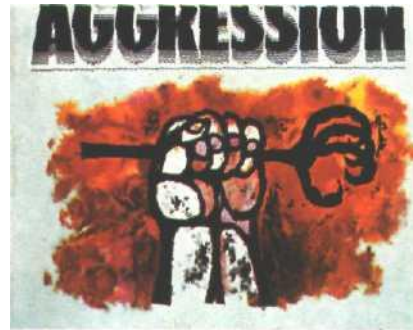
Гравюра по рисунку сделанному четыреста лет назад дает представление об охоте индейцев на аллигаторов. Так же красноречива картина охоты на лося — в руках человека только копье. Нетронутые девственные земли открылись выходцам из Европы. За безделушки покупали белые люди у местных племен меха и землю. Рисунок внизу воспроизводит продажу Манхаттана (остров центральной части нынешнего Нью-Йорка). Сделка стоила европейцам как считают теперь двадцать четыре доллара. И началось с нарастающей силой освоение континента. На Дальнем Западе еще встречаются деревянные хижины первопроходцев (снимок из штата Вайоминг). А эту арку Миссисипи в городе Сент-Луисе называют «Ворота на Запад». Монумент является символом освоения новых пространств.





ТРЕВОГА

И вот печальные результаты 'покорения земли- Натиск людей оказался смертельным для многих форм жизни. То, что сверкало, цвело, зеленело, теперь растоптано, нередко потеряно безвозвратно. Это дерево (снято в штате Вайоминг) может служить символом беспощадного наступления на природу. Человек-«победитель» охвачен тревогой. Воспроизведенные тут детали обложек книг и журналов характерны для всего, что пишут сейчас в Америке о состоянии природы. Обращают внимание на ничтожно малое время, в какое девственный континент был доведен до опасного истощения и захламления. Не есть ли это начало конца «механизированной цивилизации?» — задаются вопросом биологи, социологи и философы.



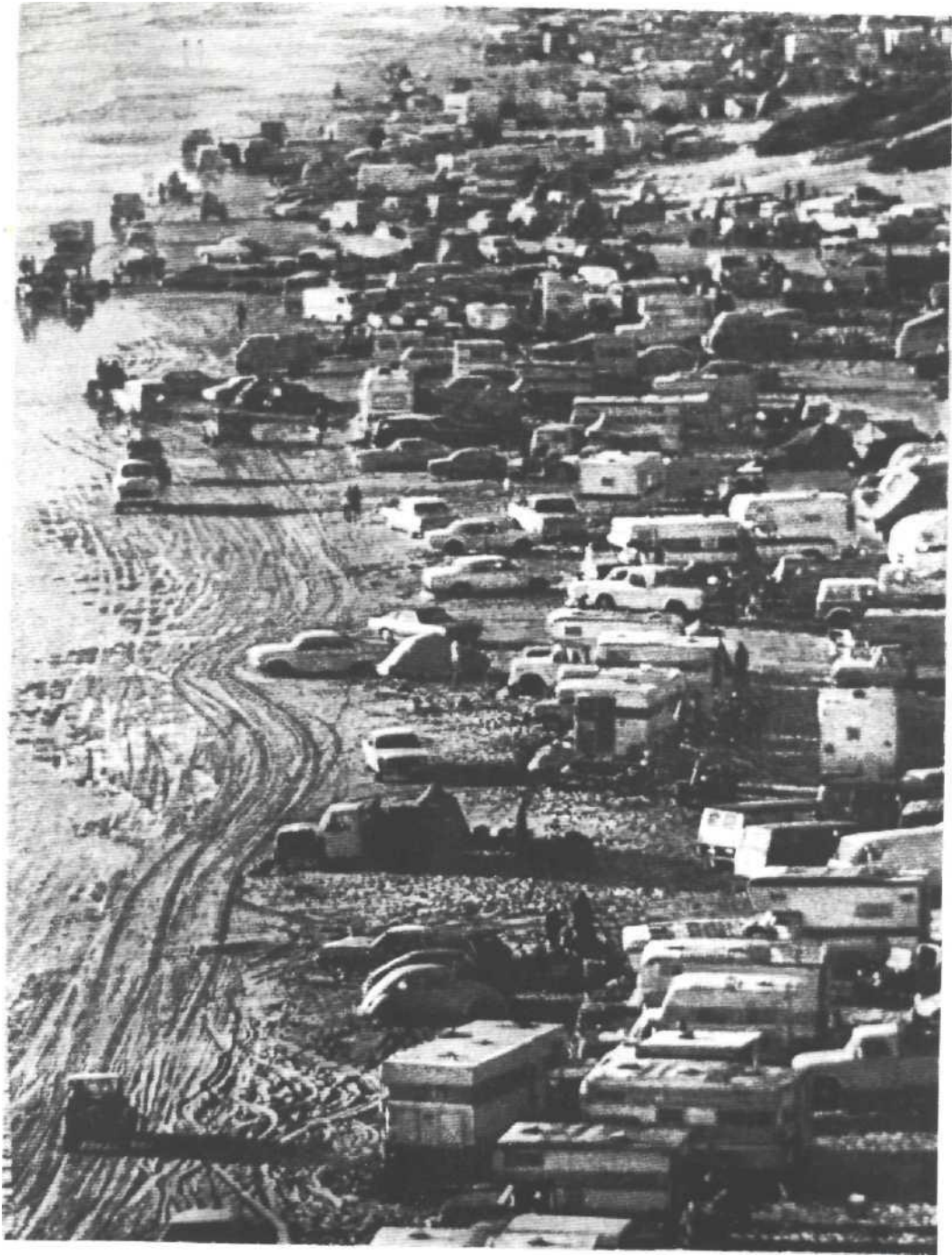
THE WORLD-FAMOUS BESTSELLER ABOUT OUR % RAVAGED ENVIRONMENT AND THE MAN-MADE POLLUTION THAT IS IMPERILING ALL LIFE ON EARTH



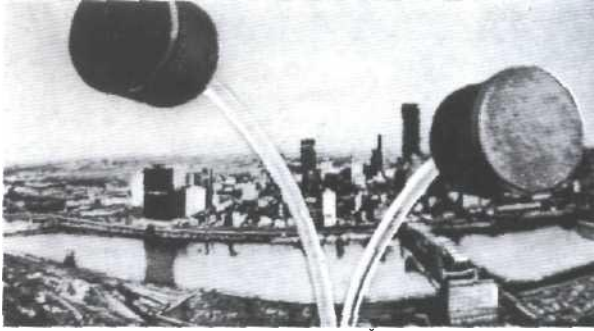
УОГНЯ.

Примеры опасного «покорения земли». Над автострадой стоит плотная пелена смога. настолько плотная, что закрывает от путника город, к которому он подъезжает. Загрязненный воздух имеет ощутимо плотный розоватый оттенок. От смога слезятся глаза, затруднено дыхание. От смога некуда спрятаться... Вот малая речка Америки. Когда-то в ней можно было купаться. Сейчас в эту воду никто не осмелится даже ступить. Жестянки, склянки, прутья железа, автомобильные шины, бетон, нечистоты и химикаты убили живой поток. Просторы морской воды тоже в опасности. Танкер, севший на мель, на многие километры загрязнил воды нефтью. А это смертельно для рыб и для птиц. Место отдыха — пляж. Место для отдыха?!









Куда деть мусор? Знаменитому монументу Нью-Йорка погребение не грозит, но снимок не лишен драматизма. По Гудзону почти непрерывно уходят баржи с городскими отбросами. С каждым годом их становится больше и больше. А между тем отбросы — это металл, резина, пластики и бумага. Устаревшее вооружение тоже обращается в мусор. Есть ли надежда, что люди вырвутся из порочного круга перемалывания ценностей природы в загрязняющие землю, воздух и воду отбросы? Считают, что есть Питтсбург — самый дымный город Соединенных Штатов — большим усилием сделали чистым. (Специальные установки следят за кондицией воздуха). Противогазы — это протест против смрада в других городах. А парящий в небе орел — надежда. Так ее представляет художник, подаривший нам этот плакат.



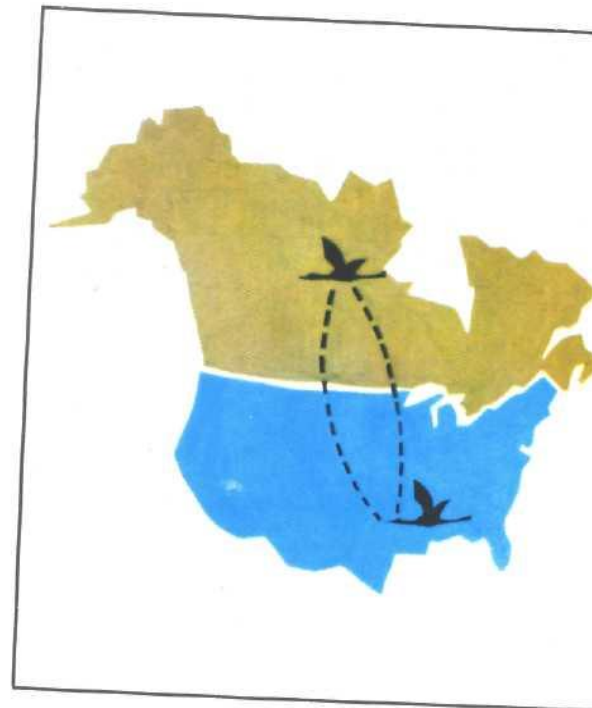


ГОЛОС СОВЕСТИ.



Женщина известная американцам не менее чем герои летавшие на Луну Ее имя Рэйчл Карсон Вдумчивый наблюдатель, философ, биолог, понимающий тонкие связи в природе талантливый публицист и мужественный человек — такой была Карсон Ее драматическая слава борца за здоровье Земли перешагнула границы Америки Эта женщина первой ударила в колокол и указала опасность, о которой мало кто знал Человеческий род гордится такими людьми На снимках слева очередная жертва химической обработки подопытные птицы для испытания ядов и знаменитый символ Соединенных Штатов, катастрофически исчезающий лысый орел

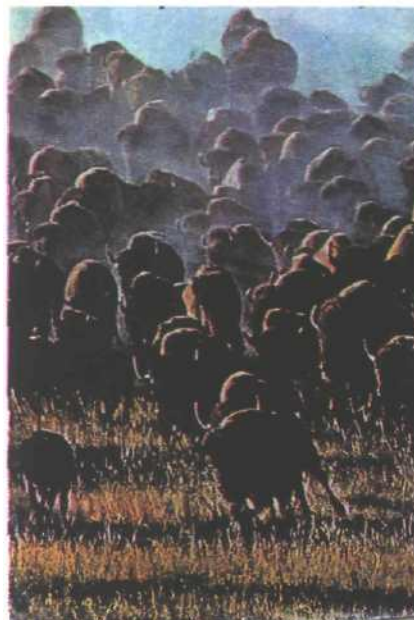
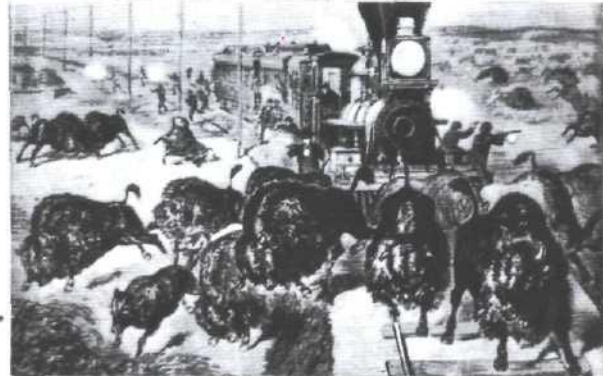
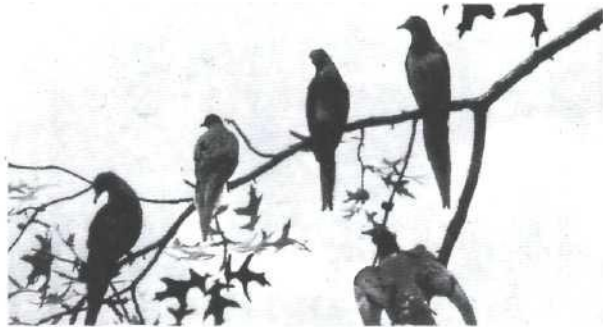




БЕЛЫЕ ЖУРАВЛИ

Те самые легендарные журавли. На карте помечен путь их миграций из тexasского заповедника к месту гнездовий в Канаде. На верхнем снимке — принимавший нас в Патуксенте доктор Реи Эрикссон с журавленком, рожденным в неволе.

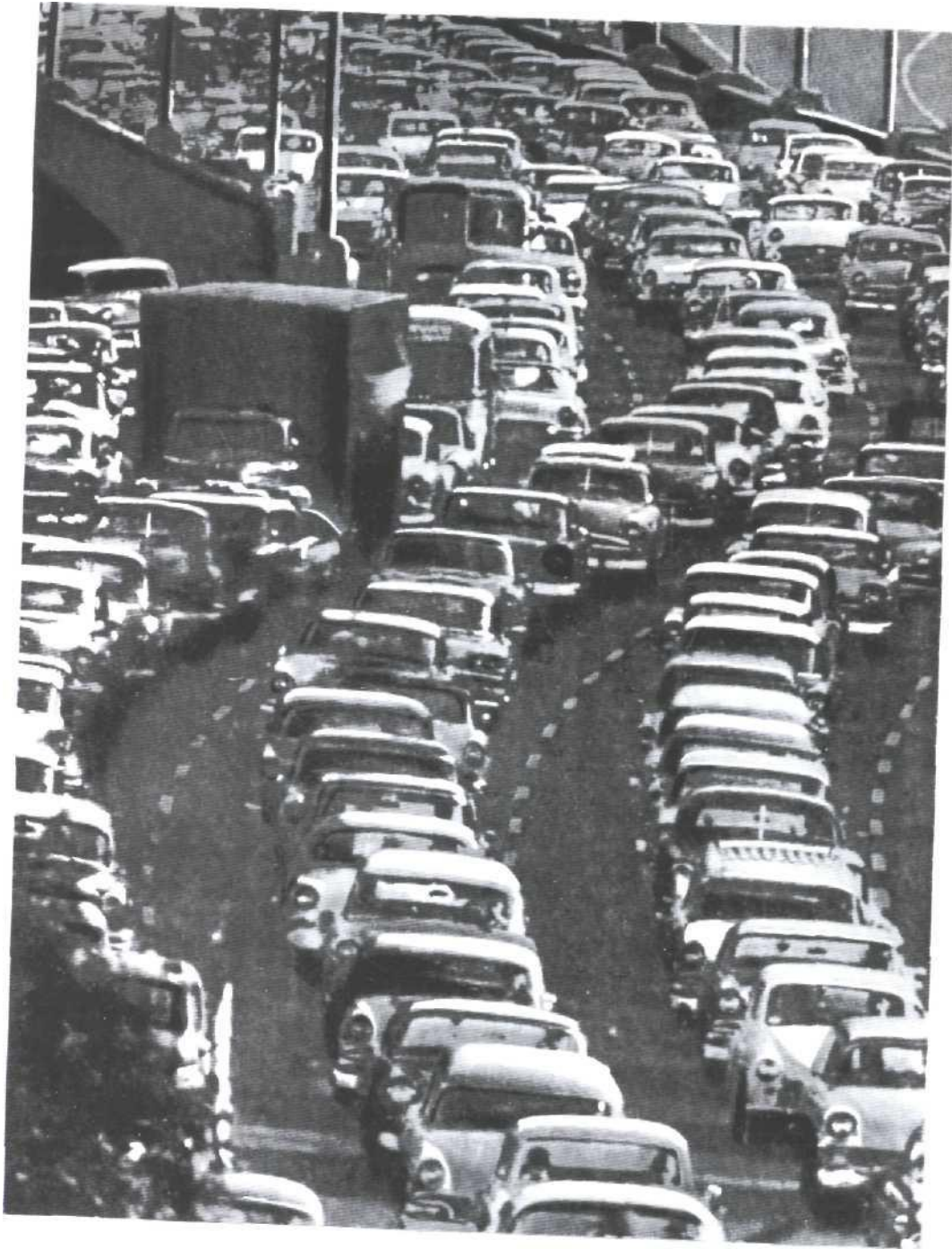




Обо всем этом в очерке вы прочитали. Вот странствующий голубь. Не так уж давно эти птицы «застилали все небо». Сейчас не осталось ни одного странствующего голубя. (Чучела мы снимали в Нью-Йоркском музее естественной истории)

Копна оленьих рогов — реклама снаряжения для охотников в городке Коди. (Городок назван по имени знаменитого рекордсмена-охотника на бизонов. Его портрет — на этой странице.) А вот как охотились на бизонов с полотна железной дороги: поезд остановился, по животным палят из окон вагонов и даже из паровозной будки. «Трофеем был только язык бизона. Остальное бросали гнить» Так в короткое время уничтожили миллионные стада животных

Старинного вида усадьба — исследовательский центр в Патуксен-те. Такие центры создаются для изучения проблемы, как сохранить остатки животных, на смену которым пришли вот такие стада из железа...





ВЕЛИКИЕ ОЗЕРА

Три старика, с которыми мы говорили Вверху — владелец полоски земли у Эри Джон Домброуз Внизу — ловец мальков для насадки Чарльз Молер В середине — видный ученый США лимнолог Артур Хекспер.

Два снимка справа — картина бедствия на озерах От избытка смытых с полей удобрений бурно растут водоросли (Сгнивая, они и поглощают в воде кислород)

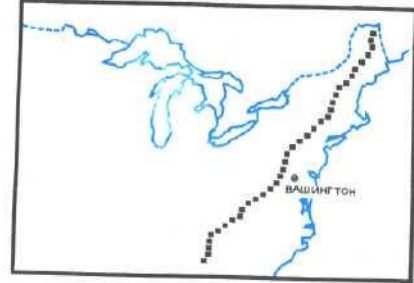
Вторая беда — промышленные загрязнения Вот так, например выглядят стоки в озеро Эри у Кливленда

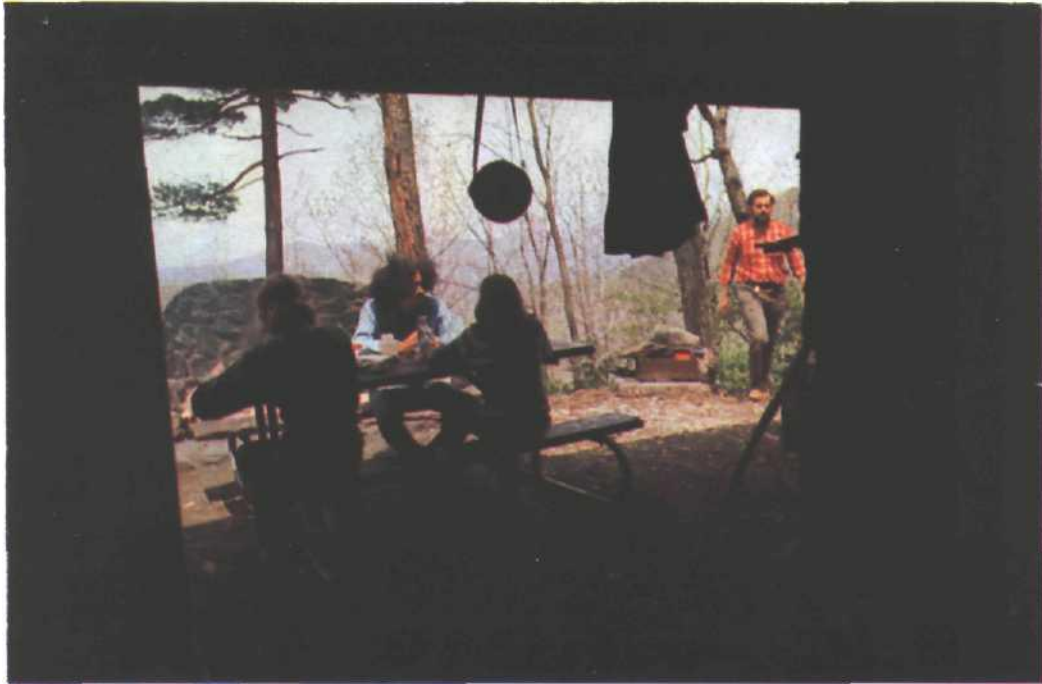




ПЕШКОМ ПО ШТАТАМ

Очерком с этим названием открывается в книге раздел о заповедных землях Америки. Пешеходная тропа в Аппалачах—один из таких заповедников. Помещенная тут карта дает представление о пути идущем по Аппалачам с северо-востока на юго-запад страны. Мы прошли по тропе лишь столько, сколько можно было пройти с утра и до ночи. На этих снимках нашивка со знаком тропы (мы получили такие нашивки на память) и прокладка маршрута. Человек с бородой — наш провожатый Джек Туи. Он член Потомакского клуба тропы, хороший ходок и хороший знаток маршрутов. Обычно Джек отдыхает на тропе с двумя сыновьями. Он показал нам все примечательные места пешеходной тропы идущей по национальному парку Шенандоа. Мы видели домики для ночлега, водопады, где можно увидеть животных. Джек показал, как обычно готовит обед и познакомил со встречными пешеходами.







Две фотографии слева сделаны на тропе. Так выглядят пешие ходяки-хаикеры и домик-приют для ночлега. Проволока и надпись, которую путешественник видит чаще всего, предупреждают не отклоняйтесь — частная собственность.

Снимки на этой странице — уже Подмосковье. Президент Потомакского клуба Аппалачской тропы Эдвард Гарвеи был в Советском Союзе с выставкой посвященной туризму. Мы встретились как друзья, были гостями журнала «Турист», а один из воскресных дней посвятили путешествию по лесам Подмосковья. Все было как и полагается в путешествии: обед у костра, беседы со встречными, фотографирование живописных мест. Стояла пора сенокоса, и на лесной поляне Гарвею представился случай доказать, что детство его прошло на ферме — граблями и вилами гость орудовал с полным знанием дела.





НИАГАРА

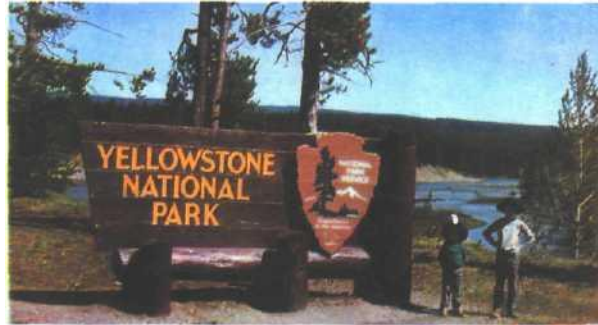
Издалеча слышишь гул этой холодной зеленоватой воды Река как можно заметить неглубока, но течение быстрое с белыми гребешками Тому, кто лопал на стремнину вблизи водопада несдобровать На случаи несчастья на берегу висят спасательные круги Над рекой все время кружат патрульные вертолеты. Площадка для наблюдения обнесена загородкой То, что вы видите — американская часть Ниагары Русло у водопада надвое делится островом Пар за мыском — это уже канадская доля зрелища Там тоже ограда у края обрыва вышка для наблюдения толпы людей Вечером водопад освещают мощные разноцветные прожекторы На маленьком снимке в н и з у — городок Ниагара-Фоле, каким он виден был из окошка нашей гостиницы



ЗЕЛЕНЬИЙ КВАДРАТ

Подъехав сюда из машины минут на десять выхоят заплатить деньги за въезд и сняться на память у внушительного щита Йеллоустонский национальный парк

И сразу же за воротами начинаются все чудеса дымки горячих ключей, желтый глубокий каньон с речкой на дне. мостки над разливом кипящей воды и мосты над холодным потоком Тут есть водопады и просторы покрытых травю болот, по которым совсем не пугаясь людей ходит лоси Тут бывают землетрясения, зимой выпадает обильный снег а летом деревья белеют от осевших солей В заповеднике собрано кажется все чем природа могла удивить человека Тут бездна цветовых сочетаний Но там где земля обнажается преобладает цвет желтый Отсюда и название места Й е л л о у с т о н — желтый камень





Все, что видят глаза в этом музее под небом трудно даже запомнить Разбирая сотен пять фотографии сделанных в парке, мы оказались в большом затруднении каким отдать предпочтение* Пояснение к снимкам Три первых мы отобрали, чтобы дать представление о красках, какие тут наблюдаешь, и о том, как работает* гейзер Снимок слева внизу — ступенчатые натечи солей Три кадра справа — сцены у гейзера Старый Верняк ожидание, действует* представление кончилось С промежутками в час большое природное шоу- повторяется И каждый сеанс извержения собирает много сотен людей Площадка у Старого Верняка — самое бойкое место в парке Ну и, конечно, немало пленки был о истрчено на медведей Нижнюю фотографию нам подарили Это свидетельство терпимости животных к близости человека тоже имеет предел Впрочем, как нам объяснили, ничего страшного в этот раз не случилось Медведь всего лишь пугнул любителя редких снимков





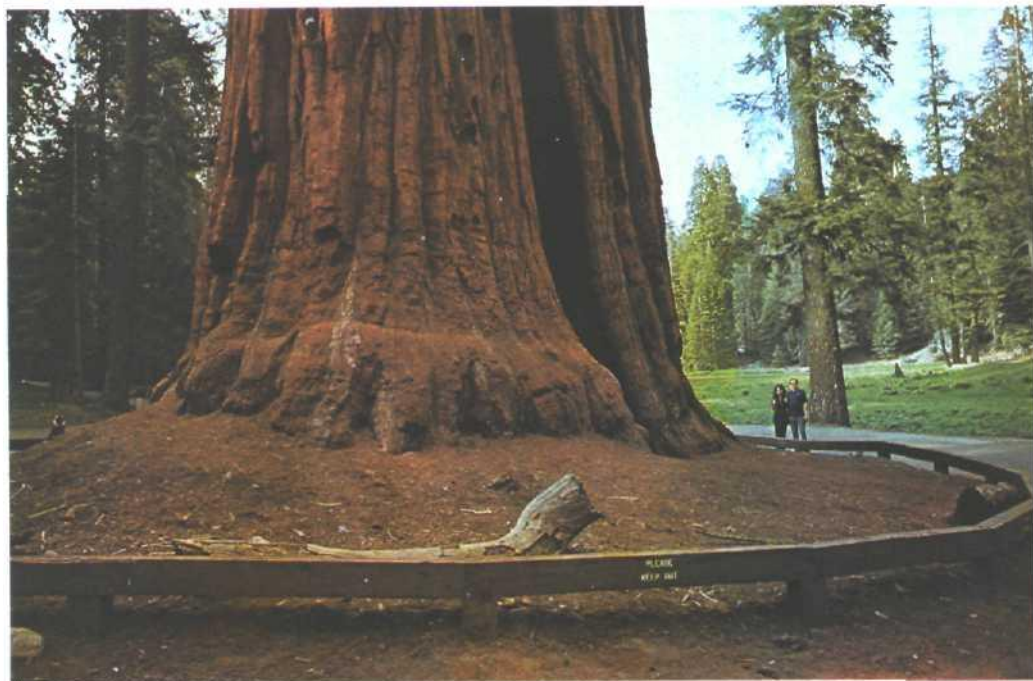
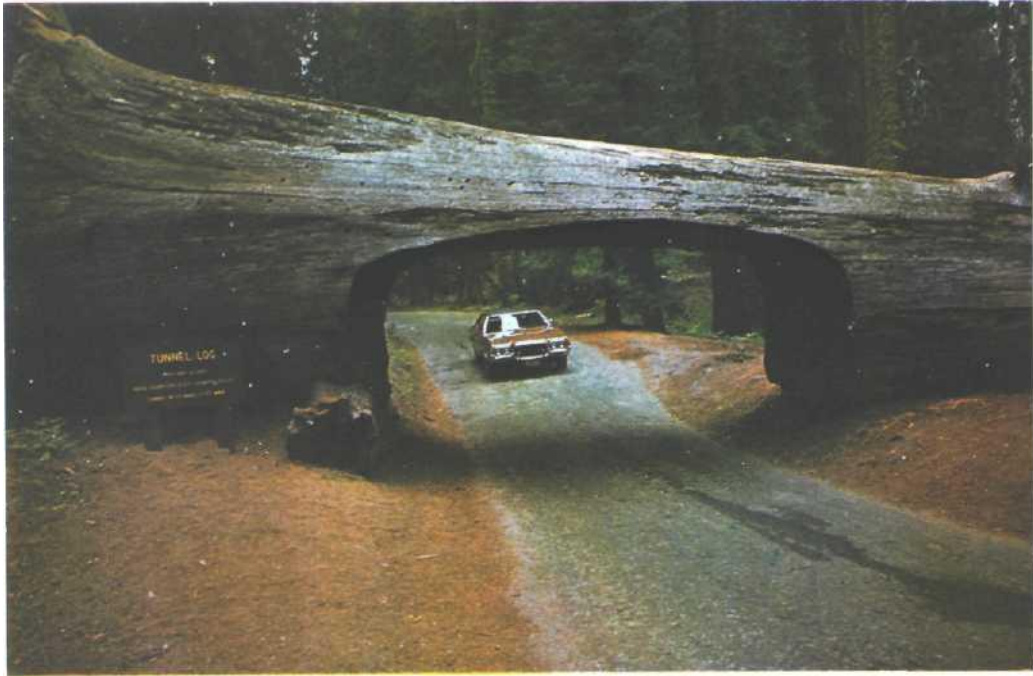
БОЛЬШИЕ ДЕРЕВЬЯ

Это секвойи. Посмотрите на нижнюю фотографию справа. Сравните фигурки людей с мощностью ствола. Есть ли еще на Земле что-либо способное вот так же поразить воображение человека. Это ведь не скала, не вулканический материал, извергнутый из земли и застывший. Это дерево. Живой организм.

Ворота в лесу — тоже секвойя. Дорогу под ней проложили нарочно, чтобы путник увидел его. Машина — всего лишь жучок рядом с телом погибшего великана. Сероватого цвета древесина мертвой секвойи похожа на камень. Как камень, она не подвержена гниению. Разрушают ее только ветер, жара, дожди и морозы.

Нижний снимок мы сделали, зайдя в дупло. Вверху — срез не очень старой секвойи. Дерево жило всего лишь 2415 лет.









КАНЬОН

Уходящая вдаль голубизна Темнота глубоких провалов
Вспоминая этот самый большой овраг на Земле сожалеешь фотографии не дано передать всего что видел и чувствовал Красота величие, необъятность Природные силы в этом разрезе земли предстают во всей своей мощи Мы подобрали снимки Каньона в разное время года Черно-белые фотографии справа — работа геодезистов и наши встречные во время спуска в Каньон раненый адвокат из Сизтла и немец Оскар Шварц с внуком и дочерью



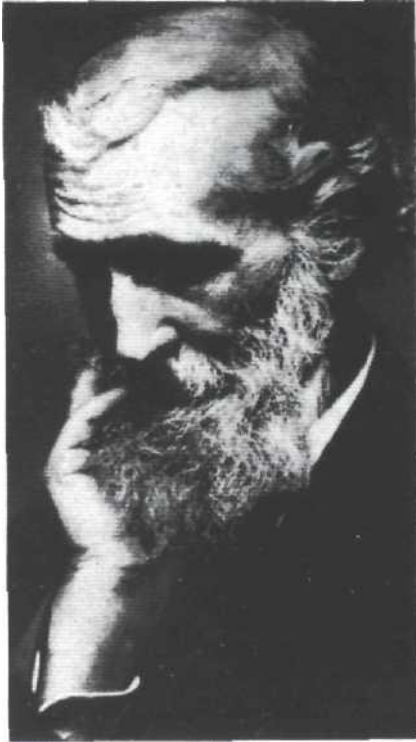
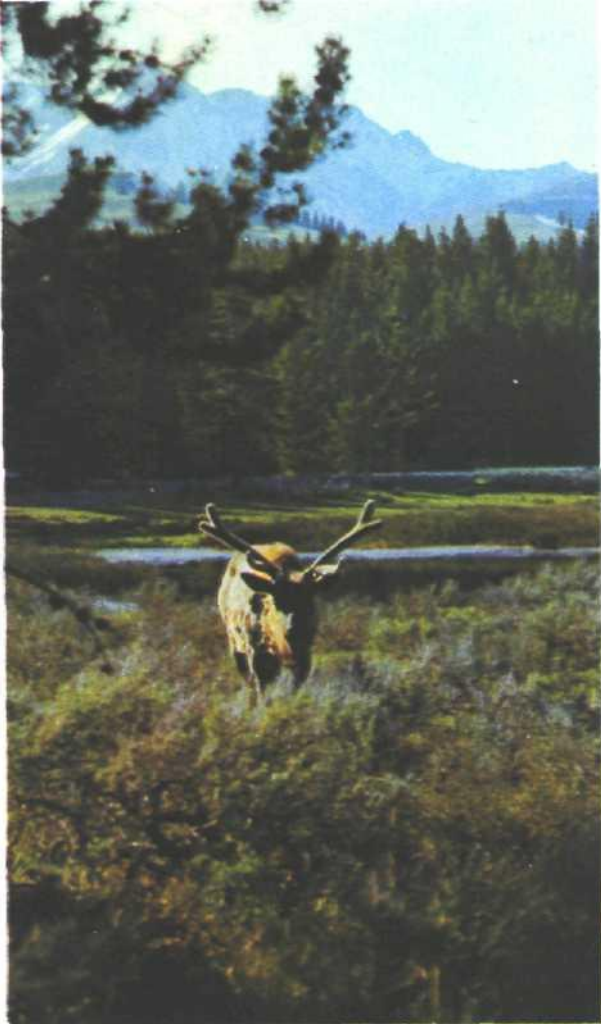
МУЗЕИ ПОД НЕБОМ

Вот так выглядят смотровые площадки в национальных парках Ставишь машину в сторону от дороги и наблюдаешь Хочешь ближе к природе — для этого есть пешеходные тропы Захотел пообедать — для этого тоже особое место столы, очаг баки для мусора стоянка автомобилей Есть в парках места для ночлега для рыбной ловли, пункты проката лодок и лошадей, мастерские ремонта автомобилей, информационный центр, служба охраны Национальные парки требуют четкой системы обслуживания посетителей Из-за большого наплыва людей сейчас вводится так называемая театрализация В парки будут пускать столько людей, сколько они способны вместить без ущерба для дикой природы





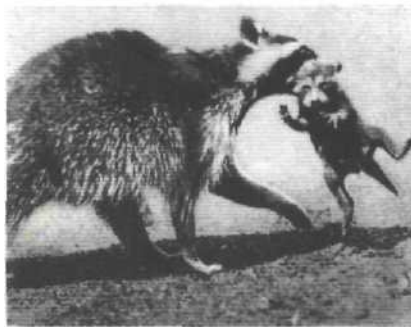
Без строгой регламентации при огромном наплыве людей природу сохранить невозможно. Только порядок и дисциплина, четкие правила и воспитанность гарантируют безопасность островкам дикой жизни. Все — от указателей на дорогах до числа людей допускаемых в парк, — должно быть продумано. На снимке внизу — знаменитый натуралист, идеолог охраны природы в Соединенных Штатах Джон Мюир. Он неустанно проповедовал здоровую духовную жизнь человека немислима без общения с природой. Джон Мюир предвидел давление человеческой деятельности на дикую жизнь и призывал «всеми средствами сохранять островки этой жизни».





УВИДЕТЬ ЗВЕРЯ

Увидеть зверя не в клетке а вольным — большая радость Шагов на десять в Йеллоустонском парке мы подошли к бизону И олень не пугаясь щелчков аппарата подпустил нас вплотную С близкого расстояния видели мы вилорогих антилоп, белок бурундуков енота, медведей. В нижнем течении Миссисипи видели ондатровые домики и самих зверьков, плывущих в зеленоватой воде тихих заводей На ф о т о г р а ф и я х с п р а в а — характерные американские животные пума, лось и енот-полоскун, уносящий своего малыша в укромное место Еноты привыкли к соседству людей живут в черте городов и поселков

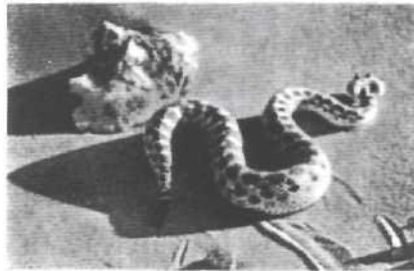


УСЛЫШАТЬ ПТИЦУ

Птиц любят И это надежное средство их уберечь. Птиц изучает Но сколько радости дают человеку простые наблюдения птиц или мимолетная встреча с таким вот красавцем названным кардиналом



Вмешательство человека в тонкие механизмы природы одних животных поставило на грань вымирания, другим помогло распространиться. Примеры: Кондор — коренная птица Америки — исчезает. Зато привезенные из Европы скворцы так расплодились, что с ними во многих штатах ведут войну. Это не мешает, однако любителям птиц строить такие вот скворечники-общежития.



КОРЕННЫЕ АМЕРИКАНЦЫ

Хорошенько их рассмотрите Это аборигены Нового Света Ассалан (белка-летяга) Опоссум (одно из древних существ на Земле) Гремучая змея Потесненный людьми но не исчезнувший скунс И наконец хорошо вам знакомая птица Сейчас ее можно увидеть во всех частях света Но родина одомашненной (не исчезнувшей и в природе) индейки — Америка Тут ее больше всего и разводят Этот снимок сделан на птичьем дворе

МУСТАНГИ.

Неопытный глаз вряд ли их отличит от обычных спокойных и покладистых лошадей Но попробуйте подойти, и вы сразу поймете это мустанги Осторожны, пугливы Одичавшие лошади пережили в Америке золотой век. когда богатейшие степи были пустынями Потом люди стали мустангов теснить на них беспощадно охотились Сейчас мустангам оставлены самые дикие, неудобные уголки, вот такие как этот в штате Вайоминг, где нам посчастливилось выследить лошадей

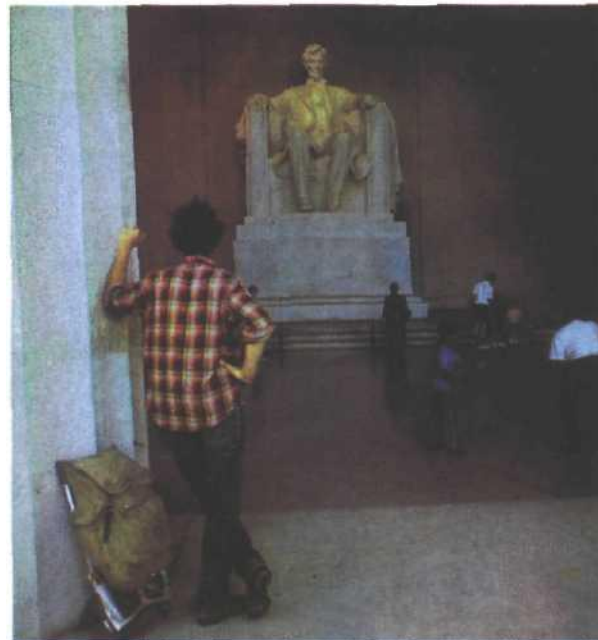
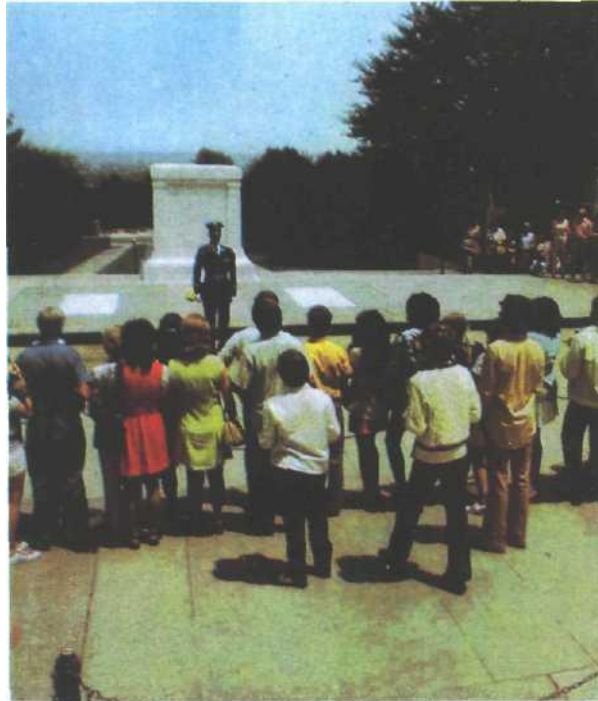
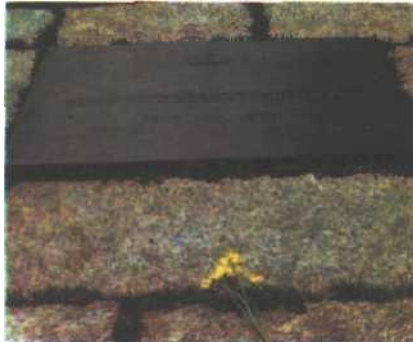
Мы поднимались с холма на холм и наконец в зеленой долине увидели маленький табунок Почувяв опасность, лошади скрылись





ГОРОД НА ПОТОМАКЕ

Картинки столицы Соединенных Штатов. Белый дом
Плита над прахом убитого президента. Церемония
караульной службы у могилы Неизвестного солдата
Впечатляющий мраморный монумент Линкольна.
Можно было бы поместить еще фотографию
Капитолия, снимки похожего на карандаш памятника
героям второй мировой войны, панораму
Арлингтонского кладбища, где зарыты многие жертвы
воины во Вьетнаме. Это все примечательные места
столицы. Тут постоянно толпятся туристы, сюда идет
каждым приезжающий и Вашингтон первый
раз. СНИМКИ СПАВА: тоже имеют отношение к
Вашингтону Вот знаменитая снятая с самолета
постройка известная всему миру под название»
Пентагон А вот ЛИЦО Пентагона.. Красноречивый не
нуждающийся в особых комментариях снимок Именно
о таких людях американский журналист писал «Они
всегда готовы послать смерть в любую точку Земли».
Но у столицы большой страны есть проблемы и у себя
дома волнения студентов, бунт черной Америки
вспышки расовой ненависти и пожары, погромы
убийства — все это Вашингтон видел на своих улицах
Но на столице лежит забота немедленно реагировать
и на все чрезвычайные ситуации где бы они ни
возникли — в Чикаго, в Детройте, в резервации
Южной Дакоты или в штатах у Миссисипи И у столицы
всегда наготове дубинка полиции бронированная
мобильность отборных армейских частей и
решимость, какую мы видим на лице вот этого
генерала







СТРАНА ДИСНЕЯ

У входа детей и взрослых встречает мышонки Микки — символ страны развлечений, созданной Уолтом Диснеем. Игрушечное веселое и остроумное царство захватывает заглянувшего сюда человека если он даже не настроен был веселиться. На нижнем снимке — центр Диснейленда — рыцарский замок. Справа — уголок развлечений с горю для альпинистов и копия парохода ходившего некогда по реке Миссисипи. Все это лишь очень малая часть огромного хорошо организованного аттракциона.

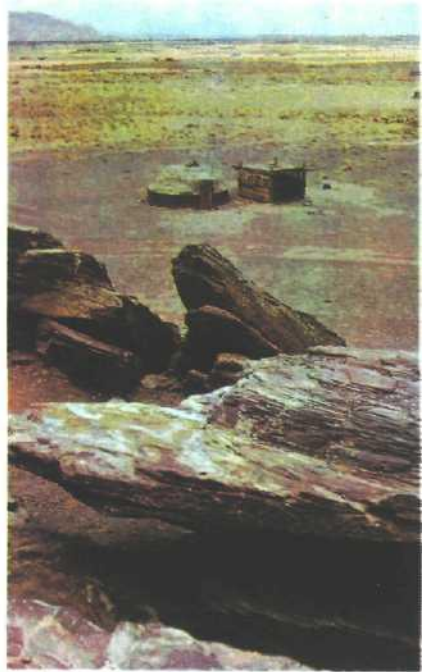


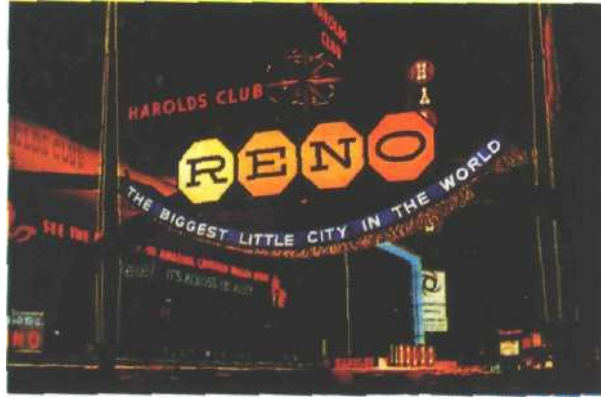


МИССИСИПИ

На покрытых туманом болотах начинается путь Миссисипи. Это равнинный север Америки, штат Миннесота. Река тут вьется прихотливым спокойным и светлым потоком. Это край тишины. Под пологом хвойных лесов тут обитает много животных: выдры, лоси, бобры, олени. Люди — переселенцы из Скандинавии — заняты охотой, рубкой леса и рыболовством. У Ла-Кросса, где мы встретились с ней первый раз, Миссисипи течет уже полноводной рекой. Берега заселены, и вода уже нечиста. Желание тут искупаться на память быстро пропало, как только один из нас ступая по скользким камням спустился в поток. Город Сент-Луис — середина пути Миссисипи. Огромный промышленный город заслонил вскормившую его реку. Принимая у Сент-Луиса свой правый приток Миссури, Миссисипи еще больше мутнеет, но набирается силы. Это уже великая Миссисипи.







ПУСТЫНЯ

Картинки пустынь в штатах Нью-Мексико Невада и Аризона Слева — пестрый индейский базар Ожидая проезжающих туристов женщины тут же шьют вяжут и нигут на нитки бусы. К вечеру мастера продавца расходятся по домишкам стоящим недалеко от базаров на раскаленной голый земле на с н и м к е с н и з у — наш встречный бродяга Слоте Говард Человек с л е в а — миллионер-невидимка Говард Хьюз Пустыню Невада зовут -империей Хьюза- Миллионеры принадлежат рудники авиалинии, игорные дома и гостиницы Огнем сверкает азартный жаркий Рино Дугой через улицу светится надпись Самый большой маленький город в мире А вот природные краски пустыни Почерневшими остовами каких-то странных построек выглядит на вечерней заре кактусы Аризона

